

А. А. Иванов

**ПРАВЫЕ В РУССКОМ ПАРЛАМЕНТЕ:
ОТ КРИЗИСА К КРАХУ
1914-1917**

А. А. ИВАНОВ

**ПРАВЫЕ
В РУССКОМ ПАРЛАМЕНТЕ:
ОТ КРИЗИСА К КРАХУ
(1914–1917)**

Москва — С.-Петербург
Альянс-Архео
2013

А. А. Иванов. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917) / Науч. ред. И. В. Алексеева. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2013. — 520 с.

ISBN 978-5-98874-079-7

Книга посвящена деятельности правых объединений законодательных учреждений Российской империи — фракции правых IV Государственной думы и правой группы Государственного совета накануне свержения монархии (1914–1917 гг.). В монографии, написанной на основе многочисленных документальных источников, парламентские структуры русских монархистов впервые исследуются комплексно как две части единого политического организма, дается развернутый анализ их взглядов и политической практики, а также происходящих внутри них процессов. В книге подробно представлены и проанализированы внешнеполитические взгляды парламентских правых, а также их отношение к важнейшим проблемам, вызванным в русском обществе Первой мировой войной. Монография также содержит богатый биографический материал, существенно расширяющий представление о лидерах правых в русском парламенте. Книга адресует историкам, политологам и самому широкому кругу читателей, интересующихся политической историей России.

Научный редактор

доктор исторических наук *И. В. Алексеева*

Рецензенты:

доктор исторических наук *А. Б. Николаев*

доктор исторических наук *И. В. Омельянюк*

доктор исторических наук *С. М. Санькова*

*Рекомендовано к публикации кафедрой русской истории
Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*

ISBN 978-5-98874-079-7

© А. А. Иванов, 2013

© ООО «Альянс-Архео», 2013

ВВЕДЕНИЕ

История правого движения в России начала XX века в последнее время все чаще обращает на себя внимание профессиональных историков. И это неудивительно, поскольку именно этому спектру политического лагеря Российской империи в плане научного исследования долгое время особенно не везло. До 1917 года эта тема привлекала внимание исключительно политиков-практиков и публицистов, за редким исключением чуждых объективности и освещавших историю правого лагеря исходя из партийных интересов; а после революции 1917 года, когда в результате жесточайшего противостояния различных общественных сил победы добилась партия большевиков, установившая вскоре свои «каноны» в освещении событий русской истории, эта «неудобная» тема и вовсе вынужденно выпала из поля зрения историков. Возвращение к ней началось лишь в начале 1990-х годов и на сегодняшний день подготовлено уже немало достойных академических работ, в которых объективно, с опорой на выверенные факты, раскрываются те или иные аспекты истории русского правого движения начала XX века. Однако лакун в истории отечественного монархического движения еще предостаточно, а без их устранения воссоздание полной и правдивой истории этого сложного явления невозможно. Одной из таких лакун, как представляется, является деятельность русских правых в парламентских учреждениях Российской империи накануне свержения монархии, устранить которую хотя бы отчасти призвана данная книга.

Как видно из названия, представленная на читательский суд работа посвящена не только прошлому русского монархического движения, но и истории отечественного парламентаризма. Ведь комплексное, охватывающее оба представительных учреждения Российской империи, исследование парламентского опыта правых в период Первой мировой войны существенно дополняет имеющиеся на сегодняшний день представления о деятельности Государственного совета и Государственной думы.

Неоднозначность трактовки в современной исторической и политической науках некоторых терминов заставляет, во избежание возможных

недоразумений, сделать ряд пояснений. Термин «правый спектр», неоднократно используемый нами в работе, с одной стороны, подразумевает совокупность наиболее консервативных политических объединений Государственного совета и Государственной думы (правой группы и фракции правых соответственно), характеризующуюся общими типовыми признаками, соответствующими термину «правые». С другой стороны, обращение к этому термину как нельзя лучше позволяет охарактеризовать то разнообразие взглядов и идейных течений (от крайне консервативных до консервативно-либеральных), которые существовали в годы Первой мировой войны в правых объединениях обеих законодательных палат.

Под термином «правый» («правые»), являющимся одним из ключевых понятий, используемых в исследовании, автор, исходя из дореволюционной политической традиции и сложившихся в целом в постсоветский период в исторической науке представлений, понимает исключительно партии и группы, отстаивавшие неограниченное царское самодержавие и исповедовавшие в качестве политического кредо уваровскую триаду в ее неизменном виде: «Православие, самодержавие, народность». Таким образом, вслед за крупнейшими специалистами в области изучения монархического движения предреволюционной России (С. А. Степановым и Ю. И. Кирьяновым) автор в рамках заявленной темы относит к правым лишь те парламентские объединения, которые самоопределялись как таковые («фракция правых», «правая группа») и стояли на более консервативных позициях, нежели объединения националистов, умеренно правых, правого центра.

Другим понятием, вызывающим неоднозначную трактовку, является термин «парламент» и его производные. Не вдаваясь в давний спор о том, являлись ли представительные учреждения Российской империи полноценным парламентом или же были самобытными политическими институтами, лишь приближавшимися к западноевропейскому пониманию этого термина, автор использует его исключительно как собирательное понятие, объединяющее Государственный совет и Государственную думу — верхнюю и нижнюю палаты законодательных учреждений дореволюционной России.

Таким образом, целью книги является комплексное исследование деятельности правого спектра российского парламента (фракции правых IV Государственной думы и правой группы Государственного совета) в 1914–1917 гг. как генетически близких политических образований.

* * *

Автор выражает чувства глубокой признательности своим коллегам, чьими советами, помощью, любезно предоставленными материалами и

поддержкой он пользовался в процессе работы над книгой: Ирине Валерьевне Алексеевой, Андрею Борисовичу Николаеву, Сергею Викторовичу Куликову, Александру Сергеевичу Пученкову, Анатолию Дмитриевичу Степанову, Дмитрию Игоревичу Стогову, Антону Владимировичу Голоднову (Санкт-Петербург); Александру Витальевичу Репникову, Дмитрию Дмитриевичу Богоявленскому, Федору Александровичу Гайде, Григорию Борисовичу Кремневу (Москва), Игорю Владимировичу Омелянчуку (Владимир), Светлане Михайловне Саньковой (Орел), Елизавете Михайловне Михайловой (Чебоксары), Александру Дмитриевичу Каплину (Харьков), Сергею Владимировичу Наумову (Жигулевск), а также сотрудникам архивов и библиотек, в которых довелось работать, за отзывчивость, помощь и доброжелательность.

Автор также очень признателен художнику Алексею Анатольевичу Шевченко, взявшему на себя бескорыстный труд оформить обложку этой книги.

Особые слова благодарности автор адресует Геннадию Александровичу и Ольге Игоревне Феклисовым (Москва), а также Владимиру Андреевичу Антонову (Екатеринбург), чья своевременная и бескорыстная материальная поддержка сделала возможным издание монографии.

Глава I

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

В связи с тем, что обстоятельный анализ исследовательской литературы, посвященной правым партиям и организациям предреволюционной России,¹ равно как и русскому консерватизму начала XX в.,² в последние годы представлен рядом серьезных и основательных работ, в рамках данной

¹ *Черемисский И. А.* Историография правомонархических организаций (1905–1920 годы) // *Непролетарские партии в России в годы буржуазно-демократических революций в период назревания социалистической революции.* М., 1982; *Кирьянов Ю. И.* 1) Обзор литературы о правых партиях и организациях в России в 1905–1917 гг. // *Правые партии. Документы и материалы: В 2 т. Т. 2. 1911–1917 / Сост. Ю. И. Кирьянов.* М., 1998. С. 724–744; 2) *Правые партии в России. 1911–1917 гг.* М., 2001; *Фоменков А. А.* Отечественная историография черносотенного движения в России // *Дискуссионные вопросы российской истории: Материалы IV межвузовской научно-практической конференции.* Арзамас, 2000; *Слесарев Ю. В.* Советская историография черносотенного и правомонархического движения в России (с октября 1917 до конца 80-х гг. XX в.) // *Актуальные проблемы исторической науки.* Пенза, 2003. Вып. 1; *Репников А. В.* Проблемы историографии правомонархического движения в России // *Российские университеты в XVIII–XX веках.* Воронеж, 2004. Вып. 7; *Богоявленский Д. Д.* Современная отечественная историография правомонархического движения в России // *Задавая вопросы прошлому...* М., 2006; *Михайлова Е. М.* Проблематика политической идеологии правомонархического движения начала XX в. в современной отечественной историографии // *Вестник Чебоксарского кооперативного института.* 2008. № 2 (2); *Карпухин Д. В.* «Черная сотня»: Вехи осмысления в России. М., 2009 и др.

² *Минаков А. Ю.* Русский консерватизм в современной российской историографии: новые подходы и тенденции изучения // *Отечественная история.* 2005. № 6. С. 133–142; *Репников А. В.* 1) Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX — начало XX веков). М., 2006; 2) Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.

книги имеет смысл коснуться лишь отдельных историографических сюжетов, принципиально важных для раскрытия заявленной темы.

Как отмечалось выше, до 1917 г. деятельность правых монархистов привлекала внимание лишь политических деятелей и публицистов как правого, так либерального и революционно-демократического направления, что неизбежно накладывало отпечаток на ее освещение. При этом работ, специально посвященных деятельности правых в Государственной думе или Государственном совете, практически не было. Редкое исключение составляют лишь публицистические работы В. И. Ленина,³ В. О. Левицкого,⁴ Г. Юрского⁵ и некоторые другие,⁶ в которых с разной степенью подробности затрагивались вопросы, связанные с деятельностью фракции правых Государственной думы (преимущественно II–III созывов) и ее отдельных депутатов. Что же касается непосредственно исследуемого в данной работе периода, захватывающего последние три года legislatures IV Государственной думы, то приходится констатировать, что аналитических работ о правых, написанных участниками или же просто современниками событий, в силу объективных причин не существует.

Правому объединению Государственного совета повезло в этом отношении еще меньше. Ни одной специальной работы, написанной в дореволюционный период, в которой бы специально рассматривалась деятельность правой группы верхней палаты, выявить не удалось. По сути, из дореволюционных работ к историографии вопроса можно отнести разве что содержащую некоторые обобщения статью представителя левой группы Государственного совета М. М. Ковалевского.⁷

В целом же, говоря о дореволюционной историографии Государственного совета, следует согласиться с А. Н. Мичуриным, отмечавшим, что

³ Ленин В. И. О черносотенстве // Полное собрание сочинений. М., 1961. Т. 24. С. 19. По своему характеру работы Ленина, посвященные монархическому движению в предреволюционной России, вне всякого сомнения, относятся к партийной публицистике. Вместе с тем следует отметить, что в результате победы партии большевиков и последующего господства коммунистической идеологии работы Ленина легли в основу методологии советской исторической науки.

⁴ Левицкий В. О. Правые партии // Общественное движение в России в начале XX в. Т. 3. Вып. 5. СПб., 1914.

⁵ Юрский Г. (Замысловский Г. Г.) Правые в Третьей Государственной Думе. Харьков, 1912.

⁶ Националисты в 3-ей Государственной Думе. СПб., 1912; Лодыгин А. «Националисты» и другие партии. СПб., 1912.

⁷ Ковалевский М. М. Спасительный тормоз или гибельная запруда? // Вестник Европы. 1914. № 4.

до 1917 г. авторы останавливались, как правило, лишь на двух аспектах его деятельности: месте и роли верхней палаты в обновленной политической системе и ее связи с использованием чрезвычайно-указного права.⁸ Поэтому история Государственного совета (как и Государственной думы) до революции интересовала преимущественно специалистов по государственному праву. Но данный раздел историографии, во-первых, не относится к исследованию истории правых объединений законодательных палат, а во-вторых, был достаточно подробно представлен в монографии В. А. Демина.⁹

Революционные события февраля 1917 г., прервавшие естественный ход работы законодательных учреждений, последовавший за ними октябрьский государственный переворот и вызванная им гражданская война создали самые неблагоприятные условия для разработки темы, хотя бы в публицистическом ключе, и работ, посвященных деятельности фракции правых в IV Государственной думе и правой группе Государственного совета, так и не появилось.

В новых условиях 1920-х — 30-х гг. сугубо негативный политический подход к теме русского монархизма и представляющих его объединений в Советской России был более чем очевиден. Его не удалось избежать даже авторам наиболее интересных исследований по проблемам политической борьбы в России в годы Первой мировой войны (например, Б. Б. Граве и В. П. Семенникову¹⁰), содержащих ценный фактический материал как о деятельности правых в Государственном совете, так и об их работе в Государственной думе. Среди таких публикаций также можно выделить вступительную статью В. Викторова к сборнику документов «Союз русского народа»,¹¹ которая, несмотря на использование в ней расхожих штампов и стереотипов, была первым обобщающим исследованием деятельности вышеназванной организации, члены которой активно участвовали в работе правой фракции IV Государственной думы и, в заметно меньшей степени, в правой группе Государственного совета.

⁸ Мичурин А. Н. Деятельность «прогрессивных групп» в Государственном совете в 1915–1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. С. 10.

⁹ Демин В. А. Верхняя палата Российской империи. 1906–1917. М., 2006. С. 6–7.

¹⁰ См.: Граве Б. Б. 1) К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. М.; Л., 1926; 2) Буржуазия накануне февральской революции. М.; Л., 1927; Монархия перед крушением 1914–1917. Из бумаг Николая II и другие документы / Под ред. В. П. Семенникова. М.; Л., 1927; Семенников В. П. Политика Романовых накануне революции. М., 1926.

¹¹ Викторов В. Вступительная статья // Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М., 1929.

Что же касается подавляющего большинства советских работ 1920-х годов, в которых догматическая сверхнегативная позиция по отношению к правым была выражена наиболее ярко, а весь правый лагерь рассматривался как однородный по своему классовому составу и враждебный всему новому и прогрессивному, то они были представлены тенденциозными публицистическими брошюрами, не имеющими, как правило, никакой научной ценности. Как написанные на более высоком уровне, можно выделить следующие работы 1930-х гг. — сборник статей М. Н. Покровского¹² и фундаментальный коллективный пятитомный труд по истории гражданской войны в России (первый том которого посвящен периоду Первой мировой войны),¹³ на долгие годы ставший классикой советской исторической науки. В целом же следует признать, что для периода 1920–1930-х гг., с одной стороны, в связи со сменой государственного и общественного устройства было характерно заметное расширение тематики исследования (в том числе благодаря рассекречиванию ранее закрытых источников), но с другой — заметно сужеными оказались методологические подходы, поскольку официальная идеология, требовавшая от исследователя обличительства всех политических противников большевиков, стала неотъемлемой частью исторических работ того времени.

Вместе с тем в указанный период, пусть и не специально, деятельность русских правых в законодательных учреждениях предреволюционных лет была обзорно, с акцентом на отдельные яркие события представлена в исторических работах русских эмигрантов. Среди них стоит выделить заказанную в середине 1920-х гг. Высшим монархическим советом (который возглавлял бывший лидер фракции правых Н. Е. Марков) книгу С. С. Ольденбурга «Царствование императора Николая II». Вышедшая впервые в 1940-е годы (первый том в Белграде в 1940 г., второй в Мюнхене в 1949 г.), книга Ольденбурга выдержала несколько переизданий как в русском зарубежье, так и в постсоветской России, по сей день справедливо считаясь одним из лучших трудов, посвященных этой эпохе. Охватывая весь период последнего царствования, книга Ольденбурга впервые затронула некоторые кризисные процессы, происходившие в Государственной думе и Государственном совете, а также в обзорной форме дала представление о содержании записок и наиболее значительных выступлений лидеров русских правых в стенах законодательных палат в 1914–1917 гг. (П. Н. Дурново, Н. А. Макалова, Н. Е. Маркова, В. М. Пуришкевича).

¹² См.: *Покровский М. Н.* Империалистическая война. Сборник статей. 1915–1927. М., 1934.

¹³ См.: *История гражданской войны в СССР.* Подготовка Великой пролетарской революции (от начала войны до начала Октября 1917 г.). М., 1938. Т. 1.

Второй эмигрантской работой, также затрагивающей интересующие нас аспекты, стал труд И. П. Якобия,¹⁴ первое издание которого увидело свет в 1931 г. на французском языке, а в 1938 г. было переиздано на русском. В современной России книга выдержала два переиздания (2005, 2010). Представляя собой полемическую работу о причинах революции в России, исследование Якобия некоторое внимание уделяет и деятельности правых в Государственной думе накануне крушения монархии. Однако, как и в случае с книгой С. С. Ольденбурга, данная работа дает самое общее представление о кризисных процессах, происходивших внутри правых групп в годы Первой мировой войны.

Работы С. С. Ольденбурга и И. П. Якобия, с одной стороны, отличает, несомненно, более высокий качественный уровень, нежели у публикаций, посвященных аналогичной теме, вышедших в СССР в 1930-е гг., а с другой, они так же, как и работы советских историков и публицистов 1920-х — 1930-х гг., не являются беспристрастно академическими и носят скорее обзорный, научно-популярный характер. В целом же эмигрантская историография не оставила примечательных трудов по проблематике исследования.

В 1940-е — 1960-е гг. тема практически выпала из исследовательских разработок. В эти годы жесткого идеологического диктата работ, посвященных отдельным аспектам истории Государственного совета и Государственной думы, было крайне мало, а исследований, затрагивающих историю их правых объединений, не было вовсе. Среди немногочисленных печатных работ этого периода можно выделить статью А. Я. Грунта, которая в незначительной степени рассматривала отношение правой фракции IV Государственной думы к образованию оппозиционного Прогрессивного блока,¹⁵ публикацию Е. Д. Черменского, в которой анализировалась выборная кампания в IV Государственную думу, включая и отношение к ней крайне правых,¹⁶ и статью Б. М. Кочакова, которая была посвящена проблемам источниковедческого анализа документации Государственного совета.¹⁷ Наиболее же масштабный труд по истории думской монархии,

¹⁴ *Якобий И. П.* Император Николай II и революция // *Фомин С. В.* «Боролись за власть генералы... и лишь император молился». М.; СПб., 2005.

¹⁵ *Грунт А. Я.* Прогрессивный блок // *Вопросы истории.* 1945. № 3–4. С. 108–117.

¹⁶ *Черменский Е. Д.* Выборы в IV Государственную думу // *Вопросы истории.* 1947. № 4. С. 21–40.

¹⁷ *Кочаков Б. М.* Государственный совет и его архивные материалы // *Ученые записки ЛГУ. Серия «Исторические науки».* 1941. Вып. 8. С. 75–104.

затрагивающий проблему борьбы классов и партий в IV Государственной думе, так и не был опубликован.¹⁸

Возвращение к исследованию деятельности законодательных учреждений Российской империи в целом и связанных с ней сюжетов началось лишь в 1960-х гг. Однако в подавляющем большинстве случаев, когда речь заходила об истории тех или иных политических сил предреволюционной России, в указанные годы преобладало не столько изучение их партийных или иных структур, сколько аспект борьбы партии большевиков против всевозможных проявлений реакции. Те же немногочисленные работы, в которых правым партиям, союзам и другим объединениям было уделено особое внимание, были посвящены отнюдь не последним годам их существования, а периоду расцвета, т. е. революционным событиям 1905–1907 гг.¹⁹ О последующих периодах деятельности правых упоминалось лишь вскользь, причем их работа в Государственной думе и Государственном совете сводилась лишь к политике скандалов и обструкции, что едва ли было справедливым.

Вместе с тем во второй половине 1960-х — конце 1980-х появляется ряд крупных работ советских историков, посвященных истории борьбы различных политических сил, в том числе и их деятельности в IV Государственной думе и Государственном совете. Среди них в первую очередь следует отметить работы А. Я. Авреха,²⁰ В. С. Дякина,²¹ А. Г. Слонимского,²²

¹⁸ Черменский Е. Д. Борьба классов и партий в IV Государственной думе: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1947. Данные приводятся по: Аврех А. Я. Царизм и IV Дума. 1912–1914 гг. М., 1981. С. 17.

¹⁹ Подробнее см.: Степанов С. А. Историография черносотенных союзов и организаций // Первая российская революция 1905–1907 годов. Обзор советской и зарубежной литературы. М., 1991; Иерусалимский Ю. Ю., Кокорина Е. А. Историография черносотенно-монархического движения в 1905–1907 гг. // Вестник МГУ. Серия 8 (История). 1994. № 3.

²⁰ Аврех А. Я. 1) Царизм и IV Дума 1912–1914 гг. М., 1981; 2) Распад третьиюньской системы. М., 1985; 3) Царизм накануне свержения. М., 1989.

²¹ Дякин В. С. 1) Первая мировая война и меры по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война. М., 1968; 2) Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967.

²² Слонимский А. Г. Катастрофа русского либерализма: Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 года. Душанбе, 1975. В отношении работы Слонимского необходимо отметить, что в ней, по сравнению с другими исследованиями, правым уделяется наибольшее внимание. Но, во-первых, в монографии, посвященной Прогрессивному блоку, он почему-то исследуется не с момента зарождения (1915 г.), а лишь с 1916 г., а, во-вторых, в отношении правых в работе были допущены досадные неточности. Так, председателем фракции правых автор называет Б. Н. Лелявского, который никогда этой должности не занимал (с. 474).

Ю. Б. Соловьева,²³ Л. М. Спирина,²⁴ В. И. Старцева,²⁵ Е. Д. Черменского²⁶ и некоторых других, в которых глубоко и основательно рассматриваются вопросы, связанные с деятельностью царского правительства, буржуазии и отчасти правых в годы Первой мировой войны и революции. Однако и в этих трудах большее внимание отводится исследованию противостояния либеральной буржуазии и царского правительства, нежели защитникам этого правительства и его критикам справа. Нельзя также не отметить, что даже в лучших работах советского периода, содержащих значительный фактический материал о правых в IV Государственной думе и Государственном совете, равно как и новые оценки их деятельности, превалировали ленинские аксиомы, относящиеся к черносотенцам чуть ли не все большинство Думы и Совета (собственно правых, националистов и октябристов),²⁷ в связи с чем все объединения законодательных учреждений, стоящие правее кадетской партии, рассматривались зачастую как принадлежащие к единому реакционному лагерю, «фракции камарильи».²⁸ В этом плане показательна полемика между В. С. Дякиным и А. Я. Аврехом, принципиально по-разному смотревшими на правый лагерь предреволюционной поры. Если Дякин одним из первых указал на существенные отличия между сторонниками политики П. А. Столыпина — русскими националистами и собственно правыми (черносотенцами),²⁹ подчеркивая генетическую близость националистов и октябристов, то Аврех, объединяя весь правый лагерь,³⁰

²³ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914. Л., 1990.

²⁴ Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX — 1920 гг.). М., 1977.

²⁵ Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977.

²⁶ Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.

²⁷ См., напр.: Ленин В. И. Кого выбирать в Государственную думу? // Полн. собр. соч. М., 1972. Т. 14. С. 132.

²⁸ Более подробное освещение трактовок советскими историками деятельности правых в Государственной думе см.: Карпухин Д. В. Историография думской тактики черносотенных союзов и организаций // Карпухин Д. В. «Черная сотня»: Вехи осмысления в России. М., 2009. С. 287–295.

²⁹ Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С. 221. По оценке В. С. Дякина, «в годы реакции правые ожесточенно возражали против утверждений о наступившем якобы успокоении» и выступали против либеральных реформ, в то время как «в выступлениях националистов и октябристов центральное место занимали предупреждения о возможности реформ ради предотвращения революции» (Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. С. 95).

³⁰ Уделив правым целую главу в монографии «Царизм и IV Дума» (с. 224–286), А. Я. Аврех ввел в научный оборот немало ценных источников, однако, в целом взгляд

считал, что между националистами и правыми не было каких-либо подлинно идейных, программных разногласий.³¹ В свете новейших авторитетных исследований по данной проблематике, несомненно, следует признать правоту и большую точность наблюдений В. С. Дякина.

В целом же, несмотря на указанную специфику научных работ эпох «оттепели» и «застоя», следует констатировать, что исследователям удалось существенно расширить представление о деятельности правых в интересующий нас период и конкретизировать ряд моментов, в том числе касающихся их деятельности в законодательных учреждениях.

В 1988 г., в условиях большей свободы научного поиска вышел труд М. Ф. Флоринского,³² ставший первой научной работой, в которой рассматривался кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. И хотя это исследование непосредственно посвящено деятельности Совета министров, труд Флоринского весьма ценен и при раскрытии политических взглядов правой группы Государственного совета и отчасти фракции правых IV Государственной думы в 1914–1917 гг., поскольку ряд их лидеров (Н. Д. Голицын, Н. А. Маклаков, А. Ф. Трепов, А. Н. Хвостов и др.) в указанный период занимали ключевые министерские посты. Кроме того, ценность работы М. Ф. Флоринского заключается и в том, что она в значительной степени помогает раскрыть проблему взаимоотношений правых парламентских групп с правительством.

Весьма важной работой, вышедшей в годы т. н. «перестройки», является труд В. С. Васюкова.³³ Несмотря на то, что монография посвящена внешней политике Российской империи в 1916–1917 гг., ее автором значительное внимание уделено обсуждению внешнеполитических вопросов в Государственной думе, межпартийной борьбе по ним и, соответственно, взглядам на внешнеполитические вопросы правых депутатов. Несмотря на сохранившуюся тенденциозность (особенно проявляемую в отношении монархического лагеря³⁴), книга Васюкова явилась первой крупной советской

автора на монархистов отличался крайней тенденциозностью и обличительностью. В частности, характеризуя лидеров правых накануне Первой мировой войны, Аврех представляет их как «главарей в окружении отпетых негодяев» (*Аврех А. Я. Царизм и IV Дума. С. 229*).

³¹ *Аврех А. Я. Царизм и IV Дума. С. 29.*

³² *Флоринский М. Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. Л., 1988.*

³³ *Васюков В. С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 — февраль 1917 г. М., 1989.*

³⁴ Работа Васюкова изобилует эмоционально-уничижительными эпитетами и характеристиками правых. Так, лидеры правой фракции IV Государственной думы именуются

работой о внешней политике Российской империи, в которой правым уделалось значительное место.

Отдельного внимания при изучении деятельности правых в верхней палате российского парламента заслуживают работы Е. Э. Новиковой (Захарской). В 1983 г. ею была опубликована весьма интересная источниковедческая работа, в которой автор анализирует стенографические отчеты Государственного совета в годы Первой мировой войны.³⁵ А в 1985 г. Е. Э. Новикова защитила кандидатскую диссертацию, посвященную деятельности верхней палаты российского парламента в 1914–1917 гг.³⁶ Эта работа Новиковой стала по сути первым глубоким исследованием, в котором достаточно подробно рассматривались и анализировались процессы, происходившие в Государственном совете в годы войны, расклад политических сил и борьба групп верхней палаты. Значительное (хотя и не основное) внимание было уделено автором и правой группе Совета, деятельность которой рассматривалась в общем контексте работы «палаты лордов». Также важно отметить, что в целом труд Е. Э. Новиковой в значительно большей степени посвящен законодательной деятельности Государственного совета, а не политической борьбе его групп. Кроме того, работа Новиковой несет на себе и вполне объяснимую, но далекую от истинных принципов исторического исследования «печать времени». Так, актуальность темы своей работы исследовательница объясняет «необходимостью борьбы против буржуазной идеологии» и «активным отпором антисоветизму и антикоммунизму».³⁷ Показательна и далекая от беспристрастного академизма терминология автора, используемая в отношении членов правой группы Государственного совета: «мастодонты», «ихтиозавры», «крепостники».³⁸

В контексте анализа советской историографии Государственного совета необходимо обратить внимание на распространенную неточность, «гугляющую» из работы в работу. В ряде научных исследований и справочных

автором «главарями», разжигающими «шовинистические страсти»; их суждения уничтожительно именуется «мыслями» (в кавычках), они не говорят, а «ворчат», «орут» и т. д. См.: *Васюков В. С.* Внешняя политика России... С. 35–36, 79 и др.

³⁵ *Захарская Е. Э.* Стенографические отчеты Государственного совета (июль 1914 — февраль 1917 гг.) // *Историография и источники истории государственных учреждений и общественных организаций СССР*. М., 1983.

³⁶ *Новикова Е. Э.* Государственный совет в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг. (из истории кризиса «верхов» накануне буржуазно-демократической революции): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.

³⁷ *Новикова Е. Э.* Государственный совет в годы Первой мировой войны...: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. С. 2.

³⁸ Там же. С. 19 и др.

изданий,³⁹ посвященных верхней палате российских законодательных учреждений, встречается упоминание о книге Е. Э. Захарской «Государственный Совет в годы первой мировой войны, 1914–1917 гг. Организация, устройство, функции и состав» (М., 1983), однако в каталогах крупнейших российских библиотек (РГБ, РНБ) какое-либо упоминание о ней отсутствует. К тому же маловероятно, что Е. Э. Захарская (Новикова) успела выпустить монографию по теме своей кандидатской работы за два года до ее защиты и при этом не стала указывать ее в своем автореферате, где представлены лишь две статьи автора (1983 и 1984 гг.), заголовки которых не оставляют сомнения, что Е. Э. Захарская и Е. Э. Новикова одно и то же лицо. Вероятно, что на каком-то этапе⁴⁰ в историографии вопроса произошла путаница, и диссертация Новиковой 1985 г. «превратилась» в монографию Захарской 1983 г. В пользу этого предположения говорит то обстоятельство, что ни в одной из работ, в библиографических обзорах которых встречается упоминание монографии Захарской, постраничных ссылок на ее текст обнаружить не удалось, а в наиболее авторитетных трудах по истории Государственного совета указание на эту «книгу» отсутствует.⁴¹

В целом же, как справедливо отмечала Е. Э. Новикова в своей диссертации, внесшей, несмотря на указанные недостатки, заметный вклад в изучение правой группы верхней палаты, в работах советских историков история Государственного совета «упоминалась фрагментарно и особого значения в концепциях исследований не имела <...> [и] ни один советский историк не обратил внимание на серьезный пробел в исторической науке — неизученность политической борьбы в Государственном совете».⁴² Новикова также констатировала, что до середины 1980-х годов не появилось ни одной

³⁹ Краткая библиография: Основные исследования по истории Государственного совета Российской империи (1906–2005) / Сост. В. М. Шевырин // Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 339; *Кирьянов И. К.* Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве: Дис. ... д-ра ист. наук. Пермь, 2009. С. 48.

⁴⁰ Следует предположить, что неточность впервые появилась в библиографической публикации В. М. Шевырина (Краткая библиография: Основные исследования по истории Государственного совета Российской империи (1906–2005) // Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 339).

⁴¹ См. также: *Иванов А. А.* «Государственный совет Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия»: уточнения и дополнения // Герценовские чтения 2010. Актуальные проблемы социальных наук. Сб. научн. и учебно-метод. тр. / Сост. А. Б. Николаев. СПб., 2011. Ч. 1. С. 81–84.

⁴² *Новикова Е. Э.* Государственный совет в годы Первой мировой войны...: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. С. 3.

исследовательской работы, в которой бы подробно раскрывались принципы взаимодействия Государственного совета и Государственной думы, а также составляющих их фракций и групп.

Возможность свободного от идеологических штампов исследования темы появилась лишь в начале 1990-х гг., когда искусственные ограничения на исследование деятельности монархических организаций были сняты. В этот период были не только опубликованы ранее неизвестные документы, касающиеся русских правых, но, после длительного перерыва, появился ряд работ, посвященных их деятельности в 1914–1917 гг., среди которых особо следует отметить статьи Ю. И. Кирьянова и П. Ш. Чхартшвили, отчасти затрагивающие и некоторые моменты деятельности отдельных правых депутатов.⁴³ Авторы этих работ подошли к освещению вопроса без свойственной большинству предшествующих исследователей правомонархического движения предвзятости, освещая деятельность правых партий и их членов на основе исторических фактов, а не на базе упрощенных понятий о монархистах как «погромщиках», «мракобесах», «оголтелых черносотенцах».

Подлинным прорывом в исследовании темы стала работа С. А. Степанова, посвященная правомонархическому лагерю в 1905–1914 гг.⁴⁴ Степанов был первым, кто на монографическом уровне исследовал черносотенное движение, уделив определенное внимание деятельности правых в Государственной думе. Однако, как видно из хронологических рамок, которыми ограничил себя исследователь, период Первой мировой войны оказался им незатронутым. Правда, в 2005 г. книга С. А. Степанова была переиздана под несколько измененным названием и расширенными до 1917 г. хронологическими рамками,⁴⁵ однако раздел, посвященный фракции правых, несколько не затронул ее деятельности в 1914–1917 гг., автор ограничился преимущественно обзором работы правых депутатов в Государственной думе II–III созывов.

⁴³ См.: Кирьянов Ю. И. 1) Численность и состав правых партий в России в 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война (материалы международного colloquium). СПб., 1999; 2) Крайние правые партии и общество // Политические партии и общество в России 1914–1917 гг.: Сборник статей и документов. М., 2000; 3) Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г.: причины кризиса и краха // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997; Чхартшвили П. Ш. Черносотенцы в 1917 г. // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 133–143.

⁴⁴ Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992.

⁴⁵ Степанов С. А. Черная сотня. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2005.

В данном контексте также следует выделить диссертационное исследование О. А. Тарасова,⁴⁶ написанное в 1997 г., хронологические рамки которого охватывают исследуемый нами период. Однако, учитывая то, что автор работы стремился дать оценку правомонархическому движению в годы Первой мировой войны в целом, акцент в ней делается на низовые правые структуры, в то время как деятельность правых Думы и Совета в исследовании Тарасова практически не исследуется.

В особый историографический раздел можно выделить историческую публицистику 1990-х годов, сыгравшую немалую роль в переосмыслении русского правого движения профессиональными историками. Написанные, как правило, православными авторами, эти работы рассматривали черносотенство как исконно русское православно-патриотическое движение, ставшее закономерной и естественной реакцией на первую российскую революцию и насаждение в политической жизни России западноевропейской политической модели.⁴⁷ И хотя в большинстве из этих работ специального внимания деятельности правых объединений в Государственной думе и Государственном совете не уделяется (исключение составляет разве что книга В. В. Кожина, в которой анализируются отдельные выступления лидеров правых в Думе), тем не менее диаметрально противоположный советской историографии взгляд на правое движение заставил профессиональных историков отвечать на этот «вызов», что привело к появлению ряда глубоких исследовательских работ по теме. Основная заслуга указанных работ состоит как во введении в научный оборот новых фактов (относительно исследуемой нами темы — фактов биографического характера), ранее замалчивавшихся официальной советской историографией, так и в существенном вкладе в переосмысление сложившихся стереотипов.

Таким образом, можно констатировать, что начиная с 1990-х гг., несмотря на доминирование работ публицистического характера и сохранявшиеся отдельные идеологические отголоски историографии советского периода, наметилась тенденция глубокого и непредвзятого исследования правых организаций, союзов, партий и, как их составляющей, представительства правых в законодательных палатах (прежде всего, в Государственной думе).

⁴⁶ Тарасов О. А. Политическая деятельность национал-монархических партий и организаций России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

⁴⁷ См., напр.: Острецов В. М. 1) Черная сотня и красная сотня. М., 1991; 2) Черная сотня: Взгляд справа (О Союзе русского народа. 1905–1917). М., 1994; Кожин В. В. «Черносотенцы» и Революция (загадочные страницы истории). М., 1998; Степанов А. Д. Черная сотня: взгляд через столетие. СПб., 2000 и др.

Из новейшей историографии, посвященной собственно правому движению в России, особого внимания заслуживает монография Ю. И. Кирьянова,⁴⁸ которая хронологически продолжает предшествующую ей работу С. А. Степанова.⁴⁹ Работа Кирьянова представляет собой качественно новый этап развития историографии правого движения, поскольку освещает деятельность правых монархистов, исходя из ее внутренней логики, а не из оценок политических оппонентов. В монографии Кирьянова достаточно подробно рассматриваются программные документы правых партий, их структура, численность и состав. Немалое внимание уделено деятельности лидеров правых партий (многие из которых являлись и лидерами фракции правых Государственной думы). Целая глава исследования посвящена деятельности правых партий в годы Первой мировой войны. Однако работа представителей правых партий и союзов, а также их единомышленников в Государственной думе и Государственном совете Кирьяновым специально не рассматривается.

Другой, не менее значимой работой по истории правого движения стала фундаментальная работа И. В. Омелянчука,⁵⁰ в которой автор комплексно рассматривает историю всероссийского монархического движения от начала его зарождения до 1914 года. Но, во-первых, И. В. Омелянчук анализирует в своей работе историю партийных структур русских правых, обходя вниманием деятельность их представительств в законодательных учреждениях Российской империи,⁵¹ а во-вторых, как видно из хронологических рамок исследования, деятельность монархических партий, союзов и групп в годы Первой мировой войны вовсе не затрагивается в данной книге. Кроме того, при всех достоинствах действительно глубокой и серьезной работы И. В. Омелянчука следует обратить внимание на весьма

⁴⁸ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001.

⁴⁹ Степанов С. А. Черная сотня в России.

⁵⁰ Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2006. (Под тем же названием с незначительными текстуальными изменениями работа была переиздана в Киеве в 2007 г.). В 2006 г. исследование И. В. Омелянчука, переработанное в докторскую диссертацию, было успешно защищено в Воронеже. Учитывая это обстоятельство, а также тот факт, что в настоящее время автор является гражданином РФ и работает в одном из российских вузов, правомерно считать труды И. В. Омелянчука одновременно принадлежащими как украинской (т. е. зарубежной), так и российской историографии.

⁵¹ «В связи с тем, что правые партии и правые фракции в Государственной думе действовали достаточно независимо друг от друга, — пишет автор, — в данной работе думская деятельность монархистов не рассматривается» (Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи. С. 7–8).

спорное отнесение автором к черносотенному (крайне правому) движению Всероссийского национального союза и связанных с ним структур русских националистов. Как отмечалось в работах ряда исследователей русского правого движения,⁵² такая, традиционная для советской исторической науки схема едва ли может быть признана безупречной.

Как единый лагерь правых и националистов исследует в своей монографии и Д. И. Стогов.⁵³ Однако, как подчеркивает автор, внимание в его работе заострено на «неизвестных или малоизвестных фактах из истории монархического движения периода Первой мировой войны», в связи с чем он сознательно ограничивается поверхностным рассмотрением думской деятельности правых, «исследованием которой в течение нескольких последних лет успешно занимается петербургский историк А. А. Иванов».⁵⁴ При этом в ряде сюжетов данной монографии, связанных с деятельностью правых Думы и Совета, практически полностью воспроизведена структура и источниковая база наших предшествующих публикаций на эту тему, присутствуют многочисленные текстуальные совпадения, однако ссылки автор предпочитает давать не столько на цитируемые им публикации, сколько на использованные в них источники.

Совсем иное впечатление производит более ранняя монография Д. И. Стогова,⁵⁵ в которой автор исследует историю возникновения, состав и деятельность петербургских монархических салонов. Данная работа, посвященная неформальным организациям лидеров русских правых, существенно

⁵² Полемику по этому вопросу см.: *Омельяничук И. В.* О месте Всероссийского национального союза в партийной системе России начала XX века // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 95–104; *Иванов А. А.* Были ли русские националисты черносотенцами? (О статье И. В. Омельяничука) // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 171–175. Сходная с нашей позиция в определении русских националистов как либерально-консервативной или национал-либеральной группы («правые национал-конституционалисты»), имеющей принципиальное отличие от крайне правых, представлена в работах: *Коцюбинский Д. А.* Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001; *Санькова С. М.* Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел, 2006; *Размолodin М. Л.* О консервативной сущности черной сотни. Ярославль, 2010 (2-е изд. — 2012); *Размолodin М. Л.* О разности фундаментальных основ черносотенной и националистической доктрин в России в начале XX в. // Клио. 2011. № 2 (53). С. 153–155.

⁵³ *Стогов Д. И.* Правые политические организации в период Первой мировой войны. Проблема влияния правых на политику Николая II. Saarbrücken, 2012.

⁵⁴ Там же. С. 7.

⁵⁵ *Стогов Д. И.* Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX — начало XX века). СПб., 2007.

дополняет в ряде моментов исследование их деятельности в стенах Думы и Совета, поскольку практически все лидеры консервативных объединений законодательных палат в разное время являлись посетителями тех или иных салонов. Особого внимания в данном контексте заслуживает исследование Д. И. Стоговым кружка видного члена правой группы Государственного совета А. А. Римского-Корсакова,⁵⁶ членами которого в конце 1916 — начале 1917 гг. разрабатывались консервативные проекты выхода страны из политического кризиса.

Исследованием, посвященным внутривнутрипартийным отношениям в крупнейшей правой организации Российской империи начала XX в. — Союзе русского народа — является монография Д. Д. Богоявленского.⁵⁷ Охватывая весь период существования СРН (1905–1917), историк посвящает последние параграфы своей работы позиции, занятой членами этой монархической организации в годы Первой мировой войны. Но поскольку предметом авторского внимания являются лидеры СРН, деятельность правой группы Государственного совета не затрагивается в данной монографии вовсе, а освещение думской фракции дается преимущественно сквозь призму взглядов Н. Е. Маркова, что при раскрытии выбранной нами темы является весьма ценным, но отнюдь не исчерпывающим.

Работами, задуманными как обобщающие труды по истории русского правого движения, стали две взаимосвязанные монографии ярославского историка М. Л. Размолодина.⁵⁸ Представляющие собой серьезные историко-аналитические работы, призванные охарактеризовать и систематизировать идеологию правого лагеря России начала XX в., данные монографии затрагивают и ряд моментов, касающихся идеологических взглядов видных деятелей правой фракции Государственной думы, хотя специального рассмотрения эта тема в работах М. Л. Размолодина не получила. Однако тщательный авторский анализ взглядов «низовой» части крайне правого лагеря (черной сотни) на практически все основные проблемы, стоявшие перед российским обществом начала XX в., позволяет значительно глубже осмыслить программные постулаты правого спектра Государственного совета и Государственной думы в указанный период.

⁵⁶ *Стогов Д. И.* 1) Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда... С. 205–230; 2) Последняя попытка спасти монархию: «записки», составленные в кружке А. А. Римского-Корсакова, и их политическое значение // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: Сб. науч. ст. / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2011. С. 5–13.

⁵⁷ *Богоявленский Д. Д.* Проблема лидерства в Союзе русского народа. М., 2012.

⁵⁸ *Размолодин М. Л.* 1) О консервативной сущности черной сотни; 2) Русский вопрос в идеологии черной сотни. Ярославль, 2010.

Некоторые моменты, близкие теме нашего исследования, затронуты в диссертации М. В. Лыкосова, посвященной отражению проблем развития России в русской правой печати в 1914–1917 гг.⁵⁹ Автор рассматривает взгляды консервативных публицистов на те же вызванные войной проблемы, что поднимались правыми Государственной думы и Государственного совета в годы Первой мировой войны («немецкое засилье», взаимоотношения с союзниками, отношение к реформам и др.), что позволяет соотнести представления парламентских правых с общим направлением консервативной мысли по животрепещущим вопросам, вызванным войной. Однако, помимо ценного и интересного материала, работа Лыкосова грешит и грубыми ошибками в выводах, которые по сути перечеркивают его достижения. Так, автор приходит к абсолютно немотивированному выводу, что «специфика понимания правыми смысла войны заключалась в том, что те усматривали его в изгнании всего иностранного из русской жизни, что на практике означало пересмотр проделанной страной за последние десятилетия модернизации. Вот почему *они сразу же призвали превратить империалистическую войну в войну гражданскую*»⁶⁰ (выделено мною. — А. И.). Приписанное правым монархистам «желание» идти ленинским курсом («превратить империалистическую войну в войну гражданскую») ничем не мотивируется и может вызывать только недоумение. Впрочем, это далеко не единственная ошибка автора, на ряд других неточностей в работе Лыкосова обратил внимание А. В. Репников.⁶¹ Возражения также вызывает практическое отождествление автором таких понятий, как «национализм» и «консерватизм».

Исследованиями по смежной теме, также частично затрагивающими отдельные аспекты нашей работы, являются монографии Д. А. Коцюбинского⁶² и С. М. Саньковой,⁶³ посвященные идеологии русского национализма начала XX века и деятельности Всероссийского национального союза (ВНС), в которых в силу того, что ВНС наиболее ярко был представлен работой своих лидеров в Государственной думе III–IV созыва, авторы неизбежно обращаются к таким проблемам, как взаимоотношения и взаимодействие между фракцией русских националистов и умеренно правых и

⁵⁹ Лыкосов М. В. Проблема развития России в русской консервативной печати в годы Первой мировой войны. Июль 1914 — февраль 1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006.

⁶⁰ Там же. С. 21.

⁶¹ Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. С. 474–475.

⁶² Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия...

⁶³ Санькова С. М. Русская партия в России.

собственно фракцией правых, тем самым существенно обогащая историографию вопроса. В этом плане особый интерес для нас представляет диссертационное исследование А. В. Лопуховой,⁶⁴ специально посвященное деятельности русских националистов в Государственной думе III–IV созывов.

Из современных исследовательских работ, посвященных истории Государственного совета, как наиболее информативные в плане рассматриваемого нами аспекта — деятельности правой группы в верхней палате — следует выделить труды А. П. Бородина.⁶⁵ Одна из глав монографии Бородин посвящена деятельности политических групп реформированного Государственного совета на протяжении всех его сессий (с 1906 по 1917 г.).⁶⁶ Автором были собраны, систематизированы и проанализированы значительные материалы по истории всех групп Государственного совета (в том числе и правой), однако, поскольку работа Бородина посвящена более широкой теме — истории верхней палаты законодательных учреждений Российской империи в 1906–1917 гг., — вопросы, касающиеся собственно правых, что вполне закономерно и оправданно, не стали для историка предметом специального исследования. Отметим, что А. П. Бородину также принадлежит первая в отечественной историографии подробная и информативная статья, специально посвященная истории правой группы Государственного совета.⁶⁷ Но, во-первых, рамки статьи (даже самой подробной) изначально не предполагают исчерпывающего раскрытия темы, несомненно претендующей на отдельную, большую по объему работу, а, во-вторых, Бородин рассматривает историю правой группы на протяжении всего периода ее существования, преимущественно сосредотачиваясь на довоенном периоде и отводя исследованию ее деятельности в годы Первой мировой войны лишь несколько абзацев своей работы. Вместе с тем нельзя не признать, что на сегодняшний день работы А. П. Бородина являются наиболее полными и авторитетными трудами по истории реформированного Государственного совета.

⁶⁴ Лопухова А. В. Националисты в Государственной думе Российской империи: Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2005.

⁶⁵ Бородин А. П. 1) Государственный Совет России (1906–1917). Киров, 1999; 2) Государственный совет России. 1906–1917. (Состав и роль в истории третьиюньской монархии): Дис. ... д-ра ист. наук. Киров, 2000.

⁶⁶ Бородин А. П. Государственный Совет России (1906–1917). С. 115–169.

⁶⁷ Бородин А. П. Правая группа Государственного совета в 1906–1917 гг. // Отечественная история. 1998. № 3. С. 50–65.

Другой не менее важной работой является исследование В. А. Демина,⁶⁸ название которого отчасти перекликается с указанной выше монографией А. П. Бородина. Однако в отличие от работы Бородина, сосредоточившего свое внимание на составе Государственного совета и основных вехах деятельности его групп, Демин представил несколько иную архитектуру исследования. Монография, как бы логически продолжая более раннюю работу автора, посвященную Государственной думе,⁶⁹ акцентирует внимание на роли Государственного совета в системе органов власти «на основе всей совокупности его законодательной, финансовой и контрольной деятельности»,⁷⁰ а также на правовом статусе его членов и практике применения законов по формированию верхней палаты. Помимо этого, Деминым также подробно рассматривается идеология (в том числе и внутренние разногласия) всех политических групп Государственного совета на всем протяжении ее истории. Вместе с тем собственно правой группе в монографии посвящен один параграф, центр тяжести которого (как и в исследовании Бородина) смещен на довоенный период ее деятельности.⁷¹ Как справедливо замечает А. Н. Мичурин, «слишком широкие рамки исследования не позволяют автору (В. А. Демину. — *А. И.*) подробно остановиться на вопросах политической борьбы в Государственном совете, особенно в годы Первой мировой войны».⁷²

Весьма важной и ценной работой представляется диссертационный труд А. Н. Мичурина,⁷³ в котором автор исследует деятельность либеральных («прогрессивных») групп Государственного совета в 1915–1917 гг. Хотя объектом диссертации Мичурина является либеральная оппозиция в верхней палате, автор немалое внимание уделяет и оппонентам Прогрессивного блока справа — правой группе Государственного совета, обзорно затрагивая в своей работе основные вехи истории консервативного крыла верхней палаты в период Первой мировой войны. В 2010 г. диссертация А. Н. Мичурина была переработана в монографию, название которой

⁶⁸ Демин В. А. 1) Верхняя палата Российской империи. 1906–1917. М., 2006; 2) Государственный совет Российской империи: состав, полномочия, структура, механизм функционирования (1906–1917 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007.

⁶⁹ Демин В. А. Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996.

⁷⁰ Демин В. А. Верхняя палата Российской империи. С. 13.

⁷¹ Там же. С. 146–170.

⁷² Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете в годы Первой мировой войны. СПб., 2010. С. 12.

⁷³ Мичурин А. Н. Деятельность «прогрессивных групп» в Государственном совете в 1915–1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998.

претендует на более широкую трактовку темы — «Политическая борьба в Государственном совете в годы Первой мировой войны»,⁷⁴ однако лейтмотивом работы по-прежнему осталась деятельность и идеология оппозиционных групп верхней палаты в 1915–1917 гг. (нижняя дата обусловлена автором тем, что он рассматривает их деятельность не с начала Первой мировой войны, а с разразившегося весной 1915 г. общественно-политического кризиса). Но нельзя не отметить, что политическая позиция правых верхней палаты представлена в работе А. Н. Мичурина хоть и обзорно, но вполне объективно и содержательно. Также следует указать и на статью А. Н. Мичурина, посвященную ситуации, сложившейся в верхней палате в 1917 г.⁷⁵

Истории Государственного совета также посвящены работы И. В. Мальцевой⁷⁶ и Е. А. Юртаевой.⁷⁷ Однако специфика этих исследований (в первой история верхней палаты рассматривается через призму правоведения, а во второй — предпринимается попытка⁷⁸ подробного и полного изложения функционирования верхней палаты как законодательного института) делает их малоинформативными при раскрытии политической деятельности правой группы Государственного совета в годы Первой мировой войны. В этом же ряду следует отметить докторскую диссертацию А. П. Дегтярева,⁷⁹ посвященную деятельности верхней палаты в области бюджетного финансирования и правового обеспечения строительства вооруженных сил. Но учитывая узкую специализацию данного исследования, а также широту охватываемого автором периода (1810–1917 гг.), указанная работа оказывается малополезной при раскрытии заявленной нами темы.

Значительное внимание взглядам правых на союзников и противников России по войне уделяется в работах, посвященных истории российской

⁷⁴ Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете в годы Первой мировой войны.

⁷⁵ Мичурин А. Н. Государственный совет в 1917 году // 80 лет революции 1917 г. в России: Республиканская науч. конференция. Санкт-Петербург. 11–12 марта 1997 г.: Тезисы докладов и сообщений / Под ред. Г. Л. Соболева, В. И. Старцева. СПб., 1997.

⁷⁶ Мальцева И. В. Государственный совет Российской империи в структуре монархической власти: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996.

⁷⁷ Юртаева Е. А. Государственный совет России (1906–1917). М., 2001.

⁷⁸ По оценке В. А. Демина, Е. А. Юртаевой не удалось в полной мере справиться с поставленной задачей, с чем вполне можно согласиться. См.: Демин В. А. Верхняя палата Российской империи. С. 11.

⁷⁹ Дегтярев А. П. Деятельность Государственного совета России в области бюджетного финансирования и правового обеспечения строительства вооруженных сил (1810–1917 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005.

внешней политики. В коллективной пятитомной монографии «История внешней политики России» заключительный том содержит специальный раздел о внешнеполитических взглядах русских правых, которые в целом представлены достаточно корректно и объективно.⁸⁰ Этой же проблематике посвящена и кандидатская диссертация В. Ю. Белянкиной,⁸¹ которая значительно подробнее рассматривает внешнеполитические взгляды русских правых, нежели ее предшественники. Однако в рамках поднятой нами темы труд Белянкиной может иметь лишь вспомогательное значение, поскольку автор исследовала лишь довоенную внешнеполитическую доктрину русских правых, во многом скорректированную в годы Первой мировой войны.

Хронологически совпадают с темой нашего исследования основательные труды М. А. Бибина, С. В. Куликова и И. Г. Соболева.

В работах М. А. Бибина⁸² исследуется деятельность организации объединенного дворянства в годы Первой мировой войны. Хотя, на первый взгляд, исследования Бибина имеют косвенное отношение к затронутой нами проблематике, на деле это не так. Учитывая, что среди лидеров фракции правых IV Государственной думы и особенно правой группы Государственного совета было немало лиц, являвшихся членами дворянской организации, работы Бибина вносят ряд ценных дополнений и уточнений в представление об их политических взглядах. Кроме того, важно отметить, что в своей монографии и докторской диссертации Бибин постоянно обращается к деятельности правых законодательных палат (особенно правой группе Государственного совета), считая, что Постоянный совет объединенного дворянства являлся руководящим органом правых объединений Думы и Гос. совета.⁸³ Однако данный тезис, как и убежденность автора в руководящей роли Постоянного совета Объединенного дворянства в правом движении, представляются, на наш взгляд, весьма спорными (подробнее см.: глава III, § 4). Тем не менее нельзя отрицать, что работы М. А. Бибина вносят существенный

⁸⁰ *Урибес-Санчес Э.* Внешнеполитические взгляды правых // История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1999.

⁸¹ *Белянкина В. Ю.* Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века. (1905–1914 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2005.

⁸² *Бибин М. А.* 1) Крушение организации объединенного дворянства. 1914–1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981; 2) Дворянство накануне падения царизма в России. Саранск, 2000; 3) Совет объединенного дворянства в период Первой мировой войны: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2002 и др.

⁸³ *Бибин М. А.* Совет объединенного дворянства в период Первой мировой войны: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. С. 40.

вклад в историографию темы, способствуя лучшему пониманию внепарламентской деятельности правых парламентариев.

Работа С. В. Куликова,⁸⁴ посвященная бюрократической элите Российской империи в 1914–1917 гг., также представляет большую научную ценность. Комплексно рассматривая роль высшей царской бюрократии в предыстории падения старого порядка сквозь призму «элитистской парадигмы»,⁸⁵ автор детально изучает политические взгляды сановников, среди которых было немало членов правой группы Государственного совета. Кроме того, хотя думские депутаты под определение «бюрократическая элита» и не попадают, тем не менее указанная работа также содержит ценную информацию относительно внедумской деятельности отдельных депутатов фракции правых (например, А. Н. Хвостова и В. М. Пуришкевича). Таким образом, труд С. В. Куликова, не являясь специально посвященным проблеме деятельности правых объединений законодательных учреждений Российской империи, весьма ценен при изучении последних.

Исследования И. Г. Соболева, посвященные проблеме борьбы с «немецким засильем» в годы Первой мировой войны,⁸⁶ также представляют большой интерес в связи с тем, что данный постулат был одним из главных пунктов «военной» программы правых.

Содержательна и интересна монография К. А. Соловьева, посвященная механизмам взаимодействия законодательной и исполнительной власти в России.⁸⁷ Хотя ее хронологические рамки охватывают лишь предвоенный период (1906–1914), тем не менее, благодаря ценной информации, касающейся неформальных контактов представителей правых объединений Государственной думы и Государственного совета с правительством, исследование К. А. Соловьева весьма ценно и для понимания сходных процессов, происходивших в годы Первой мировой войны.

Особо необходимо выделить труды И. В. Алексеевой, охватывающие политическую историю последнего десятилетия Российской империи и непосредственно Первой мировой войны.⁸⁸ Во второй части последней

⁸⁴ Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.

⁸⁵ Там же. С. 9.

⁸⁶ Соболев И. Г. 1) Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004; 2) Борьба с «немецким засильем» и политические партии России (1914–1917) // Политические партии России: прошлое и настоящее: Сб. ст. СПб., 2005.

⁸⁷ Соловьев К. А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011.

⁸⁸ Алексеева И. В. 1) Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. Л., 1990; 2) Оппозиция Его Величества: Дума, царизм и союзники России

монографии И. В. Алексеевой,⁸⁹ посвященной взаимоотношению власти, Государственной думы и союзников России по Антанте, рассматривается период Первой мировой войны, и в рамках заявленной автором темы немалое внимание уделено аспекту политического противоборства в законодательных палатах правых и либералов. Не являясь специальной работой по истории представительства правых в Государственной думе и Государственном совете, монография И. В. Алексеевой вносит заметный вклад в изучение данной темы. В этом плане также заслуживает внимания и другая публикация того же автора, посвященная «военным сессиям» IV Государственной думы.⁹⁰

Среди крупных современных исследовательских работ, посвященных деятельности Государственной думы, необходимо также отметить публикации А. Б. Николаева.⁹¹ Его монографии посвящены истории Государственной думы в дни Февральской революции, но в них также содержится немало ценного материала по отдельным депутатам фракции правых и членам правой группы Государственного совета, их позиции и поступков в первые дни государственного переворота. Особо следует выделить и более раннюю работу А. Б. Николаева, подготовленную им в соавторстве с О. А. Поливановым,⁹² посвященную парламентской элите России в 1912–1917 гг., которая вносит заметный вклад в историю отечественного парламентаризма предреволюционного периода. Следует обратить внимание и на публикации А. Б. Николаева, специально посвященные истории фракции правых IV Государственной думы⁹³ и вносящие значительные уточнения в историю

по Антанте в эпоху П. А. Столыпина, 1907–1911 гг. СПб., 2004; 3) Последнее десятилетие Российской империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте. 1907–1917 годы. СПб.; М., 2009.

⁸⁹ Алексеева И. В. Последнее десятилетие Российской империи.

⁹⁰ Алексеева И. В. «Военные» сессии IV Государственной думы (июль 1914 — начало 1917 г.) // Таврические чтения 2007: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века. Научно-практический семинар, С.-Петербург, Таврический дворец, 11 декабря 2007 г. Сб. научн. ст. / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2008.

⁹¹ Николаев А. Б. 1) Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002; 2) Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года: Монография. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2005.

⁹² Николаев А. Б., Поливанов О. А. Парламентская элита России в 1912–1917 гг. // Из глубины времен. 1994. Вып. 3. С. 57–66.

⁹³ Николаев А. Б. 1) К вопросу о составе фракции правых IV Государственной думы (ноябрь 1916 — февраль 1917 г.) // 100 лет Российского парламентаризма: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции (г. Нижний Новгород, 7 апреля 2006 г.) / Под общ. ред. О. А. Колобова. Н. Новгород, 2006; 2) Из истории раскола фракции правых IV Государственной думы (ноябрь — декабрь

раскола фракции правых в 1916 г. и в представления о ее численности после выделения из нее группы независимых правых.

Большой интерес также представляют работы Ф. А. Гайды,⁹⁴ посвященные думской либеральной оппозиции периода Первой мировой войны. Хотя в силу специфики темы, заявленной Ф. А. Гайдой (борьба либеральной оппозиции за власть), автор уделяет минимальное внимание думским консерваторам, тем не менее ее хронологические рамки (1914–1917) и подробное исследование в работе стратегии, тактики и процессов, происходящих внутри лагеря основных оппонентов правых в Думе — либералов, позволяет значительно лучше понять контекст политической борьбы между ними.

Тесно связанными с темой монографии являются работы, касающиеся участия монархистов в думских выборах 1912 года⁹⁵ и формирования в Государственной думе фракции правых.⁹⁶ Посвященные предыстории темы, эти публикации в значительной степени способствуют пониманию вопросов, связанных с составом фракции правых, происходивших в ней процессов и ориентиров самого консервативного объединения нижней палаты.

Среди современных трудов, непосредственно освещающих работу правых фракций Государственной думы Российской империи, необходимо

1916 г.) // Старцевские чтения — 2006. К 75-летию профессора В. И. Старцева. Сб. воспоминаний и науч. ст. / Ред.-сост. Б. Д. Гальперина, А. Б. Николаев. СПб., 2007.

⁹⁴ Гайда Ф. А. 1) Либеральная оппозиция на путях к власти. 1914 — весна 1917 г. М., 2003; 2) Курс «священного единения» в оценке кадетского руководства и создание Прогрессивного блока (1914–1915 гг.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2002. № 1; 3) Парламентская тактика конституционно-демократической партии летом 1915 года // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2002. № 5. С. 70–87; 4) Кадеты и проблема парламентского большинства в IV Государственной думе // Политическая история России первой четверти XX века. Памяти профессора Виталия Ивановича Старцева. СПб., 2006. С. 95–105.

⁹⁵ Алымова Н. И. 1) Правомонархические партии на выборах в IV Государственную думу // Актуальные вопросы истории России на пороге XXI века. СПб., 2001. С. 118–124; 2) Правомонархические партии на выборах в IV Государственную Думу в столицах и провинции // Государственная Дума Российской империи: традиции прошлого и настоящего. Пенза, 2006. С. 149–156; Иванов А. А. Правые партии и выборы в IV Государственную думу // Сравнительное изучение парламентов и опыт парламентаризма в России: Выборы, голосование, репрезентативность. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию принятия закона о выборах депутатов I Государственной думы. СПб., 2005. С. 41–45.

⁹⁶ Мираков М. В. Организационное оформление правой фракции IV Государственной думы // Проблемы истории политических партий России. Статьи, материалы и тезисы VII Международной научной конференции. Владимир, 2001. С. 43–47.

отметить исследования А. А. Дорошенко,⁹⁷ Р. Б. Ромова,⁹⁸ А. А. Иванова⁹⁹ и Ф. И. Долгих,¹⁰⁰ в которых с разной степенью подробности исследуется представительство правых в Государственной думе. Среди перечисленных работ особую ценность представляет монументальное диссертационное

⁹⁷ *Дорошенко А. А.* 1) Состав правых фракций в IV Государственной думе // Платоновские чтения. Материалы всероссийской конференции молодых историков, г. Самара, 3–4 декабря 1999 г. Самара, 2000; 2) Правые в Государственной думе Российской империи. Самара, 2004. С. 26–30.

⁹⁸ *Ромов Р. Б.* 1) Фракция правых в III Государственной думе (1907–1912): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; 2) На «совете нечестивых»: Государственная Дума в оценках правых депутатов (1907–1912) // Консерватизм в России и мире: В 3 ч. Воронеж, 2004. Ч. II. С. 103–125; 3) Правая фракция в Государственной думе // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 452–462.

⁹⁹ *Иванов А. А.* 1) Фракция правых IV Государственной Думы в годы Первой мировой войны (1914 — начало 1917): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004; 2) Фракция правых IV Государственной думы: численность и состав (1912–1917) // Герценовские чтения. Актуальные проблемы социальных наук. 2003. СПб., 2003. С. 63–65; 3) Фракция правых IV Государственной думы в конце 1916 — начале 1917 гг.: от раскола к распаду // Вестник молодых ученых. Серия «Исторические науки». 2003. № 1. С. 26–36; 4) Судьбы членов фракции правых IV Государственной думы после февраля 1917 г. // Герценовские чтения. Актуальные проблемы социальных наук. 2004. СПб., 2004. С. 113–115; 5) Фракция правых IV Государственной думы и Прогрессивный блок: от поиска компромисса до непримиримой борьбы (август 1915 — февраль 1917) // «Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее», «Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время», «Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время». Воронеж, 2005. С. 151–166; 6) Фракция правых IV Государственной думы и правомонархическое движение: интеграция и взаимодействие (1912–1917) // Политические партии России: прошлое и настоящее. Сб. статей. СПб., 2005. С. 73–82; 7) Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917). СПб., 2006 и др.

¹⁰⁰ *Долгих Ф. И.* 1) Правые в III и IV Государственных думах России (1907–1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; 2) Деятельность лагеря правых в IV Государственной думе: проблема формирования и распада правооктябристского большинства (1912–1915 гг.) // Сб. мат-лов по итогам науч.-исследоват. деятельности студентов в области гуманитарных, естественных и технических наук в 2001 году. М., 2001. С. 128–131; 3) Деятельность партий правого лагеря в III Государственной думе // Сб. мат-лов по итогам науч.-исследоват. деятельности студентов в обл. гуманитарных, естественных и технических наук в 2002 году. М., 2002. С. 229–233; 4) Избирательные кампании правых в III и IV Государственные думы // Сб. мат-лов по итогам науч.-исследоват. деятельности студентов в обл. гуманитарных, естественных и технических наук в 2000 году. М., 2000. С. 158–161; 5) Правые в начале работы IV Думы // Научные труды МПГУ. Сер. Соц.-ист. науки. М., 2004. С. 80–84; 6) Раскол фракции правых в IV Государственной думе и его причины // Научные труды МПГУ. Серия: Социально-исторические науки. Сб. ст. М., 2003. С. 103–107.

исследование Р. Б. Ромова, ставшее лучшей работой по истории деятельности правой фракции Государственной думы III созыва. Но поскольку темой настоящей работы является комплексное рассмотрение деятельности правых объединений Государственной думы и Государственного совета в годы Первой мировой войны, работа Ромова не пересекается с ней, а является как бы ее предысторией, да и то лишь в отношении думской фракции правых. Монографические и диссертационные работы А. А. Дорошенко и Ф. И. Долгих, на наш взгляд, носят обзорный характер, поскольку их авторы попытались охватить деятельность сразу всех правых групп Государственной думы (от весьма умеренной фракции центра до крайних правых), причем за довольно длительный период. Таким образом, если в целом эти работы можно признать удачной попыткой представить всесторонний, но общий взгляд на весь консервативный (от крайнего до умеренного крыла) спектр Государственной думы, то раскрытие взглядов и действий фракции правых в период Первой мировой войны оказалось затронутым указанными авторами в достаточно схематичной и поверхностной форме и не может претендовать на исчерпывающие реконструкцию и анализ.

В этом же контексте можно отметить и вступительную статью к разделу «Правоконсервативные фракции» сборника документов «Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.»,¹⁰¹ где на одной, последней странице в конспективно сжатой форме и весьма обзорно, с опорой на предшествующие работы,¹⁰² охарактеризованы процессы, происходившие во фракции правых в годы Первой мировой войны. Столь сжатое изложение деятельности правых в 1914–1917 гг. объясняется автором очерка тем, что законодательные инициативы консервативного крыла «иссякли уже с началом Первой мировой войны»,¹⁰³ что не совсем справедливо. Кроме того, несогласие вызывает и определение фракции русских националистов и умеренно правых как «правоконсервативной»: несмотря на продолжающуюся дискуссию по этому вопросу, как уже отмечалось выше, их, на наш взгляд, следует отнести к консервативно-либеральной, «пограничной» структуре, но никак не к крайне правым.

Нельзя обойти вниманием и работы, посвященные как отдельным депутатам фракции правых, так и представителям правой группы Государст-

¹⁰¹ Правоконсервативные фракции // Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы: к 100-летию с начала деятельности Государственной Думы в России / Под ред. И. И. Демидова. М., 2006.

¹⁰² Данный раздел статьи преимущественно основан на материалах монографии: Иванов А. А. Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917). СПб., 2006.

¹⁰³ Правоконсервативные фракции. С. 24.

венного совета. Представленные подробными биографическими статьями и публикациями справочно-энциклопедического характера, данные работы во многом расширяют представление о правых парламентариях, и благодаря раскрытию личности и взглядов того или иного политика позволяют существенно скорректировать представление о причинах их участия в тех или иных политических процессах 1914–1917 гг. К таким работам, в первую очередь, следует отнести научные публикации о наиболее видных лидерах правого крыла законодательных учреждений — П. Н. Дурново,¹⁰⁴ Н. А. Маклакове,¹⁰⁵ В. М. Пуришкевиче,¹⁰⁶ Н. Е. Маркове,¹⁰⁷ А. Н. Хвос-

¹⁰⁴ *Бородин А. П.* П. Н. Дурново: портрет царского сановника // Отечественная история. 2000. № 3; *Тарле Е. В.* Германская ориентация и П. Н. Дурново в 1914 г. // Былое. 1922. № 19; *Иванов А. А.* «Лебединая песня» П. Н. Дурново: выступление лидера правой группы Государственного совета 19 июля 1915 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2011. № 1.

¹⁰⁵ *Гайда Ф. А.* Министр внутренних дел Н. А. Маклаков: политическая карьера русского Полюньяка // Русский сборник: исследования по истории России. Т. 11. М., 2012. С. 174–207.

¹⁰⁶ *Архипов И. Л.* Кривое зеркало российского парламентаризма. Традиция «политического скандала»: В. М. Пуришкевич // Звезда. 1997. № 10. С. 112–124; *Иванов А. А.* 1) Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб., 2011; 2) Патриотическая деятельность В. М. Пуришкевича в годы I мировой войны // Герценовские чтения. 2002. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2002. С. 82–84; 3) Он был лучше своей репутации... Владимир Пуришкевич глазами современников: штрихи к портрету политического деятеля // Клио. 2004. № 2. С. 227–231; 4) «Первый выстрел революции». В. М. Пуришкевич и свержение императора Николая II // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2010. С. 7–17; 5) В. М. Пуришкевич и «Общество русской государственной карты» // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2010. № 1 (5). С. 158–163; *Кириянов И. К.* Владимир Митрофанович Пуришкевич: депутат-фракция // Консерватизм: идеи и люди. Пермь, 1998. С. 105–122; *Клетикова В. В.* 1) Владимир Пуришкевич как «религиозный тип» // V Пасхальные чтения. М., 2007. С. 214–220; 2) Политический образ Владимира Пуришкевича и его составляющие // Что изучает и чему учит история: актуальные проблемы политической и социальной истории России: Ключевские чтения — 2009 / Материалы Межвузовской науч. конф. Сб. науч. трудов. М., 2009. С. 274–278; 3) Польский вопрос глазами В. М. Пуришкевича // Ключевские чтения — 2010. История России: личность, общество и природа страны. Материалы Всероссийской научной конференции: Сб. науч. трудов. М., 2010. С. 258–260; *Любош С. Б.* Русский фашист Владимир Пуришкевич. Л., 1925; *Розенталь И. С.* Пуришкевич — известный и неизвестный. (К вопросу об эволюции правого радикализма в России) // Проблемы политической и экономической истории России. Сборник статей к 60-летию проф. В. В. Журавлева. М., 1998. С. 284–303; *Степанов С. А.* В. М. Пуришкевич // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 320–340 и др.

¹⁰⁷ *Богоявленский Д. Д.* Н. Е. Марков и Совет министров: Союз русского народа и самодержавная власть // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сборник

тове,¹⁰⁸ Г. А. Щечкове¹⁰⁹ и некоторых других. Не меньший интерес представляет и цикл статей профессиональных историков — специалистов по истории русского монархического движения, опубликованный в сборнике «Воинство святого Георгия».¹¹⁰ Среди них непосредственное отношение к теме нашего исследования имеют биографические очерки, посвященные таким «столпам» правой группы Государственного совета, как М. Я. Говорухо-Отрок, Н. А. Маклаков, А. А. Нарышкин, А. А. Римский-Корсаков, А. А. Ширинский-Шихматов, И. Г. Щегловитов.¹¹¹

научных трудов. Вып. 1. Воронеж, 2001. С. 192–204; *Богоявленский Д. Д., Иванов А. А.* «Курский зубр». Николай Евгеньевич Марков // Воинство святого Георгия. Жизнеописание русских монархистов начала XX века / Сост. и ред. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. СПб., 2006. С. 109–142; *Ганелин Р. Ш.* Н. Е. Марков 2-й о своем пути от черносотенства к гитлеризму // Евреи в России: История и культура. Сборник научных трудов. (Труды по иудаике. История и этнография. Вып. 5.) / Отв. ред. Д. А. Эльяшевич. СПб., 1998. С. 211–217; *Иванов А. А.* 1) «Берлинский зубр». Марков 2-й на чужбине // Родина. 2009. № 4. С. 92–94; 2) Политическая деятельность Н. Е. Маркова в годы Гражданской войны и эмиграции (1918–1930-е гг.) // Белое движение на Северо-Западе России и судьбы его участников. Материалы Третьей международной научно-исторической конференции в г. Пскове. Псков, 2009. С. 26–37; *Салтанов Н. М.* Проблема сохранения единства русского государства в выступлениях Н. Е. Маркова в III Государственной думе // Общественная мысль и политические деятели России XIX и XX веков. Смоленск, 1996. С. 96–99; *Смолин М. Б.* Монархический ригоризм Имперского Зубра // *Марков Н. Е.* Войны темных сил. Статьи. 1921–1937. М., 2002. С. 5–22.

¹⁰⁸ *Иванов А. А.* «Алексей Хвостов — у власти». Портрет правого политика // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена: Общественные и гуманитарные науки: Научный журнал. 2008. № 11 (66). С. 193–202.

¹⁰⁹ *Иванов А. А.* Г. А. Щечков: «Не могу сочувствовать умеренности в истине». К вопросу о политических взглядах парламентария-монархиста // Таврические чтения 2007: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века. Научно-практический семинар, С.-Петербург, Таврический дворец, 11 декабря 2007 г. Сб. науч. ст. / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2008. С. 104–113.

¹¹⁰ Воинство святого Георгия. Жизнеописание русских монархистов начала XX века / Сост. и ред. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. СПб., 2006.

¹¹¹ *Иванов А. А., Степанов А. Д., Стогов Д. И.* «Правые сделали все, что могли». Михаил Яковлевич Говорухо-Отрок // Воинство святого Георгия. С. 473–484; *Степанов А. Д.* Он помнил о долге перед Царем и Родиной. Николай Алексеевич Маклаков // Там же. С. 244–251; *Иванов А. А.* «Честный, убежденный консерватор». Александр Алексеевич Нарышкин // Там же. С. 690–699; *Стогов Д. И.* «Он заслужил большую популярность среди монархистов». Александр Александрович Римский-Корсаков // Там же. С. 485–494; *Иванов А. А., Степанов А. Д.* «Верный до гроба». Князь Алексей Александрович Ширинский-Шихматов // Там же. С. 495–509; *Степанов А. Д.* «Человек большой государственной мудрости». Иван Григорьевич Щегловитов // Там же. С. 236–243.

Среди справочно-энциклопедических изданий в контексте рассматриваемой темы внимания заслуживает подготовленный коллективом историков из разных регионов России и ближнего зарубежья научно-популярный словарь «Черная сотня»,¹¹² в котором, помимо тематических статей о различных правых организациях дореволюционной России и лидерах черносотенных партий и союзов, представлены биографические материалы об отдельных депутатах правой фракции IV Государственной думы и членах правой группы Государственного совета. Однако в статьях данного издания, посвященных правым деятелям, внимание исследователей обращено на них в большей степени (что, безусловно, закономерно и справедливо) как на вождей черной сотни, при этом их деятельность в Государственной думе или Государственном совете не получает специального рассмотрения.

Другим заметным изданием является академическая фундаментальная энциклопедия «Русский консерватизм»,¹¹³ охватывающая период с конца XVIII по начало XX века, ряд статей которой также касается биографий и политических взглядов наиболее видных представителей думской фракции правых и лидеров правой группы Государственного совета. При этом данную энциклопедию выгодно отличает от других справочных изданий развернутый характер статей и акцент на политических взглядах и теоретических построениях рассматриваемых персоналий. Кроме того, в издании также присутствуют статьи, в которых специально рассматривается деятельность правых в Государственной Думе II–IV созывов и правых объединениях Государственного совета в 1906–1917 гг.

Особенного внимания заслуживают солидные тематические энциклопедические издания о Государственной думе¹¹⁴ и реформированном Государственном совете,¹¹⁵ содержащие не только краткие биографические статьи о всех депутатах Думы и членах Совета, но и справочные материалы о фракциях, группах, думских и советских комиссиях, выборах в законодательные учреждения Российской империи и т. п. И хотя данные издания являются несомненным качественным прорывом по сравнению с предшествующими

¹¹² Черная сотня. Историческая энциклопедия. 1900–1917 / Сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. М., 2008.

¹¹³ Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2010.

¹¹⁴ Государственная дума России. Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. Государственная дума Российской империи (1906–1917) / Ред. кол.: В. В. Шелохаев (отв. ред.) и др. М., 2006; Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия / Ред. кол.: В. В. Шелохаев (отв. ред.) и др. М., 2008.

¹¹⁵ Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия / Ред. кол.: В. В. Шелохаев и др. М., 2008.

справочными изданиями на ту же тему, по крайней мере в отношении членов правых объединений законодательных палат они оказались не лишены отдельных неточностей и упущений.¹¹⁶

Несколько слов необходимо сказать и о зарубежной историографии вопроса. Однако сразу же приходится констатировать, что ни одной комплексной работы, посвященной деятельности фракции правых IV Государственной думы или правой группы Государственного совета, до сегодняшнего дня зарубежными авторами издано не было. Как справедливо замечает С. А. Степанов, «зарубежная историография, находившаяся в более благоприятных условиях с точки зрения выбора научной проблематики, тем не менее не добилась особых результатов в деле изучения правого лагеря».¹¹⁷ Это обстоятельство историк объясняет как традиционной ориентацией западных исследователей на историю либерального движения, так и труднодоступностью источников по деятельности русских правых. Данное замечание в полной (и даже в большей) мере справедливо и для объяснения причин упущения из поля зрения американских и европейских исследователей истории правых объединений в законодательных палатах Российской империи. Поэтому, если среди работ западных историков (преимущественно американских) встречаются отдельные труды, посвященные русским правым начала XX в. (как правило, затрагивающие такие вопросы, как деятельность Союза русского народа,¹¹⁸ связь черной сотни с еврейскими погромами¹¹⁹ и возникшим годом спустя европейским фашизмом¹²⁰), то работ, хоть сколько-нибудь подробно затрагивающих деятельность правых

¹¹⁶ Об этом см.: *Иванов А. А.* 1) Правые депутаты в энциклопедии «Государственная дума Российской империи»: уточнения и дополнения // Таврические чтения 2008: актуальные проблемы истории парламентаризма в России. Всероссийская научно-практическая конференция. Сб. науч. статей под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2009; 2) Депутаты правых фракций в Государственной думе: новые биографические сведения // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 170–175.

¹¹⁷ *Степанов С. А.* Черная сотня. С. 10.

¹¹⁸ *Spector S. D.* The doctrine and programme of the Union of the Russian People in 1906. Columbia, 1952; *Rewson D. C.* The Union of the Russian People. 1905–1917. A Study of Radical Right. Ph. d. dis. Washington, 1971.

¹¹⁹ *Rogger H.* 1) Jewish policies and right-wing politics in imperial Russia. Houndmills; Basingstoke; Hampshire; London, 1986; 2) The Formation of Russia right. 1900–1906 // California Slavic Studies. Berkeley; Los-Angeles, 1964. Vol. 3.

¹²⁰ *Rogger H.* Was there a Russian Fascism? The Union of Russian People // The Journal of Modern History. Chicago, 1964. Vol. XXXVI. № 4. P. 398–415; *Laqueur W.* Black hundred: the rise of the extreme right in Russia. N.-Y., 1993. Последняя работа также издавалась в русском переводе: *Лакер У.* Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994.

в Государственном совете и Государственной думе в годы Первой мировой войны, нет вовсе.

То же самое можно сказать и в отношении зарубежных исследований Государственного совета и Государственной думы. Немногочисленные западные работы, посвященные истории российского парламентаризма,¹²¹ также сосредотачивают свое внимание на довоенном периоде. Исключение составляет разве что монография американского историка Э. Лора,¹²² посвященная кампании, развернутой в годы Первой мировой войны против подданных враждебных России государств, в которой правые Думы и Госсовета принимали самое непосредственное участие. Но и она, несмотря на наличие параграфа, посвященного взглядам русских правых, а также некоторого внимания, уделенного позиции в отношении национального вопроса таких лидеров парламентских правых как П. Н. Дурново, А. С. Стишинский и А. Н. Хвостов, в интересующем нас аспекте оказывается довольно малоинформативной.

Несколько лучше в этом плане дела обстоят в некоторых странах ближнего зарубежья. В частности, можно отметить представляющие определенный интерес работы украинской исследовательницы О. В. Зинченко, занимающейся историей Государственного совета России периода 1906–1917 гг. и составляющих его политических объединений.¹²³ Однако, являясь основанными в большей своей части на материалах общеизвестных опубликованных источников, публикации Зинченко заметно уступают по своей значимости лучшим работам по этой теме российских историков (прежде всего А. П. Бородина и В. А. Демина). Что же касается белорусской историографии,

¹²¹ *Edelman R.* The Elections to the Third Duma: The Roots of The Nationalist Party // *The Politics of rural Russia 1905–1914.* Bloomington & London, 1979; *Healy A. E.* The Russian Autocracy in Crisis 1905–1907. Hamden, 1976; *Hosking G. A.* The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907–1914. Cambridge, 1973; *Korros A. S.* Reluctant Parliament: Stolypin, Nationalism and the Politics of the Russian Imperial State Council, 1906–1911. Lanham, 2002.

¹²² *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire: the campaign against enemy aliens during World War I. Cambridge, 2003; *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012.

¹²³ *Зинченко О. В.* 1) Державна рада Російської імперії 1906-1916 років. Харків, 2005; 2) Російські державні радники і «Прогресивний блок» (серпень 1915 — лютий 1917 рр.) // *Культура народів Причорномор'я.* Научний журнал. — Симферополь, 2005. № 63. С. 108–112; 3) «Чорний блок» Державної ради Російської імперії 1915–1917 рр. // *Культура народів Причорномор'я.* Научний журнал. — Симферополь, 2005. № 65. С. 63–66; 4) Державні радники Російської імперії після падіння царизму // *Збірник наукових праць ХНПУ ім. Г. С. Сковороди.* Серія «Історія та географія». Харків, 2005. Вип. 19–20. С. 14–21 і др.

то здесь в первую очередь следует отметить монографию Д. С. Лавриновича, посвященную «либерально-консервативной оппозиции» в законодательных палатах Российской империи, под которой автор понимает политические силы, составившие Прогрессивный блок.¹²⁴ Не соглашаясь с Лавриновичем в определении части оппозиционного лагеря, вошедшей в Прогрессивный блок как «консервативной» (о собственно консервативных силах, которые составляли оппозицию правительству справа, автор в своей работе практически не пишет), заметим, что данная монография является на сегодняшний день лучшей белорусской работой, посвященной борьбе парламентской оппозиции с властью.

Источниковая база данной монографии представлена рядом различных по характеру исторических документов как опубликованных, так и неопубликованных. Основным источником, позволяющим получить представление о деятельности правых в законодательных палатах, следует признать стенографические отчеты заседаний Государственной думы и Государственного совета. Именно этот вид источника дает возможность проследить и проанализировать взгляды парламентских правых и их эволюцию по наиболее важным проблемам и вопросам государственной жизни в период Первой мировой войны. Кроме того, участие в думских прениях, как и выступление с речами в Государственном совете, позволяет составить представление о степени включенности правых в работу обеих законодательных палат, их роли и доли участия в ней.

В работе задействованы стенографические отчеты четырех сессий IV Государственной думы как довоенных (выборочно), так и военных (полностью)¹²⁵ и пяти сессий (IX–XIII) Государственного совета,¹²⁶ поскольку только ознакомление со взглядами членов фракции и группы правых по важнейшим вопросам государственной жизни страны может дать представление об их целях, программах, законодательных инициативах, методах политической борьбы и прогнозах на будущее.

Кроме того, стенографические отчеты заседаний законодательных палат выгодно отличает от других видов источников, содержащих информацию

¹²⁴ Лавринович Д. С. Либерально-консервативная оппозиция в России: формирование и борьба за власть (1912–1917 гг.). Могилев, 2006.

¹²⁵ Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв IV. Сессия I. СПб., 1912; То же. СПб., 1913; То же. Сессия III. Пг., 1914; То же. Сессия IV. Пг., 1915; То же. Сессия IV. Пг., 1916; То же. Сессия V. Пг., 1916.

¹²⁶ Государственный совет. Стенографический отчет. 1913–1914 гг. Сессия IX. Пг., 1914; То же. 1915 г. Сессия X. Пг., 1915; То же. 1915 г. Сессия XI. Пг., 1915; То же. 1916 г. Сессия XII. Пг., 1916; То же. 1916. Сессия XIII. Пг., 1916.

о выступлениях правых в Думе и Совете (газетные отчеты, партийные издания и т. п.), их официальный характер и наименьшая подверженность редакции и цензуре.

Также следует указать на то, что, в отличие от стенографических отчетов Государственной думы, на которые всегда обращалось пристальное внимание как советских, так и российских историков, стенографические отчеты Государственного совета до 1980-х гг. использовались отечественными историками крайне редко и изучены в заметно меньшей степени. На это обстоятельство в свое время обратила внимание исследовательница Государственного совета Е. Э. Новикова (Захарская), подсчитавшая индекс цитирования стенограмм верхней палаты в работах ведущих советских историков, занимавшихся историей становления парламентаризма в России (А. Я. Авреха, В. С. Дякина, В. И. Старцева, Е. Д. Черменского). В результате этого анализа автор пришла к аргументированному выводу, что этот вид источников либо вовсе не задействовался ее предшественниками (В. И. Старцев, Е. Д. Черменский), либо использовался крайне ограниченно (А. Я. Аврех, В. С. Дякин).¹²⁷ И хотя, начиная с работы Е. Э. Новиковой, стенограммы заседаний Государственного совета активно вводятся в научный оборот, их использование до сих пор остается значительно меньшим, нежели использование историками думских отчетов.

Стенографические отчеты Государственной думы и Государственного совета привлечены нами в виде их официальных публикаций. В тех же случаях, когда таковые отсутствуют (разразившаяся Февральская революция привела к тому, что материалы заседаний Государственного совета конца 1916 г. — начала 1917 г. так и не были опубликованы в соответствующих изданиях), нами использованы отложившиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) оттиски стенограмм соответствующих заседаний¹²⁸ и полноценные (не подвергнутые сокращениям) публикации отдельных речей правых парламентариев, помещенные в периодической печати.¹²⁹

Издававшиеся по ходу законотворческой работы Государственной думы и Государственного совета справочные материалы позволяют существенно расширить представление как о роли правых в законодательной работе, так и непосредственно о составе и численности групп и их изменениях,

¹²⁷ Захарская Е. Э. Стенографические отчеты Государственного совета... С. 111.

¹²⁸ См., напр.: РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. Д. 4, 6.

¹²⁹ См., напр.: Речь Н. А. Маклакова, сказанная 26 ноября 1916 г. в заседании Государственного совета // Российский гражданин. 1916. № 46.

степени включенности правых в работу различных комиссий и т. п.¹³⁰ Особый интерес в данном контексте представляют собой отчеты императору председателя Государственного совета, в которых подводятся итоги сессий и представлены основные результаты работы верхней палаты.¹³¹

При работе над монографией также были использованы публикации резолюций, речей и списков членов различных монархических партий, союзов, съездов и совещаний, выпущенные в свет в дореволюционный период.¹³² Данный вид источника позволяет в значительной степени выяснить степень интеграции членов правых объединений IV Государственной думы и Государственного совета в правомонархическое движение в целом, а также, за счет анализа произнесенных за пределами Думы и Совета речей, уточнить взгляды лидеров правых парламентских групп по целому ряду вопросов.

Среди опубликованных источников внимания заслуживают сборники документов, касающиеся как политической истории последнего царствования в целом, так и истории русского парламентаризма и монархического движения в частности. Особого внимания заслуживает ряд публикаций документов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (ЧСК ВП), выпущенных в 1920-е гг. В первую очередь здесь необходимо отметить семитомник «Падение царского режима», изданный под редакцией П. Е. Щеголева,¹³³ содержащий протоколы допросов видных царских сановников и лидеров монархического движения, среди которых встречаются как представители правой группы Государственного совета (Н. Д. Голицын, А. А. Макаров, Н. А. Маклаков, И. Г. Щегловитов и др.),

¹³⁰ Государственная дума. IV созыв. I–II сессия. Справочник. Вып. 5–7. СПб., 1912–1914; Справочный листок Государственной думы (Четвертый созыв): сессии III–V. Б. м., б. г.

¹³¹ Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета за X и XI сессии 1915 года. Пг., 1915; Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета за XII сессию 1916 года. Пг., 1916.

¹³² Последняя речь Н. Е. Маркова 2 в IV Государственной думе. — Заявление фракции правых. Пг., 1916; Совещание монархистов 21–23 ноября 1915 года в Петрограде. Постановления и краткий отчет. М., 1915; Труды Всероссийского Монархического совещания в г. Н. Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916; Список и основной состав комиссий Всероссийского Филаретовского общества народного образования // Устав Всероссийского Филаретовского общества народного образования. СПб., 1914; Список членов Русского собрания 1913 г. СПб., 1913 и др.

¹³³ Падение царского режима: по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Ред. П. Е. Щеголев. Т. 1–7. М.; Л., 1924–1927.

так и фракции правых IV Государственной думы (Н. Е. Марков, А. Н. Хвостов).

В исследовании были также использованы документы ЧСК ВП, опубликованные в сборнике, составленном А. А. Блоком,¹³⁴ в которых содержится определенный документальный материал по деятельности отдельных представителей правой группы Государственного совета.

Сюда же следует отнести подготовленный в 1929 г. А. Черновским сборник документов, содержащий материалы ЧСК ВП по деятельности крупнейшей черносотенной организации начала XX в. — Союза русского народа (СРН).¹³⁵ Однако, несмотря на богатый архивный материал, представленный в публикации, данное издание, прежде всего, посвящено деятельности СРН, и включенные в него материалы не затрагивают историю правых структур в законодательных учреждениях. Исключение составляют отдельные документы, прямо или косвенно связанные с деятельностью отдельных депутатов фракции правых и представителей правой группы, принимавших участие в работе СРН или правомонархическом движении в целом.

Но, несмотря на большую ценность данного вида источника для раскрытия заявленной нами темы, следует отметить, что материалов о деятельности фракции правых в IV Государственной думе и правой группы Государственного совета в годы Первой мировой войны в материалах ЧСК ВП относительно немного. Объясняется это прежде всего специфическими задачами ЧСК ВП, которая, руководствуясь законодательством Российской империи, искала в деятельности сановников и партийных лидеров противоправные поступки, а потому их абсолютно законная работа в Думе и Совете следователей практически не интересовала.

Большое значение для раскрытия темы настоящей работы имеет вышедшее в конце 1990-х гг. двухтомное издание, подготовленное Ю. И. Кирьяновым¹³⁶ и посвященное деятельности правых партий в 1905–1917 гг. Несмотря на общий характер публикации, посвященной правым монархистам в целом, значительное количество представленных в сборнике документов относится либо непосредственно, либо косвенно к теме нашего исследования. Среди них можно выделить предвыборные воззвания и программные положения правых организаций и союзов; частную переписку отдельных

¹³⁴ Последние дни императорской власти. По неизданным документам / Сост. А. Блок. Пб., 1921.

¹³⁵ Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. / Сост. А. Черновский. М.; Л., 1929.

¹³⁶ Правые партии. Документы и материалы (1905–1917 гг.) / Сост., вступ. ст., коммент. Ю. И. Кирьянова. М., 1998. Т. 1–2.

членов правых объединений законодательных палат; подборку материалов о деятельности правых членов Думы и Совета, извлеченную из дореволюционной периодической печати; отчеты монархических съездов и совещаний, в деятельности которых правые парламентарии принимали активное участие, и некоторые другие.

Документы, вошедшие в двухтомник, дополняет ряд журнальных публикаций Ю. И. Кирьянова, включающий малоизвестные материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), посвященные той же теме.¹³⁷

Также необходимо отметить изданный в 2006 г. объемный (766 с.) сборник документов, относящихся к законотворческой деятельности думских фракций.¹³⁸ Один из разделов сборника посвящен правоконсервативным фракциям, однако документы, представленные в нем, относятся лишь к довоенному периоду и не затрагивают законотворческой деятельности фракции правых в 1914–1917 гг.

Особую ценность представляют осуществленные в 1920-х гг. публикации аналитических записок, составленных накануне и во время Первой мировой войны лидерами правой группы Государственного совета и правой фракции IV Государственной думы. Среди них в первую очередь необходимо отметить первую публикацию (в последующие годы неоднократно переиздававшуюся) «Записки» П. Н. Дурново,¹³⁹ которая дает яркое и детальное представление о взглядах председателя правой группы на вопросы внешней политики и политических процессов в России; материалы из архива И. Г. Щегловитова¹⁴⁰ и публикацию проектов выхода из политического кризиса, составленных в кружке А. А. Римского-Корсакова.¹⁴¹

¹³⁷ «Борьба наша проиграна». Документы правых 1914–1917 гг. // Исторический архив. 1994. № 5. С. 32–89; «Не понимают величия русской государственной идеи». Переписка К. Н. Пасхалова 1914–1917 гг. // Источник. 1995. № 6. С. 4–52; Переписка и другие документы правых (1911–1913) / Публ. Ю. И. Кирьянова // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 94–118; № 11–12. С. 102–130; Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 годах // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 113–133; № 3. С. 142–165; № 8. С. 78–100; № 10. С. 119–143; Правые в 1915 — феврале 1917 гг. по перлюстрированному Департаментом полиции письмам // Минувшее. М.; СПб., 1993. Т. 14. С. 145–225.

¹³⁸ Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы: к 100-летию с начала деятельности Государственной Думы в России / Под ред. И. И. Демидова. М., 2006.

¹³⁹ Дурново П. Н. Записка / Публ. и вступ. ст. М. Павловича // Красная новь. 1922. № 6 (10).

¹⁴⁰ Из архива Щегловитова / Публ. И. Тоболин // Красный архив. 1926. Т. 2 (15).

¹⁴¹ Программа Союза русского народа перед Февральской революцией / Публ. И. Тоболин // Красный архив. 1927. Т. 1 (20).

Значительная (как по содержанию, так и по объему) информация о деятельности правой фракции IV Государственной думы содержится в опубликованных В. И. Старцевым, Б. Д. Гальпериной и З. И. Перегудовой донесениях из Министерского павильона Думы чиновника особых поручений Л. К. Куманина председателю Совета министров (В. Н. Коковцову, И. Л. Горемыкину, Б. В. Штюмеру, А. Ф. Трепову и Н. Д. Голицыну).¹⁴² В секретных донесениях Куманина, выполнявшего функции правительственного разведывательного агента, с достаточной подробностью освещается деятельность думских фракций (как в Думе, так и вне ее), их отношение к правительству, закулисная, «кулуарная» сторона жизни фракций, т. е. все то, что миновало официально опубликованные стенографические отчеты Государственной думы, что делает данный источник уникальным при изучении фракции как самостоятельного политического организма.

Материалы по теме исследования также содержатся в сборниках документов, посвященных деятельности либеральной оппозиции,¹⁴³ императора Николая II,¹⁴⁴ правоохранительных органов.¹⁴⁵

Для раскрытия темы в работе также были использованы документальные материалы (преимущественно стенограммы) Съездов уполномоченных губернских дворянских обществ (Объединенного дворянства),¹⁴⁶ позволяющие существенно расширить представление о политических взглядах представителей правой группы Государственного совета и фракции правых IV Государственной думы, выступавших в годы войны на дворянских съездах.

При работе над книгой широко использованы материалы дореволюционной и эмигрантской периодической печати, включающие издания практически всех политических направлений эпохи (более 40 наименований газет и журналов). Среди них, прежде всего, следует отметить наиболее

¹⁴² Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 1998. № 10; 1999. № 1–5, 7–12; 2000. № 3–6.

¹⁴³ Буржуазия накануне февральской революции / Под ред. Б. Б. Граве. М.; Л., 1927; Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. / Публ. Н. Лапин // Красный архив. 1933. Т. 1 (56).

¹⁴⁴ Монархия перед крушением 1914–1917. Из бумаг Николая II и другие документы / Под ред. В. П. Семенникова. М.; Л., 1927; Политика Романовых накануне революции (От Антанты к Германии) по новым документам / Под ред. В. П. Семенникова. М., 1926.

¹⁴⁵ Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении / Публ. М. Покровский // Красный архив. 1926. Т. 4 (17).

¹⁴⁶ Объединенное дворянство: съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг.: В 3 т. М., 2002. Т. 3. 1913–1916 гг.

информативные монархические издания, на страницах которых уделялось внимание деятельности правых в Государственной думе и Государственном совете. Близкие позиции относительно правой фракции Думы занимали такие органы как: «Земщина»,¹⁴⁷ «Вестник Союза русского народа», «Вестник Русского собрания», «Коренник» и отчасти журнал Русского народного союза имени Михаила Архангела «Прямой путь» (с началом Первой мировой войны журнал прекратил свое существование, однако обращение к его предвоенным публикациям помогает глубже понять процессы, происходившие в рассматриваемый нами период). В этом же ряду необходимо особо выделить издававшийся в конце 1915–1916 гг. журнал «Российский гражданин», значительная часть материалов которого посвящена деятельности Государственной думы и Государственного совета, правых представительств в обеих палатах и их лидеров.

Чтобы избежать одностороннего освещения событий, материалы изданий, сочувственно освещавших деятельность правых представительств в Думе и Совете, критически сопоставлялись с сообщениями органов других политических направлений — более правыми «Русским знаменем» и «Грозой», близким к позиции националистов «Новым временем» и «Вечерним временем», прогрессистским «Утром России», рупором Конституционно-демократической партии «Речью» и «Биржевыми ведомостями», социал-демократическим и интернационалистским «Нашим словом» и другими. Среди них особое внимание было уделено таким наиболее информативным с точки зрения подачи материалов, посвященных деятельности законодательных учреждений, изданиям как «Новое время», «Утро России», «Биржевые ведомости» и «толстый» журнал либерального направления «Вестник Европы», содержащий ежемесячные аналитические статьи об итогах работы парламентских групп и отдельных их представителях.

Специальное внимание было уделено региональным изданиям («Курская быль», «Бессарабия», «Волынь», «Киевская мысль» и др.), освещавшим деятельность правых на местах в перерывах между сессиями законодательных палат. К исследованию были привлечены и некоторые эмигрантские издания как монархического («Двуглавый орел», Париж, Берлин), так и либерального («Современные записки») направления, в которых содержатся

¹⁴⁷ Как отмечает Д. И. Стогов, «редакция „Земщины“ в последние годы своего существования старалась всяческим образом подчеркнуть, что она находится в тесном взаимодействии с правым флангом российского парламента» (см.: *Стогов Д. И.* Русская правая периодическая печать в годы Первой мировой войны // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Научный журнал. Серия «История». 2011. № 1. С. 86).

материалы, относящиеся к деятельности правых парламентских групп и их лидеров, а также разрозненные биографические сведения об их членах.

Учитывая регулярную подачу газетами и журналами различных политических направлений информации о дебатах в Думе и Совете, кулуарных разговорах их представителей, событиях внутри фракций и групп, а также внепарламентской деятельности членов обеих законодательных палат, значение материалов периодической печати трудно переоценить. Вместе с тем также необходимо отметить, что освещение в газетных публикациях процессов, происходивших в Государственной думе и Государственном совете, представлено не равнозначно: если «скандальной» нижней палате периодические издания уделяли достаточно много внимания, то подобного нельзя сказать о «скучной» верхней палате. Это подмечали и современники исследуемых событий. «В газетах очень мало сведений о Гос. Совете, но, вероятно, уж такова участь верхних палат», — сетовал корреспондент видного члена левой группы Совета Н. С. Таганцева.¹⁴⁸

Другим видом опубликованных источников, привлеченных к исследованию, стали публицистические работы политических деятелей рассматриваемой эпохи. Среди них в первую очередь следует отметить публицистику лидеров правых объединений Государственного совета и Государственной думы — В. М. Пуришкевича,¹⁴⁹ Н. Е. Маркова,¹⁵⁰ Г. А. Шечкова,¹⁵¹ Д. П. Голицына,¹⁵² Т. И. Буткевича,¹⁵³ архиепископа Никона (Рождественского)¹⁵⁴ и др. Важность данного вида источника объясняется прежде всего тем, что многие темы и вопросы, поднятые правыми в стенах Думы и Совета, в их полемических статьях получили более подробное и полное освещение; во многом то, что было недосказано ими с кафедры, появилось на страницах брошюр и статей.

¹⁴⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1026. Л. 413.

¹⁴⁹ *Пуришкевич В. М.* 1) Чего хочет Вильгельм II от России и Англии в великой битве народов. Пг., 1916; 2) Вперед! Под двухцветным флагом: (Открытое письмо русскому обществу). Пг., 1917; Итоги первого боевого года в тылах и на фронте. Доклад В. М. Пуришкевича в Русском Собрании 4 сентября 1915 г. Пг., 1916 и др.

¹⁵⁰ [*Марков Н. Е.*] 1) Преступление Маркова 2-го. Пг., 1916; 2) Войны темных сил. Статьи. 1921–1937. М., 2002.

¹⁵¹ *Шечков Г. А.* Несостоятельность Государственной думы ныне действующего закона. Харьков, 1913.

¹⁵² *Голицын-Муравлин Д. П.* Исконный враг русского народа. Харьков, 1914.

¹⁵³ *Буткевич Т. И.* Безумные мечтания австрийцев. Харьков, 1914.

¹⁵⁴ *Никон (Рождественский), архиеп.* 1) Мои дневники. Вып. V. 1914. Сергиев Посад, 1915; 2) 2. Вып. VI. 1915. Сергиев Посад, 1916; 3) Православие и грядущие судьбы России / Сост. свящ. Я. Шипов. М., 1994.

Во избежание одностороннего и субъективного подхода, в монографии также широко использованы публицистические работы других авторов — правого,¹⁵⁵ либерального¹⁵⁶ и левого¹⁵⁷ направлений политической мысли, существенно расширяющие представления как о существе проблем, понимаемых правыми парламентариями, так и о мотивах, заставлявших членов правоконсервативных объединений Думы и Совета к ним обращаться.

Мемуарная литература, посвященная политической жизни России периода Первой мировой войны и, в частности, процессам, происходившим в Государственной думе, довольно обширна. Вместе с тем следует сразу же отметить, что, несмотря на то, что воспоминания об этом периоде оставили депутаты практически всех фракций Государственной думы, автору данной работы не удалось выявить опубликованных мемуаров членов фракции правых. Если по деятельности правой фракции III Государственной думы имеется целый ряд мемуарных источников,¹⁵⁸ то правому крылу IV Государственной думы повезло значительно меньше. Исключение составляют лишь эпизодические мемуарные отступления, касающиеся деятельности правой фракции, в публицистической работе Н. Е. Маркова «Войны темных сил», написанных в форме дневника воспоминаниях В. М. Пуришкевича, посвя-

¹⁵⁵ Булацель П. Ф. 1) Дневник // Российский гражданин. 1915. № 1; 1916. № 1, 6–8, 29, 32, 42, 43, 46; 2) Борьба за правду / Сост., предисл., коммент. Д. И. Стогов. М., 2010; Винберг Ф. В. Крестный путь. Ч. 1. Корни зла. СПб., 1997; Жеденов Н. [Н.] Маргаринские монархисты: предвыборное воззвание «Союза Михаила Архангела». СПб., [1912]; Муретов А. [Д]. Накануне. Пг., 1917; Пасхалов К. Н. Русский вопрос / Сост., предисл. и коммент. Д. И. Стогов. М., 2009; Тальберг Н. Д. Политическое предвидение // Тальберг Н. Д. Перед судом правды. Третий Рим: возвышение и крушение. Чаемая монархия. Русская смута / Сост. С. В. Фомин. М., 2004. Кн. 2; Тиханович-Савицкий Н. [Н.] Должны ли монархисты принимать участие в выборах в 4-ую Государственную думу. Доклад. Астрахань, 1912 и др.

¹⁵⁶ Арсеньев К. [К.] 1) Возобновление законодательной сессии // Вестник Европы. 1917. № 2; 2) Две Февральских революции // Там же; 3) На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 2, 6, 8–12; 1916. № 1–4, 6, 8, 9, 11, 12; 1917. № 1–2; Багалей Д. И. Исторический день 26 июля 1914 г. (Впечатления участника и очевидца). М., 1914; Кузьмин-Караваев В. Д. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1914. № 9; 1915. № 7, 9, 11; 1916. № 1, 7; Миллюков П. Н. Тактика фракции Народной Свободы во время войны. Пг., 1916 и др.

¹⁵⁷ Ленин В. И. 1) О черносотенстве; 2) Кого выбирать в Государственную думу?; Троцкий Л. Д. Политические силуэты. М., 1990 и др.

¹⁵⁸ См., напр.: Дневник А. А. Бобринского (1910–1911) // Красный архив. 1928. Т. 1 (26). С. 127–150; Никонович Ф. И. Из дневника члена Государственной думы от Витебской губернии протоиерея о. Феодора Никоновича. Витебск, 1912; Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. М., 1990.

щенных убийству Г. Е. Распутина,¹⁵⁹ и воспоминаниях Г. Е. Рейна, в довольно короткое время недолго примыкавшего к фракции правых.¹⁶⁰

Во многом схожей является ситуация с опубликованными мемуарами членов правой группы Государственного совета. Ни один из лидеров правого объединения верхней палаты воспоминаний не оставил, что же касается политиков, входивших в состав правой группы в ближайшие к рассматриваемому в данной работе периоду годы, то прежде всего следует отметить следующие публикации — крайне лаконичные мемуары В. М. Андреевского,¹⁶¹ небольшие по объему воспоминания А. А. Поливанова¹⁶² и В. И. Мамантова,¹⁶³ а также весьма содержательные и объемные воспоминания В. И. Гурко,¹⁶⁴ А. Н. Наумова¹⁶⁵ и А. Ф. Редигера.¹⁶⁶ При этом важно

¹⁵⁹ В том, что т. н. «дневник» В. М. Пуришкевича таковым не является, убедиться не трудно. Во-первых, до нас не дошли какие-либо другие дневниковые записи политика, кроме изданных им в 1918 г. в Киеве об убийстве Г. Е. Распутина; во-вторых, на неточности, невозможные для дневника, но вполне естественные для воспоминаний, указывал в предисловии к парижскому изданию этой книги в 1923 г. В. А. Маклаков (см.: *Маклаков В. А.* В издательство «Я. И. Поволоцкий и К^о» // *Последние дни Распутина.* М., 2005); в-третьих, только крайне недалекий человек или хладнокровный маньяк (каким Пуришкевич, несомненно, не был) мог вести дневник накануне задуманного им преступления, подробно описывая в нем свои планы, состав заговорщиков и само убийство.

¹⁶⁰ *Марков Н. Е.* Войны темных сил. Париж, 1928. Кн. 1; Париж, 1930. Кн. 2. (Одной книгой сочинение Маркова неоднократно переиздавалось в современной России); [*Пуришкевич В. М.*] Из дневника В. М. Пуришкевича. Убийство Распутина. М., 1990 (начиная с 1918 г. брошюра Пуришкевича многократно переиздавалась в эмиграции и России с различными вариациями в названии); *Рейн Г. Е.* Из пережитого. 1907–1918. Т. 2. Берлин, б. г.

¹⁶¹ *Андреевский В. М.* Автобиографические воспоминания // Родословное древо. Тамбовская генеалогия и демография. Публ. по: Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р–5328. Оп. 1. Д. 7. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tambovdem.ru/memory.php?id=andreevsky>.

¹⁶² *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 гг. / Ред. А. М. Зайончковский, предисл. М. Павловича. М., 1924.

¹⁶³ *Мамантов В. И.* На Государевой службе. Воспоминания. Таллин, 1926.

¹⁶⁴ *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / Вступ. статья Н. П. Соколова и А. Д. Степанского, публ. и коммент. Н. П. Соколова. М., 2000.

¹⁶⁵ *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. Нью-Йорк, 1955. Воспоминания Наумова следует признать наиболее информативными в плане освещения в них процессов, происходивших в Государственном совете, и характеристик, данных лидерам правой группы верхней палаты. Особую ценность мемуарам придает то, что, начиная с описания событий 1915 г., они основаны на повседневных дневниковых записях автора (Там же. С. 215).

¹⁶⁶ *Редигер А. Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра: В 2 т. М., 1999. Т. 2.

отметить, что четверо из перечисленных мемуаристов (Андреевский, Гурко, Наумов, Поливанов) либо накануне Первой мировой войны, либо во время не порвали с правой группой. В. М. Андреевский перешел в группу правого центра в конце 1912 г.; А. Н. Наумов в том же году стал членом беспартийного объединения; В. И. Гурко, разойдясь со своими одноклассниками «по многим вопросам законодательства», в 1913 г. перешел в кружок внепартийного объединения, в 1915 г. примкнув к правому центру; А. А. Поливанов покинул правых в 1915 г., перейдя в кружок внепартийного объединения.¹⁶⁷ Таким образом, в рассматриваемый нами период перечисленные выше мемуаристы стояли на более умеренных позициях, чем правая группа. Что же касается воспоминаний В. И. Мамантова и А. Ф. Редигера, то они прежде всего посвящены их государственной службе, и их авторы практически не затрагивают вопросов, связанных с деятельностью правой группы Государственного совета.

Данный пробел был, с одной стороны, отчасти восполнен привлечением воспоминаний членов иных фракций Государственной думы: националистов — В. В. Шульгина¹⁶⁸ и А. А. Ознобишина,¹⁶⁹ октябристов — А. И. Гучкова,¹⁷⁰ С. И. Шидловского,¹⁷¹ Н. В. Савича,¹⁷² М. В. Родзянко;¹⁷³ прогрессиста С. П. Мансырева;¹⁷⁴ кадетов П. Н. Милюкова,¹⁷⁵ В. А. Маклакова,¹⁷⁶

¹⁶⁷ См.: Государственный совет Российской империи. 1906–1917: Энциклопедия. С. 8, 71, 179, 211.

¹⁶⁸ *Шульгин В. В.* 1) Дни. 1920: Записки. М., 1989; 2) Воспоминания. 1917–1918 // Лица: биографический альманах. М.; СПб., 1994. Т. 5; 3) Три столицы. М., 1991; 4) Последний очевидец. Мемуары. Очерки. Сны / Сост., вступ. ст., послесл. Н. Н. Лисового. М., 2002, и др.

¹⁶⁹ *Ознобишин А. А.* Воспоминания члена IV-ой Государственной думы. Париж, 1927.

¹⁷⁰ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993.

¹⁷¹ *Шидловский С. И.* Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 1–2.

¹⁷² *Савич Н. В.* Воспоминания. СПб.: Дюссельдорф, 1993.

¹⁷³ *Родзянко М. В.* 1) Крушение империи. Харьков, 1990; 2) Государственная дума и Февральская 1917 года революция // Архив русской революции. Т. 6. Берлин, 1922.

¹⁷⁴ *Мансырев С. П.* Мои воспоминания о Государственной думе (1912–1917) // Историк и современник. Историко-литературный сборник. Берлин, 1922. Т. 2.

¹⁷⁵ *Милюков П. Н.* 1) Воспоминания государственного деятеля. Нью-Йорк, 1982; 2) Война и вторая революция. Пять дней революции (27 февраля — 3 марта) // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991.

¹⁷⁶ *Маклаков В. А.* 1) Некоторые дополнения и уточнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутина // Современные записки. (Париж). 1928. Т. 34; 2) В издательство «Я. Е. Поволоцкий и К°», и др.

М. М. Новикова;¹⁷⁷ трудовика А. Ф. Керенского;¹⁷⁸ большевика А. Е. Бадаева;¹⁷⁹ а с другой — мемуарами членов различных групп Государственного совета — Н. С. Таганцева,¹⁸⁰ А. Ф. Кони,¹⁸¹ И. Х. Озерова.¹⁸²

К работе также был привлечен широкий пласт мемуаров государственных деятелей предреволюционной эпохи, уделивших на страницах своих воспоминаний определенное место как лидерам правых объединений законодательных палат в отдельности, так и самим консервативным группам в целом. Среди них наиболее информативными являются воспоминания и дневник руководителя думской канцелярии Я. В. Глинки,¹⁸³ воспоминания государственного секретаря С. Е. Крыжановского,¹⁸⁴ товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова,¹⁸⁵ товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского,¹⁸⁶ председателей Совета министров С. Ю. Витте¹⁸⁷ и В. Н. Коковцова,¹⁸⁸ министра иностранных дел С. Д. Сазонова,¹⁸⁹ дворцового коменданта В. Н. Воейкова,¹⁹⁰ начальника канцелярии министра двора А. А. Мосолова.¹⁹¹ Также при разработке темы были использованы воспоминания руководителей спецслужб и силовых ведомств (А. Т. Васильева,

¹⁷⁷ Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952.

¹⁷⁸ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993.

¹⁷⁹ Бадаев А. [Е]. Большевики в Государственной думе. Большевицкая фракция в IV Государственной думе и революционное движение в Петербурге. М., 1937.

¹⁸⁰ Таганцев Н. С. Пережитое. Пг., 1919.

¹⁸¹ Кони А. Ф. Из недавнего прошлого (И. Я. Голубев) // Прошлое и настоящее. 1924. № 1. С. 3–10.

¹⁸² [Озеров И. Х.] Мемуары профессора И. Х. Озерова / Подгот. публ., вступ. ст. Г. И. Щетининой // Вопросы истории. 1997. № 1. С. 83–97; № 2. С. 72–87.

¹⁸³ Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания / Вступ. ст., подгот. текста, биогр. словарь и коммент. Б. М. Витенберга. М., 2001.

¹⁸⁴ [Крыжановский С. Е.] Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / Подгот. текста, вступ. ст., коммент. А. В. Лихоманова. СПб., 2009.

¹⁸⁵ [Жевахов Н. Д.] Воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода князя Н. Д. Жевахова. Т. 1–2. СПб., 2007.

¹⁸⁶ Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1.

¹⁸⁷ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3.

¹⁸⁸ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. М., 1991. Кн. 2.

¹⁸⁹ Сазонов С. Д. Воспоминания. Париж, 1927.

¹⁹⁰ Воейков В. Н. С царем и без царя: воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995.

¹⁹¹ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992.

А. В. Герасимова, К. И. Глобачева, П. Г. Курлова, А. И. Спиридовича);¹⁹² воспоминания и дневники публицистов, журналистов и литературных критиков (Л. А. Войтоловского, И. И. Кольшко, М. К. Лемке, Н. М. Любимова, Л. А. Тихомирова, Н. А. Энгельгардта);¹⁹³ иностранных дипломатов, политических и государственных деятелей (Дж. Бьюкенен, М. Палеолог, С. Хор)¹⁹⁴ и других. Особо можно выделить дневник видного консервативного деятеля генерала А. А. Киреева.¹⁹⁵ Хотя хронологически он предшествует теме данного исследования, тем не менее характеристики генерала, данные многим видным членам правой группы Государственного совета (А. А. Бобринскому, А. А. Ширинскому-Шихматову, А. С. Стишинскому, П. Н. Дурново, А. Д. Самарину, А. П. Струкову, А. А. Нарышкину и др.), позволяют значительно лучше понять действия лидеров правого крыла верхней палаты в рассматриваемый в монографии период.

Большую ценность среди опубликованных источников личного происхождения представляет переписка императорской четы,¹⁹⁶ изучение которой позволяет установить отношение императора и императрицы к происходившим политическим процессам и отдельным политикам. В переписке неоднократно встречаются характеристики членов правой группы Государственного совета (Н. А. Маклакова, И. Г. Щегловитова, А. Ф. Трепова и др.) и членов фракции правых IV Государственной думы (А. Н. Хвостова, В. М. Пуришкевича).

¹⁹² *Васильев А. Т.* Охрана: русская секретная полиция // «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. З. И. Перегудовой. М., 2004. Т. 2. С. 345–515; *Герасимов А. В.* На лезвии с террористами // Там же. С. 141–342; *Глобачев К. И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 59–87; *Курлов П. Г.* Гибель императорской России. Воспоминания. М., 2002; *Спиридович А. И.* Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск, 2004.

¹⁹³ *Войтоловский Л. Н.* Выходил кровавый Марс: по следам войны. М., 1998; *Кольшко И. И.* Великий распад. Воспоминания / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. И. В. Лукоянов. СПб., 2009; *Лемке М.* 250 дней в царской ставке (25 сент. 1915 — 2 июля 1916). Пг., 1920; *Любимов Н. М.* Неувядаемый цвет: книга воспоминаний. М., 2004 Т. 2; [*Тихомиров Л. А.*] Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А. В. Репников. М., 2008; *Энгельгардт Н. [А.]* Эпизоды моей жизни (Воспоминания) / Публ. С. В. Шумихина // Минувшее. Исторический альманах. СПб., 1998. Т. 24. С. 7–119.

¹⁹⁴ *Бьюкенен Дж.* Моя миссия в России: воспоминания английского дипломата, 1910–1918. М., 2006; *Палеолог М.* 1) Дневник посла. М., 2003; 2) Царская Россия накануне революции. М., 1991; *Hoare S.* The Fourth Seal: The End of the Russian Chapter. London, 1930.

¹⁹⁵ *Киреев А. А.* Дневник. 1905–1910 / Сост. К. А. Соловьев. М., 2010.

¹⁹⁶ Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Пг., 1923. Т. 3. (1914–1915 гг.); 1926. Т. 4. (1916 г.); 1927. Т. 5. (1916–1917 гг.).

Таким образом, использование в работе широкого спектра самых разных по своей идеологической направленности и политическим пристрастиям дневников и воспоминаний, авторы которых в различном ракурсе освещали одни и те же события, в значительной степени позволяет свести к минимуму такой недостаток данного вида источника как субъективность и пристрастность.

Среди не публиковавшихся источников к работе привлечены документы девяти архивохранилищ Москвы (ГАРФ, РГАДА, РГАЛИ, Архив ДРЗ, ОР РГБ) и Санкт-Петербурга (РГИА, ЦГИА СПб, ЦГАКФФД, ОР РНБ).

Главными источниками по деятельности правых в законодательных учреждениях Российской империи по праву должны были бы считаться архивы правой группы Государственного совета и Государственной думы. Однако таковых до сего дня историкам выявить не удалось. Между тем известно, что в III Государственной думе архив вел секретарь фракции П. В. Березовский, а в IV-й — священник А. Д. Мешковский, также выполнявший функции фракционного секретаря. То же обстоятельство, что архив фракции правых до сих пор не обнаружен, позволяет предположить, что, скорее всего, он погиб вместе с делопроизводством Союза русского народа, хранившимся в Главном совете Союза, который был сожжен в февральско-мартовские дни 1917 г. революционно настроенной толпой.¹⁹⁷

Что же касается архива правой группы Государственного совета, то таковой едва ли существовал как нечто цельное и регулярное. Скорее всего, текущие материалы откладывались в бумагах председателей группы. Данное предположение основано на изучении личного фонда графа А. А. Бобринского,¹⁹⁸ в котором отложилась подборка отдельных документов (вырезки газетных публикаций о правой группе, проекты документов, переписка и др.), связанных с деятельностью группы в период его председательства. При этом, как показывал ЧСК ВП И. Г. Щегловитов, протоколы правой группы не велись — лишь председатель делал для себя отметки для памяти.¹⁹⁹ Это свидетельство подтверждается и бумагами из личного архива графа А. А. Бобринского, в которых встречается крайне конспективное изложение основных тем, вынесенных на обсуждение правой группы.²⁰⁰

¹⁹⁷ Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. С. 124.

¹⁹⁸ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2.

¹⁹⁹ Падение царского режима... Т. 2. С. 427.

²⁰⁰ См.: РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 60. По большому счету, А. А. Бобринский ограничивался лишь записью заголовков тем, выносимых на обсуждение в заседаниях правой группы: «О роли союза земств» (15 октября 1915 г.), «Сообщение Н. Е. Маркова», «Слух о назначении А. И. Гучкова» (5 ноября 1915 г.), «О предполагаемом съезде монархистов» (17 ноября 1915 г.) и т. д.

Отсутствие целостных архивов правых объединений Государственной думы и Государственного совета было компенсировано привлечением широкого спектра разносторонних архивных источников. В первую очередь при работе над темой были использованы материалы Государственного совета и Государственной думы, отложившиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА). Из документов фонда Общего собрания Государственного совета (Ф. 1148) к исследованию были привлечены стенограммы последней, XIII сессии Государственного совета,²⁰¹ часть которых (конца 1916 — начала 1917 гг.) не была опубликована. Привлечение к исследованию этих стенограмм, в отличие от раскрытия истории последних месяцев функционирования верхней палаты исключительно по газетным отчетам (как это обычно делалось ранее²⁰²), существенно расширяет представления о процессах, происходивших в правой группе и ее политике накануне революции.

Большую ценность представляют материалы из фонда Государственной думы (Ф. 1278), в котором отложились следующие материалы: стенографические отчеты закрытых думских заседаний и стенограммы совещаний членов Государственной думы; телеграммы и письма членов Думы; стенограммы обсуждения законопроектов; журналы заседаний различных думских комиссий; личные дела членов Государственной думы.

Существенную информацию (преимущественно биографического характера) содержит фонд Особого делопроизводства Министерства внутренних дел по выборам в Государственную думу и Государственный совет (Ф. 1327), фонд Совета министров (Ф. 1276) и Канцелярии министра внутренних дел (Ф. 1282).

Не менее ценными для раскрытия темы представляются материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), среди фондов которого, содержащих делопроизводственные документы, можно выделить фонд ЧСК ВП (Ф. 1467), в который вошли как опубликованные, так и не попавшие в печать материалы допросов правых членов обеих законодательных палат (Г. Г. Замысловского, Н. А. Маклакова, А. А. Макарова и др.), а также выводы ЧСК ВП о деятельности представителей правомонархических организаций в Государственной думе и Государственном совете.

В работе также были использованы материалы двух следственных дел лидера фракции правых В. М. Пуришкевича, заведенных по факту ареста правого политика в августе²⁰³ и ноябре²⁰⁴ 1917 г. и содержащих отрывочную

²⁰¹ РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. Д. 4, 6.

²⁰² См.: *Демин В. А.* Верхняя палата Российской империи. С. 14.

²⁰³ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 4. Д. 24.

²⁰⁴ ГАРФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 277.

информацию о деятельности правого политика в предреволюционный период.

При изучении документов политических партий предпочтение отдавалось крупнейшим монархическим союзам, члены которых либо находились в исследуемый период в рядах думской фракции правых и правой группе Государственного совета, либо так или иначе сотрудничали с ними. Среди них выделим следующие фонды ГАРФ — Русского народного союза имени Михаила Архангела (Ф. 117) и Всероссийского Дубровинского союза русского народа (Ф. 116). Из фонда ВДСРН были использованы полные подшивки «Вестника Союза русского народа» и некоторые другие документы; из фонда Русского народного союза имени Михаила Архангела (РНСМА), выгодно отличающегося насыщенностью материалами, непосредственно относящимися к работе правых в Думе, преимущественно были привлечены документы, связанные с деятельностью лидера Союза В. М. Пуришкевича, являвшегося одним из лидеров правой фракции Государственной думы. Что же касается Союза русского народа, наиболее широко представленного своими членами в думской фракции правых, то, как уже отмечалось выше, архивные документы Главного совета СРН не составляют отдельного фонда, так как в большинстве своем погибли в 1917 г.

Наиболее широко в работе использованы источники личного происхождения. Среди них особенно следует выделить перлюстрированную переписку членов фракции правых Государственной думы и правой группы Государственного совета, отложившуюся в фонде Департамента полиции Министерства внутренних дел (Ф. 102). Автором были изучены подборки перлюстрированных писем за 1914–1917 гг. (более 30 архивных дел), содержащие ценный фактический материал как о взглядах отдельных членов правых объединений законодательных палат, так и о процессах, происходящих внутри этих объединений.

Своеобразным, но не менее ценным, чем другие, является такой любопытный исторический источник, как фотоальбом, посвященный патриотической деятельности В. М. Пуришкевича на фронте.²⁰⁵ Несколько десятков фотографий, запечатлевших как его самого, так и работу созданных им санитарного поезда, отрядов, питательных пунктов, позволяют существенно расширить представления об этой стороне деятельности правого политика.

Разносторонне представлены и материалы личных фондов российских политиков и общественных деятелей как правых, так и либеральных взглядов. В первую очередь здесь необходимо отметить документы из фондов

²⁰⁵ ЦГАКФФД. Альбом П 199.

таких видных членов правой группы Государственного совета, как граф А. А. Бобринский (РГАДА. Ф. 1412, РГИА. Ф. 899), граф С. Д. Шереметев (РГАДА. Ф. 1287, РГИА. Ф. 1088) и И. Г. Щегловитов (РГИА. Ф. 1675). Материалы перечисленных фондов содержат в себе как личную информацию о перечисленных политиках, так и документы, относящиеся к деятельности правых в Государственном совете.

Значительную ценность представляют собой неопубликованные мемуары члена внепартийного объединения Государственного совета П. П. Менделеева,²⁰⁶ уделившего немало внимания характеристике работы верхней палаты и отдельных ее членов. Не менее информативными следует также признать малоизвестные воспоминания члена Главной палаты РНСМА Ю. С. Карцова,²⁰⁷ который дал развернутые характеристики лидерам фракции правых Государственной думы, а также подробно осветил мотивы политической деятельности некоторых ее членов в рассматриваемый нами период. С этой же точки зрения необходимо обратить внимание и на мемуары депутата фракции центра Б. А. Энгельгардта, сохранившиеся в нескольких отличающихся друг от друга редакциях в рукописных отделах Российской национальной и Российской государственной библиотек и частично опубликованных, представляющие собой разрозненные воспоминания²⁰⁸ и статьи политика,²⁰⁹ существенно проясняющие некоторые аспекты деятельности фракции правых в рассматриваемый период.

Отдельные документы, имеющие прямое или косвенное отношение к деятельности правых в законодательных учреждениях Российской империи, были извлечены из фондов лидера кадетской партии П. Н. Милюкова (ГАРФ. Ф. 579), лидера Союза 17 октября А. И. Гучкова (ГАРФ. Ф. 555),

²⁰⁶ Менделеев П. П. «Свет и тени» в моей жизни. Воспоминания // ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 109–113. В диссертации использована часть воспоминаний П. П. Менделеева, охватывающая период Первой мировой войны и Февральской революции — Д. 111 (Тетрадь 5), Д. 112 (Тетрадь 6).

²⁰⁷ Карцов Ю. С. Хроника распада // Архив ДРЗ. Ф. 1. Ед. хр. М-76 (1).

²⁰⁸ Энгельгардт Б. А. 1) Воспоминания о далеком прошлом. Ч. I. Потонувший мир. Ч. II. Революция и контрреволюция // ОР РНБ. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 23, 29, 31, 32, 59; 2) Воспоминания камер-пажа выпуска 1896 г. // Там же. Д. 71; 3) Потонувший мир // ОР РГБ. Картон 305. Картон 306. Ед. хр. 3; 4) Воспоминания камер-пажа // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Таллинн, [1997]. Т. 3. С. 143–256; 5) Февральская революция / Подгот. текста, вступ. статья и примеч. А. Б. Николаева // Клио: Журнал для ученых. 2003. № 1 (20). С. 176–197; 6) Революция и контрреволюция. Русская гвардия. Мемуары // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Рига, 2004. Т. 8. С. 7–386.

²⁰⁹ Энгельгардт Б. А. Рассмотрение военных законопроектов в Государственной думе 3-го и 4-го созывов // ОР РНБ. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 71.

депутата-октябриста А. И. Ключева (РГИА. Ф. 669), видного члена кадетской фракции А. И. Шингарева (РГИА. Ф. 1090), члена левой группы Государственного совета И. Х. Озерова (ОР РНБ. Ф. 541), члена дореформенного Госсовета И. И. Воронцова-Дашкова (ОР РГБ. Ф. 58/II), публициста и литературного критика Ю. И. Айхенвальда (РГАЛИ. Ф. 1175), известного русского историка С. Ф. Платонова (ОР РНБ. Ф. 585), из материалов коллекций отдельных документов личного происхождения (ГАРФ. Ф. 1463, 5881) и некоторых др.

Завершая анализ и критический разбор историографии темы и ее источниковой базы, можно сделать некоторые выводы. Несмотря на широкий спектр научно-исследовательских трудов, посвященных истории IV Государственной думы, работ, в которых бы специально рассматривалась деятельность ее правого фланга, крайне мало, а исследований, посвященных фракции правых в период Первой мировой войны — единицы. Степень изученности реформированного Государственного совета, составляющих его объединений и происходивших в нем процессов несоизмеримо меньше исследованности аналогичных процессов и явлений в Государственной думе. При этом работ, специально посвященных правой группе верхней палаты, за исключением единственной статьи А. П. Бородина, не существует, а исследования, в которых бы деятельность правой группы в период Первой мировой войны рассматривалась как самостоятельный объект, отсутствуют. Ни в отечественной, ни в зарубежной историографии деятельность правого спектра обеих законодательных палат Российской империи (фракции правых Государственной думы и правой группы Государственного совета) не рассматривалась комплексно, хотя оба этих консервативных объединения являлись двумя частями единого политического организма (правомонархического лагеря). В большинстве работ, посвященных истории правомонархического (черносотенного) движения, проблема деятельности представителей правых партий и союзов в Государственной думе и Государственном совете рассматривается обзорно и, за редким исключением, обрывается 1914 годом. Целостных комплексов документов правых объединений обеих законодательных палат на сегодняшний день не сохранилось, поэтому деятельность фракции правых IV Государственной думы и правой группы Государственного совета в 1914–1917 гг. может быть раскрыта только при условии привлечения самого широкого и разностороннего комплекса других исторических источников. Данная работа, по сути, является первой в российской и западной историографии попыткой системной реконструкции и анализа деятельности правого спектра Государственного совета и Государственной думы в годы Первой мировой войны.

Глава II

ПРАВЫЕ И «СВЯЩЕННОЕ ЕДИНЕНИЕ» (1914 — начало 1915 г.)

§ 1. Правые объединения Государственной думы и Государственного совета накануне Первой мировой войны

Подходя к вопросу о роли фракции правых IV Государственной думы и правой группы Государственного совета в годы Первой мировой войны, для понимания последующих событий и полноты их описания следует остановиться на освещении ряда моментов, относящихся к предыстории темы. Предвоенное время уже было для правых периодом постепенного упадка (практически он начался с 1908 г.), который лишь усугубился во время войны, приведя в конце концов правый лагерь к полному краху. Это был период спада как численности, так и активности правых сил, поскольку, как казалось тогда многим представителям власти в Российской империи, революционные потрясения безвозвратно ушли в прошлое, а тесное и неприкрытое сотрудничество с ультраконсервативными течениями в новых политических условиях компрометировало правительство.

Союз русского народа (включая и позже выделившиеся из него Русский народный союз имени Михаила Архангела и Всероссийский Дубровинский Союз русского народа) уже выполнил, по мнению многих сановников и членов правительства, свою миссию в 1905–1907 гг. Теперь же, когда «красных тряпок» на улицах уже не было, правые должны были сойти со сцены, дабы не дискредитировать правительство в глазах широких слоев либерально настроенной общественности. Недавний покровитель правых, дворцовый комендант генерал-адъютант В. А. Дедюлин в 1912 г. отмечал: «На той (левой. — *А. И.*) стороне таланты, образование, знание, а на этой стороне кроме хулиганства и невежества нет ничего... Ну, что это за люди! А ведь

хотят из себя разыгрывать второе правительство».¹ По справедливому мнению историка правого движения Ю. И. Кирьянова, правительственная власть в этот период уже не столько помогала правым, сколько терпела их.²

Безусловно, власть нуждалась в надежной опоре, но в то же время она пыталась сдерживать правое движение в определенных рамках. Правительство стеснялось ультраправых взглядов своих добровольных защитников, столь непопулярных в «культурном обществе», пытаясь отмежеваться от них, превращая тем самым, по выражению лидера СРН Н. Е. Маркова, полки в академии.³ Поэтому, несмотря на регулярную финансовую поддержку правых организаций вплоть до 1917 г. и активное вмешательство правительства в предвыборную кампанию с целью провести проправительственное большинство, власть стремилась обуздать «излишнюю» активность и самостоятельность правых партий и союзов, направляя ее в удобное для себя русло. Такая позиция приводила к ослаблению правого лагеря и, как следствие, — обострению взаимоотношений между правыми организациями и правительственной властью.

Кроме того, правый лагерь был ослаблен постоянными внутренними расколами и распрями, а, следовательно, зачастую был вынужден бороться не только с либеральным и революционным движением, но и с внутренними «ересями». Поддержка правых среди населения после революции 1905–1907 гг. начала стремительно сокращаться. Консервативный лагерь пополнялся в основном за счет «глуби народной», как говорилось в одном из очерков деятельности правых.⁴ Подавляющее большинство дворянства и интеллигенции осталось в стороне от правомонархического движения, большинство членов которого составляли помещики-землевладельцы, представители православного духовенства и крестьяне, особенно в северо-западных и юго-западных губерниях (черта еврейской оседлости).

В годы Первой мировой войны наметившиеся тенденции получили развитие. «Две трети интеллигентного общества и купечества — за них [оппозиционеров. — *А. И.*], горожане вторят статьям левых газет, большинство бюрократии — тоже за них», — писал в годы войны видный правый деятель, астраханский купец Н. Н. Тиханович-Савицкий.⁵

¹ Цит. по: Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 28; Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. С. 165.

² Кирьянов Ю. И. Предисловие // Правые партии. Документы и материалы (1905–1917 гг.). М., 1998. Т. 1. С. 20.

³ См.: Марков Н. Е. Войны темных сил. [Кн. 1]. Париж, 1928. С. 137.

⁴ Правые партии. Документы и материалы... Т. 1. С. 27.

⁵ Правые в 1915 — феврале 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам / Публ. Ю. И. Кирьянова // Минувшее. М.; СПб., 1993. Т. 14. С. 188.

При таких условиях представительство правых в IV Государственной думе едва ли могло быть значительным, если бы не стремление правительства оказывать на выборах определенное содействие правым и националистам. Правительство, видя оппозицию даже в октябристах, не говоря уже о кадетях, пыталось завладеть центральным пунктом позиции противника, т. е. Думой, создав в ней умеренно-правое большинство. Это большинство должно было сделать Думу такой, какой она была нужна правительству, т. е. работоспособной, патриотической и лояльной.

В рамках данного исследования не будем подробно останавливаться на выборах в IV Государственную думу и взаимоотношениях в ходе них правых и власти — эта тема достаточно подробно освещалась нами в других работах.⁶ Отметим лишь, что, как показали выборы, правительство отнюдь не стремилось к тому, чтобы обеспечить торжество крайне правых сил, хотя при наличии такого желания вполне могло бы этого достигнуть. Но в правящих кругах полагали, что создание Думы с явным преобладанием крайне консервативного крыла невозможно, так как такое положение дел, с точки зрения правительства, возглавлявшегося умеренно-либеральным В. Н. Коковцовым, исключалось политической обстановкой в стране и могло негативно отразиться на авторитете власти в среде либерально настроенной общественности.

Кроме того, правый лагерь отнюдь не был един в своем отношении к Государственной думе. Попасть туда стремились лишь так называемые «умеренные» правые (СРН, РНСМА), т. е. сторонники государственного устройства, в котором определенное место отводилось Государственной думе, формально созданной и действовавшей по воле царя. Сразу оговоримся, что термин «умеренные» по отношению к этим организациям весьма условный и используется нами исключительно для сравнения с такими правыми партиями как ВДСРН, Астраханская народная монархическая партия (АНМП) и т. п., занимавшими еще более консервативные позиции. Попав в Государственную думу, «умеренные» оказались самой консервативной фракцией и получили в рамках парламентской системы наименование «крайне правых».

«Неумеренные» крайне правые (ВДСРН, АНМП), т. е. сторонники возвращения к порядкам, существовавшим в России до издания Манифеста 17 октября 1905 г., нападали на более умеренных собратьев во время предвыборной кампании не меньше (если не больше), чем на оппозиционные

⁶ Иванов А. А. 1) Правые партии и выборы в IV Государственную думу; 2) Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917). СПб., 2006. С. 24–32.

силы. В их глазах марковы и пуришкевичи имели лишь «внешнее» сходство с монархистами «истинными». По образному сравнению крайне правого публициста Н. Н. Жеденова, «умеренные» напоминали правоверных монархистов, как маргарин напоминает сливочное масло (т. е. внешне, но не качественно).⁷ А публицист Ю. С. Карцов, хоть и принадлежавший до войны к РНСМА, но придерживавшийся более правых позиций, чем многие его члены, в отношении лидера думских правых Н. Е. Маркова замечал: «За тридцать сребреников казенной субсидии на издание газеты и устройство собственной организации поступился он полностью царской власти, и черносотенство выдал правительству с головой».⁸ Подчеркивая зависимость думской фракции правых от правительства, ультраправая «Гроза» называла ее «бюрократической фракцией», т. е. «таким же подчиненным всем ведомствам учреждением, каким, например, является полиция, которой все влиятельные лица тычут, как потребуются».⁹

Более того, такой известный деятель АНМП, как Н. Н. Тиханович-Савицкий, придерживавшийся крайнего, дубровинского направления, отмечал, что раз монархисты не смогут составить подавляющего большинства, то следует «дать гг. министрам левую Думу из социалистов и кадетов, преимущественно из социалистов», что левая Дума желательнее Думы октябристской и националистической, т. к. правительство будет вынуждено ее распустить. В конце он делал вывод, что «истинные» монархисты должны вообще бойкотировать думские выборы.¹⁰ Эту позицию разделяли и дубровинцы.¹¹ Открыто выступить против действующей по воле императора Государственной думы «неумеренные» правые не могли, но, по сути, они заняли едва ли не антигосударственные позиции, защищая накануне выборов в Думу принцип: «чем хуже — тем лучше».

Иных взглядов придерживалось руководство СРН и РНСМА. Ссылаясь на то, что сам царь призвал Думу, а потому не признавать ее монархисты

⁷ См.: Жеденов Н. Маргариновы монархисты. СПб., 1912.

⁸ Архив ДРЗ. Ф. 1. Д. М-76 (1). Л. 255.

⁹ Гроза. 1913. 7, 10 марта.

¹⁰ Тиханович-Савицкий Н. Должны ли монархисты принимать участие в выборах в 4-ю Государственную думу. Астрахань, 1912. С. 8.

¹¹ Характерно в этом отношении признание такого правого деятеля как Н. Н. Родзевича, писавшего в частном письме «патриарху» правых К. Н. Пасхалову: «Членом Гос. думы я, слава Богу, не состою; если бы даже имел все шансы пройти, я бы не выставил своей кандидатуры <...> Мое убеждение, что Гос. дума развращает даже самых стойких правых, которые, ослепленные тем почетом, который оказывается депутатам, становятся защитниками парламентаризма» («Не понимают величия русской государственной идеи». Переписка К. Н. Пасхалова. 1914–1917 гг. // Источник. 1995. № 6. С. 14).

не имеют права, оно осудило позицию крайнего крыла правого лагеря и приняло активное участие в выборной кампании. «Как ни неудачно, как не ошибочно составлено положение о выборах в Гос. Думу, все же иного, кроме Гос. Думы, выразителя голосов всей русской земли нет», — писала проводящая взгляды СРН «Курская быль».¹² Лидер думских правых Н. Е. Марков считал своих единомышленников в СРН «земско-соборниками»,¹³ самим этим названием указывая на признание ими необходимости народного представительного органа. А член Главной палаты РНСМА, депутат Государственной думы III–IV созывов Г. А. Щечков, имевший репутацию «горячего сторонника Маркова» и «вандейца»,¹⁴ неоднократно подчеркивал, что быть в Думе — прямая обязанность правых. По его мнению, разбивая на местах врагов церкви, престола и Родины, правые также должны их преследовать и в Государственной думе, чтобы она не превратилась в оплот и цитадель левых сил.¹⁵ Поэтому участие в выборах в Государственную думу и последующую законодательную работу в ней «умеренные» расценивали как долг каждого истинного монархиста и всеми силами стремились его исполнить.

Таким образом, в отличие от Государственной думы II и III созывов, где был представлен весь спектр правых сил, в Думе IV созыва крайне консервативный фланг был представлен лишь умеренным крылом черносотенного лагеря. Собственно крайне правые, или «правые революционеры», как их иногда называли за стремление демонтировать выборные представительные институты думской монархии, участие в выборах 1912 г. проигнорировали.

Чтобы составить представление о программе правой фракции IV Государственной думы накануне Первой мировой войны, кратко приведем основные постулаты монархистов, которые были ими выдвинуты на выборах.

- Укрепить «древнее благочестие» и восстановить патриаршество;
- содействовать «истинному просвещению» крестьян, которое оказалось бы полезным для их хозяйственных нужд;
- предоставить льготные условия приобретения земли крестьянами через Крестьянский банк;
- поддержать переселенцев путем предоставления льготных ссуд и широкой правительственной помощи;

¹² Курская быль. 1915. 18 июля.

¹³ Падение царского режима... Т. 6. С. 179.

¹⁴ Архив ДРЗ. Ф. 1. Д. М–76 (1). Л. 187

¹⁵ См.: Стрелков А. Т. Черная сотня в Центральном Черноземье. Курск, 2000. С. 73.

— улучшить материальное положение и условия труда рабочих. (Все остальные подданным правые обещали «спокойные условия для труда»¹⁶).

Неудачу в решении этих вопросов ранее правые объясняли тем, что во всех трех Думах их была «малочисленная кучка».

Как видно из этой программы, она была куда более скромной (хотя реально и более выполнимой, нежели предвыборные обещания их политических противников) и в связи с этим заранее непопулярной для большинства избирателей. Традиционно являясь сторонниками «малых дел», как справедливо отметил историк Ю. И. Кирьянов, правые проявляли взвешенный, трезвый подход при решении наболевших социально-экономических вопросов, в то время как планы либералов и радикалов нередко страдали утопичностью выдвигаемых требований.¹⁷ Но привлечь на свою сторону значительное число сторонников такими обещаниями, в то время как оппозиция сулила «золотые горы», было достаточно трудно. Кроме того, слабым местом программы правых было то, что они никак не могли отрешиться от защиты дворянского землевладения, а, следовательно, не могли и предложить какого-либо привлекательного для крестьянских масс решения аграрного вопроса в России.

По завершении выборов у правых была надежда, что Дума будет исключительно консервативной (этого же боялись и либералы с левыми), и первая официальная статистика как будто подтверждала эти сведения: правых числилось 146 человек, националистов — 81, октябристов — 80, а всей оппозиции — 130.¹⁸ Но как только депутаты съехались, выявилась совершенно иная картина: оказалось, что авторы подсчетов совершенно огульно зачислили чуть ли не всех крестьян и священников в ряды правых, тогда как многие из них присоединились к октябристам, а то и к прогрессистам. Существовавшее на бумаге правое большинство растаяло. К тому же часть депутатов, первоначально записавшихся в ряды правых, в первые же недели покинули их. Некоторые, напротив, записавшись сперва в октябристы, беспартийные, умеренно-правые, или пытавшиеся создать особую беспартийную земскую группу, к концу ноября примкнули к фракции правых.¹⁹

В итоге численность консервативно настроенных депутатов, образовавших фракцию правых (самоназвание группы), составила 64 человека и

¹⁶ Вихров А. Кого выбирать в 4-ю Государственную думу. М., 1912. С. 29–32; Полный текст предвыборного послания правых партий и организаций см.: Правые партии... Т. 2. С. 254–269.

¹⁷ См.: Кирьянов Ю. И. Правые партии в России... С. 334.

¹⁸ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. М., 1992. Т. 2. С. 91.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 572. Л. 2–58.

1-го примыкающего, что было на 15 человек больше по сравнению с III Думой.²⁰ Тем не менее, несмотря на прирост в 25 %, правые ожидали, несомненно, большего. Доверившись данным предварительной статистики, наиболее ретивые из них даже поспешили занять для своих будущих сотоварищей побольше мест в Таврическом дворце (правыми было занято 150 мест, хотя в действительности их оказалось в 2,5 раза меньше).²¹

И тем не менее, по сравнению с предшествующими созывами Государственной думы численно представительство правых было как никогда большим. Но, как справедливо замечает Н. И. Алымова, хотя «в IV Думе правые и националисты с помощью власти и церкви смогли увеличить свое представительство <...>, но по иронии истории эта Дума, имевшая наиболее мощное консервативное крыло, сыграла самую революционную роль в истории России».²²

Распределение сил в IV Думе оказалось следующим: крайне правых и примыкающих к ним — 65; националистов — 88; независимых националистов (группа центра) — 33; членов Союза 17 октября и примыкающих к ним — 98; кадетов и примыкающим к ним — 59; прогрессистов, включая примыкающих — 48; трудовиков — 9; социал-демократов — 15; членов польского кола — 9; белорусско-польско-литовская группа — 6; мусульманская группа — 6; беспартийных — 6.²³

Таким образом, ни правые, ни левые, ни центральная группа Думы большинства не получили. Правые и националисты, хотя не без поддержки властей и усилились, но все же своими полутораста голосами ничего не могли сделать против 280 остальных членов Государственной думы. Более того, правые практически сразу же оказались в изоляции. Еще до начала войны стало очевидным всеобщее желание отмежеваться от правых, чем последние были весьма встревожены и обсуждали меры по преодолению сложившегося положения и поднятия своего престижа. Даже союзники правых — националисты, которые «путались между октябристами и зубрами»^{24,25}

²⁰ *Стирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). М., 1977. С. 34.

²¹ Первый год жизни Четвертой Государственной думы. СПб., 1913. С. 9.

²² *Алымова Н. И.* Правомонархические партии на выборах в IV Государственную Думу. С. 123.

²³ *Боювич М. М.* Члены Государственной думы (портреты и биографии): Четвертый созыв. 1912–1917 гг. М., 1913. С. XXV.

²⁴ Прозвище «зубры» было дано защитникам самодержавия с подачи Н. Е. Маркова, однажды заметившего, что «правые такая же редкость, как зубры». См.: *Богоявленский Д. Д., Иванов А. А.* «Курский зубр» Николай Евгеньевич Марков (1866–1945) // *Воинство святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века.* СПб., 2006. С. 116.

²⁵ *Кольшико И. И.* Великий распад. С. 259.

вскоре большинством голосов постановили, что работа в Думе должна вестись совместно с октябристами. По вопросу о взаимодействии с фракцией правых большинство националистов встало на точку зрения, что возможны совместные действия лишь с ее отдельными членами, но не с фракцией в целом.²⁶

Что касается социального состава фракции правых, то выглядел он следующим образом: из 64 фракционеров и одного примыкающего к правой фракции (академика Г. Е. Рейна, с 1916 г. главноуправляющего государственным здравоохранением) оказалось: дворян — 25 чел., представителей православного духовенства — 21, крестьян — 15, купцов — 1, других — 3.²⁷ Приведенные цифры прекрасно подтверждают вышеприведенные слова Н. Н. Тихановича-Савицкого о практически полном отсутствии в этот период в рядах правых представителей интеллигенции, буржуазии, купечества, рабочих и вообще горожан. Таким образом, правая фракция больше чем на две трети состояла из дворян-землевладельцев и представителей православного духовенства.

Треть фракции (12 человек) не были новичками и являлись депутатами Думы предшествующих созывов. Высшее образование имели 22 человека, среднее (преимущественно духовное и военное) — 24, низшее или домашнее — 18 человек. Большинство избранных депутатов имело духовное образование (21 человек), 11 человек получили юридическую подготовку, трое были отставными военными.²⁸

По партийной ориентации явно преобладали члены СРН²⁹ (не менее 20 человек), не менее четырех принадлежало к РНСМА, остальные, видимо, являлись беспартийными правыми монархистами (преимущественно крестьяне

²⁶ Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 25; Там же. № 10. С. 11.

²⁷ Подсчитано автором по материалам личных дел членов Гос. Думы. См.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 4, 16, 20, 51, 64, 66, 69, 94, 108, 132, 162, 173, 191, 199, 200, 244, 275, 281, 290, 296, 305, 317, 328, 334, 396, 431, 433, 434, 441, 448, 454, 484, 502, 509, 527, 528, 560, 569, 574, 631, 632, 644, 646, 653, 702, 723, 733, 745, 748, 751, 763, 772, 779, 811, 813, 820, 842, 848, 856, 888, 890, 921, 930, 935. См. также: *Иванов А. А.* Фракция правых IV Государственной думы: численность и состав (1912–1917) // Герценовские чтения. Актуальные проблемы социальных наук. 2003. СПб., 2003. С. 63–65.

²⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Указ. дела; *Мираков М. В.* Организационное оформление правой фракции IV Государственной думы. С. 45.

²⁹ Впрочем, не все члены СРН вошли во фракцию правых. Исключение составил тамбовский депутат князь В. М. Волконский, член СРН и Союза русских людей, вошедший в беспартийную группу Думы.

и священники).³⁰ Большинство правых депутатов либо уже являлись членами Русского собрания, либо стали таковыми сразу же после избрания в Государственную думу.³¹ К так называемой «думской элите», к которой можно отнести депутатов Думы предшествующих созывов, членов Совета старейшин (Сеньорен-конвента) и руководство фракции, можно отнести 15–16 человек, т. е. около четверти членов фракции.³² По вероисповедной принадлежности все члены фракции являлись православными.

При этом правые были преимущественно представлены следующими губерниями — Курской, Волынской, Нижегородской и Вятской, давшими в совокупности больше половины депутатского состава фракции правых. Из них наибольшее число правых депутатов дали Курская и Волынская губернии. Депутаты этих регионов все без исключения вошли в правую фракцию. Курская губерния дала 11 депутатов (из которых только трое были избраны впервые, остальные являлись членами Государственной думы III созыва), поголовно являвшихся активными деятелями СРН³³ (исключение составил лишь В. М. Пуришкевич (председатель Главной палаты РНСМА), избранный по Курской губернии, но курянином не являвшийся³⁴). Столько же правых депутатов (11 человек) дала и Волынская губерния, где национальное самосознание и консервативные взгляды были традиционно присущи русскому православному населению.³⁵ Нижегородский губернатор

³⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Указ. дела; РГИА. Ф. 1327. Оп. 1 — 1912. Д. 30, 33 а, 33 б, 34, 35 а, 35 б.

³¹ По нашим подсчетам, членами Русского собрания в разные годы состояли 36 депутатов фракции правых. Подсчитано по: Список членов Русского собрания. 1913 г. СПб., 1913; Список членов Русского собрания [Вторая половина 1914 г. — первая половина 1915 г.] // *Кирьянов Ю. И.* Русское собрание. 1900–1917. М., 2003. С. 320–339.

³² РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Указ. дела; РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1122, 1158; *Николаев А. Б., Поливанов О. А.*, Парламентская элита России в 1912–1917 гг. // Из глубины времен. 1994. Вып. 3. С. 62–65.

³³ РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 207; *Салтанов Н. М.* Политический консерватизм в Российской провинции. По материалам губерний Центрального Черноземья (1905–1914): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1997. С. 21; Двуглавый орел (Париж). 1926. № 2. 24 декабря. С. 12; *Стрелков А. Т.* Черная сотня в Центральном Черноземье. С. 80–83.

³⁴ В результате конфликта с влиятельным кланом Крупенских, имевшим большое влияние в Бессарабии, Пуришкевич не рискнул выставлять свою кандидатуру от родной губернии, а, заручившись поддержкой Н. Е. Маркова, и незадолго до выборов приобретя поместье в Курской губернии, баллотировался как «курянин». Подробнее см.: *Иванов А. А.* Владимир Пуришкевич: опыт биографии правого политика. С. 186–190.

³⁵ Подсчитано по материалам РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Указанные дела; РГИА Ф. 1327. Оп. 2. Д. 195. По подсчетам исследователя И. В. Омелянчука, из 97 депутатов, избранных с территории Украины, 59 принадлежало к фракциям правого лагеря, включая

А. Н. Хвостов, проводивший на выборах политику явного административного вмешательства, тоже весьма преуспел. Ему удалось провести в Думу исключительно убежденных монархистов: 6 правых и 1-го националиста (сам Хвостов был избран от Орловской губ.).

В президиум (Совет) правой фракции были избраны: А. Н. Хвостов — председатель (в конце 1913 г. его сменил профессор С. В. Левашев); Н. Е. Марков и С. В. Левашев — товарищи председателя; А. Д. Мешковский — секретарь фракции; К. М. Струков — казначей.³⁶ Членами Совета фракции (избран 14 июля 1912 г.) также стали: Г. Г. Замысловский, В. М. Пуришкевич, Т. Д. Попов, П. А. Барач, К. М. Околович, К. А. Тарасов, князь Б. А. Голицын. Оба архиерея, ставшие членами правой фракции, — епископы Никон (Бессонов) и Анатолий (Каменский), вошли в Совет фракции в качестве почетных членов.³⁷

Но самыми яркими лидерами фракции правых, не имевшими конкуренции по своей популярности в монархическом движении с другими своими софракционерными, были прежние «герои» III Думы и руководители крупнейших черносотенных союзов — В. М. Пуришкевич, Н. Е. Марков и, в несколько меньшей степени, Г. Г. Замысловский. «Лидерами правых, — вспоминал депутат Б. А. Энгельгардт, — были Марков II,³⁸ Пуришкевич и Замысловский. Все трое неплохо владели словом, и надо признать, что их речи неизменно вызывали интерес, хотя часто сопровождались взрывом негодования на левом крыле, особенно при выступлениях Маркова и Пуришкевича, которые не стеснялись и сыпали резкими выражениями вовсю. Марков проделывал это в солидном тоне, Пуришкевич трещал, как пулемет, и нередко прибегал к чисто хулиганским выходкам, за что бывал неоднократно

националистов (Омельячук И. В. Черносотенное движение на территории Украины (1904–1914 гг.). Киев, 2000. С. 110); Подсчет правых депутатов по географическому признаку также сделан М. В. Мираковым. По его данным: Центрально-промышленный район — 5 депутатов (7,8% от общего числа членов фракции); Центрально-Черноземный район — 15 (23,3%); Урал — 2 (3,1%); Украина и Белоруссия — 24 (37,8%); Приуралье, Среднее и Нижнее Поволжье — 18 (28,1%) // *Мираков М. В.* Организационное оформление правой фракции IV Государственной думы. С. 45.

³⁶ Донесения Л. К. Куманина из министерского павильона Государственной думы. Декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 24; Там же. № 3. С. 15; Государственная дума. IV созыв. I–II сессия. Справочник. СПб., 1912, 1913, 1914.

³⁷ *Мираков М. В.* Организационное оформление правой фракции IV Государственной думы С. 45; Земщина. 1912. 17 ноября.

³⁸ Приставку к фамилии «второй» Н. Е. Марков получил по существовавшей традиции, вводившей номерные обозначения, если в одном учреждении (организации, полку) были однофамильцы.

чуть ли не силой выводим из залы».³⁹ Что же касается основных недостатков обоих лидеров думской фракции правых, то, отмечал Ю. С. Карцов, «Марков II помешан был на властолюбии и не выносил равного», в то время как «больным местом Пуришкевича являлось тщеславие».⁴⁰

Н. Е. Марков, как и В. М. Пуришкевич, имел репутацию народного трибуна,⁴¹ также славился своим «запальчивым нутром».⁴² «Высокого роста, он обладал незаурядной внешностью, голову нес высоко и горделиво, в разговорах был резок и заносчив. В карих глазах его виднелась не столько решимость и энергия, сколь упрямая непримиримость. Надо все ж отдать ему справедливость, по-своему, „Марков 2-ой“ являлся человеком неглупым и незаурядным. Он, несомненно, обладал даром красноречия и отличался большим самообладанием, не покидавшим его в самой враждебной обстановке», — отмечал член Государственного совета А. Н. Наумов.⁴³ «Огромным ростом, чертами лица и обильною шевелюрою представлял Марков прямую копию с портрета императора Петра I. Щеголя этим сходством, принимал он повелительные позы, давая понять — походит он на великого преобразователя не только одною внешностью», — отмечал Ю. С. Карцов.⁴⁴ «Марков, верный сам себе, / Левых щелкает везде», — таким двустушием-экспромтом охарактеризовал вождя думских правых софракционер Маркова по III Думе, а в описываемый период видный член правой группы Государственного совета граф А. А. Бобринский.⁴⁵

Стиль же поведения, выбранный В. М. Пуришкевичем в Государственной думе, принес ему поистине всероссийскую известность. Своим эпатажным поведением политик добился феноменальной популярности: уже при жизни его имя стало нарицательным. Как справедливо подметил современник, коллега Пуришкевича по Государственной думе и его политический противник — кадет В. А. Маклаков, «трудно отрицать, что в известное время он был едва ли не самый популярный человек; правда, эта

³⁹ ОР РГБ. Ф. 218. Картон 305. Ед. хр. 3. Л. 322.

⁴⁰ Архив ДРЗ. Ф. 1. Д. М-76 (1). Л. 259.

⁴¹ В Древнем Риме народными трибунами (*tribuni plebis*) назывались высшие выборные должностные лица из плебеев, обладавшие правом вмешательства в государственные дела и наложением запрета на постановления сената; их личность считалась неприкосновенной. О Маркове как народном трибуне см.: *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. С. 77. Пуришкевич в 1917 г. издавал собственный печатный орган, красноречиво названный им «Народный трибун».

⁴² *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. Кн. 2. С. 78.

⁴³ Там же. С. 77.

⁴⁴ Архив ДРЗ. Ф. 1. Д. М-76 (1). Л. 255.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 233. Л. 58.

популярность была специфическая и не всем бы понравилась».⁴⁶ «Популярность он приобрел главным образом всевозможными репликами с места и другими выходками, иногда остроумными, а подчас грубыми и неприличными», — писал о Пуришкевиче член Государственной думы профессор М. М. Новиков.⁴⁷ Хулиганом, но при этом человеком весьма неглупым характеризовал Пуришкевича и Я. В. Глинка, прослуживший одиннадцать лет в Думе в качестве начальника одной из канцелярий и хорошо знавший политика. В своих воспоминаниях он писал о нем следующее: «Пуришкевич убежденный ярый монархист, не глупый, смелый в своих действиях и поступках и хулиган в поведении. Он не задумается с кафедры бросить стакан с водой в голову Милюкова. Необузданный в словах, за что нередко был исключаем из заседаний, он не подчинялся председателю и требовал вывода себя силой».⁴⁸ Все без исключения современники Пуришкевича отмечали его крайнюю неуравновешенность, импульсивность, возбудимость, вспыльчивость и неустойчивость мышления. «Увлекаясь какой-либо идеей, — вспоминал депутат Думы князь С. П. Мансырев, — он доводил ее до последних крайних пределов, иногда до абсурда, и казался фанатиком, неспособным на твердое отношение к жизни».⁴⁹ По свидетельству кадета В. А. Маклакова, «он не умел собой владеть, был едва ли нормален. Он был заряженной бомбой, всегда готовой взорваться, а тогда остановить его уже было нельзя».⁵⁰ «Слишком огненным» считал Пуришкевича и видный член правой группы Государственного совета И. Г. Щегловитов.⁵¹

При этом большинство современников считало Пуришкевича хорошим оратором. «Он никогда не терялся, всегда неуклонно вел свою линию, говорил именно то, что хотел, и добивался того впечатления, какого желал. <...> Он был находчив, не смущался никакими перерывами и умел тут же парировать враждебные ему реплики», — писал о Пуришкевиче С. Б. Любош.⁵² Секретарь Думы кадет М. В. Челноков писал о нем: «На кафедре беснуется

⁴⁶ Маклаков В. А. В издательство «Я. Е. Поволоцкий и К°» / Вместо предисловия // Последние дни Распутина. М., 2005. С. 13.

⁴⁷ Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 183.

⁴⁸ Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. С. 51.

⁴⁹ Мансырев С. [Заклечение] // Пуришкевич В. М. Дневник «Как я убил Распутина»: Репринтное воспроизведение издания 1924 г. М., 1990. С. 99–100.

⁵⁰ Маклаков В. А. Вторая Государственная дума. (Воспоминания современника). London, 1991. С. 124.

⁵¹ [Богданович А. В.] Три самодержца. Дневники генеральши А. В. Богданович. С. 376.

⁵² Любош С. Б. Русский фашист Владимир Пуришкевич. С. 10–11, 36.

Пуришкевич. Он говорит очень недурно, бойко, нахально, острит и вызывает гомерический хохот аудитории... Вообще, Пуришкевич человек опасный, вовсе не такая ничтожная величина, как принято думать».⁵³ А кадет (впоследствии прогрессист) князь С. П. Мансырев, опять-таки не принадлежавший к числу сторонников Пуришкевича, оставил о нем следующие строки: «В. М. Пуришкевич был человеком далеко не заурядным. Он обладал громадной инициативой, чрезвычайно обширным и разносторонним образованием и начитанностью (в особенности по истории и классической литературе), большим ораторским талантом и обнаруживал на всех поприщах не совсем обычную для русских неутомимую деятельность... <...> Во всех своих действиях и словах он был неизменно искренен и честен. Никогда и ни при каких условиях не преследовал он скрытых целей, тем более — в видах личной для себя пользы. Это был в полном значении слова — неподкупный рыцарь, господин своего слова».⁵⁴ Причем, если первоначально Пуришкевич слыл «человеком неуравновешенным, гаером и озорником», то ко времени IV Государственной думы «постепенно стали различать в нем крупного политического деятеля», замечал правый публицист и дипломат Ю. С. Карцов.⁵⁵

Отметим также, что, несмотря на кажущееся стороннему наблюдателю единомыслие тандема Марков — Пуришкевич, между этими правыми политиками было далеко не все гладко, что прекрасно показали события времен Первой мировой войны. «Господин Пуришкевич имеет в нем (Н. Е. Маркове. — А. И.) серьезного конкурента, тем более что оба — деятели одной школы. Но господин Марков, владея непринужденностью движений и политических приемов руководителя „Союза русского народа“, имеет к тому же могучую фигуру, роскошную шевелюру и зычный голос», — иронично писала кадетская «Речь».⁵⁶ Но дело, конечно же, было не только в контрасте внешности двух лидеров думской правой. Как справедливо отмечал Ю. С. Карцов, «Пуришкевич и Марков хотя и слыли политическими близнецами, велась между ними глухая борьба. Марков не прощал Пуришкевичу популярности его и успехов. Союз Михаила Архангела был бельмом у него на глазу. Находя его бесполезным, непременно хотел он его ликвидировать <...>. Но, как не подъезжал к Пуришкевичу Марков и не

⁵³ Цит. по: *Архатов И.* Кривое зеркало российского парламентаризма. С. 118.

⁵⁴ *Мансырев С.* [Заключение] // *Пуришкевич В. М.* Дневник «Как я убил Распутина»... С. 99–100; Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870–1920) // *История Государства Российского. Жизнеописание: XX век. М., 1999. Кн. 1. С. 170.*

⁵⁵ Архив ДРЗ. Ф. 1. Ед. хр. М-76 (1). Л. 259.

⁵⁶ Речь. 1907. 6 ноября; *Ораторы России в Государственной думе.* СПб., 2004. Т. 2. С. 211.

расточал перед ним словеса лукавствия, Пуришкевич не поддавался и препятствовал властолюбивым планам политического своего друга, в действительности, соперника и недоброжелателя. „Не забывай, Марков, — напоминал он ему, — ты большая сила в Курске, но не здесь, в Петрограде“». ⁵⁷

Г. Г. Замысловскому современники давали такую аттестацию: «Замысловский — очень недурной оратор. Говорит гладко, горячо и содержательно». ⁵⁸ По свидетельству современников, Замысловский являлся «серым кардиналом» и «мозгом» правой фракции, направлявшим ее деятельность, не занимая при этом никаких руководящих постов. «Положение правого крыла Гос. Думы является еще более упрощенным. Здесь инспиратором и вдохновителем всех решений является Г. Г. Замысловский. Его директивам, впрочем, не без некоторого противодействия, подчиняется официальный вождь фракции правых Н. Е. Марков и без всякого противодействия — вождь националистов П. Н. Балашев», — утверждал чиновник министерского павильона Гос. Думы Л. К. Куманин, в задачи которого входило проводить мониторинг думских настроений и держать под контролем происходящие в нижней палате процессы. ⁵⁹ Однако, по мнению видного правого деятеля Ю. А. Кулаковского, у Замысловского не было «никакой глубины понимания государственных вопросов, а [была] только партийная, тупая защита принципа самодержавия», что было «мало для руководства делом». ⁶⁰ «...Замысловский никогда не вызывал в Думе своими речами взрывов негодования, никогда не сосредоточивал на себе такой физической ненависти, как это удавалось нередко Пуришкевичу или Маркову <...> Черносотенная „стихийность“ Замысловскому совершенно чужда», — отмечал Л. Д. Троцкий. ⁶¹

Несколько слов скажем и о положении правых накануне Первой мировой войны в Государственном совете. Как таковая, правая группа официально оформилась в 1906 г., т. е. с того момента, как половина состава Государственного совета стала выборной и произошла легализация политических партий, вызвавшая обособление отдельных групп, исходя из их политических убеждений. На правом фланге оказались две группы Совета: правая группа и подгруппа (с 1911 г. — группа) правого центра. Но в контексте

⁵⁷ Архив ДРЗ. Ф. 1. Ед. хр. М-76 (1). Л. 272.

⁵⁸ Ораторы России в Государственной думе. Т. 2. С. 132.

⁵⁹ Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 4.

⁶⁰ Переписка и другие документы правых (1911–1913) // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 104.

⁶¹ Киевская мысль. 1913. 25 октября.

данной работы, посвященной крайне правому флангу российского парламента, нас интересует именно правая группа Совета, традиционно находившаяся в союзнических отношениях с фракцией правых Государственной думы. Что же касается правого центра, данная группа была по своим политическим взглядам близка думской фракции националистов и умеренно-правых и, несмотря на наличие в ней отдельных правых монархистов, в целом была группой консервативно-либеральной, а потому типологически не может быть соотнесена с дореволюционным понятием «правые» или современным — «крайне правые».

Правая группа сформировалась практически сразу же после реорганизации Государственного совета. 29 апреля 1906 граф К. И. Пален и А. А. Половцов собрали в Мариинском дворце около 30 членов Совета, перед которыми выступил видный правый деятель П. Н. Дурново, склонивший их на свою сторону.⁶² Изначально (в 1906 г.) численность правой группы составила 43 человека (22% от общего состава), но в дальнейшем число ее членов постепенно увеличилось и достигло к 1910–1911 максимума — 79 человек (41% от общего состава). После 1911 число членов правой группы колебалось от 57 до 72 человек, составляя на начало последней предвоенной IX сессии (1913 г.) 72 человека (45 по назначению и 27 выборных).⁶³ Таким образом, правая группа была одной из самых многочисленных (по количеству членов с ней мог конкурировать только центр, насчитывавший в указанный период от 51 до 93 человек; остальные группы численно были существенно меньше). 59 ее членов были более или менее тесно связаны с деятельностью Совета объединенных дворянских обществ (Объединенного дворянства), включая таких столпов объединенного дворянства, как А. А. Бобринский, А. П. Струков, А. Д. Самарин, А. А. Нарышкин, В. И. Карпов и др.⁶⁴ Подавляющее большинство членов правой группы были православными (более 88%), но встречались и протестанты из числа обрусевших немцев.

Правая группа не имела никакого программного документа, и сплочение вокруг консервативных, охранительных идеалов носило неформальный характер. Членов правой группы сплачивало ясное понимание своих интересов, вполне определенная позиция по основным вопросам государственной и общественной жизни, а также наличие воли их отстаивать. В числе основных пунктов этой не зарегистрированной программы условно можно выделить следующие:

⁶² Бородин А. П. Правая группа Государственного совета в 1906–1917 гг. С. 51.

⁶³ Подсчитано по: Демин В. А. Верхняя палата Российской империи. С. 320–321.

⁶⁴ Новикова Е. Э. Государственный совет в годы Первой мировой войны. С. 34–35.

— неприятие революции как абсолютного зла;
— неверие в возможность усмирения бунта и умиротворения общества либеральными реформами;

— вера в природные преимущества самодержавной монархии, отношение к Манифесту 17 октября как «непоправимому удару по русскому началу» и «торжеству западных учений».⁶⁵ (Впрочем, в отношении последнего пункта полного единомыслия не было, и те, кто признавал ошибочным введение законодательных органов, ущемляющих prerogatives монарха, тем не менее не отказывались работать в них, считая, что в данное время служение монархическим принципам должно реализовываться всеми доступными политическими средствами, а не отвержением их как таковых.)
Бессменным лидером группы правых с 1906 по 1915 г. был П. Н. Дурново.

Петр Николаевич Дурново занимал в 1905–1906 гг. пост министра внутренних дел, на котором проявил себя как решительный и энергичный борец с революцией. По общему мнению современников, он был человеком одаренным, обладавшим независимостью суждений и глубокими аналитическими способностями. Как отмечал биограф Дурново, историк А. П. Бородин, все современники — друзья и враги, при жизни и после смерти — были единодушны в оценке интеллекта правого политика — «замечательно умен», «очень умен»,⁶⁶ «немалая умственная сила»; обладает «государственным умом», производит впечатление «вполне рассудительного человека» и т. д.⁶⁷ «Маленький, крепкий и живой человек, со своей скептической улыбкой и внимательным взором серьезных глаз <...>, человек с ясной головой», — так характеризовал его член Государственного совета В. М. Андреевский.⁶⁸ «...Дурново нельзя отказать в личном мужестве, ни в спокойном достоинстве. <...> Дурново к тому же был выше Столыпина и по уму, по заслугам перед Россией, которую спас в 1905 году от участи, постигшей ее в 1917-м», — утверждал такой крупный государственный деятель, как С. Е. Крыжановский.⁶⁹

⁶⁵ Бородин А. П. Правая группа Государственного совета в 1906–1917 гг. С. 52.

⁶⁶ Точно такую же характеристику Дурново дал и А. А. Киреев (*Киреев А. А. Дневник*. С. 277).

⁶⁷ Бородин А. П. П. Н. Дурново: портрет царского сановника // Отечественная история. 2000. № 3. С. 49–50. Автор ссылается на широкий перечень мемуарных и эпистолярных источников, указывая среди авторов данных характеристик Дурново В. Ф. Джунковского, А. В. Герасимова, А. П. Извольского, С. Д. Сазонова, С. Д. Урусова и др.

⁶⁸ Андреевский В. М. Автобиографические воспоминания.

⁶⁹ Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 170.

Несмотря на репутацию ретрограда, созданную ему либеральным обществом, сам П. Н. Дурново к таковым себя не относил, а свою твердость в отстаивании самодержавной монархии обосновывал не религиозными (как многие другие правые монархисты) или романтическими чувствами, а исходя из свойственного ему прагматизма. Как свидетельствовал член правой группы Государственного совета А. Н. Наумов, также считавший Дурново человеком «практической разумности, государственной прозорливости и опытности», «сообразительным и решительным», «выдающимся государственным практиком»,⁷⁰ лидер правых в частном разговоре с ним охарактеризовал свою политическую идеологию следующими словами. «Меня, — говорил Петр Николаевич, — все считают за заядлого монархиста, реакционного защитника самодержавия, неисправимого „мракобеса“... и не предполагают, что я, может быть, по своим взглядам являюсь самым убежденным республиканцем, ибо я, на самом деле, считаю наиболее идеальным для всякого народа такое положение вещей, когда население может иметь во главе управления им же самим избранного достойнейшего гражданина президентом. Для некоторых стран подобный идеал, по тем или другим счастливым условиям, становится доступен. Этого ни в коем случае нельзя сказать про нашу обширнейшую и разнохарактерную Российскую империю, где по чисто практическим соображениям техника управления и цельность требует наличия исторически сложившегося царского стяга. Не станет его — распадется Россия. Таков неминуемый закон природы Российской государственности».⁷¹ При этом, подчеркивал далее Наумов (сам человек более умеренных взглядов, чем Дурново и в конце концов покинувший правую группу), как лидер группы Петр Николаевич «чрезвычайно терпимо относился ко всем высказывавшимся под его председательством мнениям», вносил «в настроение руководимой им группы сдерживающее начало», умел «находить по многим законодательным вопросам общий язык с инакомыслящими коллегами», «пользовался среди огромного большинства своих сочленов по Государственному Совету безусловным уважением, и с его мнением все считались».⁷²

Об этом же писал и руководитель политического сыска Российской империи, жандармский генерал А. В. Герасимов, отмечавший в своих воспоминаниях: «О нем (П. Н. Дурново. — *А. И.*) сложилось представление как об очень реакционном человеке. Это представление не соответствовало действительности. Дурново был <...> отнюдь не человек, отрицавший

⁷⁰ Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. С. 49.

⁷¹ Там же. С. 150.

⁷² Там же. С. 150, 212.

необходимость для России больших преобразований». ⁷³ Правда, в отношении гибкости Дурново Герасимов придерживался иного мнения, нежели Наумов, отмечая, что лидер правых «был очень своенравный, вспыльчивый человек, абсолютно не терпевший противоречий, иногда самодур». ⁷⁴

А. Н. Наумов также оставил в своих воспоминаниях небольшие, но довольно точные, подтверждающиеся и другими источниками, характеристики практически всех видных членов правой группы: «грузный, горячий и громогласный архиепископ Варшавский Николай [(Зиоров)]»; «умный, сдержанный и симпатичный архиепископ Новгородский Арсений [(Стадницкий)]»; «смиренный епископ Вологодский Никон [(Рождественский)]»; «энергичный протоиерей [Т. И.] Буткевич»; «славившийся образцовой постановкой редакционного изложения всех составлявшихся <...> законопроектов», один «из лучших ораторов, ясно, точно и обстоятельно излагавших свои соображения и выводы по целому ряду государственных вопросов» А. С. Стишинский; ⁷⁵ «точный и строгий законник», «человек неглупый, но узкий, сухой и крайне нетерпимый» П. П. Кобылинский; «почтенный, душевно милый, но нудный в своих выступлениях», отличавшийся «редким хладнокровием и невозмутимостью» «остроумный старик», «медлительный» А. А. Нарышкин; ⁷⁶ «несомненно умный, знающий юрист и талантливый оратор», но при этом выказывающий «партийную нетерпимость и личную пристрастность» И. Г. Щегловитов; «весь сотканый из „светских приличий“ и сознания собственной своей сановной важности» А. П. Рогович; «не лишенный хохлацкого остроумия» М. Я. Говорухо-Отрок; отличавшийся «исключительной работоспособностью и педантичной точностью» А. А. Макаров; «изысканно-элегантной внешности», «настоящий „барин“ — поместный аристократ, в наилучшем смысле этого слова, со всем присущим подобному лицу благородным образом мыслей и ореолом высокой порядочности», выступавший «редко, но всегда искренне и дельно» А. П. Струков; «высокий, красивый, молодежавый», выступавший «деловито и местами горячо» бывший конногвардеец А. И. Мосолов;

⁷³ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. С. 181.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ А. С. Стишинский, отмечал А. Н. Наумов, был среди правых «общепризнанным искусником по части произнесения речей <...>, говоривший всегда вдумчиво, обстоятельно, логично и местами с заметным подъемом, за что заслужил от злоязычного <...> Говорухи наименование „эротического оратора“» (Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. С. 166).

⁷⁶ По словам генерала А. А. Киреева — «кристаллическая репутация, превосходный председатель, но плохо говорит» (Киреев А. А. Дневник. 1905–1910. М., 2010. С. 277).

«темпераментный», «обладавший даром слова, но пропитанный особой нетерпимостью ко всем инакомыслящим» князь А. А. Ширинский-Шихматов;⁷⁷ «часто ораторствовавший» и принадлежавший к тем, кто «лучше всего излагал свои мысли» Н. А. Зверев; «большой, упитанный и представительный», обладающий даром слова, но чересчур злоупотреблявший «витиеватыми-составленными и к делу не относящимися цветистыми фразами, разными мудреными метафорами, с явной претензией бить на эффект» князь Д. П. Голицын; имевший «немало добрых личных качеств», но любивший «донимать собрание своими излишними рассуждениями салонного жанра <...> как своих добрых друзей или званых гостей» князь А. Н. Лобанов-Ростовский.⁷⁸

В правую группу, отмечал далее Наумов, входили почти все представители православного духовенства в Государственном совете; большинство избранников от дворянства (А. П. Струков, А. А. Нарышкин, В. И. Карпов, А. И. Мосолов, А. Н. Лобанов-Ростовский и др.); представители земств (С. И. Зубчанинов, М. Я. Говорухо-Отрок, Д. Н. Семиградов и др.); среди членов по назначению было значительное число высших военных и морских чинов (А. А. Бирилев, И. М. Диков, А. А. Поливанов); лиц, занимавших ранее ответственные гражданские должности (Н. А. Зверев, Д. П. Голицын-Муравлин, А. С. Стишинский, П. П. Кобылинский и др.); а также тех, кто имел за собой заслуги в общественной деятельности (С. Д. Шереметев, С. Н. Гербель и др.).⁷⁹

Учитывая то, что половина членов Государственного совета назначалась императором и могла видоизменяться каждый год, а вторая, выборная половина, переизбиралась раз в три года на одну треть, правые объединения Думы и Совета не могли параллельно действовать в неизменном виде. Так, если фракция правых заметно обновилась в своем составе в 1912 г. в связи с созывом IV Государственной думы, и в дальнейшем происходило лишь перемещение из нее некоторых членов в другие фракции, то правая группа Государственного совета несколько изменялась от сессии к сессии как в связи с новыми назначениями и выборами, так и в связи с уходом некоторых членов в другие группы.

⁷⁷ «Ультраконсерватором», «несколько крайним человеком» считал А. А. Ширинского-Шихматова и А. А. Киреев, сам человек правых взглядов, отмечавший, что за князем закрепилось прозвище *le petit Pobedonostsev* («Маленький Победоносцев» — фр.). См.: Киреев А. А. Дневник. С. 69, 157.

⁷⁸ Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. Кн. 2. С. 151–152, 154, 160–161, 164–168, 212.

⁷⁹ Там же. С. 151.

Правая группа Государственного совета не была идеологически монолитной, являя собой, по сравнению с правой фракцией Государственной думы, довольно аморфное объединение. Как справедливо замечает С. В. Куликов, в ее рядах находились представители как либеральных консерваторов, так и крайне правых (черносотенцев).⁸⁰ При этом лидеры правой группы «вовсе не следовали непримиримым лозунгам» черносотенцев, поскольку имели «свои воззрения на вопросы».⁸¹

Кроме того, внутри правой группы с самого начала ее возникновения чувствовалось внутреннее разделение на назначенных и выборных членов Государственного совета. Как вспоминал выборный член Совета А. Н. Наумов, среди многих назначенных членов «верхней палаты» существовало явное недоверие к Государственной думе и ее членам, в то время как большинство выборных членов воспринимали «нижнюю палату» как учреждение нужное и необходимое.⁸² По словам Наумова, накануне Первой мировой войны отношение многих членов правой группы Государственного совета к IV Государственной думе и правительственному курсу было довольно пессимистичным. «Огромная российская машина была пущена в ход, но рельс впереди было не видно», — писал А. Н. Наумов.⁸³ «Мы находимся в тупике, — говорил в 1912 г. П. Н. Дурново, — боюсь, что из него мы все, с Царем вместе, не сумеем выбраться!»⁸⁴

Впрочем, все эти расхождения внутри правой группы не получили какого-то оформленного выражения.

Кроме того, правая группа Государственного совета на протяжении всей своей истории поддерживала довольно тесные отношения с правой фракцией Государственной думы. Для обеспечения взаимной осведомленности и согласованности действий в период легислатуры III Думы было создано Осведомительное бюро из трех членов правой группы Государственного совета (А. С. Стишинский, князь А. Н. Лобанов-Ростовский, М. Я. Говорухо-Отрок) и трех членов думской фракции правых (А. С. Вязигин, граф А. А. Бобринский, Г. Г. Замысловский). Председателем бюро был избран член Государственного совета князь А. А. Ширинский-Шихматов. Нередки были совместные заседания членов правой группы Государственного совета с членами фракции правых Государственной думы для обмена мнениями и выработки общей стратегии. Правая группа также сотрудничала

⁸⁰ Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи... С. 124.

⁸¹ Там же.

⁸² Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. С. 152.

⁸³ Там же. С. 215.

⁸⁴ Там же.

с монархическими организациями, особенно с Русским собранием, поддерживала отношения с Постоянным советом Объединенного дворянства, содействовала организации и проведению монархических совещаний и съездов, в которых активное участие принимали и правые депутаты Думы.

Эта близость политических устремлений, равно как и членство представителей правой группы Государственного совета и правой фракции Государственной думы в общих политических (Русское собрание) или сословных (Объединенное дворянство) организациях давало оппозиции основания, несмотря на отсутствие формального объединения, воспринимать правых обеих палат законодательных учреждений как единую «парламентскую партию». «Различие между их вождями в Госуд. Совете и Госуд. Думе <...> имеет преимущественно формальный характер; первые более сдержанны и корректны, чем вторые»,⁸⁵ — замечал либеральный публицист К. К. Арсеньев, считавший правых Думы и Совета единой «партией, руководимой гг. Щегловитовым и Марковым 2-м».⁸⁶ При этом основное, на его взгляд, различие между лидерами правых (большая корректность «советских» правых по сравнению с думскими) объяснялось публицистом не столько большей уравновешенностью и респектабельностью правых членов верхней палаты, сколько спецификой обстановки. В доказательство своего утверждения он приводил следующий довод: один и тот же член правой группы Государственного совета (И. Г. Щегловитов) на монархических съездах выступал совсем иначе, чем на заседаниях верхней палаты. Это же замечание справедливо и в отношении некоторых лидеров правых в Государственной думе. Например, В. М. Пуришкевич не мог позволить себе на съезде Объединенного дворянства того, что без тени смущения вытворял в качестве депутата Государственной думы. Выступая однажды перед дворянским собранием, Пуришкевич, коснувшись скользкого вопроса на пикантную тему, под смех и аплодисменты присутствующих, иронично произнес: «Распространяться здесь (на эту тему. — *А. И.*) я считаю неуместным — для этого есть Государственная дума».⁸⁷ Образно развивая эту мысль, правый политик заявлял: «Когда борются с рыцарями, надевают перчатку, когда имеют дело с обнаглевшим хамом, берут палку и дают по голове».⁸⁸ Представляется, что эта фраза Пуришкевича во многом справедлива и для общей характеристики поведения лидеров правых в верхней и нижней палате: в среде сановных «лордов» во время политической схватки брались за шпагу, в «разночинной» Думе — за дубину.

⁸⁵ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 3. С. 333.

⁸⁶ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1917. № 1. С. 323.

⁸⁷ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. М., 2001. Т. 2. Ч. 2. С. 71–72.

Таким образом, представляется, что существовавшие неформальные связи членов правых объединений обеих законодательных палат, их консультативная деятельность, идентичность названий, а также явно заметная солидарность по основным вопросам политической жизни дают полное право воспринимать их как два крыла одной политической силы. Отсутствие же между ними какого-либо формального единства и общего управления объясняется двумя обстоятельствами: невозможностью законного создания каких-либо общих политических объединений, связывающих верхнюю и нижнюю палату, и желанием обоих объединений сохранять тактическую независимость. Насколько некоторые члены думской фракции правых стремились несколько дистанцироваться в общественном мнении от низовых черносотенных структур, настолько же некоторые правые «лорды» старались держать дистанцию по отношению к своим «необузданным» единомышленникам в Думе. Но наличие этого дистанцирования вовсе не означало отсутствия взаимопонимания и взаимной поддержки.

В Государственном совете накануне Первой мировой войны состав политических сил был следующим: группа правых к началу 1914 г. насчитывала 68 членов, правый центр (близкий думским националистам) — 19, кружок внепартийного объединения (состоял преимущественно из бывших министров) — 12, центр (занимал положение «между кадетами и октябристами»⁸⁹) — 60, левая (преимущественно кадеты⁹⁰) — 12. Удельный вес членов Госсовета в комиссиях на конец ноября 1913 г. выглядел следующим образом: правые — 41,9%, правый центр — 10,5%, кружок внепартийного объединения — 6,8%, центр — 31,4%, левые — 9,2%.⁹¹ При этом ни в одной из трех постоянных комиссий, действовавших в Государственном совете накануне Первой мировой войны (личного состава и внутреннего

⁸⁸ Там же. С. 67. Не удержался В. М. Пуришкевич и от того, чтобы выразить ту же мысль и в стихотворной форме: «Натуры буйному раздолью / Давай простор в кругу лишь тех, / Где бич аттической солью / Рождает идиотский смех. / Где от речей не видно блага, / Где нужен девственный прием, / Где шкуры рыцарская шпага, / Не ранит тонким острием, / Где твой противник — скот презренный, / Где только палкой неизменной / Нахала взявши за бока / Угомонишь его слегка!» (*Пуришкевич В. М. Записки туриста (отрывки) // Прямой путь. 1912. Вып. I. (Октябрь). С. 89.*)

⁸⁹ *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. С. 228. «Общий дух октябристский, у некоторых, быть может, приближающийся к право-кадетскому», — так аттестовал группу центра П. П. Менделеев (ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 87).

⁹⁰ «В ней, — писал об академической (левой) группе Государственного совета П. П. Менделеев, — подлинный кадетский дух» (ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 87).

⁹¹ *Бородин А. П.* Государственный Совет России. С. 134.

распорядка, законодательных предположений и финансовой комиссии), правые не имели преобладания.⁹²

В предвоенные годы в IV Государственной думе, впрочем, как и в предшествующих Думах, фракция правых уделяла немало внимания вопросам внешней политики и состоянию русской армии.⁹³ Безрадостную оценку внешнеполитической ситуации давал еще председатель фракции правых III Государственной думы А. С. Вязигин. Он предупреждал, что «германская армия готовится не только для смотров и парадов», «Турция вооружается и руководима немцами», крепости недостаточно вооружены и «наша западная граница — легко уязвима».⁹⁴ В начале 1912 г. Вязигин писал, что состоится заседание фракции правых (III Государственной думы) «по поводу возмутительного состояния нашей армии, которая не имеет ни гранат, ни пуль, ни прицелов, ни повозок и обречена на безусловное поражение».⁹⁵ В IV Думе обеспокоенность правых состоянием русской армии только усилилась. Незадолго до войны В. М. Пуришкевич заявлял с думской кафедры: «Нам необходимо поставить армию на должную высоту, чтобы военному министру не задержали отпуск кредитов на военные надобности <...> необходимо увеличить количество пулеметных команд при наших частях, ибо у нас их гораздо меньше, чем в Германии».⁹⁶

В связи с этим правые были противниками активной политики России на Балканах, справедливо опасаясь, что она неизбежно втянет империю в военный конфликт. Еще в III Думе В. М. Пуришкевич предупреждал депутатов, что необходимо углубиться во внутреннюю работу и не ввязываться «в те дела, которые <...> могут привести к европейскому пожару и заставить нас втянуться в авантюру, о которую разлетится, может быть, наша слава, наше могущество вконец».⁹⁷

⁹² Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете... С. 56.

⁹³ Формально, вопросы внешней политики были не в компетенции парламента, однако они поднимались при обсуждении различных запросов, сметы министерства иностранных дел, деклараций правительства.

⁹⁴ Правые партии... М., 1998. Т. 1. С. 33.

⁹⁵ Там же. С. 34; Переписка и другие документы правых (1911–1913) // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 105.

⁹⁶ Цит. по: Дорошенко А. А. Правые в Государственной думе Российской империи. С. 156.

⁹⁷ Цит. по: Ромов Р. Б. Фракция правых в III Государственной думе (1907–1912): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 335. При этом Пуришкевич полагал, что неослаivism, проповедуемый кадетами, был провокацией, имевшей целью, «запустив машину общественного мнения, вовлечь Россию в войну с фатальным исходом». «...Когда в результате того, что мы, ослабленные недавней войной, может быть, в новой потерпим

Н. Е. Марков, уже находясь в эмиграции, так комментировал предвоенную позицию правых: «Бросаться в войну, не подготовившись к победе, лишь для того, чтобы не сомневались в благородстве наших чувств, было простительно Дон-Кихоту, но ведь Дон-Кихоты потому и вывелись, что слишком часто пытались защитить угнетенных, не справляясь со своими действительными возможностями победить подчас воображаемых угнетателей».⁹⁸

Поэтому никакого «шапкозакидательства», а тем более военного «угара», перед войной у правых не отмечалось. Традиционно в своей внешнеполитической ориентации правые придерживались приверженности к кайзеровской Германии, с большой осторожностью относясь к сближению с республиканской «революционной» Францией и конституционной Англией, являвшихся, по их представлениям, рассадниками масонских лож, организующих государственные перевороты.⁹⁹ Печатный орган марковского СРН, являвшийся также выразителем основного курса думской фракции, писал: «Войны никто не желает, и все ее боятся. Боятся ее и Германия, которую разъедает социализм. И сорок лет она не воевала, несмотря на упорные вызовы Англии. Почему же мы должны защищаться от врага, который нам не угрожал, даже во время Японской войны <...> и должны лезть в пасть гидре революции [т. е. Франции. — *А. И.*]¹⁰⁰».

Лидер фракции Н. Е. Марков развивал эту мысль еще дальше: «Лучше вместо большой дружбы с Англией иметь маленький союз с Германией <...> с Германией мы не воевали <...> со времени Елизаветы Петровны. У нас нет причин для войны; нужна война между Францией и Германией; нужна война между Англией и Германией, да, но между Россией и Германией не нужна ни для России, ни для Германии, это очевидно».¹⁰¹ Обращаясь к либералам, Марков интересовался: «Не втягиваемся ли мы в войну, ради каких-то целей, нам неизвестных, только потому, что мы с Францией и Англией идем войной против Германии и Австрии».¹⁰²

неудачу, тогда легче вырвать кормило власти от тех, которые стоят у этого кормила, тогда легче создать тот переворот, к которому стремится партия народной свободы», — предупреждал Пуришкевич (там же).

⁹⁸ Марков Н. Е. Войны темных сил. Статьи. 1921–1937. М., 2002. С. 171.

⁹⁹ См., например: *Алексеева И. В.* Оппозиция Его Величества... С. 19–20 и др.

¹⁰⁰ Вестник Союза русского народа (далее — Вестник СРН). 1912. № 85. 25 января. Цит. по: *Кирьянов Ю. И.* Правые партии в России... С. 343.

¹⁰¹ Цит. по: *Богоявленский Д. Д.* 1) Н. Е. Марков и Совет Министров... С. 199; 2) Проблема лидерства в Союзе русского народа. С. 177.

¹⁰² Цит. по: *Дорошенко А. А.* Правые в Государственной думе Российской империи. С. 159.

Но проблема заключалась в том, что в отличие от лидеров думских правых, необходимость мирного и дружественного сосуществования России и Германии была к 1914 г. уже совершенно не очевидной для влиятельных немецких кругов, стремившихся к развязыванию военного конфликта. На это в свое время обращал внимание депутат Г. А. Шечков, который, не соглашаясь с курсом фракционных лидеров, утверждал, что прогерманская ориентация обернется в конце концов пустой тратой времени и усилий, поскольку Германия определенно готовится к войне с Россией.¹⁰³ И эти опасения подтвердились. 17 февраля/2 марта 1914 г. в официозе германского внешнеполитического ведомства «Kölnische Zeitung» была опубликована статья, предупреждавшая немецкое общество о нависшей над ним опасности со стороны... России. Как утверждал ее автор, Россия вынашивала планы совместно с французами расправиться с Германией не позднее осени 1917 г., а потому «Германии ради собственного выживания необходимо решиться на предупредительную войну против своих противников, еще не готовых полностью к военному столкновению».¹⁰⁴ «Эту тему сразу же, как по команде, подхватили многие другие немецкие, а за ними и австрийские издания», — отмечает историк Б. С. Котов. Инцидент вылился в настоящую «газетную войну», в ходе которой практически все российские периодические издания заняли антигерманскую позицию. Исключением стала лишь марковская «Земщина», которая после недельной паузы попыталась заглушить выпады немецкой печати против России и убедить своих читателей, что, несмотря на газетный шум, Германия желает избежать военного столкновения с Россией.¹⁰⁵

Как вспоминал член Главной палаты РНСМА Ю. С. Карцов, незадолго до войны, на одном из вечеров, устроенных министром иностранных дел С. Д. Сазоновым, Н. Е. Марков «попробовал было заикнуться о союзе с Германией», но глава МИДа «прервал его категорическим заявлением: „Союз с Германией в предположения русского правительства не входит“».¹⁰⁶ В дальнейшем рассуждения Маркова о союзе с Германией стали главным козырем либеральной оппозиции при обвинении лидера правых и его единомышленников в германофильстве.

¹⁰³ Ромов Р. Б. Фракция правых в III Государственной думе (1907–1912): Дис. ... канд. ист. наук. С. 336

¹⁰⁴ Котов Б. С. «Что можно германскому Зевсу...» Образ Германии в русской прессе в период «газетной войны» весны 1914 года // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2011. № 3. С. 89.

¹⁰⁵ Там же. С. 93–94.

¹⁰⁶ Архив ДРЗ. Ф. 1. Д. М-76 (1). Л. 284.

Таким образом, взгляды правых депутатов существенно разошлись с внешнеполитическим курсом правительства. Но хотя правые всеми силами стремились предотвратить войну с Германией, пытались убедить правительство сменить внешнеполитическую ориентацию, возможность войны ими все же не отрицалась. Продолжая политику своих предшественников по III Думе, правые депутаты четвертого созыва требовали увеличения военного бюджета, военных средств до такой степени, «чтобы миролюбие наше не было истолковано как наша слабость».¹⁰⁷ И поэтому они искренне желали, чтобы кабинет министров в целом и военный министр в частности не считались при обсуждении вопроса о необходимости увеличения боевых сил с тем, как посмотрят на это за рубежом, т. е. Германия, Австрия и др. «С этой точки зрения просто преступно считаться с воззрениями Запада, как бы они не косились на каждый шаг по увеличению наших военных сил, как бы не видели себе вызова <...> Мы хотим мира, но хотим мира не во что бы то ни стало», — подчеркивал В. М. Пуришкевич.¹⁰⁸

Правое крыло III, а затем и IV Государственной думы охотно шло на ассигнование крупных кредитов на военные нужды, чего нельзя сказать о кадетях.¹⁰⁹ Чуть только возникала критика военного министерства, вспоминал член Думы полковник Б. А. Энгельгардт, правые сразу же выдвигали по адресу выступавшего всяческие инсинуации, вплоть до обвинения в измене. Однако когда дело доходило до использования кредитов, правые не всегда приносили пользу персональными выступлениями своих членов, главным образом ввиду слабой осведомленности штатских депутатов в военном деле.¹¹⁰

Не менее горячо правые выступали и против того вопиющего факта, что целые отрасли оборонного производства были отданы в руки иностранцев, справедливо полагая, что оборонять свою родину с помощью тех, кто завтра, возможно, на нее нападет, может оказаться крайне тяжело.

Оценка правыми состояния армии и ее боеспособности всегда характеризовалась искренней озабоченностью и реалистичностью. И в этом

¹⁰⁷ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Стб. 300.

¹⁰⁸ Там же. Стб. 309.

¹⁰⁹ Как отмечает А. А. Дорошенко, в апреле 1914 г. кадеты голосовали против военного бюджета, протестуя против того, что его милитаризация достигается за счет сокращения расходов на культурные нужды. При этом кадеты выступили и против т. н. «Большой военной программы», предполагавшей отпуск значительных средств на перевооружение России (*Дорошенко А. А. Правые в Государственной думе Российской империи.* С. 159).

¹¹⁰ ОР РНБ. Ф. 1052. Д. 29. Л. 10; Там же. Д. 71. Л. 5.

отношении позиция правых выгодно отличалась от взглядов их политических противников из либерального лагеря (например, октябристов). Правые осознавали, что «Большая программа» по перевооружению и усилению армии и флота требовала несколько лет для полного ее воплощения (окончательная ее реализация планировалась к 1918 г.), а потому всеми силами стремились если не предотвратить (что было бы для них крайне желательно), то хотя бы оттянуть войну с Германией до того момента, когда русская армия получит явные преимущества перед армией потенциального противника. «Не ссориться, но вооружаться до зубов» — таким был основной принцип фракции правых перед началом Первой мировой войны.

Так же были настроены перед войной и члены правой группы Государственного совета. За несколько лет до войны, после аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, военный министр и член правой группы Государственного совета А. Ф. Редигер утверждал, что Российская империя не готова к развязыванию какого-либо военного конфликта. Более того, на вопрос министра юстиции и одного из лидеров правых в верхней палате И. Г. Щегловитова, «способны ли наши вооруженные силы оградить страну от вторжения в ее пределы», Редигер категорически заявил: «наши вооруженные силы совершенно небоеспособны».¹¹¹ Наиболее трезвое, аргументированное и удивительно точное обоснование катастрофичности для России столкновения с Германией дал накануне войны лидер правой группы Государственного совета П. Н. Дурново. Этот опытный царский бюрократ в феврале 1914 г. представил на имя императора «Записку», пророческий характер которой неоднократно привлекал внимание историков. «...Если и вещал тогда предупреждающий голос, то именно из правых кругов, из рядов коих вышла <...> составленная в начале 1914 г. записка одного из твердых и, конечно, особо травимых правых — П. Н. Дурново, предсказывавшего, какие последствия для России будет иметь надвигающаяся война», — отмечал в эмиграции видный историк церкви, человек правых взглядов Н. Д. Тальберг.¹¹²

Содержание этого достаточно объемного документа хорошо отражено в заголовках разделов «Записки», видимо, данных ей уже при публикации в советской России: 1. Будущая англо-германская война превратится в вооруженное столкновение между двумя группами держав; 2. Трудно уловить

¹¹¹ Цит. по: *Раунах Р. Р.*, фон. *Facies Hippocratica* (Лик умирающего): Воспоминания члена ЧСК 1917 года / Ред. и коммент. С. А. Маньков. СПб., 2007. С. 141.

¹¹² *Тальберг Н. Д.* Политическое предвидение // *Тальберг Н. Д.* Перед судом правды. Третий Рим: возвышение и крушение. Чаемая монархия. Русская смута / Сост. С. В. Фомин. М., 2004. Кн. 2. С. 344–345.

какие-либо реальные выгоды, полученные Россией в результате сближения с Англией; 3. Основные группировки в грядущей войне; 4. Главная тяжесть войны выпадет на долю России; 5. Жизненные интересы Германии и России нигде не сталкиваются; 6. В области экономических интересов русские пользы и нужды не противоречат германским; 7. Даже победа над Германией сулит России крайне неблагоприятные перспективы; 8. Борьба между Россией и Германией глубоко нежелательна для обеих сторон как сводящаяся к ослаблению монархического начала; 9. Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой трудно предвидеть; 10. Германии, в случае поражения, предстоит пережить не меньшие социальные потрясения, чем России; 11. Мирному сожительству культурных наций более всего угрожает стремление Англии удержать ускользающее от нее господство над морями.

Автор «Записки», предельно четко обозначив расстановку сил, предупреждал, что при начале военного конфликта, который неминуемо разразится из-за соперничества Англии и Германии и перерастет в мировой в случае вовлечения в него России на стороне Британии, приведет к тому, что ей придется выступить в роли оттягивающего пластыря. «Главная тяжесть войны, несомненно, выпадет на нашу долю, так как Англия к принятию широкого участия в континентальной войне едва ли способна, а Франция, бедная людским материалом, при тех колоссальных потерях, которыми будет сопровождаться война при современных условиях военной техники, вероятно, будет придерживаться строго оборонительной тактики. Роль тарана, пробивающего самую толщу немецкой обороны, достанется нам, а между тем сколько факторов будет против нас и сколько на них нам придется потратить сил и внимания», — предупреждал правый политик.¹¹³ Предвидя целый ряд осложнений в результате войны, Дурново констатировал: «Готовы ли мы к столь упорной борьбе, которой, несомненно, окажется будущая война европейских народов? На этот вопрос приходится, не обинуясь, ответить отрицательно».¹¹⁴

При этом Дурново указывал, что союз между Англией и Россией не открывает перед последней абсолютно никаких выгод, но сулит явные внешнеполитические проблемы. «Очевидная цель, преследуемая нашей дипломатией при сближении Англии — открытие проливов, но, думается, достижение этой цели едва ли требует войны с Германией. Ведь Англия, а совсем

¹¹³ Дурново П. Н. Записка / Публ. и вступ. ст. М. Павловича // Красная новь. 1922. № 6 (10). С. 187.

¹¹⁴ Там же. С. 188.

не Германия, закрывала нам выход из Черного моря», — справедливо замечал он.¹¹⁵

Анализируя далее притязания Российской империи и возможности их достижения, Дурново приходил к заключению, что «жизненные интересы России и Германии нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства двух государств».¹¹⁶ Поэтому, считал лидер правых Государственного совета, ни труднодостижимая победа над Германией, ни тем более поражение от нее не сулили России никаких благ — ни во внутреннеполитической ситуации (ослабление монархического начала, рост либеральных и революционных настроений), ни в экономике (развал народного хозяйства и большие долги по займам), ни во внешней политике (естественное желание союзников по Антанте ослабить Россию, когда в ней уже не будет нужды).¹¹⁷

Вывод из «Записки» следовал такой: «С Англией нам не по пути, она должна быть предоставлена своей судьбе, и ссориться из-за нее с Германией нам не приходится. Тройственное согласие — комбинация искусственная, не имеющая под собой почвы интересов, и будущее принадлежит не ей, а несравненно более жизненному тесному сближению России, Германии, примиренной с последней Франции и связанной с Россией строго оборонительным союзом Японией».¹¹⁸

¹¹⁵ Дурново П. Н. Записка. С. 190.

¹¹⁶ Там же. С. 189.

¹¹⁷ Позже издание русских монархистов-эмигрантов, входивших в правое русско-немецкое общество «Ауфбау» (членом правления которого, кстати, был один из бывших членов правой группы Государственного совета М. А. Таубе), констатировало: «...Принесло ли разрушение национальной Германии хотя бы тень облегчения нашей страдающей отчизне? — Повсеместные экономические кризисы, усиление национальной ненависти, борьбу классов, спекуляцию, упадок моральной культуры, крушение замыслов противобольшевистских вождей и гибель всего русского народа — вот что принесла собой победа антимонархического блока. Около одра смертельно больной России и пред лицом поверженной Германии нашим патриотическим долгом является прежде всего откровенное признание сделанных ошибок. Обе великие Империи тяжко расплатились за непредусмотрительные отклонения от традиционных дружественных отношений между обоими государствами. <...> Более чем столетняя дружба между русским и германским народами являлась залогом европейского равновесия, всеобщего мира и преуспевания. Об этом благословенном времени мы, жалкие невольники лживой Лиги народов, пресловутых „санкций“, Парижской биржи, вольтов Ллойд-Джорджа, III Интернационала и океана демократической лжи, можем лишь мечтать, как о каком-то земном рае!» (Забывтое пророчество // Ауфбау (Восстановление). Сборник по вопросам хозяйственно-политической жизни Восточной Европы. Издание В: русское. 1921, ноябрь. № 4–5. С. 2).

¹¹⁸ Дурново П. Н. Записка. С. 199.

Вместе с тем Дурново указывал и на слабость российского либерализма, который в случае глубокого кризиса, вызванного грядущей войной, не сможет сдержать революционного выступления. Если самодержавной власти хватит воли пресечь оппозиционные выступления достаточно твердо, то, полагал консервативный аналитик, «при отсутствии у оппозиции серьезных корней в населении, этим дело и кончится». Но если правительственная власть пойдет на уступки и попыбует войти в соглашение с оппозицией (что в итоге и произошло), то она лишь ослабит себя к моменту выступления социалистических элементов. «Хотя это и звучит парадоксально, — писал он, — но соглашение с оппозицией в России, безусловно, ослабляет правительство. Дело в том, что наша оппозиция не хочет считаться с тем, что никакой реальной силы она не представляет. Русская оппозиция сплошь интеллигентна, и в этом ее слабость, так как между интеллигенцией и народом у нас глубокая пропасть взаимного непонимания и недоверия».¹¹⁹

Говоря о неизбежности революционных выступлений в случае военных поражений, Дурново предрекал: «Начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, а засим и общий раздел всех ценностей и имуществ. Победенная армия, лишившаяся, к тому же за время войны наиболее надежного кадрового своего состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованною, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению».¹²⁰

«Несмотря на оппозиционность русского общества, столь же бессознательную, как и социализм широких масс населения, политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое. За нашей оппозицией нет никого, у нее нет поддержки в народе...» — выражал уверенность лидер правых в Государственном совете П. Н. Дурново.¹²¹

¹¹⁹ Там же. С. 196.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же. С. 195–196.

Разделяли опасения Дурново и в думской фракции правых.¹²² С думской кафедры Н. Е. Марков столь же пророчески восклицал: «...В результате [войны. — *А. И.*] пострададут все, государства все могут развалиться, а на месте их явятся Аттилы, имя которым социал-демократы...»¹²³ «Опасность <...> велика, демократическая волна растет, и она может смыть, господа, вместе с тем, не нравящимся, может быть, вам, правовым нашим строем и то, что нам и вам дорого, что и вам свято — величие нашей Родины <...> Опасность велика, и понять ее не могут только люди с помертвевшею душою, этикой биржевых зайцев, с кругозором писцов нотариального архива», — вторил Н. Е. Маркову председатель фракции А. Н. Хвостов.¹²⁴

Пророческий характер «Записки» П. Н. Дурново, ставшей широко известной уже в послереволюционное время,¹²⁵ даже порождал иногда сомнения

¹²² Как справедливо отмечает Д. Макдональд, тезисы, изложенные в «Записке» П. Н. Дурново, не были уникальны, так как «точно к тому же в тот момент призывал целый „хор“ официальных правых», усматривавших «в политических обстоятельствах февраля 1914 г. не только необходимость, но и возможность переориентации российской политики». «Записка» же Дурново, по словам историка, была лишь наиболее внятным изложением взглядов, свойственных русским консерваторам накануне Первой мировой войны (*Макдональд Д.* Записка Дурново: официальный консерватизм и кризис самодержавия // Величие и язвы Российской империи. Международный научный сборник в честь 50-летия О. Р. Айрапетова. М., 2012. С. 273, 285).

¹²³ Цит. по: *Богоявленский Д. Д.* 1) Н. Е. Марков и Совет министров... С. 199; 2) Проблема лидерства в Союзе русского народа. С. 177. Уже в эмиграции Н. Е. Марков резюмировал: «Война, начатая в 1914 году, была, конечно, величайшей исторической ошибкой, за которую Россия поплатилась всеми своими позднейшими бедствиями и падением государства». При этом, подчеркивал он, эта историческая ошибка была совершена «под тираническим давлением либерального общественного мнения» (*Марков Н. Е.* Отреченные дни Февральской революции 1917 года. Харбин, 1938. С. 22).

¹²⁴ Речь председателя фракции правых Гос. Думы А. Н. Хвостова, произнесенная в заседании 20 мая 1913 г., при обсуждении сметы министерства внутренних дел. СПб., 1913. С. 6–7.

¹²⁵ Впервые «Записка» была опубликована германской газетой „Reichswart“ (*Durnowos Vorkriegsdenkschrift an den Zaren // Reichswart.* 1921. 2, 9, 16, 23. April) на немецком языке, после чего ее перепечатали другие немецкие и иностранные издания. Первая публикация «Записки» на русском языке была осуществлена в русско-немецком монархическом журнале «Ауфбау» (См.: Забытое пророчество. С. 2–10). В советской России полный текст документа впервые был опубликован журналом «Красная новь» (*Дурново П. Н.* Записка / Публ. и вступ. ст. М. Павловича // Красная новь. 1922. № 6 (10). С. 182–199). В примечании к публикации „Reichswart“ отмечала, что данная «Записка» сохранилась в нескольких экземплярах, один из которых находился в бумагах некоего русского министра, переведшего после революции этот документ на немецкий язык.

в ее подлинности.¹²⁶ Однако, как утверждала М. Ю. Бобринская (урожденная Трубецкая) в письме к А. И. Солженицыну, она читала эту записку еще до революции и потому может ручаться за ее достоверность.¹²⁷ Машинописная копия «Записки» (причем в дореволюционной орфографии) сохранилась среди бумаг патриарха Тихона,¹²⁸ датированных 1914–1918 гг. и несколько в ином виде — в фонде протоиерея Иоанна Восторгова, который также составляют документы до 1918 г.¹²⁹ Экземпляр «Записки» отложился в Бахметьевском архиве, в бумагах министра финансов П. Л. Барка.¹³⁰ О «Записке», поданной П. Н. Дурново императору 11 февраля 1914 г., сообщается в мемуарах бывшего товарища министра внутренних дел генерала П. Г. Курлова, вышедших в Берлине на немецком языке в 1920 г.,¹³¹ однако в русскоязычном издании это упоминание по непонятной причине отсутствует. По словам же директора департамента Министерства иностранных дел В. Б. Лопухина, хотя сам он «Записки» Дурново в руках не держал, но ее читал и пересказывал ему член Государственного совета, занимавший в 1916–1917 гг. пост министра иностранных дел, Н. Н. Покровский.¹³²

¹²⁶ Так, публицист левых взглядов Марк Алданов (Ландау), по словам Р. Р. фон Раупаха, писал о «Записке» П. Н. Дурново: «Когда читаешь эту „Записку“, то порою кажется, что имеешь дело с апокрифом». Алданову казалось совершенно невероятным, каким образом царский чиновник «мог так поразительно точно и уверенно предсказать события гигантского исторического масштаба». (См.: Раупах Р. Р., фон. *Facies Hieroglyphica* (Лик умирающего). С. 135). Между тем в «Ульмской ночи» М. Алданов уже не выражает никакого сомнения в подлинности «Записки»: «Политические предсказания хороши, когда они совершенно конкретны. Конкретно было предсказание, сделанное за несколько месяцев до Первой мировой войны бывшим министром Дурново, и я это предсказание считаю лучшим из всех мне известных, да и, прямо скажу, гениальным: он предсказал не только войну (что было бы нетрудно), но совершенно точно и подробно предсказал всю конфигурацию в ней больших и малых держав, предсказал ее ход, предсказал ее исход». (Алданов М. А. Ульмская ночь. Философия случая. Нью-Йорк, 1953. С. 275).

¹²⁷ Архив ДРЗ. Ф. 1. Д. Е-68. Л. 6.

¹²⁸ ГАРФ. Ф. Р-4652. Оп. 1. Д. 2. Л. 227–237.

¹²⁹ ГАРФ. Ф. 9452. Оп. 1. Д. 108.

¹³⁰ *Макдональд Д.* Записка Дурново... Автор ссылается на: P. L. Bark Collection, Bakhmeteff Archive Columbia University. Как утверждает Д. Макдональд, данный экземпляр «Записки» является оригинальным, а номер, проставленный на документе, позволяет предположить, что он был разослан «не менее пятидесяти тщательно отобранным адресатам» (Там же. С. 271).

¹³¹ *Kurlov P. G.* Das Ende des Russischen Kaisertums. Berlin, 1920. S. 40. В статье Д. Макдональда указана другая дата — 14 февраля. См.: *Макдональд Д.* Записка Дурново... С. 271.

¹³² *Лопухин В. Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел / Под ред. С. В. Куликова. СПб., 2008. С. 233.

«В чем-чем, но в осведомленности и в уме Петру Николаевичу Дурново, при всех его отрицательных качествах, отказать было невозможно, — писал придерживавшийся либеральных взглядов В. Б. Лопухин. — И записка его заслуживала внимания. Высказывался опытный государственный человек, как никто другой уяснивший себе внутреннее положение России в ту пору <...>. Автор записки будто сумел предсказать события так, как они в действительности и разыгрались. Однако оправдавшемуся впоследствии пророчеству в то время веры придано не было».¹³³

Действительно, прогноз П. Н. Дурново, сбывшийся практически до мелочей, содержащий по одной из оценок предвидение ситуации «с фотографической точностью»,¹³⁴ не может не поражать. Советский историк Е. В. Тарле, в дореволюционные годы симпатизировавший кадетам, в своей статье, посвященной «Записке» Дурново, опубликованной в 1922 г., называл аналитику лидера правых Государственного совета «логически сильной попыткой» разрушить Антанту и избежать войны с Германией.¹³⁵ Будучи идейным противником Дурново, он тем не менее признавал, что «в интеллектуальном отношении отрицать за ним ум ни в каком случае не приходится», а саму «Записку» и высказанные в ней мысли — полными предвидения «необычайной силы и точности», «отмеченными печатью большой аналитической силы».¹³⁶

Назвав сочинение Дурново «лебединой песней консервативной школы»,¹³⁷ Тарле подметил в ней важный момент, который нередко ускользает от исследователей, обращающихся к этой «Записке». Историк совершенно справед-

¹³³ Лопухин В. Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. С. 233.

¹³⁴ Кривошеин К. А. А. В. Кривошеин (1857–1921). Его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973. С. 201. Цит. по: Бородин А. П. П. Н. Дурново... С. 67.

¹³⁵ Тарле Е. В. Германская ориентация и П. Н. Дурново в 1914 г. // Былое. 1922. № 19. С. 164.

¹³⁶ Там же. С. 164, 175.

¹³⁷ Историк был убежден (и, на наш взгляд, совершенно обоснованно), что в предвоенное время в «недрах русского государства» боролись два течения: «одно, основанное на инстинкте самосохранения, другое, не учитывавшее веяний этого инстинкта, и поэтому гораздо более активное». Условно Тарле назвал первое из этих течений «консервативным», а второе — «националистическим» или «империалистическим». «Поверхностным наблюдателям, были ли это публицисты или историки, — все равно, — казалось часто, что эти течения совпадают. Но ничто не может быть грубее этой ошибки», — утверждал он (Тарле Е. В. Германская ориентация и П. Н. Дурново... С. 161). Взгляды Дурново и его единомышленников историк относил к первому — охранительному течению, отмечая, что войны желали скорее «конституционно-настроенные круги» (Там же. С. 163).

ливо указывал на то, что «Записка» носит отнюдь не германофильский характер, ведь ни в одной ее строке ни слова не говорится о необходимости разрыва русско-французских отношений.¹³⁸ Отторжение у правого политика вызывает лишь сближение России и Англии, обрекающее Россию на конфликт с Германским рейхом. Вместе с тем, справедливо отмечал Тарле, Дурново ценил франко-русский союз, позволяющий достичь устойчивости европейского равновесия.

«Его (Дурново. — А. И.) проницательность почти во всем, что он говорит о вероятной группировке держав, бесспорна; сильна его критика, направленная против модных в 1914 году воплей против немецкого засилья; убедительны указания на ненужность и бесплодность для России возможной победы, на тяжкие экономические последствия войны при всяком исходе», — констатировал Тарле, нашедший лишь один важный просчет у правого политика — убежденность Дурново в том, что война с Россией не нужна и Германии.¹³⁹

В последнем наблюдении Тарле, действительно, было самое уязвимое место «Записки». Несмотря на уверенность русских правых в том, что российско-германское военное столкновение не нужно и Берлину, на практике дело обстояло иначе. Как отмечало в 1921 г. германское издание «Reichswart», «докладная записка показывает, что Дурново в то время имел ошибочные и неполные представления о положении дел в Европе. Также у него не было исчерпывающих данных о ситуации в Германии. Однако он приходит к совершенно правильным выводам и оказывается пророком».¹⁴⁰ Заметив далее, что П. Н. Дурново «и его друзья» относились «к тем русским, кто — помимо крайне правых в Думе и старой гвардии при дворе — считал необходимым тесное дружеское сотрудничество с Германией», немецкая газета констатировала: «К сожалению, и в Германии такая точка зрения была не популярна благодаря широкой и непрекращающейся еврейской пропаганде в кругах немецких либералов и социал-демократов».¹⁴¹

Строго теоретически Дурново, равно как и некоторые другие русские правые, был абсолютно прав в том, что война собственно против России

¹³⁸ В начале марта 1914 г. (т. е. практически одновременно с написанием «Записки» П. Н. Дурново, датированной февралем 1914 г.) в газетах появились слухи о возможности сближения Германии и Франции, в связи с чем ставился вопрос о возможности кардинальной перегруппировки европейских альянсов (Новое время. 1914. 5 (18) марта; Вечернее время. 1914. 5 (18) марта, 12 (25) марта).

¹³⁹ Тарле Е. В. Германская ориентация и П. Н. Дурново... С. 170.

¹⁴⁰ Durnowos Vorkriegsdenkschrift an den Zaren // Reichswart. 1921. 2. April.

¹⁴¹ Ibid.

была не нужна Германии, оценивая реальные последствия такого военного конфликта для рейха; но на практике именно Германия и стремилась к этой войне, развязав ее летом 1914 г. Ни в Германии, ни в Австро-Венгрии не оказалось аналитиков, равных П. Н. Дурново, которые могли бы на несколько шагов вперед адекватно просчитать последствия военного столкновения последних реальных монархий Европы.

В правых кругах Германии и Австро-Венгрии царили совсем другие настроения. Антиподом «Записки» Дурново можно в какой-то мере считать выпущенную в Австрии в марте 1914 г. брошюру «Gross-Habsburg, das Resultat des russisch-österreichischen Krieges 1918; mit 3 Karten» (Велико-Габсбург,¹⁴² результат русско-австрийской войны 1918 г., с 3 картами). В ней предсказывалось, что война Германии и Австро-Венгрии против России является неизбежной, что начнется она в 1918 г. и закончится полным разгромом Российской империи. По прогнозу автора этого опуса, война должна была продлиться не более четырех месяцев, а ее итогом стало бы отторжение от России Остзейского края, Финляндии, Польши, Волыни, Бессарабии, части Кавказа и Малороссии. Проанализировавший эту брошюру член правой группы Государственного совета и назвавший ее «бредом больного шовинистического настроения» протоиерей Т. И. Буткевич восклицал: «Не мечты ли это безумных?»¹⁴³

Как видим, русский правый политик смотрел на грядущий катаклизм куда более трезво. «Он (Дурново. — А. И.) твердо знал, что все эти дипломатические узоры вырисовываются на кратере, который все сожжет и зальет лавою, — писал Тарле, комментируя критику Дурново российской дипломатии, которая как будто бы была не прочь скрестить шпаги с Германией. — Он понимал, какое непозволительное, гибельное дело — прогуливаться со спичкою в пороховом погребе <...>, когда в своем завтрашнем дне нельзя быть уверенным. <...> То место, где он говорит о волнах движения, с которыми уже не справятся законодательные учреждения, живо напоминает слова Монтеня о том, что люди, начинающие и поднимающие бурю, никогда сами не пользуются ее результатами. Она именно их первых и сметет прочь. В афоризме французского скептика XVI-го века и в пророчестве русского реакционера XX-го века заложена одна и та же мысль».¹⁴⁴

«Дурново был черносотенцем и реакционером, — писал советский историк М. П. Павлович в предисловии к публикации этой „Записки“, — но, несомненно, в оценке характера будущей войны, роли в ней Антанты,

¹⁴² То есть Великая империя Габсбургов, Великая Австрия.

¹⁴³ Буткевич Т. Безумные мечтания австрийцев. Харьков, 1914. С. 10.

¹⁴⁴ Тарле Е. В. Германская ориентация и П. Н. Дурново... С. 176.

с одной стороны, России, с другой, в предвидении исхода войны, он обнаружил недюжинный ум и способность к правильному прогнозу. По сравнению с Дурново все светила нашей либеральной оппозиции и эсеровской партии, Милуковы, Маклаковы, Керенские и др. <...> оказываются жалкими пигмеями в умственном отношении, совершенно не понимавшими смысла мировой войны и не предугадавшими ее неизбежного исхода».¹⁴⁵

Как справедливо отмечал другой историк — А. П. Бородин — стремление избежать войны во что бы то ни стало определяло как внешнеполитическую позицию самого П. Н. Дурново, так и большинства группы правых Государственного совета. Это, к примеру, нашло свое выражение еще весной 1909 г., когда правая группа Государственного совета выразила свое недовольство дипломатией А. П. Извольского, которая впутывала Россию в австро-сербские дела. Либерально-оппозиционные круги тогда были вынуждены с недоумением признать «полное отсутствие у правых славянофильских тенденций».¹⁴⁶

Как замечает по этому поводу А. В. Шевцов, «не претендуя, в отличие от либералов и славянофилов, на создание славянской федерации и завоевание новых земель, крайне правые хотели навести порядок в собственном доме».¹⁴⁷ На это же обращает внимание и современный философ И. Яковенко. Справедливо отмечая, что свойственный либералам и националистам панславизм толкал Россию к военному противостоянию с Османской, Австро-Венгерской и Германской империями (ибо других способов собрать славян, распределенных на пространствах, принадлежащих или контролируемых этими государствами, не существовало), Яковенко констатирует, что «основания, послужившие поводом к началу войны, полностью укладываются в логику славянофильского мышления». Но, добавляет он, «в консервативной государственнической среде были свои критики славянофильского соблазна, предупреждавшие власть и общество об опасностях российско-германского противостояния». Среди них, помимо прочих, он называет П. Н. Дурново и Н. Е. Маркова, замечая, что «основания, из которых исходили эти деятели, различались в деталях, но совпадали в одном: то были аргументы рационального сознания. Однако голос здравых людей и честных государственников тонул в море радостного эсхатологического возбуждения».¹⁴⁸

¹⁴⁵ Павлович М. [Вступление] // Дурново П. Н. Записка... С. 182.

¹⁴⁶ См.: Бородин А. П. П. Н. Дурново... С. 65–66.

¹⁴⁷ Шевцов А. В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века. СПб., 1997. С. 27.

¹⁴⁸ Яковенко И. История в общекультурном контексте: проблемы бытования форм исторического сознания // Нева. 2010. № 7. С. 109.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что вопросы внешней политики накануне Первой мировой войны волновали русских правых прежде всего с точки зрения влияния ее на внутривластную ситуацию, а если быть конкретнее — то на прочность русской самодержавной монархии. Как писал Е. В. Тарле, внешняя политика интересовала П. Н. Дурново «исключительно постольку, поскольку она могла либо поддержать, либо уничтожить русскую монархию».¹⁴⁹ Во многом соглашаясь с мнением известного ученого, отметим лишь, что нежелание русских правых ссориться с Германией основывалось не только на этом аспекте (хотя он и был, пожалуй, важнейшим). В целом ими учитывался комплекс следующих факторов: 1) устойчивость отношений между странами; 2) политическое соответствие государственного устройства; 3) экономический и военно-политический потенциал сотрудничества; 4) сферы пересечения геополитических интересов и возможность мирного разрешения спорных вопросов.¹⁵⁰

Поэтому правые, чувствуя возможность скорой войны с Германией, всячески советовали не ссориться с ней, а искать пути мирного разрешения растущих противоречий. Во-первых, из-за недостаточной подготовленности России к войне, относительной слабости ее вооруженных сил и оборонительных укреплений. Во-вторых, предвидя ужасные последствия, к которым неизбежно привела бы война во всех сферах русской жизни. В-третьих, видя в Германии наиболее близкое по духу царской России монархическое государство в Европе. Поэтому-то правые и цеплялись за шаткие надежды предотвращения войны и возможность мирного сосуществования с кайзеровской Германией, в отличие от либералов, настойчиво советовавших правительству ориентироваться на либерально-демократические страны Антанты.

§2. Правый спектр Государственной думы и Государственного совета в начальный период войны (1914 — первая половина 1915 г.)

19 июля (1 августа) 1914 г. германский посол Ф. Пурталес вручил министру иностранных дел С. Д. Сазонову ноту с объявлением войны. На следующий день, 20 июля, император Николай II заявил о том, что мира не

¹⁴⁹ Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871–1919 гг. // Тарле Е. В. Сочинения в 12-ти томах. М., 1958. Т. 5. С. 267.

¹⁵⁰ Подробнее см.: Белянкина В. Ю. Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века. (1905–1914 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2005. С. 18–20.

подпишет, «пока последний неприятельский солдат не уйдет с земли нашей».¹⁵¹ В тот же день был опубликован манифест царя с призывом к единению и оставлению в грозный час всех внутренних распрей. В именном высочайшем указе Правительствующему Сенату государь «ввиду ниспосланных отечеству нашему испытаний, желая быть в полном единении с народом», признал за благо созвать Государственный совет и Государственную думу.¹⁵² Днем 26 июля император принял в Николаевском зале Зимнего Дворца депутацию членов Государственного совета и Государственной думы и обратился к ним с призывом выступить в единении с царем для защиты Отечества. Император благодарил собравшихся за патриотические чувства, после чего члены обеих палат пропели молитву «Спаси, Господи, люди Твоя». «У многих на глазах были слезы, все были взволнованы, у всех был радостный подъем духа», — вспоминал член левой группы Государственного совета Д. И. Багалей.¹⁵³

Вечером 26 июля 1914 г. открылась однодневная чрезвычайная сессия обеих законодательных палат. Заседания начались с выслушивания высочайшего манифеста об объявлении войны и торжественных молебнов с коленопреклонением о даровании России победы. (В Государственном совете молебен был совершен причтом церкви Мариинского дворца, а в Думе его отслужил представитель фракции правых епископ Анатолий (Каменский) вместе с депутатами-священниками.) По окончании молебнов члены Государственного совета и депутаты приступили к заседаниям.¹⁵⁴

Как отмечали очевидцы этих событий, кворум был небывалый, единение законодательной и исторической власти было полным. Дума несколько раз вставала, как один человек, с громогласным «ура!» во здравие императора. «Аплодируют все, от Н. Е. Маркова 2-го до П. Н. Милюкова <...> В этот исторический момент нет деления на правых и левых».¹⁵⁵ Император отметил подъем патриотических чувств, который «подобно урагану пронесся по нашей земле и служит ручательством победы в войне, ниспосланной Богом».¹⁵⁶ Председатель правительства И. Л. Горемыкин призвал

¹⁵¹ Цит. по: *Смирнов А. Ф.* Государственная дума Российской Империи. 1906–1917 г. М., 1998. С. 497.

¹⁵² Государственный совет. Стенографический отчет. 1913–1914 г. Сессия IX. Стб. 1; За что воюет Россия? Знаменательное историческое заседание Государственной думы 26 июля 1914 г. М., 1914. С. 6.

¹⁵³ *Багалей Д. И.* Исторический день 26 июля 1914 г. С. 13.

¹⁵⁴ Заседание Государственной думы началось в 15:40, а Государственного совета — позже, в 21:45.

¹⁵⁵ *Багалей Д. И.* Исторический день 26 июля 1914 г. С. 13.

¹⁵⁶ *Смирнов А. Ф.* Государственная дума Российской Империи. С. 497.

всех, без различия партий и направлений, сплотиться вокруг единого знамени, на котором начертаны «величайшие для всех слова „Государь и Россия“». ¹⁵⁷

Призыв правительства был встречен дружной овацией и поддержан в выступлениях руководителей фракций, которые определили свое отношение к переживаемому историческому моменту. Почти всецелое единение проявилось и тут, за исключением фракции социал-демократов, резко осудивших войну. От фракции правых прозвучала пламенная речь Н. Е. Маркова, который от себя лично и «от лица всего русского народа» выразил армии и флоту чувство безграничной веры и уважения. ¹⁵⁸

Единение было невиданным, даже кадеты выступили сторонниками прекращения споров и защитниками Европы и славянства от немецкой угрозы, хотя именно они в апреле — мае 1914 г. настаивали на полном отклонении бюджета как чрезвычайно милитаризированного. ¹⁵⁹ Колумнист «Нового времени» М. О. Меньшиков писал: «Левые (за исключением социал-демократов. — *А. И.*) так же единодушно кричали „ура“, рукоплескали патриотическим девизам, восторженно пели „Боже, Царя храни“, — как Пуришкевич и Марков». ¹⁶⁰ Рупор правых газета «Земщина» сообщала на следующий день: «Никогда еще древние стены Таврического дворца не видели ничего подобного. Это был истинный праздник русского патриотизма, это была грандиозная, захватывающая картина полного единения правительства и представителей народа в минуту грозной государственной опасности, заставившей забыть домашние разногласия и распри». ¹⁶¹

Действительно, картина думского заседания была впечатляющей: «Вместо прежней угрюмой отчужденности, недоверчивости — злобного отношения одних групп к другим, взаимного непонимания — искренний, единодушный и горячий патриотический подъем, — писал депутат-прогрессист, князь С. П. Мансырев. — Ни одной фальшивой ноты в речах, всеобщие аплодисменты выступавшим ораторам, горячая готовность всех рука об руку добиваться победы и служить родине». ¹⁶² Как отмечал член Государственного

¹⁵⁷ Смирнов А. Ф. Государственная дума Российской Империи. С. 497.

¹⁵⁸ См.: ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 9. Л. 363, 383 об.; Вестник СРН. 1914. 14 августа, 27 сентября; 2-ая Отечественная война... С. 27.

¹⁵⁹ Правда, уже в 1916 г. лидер кадетов П. Н. Милюков указывал, что его фракция «относительно не изменяет своего отношения к вопросам внутренней политики, а лишь отсрочивает парламентскую борьбу <...> пока не будет отражена общая опасность» // Милюков П. Н. Тактика фракции Народной Свободы во время войны. Пг., 1916. С. 6.

¹⁶⁰ Цит. по: Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 344.

¹⁶¹ Земщина. 1914. 27 июля.

¹⁶² Мансырев С. П. Мои воспоминания о Государственной думе (1912–1917). Т. 2. С. 5.

совета Д. И. Багалея, все были настолько вдохновлены царившим в Думе единением, что даже возникла идея отпечатать думские выступления этого исторического дня тиражом в 1 млн экземпляров для самого широкого распространения в обществе.¹⁶³

Для выражения царивших в Думе чувств характерно поведение крайне правого депутата В. М. Пуришкевича. Желая показать обществу, что с началом войны для него перестали существовать партийные различия и счеты, стремясь поддержать объявленное «священное единение», Пуришкевич пошел на примирение со своими оппонентами. Бывший единомышленник, а затем политический соперник Пуришкевича, националист В. В. Шульгин вспоминал о встрече с ним в поезде по пути на экстренное заседание Государственной думы, посвященное разразившейся войне: «С Владимиром Митрофановичем мы давно были в серьезной размолвке, то есть попросту не кланялись. Причина безразлична, но это была острая размолвка. Когда я увидел его в конце коридора вагона, я не знал, что будет. Но я понял очень многое, когда он вдруг просто побежал ко мне с протянутой рукой и сказал: „Шульгин, война все смывает. Забудем прошлое!“ Я пожал ему руку и дальше мы поцеловались в знак примирения».¹⁶⁴

Но значительно больший общественный резонанс имело примирение Пуришкевича с лидером кадетской партии Милюковым. Их противостояние было хорошо известно: в течение семи лет они демонстративно не замечали друг друга и при неизбежных встречах в Думе не подавали друг другу руки (что по этикету тех лет грозило чуть ли не вызовом к барьеру). Но в условиях начавшейся войны, всеобщего единодушия и патриотического подъема Пуришкевич попросил депутата-октябриста М. Д. Калугина «познакомить», т. е. официально представить его депутату Милюкову, которого еще не так давно награждал весьма резкими эпитетами.¹⁶⁵ Недавние

¹⁶³ Багалея Д. И. Исторический день 26 июля 1914 г. С. 4.

¹⁶⁴ Шульгин В. В. Последний очевидец. Мемуары. Очерки. Сны / Сост., вступ. ст., послесл. Н. Н. Лисового. М., 2002. С. 236–237.

¹⁶⁵ «...Милюков — это накипь русской жизни, это муть ее, имя коего давно стало бранным словом в России, синонимом духовной проституции, измены Отечеству и рабского подчинения воле еврейского кагала», — писал, к примеру, В. М. Пуришкевич о своем оппоненте в 1909 г. (*Пуришкевич В. М.* Политические дальтоницы. Статья из германской «*Kreuz Zeitung*» (открытое письмо германскому обществу) // Прямой путь. 1909. № 10–11. С. 5; Правые партии. Т. 1. С. 448). В III Думе, «обидевшись» на Милюкова за то, что последний назвал его «истинно русским бессарабским депутатом», Пуришкевич выпалил: «Я теперь тебе, Пашка, ноги не подам». См.: *Алексеева И. В.* Оппозиция Его Величества... С. 115. Среди эпитетов, которыми «награждал» Милюкова Пуришкевич, — «выборгская лягушка», «шулер слова», «скотина» и «сволочь».

непримиримые враги церемонно представились друг другу и обменялись рукопожатием.¹⁶⁶

В литературе советского периода это рукопожатие воспринималось как весьма символичное, так как, по мнению советского историка А. Я. Авреха, «вся последующая деятельность кадетов прошла под знаком этого рукопожатия»,¹⁶⁷ т. е. кадеты стали «приветствовать» и сближаться с «реакционерами-черносотенцами». Однако, на наш взгляд, это было не более чем демонстрацией, произошедшей по инициативе импульсивного Пуришкевича, которая была вызвана порывом единения полярных политических сил перед лицом внешней опасности. Ведь, как утверждало ультраправое «Русское знамя», руку Милюкову в эти дни протянул и другой вождь фракции правых — Н. Е. Марков, заверивший кадетского лидера в том, что он «не против народного представительства».¹⁶⁸

А по замечанию поэтессы З. Н. Гиппиус, внимательно следившей за политическими событиями, столь впечатлившее многих рукопожатие двух политических антиподов — Пуришкевича и Милюкова — объяснялось, прежде всего, нависшей над Россией внешней угрозой. «Волки и овцы строятся в один ряд, нашли третьего, кого есть», — отметила она в своем дневнике.¹⁶⁹

Но если даже рассматривать это рукопожатие как некий симптом последующей деятельности Милюкова и Пуришкевича, то в большей мере прав другой исследователь, В. В. Кожин, считающий, что, напротив, вся последующая деятельность Пуришкевича «прошла под знаком этого рукопожатия», так как «полевение» Владимира Митрофановича было куда заметнее якобы «поправения» Милюкова.¹⁷⁰

Аналогичная картина наблюдалась и в Государственном совете. От правой группы верхней палаты выступили архиепископ Арсений (Стадницкий) и князь Д. П. Голицын-Муравлин. Владыка в своей речи выразил надежду, что в наступившей войне «русский народ не посрамится», и призвал высокое собрание смотреть на наступившее испытание с религиозной точки

¹⁶⁶ Пуришкевич выдерживал эту линию и дальше. По случаю гибели на фронте поручика С. П. Милюкова, сына лидера кадетской партии, Пуришкевич отправил телеграмму следующего содержания: «Примите, глубокоуважаемый Павел Николаевич, соболезнования по поводу кончины на поле брани Вашего героя сына. Тяжелые дни, незаменимые жертвы, но да будут они залогом нашего духовного воскрешения» (Новое время. 1915. 25 июля (7 августа).

¹⁶⁷ Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 11.

¹⁶⁸ Русское знамя. 1914. 23 августа.

¹⁶⁹ Гиппиус З. Синяя книга. Петербургский дневник. Белград, 1929. С. 12.

¹⁷⁰ Кожин В. В. «Черносотенцы» и Революция. С. 72.

зрения. «На эту войну надо смотреть, как на священный Крестовый поход», и помнить, что «в этом споре мы правы», поскольку «мы не желали этой войны», — подчеркнул архиепископ Арсений.¹⁷¹ Назвав царя «печальником Русской земли», архиепископ закончил свою яркую и образную речь следующими словами: «Мысль царя — мысль всей России, желание царя — желание всего русского народа, сердце царево в руке Божией. Призыв царя — его святой закон, которому мы должны беспрекословно повиноваться. В этом единении царя с народом — залог славы и благополучия, к которому он ведет великую Россию».¹⁷² Призыв владыки защищать «прадедовское достояние, честь и достоинство родины», выраженный с большим подъемом, по оценке газет, произвел на всех сильное впечатление.¹⁷³

Развил патриотическую и верноподданническую речь владыки видный член правой группы, известный в свое время литератор, князь Голицын-Муравлин. Князь поспешил выразить мысль, что начало войны с Германией логически завершает «великое обрусение» страны и бояться за исход противостояния не приходится: «Победа будет наша с царем и за царя. Может быть, — говорил он, — путь к победе окажется затруднительным, но этот путь будет пройден до конца».¹⁷⁴

Практически ничем не отличались и речи представителей других групп Государственного совета — А. Б. Нейдгарта, Д. Д. Гримма, А. Э. Мейштовича, барона А. А. Пилар-фон-Пильхау. После чего все члены Госсовета единогласно выразили готовность к единению и чувства верности царю.¹⁷⁵ Рассмотрев одобренные ранее Государственной думой законопроекты, призванные усилить государственную казну и по военным нуждам, члены Госсовета после многократного «ура!» императору разошлись. Как отмечало «Новое время», хотя в Государственном совете не принято аплодировать, но в этот день в «верхней палате» не смолкали долгие шумные аплодисменты.¹⁷⁶

¹⁷¹ Государственный совет. Стенографический отчет. 1913–1914 гг. Сессия IX. Стб. 5.

¹⁷² Там же. Стб. 6.

¹⁷³ Новое время. 1914. 27 июля (9 августа).

¹⁷⁴ Государственный совет. Стенографический отчет. 1913–1914 гг. Сессия IX. Стб. 7–8.

¹⁷⁵ Там же. Стб. 9–10.

¹⁷⁶ Новое время. 1914. 27 июля (9 августа). Такая бурная реакция, действительно, была весьма нехарактерна для верхней палаты и объяснялась лишь необычайным подъемом, вызванным чрезвычайными обстоятельствами. «Все располагало сановных старцев к легкой дремоте. Но, за малыми исключениями, они всегда были налицо. <...> Бурные пылкие речи были здесь немислимы. Они произвели бы на Высокое собрание самое отрицательное впечатление. Это испытал на себе бывший курский губернатор, неукротимый, полный молодого задора Муратов. <...> Только что назначенный в Государственный совет он в одном из первых же его заседаний выступил по какому-то, связанному

Такое же настроение, вызванное первыми неделями войны, наблюдается и в частной переписке представителей правых групп Думы и Совета. «Какие события! — писал один из старожиллов правой группы Государственного совета граф С. Д. Шереметев помощнику петроградского градоначальника по гражданской части В. В. Лысогорскому. — Радуюсь одному, что не наш почин, а рехнувшегося кесаря.¹⁷⁷ Дорезвиться до мировой войны — вот торжество из торжеств». ¹⁷⁸ А в письме своему коллеге по правой группе Н. А. Звереву граф развивал свою мысль дальше: «Ничего нет общего между этой войной и японской, и настроения различны, как день и ночь». Отмечая, что германский кайзер — «припадочный безумец», Шереметев радовался тому, что для России наступил «светлый и отрадный час — исполнения вековых желаний, вековых надежд». «Созвездия, видимо, нам благоприятствуют, — полагал граф, — и лишь бы ими воспользоваться». ¹⁷⁹ А в том, что это именно так, убеждали графа следующие обстоятельства: «Воодушевление всюду громадное, притом сосредоточенное и достойное, с осознанием своего долга перед Родиной. <...> Расчет на наше внутреннее разьединение не удался, все радостно идет на боевую смерть». ¹⁸⁰

с внутренней политикой вопросу с горячей архиправой речью митингового характера. В результате полный провал. Даже обыкновенно сдержанные, корректные маститые старцы правого крыла не смогли удержаться во время муратовской речи от знаков сановного нетерпения и негодования. Нет... Здесь культивировалось красноречие иное: серьезно-деловитое, мягко-бархатное, в слегка приглушенных тонах», — вспоминал член Государственного совета П. П. Менделеев (ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 95). Об этом же свидетельствовал и член Совета А. Н. Наумов, отмечавший, что в верхней палате никогда не бывало бурных сцен. Если какой-либо оратор вызывал осуждение части членов Совета, то они просто вставали со своих мест и выходили в кулуары; если же речь нравилась, то «„благопристойная“ обстановка „Высокого Собрания“ опять-таки ничем не нарушалась, лишь изредка раздавался в стенах величавой залы одобрителный гул голосов, сдержанно бормотавших: „браво, браво“... конечно, без всяких аплодисментов. Отдельных замечаний „с мест“, тем более выкриков, наподобие „думских“, не бывало» (Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. С. 163–164).

¹⁷⁷ «Вильгельм играет ва-банк, и для него нет ничего святого. Признаюсь, я не считал его способным на такую отчаянную и неразумную выходку — как объявить войну всему миру и притом разорвать завещанные ему делом традиции. Сдается мне, что он просто рехнулся», — писал С. Д. Шереметев Н. А. Звереву (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 994. Л. 1311). Этой же темы он коснулся и в письме к барону Шиллингу: «Не думаете ли вы, что Вильгельм, взявший на себя лично почин кровопролития и мечтающий о владычестве над миром, в действительности рехнулся, и что Германия нуждается в психиатре для своего кесаря...» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 991. Л. 1047).

¹⁷⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 990. Л. 983.

¹⁷⁹ Там же. Д. 994. Л. 1311.

¹⁸⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 991. Л. 1047. Между тем корреспондент С. Д. Шереметев, шталмейстер Н. С. Нечаев-Мальцов советовал графу не доверяться лозунгу

В. И. Гурко вспоминал, как после приема императором членов законодательных палат в Зимнем дворце видный член правой группы Государственного совета И. Г. Щегловитов, «со свойственной ему манерой вводить шутку во всякий серьезный вопрос, с улыбкой говорил: „Ошибся Василий Федорович (т. е. император Вильгельм), ошибся. Не устоять ему“». ¹⁸¹

Так же считал и Н. А. Зверев, не без удовлетворения отмечавший, что «Россия встретила сумасшедший вызов Германии спокойно, как будто почувствовала даже некоторое облегчение: наконец-то, невольно думается, минует страшный кошмар бесконечных вооружений и непрестанных угроз мирному течению жизни, и Европа заживет спокойно, избавившись от постоянно поднятого над нею бронированного кулака. В душе живет неистребимая уверенность, что дни воинствующей Германии сочтены, что она выйдет из безумно начатой борьбы раздавленной, сокращенной и униженной. Да и как может быть иначе, когда против нее почти все. Россия начала нынешнюю войну при таких благоприятных условиях, при каких она, кажется, никогда еще не воевала». ¹⁸² Единственное, что тревожило тогда члена правой группы Государственного совета, так это то, что правительство выдает «чересчур много векселей, расплата по которым будет тяжела».

«Война началась. Насколько помню, никто не отдавал себе ясного отчета ни в ее продолжительности, ни в тех жертвах, которые она потребует. Господствовало мнение, что при современном состоянии военной техники война не может затянуться надолго. А присоединение Англии к России и Франции рассматривалось как весьма благоприятное событие: на первых порах устранялось опасение немедленного появления немецкого флота в Балтийском море», — вспоминал об этих днях бывший член группы правых, а затем правого центра В. М. Андреевский. ¹⁸³

Единый дружный порыв патриотических чувств, проявленный в первые дни войны практически всеми политическими объединениями Думы

«священного единения» и патриотическим речам со стороны либеральной оппозиции. «Война эта, вместо отрезвления от либеральных бредней, будет иметь для нас последствия совершенно противоположные. Левые очень хорошо это сознают; поэтому-то они и возгорелись столь несвойственным им патриотизмом; а правые простаки любят эту метаморфозой, считая ее чистосердечной, и указывают с восхищением на совершившееся под влиянием войны чудо. Они потом увидят это чудо! А пока всякая дрянь лезет под покровом войны вперед; сначала к ним попривыкнут, а потом, при столь известном у нас „умении“ разбираться в людях, найдут их годными и на более высокие должности», — писал он уже 17 декабря 1914 г. (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 2552. Л. 60–61).

¹⁸¹ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. С. 650.

¹⁸² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1236; РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5122. Л. 167.

¹⁸³ Андреевский В. М. Автобиографические воспоминания.

и Совета, настолько впечатлил Н. А. Зверева, что в письме к С. Д. Шереметеву он, желая, чтобы «священное единение» с недавними политическими противниками сохранялось как можно дольше, допускал даже возможность корректировки прежнего курса правых. «Во всяком случае, — замечал он, — уже теперь совершенно ясно, что правые группы Совета и Думы, силою вещей будут вынуждены пересматривать свою полит[ическую] программу и во многом изменять ее». ¹⁸⁴ Впрочем, Шереметев воспринял это предложение без восторга. «Не вижу необходимости совещания ради новой ориентации, — вразумлял он своего соратника. — Я, во всяком случае, не двинусь ни на йоту. С исторической почвы безнаказанно не сойдешь и временные увлечения нам не указ». ¹⁸⁵

Между тем «священное единение», преподнесенное правительству добровольно, возможно, даже вопреки его опасениям, продолжалось недолго. Заседание 26 июля было единственным, и по проекту министра внутренних дел Н. А. Маклакова, Государственная дума (в отличие от Государственного совета, который должен был собраться не позднее 1 февраля 1915 г.) распускалась до осени 1915 г., т. е. перерыв должен был продолжаться больше года, что не только показалось оскорбительным большинству депутатов, но и являлось нарушением Основных законов Российской империи. Как бы подчеркивая единодушие Думы, с нотой протеста одновременно выступили как либерал П. Н. Милюков, так и правый депутат А. Н. Хвостов, и правительство пошло на уступку. Созыв Государственной думы также был определен «не позднее февраля 1915 г.»

Следует отметить, что правые в целом с пониманием относились к перерывам в деятельности Думы. На все заявления своих политических противников, требовавших скорейшего созыва Думы всякий раз, когда ее занятия прерывались, и ссылавшихся при этом на недовольство народа создавшимся положением, правые отвечали, что народ в гораздо большей степени волнуется неудачи и успехи русской армии, нежели очередной созыв Думы, который его мало занимает. ¹⁸⁶ Для правого крыла Думы и Совета примирение с оппозицией, желающей разрушить существующий уклад, иначе как на собственных условиях было немыслимо, а политическая борьба во время войны — нежелательна. Поэтому, чем реже будет собираться Дума, считали правые, тем легче будет выдерживать политику «священного единения». По мнению правого депутата Г. Г. Замысловского, высказанному на заседании бюджетной комиссии, и, по-видимому, отражавшему

¹⁸⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1236.

¹⁸⁵ Там же. Д. 994. Л. 1311.

¹⁸⁶ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 14. Л. 172 об.–173.

фракционную точку зрения, Государственная дума «призвана к тому, чтобы работать в мирное время. В военное время задача законодательных учреждений — создать подъем духа во всем населении, и это дороже критики».¹⁸⁷

Вместе с тем представители парламентских объединений правых не считали уместным требовать от власти полного прекращения работы законодательных учреждений. «С самого начала агитации о скорейшем созыве законодательных учреждений я признавал такой созыв не только бесполезным, но и безусловно вредным в политическом отношении, но ввиду военного времени считал невозможным мешать правительству выпутываться из неприятного и опасного положения так, как оно признает наиболее целесообразным», — писал руководитель правой группы Государственного совета П. Н. Дурново своему соратнику по группе А. А. Нарышкину.¹⁸⁸

Заседания Государственного совета возобновились 17 января, а Государственной думы — 27 января 1915 г., и продолжались у обеих палат до 30 января. Как и для первой экстренной «военной сессии», для обеих «палат» в этот период было характерно проявление пламенного патриотизма. «Какой удивительный подъем был на первом заседании Государственной думы. Никак нельзя было ожидать ничего подобного со стороны леваков типа Милокова. Одни только с.-д. и трудовики остались верны себе и пусkali ложку дегтя в бочку меда», — отмечал в письме к графу С. Д. Шереметеву А. К. Варженевский.¹⁸⁹ Несколько менее ярко открылась сессия Государственного совета: вслед за патриотическими речами председательствующего И. Я. Голубева и председателя Совета министров И. Л. Горемыкина «раздалось весьма скромное „ура“ и затем приступлено было к государственным занятиям».¹⁹⁰

В эту короткую сессию, проходившую «при отзвуках военной бури», правые члены Государственного совета в целом ограничились патриотическими речами. Исключение составили лишь князя А. Н. Лобанов-Ростовский и Д. П. Голицын-Муравлин, выступившие на тему «немецкого засилья», и Д. Д. Левшин, поднявший проблему сухого закона и военного налога.

При этом правыми широко использовался хорошо отработанный пропагандистский прием по формированию образа врага русского народа, которым, в силу исторического момента, оказывался немец. Так, по мнению

¹⁸⁷ Цит. по: Вестник Европы. 1915. № 2. С. 340.

¹⁸⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1025. Л. 333.

¹⁸⁹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5125. Л. 138–138 об.

¹⁹⁰ *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. С. 277.

Д. Д. Левшина, Германия всегда была врагом России, который «под личиной дружбы целые десятилетия, а может быть, и столетия ковал меч против нее».¹⁹¹ А. Н. Лобанов-Ростовский, обратив внимание Государственного совета на то, что российские немцы, обладающие двойным подданством, имеют право быть полноправными собственниками движимых и недвижимых имуществ в России, но при этом их отличает «враждебная обособленность» от русского народа, приведшая во время войны к созданию ими широкой сети шпионских организаций, призвал ограничить в правах германских и австро-венгерских подданных.¹⁹²

По словам же Голицына-Муравлина, развившего мысль своего политического единомышленника, германец «не знает и никогда не знал мирного времени, ибо всегда, постоянно и неуклонно вел работу против нас, до русской собственности жадный и к русскому духу враждебный искони».¹⁹³ «Русская торговля, русская промышленность, русская мысль, русский быт жаждут избавления от немецкого гнета. <...> Русское достояние — для русских подданных, для сынов России, а не для врагов Его Императорского Величества и нашей родины, не для ненавистников русского духа», — патетически восклицал князь.¹⁹⁴ Даже исконные столкновения с «братьями-поляками» казались ему искусственными и вызванными немецкими интригами. Но, как указывал далее правый политик, разразившаяся с германцами война позволяет русскому народу сделать то, что раньше было для него невозможным, — избавиться от «немецкого засилья». «Будет мир и необходимое будет затруднительно, — предупреждал он. — В обсуждаемом нами вопросе избави Бог нас от благодушия, от благодушия за счет русской земли!» Но не только немцев обвинял князь. Закончил он свою речь призывом к русскому народу извлечь урок из сложившейся к началу войны ситуации и укрепляться в национальном самосознании: «Русским людям надо спокойно сознать, что главная опасность лежит в нас самих, русских людях, что работе по обрусению инородных (так в тексте. — *А. И.*) должна предшествовать работа по самообрусению, по восстановлению России в России, по выпрямлению русских путей, по освобождению русского труда от германских пут, по очищению русской мысли от постороннего налета».¹⁹⁵

К критике германизма Голицын-Муравлин возвращался и на других заседаниях Государственного совета. Выступая перед членами Совета

¹⁹¹ Государственный совет. Стенографический отчет. 1915 г. Сессия X. Стб. 94.

¹⁹² Там же. Стб. 66–67.

¹⁹³ Там же. Стб. 70.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Там же. Стб. 70–71.

30 января 1915 г., князь-писатель не смог удержаться от образного пассажа, которым охарактеризовал суть русско-германского конфликта: «Илья Муромец отражает Зигфрида». «Если правда, что сказочный мир каждого народа выражает его стихийную сущность, — замечал Голицын-Муравлин, — то с радостью отметим, что наша стихия сильнее Нибелунговой, воспевашей предательство и злобу».¹⁹⁶

На необходимость извлечь из начавшейся войны урок указывал и другой видный член правой группы Государственного совета — архиепископ Никон (Рождественский). Охарактеризовав начавшуюся войну как «свершившийся суд Божий над народами земли», владыка далее указывал на грехи как немецкого, так и русского народа, за которые, по его мнению, эта война и была ниспослана. «Немцы согрешили гордыню, — грехом сатаны. Много согрешили и мы перед Богом, — заметил он. — Бога забыли, от Церкви отвращаются, заветы предков осмеивают. А в верхних слоях господствует практическое язычество».¹⁹⁷ Правда, отмечал далее архиепископ, основной грех немецкого народа оказался нам чуждым. Если немцы были, по его словам, виноваты в том, что «в гордыни своей вознеслись выше облак небесных»,¹⁹⁸ то «русскому народу чужда национальная гордыня». «Для русского человека и немец, и француз, и всякий другой иностранец, даже и некрещеный еврей, татарин и даже язычник — все люди, все по образу Божию созданы, и обижать их без крайней нужды не следует — грешно, не по Божьи».¹⁹⁹ А так как одолеть гордыню можно только смирением, писал далее владыка, то русскому народу необходимо смириться, покаяться в прежних грехах и тогда придет к нему Божие благословение, и он одолеет германцев. «Грянул гром, и мы ограждаем себя крестным знаменем <...> Бог посылает народу великий крестоносный подвиг, полагать душу свою за страждущих братий по вере и по крови. Подвиг очистит и обновит народ. Это — общий нравственный закон. Народ чувством сердца понимает это <...>. Дал бы Бог, чтобы поняли наши передовые люди великий смысл грядущего подвига!»²⁰⁰ Но чем дольше шла война, чем больше

¹⁹⁶ Там же. Стб. 118.

¹⁹⁷ *Никон (Рождественский), архиеп.* Мои дневники. Вып. 5. 1914. Сергиев Посад, 1915. С. 119.

¹⁹⁸ Там же. С. 123.

¹⁹⁹ Там же. С. 122.

²⁰⁰ Там же. С. 119. И на первых порах народ как будто бы услышал владыку. «Вспомнили Бога, всюду на устах была крепкая вера в Его милость, любовь к Батюшке-Царю, горячее желание постоять за Святую Родину. <...> Россия переродилась — храмы переполнились молящимися. Началось как бы покаяние за разгульную, безбожную жизнь. Многие войну объяснили гневом Божиим на народ, начинавший отпадать от веры

немцы проявляли себя в ней, тем резче становились отзывы архиерея о германцах. Немец, писал он уже в 1915 г., «это — настоящий потомок древних гуннов, бессердечный, бесчеловечный эгоист, пропитанный гордостью и самоценом до мозга костей. <...> Немец пьян своею гордынею, буен и шумен от нее, как от крепкого вина. Если еще есть надежда на его отрезвление, то именно война и должна отрезвить его, смирить, вразумить...».²⁰¹

Свой отзыв о немцах оставил и другой член правой группы Государственного совета, граф С. А. Толь, которого начало войны застало на немецком курорте, где он лечил сердце. Оказавшись невольным пленником обстоятельств (немцы долго не выпускали графа в Россию), Толь возмущался в своих воспоминаниях об этих днях «тупым высокомерием самоуверенных тевтонов» и проявлениям русофобии со стороны немецких масс, описав, в частности, разгром ими отеля «Russischer Hof», в котором, по мнению толпы, жили «виноватые в войне» русские.²⁰² В сходной ситуации оказался и другой член правой группы — П. П. Кобылинский, находившийся на момент объявления войны на отдыхе в Германии и арестованный немецкими властями на непродолжительное время. «То, что я пережил в дороге, надолго сохранится в моей памяти, — рассказывал правый политик журналистам. — Я никогда не мог бы допустить, что немцы способны на такие ужасные поступки. Одно могу сказать, в Германии сейчас русским нет житья. Надо видеть, как жестоко немцы издеваются над женщинами и малолетними детьми, чтобы понять, с каким врагом мы имеем дело».²⁰³

Аналогичными были выступления правых и в Государственной думе. Первое ее заседание в новую сессию вновь вылилось в историческую манифестацию, как и в первые дни войны. Председатель фракции правых, профессор С. В. Левашев прокомментировал успехи германцев и австрийцев следствием «русского миролюбия и русской кротости», которую необходимо преодолеть для победы над неприятелем. «Полуторавековое сожительство

православной», — отмечал другой член правой группы Государственного совета А. И. Мосолов. (Доклад Постоянному совету Объединенных дворянских обществ товарища председателя А. И. Мосолова [Пг., 1915]. С. 3.)

²⁰¹ *Никон (Рождественский), архиеп.* Мои дневники. Вып. VII. 1915. Сергиев Посад, 1916. С. 148.

²⁰² *Толь С. А.* Подневольное житье в стране культурного народа. Воспоминания о германском плене. Пг., 1917. С. 56. При этом заметим, что после революции граф Толь эмигрировал все же в Германию (см.: *Шилов Д. Н.* Толь С. А. // Государственный совет Российской империи. 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 276).

²⁰³ Биржевые ведомости. 1914. 30 июля.

его (русского народа. — *А. И.*) с немцами показало ему воочию чрезвычайно непривлекательные и очень часто прямо отталкивающие национальные особенности их: непомерный, чудовищный эгоизм, тупое высокомерие, презрительную отчужденность от народа-хозяина, с постоянным старанием всячески держать народ-хозяин на самой низкой степени развития и существования, чтобы его легче было эксплуатировать».²⁰⁴

Таким образом, правые в очередной раз вернулись к политике подчеркивания такого фактора, как национальная принадлежность «врага русского народа», стараясь разжечь в народном сознании чувство глубокой неприязни к немцам как к нации. Как и в случае с евреями, определенный акцент делался на религиозный аспект. Если в еврейском вопросе правые в первую очередь подчеркивали свой «антииудаизм», т. е. делали акцент не столько на национальности, сколько на враждебной христианству конфессии, то и в нападках на нового противника они не преминули отыскать религиозную подоплеку. Германская идеология, просвещали правые ораторы с кафедры Государственной думы, существовала в России более 150 лет, «производя всевозможные подкопы под наши самые основные, составляющие нашу историческую силу устои <...>, насаждая здесь баптизм и штунду...».²⁰⁵ Более того, Н. Е. Марков, отсылая к философии Ф. Ницше, заявлял, что: «в образе тевтонов на нас обрушилось нашествие скипищ рабов ветхозаветной морали, людей, которые живут идеалами 2000 лет до нашего времени. Мы видим людей, которые говорят: человек — это германец, человечество — это германский народ, все остальные народы — или вьючный скот для германцев, или зверье, подлежащее истреблению. „Падающего толкни“: вот философия истинного германизма».²⁰⁶ Сходного мнения придерживался и член правой группы Государственного совета архиепископ Никон (Рождественский). В своих публичных дневниках-проповедях он рассуждал: «В его (немца. — *А. И.*) глазах только его соплеменники — люди, остальное человечество — что-то вроде животных, коими он может пользоваться как бессловесную тварью. Тут обнаруживается что-то сродное с иудейским талмудическим мировоззрением».²⁰⁷ «Настоящая война — не простая война двух народов-соседей, не поладивших между собою; не честный бой борцов, уважающих достоинство человеческое:

²⁰⁴ Государственная дума. Созыв IV. Сессия III. Стб. 65–67.

²⁰⁵ Там же. Стб. 65.

²⁰⁶ Там же. Стб. 127; ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 9. Л. 555 об.; Вестник СРН. 1915. 7 февраля; Новое время. 1915. 29 января (4 февраля).

²⁰⁷ Никон (Рождественский), архиеп. Мои дневники. Вып. 7. 1915. Сергиев Посад, 1916. С. 148.

это — сатанинский замысел бессовестного, потерявшего облик человеческий выродка рода человеческого против благородных народов христианских», — развивал владыка свой взгляд на немцев в статье «Адский замысел». ²⁰⁸

Любопытно, что в своем мистическом взгляде на войну правые во многом совпали с выдающимся русским философом В. В. Розановым, который рассматривал Первую мировую войну как столкновение «святого и человеческого православия» с «нехристианским» лютеранством. ²⁰⁹

Более того, пересматривая свою идеологию по отношению к Германии, правые предприняли попытку объединения в одном лице «врага внутреннего» и врага внешнего. Лидер думских правых Н. Е. Марков в своих многочисленных выступлениях постоянно подчеркивал, что война идет не с «Австро-Германией», а с «Иудо-Германией». До войны, отмечал он в лекции, прочитанной перед курским дворянским собранием, русский народ искал Христа, а немецкий — антихриста. Поэтому, несмотря на то, что на германских касках и кушаках начертано «С нами Бог», следует учитывать, что «бог этот — бог иудейский, бог талмуда». ²¹⁰

А в речи перед Главным советом СРН, посвященной тому же вопросу, Марков уже не только голословно обвинял, но и приводил «доказательства» слияния философии германизма с иудаизмом: немецкий язык он сравнивал с «иудейским жаргоном» (идиш); главенствующее вероисповедание Германии — лютеранство — Марков считал более близким к иудаизму, нежели ортодоксальному христианству; также им подчеркивалось «засилье» и «огромное влияние евреев» на политические дела Вены и Берлина. «Идет война христианская с иудо-германством», — таким был конечный вывод правого оратора. ²¹¹

Следует, правда, отметить, что при этом правые подчеркивали, что война идет не с немецким народом, а с немецким правительством, жестоко обманувшим свой народ. И поэтому «нет никакого основания настаивать и требовать, чтобы весь немецкий народ был истреблен и стерт с лица земного», достаточно сломить угнетающий весь мир немецкий империализм. ²¹²

В своих речах правые депутаты призывали Государственную думу забыть обо всех законопроектах, которые не были связаны с войной, и отложить всю реформаторскую деятельность до полной победы над неприятелем.

²⁰⁸ *Никон (Рождественский), архиеп.* Мои дневники. С. 52.

²⁰⁹ *Розанов В. В.* Война 1914 г. и русское возрождение. Пг., 1915. С. 162.

²¹⁰ См.: Курская бль. 1915. 13 мая.

²¹¹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 9. Л. 600 об., 610; Вестник СРН. 1915. 17 июля, 9 августа.

²¹² РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 201. Л. 123.

«Нам больше всего нужны пушки, пушки и пушки», — говорил Н. Е. Марков. И если Государственная дума начнет в период войны рассматривать вопросы о реформах, то непременно рухнет шаткое единение, выраженное думским большинством в патриотическом подъеме чувств, поскольку такие вопросы, как реформирование российской жизни, гладко пройти не могут и вызовут споры и дебаты. В противном случае, предупреждал Марков, — «Я первый буду создавать прения».²¹³

Кроме того, депутаты не должны были, по мнению правых, критиковать действия ни правительства, ни военачальников. Подчеркивалось, что не дело Думы учить войска, как бить врага, но основная задача Думы — оберегать их тыл, «чтобы сзади не был нанесен предательский удар доблестному воинству русской армии».²¹⁴

В эту короткую трехдневную сессию думская фракция правых выдвинула свою программу требований к войне, которая на протяжении последующих двух лет работы фракции в Государственной думе осталась практически неизменной.

Лейтмотивом программы было полное уничтожение германского империализма и милитаризма. Германский милитаризм понимался правыми в отличие от либералов не как итог определенного политического и экономического развития, а как порождение немецкой культуры и национального характера. Отмечалось, что Россия обязана воспользоваться судьбоносным моментом для достижения своих исторических задач как внешне-, так и внутривнутриполитических. Эти задачи являлись «уточненной» и дополненной правительственной декларацией и представлялись самой консервативной фракции Государственной думы следующим образом:

- Сокрушение германского империализма, для чего совершенно необходимым представлялось превращение Германской империи в прежний союз немецких государств с низведением Пруссии «на ее прежнее скромное место», с восстановлением всех областей и государств, «проглоченных» ею ранее (Ганновер, Шлезвиг, Гольштейн и др.). Только в этом случае, считали правые депутаты, будет исключена возможность всякого возрождения германского империализма.

- Все русские земли должны были навсегда слиться «со своей матерью Россией <...> Русь Червоная, Русь Зеленая, Русь Угорская должны немедленно слиться на вечные времена с Великой, Малой и Белой Русью в великую нераздельную Россию».²¹⁵ Таким образом, правые настаивали

²¹³ Новое время. 1915. 8 (21) августа.

²¹⁴ Государственная дума. Созыв IV. Сессия III. Стб. 127–128.

²¹⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 201. Л. 123–125; Государственная дума. Созыв IV. Сессия III. Стб. 69–71; Новое время. 1915. 28 янв. (10 февр.).

на присоединении Галиции,²¹⁶ Буковины и Закарпатской Украины, находившейся под властью Австро-Венгрии. Остальные славянские народы должны были быть освобождены от «тевтонского ига» и получить такое внутреннее устройство, которое позволило бы им развиваться «плечо в плечо, рука об руку» с Россией, а никак ей не во вред.

• Проливы, составляющие выход к Черному морю, с соответствующими участками суши на европейском и азиатском берегах, должны были поступить во владение России. Эта древняя историческая задача России должна была быть абсолютно удовлетворена, а потому правые настаивали, чтобы до окончания войны точно и определенно было «выговорено» у союзников полное и безусловное владение Россией проливами, Константинополем, Адрианополем и соответствующими областями с Галлиполи, а также солидной областью, прилегающей к Мраморному морю в Малой Азии. При этом правые категорически отвергали идею нейтрализации, в том числе и «частичной» (только Дарданелл), поскольку такое соглашение никоим образом не могло бы удовлетворить Россию.²¹⁷ Особую заботу правых вызывала будущая судьба Константинополя. «Русский щит должен быть прибит к вратам Царьграда, над Святой Софией должен заблистать снова православный крест»,²¹⁸ — декларировали они с трибуны Государственной думы.

• Присоединение Армении с Трапезундом и северной половиной Персии к России.

• Совместное с союзниками владение и управление Святой землей.

«И если мы, Русский Народ, в этой войне победим, — с пафосом резюмировал Н. Е. Марков, — то на всю вселенную раздастся радостный могучий Русский глас:

²¹⁶ Между тем еще в феврале 1914 г. лидер правых в Государственном совете П. Н. Дурново, рассуждая о Галиции как о возможном «призе» в войне против Германии и Австро-Венгрии, замечал, что «явно невыгодно во имя идеи национального сентиментализма, присоединять к нашему отечеству область, потерявшую с ним всякую живую связь». «Ведь на ничтожную горсть русских по духу галичан, сколько мы получим поляков, евреев, украинизированных униатов? — писал в преддверии войны правый политик. — Так называемое украинское или мазепинское движение сейчас у нас не страшно, но не следует давать ему разрастаться, увеличивая число беспокойных украинских элементов, так как в этом движении несомненный зародыш крайне опасного малороссийского сепаратизма, при благоприятных условиях могущего достигнуть совершенно неожиданных размеров». (*Дурново П. Н. Записка...* С. 190).

²¹⁷ История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1999. С. 512; *Васюков В. С. Внешняя политика России...* С. 84–85.

²¹⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 201. Л. 124–125.

Прошла Русь варяжская — Новгородская!
Прошла Русь византийская — Киевская!
Прошла Русь татарская — Московская!
Прошла Русь немецкая — Петербургская!
Да здравствует Русь Славянская — Цареградская!»²¹⁹

Об этом же говорилось и в речах правых членов Государственного совета. Так, выступивший на последнем заседании зимней сессии Совета, 30 января, князь Д. П. Голицын-Муравлин указывал, что будущее «начертывает победные слова — освобождение всех славян, полное объединение всей Руси, возрождение Ярославова наследия, возвращение Св. Софии в лоно веры Христовой».²²⁰ «Да будут и Великая, и Малая, и Белая, и Червонная Русь — единою Святою Русью, — вторил ему другой член правой группы Государственного совета архиепископ Никон (Рождественский). — Довольно иноплеменному царю владеть достоянием древних русских князей, пора вступить в права Державному Наследнику их — Царю Белому, Православному! Пора воскреснуть Червонной Руси, пора русской душе ее отдохнуть на груди матушки родимой, под ласковым взором Царя-Батюшки!»²²¹ О необходимости усиления коренной Руси в «племенном, экономическом и стратегическом отношении» путем присоединения Галиции, северной Буковины и Угорской Руси отмечалось и в записке (ноябрь 1914 г.) И. Г. Щегловитова, М. А. Таубе и Н. А. Маклакова (все трое в разное время являлись членами правой группы Гос. Совета). Авторы ее, также поддерживая и другие требования, выдвинутые фракцией правых, дополняли их «выпрямлением границы в Восточной Пруссии», освобождением всех австрийских славян и объединением всех польских территорий в их этнографических границах под скипетром России.²²²

При этом сторонники «твердого курса» рекомендовали правительству следовать примеру союзников, прежде всего Англии, «которые при всей необходимости отражать врага, при всей необходимости вести войну до конца, тем не менее мудро и разумно берегут свои войска, дабы к моменту заключения мира не быть окончательно обессиленными».²²³ Как отмечалось

²¹⁹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 9. Л. 610; Вестник СРН. 1915. 9 авг.

²²⁰ Государственный совет. Стенографический отчет. 1913–1914 г. Сессия X. Стб. 118–119.

²²¹ Никон (Рождественский), архиеп. Мои дневники. Вып. 5. 1914. Сергиев Посад, 1915. С. 125.

²²² Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начала XX вв.). СПб., 1998. С. 406.

²²³ История внешней политики России... С. 512.

в жандармском отчете о настроениях политических партий, правых очень беспокоил риск того, что в войне, ведущейся преимущественно русскими силами, «победа достанется англичанам».²²⁴ В связи с этим одним из видных членов правой группы Государственного совета, А. А. Римским-Корсаковым, указывалось правительству: «Необходимо использовать все силы союзников, не упуская из виду, что гнет Англии в итоге так же недопустим, как и немецкий».²²⁵ Запрос перед Министерством иностранных дел о том, насколько добросовестно Британия выполняет свой союзнический долг по отношению к России, делал и председатель правой фракции Государственной думы С. В. Левашев.²²⁶

Из приведенных выше внешнеполитических программных требований правых очевидно, что разразившаяся вопреки их желанию война толкнула их к сближению во взглядах с представителями либерального лагеря, в том числе и с конституционными демократами (за исключением, конечно же, отношения к Англии), тоже «бредивших Константинопольским призом» (неслучайно П. Н. Милюков получил в это время выразительное прозвище Милюков-Дарданелльский). Но во внутривнутриполитических установках между ними лежала пропасть. Либералы рассматривали войну прежде всего как войну «освободительную», которая должна была привести к свободе как внешней, так и внутренней.²²⁷ Консервативный же лагерь чаял отвлечь народ от революционной борьбы посредством вызванного войной патриотического подъема и стабилизировать внутреннее положение в стране победоносным ее окончанием. Поэтому доведение войны до половины, без достижения решительной, окончательной победы над врагом, преждевременное заключение мира было для большинства правых решительно невозможно. Это бы привело, как справедливо считали они, к неисчислимым бедствиям России в будущем.

«В переживаемой нами борьбе народов не на живот, а на смерть, за свое историческое существование, она (война. — *А. И.*) не может быть закончена по воле отдельных лиц преждевременным миром. Мир будет коротким перемирием, лихорадочным собиранием новых сил для борьбы за священные

²²⁴ Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении / Публ. М. Покровский // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 23.

²²⁵ Программа Союза русского народа перед Февральской революцией / Публ. И. Тоболин // Красный архив. 1927. Т. 1 (20). С. 243.

²²⁶ См.: *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 2. С. 346. В полученном ответе глава МИД заверял правого политика, что «Англия несет больше тягот, чем ей следует, и отношения между всеми союзниками более чем безупречны» (Там же).

²²⁷ Речь. 1915. 24 ноября. Подробное изложение внутривнутриполитических взглядов фракции правых представлено в следующей главе.

заветы тех народов, которые борются сейчас между собой <...> Тевтонский мир идет против славянского <...> и ничего другого не может быть кроме поражения, уничтожения и духовной смерти одного из этих миров...» — писал, к примеру, в годы войны лидер думской фракции правых В. М. Пуришкевич.²²⁸

Тем не менее либеральная печать на протяжении всей войны с исключительной силой муссировала слухи о желании правых кругов заключить сепаратный мир с Германией²²⁹ и пыталась уличить своих противников из консервативного лагеря в скрытом германофильстве (ибо говорить о германофильстве явном в годы войны поводов решительно не было). Особо усердствовало в культивировании мнения о германофильстве правых «Общество 1914 г.», возглавляемое графом М. М. Петровским Петрово-Соловово, которое безапелляционно отождествляло мнения отдельных деятелей правого толка со всеми течениями русского консерватизма.

При этом патриотизм правых, который всегда был одной из главных составляющих их политической программы, нисколько не спасал их от обвинений со стороны политических противников. Последние так обходили этот, казалось бы, подрывающий их доводы момент: «Своим прирожденным свойством крайние правые всегда провозглашали патриотизм», — писал, к примеру, либеральный «Вестник Европы». Но далее делалась уничижительная оговорка, призванная свести на нет значение правого патриотизма как гаранта верности интересам России: «конечно, это был патриотизм совсем особого, очень невысокого сорта». После этой характерной ремарки

²²⁸ Пуришкевич В. М. Чего хочет Вильгельм II от России и Англии в великой битве народов. Пг., 1916. С. 8.

²²⁹ Очень характерна в этом плане заметка «Правые „пораженцы“», подписанная псевдонимом Quidam (некто — лат.), в которой представители монархического лагеря огульно обвинялись в подготовке сепаратного мира с немцами «во что бы то ни стало». Правые, заявлял анонимный автор — «предатели по глупости и изменники по подлости». «Эти правые „пораженцы“, пожалуй, еще более гнусны, чем левые, ибо последние исходят исключительно из ложных посылок, а правые из источников окончательно паскудных. К тому же левые пораженцы бессильны, тогда как правые располагают средствами для весьма крупных и опасных экспериментов» (Вечернее время. 1915. 9 (22) сентября). В таком же безапелляционном и бездоказательном духе была написана и статья Ал. П-ко «Правые и Берлин», путем незатейливых риторических фигур манипулирующая общественным мнением: «...Ни у кого нет ни малейшего сомнения (все выделения сделаны нами. — А. И.) относительно прочных и бесспорных связей, существующих между идеологией воинствующего германизма и той политической „программой“, с которой оперируют наши крайние изуверы. Нужно ли это доказывать? И неужели будет парадоксом, если сказать, что внутренняя и внешняя политика черносотенцев всецело опирается на идеи, подсказываемые из Берлина?» (Вечернее время. 1915. 1 (14) декабря).

следовало обвинение правых Думы и Совета в «германофильстве» на примере «какой-то записки», которая вроде как была передана в высшие сферы, но существование которой не подтверждено и не опровергнуто. Но, завершал автор издания свои зыбкие логические построения — «нет дыма без огня», а значит, слухи о германофильстве правых (которые, заметим, такими публикациями как раз и подогревались) имеют под собой почву.²³⁰

Либеральным идеологам также казалось очевидным, что для правых крыльев обеих палат сепаратный мир имеет весьма реальные имущественные интересы, так как некоторые вожди правого лагеря являлись крупными владельцами в приграничной с Германией полосе. А потому якобы «иллюзорные идеи» об укреплении монархического начала совпадали у правых «с очень крупными личными интересами».²³¹ Довод этот, конечно, не выдерживает никакой критики. Даже если учесть, что некоторые правые владели земельными поместьями в приграничной Германии и Австро-Венгрии территории, то разве из этого должно следовать, что такие землевладельцы поспешат заключать мир с немцами и австрийцами, подступающими к их владениям или уже захватившими их собственность? Не разумнее ли не допустить неприятеля, а если он уже захватил земельные владения такого собственника, то приложить все усилия, чтобы выставить его за пределы своей Родины?

Впрочем, были и другие поводы обвинить правых в «германофильстве». Большой газетный скандал спровоцировал редактор-издатель журнала «Российский гражданин», член Совета Русского собрания П. Ф. Булацель. Отказываясь превращаться в записного германофоба, как это стало принято в русском обществе после объявления Германией войны, Булацель с иронией замечал: «Теперь, слава Богу, никому не возбраняется не только писать о необходимости отнятия земли у немецких колонистов, но даже утверждать, что все немцы изверги и вся германская культура представляет сплошной сумасшедший дом, где хозяйничает тот самый дегенерат Вильгельм II, который в течение 25 лет очаровывал своим умом, красноречием, находчивостью и неутомимой трудоспособностью всех англичан, русских и шведских профессоров и писателей».²³² Но каплей, переполнившей терпение либерального лагеря, стала заметка Булацеля, в которой он выражал негодование требованием лидера английских либералов лорда Г. Асквита привлечь к ответственности за военные преступления германцев лично императора Вильгельма. Категорически выступив против создания между-

²³⁰ См.: *Арсеньев К.* На темы дня // *Вестник Европы.* 1916. № 3. С. 333.

²³¹ *Буржуазия накануне революции.* М.; Л., 1927. С. 46–48.

²³² *Булацель П. Ф.* Дневник // *Российский гражданин.* 1916. № 1. С. 12.

народного трибунала, Булацель указывал, что российские газеты, смакующие заявление Асквита, руководствуются желанием «через голову „кайзера“ приучать в России народные толпы к мысли о возможности вообще какого-то „верховного суда“ над верховной властью».²³³

В ответ на Булацеля, а заодно и на правых в целом, со всех сторон посыпались обвинения в защите кайзера, германофильстве и измене. Сам Булацель был вынужден объясняться с английским послом Дж. Бьюкененом, а его журнал был взят под контроль предварительной военной цензуры. При этом парадокс заключался в том, что известный в довоенные годы как борец с «немецким засильем», автор заметки, теперь издевательски прозванный газетчиками «Паулем фон-дер Булацелем», обвинялся либеральными изданиями в «германофильстве», «пораженчестве», «пресмыкательстве перед злейшим врагом России».²³⁴

В результате правым пришлось оправдываться. Один из лидеров фракции правых В. М. Пуришкевич сделал официальное заявление от себя лично и возглавляемого им РНСМА, что решительно осуждает выходку Булацеля и настойчиво советует всем членам монархических союзов, разделяющих мнение автора статьи, выйти из них.²³⁵ Кроме того, Пуришкевич направил послу Великобритании Дж. Бьюкенену телеграмму с осуждением «слепца, не понимающего государственных задач России».²³⁶

Эта телеграмма вызвала ответную реакцию Булацеля, заметившего, что ему не хочется удаивать своего недавнего единомышленника ответом, но, обладая более твердой памятью, он мог бы напомнить, «чей портрет (намек на фотокарточку Вильгельма II. — А. И.) стоял на письменном столе у В. М. Пуришкевича до июля 1914 года!»²³⁷

²³³ Булацель П. Ф. 1) Дневник // Российский гражданин. 1916. № 29. С. 14; 2) Борьба за правду / Сост., предисл., коммент. Д. И. Стогов. М., 2010. С. 562–563.

²³⁴ Российский гражданин. 1916. № 33. С. 4. Между тем речь в «Дневнике» Булацеля шла совсем о другом. «Когда и где в моих писаниях я хоть раз говорил, „что мы не должны думать об изгнании вторгшихся в наши пределы армий германского императора“? Когда и где я отрицал „нашу обязанность сокрушить великую опасность на нашей границе в самом ее источнике“? <...> Можно соглашаться или не соглашаться с моими взглядами, можно со мною спорить, но нельзя мне заведомо приписывать позорного качества, которого у меня никогда не было <...> Можно, ненавидя своих врагов, быть с ними справедливым», — пытался доказать политическим противникам свою правоту Булацель (там же).

²³⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245 (Особый отдел). 1915. Д. 244. Т. 1. Л. 144–144 об.; Правые партии. Т. 2. С. 438–439.

²³⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245 (Особый отдел). 1915. Д. 244. Л. 145; Правые партии. Т. 2. С. 440.

²³⁷ Булацель П. Ф. Дневник // Российский гражданин. 1916. № 42. С. 13.

И этот упрек по адресу одного из лидеров фракции правых был во многом справедлив. Дело в том, что в предвоенный период Пуришкевич, как и подавляющее большинство других правых, выступал с критикой правительственной политики сближения с конституционной Англией и излишне дружественных отношений с республиканской Францией, являясь сторонником более тесного союза с политически и династически близкой Российской империи кайзеровской Германией. В июне 1909 г. Пуришкевич написал открытое письмо для берлинской «*Kreuz Zeitung*», в котором протестовал против частых поездок на берега Темзы российских думских либералов, способствовавших сближению России и Англии. В этом письме Пуришкевич называл германского кайзера «рыцарем-императором», подчеркивая, что «традиционные отношения взаимного доверия, любви и уважения, так счастливо сложившиеся между царственными домами Романовых и Гогенцоллернов <...> послужат лишь к укреплению солидарности между Германией и Россией в их дальнейшем ходе исторического развития».²³⁸

Называя Англию «новым Карфагеном» (который, надо понимать, «должен быть разрушен»), Пуришкевич писал за пять лет до войны: «Трудно допустить, чтобы та страна, которая 3 года назад сделала все от нее зависящее к унижению России (речь шла о политике Британии накануне и во время Русско-японской войны. — *А. И.*), чтобы страна эта искала возрождения ее военной мощи и роста ее авторитета в кругу великих держав современного мира. Англии нужна Россия, как тот кулак, который должен во что бы то ни стало столкнуться с кулаком немецким во славу... английской гегемонии на море и сохранению за нею рынков мира. Результаты войны ей почти безразличны: разбитая Россия, в конец обезжизненная, хотя бы и победившая Германия, — обе они вынут каштаны только для Англии, „для нее, нее одной“».²³⁹

Выступая в конце 1908 г. с думской кафедры с критикой проанглийских симпатий кадетов, Пуришкевич указывал депутатам на уроки истории России, которые учат, что мы «проигрываем всегда и всюду в тех сношениях и в тех ententes cordiales („сердечных соглашениях“, „Антантах“». — *А. И.*),

²³⁸ Пуришкевич В. М. Политические дальтоницы. Статья из германской «*Kreuz Zeitung*» (открытое письмо германскому обществу) // Прямой путь. 1909. № 10–11. С. 4; Правые партии. Т. 1. С. 447. Впрочем, надо заметить, что на самих немцев открытое письмо Владимира Митрофановича произвело не лучшее впечатление. Так, газета петербургских немцев «*St.-Petersburger Zeitung*» замечала по этому поводу, что такие друзья Германии, как «господин Пуришкевич, вредят ей больше, чем ее враги» (цит. по: Алексеева И. В. Последнее десятилетие Российской Империи. С. 180).

²³⁹ Прямой путь. 1909. № 10–11. С. 6.

которые заключали до сих пор с сент-джемским кабинетом».²⁴⁰ Борьба между Германией и Англией за завоевание рынков, указывал тогда политик, заставляет Британию сталкивать Берлин с Петербургом для того, чтобы «вконец похоронить» Россию, опасную для нее на востоке и максимально ослабить немцев, вздумавших препятствовать английской гегемонии. «Нас надует, — констатировал Пуришкевич, — сент-джемский кабинет <...> в конечном результате, все кончится лишь к выгоде Англии». Поэтому, делал вывод правый депутат, русские интересы требуют «самых прочных отношений с теми соседями, которые веками граничат с нами на многие тысячи верст».²⁴¹

Более того, утверждал в предвоенный период правый депутат, простой русский народ, чуждый всякой политике, «чувствует расовую ненависть к Англии, к стране классического коварства».²⁴²

Побывав в германском рейхстаге и пообщавшись с немецкими правыми политиками, Пуришкевич в 1909 г. писал: «Я вынес тогда и остаюсь сейчас, познакомившись с десятками германских общественных деятелей, при твердом убеждении, что тесная, солидарная, дружная работа обеих наций могла бы наладиться между ними на долгие годы при полном сохранении экономических и духовных интересов каждой из них, если бы домощенные близорукые политики наши не разжигали бы чувства ненависти к нам соседнего нам сильного народа, сохранившего у себя и веру в Бога, и любовь к родине, и преданность своему Монарху, и чувство рыцарской чести...».²⁴³

Но заявляя о том, что симпатии правых — на стороне Берлина, и основаны они на верности монархическому принципу, «наиболее полное проявление коего сейчас наблюдается в Германии», Пуришкевич вместе с тем подчеркивал: «...Не чувство симпатии к Германии говорит во мне и вызывает строки этого письма; я русский националист до мозга костей и не способен руководствоваться слюнявой сентиментальностью в вопросах исторических судеб моего народа. Для меня, как и для бесчисленных моих единомышленников в России — все нации — чужие, и близкой может

²⁴⁰ Цит. по: *Алексеева И. В.* Последние десятилетия Российской империи. С. 125.

²⁴¹ Там же. С. 125–126.

²⁴² Прямой путь. 1909. № 10–11. С. 6. Подобные заявления лидера правых тогда не остались без внимания правительственного официоза, газеты «Россия», в которой отмечалось, что своими речами Пуришкевич «проповедует ненависть ко всем англичанам» (*Алексеева И. В.* Последнее десятилетие Российской Империи. С. 190).

²⁴³ *Пуришкевич В. М.* День в Германском Рейхстаге // Прямой путь. 1909. № 12–13. С. 13.

быть, как сейчас Германия, только та близость, которая выгодна моему отечеству, и я, и мы утверждаем, что кислая дружба с Англией ... принесет нам только вред. <...> Нет, скажу я, мы чужды „дипломатических предрас-судков“, как назвал эти мотивы в свое время Бисмарк. Мы ищем только своей выгоды».²⁴⁴

Примерно такой же была довоенная позиция Пуришкевича и в отношении Франции. В феврале 1910 г. по его докладу Главная палата РНСМА приняла постановление, в котором в ответ на приезд в Россию делегации французских парламентариев, открыто выражавших свои симпатии либеральной оппозиции, предлагалось «в случае дальнейшего вмешательства французов в наши внутренние дела организовать поездку русских монархистов во Францию для пропаганды идей монархизма во Французской республике».²⁴⁵

Еще в январе 1914 г. в письме к министру иностранных дел С. Д. Сазонову Пуришкевич напоминал властям, что в «старинных отношениях с Германией... [кроется] могучий оплот монархического принципа среди кругом бушующего моря революций».²⁴⁶

Но как только началась война, Пуришкевич, будучи, что называется «реальным политиком», тут же, нисколько не смущаясь своих прежних взглядов, не просто выступил с антигерманскими речами (это пришлось сделать всем русским правым), но и всюду заявлял о своих проанглийских и профранцузских симпатиях.

Впрочем, как представляется, Пуришкевич и до войны не был германофилом в прямом смысле этого слова, хотя и считал союз с кайзеровской Германией более предпочтительным для России, нежели ее участие в Антанте. Это наглядно видно из того, как на протяжении всей политической деятельности менялось его отношение к Германии и немцам.²⁴⁷

²⁴⁴ Пуришкевич В. М. Политические дальтоницы... С. 6–7.

²⁴⁵ Степанов А. [Д.] Пуришкевич В. М. // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм. М., 2003. С. 604.

²⁴⁶ Цит. по: Соболев И. Г. Борьба с «немецким засильем» и политические партии России (1914–1917) // Политические партии России: прошлое и настоящее. Сб. ст. СПб., 2005. С. 99.

²⁴⁷ Отношение политика к немцам и Германии не раз претерпевало изменение, вызванное политической конъюнктурой. Так, когда он избирался во II Государственную думу от Бессарабской губернии, где влияние немцев-колонистов было достаточно ощутимым, Пуришкевич через издававшиеся в Одессе немецкие газеты «Odessaer Zeitung» и «Deutsches Leben» обратился к немцам края с открытым письмом, в котором заверял последних в «самом сердечном и чистом отношении». Называя себя убежденным националистом, но «таким националистом, какими считают себя немцы в смысле

В целом же в годы Первой мировой войны правый лагерь не был един в своей позиции по отношению к Германии и странам Антанты.²⁴⁸ Если в начальный период германской агрессии все правые высказывались за верность странам-союзницам, за борьбу до победного конца, то по ходу войны ситуация заметно менялась. К 1915 г. среди русских правых сложились три точки зрения на эту проблему: позиция ультраправого ВДСРН, склонявшегося с каждым годом войны в пользу сепаратного мира с Германией (в связи с этим название печатного органа союза «Русское знамя» было переименовано остряками в «Прусское знамя»); позиция СРН, возглавляемого одним из лидеров правой фракции Государственной думы Н. Е. Марковым, до конца войны отстаивавшего необходимость борьбы до полной победы над противником,

немецком», политик заявлял: «Унаследовав от отца моего, с которым работал и работаю рука об руку, глубокое уважение к немцу-колонисту, стороннику порядка, чести, правды и закона, зная, что в течение 37 лет, т. е. с самого начала введения в Бессарабской губернии земского положения, отец мой (такой же националист, как и я), отстаивая мощь народа и самобытность развития немца-колониста уезда, беззаветно преданного своему самодержавному Государю, ни разу не разошелся с немцами, я, служа в Бессарабской губернии, пошел по его стопам» (Друг. 1907. 5 января). В итоге, «во время выборов во вторую Думу большинство немецких уполномоченных голосовало за В. М. Пуришкевича, который выступал за неприкосновенность частной собственности и национальные права немецких колонистов, продемонстрировавших в революционную смуту 1905 года верность государству и династии» (Котов Б. С. Положение немцев в земледельческих колониях юга России в оценке российской прессы // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2011. Вып. 1. С. 47). Но попав в Думу, правый политик стал говорить иные речи. С одной стороны, он заявлял, что «самая желательная инородческая группа в Думе — немцы». Объясняя эту установку, политик констатировал: «они преданы династии, потому что верят в то, что династия охранит их привилегии в благодарность за долголетнюю преданность». Но от «вполне верноподанных балтийских немцев» Пуришкевич отделял немецких колонистов, «захватывающих, путем скупки, земли в ряде губерний на юге России и считающих себя прежде всего сынами Германской империи, а не русскими гражданами» (ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 648. Л. 14, 16; Речь В. М. Пуришкевича по смете Министерства внутренних дел (Заседание Государственной Думы 2-го мая 1914 г.) // Прямой путь. 1914. Вып. 5. (Май). С. 251–254). Став в годы Первой мировой войны на откровенно англофильскую позицию, с началом гражданской войны В. М. Пуришкевич вновь кардинально переменял свою внешнеполитическую ориентацию. Так, в конце 1919 г. он уже бичевал английского посланника Дж. Бьюкенена за невыполнение союзнического долга и участие в Февральской революции и признавал ошибочность своего бывшего «англофильства» (Благовест. Журнал Русской монархической народно-государственной мысли (Ростов-на-Дону). 1919. № 1 (декабрь). С. 19).

²⁴⁸ Подробно об этом см.: Иванов А. А. «Германофильство» русских правых накануне и во время Первой мировой войны: мифы и факты // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2009. № 1 (3). С. 202–212.

но в то же время с недоверием взиравшего на страны Антанты; позиция РНСМА, во главе с депутатом В. М. Пуришкевичем, который неожиданно для многих принял открытую просоюзническую ориентацию.

Лидеры правых вполне отдавали себе отчет, насколько пагубно может отразиться обвинение в «тайном германофильстве» со стороны политических противников на их репутации. Опасались они и осложнения в ходе этой травли и без того непростых отношений с представителями союзных держав, симпатий к которым они, за исключением отдельных представителей движения, не испытывали, но понимали необходимость корректных отношений во исполнение патриотического долга.

«Неустанно работала всяческая ложь и клевета для того, чтобы в этом смысле опорочить правые организации, — указывал в одной из своих речей в Государственном совете Н. А. Маклаков. — В печати обвиняли нередко правых в том, что они жаждут сепаратного мира, что они германофильствуют». Но все эти обвинения, подчеркивал правый оратор — вымысел. «Мы с прискорбием это читали, и возмущались, что эти вздорные слухи перекочевывали за границу и там распространялись, как нечто достоверное и бесспорное.²⁴⁹ И это бесспорное было ложью. Русские люди (читай, правые. — *А. И.*) не только так не думают, но более того, они с презрением отнеслись бы к правительству, которое дерзнуло бы заговорить о мире до окончательного разгрома наших врагов, до полного признания ими самими себя побежденными и разбитыми, и сделали бы это правые люди не в силу каких-либо посторонних влияний извне, откуда бы они не шли и в какую бы форму не облекались, они сделали бы это потому, что международное и мировое положение нашей великой родины для них, для правых людей, превыше всего. Они поступили бы так потому, что государственное достоинство России, дающее ей право на роскошь жить своею собственною самобытною русской жизнью, дающее ей право не нуждаться ни в чьей опеке, для правых людей дороже самой жизни».²⁵⁰

²⁴⁹ Так, по сообщению «Вестника Европы», французская «La Revue de Paris» открытым текстом обвиняла лидеров правой группы Государственного совета Н. А. Маклакова и И. Г. Щегловитова в подготовке сепаратного мира. При этом российские либералы преподносили это ничем не доказанное обвинение французского издания (которое, скорее всего, было получено французским журналистом от российских оппозиционеров) как «разоблачение прессы наших союзников», которым якобы удалось узнать, что в июне 1915 г. Маклаков и Щегловитов «готовили России несмываемый позор сепаратного внешнего мира». (См.: *Кузьмин-Караваев В.* Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 413).

²⁵⁰ Речь Н. А. Маклакова, сказанная 26 ноября 1916 г. в заседании Государственного совета // Российский гражданин. 1916. № 46. С. 5.

Представители же стран Антанты были действительно не на шутку обеспокоены взглядами правых, особенно, как подчеркивал французский посол М. Палеолог, «влиятельной и многочисленной партии» крайне правых Государственной думы и Государственного совета.²⁵¹ Опасения Палеолога отчасти были рассеяны членом Государственного совета франкофилом М. А. Стаховичем, убеждавшим французского посланника, что ориентация правых на союз с германским императором поддерживалась главным образом расчетами внутренней политики, радикальным образом разрушенными нападением на Сербию. В итоге, отнюдь не разделяя взглядов правого крыла Думы, Палеолог вынужден был признать искреннюю патриотичность правых депутатов.²⁵²

Не менее внимательно следил за взглядами правого лагеря и посол Великобритании Дж. Бьюкенен, резко осудивший позицию Булацеля и оказавший моральную поддержку дружелюбно настроенным по отношению к Англии сторонникам Пуришкевича.²⁵³

Но если «особая» англофильская позиция Пуришкевича, идущая зачастую вразрез с мнением большинства правых, настороженно взирающих на Туманный Альбион, как правило, спасала его от подобных обвинений (хотя и не всегда²⁵⁴), то положение другого лидера правых, Н. Е. Маркова, было куда более сложным. Ему постоянно приходилось парировать многочисленные нападки и опровергать свое якобы более чем лояльное отношение к Германии. В данном случае обвинения имели под собой некоторую почву, хотя и ничего не доказывали. Дело в том, что редактор правой, по сути марковской газеты «Земщина», С. К. Глинка-Янчевский, в годы войны проводил линию, согласно которой войну развязала не собственно Германия, а «жиды», которые выбрали Германию орудием своих планов. Нужно же

²⁵¹ Палеолог М. Дневник посла. М., 2003. С. 57.

²⁵² Там же. С. 34, 57.

²⁵³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1817. Л. 94 об.

²⁵⁴ Нельзя не упомянуть об одном небезынтересном документе, отчасти благодаря которому существует мнение об очевидности стремлений фракции правых заключить сепаратный мир с Германией. Речь идет о справке Департамента полиции, составленной в феврале 1915 г. В документе сообщалось, что принадлежащие к русским придворным кругам немцы стремятся оказать давление на правых в Думе, «в смысле побуждения последних к активной агитации в пользу прекращения военных действий...» // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245 (Особый отдел). 1915. Д. 244. Т. 1. Л. 3; Правые партии... Т. 2. С. 663–664. А также отмечалось, что подобная агитация проводится не без содействия В. М. Пуришкевича. Но на наш взгляд, из цитируемого выше документа следует прежде всего, что, скорее, немцы, принадлежащие к придворным кругам, а не правые депутаты Думы стремились к прекращению войны.

это было им, считал редактор «Земщины», с целью сравнить друг с другом последние по-настоящему монархические державы Европы, ослабить их, а по возможности и взаимоуничтожить.

Впрочем, ни Глинка-Янчевский, ни Марков не снимали ответственности за войну с германского правительства и кайзера. Публицисты «Земщины» если и не исключали возможный мир с Германией, то никогда об этом прямо не говорили. Напротив, на страницах этой правой газеты были призывы к доведению войны до победного конца.

В случае с Марковым ситуация усугублялась тем, что, по его же собственному признанию, в его роду было немало предков немецкой крови, хотя, опять-таки по его словам, «выводить из сего, будто бы я не русский, а немец, может только помешанный на чистых кровях мозг... национал-психопата».²⁵⁵ Марков настаивал, что сепаратный мир с Германией для него, как и для большинства правых невозможен, так как это привело бы к новой, более страшной войне.

Все же обвинения Маркова и правых в целом в германофильстве и даже предательстве, по его мнению, основывались лишь на том, что «до войны мы всячески советовали не ссориться с Германией и отыскивали способы к мирному разрешению возникавшей распри».²⁵⁶ Излюбленный же пример при обвинении в германофильстве Маркова оппозицией — его собственная фраза, что «маленький союз с Германией лучше большой дружбы с Англией», не имел никакого отношения к периоду войны, так как фраза эта была произнесена еще весной 1914 г., по словам того же Маркова, с единственной целью оттянуть войну.²⁵⁷ «Мы говорили, — оправдывался Марков, — попробуйте не ссориться, но в то же время говорили: вооружайтесь до зубов».²⁵⁸ И если правые в III и IV Государственной думе (до начала военного конфликта) всячески высказывались против войны с Германией, то это происходило, по их словам, исключительно потому, что, работая в Думе, они имели «достаточно доказательств, что преждевременная война с Германией опасна для России».²⁵⁹

Оппозиция также узрела «германофильство» Маркова в речи, произнесенной им с думской кафедры в феврале 1916 г. Буквально лидер фракции

²⁵⁵ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 9. Л. 532 об.; Вестник СРН. 1915. 24 января; Земщина. 1915. 13 января; Курская быль. 1915. 16 января. Любопытно в связи с этим отметить, что рупор прогрессистов расценил признание Маркова о немецких кровях в его жилах как «бестактное» (Утро России. 1915. 18 января).

²⁵⁶ Земщина. 1915. 13 января.

²⁵⁷ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 2815.

²⁵⁸ Новое время. 1915. 5 (18) августа.

²⁵⁹ Курская быль. 1914. 18 декабря.

правых, говоря о причинах неудач Антанты в борьбе с Германией, сказал, обращаясь к представителям либеральной оппозиции, следующее: «Вся беда в том, что Европа, кроме Германии, уже давно пошла по неверному пути, стала воспитывать юношество в идеях антимилитаризма <...>. Победа может быть тогда, когда народ воспитан в военном духе, в преклонении к воинам, а не в том пренебрежении, с которым вы в мирное время относились к военному человеку и военным делам».²⁶⁰ Истинное значение слов Маркова, содержащих нелицеприятные для оппозиции вещи, было тут же искажено левыми криками с места: «лидер германцев!» А близкий к кадетам публицист К. Арсеньев так комментировал сказанное вождем крайне правых: «В самом деле, разве логическим из них (слов Н. Е. Маркова. — *А. И.*) выводом не является вера в непобедимость Германии — и разве с такою верою совместима уверенность в торжестве держав соглашения?»²⁶¹ Таким образом, всего лишь из констатации Марковым, что Германия сумела лучше подготовить своих воинов, и критики правым оратором системы воспитания юношества в либерально-демократических странах и России, оппозиционный публицист нарисовал картину поражения, а то и предательства.

Но доставалось далеко не одному Маркову. Так, после обвинений председателем правой фракции в Думе профессором С. В. Левашевым членов оппозиционного Прогрессивного блока в том, что своей антиправительственной работой он служит на руку Германии, один из лидеров блока, кадет П. Н. Милюков, выразил «удивление», что «заявление против попыток превратить деятельность Государственной думы в деятельность, полезную для немцев, сделал первый оратор съезда правых в Петрограде herr Ritter von Lewashew («герр рыцарь фон Левашев». — *А. И.*)». Это тут же вызвало протест Левашева и другого представителя фракции правых Г. Г. Замысловского (назвавшего пассаж Милюкова наглостью) и покинувших заседание Совета старейшин. На призыв председателя Думы М. В. Родзянко не «называть сотоварищей немецкими терминами», Милюков ответил таким «аргументом»: факт публикации в газете «*Berliner Tageblatt*» отчета о состоявшемся съезде русских правых «свидетельствует» о том, «кто работает на немцев».²⁶²

Оправдываться приходилось и правой группе Государственного совета. В декабре 1915 г. ей даже пришлось выступить со специальной декларацией,

²⁶⁰ Цит. по: *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 3 С. 333–334.

²⁶¹ Там же. С. 334.

²⁶² Утро России. 1915. 11 декабря. Заметим, что на таких же «доказательствах» в ноябре 1916 г. Милюков выстроил свои обвинения в шпионаже в пользу Германии против императрицы Александры Федоровны, оказавшиеся ложью.

призванной нейтрализовать многочисленные публикации в печати с обвинениями правых в германофильстве. Отметив, что все эти обвинения не имеют под собой ни одного конкретного факта, а строятся исключительно на том основании, что Германия для многих правых является более близкой по политическому устройству, нежели Англия или Франция, правая группа заявляла, что «вместе со всей Россией она стремится к тому, чтобы раздавить Германию, и не останавливается перед тем, что это стремление направлено против Вильгельма, хотя он и является вдохновителем монархических принципов».²⁶³

Действительно, внешнеполитические взгляды правых накануне войны давали повод их противникам сомневаться в быстрой смене их ориентации с Германии на страны Антанты. Ведь до войны правые всегда утверждали, что не путем борьбы с Германией Россия может помочь славянам, а путем дружбы с ней.²⁶⁴ Отрицательным было и их отношение к внешнеполитическому курсу С. Д. Сазонова, имевшего репутацию убежденного англофила. Правые же в своем большинстве решительно отвергали сближение с Англией, поскольку оно, по их мнению, помимо того, что уже перечислялось, связывало России руки в Персии.

Говоря о так называемом «германофильстве» правых, следует отметить и тот факт, что правые не были склонны отождествлять материально-техническое отставание России, ее недостаточную подготовленность к войне и ее временные неудачи с исторической властью, с принципами царского самодержавия. С этих позиций идейно правым была ближе кайзеровская Германия, которая оказалась подготовленной к войне, в отличие от «парламентских» союзниц, терпящих неудачи так же, как и Россия. Поэтому либеральные, оппозиционные, особенно кадетские круги с настойчивым постоянством проводили мысль о том, что если российских либералов идейная общность с союзниками толкает к сближению с последними, то правых по самой природе тянет к близкой им по строю и духу авторитарной Германии.²⁶⁵ Как отмечалось в жандармском отчете, у правых вызывало раздражение то, что «самодержавная Россия воюет за свободу республики с конституционной монархией, с Германией, имеющей схожий с Россией образ правления».²⁶⁶ Внутриполитическая позиция русских правых, пугало

²⁶³ Утро России. 1915. 11 декабря.

²⁶⁴ Земщина. 1911. 9 января; История внешней политики России... С. 396.

²⁶⁵ Алексеева И. В. 1) Агония сердечного согласия. С. 12; 2) Оппозиция Его Величества... С. 54.

²⁶⁶ Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении / Публ. М. Покровский // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 23.

в связи с этим своих читателей прогрессистское «Утро России», может привести к преждевременному миру с Берлином, поскольку Германия является «единственным оплотом консерватизма в Европе».²⁶⁷ Об этом же говорил и примкнувший к оппозиции националист А. И. Савенко, так представлявший своим новым политическим союзникам взгляды крайне правого лагеря: «Разгром Германии равносильен разгрому идей монархизма и консерватизма. Торжество Англии и Франции будет торжеством идей политического демократизма и радикализма, которые после разгрома Германии широкой волной разольются по всей Европе и захлестнут и наше отечество».²⁶⁸ Кадеты же, ухватившись за эту логическую цепочку, делали из нее совершенно не очевидный, но политически выгодный для себя вывод, заявляя, что для правых, таким образом, «лучше унижение перед врагом <...>, чем возможность поворота в сторону демократии».²⁶⁹ Допустить третий вариант (сокрушение Германии с одновременным укреплением принципов монархизма в России), оппозиция просто не желала.

Правые же, действительно, опасались излишне близких отношений с союзниками по Антанте, и не без оснований полагали, что последние на стороне российских либералов и желают видеть Россию «цивилизованной» конституционной страной. Кроме того, правые были уверены, что все реформы, предлагаемые союзниками, на самом деле предлагаются «международным еврейским правительством», которое приказывает Англии и Франции поступать согласно его целям. Цель же этого «правительства», неоднократно подчеркивали правые, очевидна — уничтожение России как самостоятельного государства.

Правые также настаивали на проведении более твердой линии в отношении союзников, прежде всего Англии, подозревая их в стремлении переложить на Россию основную тяжесть борьбы с вражеской коалицией, максимально экономя собственные силы, дабы выйти из войны менее истощенными, чем их союзница, и навязывать затем России свою волю в делах послевоенного мирного урегулирования.

Обвинения правых в германофильстве не прекращались до самой революции и имели целью, как представляется, больше скомпрометировать политических противников перед союзниками и народом, нежели предупредить и спасти Россию от внутреннего предательства со стороны правой части Думы и Совета, правительства, т. н. «камарильи» и уже мало на что влияющих монархических организаций. Либералам, подчеркивал Н. Е. Марков

²⁶⁷ Утро России. 1915. 25 августа.

²⁶⁸ Цит. по: *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 2. С. 346.

²⁶⁹ Там же.

«нужно доказать, что правые как в России, так и в Государственной думе, желают добра немцам и желают вреда России».²⁷⁰

Правые Думы и Совета решительно боролись с этим явлением, так как подобные обвинения отнюдь не были узкопартийной полемикой и становились широко известными в России, в странах-союзицах, в Германии. Видный оратор фракции Г. Г. Замысловский считал, что в условиях военного времени правые и либералы делают (или, скорее, должны делать) одно общее дело. Но последние пытаются обвинениями правых в германофильстве накануне близкого поражения Германии вырвать победу для себя и получить с нее политические дивиденды исключительно в эгоистических целях.²⁷¹

Рассматривая такой сложный, спорный и далеко не однозначный вопрос, как германофильство правых, следует остановиться и на эпизоде с депутатами-большевиками IV Государственной думы. В ноябре 1914 г. пять депутатов-большевиков (А. Е. Бадаев, М. К. Муранов, Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов) были арестованы за антипатриотическую, антивоенную деятельность и осуждены в феврале 1915 г. Правая часть Думы полностью поддержала решение правительства по отношению к большевикам. Более того, правые настоятельно требовали, чтобы большевики-изменники, «сотрудники кайзера», были переданы не гражданскому, а военному суду, т. е. были судимы по законам военного времени. Вот что писала по этому поводу «Земщина», считавшаяся рупором фракции правых: «...единственной карой [для большевиков] может быть только петля на шее, и при том без всякого промедления, ибо промедление в данном случае смерти подобно».²⁷² В отличие от кадетов, правые считали, что бояться следует не впечатления, которое произведет казнь на общество, а внутренней измены и пропаганды пораженчества социалистов.

Безусловно, что в этих требованиях просматривается желание расправы со своими политическими противниками слева, но нельзя не обратить внимания и на доводы правых в отношении большевиков — последние аттестовывались ими как «сотрудники кайзера», как предатели, действующие в германских интересах. Стали бы германофилы (даже скрытые) лишней раз педалировать эту тему, даже для того, чтобы «потопить» своих противников? Думается, что такой способ был бы уж слишком иезуитским...

Вместе с тем некоторые из правых были искренно обрадованы, что их антиподы слева наконец-то показали свое пораженчество, которое тут же

²⁷⁰ Цит. по: *Богоявленский Д. Д.* Проблема лидерства в Союзе русского народа. С. 193.

²⁷¹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 2813–2814.

²⁷² Земщина. 1914. 16 ноября.

было преподнесено ими как «германофильство». «...Среди левых, слава Богу, выяснилось течение „пораженцев“, т. е. желающих поражения России. Я говорю „слава Богу“ потому, что это остановит правительство от слишком больших шагов навстречу обществу и левым, среди которых есть подобные господа. Левые долго играли комедию, но положение на войне вывело их из равновесия, и начинка выскочила наружу. По-видимому, это испугало октябристов, и они страшно сбавили тон», — писал в частном письме видный член фракции правых А. Н. Хвостов.²⁷³

Из всего вышесказанного, по нашему мнению, следует, что если некоторых правых думцев и можно заподозрить в т. н. «германофильстве», то только понимая его как чувство глубокого неудовлетворения и досады от осознания того, что воевать приходится с тем, кого так хотелось бы видеть в рядах своих союзников в силу государственно-политической общности. Действительно, война не сблизила правых с союзными парламентскими державами — Англией, Францией, Соединенными Штатами, за исключением разве что В. М. Пуришкевича, занимавшего в этом вопросе, как уже говорилось выше, «особую» позицию.

Определенно, что для большинства правых вынужденная смена ориентации на страны Антанты не привела к смене симпатий. Но чувство долга перед Отечеством и монархией вынуждало правых действовать согласно воле самодержца. Поэтому довоенные симпатии лидеров правых вовсе не означали, что в своем большинстве правые желали сепаратного, преждевременного мира с Германией и тем более поражения России. Большинство членов правых парламентских объединений приняли нежелательную для них войну с пониманием необходимости выполнить свой долг перед Отечеством и монархом до конца. Как справедливо замечает А. А. Дорошенко в отношении одного из лидеров правых, «будучи противником войны до ее начала, Марков-второй считал, что если Россия ввязалась в нее, то должна получить максимальную выгоду от победы».²⁷⁴ И нет никаких сомнений, что победа России над Германией была для правых желательнее, нежели заключение сомнительного и позорного мира.

Очень показательна в этом плане реакция двух видных членов правой группы Государственного совета — князя Д. П. Голицына-Муравлина и П. П. Кобылинского — на озвученное в Сенате США 9/22 января 1917 г. предложение американского президента Вудро Вильсона выступить в качестве посредника заключения европейскими державами «мира без победы»,

²⁷³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1025. Л. 364.

²⁷⁴ *Дорошенко А. А.* Правые в Государственной думе Российской империи. С. 186.

мира без аннексий и контрибуций. Вместо того чтобы обрадоваться такой идее (что было бы резонно, будь русские правые германофилами в том смысле, какой этому термину придавали их политические противники), они ее нисколько не поддержали. «Войны вообще ведутся не для праздной драки, а ради победы, — заявил в интервью „Вечернему времени“ Голицын-Муравлин. — Мир только тогда будет иметь смысл, когда он будет продиктован теми, которые ныне, воюя против войны, победят Германию. Именно ради победы над войною ведется эта война четверным согласием. Как заключила мир Германия в 1870 г., так и с ней должен быть заключен мир по окончании теперешней войны».²⁷⁵ Поэтому, указывая правый политик, Россия не может закончить войну, не добившись от Германии ответа за то «чувство обиды», которое она нанесла России, Бельгии, Сербии, Польше, Румынии и другим странам. Так же считал и П. П. Кобылинский, назвавший заявление Вильсона «малоприемлемым». Мир без территориальных приобретений казался Кобылинскому также невозможным. «...С ним (Вильсоном. — *А. И.*) еще можно согласиться в отношении Германии. Но в отношении Турции и Австро-Венгрии — ни в коем случае», — резюмировал правый член Государственного совета.²⁷⁶

Поэтому нам кажется совершенно очевидным, что вне зависимости от того, на чьей стороне Россия вступила бы в Первую мировую войну, конечная цель у русских правых была бы одна — победа России. Это в свойственной ему утрированно-грубой манере, но в целом достаточно справедливо в отношении правых отмечал и В. И. Ленин, подчеркивавший, что «на деле и царизм, и все реакционеры в России <...> хотят одного: ограбить Германию, Австрию и Турцию в Европе, побить Англию в Азии <...> Спор идет <...> только из-за того, когда и как повернуть от борьбы против Германии к борьбе против Англии. Только из-за того, когда и как».²⁷⁷

§3. Работа правых парламентариев в помощь фронту и тылу

Первую мировую войну правые встретили не только патриотическими речами, но и действительной работой как в тылу, так и на фронте. Многие, в том числе и члены IV Государственной думы, оказались в действующей армии, сменив депутатские сюртуки на военные мундиры. У многих на

²⁷⁵ Вечернее время. 1917. 10 (23) января.

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Ленин В. И. О сепаратном мире // Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 13. С. 188.

фронте сражались сыновья,²⁷⁸ некоторые сами ушли добровольцами в действующую армию, либо помогали сражающимся с неприятелем русским войскам, развернув энергичную работу в поддержку армии на позициях и в тылу.

Правый депутат К. М. Струков в декабре 1914 г. определился прапорщиком в 32 артиллерийскую бригаду.²⁷⁹ Князь Б. А. Голицын некоторое время служил в чине поручика в кавалергардском полку (правда, недолго, вскоре он был уволен в запас и вернулся к делам в Государственной думе²⁸⁰) и был награжден за отличия в боях против неприятеля орденом Св. Владимира 4-й степени.²⁸¹ Н. А. Белогуров заведовал хозяйством госпиталя курского земства им. Наследника Цесаревича, располагавшегося при 4-й армии.²⁸² А. П. Вишневецкий являлся уполномоченным того же земства по заведованию поездом-баней, получившим широкую известность и немалое количество благодарственных отзывов.²⁸³ А. М. Станиславский организовал в родном г. Богодухове лазарет, содержавшийся исключительно на средства духовенства.²⁸⁴ Б. Н. Леляевский состоял товарищем председателя волынского отдела Всероссийского общества попечения о беженцах (членом этого же общества являлся и другой правый депутат — П. А. Ярмолович), был членом волынского отделения Комитета великой княжны Татианы Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий и других благотворительных организаций.²⁸⁵

Неоднократно в качестве уполномоченного курской организации помощи армии выезжал на европейский и азиатский фронты военных действий правый депутат Г. А. Шечков, побывавший на Западной Двине, на Карпатах, в Эрзеруме.²⁸⁶ «Был у меня Шечков. Он из Думы едет домой. А перед Думой возил из Курска семь вагонов подарков для полков Курской

²⁷⁸ В частности, сын правого депутата Н. П. Стародумова — Николай, был прославленным летчиком, получившим в годы войны Георгиевский крест. На фронте сражался сын видного члена правой группы Государственного совета А. А. Ширинского-Шихматова.

²⁷⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1176. Л. 169.

²⁸⁰ Там же. Оп. 9. Д. 191.

²⁸¹ Русский инвалид. 1914. 8 ноября (Официальный отдел).

²⁸² РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1176. Л. 167–169.

²⁸³ Там же; Отзывы о деятельности А. П. Вишневецкого см.: Курская быль. 1915. 30 мая — 2 июня.

²⁸⁴ Новое время. 1914. 29 июля.

²⁸⁵ Памятная книжка Волынской губернии на 1917 год. Житомир, 1916.

²⁸⁶ См.: Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода кн. Н. Д. Жевахова. М., 1993. Т. 2. С. 86.

губернии в армию Радко-Дмитриева. Доходил до самых окопов», — отмечал в дневнике видный русский консерватор Л. А. Тихомиров.²⁸⁷

Епископ Анатолий (Каменский) в ноябре 1914 г., отказавшись от звания члена Думы,²⁸⁸ распорядился, чтобы полагавшееся ему жалование было передано думскому и синодальному Алексеевскому госпиталю «на нужды войны».²⁸⁹ Также на нужды раненых жертвовали депутаты И. М. Доценко, П. В. Новицкий и др.²⁹⁰

Буквально в первые дни войны, 30 июля 1914 г., возглавляемый В. М. Пуришкевичем РНСМА объявил, что его Главная палата прекращает всякую политическую деятельность на время военных действий и передает свое помещение под лазарет для раненых воинов. В сентябре того же года Главный совет СРН призвал «всех православных русских людей» и все отделения Союза открывать на местах по городам свои союзные лазареты для раненых. Сам же Главный совет СРН по инициативе Н. Е. Маркова 7 октября 1914 г. открыл в Петрограде на Каменном острове лазарет на 30 коек с оборудованием и полным содержанием и лечением раненых воинов русской армии. Обязанности сиделок и медсестер в этом лазарете распределили между собой жены и дочери членов Союза.²⁹¹ Почин сбора пожертвований на содержание лазарета положил сам Марков, внося в кассу организации тысячу рублей. Уже к концу февраля на лазарет было собрано более десяти тысяч рублей частных пожертвований.²⁹² Однако, как видно из показаний бывшего товарищем министра внутренних дел С. П. Белецкого, данных в июне 1917 г., организаторы помощи раненым Н. Е. Марков и Г. Г. Замысловский негласно получали на эту деятельность еще и ежемесячные субсидии от департамента полиции, по крайней мере с осени 1915 г.²⁹³ (Впрочем, справедливости ради заметим, что субсидии от власти на подобную деятельность получали и организации, созданные либеральной общественностью).

Сам Н. Е. Марков в 1915 г. был включен в состав Особого совещания по обороне государства, причем неожиданно для многих своих коллег,

²⁸⁷ Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А. В. Репников. М., 2008. С. 38.

²⁸⁸ Отказ от звания депутата Государственной думы планировался еп. Анатолием еще в феврале 1914 г. в связи с обвинением кадетом Л. А. Велиховым в злоупотреблениях при думских выборах в Одессе, однако под влиянием членов фракции правых владыка сдержал первоначальный порыв и согласился остаться членом Думы (Вечернее время. 1914. 14 (27) февраля).

²⁸⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 20. Л. 9.

²⁹⁰ Там же. Оп. 8. Д. 205. Л. 27, 36.

²⁹¹ Земщина. 1914. 8 октября.

²⁹² ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 9. Л. 510; Вестник СРН. 1915. 10 января.

²⁹³ Правые партии. Т. 2. С. 721.

знавших его только как блестящего оратора и политического бойца, быстро зарекомендовал себя человеком, хорошо разбирающимся в самых сложных вопросах.²⁹⁴ И если многие участники Сопещения считали требование Ставки Верховного главнокомандующего довести количество артиллерийских «парков» до 50 (1,5 млн снарядов в месяц) более чем достаточным, то Марков, наоборот, назвал его заниженным. «Относясь со всем уважением к произведенным в Ставке Верховного Главнокомандующего подсчетам, я тем не менее должен заявить <...> что к тому времени, когда мы сможем довести наше производство до 50 „парков“, мы получим новое заявление, в котором будет сказано, что „в силу сложившихся условий техники“ все прежние подсчеты оказались недостаточными, и требуется увеличить норму вдвое, — вспоминал слова Маркова националист В. В. Шульгин. — Я предлагаю, не дожидаясь этого неизбежного заявления, а сразу, теперь же увеличить расчет Ставки вдвое».²⁹⁵ Ход военных действий показал правоту лидера правых.

Созданное по инициативе В. М. Пуришкевича в начале 1914 г. Всероссийское Филаретовское общество народного образования (в числе членов учредителей общества был весь цвет правомонархического движения, в том числе и многие члены правых объединений Думы и Совета, вошедшие в состав Главного совета общества и его комиссий²⁹⁶) с началом Первой мировой войны приостановило охранительную и просветительскую деятельность, переключив свою активность на помощь семьям учителей, призванных в действующую армию и пострадавших от военных действий (убитых или увечных). На эту деятельность обществу было отпущено 50 тысяч рублей находящимся под августейшим председательством императрицы Александры Федоровны Верховным советом по призыву семей лиц, призванных на войну.²⁹⁷

Отдельного внимания в данном контексте заслуживает личность В. М. Пуришкевича, который, как никто из правой фракции, отдался делу служения Родине в годы войны не на словах, а на деле.²⁹⁸ С началом войны он все реже и реже появлялся в Государственной думе, целиком посвящая себя

²⁹⁴ Степанов С. А. Черная сотня. С. 409.

²⁹⁵ Там же. С. 409–410; Шульгин В. В. Дни. М., 1989. С. 120.

²⁹⁶ См.: Устав Всероссийского Филаретовского общества народного образования. (Со статьей основателя общества В. Пуришкевича «Чем вызвано к жизни Всероссийское Филаретовское общество народного образования?»). СПб., 1914.

²⁹⁷ Вестник Русского собрания. 1915. 1 июня (№ 16).

²⁹⁸ Иванов А. А. Патриотическая деятельность В. М. Пуришкевича в годы I мировой войны // Герценовские чтения. Актуальные проблемы социальных наук. 2002. СПб., 2002. С. 82–84.

делу помощи русской армии. На своем думском ящике, куда опускалась вся корреспонденция, Пуришкевич прикрепил записку следующего содержания, точно таким же образом оформив прошение об отпуске:

Предпочитая слову дело,
Я покидаю Петроград:
Здесь в Думе только говорят,
А это мне осточертело!²⁹⁹

Пуришкевича не удовлетворяло, что в Петрограде вместо реальной помощи фронту занимаются политикой, «сводят счеты, распускают слухи, сочиняют резолюции, не понимая, что нужна не шумиха политических резолюций, а муравьиная неустанная работа для армии».³⁰⁰

Оставив на время активную политическую деятельность, В. М. Пуришкевич поступил в начале сентября 1914 г. в распоряжение Красного Креста, откуда был откомандирован под начало октябриста А. И. Гучкова. Однако уже через две недели он вышел из гучковского отряда, расценив его деятельность исключительно как рекламную.³⁰¹ Создав собственный отряд, осенью 1914 г., во главе санитарного поезда Красного Креста, Пуришкевич выехал на фронт. Вместе с Пуришкевичем помогали раненым воинам его супруга Анна Николаевна, спешно прошедшая курсы сестер милосердия, и оба его сына — Всеволод и Вадим, воспитанники младших курсов училища правоведения.³⁰² В задачи поезда входило не только оказание помощи раненым воинам и их эвакуация, но и доставка теплых вещей и пищи на передовые позиции. Основной работой Пуришкевича было устройство питательных пунктов и лавок как для военнослужащих, так и для беженцев, а зачастую и для местного населения, пострадавшего в результате военных действий. Поезд состоял из аптечных вагонов, вагонов-лавок, питательных вагонов, вагона-бани и вагона-читальни. Кроме того,

²⁹⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 646. Л. 17; Новое время. 1916. 25 февраля (9 марта); *Аврех А. Я.* Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 100. Несколько иной вариант этого стихотворения приводит националист А. А. Ознобишин. См.: *Ознобишин А. А.* Воспоминания члена IV-ой Государственной думы. Париж, 1927. С. 215.

³⁰⁰ Итоги первого боевого года в тылах и на фронте. Доклад В. М. Пуришкевича в Русском Собрании 4 сентября 1915 г. Пг., 1915. С. 12.

³⁰¹ «27-го февраля мы могли стать гражданами...». С. 126. Не преминул В. М. Пуришкевич вставить шпильку по адресу октябристского лидера, занимавшегося ревизией, посвятив ему, в частности, такие строки: «Не предавался он покою, / Но чист (о, девственный кристалл!), / В тот час, когда лилась рекою / Родная кровь, своей рукою / Повязки раненых считал» (ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 613. Л. 1).

³⁰² Земщина. 1914. 21 ноября.

в поезде была устроена вагон-церковь, в которой молодой иеромонах отец Николай совершал богослужения.

Сменил Пуришкевич и имидж — оставив гражданский костюм, он переоблачился в военную форму. «Следующая картина в моей памяти, — вспоминал М. С. Маргулиес, — Пуришкевич во френче; фуражка с предлинным козырьком, закрывающим лоб почти до глаз; во рту большая сигара, в руках стек; выходит из Военного министерства и садится в ждущий его автомобиль Красного Креста, на дверце которого (автомобиль казенный) девиз Пуришкевича — *semper idem* (всегда тот же (лат.)). — А. И.».³⁰³

«С объявлением войны Владимир Митрофанович, в горячем, как всегда у него бывает, порыве своего патриотического чувства, весь отдался своей энергичной, самоотверженной, высоко плодотворной деятельности, — отмечал в дневнике член РНСМА полковник Ф. В. Винберг. — Я думаю, что за три года войны он не знал, что такое отдых, что такое жизнь личная. Я видел его в Варшаве, в Люблине, в Риге, еще где-то, и всегда он кипел как в котле, отдав весь свой крупный организаторский и административный талант, все свои силы, все помыслы святому делу войны. Я видел его питательные пункты, его поезда, где так радушно встречали его милые сестры милосердия, где так уютно угощали и давали отдохнуть и от однообразия, и от трудов походной и боевой жизни. Всюду, как офицеры, так и нижние чины, с горячей благодарностью отзывались о помощи, доставляемой Пуришкевичем и его образцовыми отрядами. На что уже Александр Иванович Гучков был обеспечен в однородной своей деятельности широкой общественной популярностью и более крупным масштабом своей роли; а между тем мне воочию приходилось убеждаться, насколько результаты его работы уступают творческому, жизненному труду Пуришкевича, у которого дело горело в руках и спорилось удивительно успешно».³⁰⁴

«Пуришкевич до войны и Пуришкевич во время войны — два различных человека, — отмечал, в свою очередь, правый кадет В. А. Маклаков. — До войны это величина отрицательная. Одни считали его невменяемым, а другие сознательным скандалистом; но едва ли кто видел в нем серьезного и искреннего деятеля. <...> Если бы Пуришкевич умер до войны, то о нем, вероятно, сохранилась бы только *подобная* память; тогда самая его широкая популярность осталась бы простой иллюстрацией к нашей политической некультурности, к инстинктивной склонности нашего народа

³⁰³ Маргулиес М. С. Год интервенции. Берлин, 1923. Кн. 1. С. 119.

³⁰⁴ Винберг Ф. В. В плену у «обезьян». Записки «контрреволюционера» // Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов / Сост. и ред. А. А. Иванов при участии С. Г. Зириня. М., 2008. С. 64–65.

к анархии и бесчинству. Но война заставила переменить мнение о Пуришкевиче. Она открыла в нем черты, которых до тех пор в нем не подозревали. Она обнаружила в нем, во-первых, страсть, которая оказалась не только сильнее остальных, но, может быть, и их объясняла: патриотизм. В жертву ей Пуришкевич принес все, чем располагал, — свои политические симпатии, личные предрассудки и даже собственную славу. С момента войны он преобразился. <...> По его инициативе создавалась целая сеть подсобных для армии учреждений, питательных пунктов, санитарных поездов и т. п. Пользуясь своими старыми связями, своей личной известностью, он доставал деньги там, где для другого это могло бы быть недоступно; находил себе и сотрудников, которые не стали бы работать с другими; словом, он сумел использовать на общее дело весь тот капитал, который приобрел другими путями; эта работа поглощала все его внимание и интересы...»³⁰⁵

По сообщению «Нового времени», поезд Пуришкевича был в силу отличной организации и технической оснащенности чуть ли не единственным составом, оказывающим реальную помощь раненым воинам на передовых позициях в первый год войны.³⁰⁶

«У меня всего 15 отрядов, раскинутых на всем С[еверо-]З[ападном] фронте, — отмечал В. М. Пуришкевич в докладе перед Русским собранием в сентябре 1915 г. — Последнее время мне пришлось сузить деятельность своих отрядов в связи с военными событиями, но сейчас я их снова раскидываю и расширяю».³⁰⁷

За три с половиной года своей деятельности отряд Пуришкевича побывал в расположении войск генералов Вас. И. Гурко, П. И. Мищенко, С. М. Шейдемана, В. М. Безобразова, А. Я. Драгомирова и многих других,³⁰⁸ всюду оставляя о своей деятельности благожелательные отклики.

Сам В. М. Пуришкевич позже рассказывал, что он «стоял впереди всех организаций <...>, работал с отрядом по 5–6 дней, не раздеваясь, спя в 1-й период войны в собачьих конурах, в заброшенных избах, зимою без стекол, в товарных узкоколейных вагонах на полу зимой...».³⁰⁹

Он был свидетелем оставления русской армией Варшавы, видел скорби и беды многочисленных беженцев, бросавших все свое имущество и уходивших с насиженных мест в неизвестность; подбирал осиротевших детей, переправляя их в Петроград, открывал для детей беженцев походные

³⁰⁵ Маклаков В. А. В издательство «Я. Е. Поволоцкий и К°»... С. 12–13.

³⁰⁶ Новое время. 1915. 27 января.

³⁰⁷ Итоги первого боевого года в тылах и на фронте... С. 6.

³⁰⁸ «27-го февраля мы могли стать гражданами...». С. 127.

³⁰⁹ Там же.

школы.³¹⁰ В фондах ЦГАКФФД сохранился альбом с более чем полусотней фотографий, сделанных в 1915 г. доктором С. С. Лазовертом (тем самым, который позднее принял участие в убийстве Г. Е. Распутина), где запечатлены питательные пункты Пуришкевича, оказывающие помощь беженцам, персонал его санитарных отрядов, обслуживание раненых бойцов и другие картины фронтовой деятельности Владимира Митрофановича и его сотрудников.³¹¹

Активная деятельность Пуришкевича вскоре принесла свои плоды. Его санитарные поезда получили в русской армии славу лучших. Так, дочь известного русского историка С. Ф. Платонова, Н. С. Краевич, в письмах к матери отмечала, что ее муж «страшно доволен» тем, что ему удалось перевестись к «генералу», как в шутку называли Пуришкевича, отмечая, что дело организовано у него на самом высоком уровне.³¹² В. М. Пуришкевича буквально заваливали письмами с просьбами принять в свой отряд люди совершенно разных политических убеждений.³¹³ «Попасть в поезд Пуришкевича было мечтой», — отмечал В. В. Шульгин.³¹⁴ Газеты пели ему дифирамбы, солдаты и офицеры искренне благодарили. «Имя его было у всех на устах, — отмечал в своих воспоминаниях об этом периоде жизни Пуришкевича видный правый публицист, член РНСМА Ю. С. Карцов. — Несмотря на свое правое направление, он стал любимцем войска и популярнейшим лицом в России».³¹⁵

С неподдельным восторгом о санитарном отряде Пуришкевича отзывались протопресвитер русской армии и флота о. Г. И. Шавельский, Ю. В. Ломоносов, Н. А. Энгельгардт.³¹⁶ А посетивший поезд Пуришкевича в мае 1916 года император Николай II писал царице: «Это не санитарный поезд — в нем 3 вагона с библиотекой для офицеров и солдат и полевая аптека, очень хорошо оборудованная и рассчитанная для обслуживания трех армейских корпусов <...> Удивительная энергия и замечательный организатор! В этом поезде совсем нет сестер, одни мужчины».³¹⁷

³¹⁰ Итоги первого боевого года в тылах и на фронте... С. 6; ЦГАКФФД. Альбом П 199, сн. 65.

³¹¹ ЦГАКФФД. Альбом П 199.

³¹² ОР РНБ. Ф. 585. Д. 5906. Л. 4 об.

³¹³ ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 692, 702, 707.

³¹⁴ Шульгин В. В. Последний очевидец. С. 266.

³¹⁵ Архив ДРЗ. Ф. 1. Ед. хр. М-76 (1). Л. 259.

³¹⁶ См.: Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 1. С. 214; Ломоносов Ю. В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. Стокгольм; Берлин, 1921. С. 16; Энгельгардт Н. А. Эпизоды моей жизни. (Воспоминания). С. 61.

³¹⁷ Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Пг., 1926. Т. IV. С. 279–280.

Впрочем, были в отряде и сестры, но, по выражению самого Пуришкевича, только «идейные». Государь император, выслушав доклад В. М. Пуришкевича о деятельности отряда, выразил свое глубокое удовлетворение и объявил Пуришкевичу благодарность.³¹⁸ Легендарный поезд Пуришкевича также удостоился посещения и других августейших особ — королевы Румынии, которая, согласно газетным сообщениям, отзывалась о нем весьма лестно, наградив чинов отряда медалями знака ордена королевы Елизаветы,³¹⁹ и великого князя Михаила Александровича с супругой.

Даже советский автор С. Б. Любош в книге с говорящим названием «Русский фашист Владимир Пуришкевич» признавал, что санитарный поезд Пуришкевича «был одним из лучших и принёс много облегчения тем войсковым частям, к которым он попадал».³²⁰

И если до войны имя Пуришкевича, уже являясь нарицательным, ассоциировалось прежде всего с иницируемым им скандалами и имело для большинства явно негативную окраску, то по ходу ее ситуация заметно менялась. «Слово „Пуришкевич“ в русской армии сделалось нарицательным именем, — писал побывавший на передовых позициях корреспондент газеты «Бессарабия», — и чтобы указать хорошую постановку дела обыкновенно говорят: „как у Пуришкевича“».³²¹

По словам правого публициста П. Ф. Булацеля, война показала русскому обществу, что Пуришкевич умеет «не только хорошо говорить, но и хорошо работать». «Давно ли вся „передовая“ печать выставляла В. М. Пуришкевича шутом, крикуном, скандалистом, потому только, что он примкнул к правой фракции в Государственной думе? <...> Теперь, работая без отдыха во время войны, заведывая питательными обозами, В. М. Пуришкевич заслужил любовь и уважение доблестной нашей армии», — отмечал он в своем публицистическом «Дневнике».³²²

С фронта эта популярность благодаря многочисленным рассказам очевидцев и газетным сообщениям докатилась до столицы. «...Принимаю посетителей, которые приходят ко мне с самыми странными просьбами, — писал в частном письме из Петрограда своему брату, находившемуся в Варшаве, М. М. Пуришкевич. — Я начинаю догадываться, что будь ты в городе, они пошли бы к тебе, но за твоим отсутствием, на худой конец, хотя бы обратились хоть к какому-нибудь Пуришкевичу».³²³

³¹⁸ Русский инвалид. 1916. 31 мая; Сельский вестник. 1916. 1 июня.

³¹⁹ Новое время. 1917. 17 (30) января; Там же. 5 (18) февраля.

³²⁰ Любош С. Б. Русский фашист Владимир Пуришкевич. С. 44.

³²¹ Бессарабия. 1916. 14 декабря.

³²² Булацель П. Ф. Дневник // Российский гражданин. 1916. № 8. С. 11.

³²³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1450.

Следует отметить, что некоторый опыт подобной деятельности у Владимира Митрофановича уже был. В 1898 г., являясь председателем Аккерманской уездной земской управы, он сумел с большим успехом справиться с голодом, привлекая пожертвования и организуя общественные работы.³²⁴ Так что, пожалуй, неудивительно, что со свойственным ему напором и энергией Пуришкевич мог достать для своего поезда практически все необходимое. Если же на позициях выяснялось, что что-то необходимое в поезде отсутствует, то Пуришкевич, как правило, оставлял свой отряд на несколько дней и снова возвращался с одним-двумя вагонами, нагруженный и веселый. Репортер «Нового времени» отмечал, что в санитарном поезде были все необходимые медикаменты, многие из которых невозможно было достать даже в столице. «Никто достать не может, а он достает. На то он и Пуришкевич...» — смеялись офицеры.³²⁵

«Кто не знал отрядов Пуришкевича! — восклицал в своих мемуарах полковник Л. Н. Новосильцев. — С какой неусыпной энергией и умением он устраивал столовые и питательные пункты, иногда в весьма опасных местах».³²⁶ Примечательно также наблюдение фронтového врача и литератора-марксиста Л. М. Войтоловского, передавшего в своих воспоминаниях о Первой мировой войне такой ненароком услышанный им разговор артиллерийского офицера с военным священником: «В армии теперь Пуришкевич, — сообщает священник. — Он устроил санитарно-питательный пункт... как же, как же... Энергичнейший, редкий человек... Свой поезд с кухней... Во время последних боев шесть тысяч человек накормил... И в сферах всемогущ... Железнодорожные власти трепещут... Чуть что — летит телеграмма принцу Ольденбургскому...»³²⁷

«Поистине этот человек творит чудеса на пользу ближних. И если вспомнить, что делается в тылу, как люди грабят здесь друг друга, то невольно преклоняешься перед В. М. Пуришкевичем и пожелаешь ему от чистого сердца много лет в добром здравии поработать на благо России. Мы, бессарабцы, в особенности должны им гордиться, ибо он наша плоть и кровь», — писала о деятельности В. М. Пуришкевича газета «Бессарабия».³²⁸ «В последнее время русское общество проявляет большой интерес ко всему тому, что связано с именем В. М. Пуришкевича. Стоустая молва создает вокруг его имени всевозможные истории и легенды, — отмечал

³²⁴ См.: *Иванов А. А.* Владимир Пуришкевич: опыт биографии правого политика. С. 26–30.

³²⁵ Новое время. 1917. 4 (17) января.

³²⁶ ГАРФ. Ф. 6422. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об.

³²⁷ *Войтоловский Л. Н.* Выходил кровавый Марс. С. 86.

³²⁸ Бессарабия. 1916. 14 декабря.

военный корреспондент либерального «Утра России». — Все это свидетельствует о громадной популярности, которую завоевал себе в русском обществе В. М. Пуришкевич. <...> Здесь (на фронте. — *А. И.*) почти все от генерала и до последнего солдата знают и любят его, — вернее, ту работу и те учреждения, которые он создал своей энергией в заботах о русском солдате. Кому из побывавших на фронте не известны огромные поезда В. М. Пуришкевича, кто не пользовался гостеприимством его питательных пунктов?»³²⁹ «Почему не все Пуришкевичи?!» — записал в книге отзывов неизвестный прапорщик Т.³³⁰ Как сообщало далее «Утро России», книга отзывов была вся исписана благодарностями, в том числе и стихотворными.

Благодарны Пуришкевичу были и простые солдаты. Советский переводчик Н. М. Любимов вспоминал: в начале 1930-х, когда он находился в ссылке в Архангельске, хозяин дома, в котором его поселили, ветеран Первой мировой войны В. А. Карпов затеял с ним разговор о политике-монархисте. «„Я Пуришкевича до самой смерти не забуду“, — сказал Венедикт Александрович. Я подумал, что он преисполнен к Пуришкевичу ненависти как к заядлому монархисту. „Если б он не подвозил нам на своем поезде продовольствия и не подбирал раненых, мы бы с голоду передохли и кровью истекли, — продолжал Венедикт Александрович. — Другие распинались за народ в Думе, а он дело делал. Ты не знаешь, он жив? Умер? Ну, царство ему небесное“. Таков был отзыв простого солдата о Пуришкевиче-человеке. Потом мне не раз приходилось слышать о нем подобные отзывы, и опять-таки от тех, кто узнал в Первую мировую войну, почему фунт русского солдатского лиха».³³¹

Впрочем, были и критические отзывы о деятельности Пуришкевича на фронте. Так, уже упоминавшийся нами М. С. Маргулиес, бывший в то время политическим противником Пуришкевича, в своих воспоминаниях утверждал, что его бывший однокашник был лишь талантливым рекламистом, умело пускавшим обществу пыль в глаза. «...Вижу на Северо-Западном фронте, между Двинском и Штокмансгофом грандиозную рекламу на народном горе: на всем протяжении этой части фронта, на дорожных столбах, на стенах железнодорожных станций, на стенах вагонов, на открытках — везде Владимир Митрофанович Пуришкевич. Поезд Красного Креста — организован в числе многих десятков других Красным Крестом; на стенах его написано маленькими буквами „Поезд Красного Креста“ и огромными

³²⁹ *Москвин С.* На пункте Пуришкевича // *Утро России.* 1917. 17 февраля.

³³⁰ Там же.

³³¹ *Любимов Н. М.* Неувядаемый цвет: книга воспоминаний. М., 2004. Т. 2. С. 118–119.

„Владимир Митрофанович Пуришкевич“. И статистика его — такая же. <...> Бесцеремонной ложью были напичканы все отчеты; а результата все же Пуришкевич добился — попал в исключительные, особенно энергичные благодетели фронта».³³²

Но, как можно было убедиться из приведенных выше высказываний самых разных людей, как противников, так и сторонников Владимира Митрофановича, как штатских, так и военных, — говорить о Пуришкевиче исключительно как о рекламисте значило бы грешить против истины. Но одно Маргулиес подметил верно — делая большое дело, честолюбивый политик не забывал и о саморекламе. Быть лучшим, но непременно, чтобы об этом все знали и говорили — таковым, как представляется, был посыл Пуришкевича. Его активная и полезная деятельность на фронте протекала не по-подвижнически тихо, а сопровождалась громкой рекламой, призванной усилить ее эффект и донести славу о политике как можно дальше. Похоже, что патриотические побуждения Пуришкевича, сомневаться в искренности которых нет никаких оснований, тесно переплелись с прагматическими политическими целями. Обладая хорошим чутьем, политик с первых же дней войны осознал важность завоевания симпатий армии, которые, учитывая народный характер войны, должны были стать после ее окончания для него мощной поддержкой. Очевидно, что если бы война закончилась победой русского оружия, рейтинг Пуришкевича-политика существенно бы вырос. А учитывая то, что с каждым годом войны торжество либеральных идей становилось все более и более очевидным, поддержка широких народных слоев на выборах в V Государственную думу (попасть в которую дискредитировавшим себя лидерам правых было бы весьма затруднительно) была для него более чем актуальной. «Настанут дни выборов в шестую, седьмую, восьмую, девятую и десятую Государственную думу, и я вам скажу, <...> я не верю в то, чтобы следующий ряд Государственных дум носил такой же характер, какой она имеет сейчас, — публично признавался Пуришкевич с думской кафедры в феврале 1916 г. — Я в это не верю, и каковы бы не были административные воздействия на избирателей, каковы бы ни были стремления получить тот характер, который желателен власти, будет тот характер, который желателен народу. Мы останемся в громадном меньшинстве, благодаря превратному представлению народа о тех целях, которые мы преследуем, благодаря тому клейму, которое на нас накладывают (указывает влево) отсюда».³³³

³³² Маргулиес М. С. Год интервенции. Кн. 1. С. 119–120.

³³³ Речи В. М. Пуришкевича в заседаниях Государственной думы 12 февраля и 21 марта 1916 года // Трибуна. Избранные парламентские речи (стенограммы). Вып. 8. Пг., 1916. С. 20–21.

Необходимо сказать несколько слов и о составе отряда В. М. Пуришкевича. По данным на 1916 г., в головном отряде Красного Креста трудилось на различных пунктах 89 человек.³³⁴ В разное время в состав отряда входили и другие депутаты фракции правых — А. М. Сеницын и С. В. Левашев.³³⁵ Но поразительно другое. Отряд Пуришкевича, известного своим антисемитизмом и подозрительным отношением к другим «инородцам», был интернациональным! Этот факт упомянул на суде, учиненном большевиками в 1918 г., сам Пуришкевич, что, правда, можно было бы расценить как попытку закамouflировать антисемитскую составляющую черносотенства.³³⁶ Но наличие в отряде лиц самых разных национальностей, в том числе и евреев, подчеркивал и корреспондент газеты «Бессарабия», посетивший поезд Пуришкевича. В статье за подписью «Бывший на фронте» отмечалось: «Поставив себе за правило никому не отказывать, организации Пуришкевича не делают различия между национальностями: здесь служат русские, поляки, евреи, магометане, киргизы, японцы и друг[ие]».³³⁷

Кроме того, как показывала старшая сестра головного отряда, которым руководил Владимир Митрофанович, Е. В. Сербова, «ко всем служащим отряда предъявлялось со стороны Пуришкевича самое строгое требование служить исключительно делу питательного пункта, проявляя при этом самое гуманное отношение ко всем и к каждому нуждавшемуся в помощи питательного пункта вне зависимости от его положения, политических взглядов, национальности и вероисповедания».³³⁸

Конечно, трудно поверить, что Пуришкевич в одночасье возлюбил евреев, которых еще совсем недавно поносил в своих речах. Скорее всего, ставка была сделана на поднятие собственного престижа в новых политических реалиях, и в этом контексте можно допустить, что Пуришкевич действительно «камouflировал» свой антисемитизм, однако не только на словах, но и на деле. Заметно в лучшую сторону изменилось отношение Пуришкевича и к полякам (см. об этом ниже).

При санитарных поездках Пуришкевич занимался созданием «даровых библиотек» для воинских чинов. В декабре 1915 г. ему удалось убедить товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского выделить ему из секретного фонда 10 тыс. рублей, поскольку на деньги Красного Креста

³³⁴ ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 702. Л. 8–10.

³³⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062. Л. 1235, 1241.

³³⁶ См.: *Розенталь И. С.* Вступительная статья // «27-го февраля мы могли стать гражданами...» С. 120.

³³⁷ Бессарабия. 1916. 14 декабря.

³³⁸ ГАРФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 277. Л. 35.

он этого делать не хотел.³³⁹ Библиотеки эти, помимо организации досуга раненых, да и просто отдыхающих солдат и офицеров, преследовали и политическую цель, пополняясь в основном литературой черносотенного содержания. Так, С. П. Белецкий свидетельствовал, что, получив средства от департамента полиции, Пуришкевич тут же купил у правого депутата Г. Г. Замысловского книг на 2 тыс. руб., в том числе и 400 книг по делу Менделя Бейлиса, обвинявшегося в ритуальном убийстве отрока Андрея Ющинского.³⁴⁰ А ознакомившийся с библиотекой Пуришкевича историк М. К. Лемке отмечал, что большей частью она была составлена из «Михаил-Архангельской литературы», представленной в прекрасных переплетах.³⁴¹ Поэтому не совсем правильно было бы говорить, что Пуришкевич полностью прекратил политическую деятельность.

В. М. Пуришкевич получал для своей деятельности довольно крупные суммы от правительства (около 100 тыс. руб. за 1914–1916 гг.³⁴²) и, используя связи в высшем обществе, добивался лучших условий для персонала своих поездов. Однако следует признать, что «Пуришкевич деньги брал, и много денег, но и дело делал».³⁴³

Заботясь о патриотическом настрое рядового состава армии, Пуришкевич пускает в оборот серию им самим же написанных брошюр «Солдатские песни», а также отдельные оттиски своих «песен», представлявших собой преимущественно простые незамысловатые стихи оптимистического содержания в духе «ура-патриотизма» (нередко содержащие лексику, близкую к ненормативной). Часть тиража «песен» Пуришкевича бесплатно раздавалась на позициях бойцам, часть реализовывалась в тылу за сравнительно высокую цену — 50 копеек за брошюру. Весь сбор от продажи книжек шел на покупку табака для нижних чинов передовых позиций, как сообщалось на обложке изданий.³⁴⁴

Кроме того, Пуришкевич читал лекции по всей России; вырученные от них средства также шли на снабжение солдат и офицеров книгами. По его собственному свидетельству, им было роздано (данные на начало 1917 г.) более миллиона книг для солдат и около ста тысяч для офицеров на сумму

³³⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 646. Л. 27–28.

³⁴⁰ Падение царского режима... Т. 4. С. 434.

³⁴¹ Лемке М. 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915 — 2 июля 1916). Петербург, 1920. С. 835.

³⁴² Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи... С. 447–455.

³⁴³ Любош С. Б. Русский фашист Владимир Пуришкевич. С. 30.

³⁴⁴ См.: Пуришкевич В. М. Солдатские песни Владимира Пуришкевича. Серия первая. Пг., 1914; То же. Серия вторая. Пг., 1915.

до ста тысяч рублей, отчет о чем был представлен Государственной думе.³⁴⁵

Впрочем, горя патриотизмом, Пуришкевич не забывал и о своих политических интересах. Еще в 1910 г. он указывал на то, что самым верным и действенным способом расположить к себе офицеров и солдат является забота об армии, оказание ей всяческих услуг, «в особенности по удовлетворению ее материальных интересов». «Если в Г[осударственной] Думе будут народные представители, <...> исключительно говорящие об армии, разрешающие всякие вопросы по удовлетворению материальных нужд военного сословия, то ясно, что армия будет их знать, будет следить за их деятельностью и станет им сочувствовать, если заметит с их стороны желание быть популярными в армии», — писал политик в одной из своих записок.³⁴⁶ А когда разразилась война, Пуришкевич неоднократно указывал правым, что рекламная активность либеральной оппозиции (пусть порой и чисто показная) в деле помощи армии приносит ей политические дивиденды, а потому ни на минуту нельзя забывать, что выборщиками во все следующие Думы, учитывая народный характер войны, будут те самые солдаты, что сейчас бьются на фронте — ведь воюют не просто русские солдаты, но и русские избиратели, уважение и доверие которых необходимо завоевывать уже сейчас.³⁴⁷

Все положительные отзывы о деятельности своих санитарных отрядов Пуришкевич старательно собирал, однажды обмолвившись: «Богатейшие письменные документы, бесчисленные письменные благодарности за все сделанное отрядами, хранятся в моем архиве, будут в свое время обработаны, выйдут в свет — и скажут обществу, что делали мы — идейные люди, проникнутые горячей любовью к Родине и спаянные духовно единством благородной цели милосердия».³⁴⁸

Поэтому, как представляется, не без политического расчета, помимо солдат и офицеров Пуришкевич направил свою благотворительную деятельность на петроградских рабочих. Как уже говорилось, деятельность возглавляемого им РНСМА на время войны была практически свернута, помещение его отдано под лазарет, а руководство Союза открыло по указанию Пуришкевича на Знаменской улице собственную продовольственную

³⁴⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 646. Л. 27–28; Новое время. 1917. 17 (30) марта.

³⁴⁶ ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 666. Л. 9–10.

³⁴⁷ Итоги первого боевого года в тылах и на фронте. Доклад В. М. Пуришкевича в Русском Собрании 4 сентября 1915 г. Пг., 1915. С. 18; *Пуришкевич В. М.* Чего хочет Вильгельм II от России и Англии в великой битве народов. Пг., 1916. С. 136–137.

³⁴⁸ Народный трибун. 1917. 5 октября.

лавку. «Полновластной хозяйкою [ее], — вспоминал Карцов, — стала Софья Львовна Облеухова (жена заместителя председателя РНСМА Н. Д. Облеухова. — *А. И.*). В умелых ее руках, бесспорно, дело пошло на лад. „Посмотрите, что сделала баба“, — справедливо гордился ею Пуришкевич». ³⁴⁹ На вырученные от продаж деньги Главной палатой РНСМА было решено открыть со временем приют для сирот воинов, причем, по настоянию В. М. Пуришкевича, предпочтение при приеме в приют должно было быть отдано сиротам воинов, призванных из рабочих петроградских заводов. ³⁵⁰

Однако, несмотря на организаторский талант Облеуховой, эта инициатива не принесла результата — денег для Союза в желаемом размере заработать не удалось. В декабре 1916 г. лавка имела 9 тыс. руб. долга при обороте в 190 тыс. 270 руб. ³⁵¹ «Трудясь в лавке, не забывала она [С. Л. Облеухова] и себя, — отмечал Карцов. — Жалование, которое Союз назначал ей, секретарю Яковлеву и другим служащим, постоянно повышалось, а с увеличением расходов поднимались и цены на продукты. <...> В результате цель, общественная и филантропическая, которую, открывая лавку, поставил себе Союз, оказалась недостигнутой». ³⁵²

Сам же В. М. Пуришкевич работал самозабвенно, вдаваясь, казалось бы, в мельчайшие и несущественные детали. «Пуришкевич наезжал в Петроград, но останавливался ненадолго и спешил обратно на фронт. С единомышленниками <...> беседовать о событиях ему было некогда: он был слишком занят. Софья Львовна [Облеухова] рассказывала, — сама она видела, — целыми часами просиживал Пуришкевич в магазине и глядел, как мололи кофе, который он накупил и вез в армию». ³⁵³ Что ж, вполне характерный штрих. Пуришкевич не был бы собой, если бы не смог достать для своего поезда все самое лучшее.

Таким образом, война показала, что пафосные патриотические речи правых были для многих из них отнюдь не пустыми словами, о чем свидетельствует хотя бы деятельность В. М. Пуришкевича. Уже спустя десятилетия бывший политический оппонент Пуришкевича, кадет В. А. Маклаков признавался, что «война обнаружила его [Пуришкевича] основную черту; ею была не ненависть к конституции или Думе, а пламенный патриотизм». ³⁵⁴

³⁴⁹ Архив ДРЗ. Ф. 1. Ед. хр. М-76 (1). Л. 310.

³⁵⁰ Правые партии. Т. 2. С. 597.

³⁵¹ Там же.

³⁵² Архив ДРЗ. Ф. 1. Ед. хр. М-76 (1). Л. 310.

³⁵³ Там же. Л. 311.

³⁵⁴ *Маклаков В. А.* Вторая Государственная дума. (Воспоминания современника). London, 1991. С. 194; [*Степанов С. А.*] В. М. Пуришкевич // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 334.

Активность правых депутатов Думы была куда заметнее деятельности, направленной на помощь фронту и тылу со стороны членов правой группы Государственного совета. Впрочем, это довольно просто объяснить — большинство членов Совета было значительно старше депутатов Думы, а потому идти на фронт добровольцами или уполномоченными Красного Креста было для них весьма проблематично.

Но и они помогали фронту в меру своих сил. Член правой группы С. И. Зубчанинов служил главноуполномоченным по устройству беженцев Северо-Западного фронта, возглавлял организацию «Северопомощь».³⁵⁵ Другой член группы — А. Д. Самарин — также был главноуполномоченным Российского общества Красного Креста по эвакуации во внутренние районы империи.³⁵⁶ Архиепископ Серафим (Чичагов), ставший членом правой группы в 1916 г., организовал в Тверской губернии госпиталь и «всецело погрузился в заботы о своем детище». По свидетельству члена Государственного совета П. П. Менделеева, он проводил в госпитале «значительную часть дня, внимательно следя не только за хозяйством, но и за лечением, часами просиживая с ранеными...».³⁵⁷ Граф С. Д. Шереметев оборудовал в Москве и в своем подмосковном имении лазареты для раненых и больных воинов,³⁵⁸ отправлял солдатам действующей армии и русским военнопленным посылки и денежные средства.³⁵⁹ Ставший вскоре членом правой группы Государственного совета князь Н. Д. Голицын с мая 1915 г. являлся помощником председателя (императрицы Александры Федоровны) Особого комитета по оказанию помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах.³⁶⁰ Князь А. А. Ширинский-Шихматов был товарищем председателя Особого Петроградского комитета Е. И. В. великой княжны Ольги Николаевны для помощи семьям воинов.³⁶¹

Остальные же члены правой группы наряду с другими представителями верхней палаты приняли участие в формировании подвижного лазарета Красного Креста имени членов Государственного совета, рассчитанного

³⁵⁵ См.: Зубчанинов С. Организация и условия работы по устройству беженцев Северо-Западного фронта. Б. м., 1915; Вечернее время. 1915. 7 (20) декабря.

³⁵⁶ ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 4.

³⁵⁷ Там же. Л. 11.

³⁵⁸ Стогов Д. И. Правые политические организации в период Первой мировой войны. С. 258–259.

³⁵⁹ РГИА. Ф. 1088. Оп. 2. Д. 117.

³⁶⁰ Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 372–373.

³⁶¹ Толстой И. И. Дневник. 1906–1916 / Публ. Л. И. Толстой. СПб., 1997. С. 607, 614.

на 400 раненых. Как было решено на общем собрании членов Совета, состоявшемся 29 июля 1914 г., каждый из них должен был ежемесячно жертвовать из своего жалования от 10 до 100 руб. В группу для содействия деятельности лазарета вошел видный член правой группы А. А. Нарышкин,³⁶² а среди тех, кто сделал крупные денежные пожертвования на нужды поезда, был председатель правой группы П. Н. Дурново.³⁶³

Так же как и представители правой фракции Государственной думы, не очень-то доверяя военному министерству в деле обеспечения обороноспособности страны и снабжения армии, представители правой группы Государственного совета выступили в 1915 г. с инициативой создания в верхней палате новой постоянной комиссии по военным сухопутным и морским делам, призванной рассматривать все дела, касающиеся государственной обороны.³⁶⁴ Инициатор этой идеи, князь А. Н. Лобанов-Ростовский указывал, что комиссия должна была стать «контролирующим и осведомляющим аппаратом, органом контроля за нарушением служебного долга, могущим ослабить военную мощь России».³⁶⁵ Предполагалось также, что новая комиссия получит право контроля над сметами военного и морского министерств и будет передавать их финансовой комиссии со своими заключениями. Несмотря на то, что в первый раз (24 июля 1915 г.) проект правых даже не был поставлен на голосование, они не оставили этой идеи. Лобанов-Ростовский подготовил проект повторно, и 5 августа 1915 г. он был утвержден. Комиссия, насчитывавшая 10 (позже 15) человек, к удовлетворению правых была создана. Во главе ее встал член правой группы, генерал от инфантерии Н. П. Шатилов.

Таким образом, можно констатировать, что войну представители правых объединений Государственной думы и Государственного совета встретили не только патриотическими речами и программными документами, но и действительной патриотической работой как в тылу, так и на фронте.

³⁶² РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 8. Л. 13–15; Отчет об образовании и деятельности подвижного состава лазарета Красного Креста имени членов Государственного Совета, средствах на его содержание и пожертвованиях на нужды Петроградского склада сего лазарета. (Сост. по 1 ноября 1914 г.). Б. м., б. г.

³⁶³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 8. Л. 32 об.

³⁶⁴ Новикова Е. Э. Государственный совет в годы Первой мировой войны. С. 49; Демин В. А. Комиссия по военным сухопутным и морским делам // Государственный совет Российской империи. 1906–1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 131.

³⁶⁵ Цит. по: Новикова Е. Э. Государственный совет в годы Первой мировой войны. С. 50.

Глава III

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ (август 1915 — ноябрь 1916 г.)

§1. Правые и Прогрессивный блок

Очередная сессия законодательных палат открылась 19 июля 1915 г. уже в новых исторических условиях. Прошла первая эйфория, не оправдались надежды на скорую блистательную победу. Националистические и патриотические настроения, вызванные началом войны и первыми успехами русского оружия, поутихли, а поражения 1915 г. практически свели их на нет, вызвав в обществе апатию, недовольство правительством, сомнения в целях и необходимости продолжения войны. В этот период вновь активизировалась борьба рабочих, возобновилось крестьянское движение, начались пока еще редкие волнения в армии. Совокупность этих факторов привела к изменению политической ситуации в стране, а следовательно, самым непосредственным образом сказалась на активизации межпартийной борьбы. С начала 1915 г. все больше и больше крепла так называемая «патриотическая тревога» буржуазии, якобы проявляемая за судьбу армии и флота.

Либералы настойчиво требовали произвести перемены в правительстве, настаивали на созыве Государственной думы. Император Николай II, отвергая слишком либеральные притязания, однако, не стремился полностью пресечь их, как настойчиво рекомендовали ему правые, проявляя осторожность и гибкость. Регулируя отношения с Думой и общественными организациями, император то шел навстречу общественности и выдвигал либеральных министров, то брал министров из правых, стараясь удержать оппозицию в приемлемых рамках. Но такой курс маневрирования лишь усиливал разногласия, причем как слева, так и справа.

В условиях нарастающего политического кризиса, грозившего перерасти в опасную внутривластную борьбу (что в конце концов и произошло),

правые обеих законодательных палат выступали противниками того, чтобы очередная сессия была долгой. Вместе с тем, за редким исключением, члены правых объединений Думы и Совета не дерзали и протестовать против ее открытия, указывая лишь, что продолжительность сессии не должна быть затянута. «Все группы верхней палаты, — писало „Утро России“, — за исключением немногих членов Государственного совета, принадлежащих к числу членов по назначению и примыкающих к крайнему правому крылу, единодушно высказываются за созыв палат».¹ На этой же точке зрения, продолжало издание, стоят все фракции Государственной думы. Позицию правых депутатов выразил священник С. В. Сырнев, заявивший, что он, как и многие правые, является сторонником открытия новой сессии, но только при условии предварительного выяснения, для решения каких конкретно вопросов она созывается.²

Чуть позже состоялось заседание фракции правых, посвященное вопросу продолжительности сессии, на котором было утверждено мнение, что Государственная дума после возобновления работ должна оперативно разрешить все вопросы, связанные с войной, обсуждение же каких-либо внутренних реформ признавалось недопустимым. В соответствии с такой программой, заключали думские правые, должна определяться и долгота сессии, причем делался далее намек, если правительство потребует досрочного роспуска Государственной думы, правые возражать не будут.³ А член правой группы Государственного совета граф А. А. Бобринский сформулировал отношение правых к продолжительности сессии законодательных палат в следующей лаконичной формуле: «Чем ближе враг — тем короче сессия, чем дальше — тем длиннее».⁴

Возражать против открытия сессии не решались даже лидеры крайне правых, не признававшие Думы, которые провели экстренное совещание на квартире Е. А. Полубояриновой в связи с предстоящим созывом законодательных палат. На нем было вынесено решение отказаться от агитации против созыва сессии, как «несвоевременной и бесполезной», так как решение созвать законодательные палаты было проявлением царской воли.⁵

Новая сессия Государственного совета и Государственной думы была приурочена к первой годовщине войны и открылась соответственно 19 июля 1915 г. При этом четвертая сессия нижней палаты формально оказалась

¹ Утро России. 1915. 30 мая.

² Там же.

³ Там же. 8 августа.

⁴ Там же. 25 августа.

⁵ Там же. 5 июля.

самой длинной сессией Государственной думы в период войны, хотя уже через полтора месяца (3 сентября) она была прервана согласно решению императора и возобновила свои заседания лишь 9 февраля 1916 г. Официально это выдавалось за продолжение той же сессии, однако засчитать полугодичный перерыв (сентябрь-февраль) за каникулы было трудно.

Для Государственного совета, работавшего точно по такому же графику, это были две сессии — одиннадцатая (19.07.1915–03.09.1915) и двенадцатая (09.02.1916–22.06.1916). Для верхней палаты новая сессия также ознаменовалась назначением нового председателя Государственного совета. После смерти 9 августа 1914 г. многолетнего руководителя заседаниями верхней палаты М. Г. Акимова (занимал пост председателя Государственного совета с 1907 г.), принадлежавшего к правой группе, и, по словам А. А. Поливанова, «неуступчивого в своей крайней правизне»,⁶ обязанности председателя исполнял его вице-председатель, беспартийный И. Я. Голубев, имевший в правых кругах репутацию «конституционалиста». Формально же пост председателя оставался вакантным, что объяснялось газетами «борьбой между группами центра и правыми, достигшей к моменту назначения таких сильных размеров, что за неимением приемлемых для другой группы кандидатов, не оставалось другого выхода, как оставить это место вакантным».⁷

За несколько дней до открытия сессии, 15 июля, император назначил председателем Госсовета 77-летнего А. Н. Куломзина — консервативного либерала, примыкавшего к группе правого центра. Таким образом, надежды правой группы на то, что на смену временно исполняющего обязанности председателя верхней палаты будет поставлен представитель крайне правого лагеря, не оправдались. «Обухом хватило меня назначение К[уломзина]», — сетовал С. Д. Шереметев. «Радоваться не могу, — писал он А. Г. Булыгину осенью 1915 г., — <...> Мне тяжело на месте благородного Акимова видеть либерального чиновника Александровских времен.⁸ Никак несоответствующий слышанного мною лично удостоверения, что назначен будет непременно правый. Впрочем, мало ли что я слышал неисполненного».⁹

А между тем такое вполне могло произойти, но правая группа упустила шанс получить ключевую должность в верхней палате из-за пассивности

⁶ Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний... С. 168.

⁷ Утро России. 1915. 2 января.

⁸ Имеется в виду эпоха царствования императора Александра II, к которому С. Д. Шереметев относился критически.

⁹ Цит. по: Бородин А. П. Правая группа Государственного совета... С. 61.

одного из своих сочленов. Как отмечал в своих воспоминаниях А. А. Поливанов, еще к 1 января 1915 г. «сферами» был выбран кандидат на эту должность — «несомненно правый и весьма приятный [А. Г.] Булыгин».¹⁰ «Был даже подписан указ о его назначении председателем Государственного совета, но он, занимая уже должность главноуправляющего ведомством императрицы Марии и будучи по характеру склонен к спокойной и уютной жизни, прикрылся желанием императрицы-матери и от угрожавшей ему новой хлопотливой обязанности успешно и благовидно отказался, а другого вместо него придумать из правых не могли, и поэтому Государственный совет вступил в 1915 г. опять возглавляемым вице-председателем И. Я. Голубевым».¹¹ Об этом же 29 декабря 1914 г. писал и сам Булыгин в письме к «патриарху» правой группы графу С. Д. Шереметеву, с радостью указывая, как ему ловко удалось избежать назначения на ответственную должность.¹²

Какое-то время правым казалось, что император остановится на кандидатуре И. Г. Щегловитова, пользовавшегося среди своих коллег авторитетом человека «с большой политикой, знавшего и умевшего плавать».¹³ Этого опасалась и оппозиция, газеты которой сообщали, что в «сферах» шли разговоры о назначении на этот пост именно И. Г. Щегловитова.¹⁴ Но новые веяния во внутренней политике, связанные с тяжелыми поражениями на фронте, и, как следствие, уступками «общественности», выразившимися, в частности, в увольнении наиболее одиозных для либерального лагеря

¹⁰ Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний... С. 168. Более правый генерал А. А. Киреев считал А. Г. Булыгина «уравновешенным, благоразумным человеком, умеренно либерального направления», близким славянофильским взглядам (Киреев А. А. Дневник. С. 34).

¹¹ Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний... С. 168.

¹² «Быть может, тебя удивит, но вчера я был в течение суток председателем Государств. Совета. Ко мне приехал Горемыкин и объявил о моем назначении. Совершившийся факт без всякого предуведомления более чем меня поразил. Пришлось целый вечер провозиться с Голубевым со списком членов на 1915 г. и так далее, а сегодня я был на завтраке в Аничковом, где были возмущены, что все сделано без Ее (Марии Федоровны. — А. И.) ведома. Опять же, не предупредив меня, Она поехала в Царское и сейчас мне написала письмо что „tout est arrangé. J'aurai le bonheur de vous garder. J'en suis très heureuse et me sens toute triomphante“ (Все улажено. Я буду счастлива Вас убе-речь. Испытываю от этого огромное удовольствие и чувствую себя торжествующей победительницей — фр.). Быстрота молниеносная! Кто теперь будет [председателем Гос. Совета] — не имею понятия» (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5124. Л. 187 об.—189 об.).

¹³ См.: Флоринский М. Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. С. 35.

¹⁴ Утро России. 1915. 7 января.

министров-консерваторов — И. Г. Щегловитова, Н. А. Маклакова, В. А. Сухомлинова и В. К. Саблера, — уже не давали возможности назначить председателем Государственного совета крайне правого. В русле общей политики либерализации многим казалось очевидным, что председателем верхней палаты император утверждает И. Я. Голубева, который и так фактически занимал эту должность после смерти Акимова, «но дабы не раздражать крайних правых <...>, решено было выставить кандидатуру А. Н. Куломзина, близко известного государю».¹⁵

Таким образом, новая сессия Государственного совета открывалась досадным поражением правой группы в борьбе за председательское место в верхней палате.

Работе Думы и Государственного совета власти намеревались придать патриотический настрой, так как августовский подъем 1914 г. пугающе перерастал по стране в уныние и отчаяние. Открывшее сессию Думы выступление И. Л. Горемыкина, произнесенное в духе казенного оптимизма, в котором министр призывал к единению с правительством, натолкнулось на резкую критику социал-демократов и трудовиков. Оно вызвало явную оппозиционность и со стороны либеральных фракций, желавших единства и социального мира не на основе эмоциональных чувств первого периода войны, а на более реальной (т. е. приемлемой для них) политической и социально-экономической основе. Патриотический подъем, характерный для начала войны, сменился «патриотической тревогой». Горемыкина поддерживали только правые. Н. Е. Марков, обратившийся к членам Думы с призывом оставить все «мелкие партийные дела» и не сводить счеты с правительством, «когда правительство напрягает все силы, чтобы отразить натиск врага»,¹⁶ не был услышан.

Период «священного единения», провозглашенного год назад на волне заметного патриотического подъема, закончился. Либералы винили в этом прежде всего правительство, считая, что «единение» было нарушено вовсе не по вине Думы. Иного мнения придерживались правые, полагавшие, что лозунг единения и партийного нейтралитета оппозиция выбросила лишь с единственной целью «получить доступ к правительственной работе и под этим флагом иметь возможность пускать мины под отечественный корабль».¹⁷ «Как наши неудачи повлияли на настроение, и газеты стали наглее. Теперь на очереди стремление повлиять на введение парламентаризма

¹⁵ Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний... С. 168.

¹⁶ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 47.

¹⁷ Правые в 1915 — февраль 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам // Минувшее. М.; СПб., 1993. Т. 14. С. 163.

полного, с ответственным пред ним министрами, и сумеем ли мы не пойти на почву уступок — это еще вопрос», — сетовал граф С. Д. Шереметев в письме к А. Г. Булыгину.¹⁸

И тем не менее правые, видимо, не были до конца осведомлены о планах либералов вплоть до формального открытия сессии. Лидеры думской фракции правых занимали накануне открытия Думы довольно вялую, если не сказать, пассивную позицию. Наиболее верной они сочли тактику сознательного уклонения от появления в стенах Таврического дворца, находя, что при сложившихся обстоятельствах (т. е. при начавшейся консолидации оппозиционных сил) высказываться против созыва «народного представительства» слишком непопулярно, а высказываться за созыв — невыгодно, хотя бы с узко партийной точки зрения.¹⁹ Кроме того, в отличие от оппозиционных групп, представители которых уже съехались в Петроград перед открытием заседаний Государственной думы и вовсю обсуждали на частных совещаниях тактику и стратегию на предстоящую сессию, во фракции правых наблюдался полный упадок настроения. По сообщению Департамента полиции МВД, 9 июля 1915 г. (т. е. всего за 10 дней до открытия сессии), Марков весь день ожидал во фракционной комнате Думы своих единомышленников, но те не спешили съезжаться, будучи заняты делами на местах.²⁰ Не было представителей от правых и на совещании лидеров фракций 23 июня 1915 г., что было отмечено председателем Государственной думы М. В. Родзянко.²¹

При этом, как сообщало «Вечернее время», позиция правых, накануне открытия сессии уклонявшихся от участия в совещаниях, происходивших в Таврическом дворце, находила поддержку многих видных представителей правого крыла Государственного совета. «Как передают, за последнее время путем совещаний некоторых видных правых обеих законодательных палат, установилась полная солидарность во взглядах на текущий политический момент и определилась возможность согласованности действий этих групп во время предстоящей сессии. Объединению правых на почве солидарности во взглядах на переживаемый момент в советских кругах придается большое значение, тем более, что до сих пор такой солидарности обыкновенно не было».²²

Но, несмотря на предварительное обсуждение правыми Думы и Совета тактики на ближайшую сессию, они не сразу сориентировались в происхо-

¹⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1025. Л. 345.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. Оп. 245. 1915. Д. 307 лит. А. Л. 83 об.

²⁰ Там же. Л. 83 об., 88.

²¹ Там же. Л. 82.

²² Вечернее время. 1915. 25 июня (18 июля).

дьящем. На второй день работы «нижней палаты», 20 июля, когда была выдвинута знаменитая формула, требовавшая власти, опирающейся на «народное доверие» (что фактически и стало фундаментом для образования оппозиционного блока), за нее голосовали и правые, включая Маркова и Замысловского. Позже, когда им об этом напоминали, они признавали ошибочность своих действий, оправдывая их тем, что они не поняли истинной сути дела.²³ Первоначальная кажущаяся лояльность блоку со стороны думской фракции правых не осталась незамеченной монархистами, вызвав у некоторых из них смущение. «Что за времена настали. Гос. Дума похуже первой, — и это лишь начало, — писал в эти дни лидер одесских правых Н. Н. Родзевич. — Надо реагировать, надо поддержать тех, кто поднимает голос в защиту наших устоев. В Гос. Думе таких нет (выделено мною. — А. И.); даже Марков врал о контроле [над властью]. Я думаю, следовало бы послать приветственную телеграмму члену Гос. Совета Дурново».²⁴

И действительно, самым твердым в эти дни оказался лидер правой группы Государственного совета П. Н. Дурново. Находясь в отъезде, в своем имении Трескино Саратовской губернии, он, обеспокоенный сообщениями об оживлении деятельности оппозиции, писал 11 июля 1915 г. члену правой группы А. А. Нарышкину: «Какое вообще положение в Петрограде и в частности в правой группе? Есть ли настоятельная необходимость мне приехать немедленно, и имеется ли опасность каких-либо неосновательных выпадов из нашей группы? Особенно последних, ибо я мог бы сдержать и успокоить».²⁵ Ответа Нарышкина на это письмо мы не знаем, но судя по дальнейшим действиям Дурново, его одноклассник на вопрос о необходимости срочного прибытия в Петербург лидера правых ответил утвердительно.

²³ См.: *Аврех А. Я.* Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 57.

²⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1025. Л. 383. И видимо, такие упреки по адресу правых Государственной думы были не единичными. Так, правому депутату Г. А. Шечкову пришлось оправдываться в письме к члену фракции правых III Думы, активисту СРН В. А. Образцову: «Вы упрекаете нас в том, что мы стараемся замалчивать выступления слева. Но что же в этом плохого? Замалчивают выступления парламентариев и шабесгоев не из сочувствия к ним, а ради того, чтобы приняться за борьбу с ними при условиях, менее для них выгодных, нежели теперешние. Не знаю, что собственно дурного сейчас вы усмотрели в действиях М. М. и Н. Е. [Маркова]. Ни они, ни правительственные верхи ни об учредительном собрании, ни об ответственности перед Думой, ни об еврейском равноправии не думают ратовать» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1027. Л. 543).

²⁵ Там же. Д. 1025. Л. 333. Как вспоминал В. М. Андреевский, Дурново руководил правой группой «властной и твердой рукой», умея немедленно наводить в ней порядок (*Андреевский В. М.* Автобиографические воспоминания).

Спустя неделю, 19 июля 1915 г., в первый день новой сессии Государственного совета, П. Н. Дурново выступил на правах лидера правой группы с глубокой и аргументированной речью, приковавшей к себе внимание современников. «Петр Николаевич Дурново выступал редко и лишь в крайних случаях, — подчеркивал А. Н. Наумов. — Говорил он тихо, размеренно и кратко, взвешивая каждое слово. Государственный Совет слушал его всегда с особым вниманием».²⁶ К тому же, отмечали газеты, тяжелобольной Дурново, сильно страдающий болезнью глаз, несколько оправился и впервые встал с постели лишь в середине января 1915 г.²⁷ Но будучи тогда же переизбранным председателем правой группы, правый политик делал оговорку, что ввиду плохого самочувствия принимать участие в работах верхней палаты он не сможет.²⁸ А потому, делали вывод журналисты, только острая необходимость могла заставить лидера правой группы лично выступить перед Советом. Поэтому остановимся на этой речи подробнее.

Начав с военных неудач России, Дурново представил членам высокого собрания свой взгляд на их причины. «Мы, как всегда, очень плохо подготовились к войне по всем отраслям военного и гражданского управления, — начал консервативный политик. — Мы по прежнему порядку и по исконной привычке среди громадных ворохов бумаг все время искали и не могли отыскать Россию в войне, и поэтому вели войну без достаточной и совершенно необходимой интенсивности. Виноваты в этом мы все, грамотные русские».²⁹

Подчеркнув далее, что наиболее виноватых он называть не будет, Дурново отметил, что это и не требуется, «т. к. корень зла не в них, а в том, что мы боимся приказывать». С этих слов речь его приобрела программный характер и наделала немало шуму в либеральной среде. «Боялись приказывать, и вместо того, чтобы распоряжаться, писались циркуляры, издавались бесчисленные законы, а власть, которая не любит помешений, тем временем улетучивалась в поисках более крепких оболочек, которые и находила там, где ей совсем не место, — отмечал Дурново. — Между тем мы были обязаны твердо помнить, что в России еще можно и должно приказывать

²⁶ *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. Кн. 2. С. 166. «П. Н. Дурново выступает с советской трибуны крайне редко, и его поэтому всегда слушают с особым интересом», — свидетельствовала также умеренно-правая газета (Вечернее время. 1915. 20 июля (2 августа)).

²⁷ Вечернее время. 1915. 23 января (5 февраля).

²⁸ Утро России. 1915. 17 января.

²⁹ Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия XI. Стб. 35.

и Русский Государь может повелеть все, что Его Высшему разумению полезно и необходимо для Его народа, и никто, не только неграмотный, но и грамотный, не дерзнет Его послушаться. Послушаются не только Царского повеления, но и повеления того, кого Царь на то уполномочит. <...> Вот почему правительство обязано воспитывать в этом духе не только народ, но и все без исключения учреждения из народа исходящие, а также и своих собственных представителей. Без этого нельзя вести войны, и всякую начавшуюся благоприятную войну можно превратить в непоправимое бедствие».³⁰

Выход из сложившейся печальной для власти и правых ситуации виделся Дурново в следующем: «Нужно бросить перья и чернила. Молодых чиновников полезно послать на войну, молодых начальников учить приказывать и повиноваться и забыть страх перед разными фетишами, перед которыми мы так часто раскланиваемся. Когда пройдет несколько месяцев такого режима, то всякий встанет на свое место, будут забыты никому не нужные сейчас реформы, и мало-помалу пойдут победы, которые приведут Россию к положению, когда уже будут возможны реформы и всякие другие изменения. Но можно только удивляться, читая о реформах средней и высшей школы в такие времена, как теперь».³¹

Речь эта — прямолинейная и лишённая всяких экивоков — в своей основе была, вне всякого сомнения, справедливой. Другое дело, что рецепт Дурново по наведению порядка в ведущей тяжелейшую войну стране некому было претворять в жизнь. Приказывать власть действительно разучилась... А оппозиционно настроенное общество, как и следовало ожидать, встретило этот демарш в штыки, поспешив навесить на дальновидного старика ярлык махрового ретрограда, «не понимающего» подлинных интересов России.

«Более категорического самоосуждения — самоосуждения не только лица, но и партии (т. е. правой группы. — *А. И.*), — нельзя себе и представить. <...> Доктрина, проповедуемая П. Н. Дурново, господствовала в России в течение долгих десятилетий; лучше ли от этого шли государственные дела? Лучше ли жилось народу?» — риторически вопрошал политический обозреватель «Вестника Европы» К. Арсеньев.³² Резюмируя впечатления от речи лидера правой группы, Арсеньев замечал: «Итак, „крайне правые“ ни на шаг не сдвинулись с давно занятой ими боевой позиции: они ничего не забыли и ничему не научились».³³

³⁰ Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия XI. Стб. 35.

³¹ Там же. Стб. 35–36.

³² Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 8. С. 353.

³³ Там же. С. 354.

Либеральный лагерь воспринял речь лидера правой группы как официальную декларацию самого консервативного крыла Государственного совета. Отмечая, что прежде чем обратиться к «верхней палате», Дурново совещался с А. С. Стишинским и другими видными деятелями группы правых, «Вечернее время» делало вывод, что речь политика является отражением настроения всей группы и потому ей должно придаваться «симптоматическое значение».³⁴

Однако это было не так. Речь Дурново испугала часть правых, почувствовавших себя после спокойного и твердого выступления своего лидера в «неудобном положении» перед «обществом». Как справедливо замечает А. Н. Мичурин, «хотя речь лидера правой группы звучала как заявление от всех правых, правые поспешили откеститься от этого заявления, чувствуя, что речь П. Н. Дурново будет диссонансом в дружном хоре заявлений других групп Государственного совета».³⁵ Показательно, что вслед за Дурново выступил другой член правой группы — князь Д. П. Голицын-Муравлин, который постарался несколько смягчить прямоту своего единомышленника. Как бы извиняясь перед членами Государственного совета за «нетактичное» поведение Дурново, князь стал убеждать высшее собрание в том, что к войне мы подготовились хорошо, а «священному единению» абсолютно ничего не грозит. «...Подготовленными оказались именно мы, а не наши враги, — заявлял он. — <...> Германия готовилась к войне, как преступник готовится к убийству, Россия же оказалась подготовленной к подвигу. <...> С первого же дня войны мы одержали решительную победу, ибо завоевали свое единение. Все отряды нашей мысли слились, сплотились, и получилась такая сила, которая не боится никакой отравы. <...> Мы не будем ни участниками, ни свидетелями праздной розни, мы все, русские люди, творцы своего единства, не сделаемся его разрушителями».³⁶ Кто оказался прав, 70-летний старец Дурново, всегда отличавшейся ясностью своей мысли и глубоким анализом ситуации, или эмоциональный лидератор Голицын-Муравлин, наглядно показало время...

Но тогда многих правых покорило выступление Дурново. В июле 1915 г. членам правой группы казалось, что тревоги некоторых их единомышленников начавшимся сплочением либералов безосновательны. «В Совете большая неразбериха и совершенно нельзя сказать, когда и как все это кончится», — замечал в письме к жене видный член правой группы А. Ф. Трепов. Но, продолжал он далее, «Дума, по-моему, начинает выдыхаться

³⁴ Вечернее время. 1915. 20 июля (2 августа).

³⁵ Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете... С. 61.

³⁶ Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия XI. Стб. 37–38.

со своим шумом, и есть основания полагать, что все уляжется и ограничится помощником военного министра Гучковым, особой комиссией по снабжению армии и подоходным налогом. Все это займет недели три, а затем и по домам».³⁷ Но на деле все вышло совсем не так.

Между тем, как сообщало «Утро России», после выступления лидера правой группы, «значительная часть правых и центра отзывается весьма неодобрительно о речи Дурново, произнесенной в день открытия верхней палаты».³⁸ «П. Н. Дурново, по их мнению, не оценил момента, переживаемого Россией, и такое выступление не дает надежды, что эти люди способны ради патриотических целей (как будто выступление Дурново не было патриотичным! — *А. И.*) отказаться от своих реакционных взглядов», — заключал рупор прогрессистов.³⁹ Впрочем, переиначивая сообщение газеты, с таким же основанием можно было бы заявить, что и оппозиционные силы не могут ради патриотических целей отказаться от своих либеральных взглядов, что и показали дальнейшие события...

Смутила речь Дурново и такого видного члена думской фракции правых, как А. Н. Хвостов. В 20-х числах июля 1915 г. он сетовал в письме к супруге: «Голова прямо идет кругом. С одной стороны, Дурново говорит в Гос. Совете о том, что власть постепенно переходит из слабых рук в твердые, но „которым иметь власть не подобает“, — намек на переход власти из рук кабинета в общественную организацию. С другой стороны, говорят, да и мы видим, что снабжение армии снарядами нельзя оставлять в руках правительства, и нам же приходится помогать переходу власти к общественной организации. Как умно вели себя кадеты. Ведь это обеспечило им избрание в 5-ую Думу, и тогда они проведут все, что захотят...».⁴⁰ А 3 августа Хвостов прокомментировал речь Дурново уже публично. Отметив, что он говорит от себя лично, а не как лидер фракции правых, Хвостов ответил, обращаясь к Дурново: «в настоящее время сначала надо, чтобы власть сумела справиться с оскорбительным для нас немецким засильем внутри страны, чтобы она в области дороговизны жизни поставила бы наконец интересы населения выше интересов банковских кругов, чтобы в сознании народном власть перестала быть виноватой, и тогда, только тогда она

³⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1026. Л. 450.

³⁸ Утро России. 1915. 21 июля. Об этом же сообщала и кадетская «Речь», замечавшая, что выступление П. Н. Дурново не было поддержано большинством правой группы, особенно представителями земств и дворянских обществ, т. е. представителями правой общественности (Речь. 1915. 11 августа).

³⁹ Утро России. 1915. 21 июля.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1025. Л. 391.

может приказывать, и народ пойдет за ней».⁴¹ Эти слова правого депутата, как следует из стенограммы, вызвали бурные и продолжительные рукоплескания как справа, так в центре и слева. Хвостову удалось показать Думе, что думские правые, по крайней мере их часть, принимают слова Дурново с существенной оговоркой и находят существующее правительство (по крайней мере пока) не имеющим морального права вводить в стране диктатуру. С одной стороны, Хвостов тем самым спасал свою репутацию, человека хоть и правого, но расположенного к общественности, а с другой, к явному удовлетворению оппозиции, демонстрировал отсутствие единства в правом лагере, убеждая левых и либералов в том, что за твердой позицией Дурново не стоит сплоченных единомышленных сил, готовых за нее бороться и проводить его идеи в жизнь.

Вместе с тем во многом солидарен с Дурново был видный русский консервативный мыслитель Л. А. Тихомиров. Отмечая в своем дневнике, что Германии удалось сплотить народ культом силы, который, хоть и является «идеей чисто сатанинской», но все же является *идеей*, он сетовал на отсутствие равной по силе сплочения идеи в русском обществе. «У нас множество противоположных точек зрения, взаимно подрывающих; каждая идея создает то, что другие подрывают, и в общей сложности получается бессилие анархии и отсутствие национального единения. Партии не дополняют одна другую, а исключают. В общем получается бессилие. Только страшно сильное правительство могло направлять к подобию единства эту разношерстную нацию. П. Н. Дурново прав, что теперь нужно уметь приказывать, но он упускает из виду, что уже нет никого, кто мог бы приказать. Это было и сплыло. А за отсутствием этого — являются в критический момент только ссоры, пререкания, взаимообличения», — сокрушался Тихомиров.⁴² «„Нужно уметь приказать“, — сказал он в своей последней речи... Да, конечно, — „нужно уметь“. Но как этому научить? И сверх того — для успешного приказания нужно, чтобы оно соответствовало обстоятельствам. Значит, нужно не только „уметь приказывать“, но „знать, что должно и что можно приказывать“. Сверх того, и главное всего, нужно, чтобы приказывающий — не подорвал своего авторитета раньше, и чтобы его приказу страна и сами органы власти верили, как слову серьезному и безоговорочному», — сочувствуя в целом речи Дурново, справедливо рассуждал Тихомиров на страницах своего дневника.⁴³

⁴¹ Борьба с немецким засильем. Речь члена Государственной думы А. Н. Хвостова в заседании 3 августа 1915 г. Пг., 1915. С. 27.

⁴² Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. С. 92.

⁴³ Там же. С. 135.

Эта речь, которую, по сообщению газет, современники весьма бурно обсуждали, стала последним публичным выступлением П. Н. Дурново в Государственном совете. Физически ослабевший, не поддержанный многими членами правой группы в своей позиции, он вскоре отказался от руководства правой группой и спустя менее двух месяцев скончался 11 сентября 1915 г. от паралича сердца. «Уже ослабнувший, уже охваченный предсмертным томлением духа, Дурново пропел несколько недель назад в Мариинском дворце свою лебединую песню, обратившись ко власти, разучившейся приказывать. Эта памятная речь Дурново прозвучала столь резким диссонансом в кругу даже его политических единомышленников, что вызвала отказ покойного от лидерства», — отмечало «Утро России» в некрологе правому политику.⁴⁴

Новый же председатель группы правых, граф А. А. Бобринский, несмотря на то что был, по мнению своего политического соперника в Государственном совете П. П. Менделеева (кружок внепартийного объединения), «безукоризненно чистым и порядочным человеком», по своим организаторским и деловым качествам явно не дотягивал до уровня своего предшественника. Хотя о А. А. Бобринском «говорили как об умном, европейски образованном общественном деятеле», «легковесность всех его выступлений, поверхностное, недостаточно серьезное отношение к обсуждавшимся важным, животрепещущим вопросам — меня прямо поражали, — отмечал Менделеев. — Свойственная ему привычка пересыпать всякую беседу, хотя бы и самую серьезную, остротами и шуточками — не оставляла его и во время председательствования в больших официальных собраниях. Такая безобидная шутливость, быть может, уместная и интересная в тесном кружке, здесь резала ухо».⁴⁵ В качестве примера Менделеев приводил следующий пример оптимистичного легкомыслия графа: выступая на заседании, посвященном охватившему страну глубокому продовольственному кризису, Бобринский в полном благодушии заявил своим коллегам: «Нам предстоит обсудить, какими путями справиться с продовольственной разрухой. Но так ли она остра, как о ней говорят и пишут? Конечно, нет. Вот мы, здесь собравшиеся, только что пообедали. Наверное, все сыто и вкусно поели. Можно ли после этого говорить о наступлении серьезного продовольственного кризиса?»⁴⁶ Как видно, до трезвости и глубины понимания трагичности сложившегося положения, свойственного П. Н. Дурново, Бобринскому было далеко...

⁴⁴ Утро России. 1915. 12 сентября.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 91.

⁴⁶ Там же. 92.

Впрочем, как не без оснований замечал либеральный публицист К. Арсеньев, П. Н. Дурново не оставил себе наследника, да и не мог оставить, так как людей, равных ему по административному опыту и деловым качествам, среди правых верхней законодательной палаты не было. Не желая хвалить своего политического противника, Арсеньев облек вывод своих рассуждений в следующую форму: «Плохим Ахиллом был П. Н. Дурново, но его подражатели плохи даже в роли ахилловых мирмидонян».⁴⁷ Однако последнее обстоятельство, конечно же, не могло не радовать оппозицию. Ведь с уходом твердого и умного Дурново открывалась надежда на эволюцию правой группы. Тот же Арсеньев, к примеру, замечал: «Результаты его (Дурново. — *А. И.*) деятельности могли быть только отрицательными (надо понимать, для целей либералов. — *А. И.*). Руководимые им правые никогда не могли бы обратиться из реакционеров в консерваторы».⁴⁸ С появлением же во главе правой группы графа А. А. Бобринского такая возможность (если понимать противопоставление публицистом «реакционеров» и «консерваторов» как близость последних традиции западноевропейского парламентаризма) появлялась.

Тем временем либеральная оппозиция готовилась наступать. Ей казалось, что еще немного, и правительство поделится с оппозиционерами хотя бы частицей власти. И пока правые определялись в своей стратегии, в августе 1915 г. сформировался единый фронт оппозиции, получивший название Прогрессивного блока. Из 422 депутатов Государственной думы в состав блока вошло 236.⁴⁹ За рамками блока остались лишь фракция правых, заметно потерявшая в весе,⁵⁰ с частью фракции националистов (половина фракции, так называемые «прогрессивные» националисты, во главе с В. В. Шульгиным и графом В. А. Бобринским, примкнули к Прогрессивному блоку⁵¹) и левые — меньшевики и трудовики.

⁴⁷ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 10. С. 371. Мирмидоняне — ахейское племя в Фессалии (произошло по преданию от Мирмидона, сына Зевса и Эвримедузы), над которым начальствовал Ахилл.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Политические партии России в контексте ее истории. Ростов-на-Дону, 1998. С. 122.

⁵⁰ По данным приложения к стенографическим отчетам Гос. Думы, в 1915 г. фракция правых сократилась до 53 чел. См.: Список членов Государственной думы IV созыва IV сессии 1915 г. // Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 1213.

⁵¹ Очевидно, переход части националистов в лоно Прогрессивного блока был не столь уж безболезненным, поскольку правые были им, безусловно, ближе кадетов, и лишь уверенность части националистов в том, что правые не способны совладать с ситуацией и губят Россию своей бескомпромиссностью и упрямством, толкнула их на этот шаг. Косвенно подтверждает это и сожаление В. В. Шульгина, высказанное им

Но если правых и националистов-балашевцев (группу «сверхнационалистов», как ее назвал публицист И. И. Кольшико⁵²) органически отделяла от блока не только разность политических убеждений, но и острая политическая вражда, то трудовики и социал-демократы, хотя формально и не вошли в блок, вовсе не испытывали к нему острой политической неприязни и были склонны признать полезность совместной с блоком работы, так как программа блока принципиально не противоречила их политическим desiderатам и составляла лишь программу-минимум в их программе-максимум.

В Государственном совете к блоку безоговорочно присоединилась академическая (левая) группа, а группа центра и кружок внепартийного объединения отнеслись к объединению либеральных сил «вполне сочувственно».⁵³ Таким образом, три из пяти групп Государственного совета (кроме правой и правого центра) оказались в рядах оппозиции. По подсчетам С. В. Куликова, самоидентификация с Прогрессивным блоком была характерна для 46 членов Государственного совета, что составляло четверть всего личного состава верхней палаты и более трети от общего числа членов Госсовета, числящихся в блоке.⁵⁴

Полевение Государственного совета также было связано и с прошедшими летом — осенью 1915 г. перевыборами части его членов (55 чел.). Прошедшие в условиях острой политической борьбы выборы оказались неудачными для правых. Так, результаты выборов от земств заметно усилили левую группу (выбыло 5, выбрано 11 членов); группа центра сохранила прежнюю численность (выбыло 11, выбрано 11); кружок внепартийного объединения лишился двух членов (выбыло 4, выбрано 2); правый центр практически сохранил свои позиции (выбыло 9, выбрано 8), правые потеряли двух человек (выбыло 6, выбрано 4); во внепартийной группе произошли несущественные изменения (выбыло 2, выбран 1).⁵⁵ По подсчетам А. П. Бородин, выборы от земств усилили сторонников оппозиции с 59,5% до 67,6%, соответственно ослабив правое крыло (правую группу и группу правого центра) с 40,5% до 32,4%.⁵⁶

в письме к жене: «Как приятно было бы, если бы глупые правые были так же умны, как кадеты...» // Правые в 1915 — феврале 1917... // Минувшее. М.; СПб., 1993. Т. 14. С. 176.

⁵² Кольшико И. И. Великий распад. С. 194.

⁵³ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. С. 688.

⁵⁴ Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи... С. 132.

⁵⁵ Бородин А. П. Государственный совет России. С. 148.

⁵⁶ Там же. С. 149.

Но еще более неприятными оказались для правых результаты выборов от дворянских обществ, где традиционно они чувствовали себя более уверенно. Среди выборщиков наметилось два почти равносильных течения: близкое к заветам Объединенного дворянства и сочувствующее программе Прогрессивного блока. В результате правый центр несколько усилился (выбыло 2, выбрано 3), а правые заметно потеряли (выбыло 4, выбран 1). Первоначально, впрочем, была уверенность, что правые получают все же не одно, а два места, так как потенциальными членами правой группы считали генерала С. С. Чеботарева и графа П. С. Шереметева (сына С. Д. Шереметева). Но, как заметил сразу же после выборов публицист К. Арсеньев, «в какой степени ген. Чеботарев и гр. П. С. Шереметев окажутся правоверными правыми, это, впрочем, еще не совсем ясно».⁵⁷ И действительно, как вскоре выяснилось, Шереметев-младший предпочел не вступать в правую группу, оставшись беспартийным. Чеботарев же, как утверждает А. Н. Мичурин, вскоре порвал с правыми и пересел в группу правого центра.⁵⁸

В целом из 7 вновь избранных членов от дворянских обществ лишь 2 принадлежало к оппозиции, но при этом говорить о торжестве собственно правых не приходилось, им досталось лишь 1 место.⁵⁹ В выгодном положении оказались лишь нейдгартовцы. «Благоприятным для крайне правых результатов выборов назвать нельзя», — справедливо резюмировал прогрессивный журналист.⁶⁰ «Вчера кончились дворянские выборы в члены Гос. Совета, — писал 26 октября 1915 г. в частном письме член правой группы А. И. Мосолов. — Правые успехом похвастаться не могут. Избраны все больше в группы нейдгартовцев и двое левых. <...> Левым удалось сбить с толку колеблющихся, что всегда легче удается, когда в воздухе пахнет освободительным движением».⁶¹ В свою очередь, корреспондент бывшего члена правой группы Государственного совета А. Н. Карамзина (выбыл в 1909 г.) замечал: «Действует удручающе то, что выборщики из дворян всей Руси так повели, что противно было бы быть в такой среде... И подумаешь,

⁵⁷ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 11. С. 371.

⁵⁸ Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете... С. 174. Автор ссылается на: РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 17. Л. 34–37. Между тем, согласно данным А. П. Бородин (*Бородин А. П. Чеботарев С. С. // Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия.* С. 310) и В. А. Демина (*Демин В. А. Верхняя палата Российской империи.* С. 326–329), Чеботарев до конца полномочий Государственного совета оставался в правой группе.

⁵⁹ Бородин А. П. Государственный совет России. С. 149.

⁶⁰ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 11. С. 371

⁶¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1036. Л. 1810.

с такими древними боярскими фамилиями, как Куракин, Голицын, Шереметев и др. — все кадеты».⁶²

Выборы же от торговли и промышленности (где либерально-оппозиционные настроения были всегда сильны) привели к серьезному поражению правых (выбыло 13, выбрано 7). Правый центр сохранил свои позиции (выбыло 11, выбрано 11), левая группа заметно усилилась (выбыло 7, выбрано 16). Изменения в составе других групп были не принципиальными (группа центра потеряла 3 места, кружок внепартийного объединения и беспартийные сохранили свои прежние позиции).⁶³ Особого внимания заслуживает тот факт, что по этой курии в состав верхней палаты были избраны такие видные лидеры оппозиции, как А. И. Гучков и П. П. Рябушинский, а также, впервые в истории Государственного совета, «лорд»-нехристианин (иудей Г. Э. Вейнштейн), что вызвало сильное недовольство императрицы Александры Федоровны⁶⁴ и правых. «Поздравляю с новыми членами москвичами, с придачею жида», — писал по этому поводу С. Д. Шереметев А. Г. Булыгину.⁶⁵ Как свидетельствовал член Совета Я. Е. Эрдели, правые бурно протестовали против этого избрания, ссылаясь на то, что закон, изданный еще императором Николаем I, предполагает, что членом Государственного совета может быть только христианин. Впрочем, и сам Эрдели, принадлежавший к умеренной группе центра, находил претензии правых обоснованными и выражал надежду, что власть не допустит такого избрания, после указания на противоречие его закону. «Ведь это срам для России иметь в высшем учреждении выборного жида, — присоединяясь к правым, писал супруге Эрдели. — <...> Заметь, с каким упорством жида добиваются получить все права гражданства, и, чего доброго, все-таки добьются своего. Сила!!!»⁶⁶ Тем не менее протесты правых и сочувствующих им членов других групп успехом не увенчались. В сентябре 1915 г. купец 1-й гильдии Вейнштейн стал членом Государственного совета и вошел в левую группу.

⁶² Цит. по: Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете... С. 174.

⁶³ Бородин А. П. Государственный совет России. С. 150.

⁶⁴ В письме к императору царица писала по этому поводу: «Как противно, что Гучков, Рябушинский, Вейнштейн (наверное, настоящий жид) <...> выбраны в Гос[ударственный] сов[ет] всеми этими скотами!» (Переписка Николая и Александры Романовых. 1914–1915. М.; Пг., 1925. Т. 3. С. 361).

⁶⁵ Цит. по: Бородин А. П. Государственный совет России. С. 345. Автор ссылается на: РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 3013. Л. 271.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1033. Л. 1561. О негодовании, вызванном избранием Вейнштейна в Государственный совет (причем не только правых, см. также: Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете... С. 169–170.

Характерным штрихом к итогам выборов в Государственный совет стал также провал на них двух видных представителей фракции правых — Н. Е. Маркова и В. Н. Снежкова — оба представителя крайне правого крыла нижней палаты оказались забаллотированными.⁶⁷

В результате выборы в целом привели к заметному усилению позиций левой группы и потере правой группой почти половины выборного состава. Общий расклад выглядел следующим образом: сторонников Прогрессивного блока среди выборных членов верхней палаты стало больше (63,2%), число же противников заметно сократилось (36,8%).⁶⁸ По свидетельству В. И. Гурко, новые члены верхней палаты придерживались преимущественно умеренных взглядов и отнюдь не являлись сторонниками правой группы.⁶⁹

Таким образом, правые понесли тяжелое поражение на выборах, сыгравшее не последнюю роль в перевесе прогрессивных групп над консервативными, и, начиная со второй половины 1915 г. не имели перевеса ни в одной из комиссий верхней палаты.⁷⁰

Переход на сторону оппозиции такого количества членов верхней палаты произвел на общество не меньшее впечатление, чем возникновение объединенной оппозиции в Думе. «Кто мог бы предвидеть, в самом деле, что пошатнется такая твердыня застоя и реакции, какую с самого начала новой эпохи был Государственный совет? — писал либеральный публицист К. Арсеньев. — Еще недавно он казался несокрушимой преградой на пути мирного развития России. <...> И вот, случилось нечто неожиданное и удивительное: в обители регресса образовался своего рода прогрессивный блок, ведущий переговоры с таким же блоком в Гос. Думе».⁷¹

Такая реакция оппозиции неудивительна, если учесть, что реформированный в 1906 г. Государственный совет изначально планировался властью как сдерживающее учреждение по отношению к Думе, как «плотина», как «антидума», ограничивающая думский радикализм, и орган, выражающий коллективное мнение высшей российской бюрократии.⁷²

⁶⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 8. Л. 169 об.—170.

⁶⁸ *Бородин А. П.* Государственный совет России. С. 151.

⁶⁹ *Мичурин А. Н.* Политическая борьба в Государственном совете... С. 174. Автор ссылается на: Русское слово. 1915. 28 октября.

⁷⁰ См.: *Мичурин А. Н.* Деятельность «прогрессивных групп» в Государственном совете в 1915–1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. С. 17.

⁷¹ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 8. С. 361.

⁷² См.: *Мальцева И. В.* Государственный совет Российской империи в структуре монархической власти: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. С. 14; *Новикова Е. Э.* Государственный совет в годы Первой мировой войны. С. 2.

Блок же, по словам его лидера П. Н. Милокова, явился своего рода «суррогатом священного единения» — после того, как оно было нарушено между правительством и страной.⁷³ Центральным пунктом соглашения было требование сильной государственной власти, «опирающейся на народное доверие», т. е. «создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласовавшихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы».⁷⁴ В документе указывалось, что оппозиция ждет «решительного изменения приемов управления, основывавшихся на недоверии к общественной самодеятельности», а далее выдвигался ряд требований, которые, по мнению их составителей, и должны были стать той самой «определенной программой». Среди них: амнистия по политическим и религиозным делам, с возвращением ссыльнопоселенцев; «полное и решительное» прекращение преследований за веру; признание автономии Царства Польского и снятие ограничений для поляков на территории всей империи; «вступление на путь отмены ограничений в правах евреев»; примирительная политика в финляндском вопросе; восстановление украинской печати; восстановление деятельности профсоюзов и органов рабочей печати; пересмотр положений о земском и городском самоуправлении в сторону их либерализации, введение земств на национальных окраинах; разработка законопроекта о кооперативах; восстановление мирового суда в тех уездах, где его действие было приостановлено, и некоторые др.⁷⁵ Особо либералами был поднят вопрос о необходимости введения волостного земства в ряде областей, не охваченных реформой. Но двумя основными моментами, объединившими политические партии и группы в составе блока, были: в области внутренней политики — требование создания министерства общественного доверия (требование прогрессистов об «ответственном перед Думой и страной министерстве» не прошло) и в области внешней политики — верность союзническим обязательствам России.

Было бы неверно утверждать, что образование Прогрессивного блока явилось для правых полной неожиданностью. Возможность такого соглашения они предвидели, или по крайней мере предчувствовали. Еще в октябре 1913 г. лидеры правых с неудовольствием отмечали опасность создания оппозиционного правительству блока. «... Того и гляди, — говорили Хвостов, Марков, Пуришкевич и др., — что октябристы, за исключением 8–15 человек во главе с Шубинским, бросятся в объятия прогрессистов». Такие же

⁷³ Милоков П. Н. Воспоминания государственного деятеля. С. 206.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 377. Л. 1; Политические партии России в контексте ее истории. Ростов н/Д, 1998. С. 123.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 377. Л. 1; Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. С. 688.

прогнозы делались и в отношении партии центра. Более того, ненадежными уже тогда признавались и националисты, которые, по мнению правых, при образовании умеренно-либерального центра оставят своего лидера П. Н. Балашева с кучкой единомышленников в одиночестве, поскольку большинству националистов едва ли удастся устоять от соблазна состоять в рядах «умных, культурных, просвещенных людей» и от измены «сермяжным взглядам фракции правых».⁷⁶

Предугадали правые и свою судьбу в связи с возможностью образования либерального блока, отметив, что в результате появления единого фронта умеренных и либеральных партий фракция правых будет пребывать лишь в обществе «выкидышей октябризма» и «обломков национальной группы», заняв малопочетное положение, которое занимали до этого социал-демократы и трудовики.⁷⁷

Впрочем, тогда правые полагали, что образование «левого» блока — на их «мельницу вода», объясняя ход своих мыслей следующим образом: работать с кадетским по преимуществу блоком правительство не сможет, поскольку законодательство неизбежно окрасится в «ярко кадетский характер», и блок начнет отклонять правительственные кредиты и законопроекты. Поэтому чем ярче проявится конституционная деятельность блока, тем скорее правительство поймет свою ошибку заигрывания с либеральной общественностью и войдет в соглашение с правыми, обеспечив им реальное большинство в Думе следующего созыва.⁷⁸

Вначале реакция фракции правых Государственной думы на оппозиционные выступления Прогрессивного блока выразилась в том, что ее представители стали брать отпуска «по домашним обстоятельствам» и разъезжаться. По данным газет «Речь» и «Утро России», только за одну неделю заметная часть правых и националистов (13 и 24) оказалась в отпусках.⁷⁹ Как полагал А. А. Поливанов, в этих отпусках демонстративно был выражен взгляд правой части Государственной думы на дальнейшую судьбу сессии, состоящий в том, что в связи с выходом ее за рамки задач, поставленных войной, сессия должна быть скорее завершена правительственной властью.⁸⁰ Такого же взгляда придерживался и советский историк А. Грунт, также увидевший в этих отпусках демарш и толковавший его как стремление правых «явочным порядком» добиться скорейшего прекращения сессии.⁸¹

⁷⁶ Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 17.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же. № 10. С. 24–25.

⁷⁹ Речь. 1915. 6 августа; Утро России. 1915. 6–7 августа.

⁸⁰ Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний... С. 222.

⁸¹ Грунт А. Прогрессивный блок // Вопросы истории. 1945. № 3–4. С. 109.

Но тот факт, что Прогрессивный блок возник в условиях военного времени, заставил правых отказаться от стратегии пассивного ожидания решительных действий правительства и включиться в активную борьбу с блоком.

Первые шаги правых в полемике с лидерами Прогрессивного блока были сдержанными и политически корректными. Поэтому неверно расхожее мнение, что правые сразу же подняли знамя раздора и бескомпромиссной борьбы с блоком. В этом отношении показательно открытое письмо членам Государственной думы правого депутата В. Н. Снежкова,⁸² датированное сентябрем 1915 г. Несмотря на то, что это послание подписано не руководителями правой фракции, а рядовым ее членом, мы полагаем, что лидеры правых были с его содержанием ознакомлены. И наверное, далеко не случайно подобное письмо, призывающее к диалогу с «блокистами», было составлено не Марковым, не Замысловским или даже менее одиозным для либерального лагеря Левашевым, а именно Снежковым.

В. Н. Снежков был одним из наиболее «умеренных» депутатов правой фракции. Сам себя он считал славянофилом и «правым земцем»⁸³ (при формировании фракции правых он не сразу вступил в ее ряды, записавшись сначала в беспартийную земскую группу).⁸⁴ Кредо свое Снежков также выражал исходя из славянофильских взглядов: «Земле — совет, Царю — власть».⁸⁵ Снежков не был и принципиальным противником народного участия в государственной жизни страны, а идея «правительства общественного доверия» не вызывала у него сама по себе отторжения, хотя в трактовке либеральной думской оппозиции казалась ему утопичной и недостижимой. «...Разве найдется хотя бы один русский человек, который не пожелал бы, чтобы стоящие у власти лица пользовались общественным доверием, но можем ли мы, оставаясь совершенно беспартийными (т. е. беспристрастными. — *А. И.*), указать Государю на таких лиц, за которых мы могли бы поручиться, что они оправдают его доверие не только своими нравственными качествами, но и работоспособностью и пр.», — пояснял Снежков свою позицию в частном письме.⁸⁶

⁸² РГИА. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 162; РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 221.

⁸³ См.: Петроградские ведомости. 1916. 3 (16) декабря; РГИА. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 162. Л. 2 об.

⁸⁴ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 572. Л. 57.

⁸⁵ Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 годах / Публ. Ю. И. Кирьянова // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 143.

⁸⁶ Там же. При этом, правда, Снежков подчеркивал, что требование ответственности министров перед Думой «не согласно с приносимой всеми нами верноподданнической присягой Самодержавному Царю» (Там же).

Накануне своего обращения к Прогрессивному блоку В. Н. Снежков также проявил себя как убежденный сторонник сохранения межпартийного мира до окончания войны. В связи с обсуждением идеи о проведении дополнительных выборов в Государственную думу, вызванной лишением депутатского звания депутатов-большевиков, Снежков 9 августа 1915 г. обратился с конфиденциальным письмом к председателю Совета министров И. Л. Горемыкину, которого просил ввиду обстоятельств военного времени «безусловно и тщательно» устранить из государственной жизни все то (прежде всего довыборы новых депутатов, взамен выбывших), что может привести к разъединению общества и возбуждению партийной розни.⁸⁷

Более того, некоторое время В. Н. Снежков даже с симпатией относился к А. И. Гучкову, считая, что пребывание последнего в правительстве было бы для России несомненным благом, позже, правда, покаявшись в этой «ереси» перед своими софракционерами. По ряду вопросов, прежде всего экономического содержания, его позиция нередко расходилась с фракционной, а в начале декабря 1916 г. он и вовсе покинул фракцию. Поэтому, нам кажется, именно такой человек был наиболее приемлем для переговоров с Прогрессивным блоком, и лишь когда они не дали желаемых результатов, в бой вступила «тяжелая артиллерия» в лице Маркова, Замысловского и Левашева.

В открытом письме Снежков напоминал либералам, что еще в мае — июле такие видные либеральные деятели, как А. И. Шингарев и В. А. Маклаков, призывали своих единомышленников не бороться за власть и не вносить вопросы, могущие вызвать обострение среди думских фракций. «Царило настроение, — подчеркивал автор послания, — совершенно непохожее на то, что началось в августе: „вслед за взрывом единодушия, сперва отдельные деятели, а затем и целые партии, выдвинули на первый план различные политические требования, прямого отношения к войне не имеющие, к тому же часто весьма спорные с точки зрения блага России, а частью, по мнению широких слоев населения, совершенно неприемлемые и, во всяком случае, не вызывающие необходимости в безотлагательном их решении“».⁸⁸

Осудив неуместность появления в условиях военного времени оппозиционного блока, Снежков тем не менее отмечал, что некоторые пункты программы блока были бы в иных условиях приемлемы даже для него. Однако он выступал решительно против проведения реформ, которые непременно оттянули бы на себя значительные финансовые средства, исчисляемые

⁸⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 7. Л. 90 об.–91.

⁸⁸ РГИА. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 162. Л. 1 (Цитата из заявления правых Гос. Думы и Гос. Совета, полный текст заявления: РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 58).

десятками миллионов рублей, в то время когда даже десятки тысяч не всегда удавалось выделить на более насущные нужды — на дело государственной обороны.⁸⁹ Снежков предупреждал либеральную оппозицию, что стремление вырвать у власти радикальные преобразования в период военных неудач грозит стране необратимыми последствиями. «Внутренняя междоусобица, забастовки, баррикады и прочие прелести, и несомненный результат всего этого — принятие самых позорных условий мира, сдача России торжествующему врагу <...>, бесплодные жертвы — потоки крови, миллионы убитых и раненых людей...», — таков неперемный результат борьбы за власть в военное время, пророчески предсказывал правый депутат.⁹⁰ Поэтому, увещевал Снежков, нельзя в период тяжелейшей для всего русского народа войны пересматривать опорные вопросы, по которым единомыслие не может быть обеспечено. «Я нахожу возможным лишь один выход, — заключал Снежков, — представители „блока“ должны заявить с трибуны Г. Думы: „мы стремились провести ряд либеральных законопроектов, но около трети членов Г. Думы и около половины членов Г. Совета отказались к нам присоединиться; оставаясь верными нашей программе, мы проведем ее по окончании войны, ныне же, не желая нарушать создавшееся единение всех фракций, обсуждение программы приостанавливаем, <...> политические идеалы должны поблекнуть по сравнению с другим идеалом — независимой и целой великой Российской Империей“».⁹¹

Об этом же говорил и видный член правой группы Государственного совета А. П. Струков. В одном из интервью политик отмечал, что он и его единомышленники признают «необходимость и полезность существования Государственной думы», но вынуждены констатировать, что «переживаемое время является совершенно не подходящим для проведения каких бы то ни было внутренних реформ». «Сейчас на первый план должна быть выдвинута война. Государственная дума совершала необходимо полезную работу до тех пор, пока она не вышла из сферы обсуждения нужд войны», — подчеркивал Струков.⁹² Примерно так же, на условиях анонимности, высказался в интервью «Вечернему времени» «один из наиболее видных руководителей правого крыла верхней палаты».⁹³ Как отмечало издание,

⁸⁹ РГИА. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 162. Л. 1 об.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. Л. 2 об.

⁹² Цит. по: *Бибин М. А.* Дворянство накануне падения царизма в России. С. 66.

⁹³ «Под флагом войны, — утверждал неназванный лидер правой группы Государственного совета, — хотя и провести мероприятия, совершенно неприемлемые для нас. Выдвигают законопроекты, могущие вызвать сильнейшую партийную борьбу, например, проект о волостном земстве, и совершенно не включают в программу работ Г. Думы

не желая в условиях войны конфликта с либеральной оппозицией, правые составили список законопроектов, которые могут быть обсуждены, не вызвав острых прений и политической борьбы.⁹⁴

Как вспоминал примкнувший к Прогрессивному блоку представитель внепартийного объединения Государственного совета В. И. Гурко, крайне правые крылья как Думы, так и Совета «едва ли не с места заподозрили блок в революционных устремлениях, не без основания опасаясь, что при объединении элементов оппозиционных с теми, которые в общем считали, что существующий государственный строй отвечает положению страны (т. е. такими, как сам В. И. Гурко и некоторые другие умеренно-либеральные политические деятели. — *А. И.*), верх и руководящее влияние в создавшемся таким путем союзе возьмут левые, обладающие большими политическими навыками и большей трудоспособностью». «Опасения эти, — вынужден был далее признать Гурко, — до известной степени оправдались».⁹⁵

Но тогда предостережения и рекомендации правых не были услышаны. Для либерального лагеря цель (либерализация и демократизация России, при непосредственном руководстве им этим процессом) оправдывала средства. Идеалы политические оказались сильнее государственных, хотя, вполне возможно, что либералы были искренне убеждены в обратном. Не сумев переубедить оппозицию увещаниями и доводами, правые перешли от слов к делу.

Создание Прогрессивного блока оживило деятельность правых. После длительного затишья состоялся ряд совещаний правых деятелей. Делались попытки к примирению между враждующими друг с другом монархическими организациями (показательно в этом отношении письмо председателя фракции правых С. В. Левашева к А. И. Дубровину⁹⁶) с целью противопоставить Прогрессивному блоку свой монархический, охранительный, так называемый «Черный блок».⁹⁷

вопросов, так или иначе связанных с войной и ее последствиями. Время ли сейчас для обсуждения законов органического характера? Время ли для партийной борьбы законодательных учреждений, борьбы, могущей вызвать рознь и среди населения? <...> Я не хочу обвинять Г. Думу в ее целом, но я должен сказать, что сейчас преступно отвлекать внимание страны и правительства от главнейшей задачи победить врага. Теперь решается вопрос о дальнейшем существовании Российского государства» (Вечернее время. 1915. 18 (31) августа).

⁹⁴ Вечернее время. 1915. 24 августа (6 сентября).

⁹⁵ *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. С. 688.

⁹⁶ См.: Правые партии... Т. 2. С. 483–484.

⁹⁷ О «Черном блоке» см. также: *Иванов А. А.* «Черный блок»: неудавшаяся попытка консолидации правых парламентских групп в 1915 году // Известия РГПУ им. А. И. Герцена: Научный журнал. 2009. № 99. С. 9–17.

Уже в августе 1915 г. (т. е. одновременно с появлением Прогрессивного блока) в кулуарах Государственной думы усиленно распространялся слух о возникновении Консервативного блока. «Первые же признаки появления в Думе прогрессивного большинства <...> — чрезвычайно обеспокоили правых!.. Мы еще не успели закончить наших переговоров, — вспоминал лидер кадетской партии П. Н. Милюков, — как стали говорить в противоположность прогрессивному — о „черном блоке“, указывая на Государственный совет, как на седалище этого черного блока».⁹⁸

Одно из первых газетных сообщений о переговорах по созданию «Черного блока» появилось уже 2 августа. Как сообщало «Утро России», в связи с созданием блока между группами центра, левой и беспартийной, правые Государственного совета возбудили вопрос о противопоставлении оппозиции своего объединения. Причем, отмечало издание, по этому вопросу уже состоялся ряд совещаний правых и нейдгартовцев, решивших вопрос о консервативном блоке в положительном смысле.⁹⁹ Слухи, отразившиеся в частных письмах, существенно «дополняли» эти сведения, уже приписывая несуществующему правому блоку решительное влияние на государственные дела. «Думу собираются распустить, — писал 10 августа С. Зарудный. — Думцы говорят, что это заговор правых Гос. Совета и Думы, или черного блока. В председатели Совета проводится будто бы И. Г. Щегловитов <...> [готовится] твердая власть и управление без Думы до победоносного окончания войны, а там... победителей не судят».¹⁰⁰ К 12 августа стало известно, что на квартире лидера правой группы Государственного совета П. Н. Дурново состоялось три заседания, на которых присутствовали представители от правых объединений обеих палат российского парламента (11 августа также начались секретные совещания представителей либеральных групп «верхней палаты» с членами либеральных фракций Думы о создании Прогрессивного блока). На этих совещаниях, по сообщению прогрессистской газеты, правыми обсуждались вопросы о единении всех консервативных сил, о создании правого кабинета во главе с И. Г. Щегловитовым и о всемерной борьбе с Прогрессивным блоком.¹⁰¹ Согласно донесению московского охранного отделения о заседании в начале сентября представителей земских и городских союзов, последние также были немало обеспокоены якобы сложившимся «Черным блоком», в состав которого

⁹⁸ Падение царского режима... Т. 6. С. 316.

⁹⁹ Утро России. 1915. 2 августа.

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1031. Л. 604; Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете. С. 76–77.

¹⁰¹ Утро России. 1915. 12 августа.

вошли «германофильская придворная военная партия, меньшинство Совета министров в лице [И. Л.] Горемыкина и [А. Н.] Хвостова и правые крылья обеих законодательных палат», стремящиеся к «узурпации» государственной власти.¹⁰²

По данным другой либеральной газеты — «Биржевых ведомостей», инициаторами объединения консервативных сил Думы и Совета выступили П. Н. Дурново, И. Г. Щегловитов (от правой группы Государственного совета), Н. Е. Марков (представлявший думскую фракцию правых) и П. Н. Балашев (лидер думской фракции националистов и умеренно правых).¹⁰³ В ходе совещаний было решено воскресить опыт сотрудничества правых III Государственной думы и создать Осведомительное бюро для координации действий, которое бы составили представители четырех парламентских объединений: правая группа и группа правого центра («нейдгартовцы») в Государственном совете и фракции правых с фракцией националистов и умеренно-правых в Государственной думе. И хотя само бюро как организованная структура реанимировано не было, эта идея со временем нашла воплощение в несколько иной форме — в виде совместных банкетов. Как отмечало «Вечернее время», 27 мая 1916 г. состоялся банкет правой группы Государственного совета в ресторане «Контан», на котором было высказано мнение о необходимости привлечения представителей фракции правых Государственной думы к подобным мероприятиям. «В этом отношении, — отмечало издание, — правые возлагают большие надежды, как явствовало из речи некоторых ораторов, на гр. А. А. Бобринского, который за время лидерства правой фракцией в третьей Государственной думе, а также за время нахождения в рядах правой группы Государственного совета, приобрел много друзей в обеих законодательных палатах».¹⁰⁴

Во время предварительных консультаций правое крыло Государственной думы с идеей лидеров правой группы Государственного совета согласилось, но при условии, что каждая из групп будет сохранять свою полную самостоятельность, предложив ограничить бюро Консервативного блока лишь осведомительными функциями и создать орган, дающий возможность быстро согласовывать свои действия.¹⁰⁵

9 августа (в этот же день прошло частное совещание депутатов-оппозиционеров, на котором было достигнуто соглашение либеральных думских фракций о создании Прогрессивного блока) лидер русских националистов

¹⁰² См.: *Граве Б. Б.* Буржуазия накануне революции. М.: Л., 1927. С. 47.

¹⁰³ Биржевые ведомости. 1915. 10 августа.

¹⁰⁴ Вечернее время. 1916. 28 мая (10 июня).

¹⁰⁵ *Новикова Е. Э.* Государственный совет в годы первой мировой войны. С. 60–64.

П. Н. Балашев (которого «Биржевые ведомости» считали даже «изобретателем „Черного блока“»¹⁰⁶) созвал заседание своей фракции, на котором озвучил идею более тесного сближения с крайне правыми для противодействия блоку либералов. При этом заслуживает внимания, что сам тяготевший к правым монархистам Балашев тем не менее сделал весьма существенную оговорку, выступая перед членами своей фракции. Прося фракцию одобрить его шаги на сближение с крайне правым крылом, Балашев отметил, что «дело идет не о блоке, а лишь о движении к соглашению, т. к. и после образования осведомительного бюро каждая фракция сохранит свою самостоятельность».¹⁰⁷ Тем не менее эти слова, призванные внести успокоение, не смогли удержать фракцию националистов от наметившегося в ней раскола.¹⁰⁸ Если П. А. Сафонов, К. И. Григорович-Барский, Д. Н. Чихачев, А. Н. Мотовилов, Н. А. Жилин, П. А. Покровский и некоторые другие поддержали своего лидера, то ряд других ярких депутатов-националистов (А. И. Савенко, В. А. Бобринский, К. Н. Рудич, К. Е. Сувчинский и др.) выступили против. Как указывает Е. Э. Новикова, на этом же заседании фракции была предложена резолюция, предполагающая создание совместного бюро из националистов, группы центра П. Н. Крупенского и октябристов.¹⁰⁹

Чтобы понять мотивацию той и другой стороны, приведем изложенные «Биржевыми ведомостями» позиции двух депутатов-националистов, выступивших «за» и «против» соглашения с крайне правыми. «Мы переживаем сейчас крайне тревожное и чреватое неизвестностью время; все больше и больше говорят об изменении курса. Г[осударственная] дума делится на два лагеря — консервативный, отстаивающий сохранение существующего строя, и прогрессивный, явственно стремящийся к изменению этого строя и к установлению ответственного министерства; образование ответственного

¹⁰⁶ Биржевые ведомости. 1915. 12 августа.

¹⁰⁷ Там же. 10 августа.

¹⁰⁸ Согласно данным А. В. Лопуховой, уже накануне Первой мировой войны внутри фракции националистов и умеренно правых существовало два явно выраженных крыла: сторонников П. Н. Балашева, ориентированных на сближение с крайне правыми (правые националисты), и группы, ведомой депутатами-киевлянами: В. В. Шульгиным, А. И. Савенко, В. Я. Демченко, выступавшими за альянс с октябристами (*Лопухова А. В. Националисты в Государственной Думе Российской Империи. С. 152*). А накануне фракционного заседания, 4 августа 1915 г., Савенко свидетельствовал, что «фракция националистов расплывается по швам», при этом затрудняясь объяснить, «в чем именно заключается различие между ними (левыми националистами. — *А. И.*) и фракциями, левее их сидящими» (*Санькова С. М. Русская партия в России. С. 281*).

¹⁰⁹ *Новикова Е. Э. Государственный совет в годы Первой мировой войны. С. 60.*

министерства означает, что Россия подпадает под власть Керенских. В столь тяжелое время мы не можем быть одиноки; и т. к. программа нашей партии не допускает ответственного министерства и вообще изменения государственного строя, то нам остается одно — идти с правыми», — заявил на заседании фракции депутат П. А. Сафонов.¹¹⁰

В свою очередь, противник курса Балашева на сближение с крайне правыми националист А. И. Савенко парировал: «Все то, что ныне переживает наше отечество, должно заставить нас блокироваться налево — с центром и октябристами, а не направо. Нас пугают здесь крушением государственного строя, но сейчас дело идет не об этом, а о том, чтобы дружным единением страны и народного представительства довести войну до победного конца <...> Я против Керенских, но я в такой же мере и против Марковых 2-х. Я предпочитаю золотую середину умеренности. Нам нельзя оставаться одинокими, но для этого мы должны блокироваться отнюдь не с крайними правыми. Образование же „осведомительного бюро“ страна правильно поймет именно как постоянный наш блок с крайне правыми».¹¹¹

Поэтому 13 августа «Утро России» спешило порадовать своих читателей сообщением, что «провал „черного блока“ уже намечается, и балашевцы начинают бить отбой. Они ведут переговоры с представителями левых националистов, начавших собирать подписи для заявления о выходе из фракции, о том, чтобы они остались. Последние ставят условием пребывания во фракции — выход в отставку всего совета фракции вместе с П. Н. Балашевым».¹¹² В заявлении, о котором упоминает газета, говорилось, что стремление Балашева блокироваться с крайне правыми «при одновременном полном отсутствии соглашения с органами умеренных политических групп в обоих законодательных учреждениях» является «несоответствующим

¹¹⁰ Биржевые ведомости. 1915. 10 августа.

¹¹¹ Там же. Позиции А. И. Савенко, взявшего курс на создание блока с либералами, удивляться не приходится, если обратиться не к его публичным речам довоенного времени, выдержанным в духе умеренного консерватизма, а к частной переписке. Так, в одном из писем жене еще в марте 1913 г. депутат писал: «Отныне я революции не боюсь, она, даже она гораздо патриотичнее, чем наше гнусное правительство, чем вся эта паршивая бюрократия, совершенно равнодушная к России». (Цит. по: *Лопухова А. В.* Националисты в Государственной думе Российской империи. С. 152). А буквально накануне Первой мировой войны, в апреле 1914 г. он делился с супругой: «Все надоело, а непроходимая глупость правительства окончательно охлаждает. Против правительства мы, люди лояльные, идти не можем, но и поддерживать нынешнее правительство не можем. Приходится отойти в сторону и молчать. В этом — трагедия русской жизни...» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 987. Л. 608).

¹¹² Утро России. 1915. 13 августа.

политическим взглядам и программе национального союза, сдвигом партии вправо».¹¹³ Странники позиции А. И. Савенко во фракции националистов назвали стремление Балашева объединиться с правыми «вредным и опасным шагом», а сам Савенко с осуждением констатировал, что политика Балашева стала стремительно праветь после смерти П. А. Столыпина и привела к тому, что партия «нашла тихую пристань в объятиях гг. Дурново, Щегловитова, Маркова 2-го и Замысловского».¹¹⁴ Правые националисты, пытаясь уговорить своих товарищей по фракции сохранить целостность последней, согласились на отставку совета, но это не удовлетворило левых, потребовавших «в качестве гарантии» отказа Балашева от депутатского звания.¹¹⁵

В результате 13 августа 1915 г. фракция националистов раскололась, и недовольная политикой Балашева группа, составившая со временем 36 депутатов, организовала самостоятельную фракцию «прогрессивных националистов», примкнувшую к оппозиционному Прогрессивному блоку. «Радовались мы как дети, что наконец вырвались из душной балашевской тюрьмы, где все мы задыхались от трупного запаха», — писал 14 августа инициатор разрыва с правыми националистами депутат А. И. Савенко в письме к супруге.¹¹⁶

«Диверсия» Савенко, во многом приведшая к срыву соглашения между националистами и правыми, не осталась без оценки со стороны последних. «Изумительно много измены и готовности предать Россию кому угодно, совсем как в 1611–12 гг. Кроме старых изменников 1905 г. высказывают новые. Во главе их — Савенко. Этот прохвост мне никогда не внушал доверия,

¹¹³ Санькова С. М. Русская партия в России. С. 282.

¹¹⁴ Утро России. 1915. 16 августа. Еще накануне войны, весной 1914 г., Савенко признавал: «Во фракции у нас полный раскол. Окончательно определилась группа крайних правых. Их человек двадцать, т. е. примерно четвертая часть» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 987. Л. 608). А в письме супруге 10 августа 1915 г. он вновь возвратился к этой проблеме, опять обретшей актуальность: «Балашевцы устроили тесный блок (почти слияние) с гг. Дурново, Марковым П и К°. Я, разумеется, протестую. Большинство фракции меня поддерживает, но когда доходит до дела, то все молчат и уклоняются. Вчера окончательно решался вопрос о блоке, и вообрази: никто из возмущавшихся (в том числе и Шульгин) не явился. Наши голоса потонули, и балашевцы приняли такое постановление, какое хотели. Могу ли я после этого оставаться во фракции? Сегодня мы, киевляне, решили выйти из фракции примерно через неделю. Мы катимся к какой-то пропасти. Одно скажу: моя совесть и честь больше не позволяют мне оставаться в рядах балашевцев и быть в одной компании с Дурново и Марковым П» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1031. Л. 632).

¹¹⁵ Санькова С. М. Русская партия в России. С. 282.

¹¹⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1031. Л. 676.

но я все-таки не ожидал от него такого прыжка...», — сетовал академик А. И. Соболевский, с 1917 г. ставший членом правой группы Государственного совета.¹¹⁷

Не получила поддержки идея «Черного блока» и в группе правого центра Государственного совета. Ее лидер, А. Б. Нейдгарт (шурин П. А. Столыпина, националист по своим политическим взглядам), по свидетельству члена группы В. М. Андреевского, на его вопрос о «Черном блоке» заявил, что «такого блока не существует и никаких переговоров о заключении блока каких-либо групп не велось».¹¹⁸ Правда, при этом Нейдгарт указал, что каждый отдельный член группы имеет полное право вступать в личные соглашения с кем считает нужным. Официальным же курсом группы Нейдгарта стало сохранение независимости как от правых, так и от Прогрессивного блока.¹¹⁹ По словам члена Государственного совета А. Ф. Кони, группы правых и группу правого центра разделила заметная рознь.¹²⁰

Серьезные внутренние противоречия были и в парламентских группах крайне правых, выступавших в поддержку объединения консервативных сил. Так, внутри правой группы Государственного совета, лидера которой, П. Н. Дурново, считали главным идеологом организующегося «Черного блока», в ходе переговоров о консолидации с другими парламентскими объединениями наметились шатания. Часть правой группы потребовала от своего президиума изменения курса групповой политики и более благожелательного отношения к Государственной думе, а после отказа руководства удовлетворить эти требования заявила, что не поддержит объединения, основанного на крайне правых установках. В результате несколько членов Госсовета покинули правую группу, перейдя в группу правого центра (С. И. Зубчанинов, В. И. Карпов, Н. И. Клунников, А. П. Надеждин, А. Н. Наумов (вначале перешел в кружок внепартийного объединения), Я. Н. Офросимов, князь А. М. Эрнстов), кружок внепартийного объединения (А. Г. Булыгин).¹²¹ Булыгин указывал, что «не желает подчиняться групповой дисциплине, в силу которой приходится голосовать против проектов и Думы, и правительства».¹²² «К сожалению <...>, — писал Булыгин

¹¹⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1029. Л. 1256.

¹¹⁸ Биржевые ведомости. 1915. 12 августа.

¹¹⁹ Вечернее время. 1915. 11 (24) сентября.

¹²⁰ Кони А. Ф. Из недавнего прошлого (И. Я. Голубев) // Прошлое и настоящее. 1924. № 1. С. 6.

¹²¹ Демин В. А. Верхняя палата Российской империи. 1906–1917. М., 2006. С. 324–325; РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 61. Л. 2–4.

¹²² Новикова Е. Э. Государственный совет в годы Первой мировой войны. С. 60.

о деятелях Прогрессивного блока, — они во многом правы. Я по крайней мере не нахожу доводов к возражениям по многим вопросам». ¹²³ П. П. Кобылинский, оставшийся в правой группе, оправдывался, указывая на свою близость с вышедшими из группы членами, а В. И. Карпов, «товарищ Щегловитова по выпуску из [Училища] Правоведения», ¹²⁴ ушедший к нейдгартовцам, напротив, подчеркивал полный разрыв со своими бывшими единомышленниками. ¹²⁵

«Из правой группы ко мне уже перешло за эти дни 6 душ и очень еще другие собираются», — писал 17 августа в частном письме лидер группы правого центра А. Б. Нейдгарт. ¹²⁶ «В правой группе идет брожение, многие члены вышли из ее состава — Зубчанинов, Наумов, многие собираются выйти, в том числе и я, — писал в частном письме член правой группы князь В. М. Урусов. — <...> Я думаю, что развал группы неминуем...». ¹²⁷

В свою очередь, «Вечернее время» в довольно издевательской манере прокомментировало нестроения в группе правых, вложив в уста одного из лидеров правых И. Г. Щегловитова следующие вирши:

Бегут, как немцы из-под Риги:
Ушли Наумов, Клунников, Булыгин,
И Офросимов с Карповым бегут;
Не знаю, чьи коварные интриги
Наш черный блок колеблют там и тут. ¹²⁸

«...По примеру „исхода“ думских левых националистов, начинается бегство из рядов правой группы Госуд. Совета. Пал авторитет П. Н. Дурново, речь которого в заседании 19-го июля звучала как апофеоз старого порядка;

¹²³ *Бородин А. П.* Государственный совет России. С. 144. Вместе с тем вызывает недоумение письмо А. Г. Булыгина «ветерану» правой группы Государственного совета графу С. Д. Шереметеву (27.08.1915), находившемуся в это время в Москве: «Ты, вероятно, прочел в газетах, что я вышел из группы. Очевидно, что и все, что пишу — ложь. Конечно, я никакого заявления не делал, ни откуда не выходил, но не принимаю фактического участия в совещаниях группы, так как мне нет времени и неудобно одновременно заседать и в группе, и в Совете министров. Но изменять своим убеждениям, я, слава Богу, дожил до 64 лет, еще ни разу не был грешен». (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1029. Л. 1244, 1252). Тем не менее переход Булыгина в 1915 г. к беспартийным остается фактом.

¹²⁴ ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 69.

¹²⁵ *Мичурин А. Н.* Политическая борьба в Государственном совете... С. 78–79.

¹²⁶ ГАРФ. 102. Оп. 2. Д. 1028. Л. 1132.

¹²⁷ Цит. по: *Мичурин А. Н.* Политическая борьба в Государственном совете... С. 78.

¹²⁸ Вечернее время. 1915. 26 августа (8 сентября).

теперь она становится похожей на его отпевание», — замечал в эти дни публицист К. Арсеньев.¹²⁹

В какой-то момент ситуация для существования правого крыла Государственного совета стала прямо угрожающей — значительная часть членов правой группы, будучи недовольной действиями ее руководства, решила образовать новое объединение, условно названное «второй правой группой».¹³⁰ Как отмечалось в проекте по ее созданию, вторая правая группа должна была быть создана в том случае, если число членов, желающих ее составить, будет не менее 40. Как видно из политических установок лидеров предполагаемой группы, она должна была стать чуть менее консервативней правой группы и занять промежуточное положение между нею и нейдгартовцами. Члены «второй правой группы» намеревались отстаивать самодержавие (при дарованных им представительных учреждениях), широкую веротерпимость (при первенстве православия как вероисповедания государственного) и формулу «Россия — для русских» (при «открытом признании националистических прав инородцев, входящих в состав Российской империи»).¹³¹

Сплочение новой группы планировалось утвердить на следующих началах: все постановления членов группы относительно перечисленных ключевых принципов, принятые простым большинством, становились обязательными для всех (не подчинившиеся воле большинства должны были тут же выйти из группы); по остальным же вопросам мнение большинства не становилось обязательным для всех, но если за тот или иной аспект высказывалось не менее $\frac{2}{3}$ состава группы, то несогласные лишались права выступать от ее имени на заседаниях Совета и должны были воздерживаться от голосования.¹³²

И хотя бывший правый, а затем нейдгартовец А. Н. Наумов, отмечавший «повышенную нервность» правой группы и охвативший ее разлад, связывал его со сменой лидерства (заменой председателя правой группы крайне консервативного П. Н. Дурново на более «гибкого» А. А. Бобринского и якобы недовольством этим обстоятельством части правого объединения Совета), предположение это справедливо опровергается А. П. Бородиным, обратившим внимание на то, что проект «второй правой группы» был написан рукой А. А. Бобринского до сложения П. Н. Дурново своих

¹²⁹ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 9. С. 361–362.

¹³⁰ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 62. Л. 1.

¹³¹ Там же. 1–1 об.

¹³² *Бородин А. П.* Государственный совет. С. 147–148.

полномочий председателя группы.¹³³ Так что недовольство вызывал именно «ретроградный» и непримиримый к оппозиции курс Дурново, что и заставило зашатывшуюся часть правой группы группироваться вокруг предложенного А. А. Бобринским проекта.

Однако группа эта так и не была создана — видя, что члены его группы начинают покидать ее, и обеспокоенный грозящим правым расколом, П. Н. Дурново принял вынужденное решение отказаться от лидерства, передав 7 августа 1915 г. бразды правления графу А. А. Бобринскому «как лицу более гибкому в смысле убеждений».¹³⁴ «Мало похож на П. Н. Дурново <...> вновь намеченный лидер правых Государственного совета: шестиве напролом, по всей вероятности, уступит место дипломатически осторожным маневрам», — достаточно точно прогнозировал в связи со сменой руководства правой группой оппозиционный публицист.¹³⁵ «В председатели Совета [правой группы] намечается граф Бобринский. Быть может, он сумеет оживить группу и вывести из старческого маразма, в который она впала», — с надеждой замечал в частном письме член правой группы князь В. М. Урусов.¹³⁶

Выбор нового лидера правой группы верхней палаты весьма характерен. Графа А. А. Бобринского за попытки сблизить крайне правых с националистами и октябристами не без основания считали «левым членом правой группы».¹³⁷ «Умным, выдержанным, обходительным, умевшим сглаживать противоречия» считал Бобринского и член Государственного совета А. Н. Наумов.¹³⁸ При этом, отмечал далее Наумов, «обаятельный» Бобринский был «в серьезных делах человек малоавторитетный».¹³⁹ По оценке консервативного «Российского гражданина», граф, оставаясь правым монархистом, являл собой пример «яркого и ясного выразителя соединенных интересов Престола и Народа», был сторонником широких реформ, проводимых «сверху» и не был чужд «народных требований».¹⁴⁰ «Известную уступчивость» нового лидера правых отмечало и «Вечернее время», полагавшее,

¹³³ *Бородин А. П.* Государственный совет. С. 147; *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. С. 299.

¹³⁴ *Новикова Е. Э.* Государственный совет в годы Первой мировой войны. С. 60.

¹³⁵ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 10. С. 371.

¹³⁶ Цит. по: *Мичурин А. П.* Политическая борьба в Государственном совете... С. 78.

¹³⁷ *Степанов А. Д.* Бобринский А. А. // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 62.

¹³⁸ *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. С. 77.

¹³⁹ Там же. С. 299.

¹⁴⁰ *Кон А.* Назначение графа А. А. Бобринского // Российский гражданин. 1916. № 15. С. 6–7.

что это обстоятельство может поспособствовать сближению правых с группой правого центра.¹⁴¹ Бобринский, утверждало «Утро России», старается «перекинуть мостик» между теми, кто вошел и не вошел в Прогрессивный блок.¹⁴² И действительно, как вскоре отмечал в частном письме член думской фракции правых В. Н. Снежков, «вождь правой группы Государственного совета граф А. А. Бобринский предложил Петроградской городской думе внести в текст верноподданнического обращения, чтобы правительство состояло из лиц „сильных доверием страны“», что по сути перекликалось с требованием «правительства общественного доверия» со стороны Прогрессивного блока.¹⁴³ Более того, А. А. Бобринский к концу войны стал сторонником отмены черты еврейской оседлости (которая, как известно, де факто была ликвидирована войной), что вызвало гнев черносотенцев.¹⁴⁴

Как уже отмечалось историками,¹⁴⁵ Бобринский на посту руководителя правой группы занял примирительную политику по отношению к Прогрессивному блоку, но вопреки надеждам графа, это не усилило позиции правых, а лишь сделало самую консервативную группу Государственного совета еще более аморфной.

«Появившиеся в печати сведения о происходящем в нашей группе расколе, к сожалению, совершенно верны, — констатировал А. А. Бобринский в интервью либеральной газете. — Говорю — к сожалению, потому что я искренне жалею о выходе из группы уважаемых земских деятелей Карпова, Офросимова и др., тем более что взгляды этих лиц очень близки моим собственным. Избрание мое следует рассматривать как торжество умеренно правой группы, допускающей необходимость политических уступок обществу и представителям иных течений. Странники моих взглядов, а их, очевидно, большинство, раз я избран председателем, — определили

¹⁴¹ Вечернее время. 1915. 11 (24) сентября.

¹⁴² Утро России. 1915. 28 сентября. «В этот период А. А. Бобринский выступал сторонником общения Думы и Государственного совета и стремился провести кандидатуру С. Е. Крыжановского в министры внутренних дел и председатели Совета министров, что, по мнению лидера правых в верхней палате, могло сблизить эту группу с „Прогрессивным блоком“» (Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете... С. 109).

¹⁴³ Переписка правых... // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 143.

¹⁴⁴ Так, известный крайне правый деятель Н. Н. Тиханович-Савицкий в январе 1917 г. писал графу: «Нисколько не сочувствую желанию Вашему отдать жидам на прокормление вместо двадцати губерний всю Россию, в чем встретите с нашей стороны всемерное противодействие» (РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 70. Л. 18).

¹⁴⁵ Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи... С. 133; Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете... С. 109.

линию моего поведения, как и все искренне любящие родину, и потому допускают неизбежность известного сдвига влево. Скажу больше, — что лично я этот сдвиг нашей группы влево считаю настолько значительным, что по многим вопросам между нами и Милюковым нет почти никакой разницы. Мое и нашей группы желание заключается в том, чтобы рассеять циркулирующие в обществе и печати слухи о существовании какого-то „черного блока“, подкапывающегося под устои народного представительства. Черный блок существует только в воображении корреспондентов и некоторых членов Государственной думы, которым, очевидно, для своих целей выгодна эта игра. Наоборот, мы со своей стороны стремились всячески наладить работу с представителями групп, стоявших левее нас, и я лично просил, чтобы меня приглашали на заседания так называемого Прогрессивного блока...»¹⁴⁶

28 августа, как сообщало «Новое время», А. А. Бобринский появился в Государственной думе в день заседаний, где общался не только с представителями фракции правых, но и провел переговоры с лидерами Прогрессивного блока П. Н. Милюковым и П. Н. Крупенским.¹⁴⁷ Но, несмотря на всю «гибкость» графа, на заседания Прогрессивного блока его так и не пустили. Хотя А. А. Бобринский и подчеркивал, что он является «общественным деятелем правых убеждений»¹⁴⁸ и декларировал готовность к диалогу с либеральной общественностью, та не захотела иметь с ним никакого дела. «С точки зрения графа Бобринского, — замечал политический обозреватель „Вестника Европы“, — „человеком общественности“ следовало бы признать, например, г. Маркова 2-го, а много ли можно насчитать людей, к которым так мало подходил бы эпитет?»¹⁴⁹ Таким образом, либеральное издание монополизировало исключительно за оппозицией право считаться представителями «общественности», отказывая в нем точно таким же общественным деятелям из консервативного лагеря. При таких условиях диалога получиться, естественно, не могло. Как ни старался граф Бобринский расположить к себе «общественность», та отвечала ему враждебностью и недоверием, мотивируя ее следующим доводом: «Политическая окраска графа А. А. Бобринского определяется с достаточной ясностью

¹⁴⁶ Утро России. 1915. 25 августа.

¹⁴⁷ Новое время. 1915. 29 августа; *Мичурин А. Н.* Политическая борьба в Государственном совете... С. 109.

¹⁴⁸ «Всю свою жизнь, — указывал в одном из интервью граф А. А. Бобринский, — я прожил не бюрократом, а человеком общественности и таковым останусь до конца» (Вестник Европы. 1916. № 4. С. 290).

¹⁴⁹ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 4. С. 291.

двумя словами: после смерти П. Н. Дурново он стал лидером группы правых в Государственном совете. К чему стремилась и чего достигала эта группа — это слишком хорошо известно.¹⁵⁰ Поэтому рассчитывать на «добрую прессу» и готовность оппозиции к мирному диалогу Бобринский мог только в одном случае — для этого ему надо было порвать с правыми и признать правоту своих политических оппонентов, — к иным вариантам сотрудничества либеральный лагерь готовности не проявлял.

Наглядным подтверждением этого стал отказ М. В. Родзянко в просьбе графа А. А. Бобринского «в виде исключения» разрешить ему присутствовать на заседаниях Государственной думы на правах бывшего ее члена (напомним, что Бобринский был членом фракции правых III Государственной думы). Мотивировал свое желание новый лидер правой группы Государственного совета желанием «быть в полной известности о ситуации [в] Гос. Думе», поскольку «чем больше членов Гос. Совета будут присутствовать в серьезных заседаниях Г. Думы — тем успешнее [будет] работа Совета».¹⁵¹

Между тем правых не могло не тревожить, что заявления нового председателя правой группы практически хоронили идею формирования Консервативного блока. Но занятая им позиция, как оказалось, была ближе большинству членов правой группы, нежели курс, проводимый П. Н. Дурново. «Быть может, в этом сдвиге больше политической прозорливости и рассудочности, чем искреннего воодушевления, больше ума, чем души, но факт остается фактом: большинство советских правых не разделяет непримиримой ортодоксальности Дурново и Маклаковых...», — писало «Утро России». Газета приветствовала «этот знаменательный „сдвиг влево“» и выражала неподдельную радость от того, что «меньшинство, значительное меньшинство советских правых составляет фронду либеральному правительству».¹⁵²

Это вполне подтверждают факты. Накануне избрания графа А. А. Бобринского председателем правой группы лишь один ее член, приверженец взглядов Дурново, князь А. Н. Лобанов-Ростовский, пошел «против течения». 11 августа Лобанов-Ростовский обратился с «совершенно конфиденциальным письмом» к Бобринскому, в котором в вежливой форме указывал, что, несмотря на сочувствие кандидатуре графа, он, ввиду «громкого политического значения» выборов председателя правой группы, просит последнего дать ясный ответ на вопрос: покинет ли он после того, как станет

¹⁵⁰ Там же. С. 290.

¹⁵¹ РГАДА. Ф.1412. Оп. 2. Д. 222. Л. 1–3.

¹⁵² Утро России. 1915. 25 августа.

председателем правой группы, пост председателя Совета Русско-Английского банка (что, по мнению князя, не могло не влиять на либеральный крен Бобринского), коим состоит в данный момент?¹⁵³

В ответных письмах А. А. Бобринский, во-первых, заверил своего соратника по группе, что он никогда не вынес бы своей кандидатуры на пост руководителя правого объединения Государственного совета, поскольку считает себя «совсем не подходящим лицом для председательского кресла», так как «слишком явно» расходится с нынешним курсом группы «на значение правой группы <...>, на ее роль в данный момент»;¹⁵⁴ а во-вторых, указал своему корреспонденту, что в случае избрания его председателем группы он не признает ни за кем права ставить ему какие-либо условия относительно его частной жизни или занятий, не касающихся деятельности в Государственном совете.¹⁵⁵ (На это, заметим, последовало аргументированное возражение Лобанова-Ростовского, что, во-первых, по закону невозможно совмещать государственную службу с работой в частных обществах, а во-вторых, «жизнь политического деятеля, а тем более вождя политической партии, даже частная, не должна давать поводов к нареканиям, могущим наложить на него тень, в особенности на почве материальных интересов».¹⁵⁶)

В итоге граф А. А. Бобринский все же оказался избранным большинством членов группы своим председателем, что явно свидетельствует об их готовности отказаться от непримиримого по отношению к либеральной оппозиции курса. Ведь в своей программной речи, произнесенной перед правой группой за два дня до своего избрания ее председателем, Бобринский, как вменял ему в вину в очередном письме князь Лобанов-Ростовский, заявил, что допускает «возможность учреждения в России министерства, ответственного не перед Государем Императором, а перед законодательными палатами». «Когда вы сделали это заявление, для меня стало ясно, — писал князь, — что судьбы правой группы и ее представителей не могут быть вверены Вам, ибо Вы, изменив, что доказывается вышеупомянутой речью Вашей важнейшему из основных верований правой группы, можете увлечь ее в такие политические дебри, из которых выхода нет».¹⁵⁷ Но поскольку большинство правых все же высказалось в поддержку кандидатуры А. А. Бобринского, Лобанов-Ростовский констатировал: «Я нахожу, что при таких

¹⁵³ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 59. Л. 1 а.

¹⁵⁴ Там же. Л. 2–2 об.

¹⁵⁵ Там же. Л. 4 об.

¹⁵⁶ Там же. Л. 4–4 об.

¹⁵⁷ Там же. Л. 3.

условиях оставаться в среде правой группы было бы для меня равносильно принятию на себя ответственности за неразделимые мною убеждения Ваши, ни в каком случае не могущие быть признанными правыми. А что каждый член группы несет нравственную ответственность за ее председателя — то это бесспорно. Председатель имеет право говорить от имени группы, он же руководит ее заседаниями и, следовательно, влияет на направление ее и деятельность».¹⁵⁸ «...Вы могли бы спасти положение немедленно, сложив с себя звание председателя правой группы», — заключал Лобанов-Ростовский.¹⁵⁹

Но граф Бобринский проигнорировал призыв князя, и Лобанов-Ростовский заявил о своем выходе из правой группы, хотя и признавал, что его поступок может стать катализатором нового раскола, столь нежелательного в то время, когда правые объединения Думы и Совета ищут платформу для единения.¹⁶⁰ Попытка группы уговорить князя отказаться от разрыва с ней успеха не возымела.

Несмотря на то, что письмо к графу А. А. Бобринскому было помечено грифом «секретно», информация об идеологических несогласиях между двумя лидерами группы попала в либеральную прессу. К примеру, «Утро России» сообщало, что в своем заявлении, направленном в бюро группы (которое, как потом выяснилось, также не подлежало огласке), Лобанов-Ростовский писал примерно то же, что и в письме к новому председателю: он не может оставаться в группе, избравшей председателем человека, который «своей уступчивостью духу времени» договорился «до возможности создания у нас ответственного министерства» и сделавшим тем самым группу «далеко не правой». «...Я увидел, что *группы правых не существует* (выделено мной. — А. И.), <...> что неизбежно дальнейшее движение группы в различные „политические дебри“, — передавала газета явно интерпретированные ею в нужном духе слова князя.¹⁶¹

¹⁵⁸ Там же. Л. 3 об.

¹⁵⁹ Там же. Л. 4 об.

¹⁶⁰ «Выход из правой группы есть вообще явление крайне нежелательное, в особенности в ныне переживаемое Россией трудное время, — писал Лобанов-Ростовский Бобринскому. — Сила в единении, и всякое отпадение членов группы, хотя бы затем и сохранения с нею единомыслия, вредно отзываясь на ее деятельности. Но бывают случаи, когда долг и совесть повелевают выйти из группы во имя исповедуемых той же правой группой основных начал свято-русского консерватизма (резко противопоставляю ему английский), на котором зиждутся слава и величие России и благоденствие русского народа. В таких случаях возможен и даже обязателен один исход: это выход из группы, что в данном случае я и сделал» (РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 59. Л. 3 об.—4).

¹⁶¹ Утро России. 1915. 25 августа.

Однако огласка конфликта между лидерами правой группы либеральными изданиями, не скрывавшими своего удовлетворения начавшимися нестроениями, смутила Лобанова-Ростовского. Он выступил с публичным заявлением, в котором отмечал, что всегда «считал и продолжает считать, что происходящие в среде правой группы разногласия, равно как и всякие явления внутри жизни группы, не подлежат вообще оглашению, и тем более не должны проникать в печать». Но раз, продолжал князь, его обращение к руководству группы каким-то образом стало известно журналистам, и было подано ими с «явной тенденцией», да еще с вложением в его уста слов такого отношения к правой группе, которое не отвечает его чувствам, он вынужден объясняться публично. «Если князь Лобанов-Ростовский, выходя из группы, не пожелал принимать на себя ответственность за дальнейшие выступления ею только что избранного председателя и за то направление, которое последний желал бы дать групповой работе, — писал он о себе в третьем лице, — то это еще не значит, чтобы тот же князь Лобанов-Ростовский имел основание думать, что прочие члены группы изменили основным началам русского консерватизма».¹⁶²

А уже к 19 сентября 1915 г. князь Лобанов-Ростовский, несколько успокоенный появлением совместной декларации правой группы Госсовета и фракции правых Думы, выпущенной в противовес декларации Прогрессивного блока, и, видимо, придя к мысли, что его конфликт с председателем группы приносит еще больше вреда делу правых, чем «либерализм» графа А. А. Бобринского, обратился к нему с новым заявлением, в котором называл свой уход из группы правых ошибкой, признавал отсутствие у него разногласий с курсом, взятым новым руководителем, якобы неправильно вначале им понятым, и просил принять его обратно в состав группы, с которой у него более «никаких разногласий не существует», что тут же и было сделано.¹⁶³

В те же августовские дни 1915 г. группу правых потряс и другой инцидент, показавший нестроения внутри правого объединения Государственного совета. Старожил группы А. П. Струков, в сентябре 1915 г. ставший одним из авторов декларации правых членов Думы и Совета и в то же время занимавший должность председателя Постоянного совета объединенного дворянства, 23 августа 1915 г. в ответ на политические притязания Прогрессивного блока обратился к председателю Совета министров И. Л. Големыкину.

¹⁶² РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5129. Л. 10.

¹⁶³ Утро России. 1915. 19 сентября.

Предыстория этого обращения такова. 27 июля 1915 г. состоялось заседание Постоянного совета Объединенного дворянства, на котором А. И. Мосолов (член правой группы Государственного совета) указал на схожесть происходящих политических процессов с имевшими место накануне революции 1905 г. «Либеральные партии того времени, — отмечал Мосолов, — были сорганизованы и, пользуясь растерянностью правительства, мало-помалу начали предъявлять ему требования, направленные к изменению порядка государственного управления. К таким требованиям правительство того времени невольно прислушивалось и ошибочно считало их желанием всей России, всего народа... Сегодня вырисовывается такая же картина».¹⁶⁴ Но, указывая далее А. И. Мосолов, существует большая группа лиц, которая не разделяет взглядов либералов и не верит в то, что их преобразовательные проекты принесут благо Родине. В связи с этим политик предлагал учесть ошибки 1905 г. и поставить правительство в известность о наличии в дворянской среде сил, готовых его поддерживать. Как вспоминал А. Н. Наумов, А. И. Мосолов, возбудил вопрос о необходимости выразить со стороны дворянства протест против «установившегося в государстве безвластия и распущенности».¹⁶⁵ Однако тогда председатель Постоянного совета А. П. Струков, предложив внимательно следить за развитием ситуации, счел нужным удержать своих единомышленников от обращения к правительству.¹⁶⁶

На заседаниях Постоянного совета Объединенного дворянства 20 и 22 августа, специально посвященных обсуждению всех обстоятельств, вызвавших в стране резкое обострение политической ситуации, эта тема вновь была поднята. Причем 20 августа А. П. Струков уже заявлял, что «обстоятельства круто изменились», что сторонники Прогрессивного блока показали свое стремление к изменению государственного строя, и призвал Постоянный совет обратиться с заявлением к правительству.¹⁶⁷ В результате 22 августа большинством участников совещания, среди которых были члены правой группы Государственного совета А. А. Нарышкин, А. А. Бобринский, М. И. Миклашевский и А. И. Мосолов, было предложено уполномочить

¹⁶⁴ Цит. по: *Бибин М. А.* Дворянство накануне падения царизма в России. С. 51.

¹⁶⁵ *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. С. 300–301.

¹⁶⁶ Цит. по: *Бибин М. А.* Дворянство накануне падения царизма в России. С. 53.

¹⁶⁷ «Когда вместо лозунга „все для войны“ ясно обозначилось стремление сделать во что бы то ни стало революцию, — вспоминал А. И. Мосолов, — [А. П. Струков], как председатель Совета Объединенного дворянства, обратился с письмом к председателю Совета министров с просьбою доложить Его Императорскому у Величеству о серьезности положения» (*Мосолов А.* Памяти А. П. Струкова // *Двуглавый орел* (Берлин). 1922. № 31. С. 43).

А. П. Струкова «письменно или лично обратиться от имени Совета к председателю Совета министров по вопросам переживаемого времени»,¹⁶⁸ что и было сделано, несмотря на ряд протестов (в том числе и со стороны члена правой группы Государственного совета В. И. Карпова, вскоре ее покинувшего) и отсутствие одобрения со стороны как всех членов Постоянного совета, так и всего съезда Объединенного дворянства.¹⁶⁹

Как утверждает М. А. Бибин, текст «письма Струкова» был создан коллективом авторов, в который помимо самого А. П. Струкова вошли А. И. Мосолов, А. А. Нарышкин, А. С. Стишинский и А. А. Бобринский (все члены правой группы Государственного совета).¹⁷⁰ В обращении выражалось возмущение поведением «некоторой части общества», которая воспользовалась военным временем для «достижения излюбленных левыми течениями политических целей». ¹⁷¹ В связи с этим Струков от лица «всего российского дворянства» предупреждал правительство, что «произносимые и передаваемые прессой во все концы страны левые речи <...> являются предвестниками новых смут с целью изменения государственного строя России». Выражая уверенность, что только «незыблемость основ существующего порядка в соединении с твердой властью в центре и на местах, врученной Государем лучшим, преданным Ему и осведомленным людям из обширного русского общества» может оградить страну от внутренней смуты, Струков просил Горемыкина донести мнение дворянства до императора.¹⁷² «Необходимо было показать власти, что в настоящее время необходимо воздержаться от каких-либо уступок, — пояснял А. И. Мосолов цель письма. — Надо было ободрить власть и побудить ее к продолжению той политики, которую она вела раньше».¹⁷³

¹⁶⁸ Цит. по: *Бибин М. А.* Дворянство накануне падения царизма в России. С. 62–63.

¹⁶⁹ *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. Кн. 2. С. 301. Между тем М. А. Бибин утверждает, что Постоянный совет Объединенного дворянства не только поддержал обращение А. П. Струкова, но и утвердил его текст (См.: *Бибин М. А.* Дворянство накануне падения царизма в России. С. 64).

¹⁷⁰ *Бибин М. А.* Дворянство накануне падения царизма в России. С. 64.

¹⁷¹ Письмо Постоянного совета Съездов уполномоченных дворянских обществ председателю Совета министров И. Л. Горемыкину от 23 августа 1915 г. // *Объединенное дворянство...* Т. 3. С. 854.

¹⁷² Там же. Вспоминая скандал, вызванный этим письмом, член Государственного совета П. П. Менделеев отмечал: «[Струков] без ведома Совета (Объединенного дворянства. — *А. И.*) <...> осуждал все общественные выступления последнего времени, умолял не верить содержащимся в них заявлениям, как крамольным, заверял в преданности народа Престолу» (ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 68).

¹⁷³ Цит. по: *Бибин М. А.* Дворянство накануне падения царизма в России. С. 66.

А. П. Струков лично вручил письмо И. Л. Горемыкину, который передал его императору. Николай II, обсудив это обращение с премьером, начертал на нем резолюцию: «Рассмотреть на ближайшем заседании Совета министров».¹⁷⁴

Несмотря на то, что письмо Струкова носило строго конфиденциальный характер (Струков взял со всех его составителей обещание хранить молчание¹⁷⁵), оно каким-то образом попало в редакцию «Биржевых ведомостей» и произвело скандал. «Весь Петроград заговорил о недопустимом вторжении дворянского сословия в область высшего управления».¹⁷⁶ В результате же оказалось, что, во-первых, далеко не все дворянство разделяло взгляды председателя Постоянного совета Объединенного дворянства,¹⁷⁷ а во-вторых, либерально-настроенная общественность использовала это письмо для того, чтобы обрушиться на правое дворянство с критикой, доказывая, что именно она спасает страну от катастрофы, а такие «зубры», как Струков, ее губят. «Всем памятно, как левые (точнее, либеральные. — А. И.) партии отозвались на этот здравый голос человека, преданного Царю и Родине. Началась травля. Где только могли, в прессе, в собраниях, поносились имя этого достойного человека...», — вспоминал А. И. Мосолов.¹⁷⁸

Раскол же, вызванный в Объединенном дворянстве обращением Струкова, также сыграл на руку оппозиции. Если раньше оппозиции казалось, что большинство дворянской организации поддерживает крайне правых, замечал либеральный публицист, то «после известного „струковского инцидента“ иллюзия исчезла, декорация развалилась».¹⁷⁹

А. Н. Мичурин утверждает, что письмо А. П. Струкова выражало мнение правой группы Государственного совета и ее председателя графа А. А. Бобринского, который «фактически поддержал» струковское обращение к И. Л. Горемыкину. То же обстоятельство, что Бобринский при

¹⁷⁴ Там же. С. 65.

¹⁷⁵ Там же. С. 64.

¹⁷⁶ *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. Кн. 2. С. 301.

¹⁷⁷ Полтавское, Костромское, Смоленское и Уфимское дворянские собрания в ответ на письмо Струкова заявили о выходе из организации; предводители и депутаты Петроградского, Новгородского, Ярославского, Московского, Владимирского, Тверского, Пензенского, Симбирского и Орловского дворянства выразили осуждение действиям Струкова. (РГИА. Ф. 899. Оп. 1. Д. 72; Объединенное дворянство... Т. 3. С. 854). По подсчетам М. А. Бибина, на последнем съезде Объединенного дворянства не одобрили письма Струкова представители 21 губ., поддержали письмо — 11 губ., воздержались от оценки — 1 губ. (*Бибин М. А.* Дворянство накануне падения царизма в России. С. 199).

¹⁷⁸ *Мосолов А.* Памяти А. П. Струкова. С. 44.

¹⁷⁹ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 3. С. 329.

этом «пытался контактировать с левым крылом „Прогрессивного блока“ в Думе», Мичурин объясняет тем, что правые «переживали жесточайший кризис в вопросе отношения к „Прогрессивному блоку“» и «полной неспособностью правых контролировать ситуацию».¹⁸⁰ Представляется, что это замечание нуждается в некоторой корректировке и дополнении. Действительно, А. А. Бобринский не публично выказывал поддержку письму А. П. Струкова и даже входил в число лиц, согласовавших текст этого обращения, но вскоре председатель правой группы поспешил публично от этого заявления отмежеваться. В октябре 1915 г. на заседании группы правых, когда некоторые ее члены выступили в поддержку позиции Струкова, Бобринским было заявлено, что Постоянный совет Объединенного дворянства оказался скомпрометированным в глазах широких кругов представителей первенствующего сословия, а потому группа правых должна дистанцироваться от известного письма и выступить на ближайших выборах самостоятельно, отделив себя от организации Объединенного дворянства.¹⁸¹ После бурных обсуждений позиция председателя была поддержана большинством группы.¹⁸² Так и было сделано. В интервью либеральным газетам члены правой группы Государственного совета, как правило, уклончиво отвечали, что комментировать письмо Струкова они не будут, а их позицию можно будет узнать из официальной декларации группы. Так, один из корифеев группы — П. П. Кобылинский, дав примерно такой ответ журналистам, развил его следующим образом: «Я, как и мои единомышленники по группе, считают сейчас самым важным: 1) принять все усилия, чтобы отразить врага внешнего и 2) врага внутреннего. Под врагом внутренним мы понимаем немцев, немецкое засилье. Никаких иных задач, более важных, я не вижу».¹⁸³ Таким образом, руководители правой группы постарались смягчить эффект, произведенный письмом Струкова, ведь об оппозиции как «вражьей силе» в их публичных комментариях не было сказано ни слова...

Что же заставило группу правых, значительная часть которых придерживалась того же мнения об оппозиции, что и А. П. Струков, отмежеваться от письма своего сочлена? Ответ на этот вопрос можно найти в частной переписке. «Травля Анания Петровича [Струкова], действительно, шита белыми нитками, цель ее ясна: Родзянке и К^о нужно было повернуть выборы

¹⁸⁰ Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете... С. 110–111.

¹⁸¹ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 84. Л. 35; День. 1915. 16 октября; Утро России. 1915. 16 октября.

¹⁸² РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 84. Л. 37; Утро России. 1915. 16 октября.

¹⁸³ Вечернее время. 1915. 6 (19) октября.

в Государственном совете в свою пользу, что им до некоторой степени и удалось. Теперь выборы окончены и травля, как по команде, прекратилась», — свидетельствовал член правой группы Н. А. Зверев в письме к графу С. Д. Шереметеву.¹⁸⁴ Таким образом, выступление А. П. Струкова, шедшее вразрез с «общественным мнением», пришлось для самих правых очень некстати: в начале сентября 1915 г. заканчивалась очередная сессия Государственного совета и начиналась пора перевыборов части членов верхней палаты, и в этих условиях взявшей курс на некоторую либерализацию правой группе совершенно не хотелось подпадать под лишние удары оппозиции.

Струков же после устроенной ему со всех сторон обструкции «обиделся» и под предлогом нездоровья не появился на очередном съезде Объединенного дворянства.¹⁸⁵ Позже, в апреле 1916 г., Струков был вынужден вновь вернуться к этому инциденту и публично заявить, что он принимает всю ответственность за изложенное в письме исключительно на себя.¹⁸⁶ Но от своих слов А. П. Струков не отрекся.¹⁸⁷

Между тем либерально-консервативный курс, выбранный графом А. А. Бобринским и поддержанный поначалу большинством правой группы, не принес монархистам успеха. Конструктивной полемики с Прогрессивным блоком не вышло, а примиренческая политика председателя правой группы по отношению к либеральной оппозиции воспринималась последней исключительно как слабость правых, а потому не встречала с их стороны ни уважения, ни опасения. Это вскоре поняло и большинство правой группы. Граф А. А. Бобринский, пробыв на посту председателя группы чуть менее 8 месяцев (с 7 августа 1915 по 25 марта 1916 г.), вскоре был назначен заместителем министра внутренних дел, а затем и министром земледелия, перейдя на это время в ряды беспартийных. Во главе же правой группы встал видный юрист, человек, имевший немалый авторитет в монархических кругах, И. Г. Щегловитов, бывший с января 1916 г. заместителем председателя группы. По оценке С. Д. Сазонова, Щегловитов, «благодаря своему уму и научной подготовке, занимал среди своих товарищей по партии <...> положение настоящего вождя».¹⁸⁸ По своим политическим

¹⁸⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1038. Л. 2024.

¹⁸⁵ ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 68.

¹⁸⁶ Объединенное дворянство... Т. 3. С. 854.

¹⁸⁷ Струков в своем обращении подчеркивал, что 23 августа 1915 г. он «исполнил то, что диктовала ему его совесть, крайнее разумение и долг подданного». (РГИА. Ф. 899. Оп. 1. Д. 72. Л. 3; Объединенное дворянство... Т. 3. С. 856).

¹⁸⁸ Сазонов С. Д. Воспоминания. Париж, 1927. С. 358.

взглядам новый лидер правой группы занимал промежуточное положение между твердым консерватором Дурново и склонявшимся к умеренному либерализму Бобринским. В связи с намечавшейся сменой руководства правого объединения Государственного совета «Вечернее время» замечало, что примирительная политика графа Бобринского встречает много возражений в рядах группы, а выбор Щегловитова на роль ее лидера говорит об «окончательной победе ярко реакционных элементов».¹⁸⁹ И хотя пассаж по поводу торжества «ярко реакционных элементов» несколько сгущал краски, победа более правого курса внутри группы действительно произошла.

Сходные процессы нестроения происходили и в думской фракции правых. Еще до войны, в 1913 г., во фракции наметился ряд разногласий между крестьянством и духовенством, с одной стороны, и представителями дворянства, с другой. Началом этого процесса стала думская речь Н. Е. Маркова в мае 1913 г., когда лидер правой фракции, заочно обращаясь к премьеру и министру финансов В. Н. Коковцову, бросил фразу: «красть нельзя!».¹⁹⁰ Это привело к тому, что министры *in cogrore* перестали посещать Государственную думу, и лишь 1 ноября 1913 г., когда Марков извинился, инцидент был признан исчерпанным. Но внутри фракции правых он не остался без печальных для нее последствий. 30 октября 1913 г. на собрании крестьянских депутатов, созванном по инициативе крестьян-прогрессистов, правые крестьяне заявили, что они совершенно не согласны с той политикой, которую проводят в их фракции «господа», но просили не оглашать их признание, так как лидеры фракции правых постоянно пугают их возможностью роспуска Думы и грозят им всевозможными личными репрессиями.¹⁹¹ Тогда правые крестьяне выражали свое недовольство оппозицией правительству, пусть даже и справа, а также протестовали против любых попыток своих лидеров препятствовать нормальной работе Думы, а тем более умышленно идти на ее срыв.¹⁹² Кроме того, правые крестьяне-депутаты

¹⁸⁹ Вечернее время. 1915. 28 ноября (11 декабря).

¹⁹⁰ Коковцов В. Н. Из моего прошлого... Кн. 2. С. 137. Подробнее об инциденте и его последствиях см.: Гайда Ф. А. «Министерская забастовка» 1913 г.: IV Государственная дума и формирование «Нового курса» правительства // Таврические чтения 2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная науч. конф. / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2011. С. 192–202.

¹⁹¹ Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 25.

¹⁹² «До сих пор, — отмечали правые крестьяне, — когда нам говорили, что мы против народа и за панов, мы отвечали: брехня: мы за царя и царское правительство, значит, и за народ, только за честный народ, а не за социалистов, от которых только всякий

сетовали на недовольство их политической принадлежностью со стороны односельчан и поднимали вопрос о создании особой крестьянской группы (не левее октябристов), которая была бы составлена не по партийному, а по социальному признаку.¹⁹³

Примерно таким же было положение большинства священников. Представители православного духовенства, в июне 1913 г. осудившие выходку Маркова, также пожелали выйти из фракции, недовольные «слишком самодержавным поведением» своих лидеров, которые «лишь предписывали голосовать за те или иные решения, но никогда не давали своим софракционерам возможности высказаться по существу предполагаемых постановлений». Правые священники, так же как и их софракционеры-крестьяне, высказались за выход из фракции правых и создание самостоятельно «поповской» фракции, если Св. Синод даст на это свое благословение. Чтобы не допустить раскола думских правых, В. М. Пуришкевич лично обратился к обер-прокурору Синода В. К. Саблеру с просьбой удержать представителей правого духовенства от выхода из фракции.¹⁹⁴ В результате «мятежное» духовенство было остановлено обер-прокурором Синода, который высказался не в пользу раскола, объяснив, что духовенство служит идее, а не лицам и, кроме того, должно своим присутствием облагораживать нравы фракции и в духовном смысле воздействовать «на заблуждающихся, но верных сынов церкви».¹⁹⁵ Маркову же пришлось принести извинения и сменить тон. «Прежде надменный, не терпевший никаких возражений Марков, теперь любезно беседовал с „рядовыми“ коллегами по фракции».¹⁹⁶

Непросто выстраивались отношения у фракционных вождей и с двумя иерархами — членами фракции правых, епископами Анатолием (Каменским) и Никоном (Бессоновым). Первого «марковцы» обвинили в «сеянии смуты» среди крестьян,¹⁹⁷ а второй оказался для фракции настолько серьезной проблемой, что от него пришлось избавляться при помощи Св. Синода.

непорядок идет. Теперь что же, нам говорят, выходит, что мы и против народа, и против правительства. Значит, правда — мы за панские интересы, а это дело уж совершенно неподходящее». (Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 21).

¹⁹³ Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. С. 167.

¹⁹⁴ Там же. С. 166–167.

¹⁹⁵ Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 20–21.

¹⁹⁶ Соловьев К. А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 169.

¹⁹⁷ Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. С. 166.

«Сепаратистские» настроения наблюдались и среди некоторых представителей дворянства, входящих во фракцию. Так, к марту 1913 г. во фракции правых наметились две явно выраженные тенденции. Уже тогда фракция правых, выражаясь словами большевика А. Е. Бадаева, разделилась на «зарвавшихся марковцев» и «умеренных хвостовцев».¹⁹⁸ Первые (группа Маркова — Замысловского) стояли на позициях полной непримиримости, считая, что все «справедливые» требования правых должны быть выполнены и никакие компромиссы невозможны; вторые (группа Хвостова — Барача) доказывали необходимость примирительной тактики, необходимость сотрудничества «со всеми здоровыми силами» Государственной думы, так как в противном случае большинство Думы обойдется вовсе без правых и «вышвырнет их за борт».¹⁹⁹ Исходя из этого, «хвостовцы» также осудили оскорбительную реплику Маркова, брошенную им в адрес правительства, считая, что своим поступком правый оратор создал серьезную помеху к созданию в Думе право-октябристского большинства.²⁰⁰

Попытки переубедить Н. Е. Маркова и его сторонников не увенчались тогда никаким успехом. Поэтому А. Н. Хвостов вместе с П. А. Барачем обратились к секретарю фракции националистов Д. Н. Чихачеву с заявлением, что они сами и их единомышленники, составляющие во фракции правых самостоятельную умеренно-правую группу, желали бы выйти из состава своей фракции и присоединиться к националистам и умеренно-правым, поскольку они решительно не сочувствуют процессу самоумерщвления, на путь которого вступает их фракция.²⁰¹

В результате все недовольные поведением своих лидеров группы во время совместных переговоров решили в ответ на пренебрежение к фракционным массам со стороны Н. Е. Маркова и Г. Г. Замысловского выйти из состава фракции и «оставить господ Маркова, Замысловского, Белогурова, Вишневого 1-го, Пуришкевича и Шечкова в блестящем одиночестве».²⁰² Представители «выделяющихся» предприняли попытку выяснить у националистов, как они отнесутся к приему во фракцию человек пятидесяти (!)

¹⁹⁸ Бадаев А. Большевики в Государственной думе. Большевицкая фракция в Государственной думе и революционное движение в Петербурге. М., 1937. С. 49.

¹⁹⁹ Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 9.

²⁰⁰ Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. С. 167.

²⁰¹ Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 7. Ранее А. Н. Хвостов признавался, что ему ближе позиция националистов, нежели лидеров фракции правых, но он счел более полезным «сесть к крайним правым, дабы повлиять на них умиротворяющее» (Соловьев К. А. Законодательная и исполнительная власть в России. С. 169).

²⁰² Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 23.

новых членов. Лидер русских националистов П. Н. Балашев «ввиду союзных отношений» предупредил о сложившейся ситуации лидеров правого крыла. Состоялось неприятное объяснение. Марков принял отделившихся софракционеров «с излишней резкостью, вышедшей даже за пределы его обычной резкости».²⁰³

По данным, которые приводит Л. К. Куманин, в обязанности которого входило информировать правительство о закулисной стороне жизни думских фракций, список желающих покинуть фракцию составил 46 человек. Однако благодаря грозным увещаниям Маркова и стараниям Балашева, не пожелавшего обострять отношений с соседями справа, а потому всячески оттягивающего переход к националистам недовольных правых, раскол правой фракции был на время приостановлен (во фракцию националистов был лишь единолично принят «самый недовольный» П. А. Барач, а затем присоединившийся к нему А. П. Горсткин).²⁰⁴ Сам же Хвостов, хотя и «не остался в стороне от тех перемен, которые происходили в настроениях депутатов», фракции тогда не покинул. Он лишь «несколько отодвинулся от своих друзей Замысловского и Маркова 2-го и пересел на одну скамью ближе к центру». «С правыми он не порвал, но стал держаться от них в стороне».²⁰⁵

«Ловцом человек Марков был из рук вон плохим, — отмечал член РНСМА Ю. С. Карцов. — Он не убеждал, не склонял, а интриговал и запугивал. В крайней фракции правой партии Государственной думы господствовал он неограниченно. Но, как только кто из членов фракции позволял ему оппонировать, становился он грубым, язвил и говорил дерзости. Присоединялся к нему и помогал ему в подобных случаях Поллукс этого Кастора²⁰⁶ — Замысловский.²⁰⁷ Понятно после этого, почему фракция не увеличивалась, а редела. Во избежание скандалов и обид депутаты-монархисты покидали фракцию и переходили в национальную партию. Лидером националистов был Балашев, человек совсем иного общества, с которым вести дело было приятно и в личном отношении безопасно».²⁰⁸

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Вечернее время. 1915. 26 сентября (9 октября).

²⁰⁶ Кастор и Поллукс (Полидевк), согласно греческой мифологии — дети Зевса и Леды, близнецы.

²⁰⁷ Подчеркивая сработанность тандема Марков — Замысловский, карикатуристы нередко изображали их вместе. Примечательна в этом плане карикатура Пэма «Дон Кихот Российский», на которой в образе Дон Кихота изображен Марков 2-й, сражающийся с ветряными мельницами, а на заднем плане — сидящий на ишаке в образе Санчо Панса Замысловский. См.: Вечернее время. 1915. 15 (28) декабря.

²⁰⁸ Архив ДРЗ. Ф. 1. Д. М-76 (1). Л. 255. На это же качество Н. Е. Маркова указывал и член правой группы Государственного совета Н. П. Муратов, отмечавший, «его

Зимой 1914 г. ситуация практически повторилась. «Во фракции правых не прекращается внутренний, грозящий открытым распадом антагонизм между крестьянами, с одной стороны, священниками — с другой, и партийными вождями — с третьей», — сообщал Куманин.²⁰⁹ Как информировал в июне 1914 г. журнал «Дым Отечества», лидерам правых ради сохранения единства пришлось согласиться на создание внутри фракции полуавтономной крестьянской группы. «Цель правых в этой игре, — отмечало издание, — ясна донельзя. Не имея возможности удержать в своих <...> рядах крестьян <...> Пуришкевичи и Замысловские решили сделать некоторые уступки в виде форсированной самостоятельной фракции думских правых крестьян, дабы тем самым лучше закулисным образом сохранить за собою руководство. Самостоятельность правой крестьянской группы — фикция, но для массы она гораздо более авторитетна, чем черносотенная организация; потому-то и создали правые эту фикцию, чтобы, укрывшись за нее, прodelывать свои фокусы над крестьянством».²¹⁰

Лишь начало Первой мировой войны и необходимость сплоченной работы на время приостановили разрушительные тенденции внутри фракции. Но образование Прогрессивного блока и раскол во фракции русских националистов привели к новым шатаниям. Священники И. М. Караваев и С. В. Сырнев покинули правую фракцию и перешли к прогрессивным националистам.²¹¹ В рядах внепартийной группы независимых депутатов вскоре оказался и бывший руководитель фракции А. Н. Хвостов.

Насмехаясь над лидером думских правых Н. Е. Марковым, «Вечернее время» вкладывало в его уста следующий стихотворный «отчет», якобы произносимый перед П. Н. Дурново:

Почтенный вождь, настроен я уныло:
Царит раскол во фракции моей;
Сегодня вновь ослабла блока сила,
И откололось несколько друзей.²¹²

Сам же Дурново изображался фельетонистом в образе Гамлета:

неспособность стать в своем стане собирателем сил», т. к. «Маркову очень многого недоставало». «Строгий догматик, он никаких уклонений от догмы не признавал: или союзник, или пошел вон, и не просто вон, а с заушением, с улюлюканием» (Цит. по: Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. С. 174).

²⁰⁹ Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 19.

²¹⁰ Раскол в крестьянской группе Гос. думы // Дым Отечества. 1914. № 6. С. 11.

²¹¹ См.: Список членов Гос. Думы IV созыва IV сессии 1915 г. // Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 1213; Новое время. 1915. 19 авг. (1 сентября).

²¹² Вечернее время. 1915. 26 августа (8 сентября).

Быть или не быть? — вот в чем вопрос!
Что благороднее: сидеть, повесив нос,
Льнуть к тем, чьи шансы сделались высоки,
Иль одному погибнуть в черном блоке?²¹³

Однако, несмотря на провал переговоров между правыми парламентскими группами и серьезные проблемы внутри них, либералы продолжали бить тревогу, опасаясь, что в конце концов платформа для консолидации консервативных сил все-таки будет найдена. Так, издание прогрессистов «Утро России» в одной из своих публикаций договорилось до того, что формирующийся «Черный блок» является на деле не черным, а красным, т. к. намеревается... штурмовать власть. «Этот двухпалатный „черный блок“ по существу не что иное, как блок красный <...> Этот блок, это четвертное согласие групп Дурново, Нейдгарта, Маркова и Балашева, задается даже, как видно, еще более державной, с бюрократической точки зрения, целью: он готов штурмовать самое правительственную власть в ее нынешнем составе, ту власть, что дала себя „обойти“, пошла на „уступки“ общественным силам. <...> Представители „консервативных мировоззрений“ считают себя освобожденными от долга повиновения этой власти и идут бунтом на нее. <...> Душой этого „бунтарского“ движения является П. Н. Дурново, этот Вий российской реакции...».²¹⁴ Объясняя, почему газета считает правых, стоящих на страже самодержавной монархии, «бунтовщиками» и «красными реакционерами», «Утро России» отмечало, что в отличие от европейских консерваторов, выступающих охранителями «того, что есть», русские правые являются «„охранителями“ того, что было и чему нет возврата», а значит, заключало издание, русские правые — это «бунтари против существующего государственного строя, „красные реакционеры“, консерваторы-оппозиционеры».²¹⁵ Не жалея ярких красок для описания еще даже не созданного правыми блока («черное братство реакции», создаваемое для «черной, гнусной, закулисной работы»), издание пугало читателей, что его формирование «приведет Россию к гибели» (при этом, естественно, давалось понять, что Прогрессивный блок, на деле ведущий страну к революции, является для России спасением).

Впрочем, из-за невозможности правых договориться между собой, тоналность либеральных изданий с грозно-обличительной сменилась на иронично-издевательскую. Неудавшиеся переговоры крайне правых с умеренными и националистами «Биржевые ведомости» уже 14 августа высмеяли

²¹³ Там же.

²¹⁴ Утро России. 1915. 13 августа.

²¹⁵ Там же.

в фельетоне «Черный блок», в котором, в частности, были такие строки, гротескно рисующие активность П. Н. Дурново в стремлении сформировать противовес либеральной оппозиции и якобы раздающего следующие указания своим единомышленникам:

«Ступай же в Думу ты, Евгеньевич, буй-тур,²¹⁶
А следом за тобой пойдет и Щегловитов.
И в Государственный отправится совет:
Вербовщиками вас я назначаю,
И в кадры возникающего блока, —
Чернейшего из черных единений, —
Вербуйте мне среди националистов
Достойнейших и преданных людей...».²¹⁷

Однако попытки привлечь к консервативному блоку националистов, как указывалось выше, окончились полным провалом. Близкая думским националистам группа правого центра Государственного совета в лице своего руководителя А. Б. Нейдгарта так и не поддержала идею объединения (хотя и не стала примыкать к Прогрессивному блоку), а фракция националистов и умеренно правых Государственной думы вскоре раскололась на «прогрессивных националистов» во главе с В. А. Бобринским, В. В. Шульгиным, А. И. Савенко, которые поспешили примкнуть к Прогрессивному блоку, и националистов-балашевцев, отказавшихся идти вместе с оппозицией, но в то же время не ставших примыкать и к крайне правым. По сообщениям прессы, не найдя поддержки у значительной части фракции идее объединения с правыми, Балашев накануне раскола в рядах националистов стал вести переговоры с центром и октябристами о создании совместного информационного бюро, что должно было бы позволить создать в Думе консервативно-либеральный блок,²¹⁸ дистанцирующийся от крайне правых и Прогрессивного блока. Однако и эта попытка была обречена на провал: фракции центра и октябристов заявили Балашеву, что им по пути «со всеми прогрессивными течениями» Государственной думы, а правые осудили лидера националистов за «двойное подданство».²¹⁹

В результате, как отмечает Д. А. Коцюбинский, не примкнувшие к Прогрессивному блоку националисты-балашевцы вскоре проявили «соглаша-

²¹⁶ То есть Н. Е. Марков.

²¹⁷ Биржевые ведомости. 1915. 14 августа.

²¹⁸ Националист А. И. Савенко писал о П. Н. Балашеве: «...Наш лидер Балашев, хотя он и правее, чем большинство его фракции, однако он всегда подчиняется решительно выражаемому желанию большинства» (Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 9. С. 26).

²¹⁹ Биржевые ведомости. 1915. 12 августа.

тельскую» по своей сути политику по отношению к оппозиционному лагерю, подчиняясь во многих случаях мнению думского большинства (т. е. Прогрессивного блока).²²⁰

Однако лидеры правой группы Государственного совета не оставляли усилий по противодействию либеральному натиску. «Наконец зашевелились и правые элементы Государственного совета: собираются выступать в печати с протестом против шутовской декларации шутовского „парламентского блока“, — с надеждой писал 2 сентября 1915 г. графу С. Д. Шереметеву депутат правой фракции Думы В. Н. Зверев (сын члена правой группы Государственного совета Н. А. Зверева). — Все это несколько поднимает настроение: но тем не менее нет уверенности в ближайшем будущем».²²¹

И действительно, в ответ на декларацию Прогрессивного блока видными членами правой группы А. П. Струковым, А. А. Нарышкиным, А. П. Роговичем и одним из лидеров фракции правых Г. Г. Замысловским был разработан проект декларации, лейтмотивом которой был призыв к членам верхней и нижней палат российского парламента последовать призыву императора и оставить любые преобразования, не имеющие прямого отношения к войне, до победы над Германией. Текст декларации начинался с указания на то, что путь, предлагаемый Прогрессивным блоком, не соответствует официально декларируемой им же цели — как можно скорее привести Россию к победе. «Всецело проникнутые тем же стремлением, мы думаем, что сейчас, для достижения этой главной цели и только ее одной, должны быть напряжены дружные усилия всего народа, правительства и всех общественных сил. Но при этом, в своем отношении к ближайшим задачам государственной деятельности, мы руководствуемся словами, раздавшимися 22 августа с высоты престола и оглашенными для сведения всей России», — говорилось в декларации правых. Напомнив слова императора о том, что «ничто не должно отвлекать мысли, воли и сил наших от единой цели: изгнать врага из наших пределов», члены правой группы Государственного совета выступали решительно против каких-либо политических требований блока к правительству, характеризуя их как несвоевременные и необеспечивающие «того общественного спокойствия, которое прежде всего необходимо во всех слоях населения для доведения войны до победоносного

²²⁰ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 204–206. В конце 1916 г. А. И. Савенко писал супруге, что вместе с Прогрессивным блоком против правительственных инициатив голосуют не только левые, но и часть националистов-балашевцев. (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1066. Л. 1612).

²²¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1030. Л. 1328.

конца».²²² «...Мы убежденно высказываемся против этой программы, находя ее не только не своевременною, но и несогласною по существу с началами, обеспечивающими единство, целость и мощь России. Мы признаем необходимым сохранение всей полноты Верховной власти и не признаем возможность вторжения в ее прерогативы требованием как амнистии, так и ответственности правительства перед законодательными учреждениями, не только во время войны, но и наступлении мирного времени. Одинаково мы полагаем, что все возможные после войны преобразования должны быть согласованы с положением первенствующей православной Церкви и с сохранением за русским народом господства в нашем государстве», — резюмировали авторы проекта декларации.²²³

Указывая на необходимость единения всех политических сил страны, которое не может быть реализовано без устранения из политической деятельности «всего того, что могло бы возбудить старые, незаконченные споры и посеять столь несвоевременную и нежелательную рознь», авторы документа протестовали против того, что «некоторые группы наших законодательных учреждений», постоянно говорящие о необходимости единения, выдвигают требования, «прямого отношения к войне не имеющие».²²⁴ При этом, явно отсылая к словам председателя группы правых графа Бобринского, сетовавшего в одном из интервью, что, несмотря на попытку сделать шаг навстречу оппозиции, он так и не был допущен на заседания бюро Прогрессивного блока, авторы подчеркивали, что ни один из представителей крайне правых объединений Думы и Совета не был привлечен к обсуждению требований объединившихся в блок политических сил, что нельзя расценить иначе, как удар по «священному единению», нанесенный либералами. И хотя первоначально правая группа Государственного совета собиралась оставить декларацию Прогрессивного блока без ответа, чтобы не обострять политическую ситуацию, но постоянно поступающие к ней запросы об отношении правых к «Декларации» заставляют группу дать публичную оценку действиям либералов.

Подписать декларацию было предложено нейдгартовцам, однако группа правого центра нашла ее «по существу неприемлемой». Не помогли и попытки правой группы убедить нейдгартовцев в том, что редакция декларации не окончательна и может быть несколько изменена в угоду группе правого центра. Компромисса достичь так и не удалось, поскольку нейдгартовцы

²²² РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 58. Л. 2–2 об. См., также: Новое время. 1915. 4 сентября.

²²³ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 58. Л. 6 об.

²²⁴ Там же. Л. 7.

отвергли его, обосновав свой отказ нежеланием нового раскола между членами законодательных палат.²²⁵ Таким образом, правое объединение вновь не сложилось.

Серьезным ударом попыткам консолидации правых сил стала наступившая 11 сентября 1915 г. смерть лидера правой группы Государственного совета (правда, уже неформального) П. Н. Дурново, являвшегося по оценке либералов, «как бы живым протестом против нового духа времени».²²⁶ «Со смертью П. Н. Дурново крайние правые лишились вождя, которому нельзя было отказать в последовательности и упорстве, — отмечал либерал К. Арсеньев. — Это был обломок прошлого, уцелевший среди развалин, но не находивший себе места в новом здании».²²⁷ «Реакция лишилась одного из преданнейших своих слуг, общественность России видит сходящим в могилу злейшего своего врага», — ликовало «Утро России».²²⁸ Ликование это вполне объяснимо, учитывая, что помимо своей «реакционности» Дурново, по свидетельству Л. А. Тихомирова, был «человек замечательно умный», «гениальных способностей, огромной силы, неподражаемой работоспособности, и почти чудесной проницательности», «удивительных дарований» и обладавший «натурой бойца».²²⁹

В результате «Черный блок» из-за огромного количества разногласий между правыми так и не был создан. Крайне правым не удалось привлечь в свой лагерь ни группу правого центра Государственного совета, ни удержать от раскола фракцию русских националистов, не говоря уже о тщетных надеждах привлечь на свою сторону группу центра и правых октябристов. Более того, как уже отмечалось, шатания обнаружили и в самих консервативных группах Думы и Совета. Но, пожалуй, главной причиной провала соглашения между правыми стало то обстоятельство, что инициаторам создания «Черного блока» так и не удалось найти предмета для соглашения между консервативными парламентскими группами и выработать четкую программу действий, а одних лозунгов уже было мало. В итоге правые оказались в явном меньшинстве, но решимости своей в борьбе с оппозицией не оставили. Так, к примеру, в конце февраля 1916 г. в кулуарах и

²²⁵ Утро России. 1915. 8 сентября.

²²⁶ *Оскольский Н.* Дурново // Утро России. 1915. 12 сентября.

²²⁷ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 10. С. 371.

²²⁸ Утро России. 1915. 12 сентября. «Смерть знаменитого П. Н. Дурново 11 сентября как бы символизировала тот факт, что реакция в подобных условиях уже была невозможна», — отмечает современный историк (*Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти... С. 135).

²²⁹ Дневник Л. А. Тихомирова. С. 127–128.

во фракционных собраниях вновь появились слухи, что «правые фракции Государственного совета и Государственной думы снова стали совещаться при весьма конспиративной обстановке».²³⁰

И хотя в отличие от своих политических противников правым так и не удалось создать какого-либо совместного объединения, оформленного хотя бы в виде общей декларации, шаги в этом направлении делались ими вплоть до 1917 года и были прекращены разразившейся революцией.

Правые решительно выступили против программы и деятельности Прогрессивного блока, считая ее, по выражению Н. Е. Маркова, «осадой власти», которая в условиях войны была абсолютно неприемлемой. «Программа Прогрессивного блока, — отмечал единомышленник Маркова в Государственном совете, М. Я. Говорухо-Отрок, — все та же прекрасная незнакомка, которая уже появлялась десять лет тому назад в 1905 и 1906 гг.».²³¹ Идея «ответственного министерства», которого открыто требовали депутаты-прогрессисты И. Н. Ефремов и М. А. Караулов, или «министерства общественного доверия», за которое выступали лидер кадетов П. Н. Милюков вместе с лидерами октябристов и прогрессивных националистов, категорически отрицалась правыми. Лидеры правых крыльев Государственной думы и Государственного совета не видели разницы между «министерством доверия» и «ответственным министерством», справедливо полагая, что первое на практике ничем не будет отличаться от второго,²³² и считали, что такое министерство, ответственное перед Думой, а точнее, перед ее оппозиционными шестью фракциями, ущемляет prerogatives самодержца

²³⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 7. Л. 200.

²³¹ Объединенное дворянство... Т. 3. С. 638.

²³² Впрочем, и лидер Прогрессивного блока П. Н. Милюков сам не видел принципиальной разницы: «Пусть мы получим такое министерство [доверия], — говорил он, — и оно силой вещей скоро превратится в ответственное, парламентское министерство» (Цит. по: *Иоффе Г. З.* Крах монархической контрреволюции. М., 1977. С. 26). На это же обращал внимание В. И. Старцев, видевший отличие лозунга «министерства доверия» от «ответственного министерства» лишь в том, что лидеры либеральной оппозиции предлагали верховной власти «более приемлемые условия сделки». То есть, замечает Старцев, оппозиция как бы говорила власти: передайте нам власть, а мы взамен откажемся от немедленной конституционной реформы. (См.: *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. С. 134.) Более того, как считает историк российского либерализма Ф. А. Гайда, лозунг «министерства доверия» отнюдь не был более умеренным, чем требование «ответственного министерства», поскольку общее мнение было радикальнее позиции правого крыла Прогрессивного блока (См.: *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти. С. 85).

и передает их случайному большинству Думы, что является недопустимым.²³³

Видный деятель правой фракции Г. А. Шечков еще в 1913 г. констатировал, что правые считают своим долгом исполнять не требования «общественного мнения», а «велеия своей совести». «Мы признаем над собою, — писал Шечков, — не многомятежную волю народную, а волю Православного Царя, Богом поставленного над нами, Выразителя исторической не воли народной, а гораздо большего — исторической народной совести».²³⁴ Об этом же говорил и член правой группы Государственного совета А. П. Струков. По его словам, с идеей «ответственного министерства» правые никогда не смогут примириться, поскольку с их точки зрения «переход власти от монарха к законодательным палатам» является «безусловно вредным и антигосударственным». «Министерство доверия» также признавалось Струковым неосуществимым проектом. «Как определить, кто пользуется доверием страны и народа? <...> Я думаю, что многие из кандидатов, которых считали пользующимися доверием народа, широкой народной массе неизвестны. Народ единственно верит своему монарху, который, следовательно, один только и может увольнять и назначать министров», — отмечал А. П. Струков. «Министр отвечает за свои действия перед монархом, который вручил ему власть. Палатам даются объяснения лишь по запросам», — резюмировал правый политик.²³⁵

²³³ Как справедливо замечает по поводу требований либеральной оппозиции С. В. Куликов, лозунг «министерства общественного доверия» всего лишь камуфлировал идею «ответственного министерства», вступая тем самым в противоречие с Основными законами Российской империи (ОЗРИ), согласно которым министры должны были нести ответственность исключительно перед императором, а не Думой. Право же пересматривать ОЗРИ имел только царь. «В силу всего этого, — резюмирует исследователь, — осуществление ключевого требования Прогрессивного блока даже в умеренной форме „министерства общественного доверия“ означало бы вступление на путь государственного переворота» (Куликов С. В. IV Государственная дума и формирование высшей исполнительной власти в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917) // Россия в XIX–XX вв. Сборник статей к 70-летию со дня рождения Р. Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 259). Между тем даже довольно умеренное «Вечернее время» давало гневную отповедь правым, не без оснований подозревавшим своих политических противников в попытке захвата власти: «В России не найдется нормального человека, который не видел бы, что ни в обществе, ни у народного представительства нет и тени стремления к „захвату власти“ и созданию смуты. <...> Глупо до непристойности, а этаким аргументы имеют порой силу», — писал некто Quidam, шельмуя правых как «реакционных шулеров» (Вечернее время. 1915. 9 (22) сентября).

²³⁴ Шечков Г. А. Несостоятельность Государственной думы ныне действующего закона. Харьков, 1913. С. 7.

²³⁵ См.: Бибин М. А. Дворянство накануне падения царизма в России. С. 66–67. Другой убежденный монархист, А. Д. Муретов, развивал эту мысль дальше: «Нам, монархистам,

Не отрицая необходимости определенных перемен, признавая невозможным для России, как и для всякой другой страны, остановиться в своем развитии, желая — по крайней мере на словах — постоянного усовершенствования и необходимого движения вперед, согласно изменяющимся условиям жизни, правые настаивали на том, чтобы все изменения общественного уклада были сообразны с «основными историческими устоями», так как любые преобразования, не отвечающие последним, поведут неминуемо только к крушению государства.

Не без оснований правые также полагали, что натиск с целью добиться ответственного министерства происходил не без помощи стран-союзниц, жаждавших переноса своих политических традиций на русскую почву.

Что же касается существующего правительства, то правые пытались убедить Думу, что дело вовсе не во власти, так как во Франции — демократическая республика, в Англии — полный парламентаризм, то же самое в Бельгии, а результаты те же, что и в России. В Германии же правительство неотвечественное, а назначенное кайзером, и тем не менее Германия оказалась готовой к войне.²³⁶ Самым весомым был аргумент, постоянно звучавший в речах Маркова и Левашева: именно русские войска, вторгшиеся в Восточную Пруссию, спасли в начале войны Францию и Англию от полного разгрома, что делает честь именно русскому правительству, а не ответственным министерствам стран-союзниц.²³⁷ Конечно, это было не столь учтиво по отношению к союзникам, но когда дело касалось «преимущества» самодержавного режима над «гнилым парламентаризмом», правых не особо обременял дипломатический такт.

«Если винить в недостатках боевого снаряжения политический строй, то окажется, что для победы над врагом никуда не годен ни конституционный, ни республиканский, ни наш русский строй, а нужно выдумать какой-то особенный, доселе несуществующий в политической природе», — резюмировал Н. Е. Марков.²³⁸

в эпоху борьбы за „министерство общественного доверия“, — писал он в первые дни революции, — смешно было слышать, будто кн. [Г. Е.] Львов объединил бы в доверии к себе весь народ <...> Смешно было <...> видеть, что люди всерьез воображали, будто какому-то Львову или какому-то Родзянко народ окажет то благовоительное доверие, какое только что убили в нем к Царю» (*Муретов А.* Накануне. Пг., 1917. С. 12).

²³⁶ Государственная дума. Сөзүв IV. Сессия IV. Стб. 47.

²³⁷ См.: Государственная дума. Сөзүв IV. Сессия IV. Стб. 1441–1442; *Васюков В. С.* Внешняя политика России... С. 40.

²³⁸ Курская быль. 1915. 2 сентября. Это наблюдение Н. Е. Маркова косвенно подтверждает современный историк: «...Во всех европейских странах господствовала идея скоротечной войны и Генеральные штабы всех стран рассчитывали, что запасов вооружений, боеприпасов и различного военного снаряжения, накопленных в мирное время,

Считая притязания блока не имеющими никакого отношения к войне, правые отказывали им даже в рассмотрении до окончания военных действий, ссылаясь на принцип: «*inter arma silent leges*». ²³⁹ «Если вы хотите действительно добиться победы над Германией, — обращался к членам блока Н. Е. Марков, — то перестаньте говорить о посторонних вещах. После войны мы будем с вами спорить, будем добиваться того или другого государственного устройства, но в настоящую минуту, очевидно, к делу это не относится, ибо различные государственные устройства Франции, Англии, Бельгии и Турции ничему не помогли». ²⁴⁰ Для победы над врагом, неоднократно заявляли правые, нужны дружные усилия, множество снарядов и сильная государственная власть, а не политическая шумиха, расшатывающая авторитет правительства, и неуместные реформы.

Защищая существующую власть и преимущества самодержавия с его принципом единоначалия, особенно необходимого в военное время, лидер правых Марков просвещал членов блока, ссылаясь на пример древних римлян, которые были «не глупее представителей шести думских фракций» и упразднили на время войн свою республику, назначая диктаторов. ²⁴¹

Лишь сильная царская власть может привести Россию к победе, считали правые. Но проблема заключалась в том, что именно такой власти, способной обеспечить в России твердое руководство страной и армией, не было. И император, и правительство постоянно колебались между требованиями правых и оппозиции, что лишь способствовало недовольству обеих сторон и затрудняло преодоление углублявшегося политического кризиса.

Прогрессивный блок, опять же по выражению Маркова, получил в правых кругах название «желтого блока», так как ни «крово-красные» (левые), ни «черные» (правые) в блок не вошли, а вошли туда «все промежуточные цвета между черным и красным», от смешения которых получился

хватит на всю войну, а боевые потери надеялись восполнить путем текущего производства оружия на специализированных военных предприятиях. Вследствие этого ни в одном из государств, готовившихся к войне, не собирались переводить промышленность на военное производство, к мобилизации промышленности для нужд войны серьезно не готовились. Российский генеральный штаб также допустил указанный просчет» (Гуцин Ф. А. Военно-промышленные комитеты России в период Первой мировой войны (на материалах Нижнего и Среднего Поволжья): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003. С. 18). Другое дело, что промышленно развитые страны справились с возникшей проблемой быстрее, чем отстававшая от них в этом плане Россия.

²³⁹ «Во время войны безмолвствуют законы» (лат.).

²⁴⁰ Цит. по: Васюков В. С. Внешняя политика России... С. 40.

²⁴¹ См.: Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 1445–1446, 1448; Васюков В. С. Внешняя политика России... С. 42.

«желтый» блок.²⁴² Правые неоднократно повторяли, что Прогрессивный блок не объединил, а расколол Думу на три части (правые, левые и собственно блок) в момент государственной опасности.

Учитывая, что Прогрессивный блок был соединением искусственным, разнородным по составу его членов, имевших разные политические цели, что показали начавшиеся вскоре разногласия и противоречия, правые считали его непрочным и недолговечным, не имеющим поддержки в широких слоях общества. Об этом с думской трибуны заявил лидер правых Марков: «Вы говорите: общественное доверие, страна верит вам, вам, представителям шести объединившихся фракций. А я этого не вижу. <...> Верят вам представители шести еврейских газет».²⁴³

Подобного же мнения придерживался вначале и В. М. Пуришкевич, высмеявший рожденное Милюковым объединение в сатирическом стихотворении «Лесной царь XX в.»:

Кто в Думу во мраке спешит, одинок,
То лидер кадетов, в руках его — блок...
В испуге дитя к Милюкову приник,
Обняв его, держит и греет старик.
.....
Испуганный вождь по Шпалерной летит,
А блоку все хуже, он бредит, кричит,
Кадет погоняет, кадет доскакал...
В руках его мертвый младенец лежал.²⁴⁴

Осенью 1915 г. Пуришкевич в своих публичных выступлениях подчеркивал, что либеральное думское большинство совершило крупную ошибку, выдвинув в условиях войны политические требования к правительству. «Она (Дума. — *А. И.*) ищет власти, создала какой-то желтый блок, которому место на 11-ой версте,²⁴⁵ а не в Таврическом Дворце».²⁴⁶

²⁴² Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 1045. «Туда (в Прогрессивный блок. — *А. И.*), справа и слева вошли люди, сильно изменившие одни национальному, другие демократическому знамени, люди, переменявшие свои взгляды, одни сильно поправевшие, другие сильно полевевшие и создавшие вместо чистого цвета цвет промежуточный, желтый», — указывал Н. Е. Марков. (Вечернее время. 1915. 25 августа (7 сентября).

²⁴³ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 1453.

²⁴⁴ Цит. по: *Алексеева И. В.* Агония сердечного согласия. С. 106.

²⁴⁵ На 11-й версте Петергофской дороги (ныне пр. Стачек, 158) находилась психиатрическая лечебница.

²⁴⁶ Итоги первого боевого года в тылах и на фронте... С. 16.

Но вместе с тем Пуришкевич, в отличие от некоторых своих правых коллег, уже не отрицал самих принципов парламентаризма, лишь указывая Думе ее место: «Значение Государственной Думы теперь громадно, как никогда не было. Дума — это голос народа, она отзвук настроения страны, она бодрит, создает общественное мнение, она подкрепляет слабых духом и правительство. Она создает настроение, учитываемое нашим врагом, который с нами считается. Дума — рычаг борьбы с немецкой партией в России, ищущей мира в интересах Германии. Дума — контроль деятельности правительственной власти, не оказавшейся на высоте в деле снабжения армии. В Думе народ, давший все для войны, ищет поддержки и подмоги войскам и победе. <...> Такова должна быть Дума, такою она была в первую половину войны, единодушная, патриотическая, трудоспособная. Мы, представители различных партий, оставили все, забыли все свои счета, подали друг другу руки и работали вместе. <...> Тогда были победы, и Дума была единодушна. Теперь же у нас временные неудачи, затруднения — и Дума изменилась. Теперь Дума не на высоте и стала вырывать у власти себе прерогативы и права. Зачем? Почему? Неужели тогда, когда у нас были победы, Дума больше верила правительству и знала его? Да разве правительство было тогда другое и стояло на высоте? Нет, оно было и тогда таким же, как теперь! Почему же Дума молчала тогда, когда у нас были победы, а теперь, когда более чем когда-либо нужно сохранять спокойствие и работать рука об руку с правительством, Госуд. Дума предъявляет к нему счета и пытается, пользуясь его растерянностью, вырвать часть власти для себя?»²⁴⁷

Задачи Государственной думы в годы войны, указывал Пуришкевич, должны быть нацелены не на достижение политических целей той или иной партией, а исключительно на: 1. Снабжение армии всем необходимым. 2. Удешевление жизни простого народа. 3. Устройство беженцев. 4. Борьбу с внутренним «немецким засильем». 5. Бесперебойную работу заводов и рабочий вопрос. «Вот что должна делать Гос. Дума! А вместо того мы видим, как она и правительство бросаются друг на друга и сводят счета».²⁴⁸

Но в то же время, в отличие от других правых, бросивших все свои силы на борьбу с наступавшей либеральной оппозицией, В. М. Пуришкевич считал, что монархисты должны игнорировать деятельность Прогрессивного блока и идти своей дорогой, не обостряя своим вмешательством в партийную политику разгоревшихся страстей, а продолжать служить Отечеству на военном поприще. По его мнению, положить предел конституционным вожделениям буржуазии вполне было по силам царскому правительству,

²⁴⁷ Там же. С. 13–14.

²⁴⁸ Там же. С. 15.

пожелай оно того, а потому в партийных выступлениях правых особой нужды нет.²⁴⁹

Тем временем правые члены Государственной думы и Государственного совета всю сессию обрушивались на блок, проводя идею единения, невозможности существования каких-либо блоков, кроме «блока всего русского народа» (С. В. Левашев), призывая порой даже к диктатуре на время войны для успешного ее окончания (Н. Е. Марков). Однако столь желанное на словах единение было недопустимо для правых на каких-либо условиях, кроме их собственных. На этом же стояла и оппозиция. Таким образом, компромисс оказался в принципе невозможным.

Но если в вопросах внутренней политики между правыми и блоком лежала непреодолимая бездна вражды и непонимания, то несколько иначе ситуация выглядела, когда в Думе обсуждались вопросы внешнеполитического характера. При обсуждении последних правые практически ни в чем не расходились в своих требованиях с блоккистами. Поэтому во время прений по иностранной политике, как правило, имело место лишь корректное соревнование почти единомышленников. Обе стороны, по образному сравнению историка В. С. Васюкова, лишь «для развлечения» скрещивали свои шпаги, не опасаясь друг друга поранить, поскольку на острие шпаг заранее были надеты защитные наконечники.²⁵⁰

Вопросы внешней политики были, пожалуй, единственным пунктом, на котором в целом сходились и оппозиция, и правые, однако строить на нем какой-либо суррогат «священного единения» уже не представлялось возможным ни одной из сторон.

Правые так и не смогли найти общий язык с деятелями Прогрессивного блока. Делового диалога не получилось. Расходясь с либералами в понимании всех ключевых вопросов внутренней политики, правые постоянно полемизировали с ними, угрожая блоку решительной борьбой. Однако дальше угроз дело не пошло. На практике большинство из них исходило из поговорки: «Страшен сон, да милостив Бог», надеясь, скорее, на недолговечность блока и его естественную «гибель», чем на собственные силы в борьбе с ним.

§2. Правые и правительство: специфика взаимоотношений

В своем противостоянии Прогрессивному блоку правые отнюдь не занимались безудержной апологетикой правительства, оправдывая все его

²⁴⁹ Правые партии. Т. 2. 1911–1917 гг. С. 547–549.

²⁵⁰ См.: *Васюков В. С.* Внешняя политика России... С. 77–78.

действия и не замечая явных промахов и грубых ошибок. Напротив, время от времени они активно включались в развернутую блоком критическую кампанию, нанося удары по правительству, но с другого фланга — справа.

Впрочем, в этом не было ничего необычного для правых парламентариев, которые традиционно являлись консервативной оппозицией существующей с 1905 г. политической системе и практически всем назначаемым с того времени правительствам. Правые, замечал в своих воспоминаниях депутат IV Государственной думы Б. А. Энгельгардт, «по отношению к правительству занимали своеобразную позицию контролеров, блюдущих исполнение подлинной монаршей воли, каковая только им якобы известна. Взяв на себя роль охранителей прерогатив царской власти, они иногда поддерживали правительство, иногда резко нападали на него».²⁵¹

Уже в конце июля 1915 г. Н. Е. Марков заявил, что правые вместе с фракцией русских националистов ошибались, слепо поддерживая действия правительства. «Все, что оно (правительство. — *А. И.*) требовало, мы давали, но не говорили, что оно требует мало. Мы поддерживали слепо и неразумно. Надо поправляться <...> Почему, — вопрошал Марков, — после первых месяцев войны, когда обнаружили колоссальные средства Германии, правительство не приступило к мобилизации промышленности, начавшейся сейчас? Тут есть что-то, что подлежит вниманию суда, и я боюсь, что тут не только ошибка, но и преступление».²⁵²

А уже в октябре 1915 г. «кадетоед» Марков при обсуждении в бюджетной комиссии Государственной думы продовольственного вопроса практически поддержал выступавшего перед ним кадета А. И. Шингарева, подвергнув правительство резкой критике и придя к выводу, что все, что предпринимается властями в области снабжения армии и народа, приводит только к дальнейшему ухудшению положения дел.²⁵³

Доставалось от правых и губернской администрации, особенно в приграничных с линией фронта районах, за то, что она, по утверждениям Пуришкевича, работавшего на фронте, вместо того, чтобы заботиться о населении вверенных ей губерний, «исчезала с появлением первого неприятельского аэроплана», ввергая тем самым местных жителей в панику и хаос и усугубляя проблему беженства.²⁵⁴ Политик заявлял в интервью «Биржевым ведомостям», что три четверти из всех имеющихся губернаторов «нужно гнать

²⁵¹ ОР РГБ. Ф. 218. Картон 305. Ед. хр. 3. Л. 321.

²⁵² Новое время. 1915. 20 июля (2 августа).

²⁵³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 300. Л. 1; *Слонимский А. Г.* Катастрофа русского либерализма... С. 23.

²⁵⁴ Новое время. 1915. 23 июля (5 августа).

в шею», и разражался по их адресу «рядом сильнейших эпитетов».²⁵⁵ «В. М. Пуришкевич — правый. Нужно, однако, сказать, что в данном вопросе и правые и левые сходятся», — резюмировала газета.²⁵⁶

Объектами постоянной критики правых стали бывший военный министр генерал В. А. Сухомлинов и министр иностранных дел С. Д. Сазонов. Правые не без видимого удовольствия постоянно подчеркивали, что «первое слово» о необходимости суда над «изменником» Сухомлиновым было произнесено с думской кафедры не представителями оппозиции, а именно ими — фракцией правых.²⁵⁷ А между тем Сухомлинов должен был быть для лидеров фракции правых «своим» — опальный министр являлся первым председателем Киевского отдела Русского собрания и был членом правой группы Государственного совета. Но уже 24 июля 1915 г., как сообщил на заседании правительства А. В. Кривошеин, правая группа «признала допустимым сделать демонстрацию против Сухомлинова, отказавшись принять его в свои ряды».²⁵⁸

Министра иностранных дел России С. Д. Сазонова правые обвиняли в слишком мягкой, «примирительной» политике по отношению к германскому императору Вильгельму II, тем самым поощрявшего якобы последнего к развязыванию войны, и непонимании исторических задач России. Своей критикой правые во многом содействовали отставке министра. При чем основная причина недовольства действиями Сазонова лежала вне плоскости внешней политики, а как раз наоборот: Сазонов, по мнению правых, «не на те круги ориентировался», действуя в интересах профессора Милюкова и К^о (т. е. будущего Прогрессивного блока) «в ущерб интересам русского народа».²⁵⁹

Здесь следует заметить, что российский МИД времен последнего царствования всегда вызывал своей недостаточно патриотической (по мнению правых) позицией жесткую критику консервативного лагеря. «Нет спору,

²⁵⁵ Биржевые ведомости. 1915. 29 июля.

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ Падение царского режима... Т. 6. С. 204.

²⁵⁸ Цит. по: Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи... С. 130.

²⁵⁹ Как отмечал в своих воспоминаниях последний церемониймейстер Высочайшего двора Р. А. фон Штакельберг, предвоенную монархию отличало «непонятное противоречие»: если глава МВД Н. А. Маклаков видел в партии кадетов «смертельного врага государства и старался по возможности задавить ее», то руководитель МИДа С. Д. Сазонов «наоборот, послушно следовал указаниям ее лидера Милюкова» (*Штакельберг Р. А., фон*. Отречение Государя Императора Николая II / Перевод с нем. А. С. Гершельмана; публ. и коммент. С. Г. Зирина и А. А. Иванова // Михайлов день 2-й. Журнал исторической России. СПб., 2010. С. 381).

министерство иностранных дел есть то министерство в России, которое кроме отвращения к себе русского народа за последние годы ничего другого не заслужило; его бездеятельность, его космополитизм, его инертность там, где страдает честь русского имени, ниже всякого порицания», — писал лидер правых В. М. Пуришкевич еще в 1906 г.²⁶⁰ И надо заметить, в этом взгляде в правой среде он был не одинок.

Как уже отмечалось, допустимость критики правительства подчеркивалась правыми депутатами IV Думы еще в довоенный период. П. А. Барач, к примеру, писал в одной из статей, опубликованной на страницах правого журнала «Прямой путь» в 1913 г., следующее: «Националисты и монархисты <...> питают безграничную преданность только к своему Царю и считают себя верноподданными только Царя, но отнюдь не Его министров», подчеркивая существенную разницу «между Священной Особой Помазанника Божия и Его слугами, которых Он может одним мановением возвратить в „первобытное состояние“, если они не оправдают Его доверия».²⁶¹

Раздраженный либеральными взглядами большинства царских министров, член правой группы Государственного совета Н. А. Маклаков в частном письме сетовал: «...вижу и понимаю, что Помазанника Божьего взяли в плен. Ему не говорят правды, не то докладывают, затушевывают одно и раздувают другое. <...> Он все понимает и все чувствует, так как сердце у него чуткое, а ум тонкий и острый, но сделать он ничего не может, потому что его окружает железное кольцо людей, которые притворяются (конечно, не все, так как между ними есть люди порядочные) преданными Царю, и работают на пагубу его прав, а быть может, и трона».²⁶²

В годы войны правительство в целом не отвечало ожиданиям правых Думы и Совета,²⁶³ но в отличие от Прогрессивного блока, стремившегося при помощи массивной критической кампании убедить общество в негодности существовавшего правительства и тем самым «свалить» его, правые желали делового совещания с властью, чтобы помочь ей найти средства для выхода из сложившегося кризиса. Правые постоянно подчеркивали недостаточность одной критики, поскольку основная задача Государственной думы, отмечали они, указывать путь, по которому правительство

²⁶⁰ Пуришкевич В. М. Что посеешь — то пожнешь // «Русское знамя». 1906. 1 мая. Приложение.

²⁶¹ Барач П. А. Переоценка ценностей... С. 277.

²⁶² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 262. Д. 1026. Л. 500–500 об.

²⁶³ Об этом, в частности, говорилось во время секретных переговоров фракции правых Думы с правой группой Совета в феврале 1916 г. См.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 7. Л. 200.

должно идти. Но в понимании этого пути правые и либералы полностью расходились.

Еще за год до войны лидер фракции правых А. Н. Хвостов, характеризуя политику правительства, замечал, что в отличие от П. А. Столыпина, который «мог гордо и внушительно сказать „не запугаете“, не опасаясь покушения слева и клеветы кадетов», последующая власть стала придерживаться тактики маятника, качающегося слева направо.²⁶⁴ «Посмотрите, как власть презренно себя держит, — писал уже осенью 1915 г. в частном письме к Н. Ф. Бурдукову Н. А. Маклаков. — Ни туда, ни сюда. Разрабатывают законопроект о предварительной цензуре и отрекаются, когда поднимается шум; созывают Думу и распускают; берут на себя устройство судьбы беженцев, учреждая даже новую должность директора департамента, и передают вслед за сим все это дело земскому и городскому союзу; борются против программы „желтого блока“ и в то же время разрешают соединенный общеземский и общегородской съезд, который — что должно быть понятно всякому дураку — собирается только с политическими видами. <...> Страшно, что, по-видимому, одно правительство и по сей день стоит в испуге разиня рот перед скоморохами новой революции».²⁶⁵ При этом правый деятель (в недавнем прошлом — министр внутренних дел) был убежден: никакой революции не будет, «если власть сильно и убежденно поднимет свой голос». «Если бы второй Дурново²⁶⁶ нашелся, то все подчинились бы. <...> Нет, революция кровавая не клюет и не клюнет. Надо только сорвать эти бутафорские аксессуары, снять кое с кого придворное звание, посадить на место гг. министров, осмеливающихся коллективно заявлять о необходимости смены председателя министров Его Величеству, подтянуть городских голов, посмевших голосовать в Гор. Думах политические резолюции, и все будет быстро упорядочено. <...> Бедная Россия, у которой императорское правительство ведет себя, как школьники, не знающие букваря и боящиеся строгого учителя. И учитель их — улица... Что за стыд», — сетовал Маклаков.²⁶⁷

Тогда же Маклаков в письме К. Н. Пасхалову констатировал: «...Судьбами России заведует теперь не правительство, а г. Родзянко и К^о».²⁶⁸

²⁶⁴ Речь председателя фракции правых Гос. Думы А. Н. Хвостова, произнесенная в заседании 20 мая 1913 г., при обсуждении сметы Министерства внутренних дел. СПб., 1913. С. 4.

²⁶⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1482–1482 об.

²⁶⁶ До лидерства в правой группе Государственного совета П. Н. Дурново в 1905–1906 гг. занимал пост министра внутренних дел, немало поспособствовал своей энергичной политикой подавлению революции 1905–1907 гг.

²⁶⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1482–1482 об.

²⁶⁸ Там же. Оп. 262. Д. 1026. Л. 500 об.

В письме же к другому видному члену правой группы, И. Г. Щегловитову, Маклаков позволил себе отозваться о правительственной власти еще более резко, замечая, что правительство в России «просто презренно» и что «иначе как преступниками» большинство членов правительства он не именует. «Оттого и Дума у нас такая, — заключал Н. А. Маклаков, — что она не считается и имеет право не считаться и не уважать наше управление».²⁶⁹ В 1917 г. Н. А. Маклаков в качестве одной из причин краха самодержавия также указывал на вялость правительственной власти: «... Духа борьбы, ни одного атома боевого в среде правительства не было».²⁷⁰

«Я одержим очень пессимистическим настроением, совсем не соответствующим присущей мне привычке смотреть беде прямо в глаза, — вторил Маклакову другой член правой группы Совета Н. С. Крашенинников. — Потеряна последняя вера в наших главарей и на войне, и здесь внутри».²⁷¹

В 1917 г. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства (ЧСК ВП) пришла к выводу, который можно считать вполне справедливым: отношение правых к существующей в России власти и власти к правым имело двойственный характер и во многом зависело от изменения общественно-политического положения в стране. По оценке ЧСК ВП, в годы Первой мировой войны лучшими периодами взаимопонимания между правыми и властью были, когда во главе Совета министров стояли И. Л. Горемыкин и Б. В. Штюрмер, а министрами внутренних дел были Н. А. Маклаков, А. Н. Хвостов и А. Д. Протопопов.²⁷²

Правые, критикуя отдельных членов правительства и некоторые направления деятельности кабинета, преследовали и другую цель — путем дискредитации заставить уйти в отставку отдельных неугодных консервативному крылу министров и тем самым заставить правительство отказаться от лавирования между интересами либеральной буржуазии и правыми кругами в пользу последних. Участники состоявшихся в августе 1915 г. совещаний монархистов, на которых присутствовали как члены думской фракции правых, так и члены правой группы Государственного совета, единогласно признали, что правительство «в условиях надвигающейся революции» должно состоять исключительно из правых деятелей, обличенных диктаторскими полномочиями. Записка подобного содержания была также передана в правящие сферы.²⁷³

²⁶⁹ Из архива Щегловитова // Красный архив. 1926. Т. 2 (15). С. 113.

²⁷⁰ Падение царского режима... Т. 5. С. 292.

²⁷¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1491.

²⁷² Переписка правых... // Вопросы истории. 1996. № 10. С. 141.

²⁷³ *Кирьянов Ю. И.* Правые партии... С. 365.

В условиях войны вопрос о сильной власти обсуждался также и либералами, но при формальном сходстве подходы к решению этого вопроса были принципиально разными. Либеральные круги высказывались за сильную власть в руках «популярного» человека; правые — только за человека, исповедующего твердые консервативные взгляды.

Некоторые надежды вселило в правых последовательное увольнение императором Николаем II оппозиционно настроенных министров — А. В. Кривошеина, П. А. Харитоновой, С. Д. Сазонова, Н. Б. Щербатовой, А. Д. Самарина и П. Н. Игнатьева, позволивших себе в августе 1915 г. заявить царю о том, что они не поддерживают его намерения лично возглавить армию, не могут работать под руководством председателя Совета министров И. Л. Горемыкина и в сложившихся условиях теряют «веру в возможность с сознанием пользы служить Вам и Родине». «Перемены министров заставляют левый блок повесить носы. Вдохновитель левого блока — Кривошеин — ушел; пропала сильная поддержка — вот и уныние», — писал по этому поводу член правой фракции Государственной думы Н. В. Жилин своему софракционеру К. А. Тарасову.²⁷⁴ «Я нахожу отставку Кривошеина и заслуженной, и желательной, — писал Н. А. Зверев к С. Д. Шереметеву. — Правда, он был хорошим, способным и полезным работником, но его постоянное интриганство, доведенное до неприличной крайности в последнее время, перевешивало своими отрицательными результатами ту пользу, какую он приносил работой. Достаточно сказать, что ему в значительной степени мы обязаны теперешней смутой, как зараза, охватившей всю Россию».²⁷⁵

Но вместе с тем члены правых объединений законодательных палат не могли не обратить внимание, что среди министров, позволивших себе демарш в отношении самодержца, были не только представители либерального и умеренно консервативного лагеря, но и член правой группы Государственного совета А. Д. Самарин.²⁷⁶ Заметное полевание Самарина, занимавшего

²⁷⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1037. Л. 1918.

²⁷⁵ Там же. Д. 1036. Л. 1821. Резко негативно отзывался об А. В. Кривошеине и Н. А. Маклаков, считавший его «бесчестным проходимцем», стараниями которого царское самодержавие было «придавлено» и «обворовано» (см.: *Гайда Ф. А.* Министр внутренних дел Н. А. Маклаков... С. 203).

²⁷⁶ Помимо участия в составлении либеральной группой министров коллективного письма императору о невозможности для них работать под руководством И. Л. Горемыкина, А. Д. Самарин вызвал неудовольствие царя желанием сместить с кафедры епископа Тобольского Варнаву (Накропина), допустившего пение «величания» и молебны (до прославления в лике святых) на могиле митрополита Иоанна (Максимовича) в Тобольске. Император Николай II и митрополит Санкт-Петербургский Питирим (Оков)

пост обер-прокурора Святейшего Синода, не осталось без реакции правых. Член правой группы Госсовета Н. А. Зверев писал графу С. Д. Шереметеву, который, видимо, заступился за опального министра. «На этот раз я несколько расхожусь с вами в оценке событий. Поведение Самарина для меня необъяснимо <...> Своим образом действий, предшествующих его отставке, он вызвал в московском дворянском собрании не только демократические овации по своему адресу, но и лукавую телеграмму дворянства, пошедшего, увы, по следам земского и городского съездов. Еще большим соблазном его поведение отозвалось в Гор. Думе, которая редактировала и опубликовала уже совершенно революционное постановление, и это в трагическую годину, переживаемую Россией.²⁷⁷ Мне горько думать, что именно Самарина распоряжается теперь темная компания Челнокова и его единомышленников».²⁷⁸

Не лучше обстояло дело и с другим министром, вышедшим из правой группы Государственного совета — А. А. Поливановым. Несмотря на формальную принадлежность военного министра к самому консервативному крылу Госсовета, на деле он был весьма далек от крайне правых убеждений. Получив министерский пост, он довольно быстро солидаризировался с оппозицией (находясь в особенно близких отношениях с А. И. Гучковым), а в 1916 г. покинул группу правых, перейдя в кружок внепартийного объединения.

Но вместе с тем бывали и исключения из общего правила, когда министр, взятый не из правой среды, неожиданно становился приемлемой для консервативных объединений Думы и Совета кандидатурой. Так произошло с назначением в конце 1916 г. министром внутренних дел депутата Государственной думы, принадлежавшего к фракции левых октябристов и Прогрессивному блоку, А. Д. Протопоповым. Как показывал на допросе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства С. П. Белецкий,

стали на сторону епископа Варнавы, который не только сохранил кафедру, но и в следующем году был возведен в сан архиепископа.

²⁷⁷ Речь идет о приветствии дворянства Московской губернии А. Д. Самарину после его увольнения 26 сентября 1915 г. и постановлении Московской городской думы. В последнем, по сути, осуждалось решение царя и говорилось о том, что отставка Самарина свидетельствует о влиянии наверху «темных сил».

²⁷⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1034. Л. 1611. Примерно так же считал и Н. Д. Тальберг, писавший 29 сентября 1915 г.: «Уход Самарина оплакиваю, но нахожу, что он сам очень виноват. Бывают обстоятельства, когда соблюдая чистоту совести, правильнее для пользы же дела не идти напролом, а добиваться успеха постепенно. Некоторые интриганы знали, как обезвредить этого хорошего человека. Они завели его, он же с шумом начал кружиться» (Там же. Д. 1033. Л. 1576).

если вначале правые были смущены выбором императора, то после разъяснений, что ближайшим сотрудником Протопопова должен стать популярный в правых кругах генерал П. Г. Курлов, они несколько успокоились. «Впоследствии, когда Протопопов перешел к правым, — заверял Белецкий, — то Замысловский мне передавал о том, что в материальном отношении они особенно довольны Протопоповым».²⁷⁹ «Отношение Протопопова к правым организациям было несомненно благожелательным», — также свидетельствовал директор Департамента полиции А. Т. Васильев.²⁸⁰

Причем дело в данном случае было не столько в некотором поправении Протопопова (в этом отношении он все равно оставался для правых чужим, хотя резкое изменение отношения к нему со стороны либеральной общественности, наступившее после того, как Протопопов согласился стать министром внутренних дел, вынужденно толкало его искать опору на другом фланге²⁸¹), сколько в финансовой поддержке, которую Протопопов не перестал оказывать лидерам правых, несмотря на сохраняющуюся с ними разность во взглядах. Сам Протопопов, объясняя следствию, почему он не прекратил выдачи субсидий лидеру думских правых Н. Е. Маркову, заявлял: «Да, я ему давал и вот почему. <...> Во-первых, их, правых, постоянно кормили все (министры внутренних дел. — *А. И.*). Следовательно, если бы я не подкармливал эти учреждения монархические, то это составило бы исключение из правила, а в былое время, когда я видел, что монархический принцип падает ужасно, мне казалось, нельзя сделать иначе, как дать эти деньги...».²⁸² При этом, подчеркивал Протопопов, в необходимости выдач Маркову правительственных денег его убеждал такой видный член правой группы Государственного совета, как А. А. Римский-Корсаков.²⁸³ С одной стороны, Протопопов отмечал, что считал важным поддерживать «патриотические и монархические начала, которые разваливались», но с другой, оговаривался, что Римский-Корсаков и Марков были в его глазах

²⁷⁹ Переписка правых... // Вопросы истории. 1996. № 10. С. 125.

²⁸⁰ Падение царского режима... Т. 1. С. 423.

²⁸¹ «С общим поведением я сам правую», — признавался Протопопов. (Падение царского режима... Т. 2. С. 283). Но, как следовало из признания бывшего министра внутренних дел, личные его симпатии были не на стороне крайне правых, а на стороне группы П. Н. Балашева, среди членов которой он видел людей, «к которым привык» (Там же. С. 289). «П[ротопопова] я знаю хорошо и давно; вместе провели 5 лет в третьей Гос. Думе. Это очень ловкий, изворотливый и много-много про всех и при вся знающий человек...» — так характеризовал главу МВД в частном письме один из лидеров правой группы Гос. Совета граф А. А. Бобринский (РГИА. Ф. 899. Оп. 1. Д. 150. Л. 13).

²⁸² Падение царского режима... Т. 1. С. 123–124.

²⁸³ Там же. С. 125.

представителями «очень крайнего течения».²⁸⁴ «Правым нравилось, что я даю эти деньги. Если бы не давал, это правым не понравилось бы»,²⁸⁵ — признавался Протопопов, тем самым подтверждая то, что субсидии, в которых он старался правым не отказывать, были своего рода откупом за лояльность с их стороны. Министр указывал следствию, что, рассчитывая на то, что «правизна поддержит», он тем не менее свою финансовую поддержку правым сразу же оговорил важным для него условием: при первом же с их стороны желании «положить ему ноги на стол», он прекратит всякое субсидирование.²⁸⁶ «Они ко мне ходили, господа крайне правые. <...> В контакте были. Они приходили, говорили об опасности, о том, какие, по их мнению, требуется принять меры. Я очень часто говорил „да, да“, но это не значит, что я их в жизнь проводил», — заверял Протопопов.²⁸⁷ Впрочем, С. П. Белецкий утверждал, что Протопопов вошел в обсуждение с возглавляемым Н. Е. Марковым СРН вопроса об использовании монархических организаций и правой печати в борьбе с надвигавшимися революционными выступлениями, на что лидер думских правых требовал выделить 1 млн руб.²⁸⁸

Однако трудно согласиться с мнением В. И. Старцева, отмечавшего, что «протопоповская политика вызывала глубокое удовлетворение крайних правых».²⁸⁹ Несмотря на поддержку со стороны А. Д. Протопопова, правые ему, по словам Н. А. Маклакова, «не очень верили».²⁹⁰ Член правой фракции Государственной думы П. В. Новицкий так объяснял отношение фракции правых к министру: «Протопопов не наш, Протопопов — левый октябрист, Протопопов, входящий в [Прогрессивный] блок, и мы не защищали Протопопова, мы протестовали только против обращения [оппозиции] с министром Его Императорского Величества».²⁹¹

Полный же провал политики Протопопова, не сумевшего вывести страну из революционного кризиса, не оставил у правых теплых воспоминаний. Да и либерального прошлого ему не простили. «...Для российского масонства А. Д. Протопопов вовсе не был неприемлем, — рассуждал уже годы спустя Н. Е. Марков. — Это доказывается его десятилетней популярностью

²⁸⁴ Там же. Т. 2. С. 274, 282.

²⁸⁵ Там же. Т. 1. С. 125.

²⁸⁶ Там же. Т. 2. С. 291.

²⁸⁷ Там же. С. 282.

²⁸⁸ Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. С. 126.

²⁸⁹ Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. С. 227.

²⁹⁰ Падение царского режима... Т. 3. С. 98.

²⁹¹ Объединенное дворянство... Т. 3. С. 600.

в либеральных кругах, постоянным избранием его — голосами центра и левых — в товарищи председателя Государственной думы. До своего назначения в министры он входил в состав антиправительственного „прогрессивного блока“. <...> У меня нет данных, что А. Д. Протопопов был масоном, но, основываясь на многих, иначе почти необъяснимых, поступках этого человека, я считаю это весьма вероятным. <...> Протопопов ни с кем и ни с чем не боролся и все время распускал и сбивал с толку врученное ему ведомство государственной охраны. <...> Был ли Протопопов масоном или нет, но поведение его, этого члена „прогрессивного блока“, попавшего в министры внутренних дел, было поистине предательским».²⁹² В своих мемуарах Н. Е. Марков характеризовал Протопопова исключительно как врага самодержавной монархии, хотя в момент описываемых им задним числом событий отношения с последним главой МВД хоть и не были у правых доверительными, но определенно являлись деловыми. Ведь не случайно порвавший в конце ноября 1916 г. с фракцией правых В. М. Пуришкевич ставил своим недавним соратникам — С. В. Левашову, Н. Е. Маркову и Г. Г. Замысловскому — в вину то, что они, «лижущие сапоги Протопопова», превратились в «горячих поклонников» главы МВД «с момента, когда этот проходимец стал, на горе царя и России, министром внутренних дел и благосклонно улыбнулся их бездарному органу „Земщине“, неспособной подняться до критики власти и искательно смотрящей в руку министра внутренних дел, подкармливающего его из государственного сундука в размере, зависящем от степени преданности и низкопоклонства ее писак министру внутренних дел и его политики».²⁹³

Из тех же министров, которые принадлежали правой группе Государственного совета и старались проводить как строго консервативный, так и либерально-консервативный, но лояльный самодержцу курс, никто не оправдал доверия императора (за исключением разве что Н. А. Маклакова, который, по оценке В. И. Старцева, «был одиноким в правительстве»²⁹⁴) и не смог переломить ситуацию в стране в пользу правых. А между тем достаточно посмотреть на списки имен председателей Совета министров (И. Л. Горемыкин, Б. В. Штюрмер, А. Ф. Трепов, Н. Д. Голицын) и ключевого министерства внутренних дел (Н. А. Маклаков, Н. Б. Щербатов, А. Н. Хвостов, А. Д. Протопопов), чтобы убедиться в том, что на этих должностях в годы Первой мировой войны стояли люди, преимущественно принадлежавшие к правому лагерю (за исключением князя Н. Б. Щербатова и

²⁹² Марков Н. Е. Войны темных сил. Статьи. 1921–1937. М., 2002. С. 183–184.

²⁹³ Пуришкевич В. М. Дневник // Последние дни Распутина. М., 2005. С. 37–38.

²⁹⁴ Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. С. 135.

А. Д. Протопопова). Поэтому критика правыми власти носила несколько парадоксальный характер — ругая ее за безволие и неспособность твердо управлять страной, консервативные объединения нижней и верхней палаты критиковали, таким образом, своих сочленов, всякий раз не оправдывавших их надежд и доверия. Зачастую довольно верно замечая, почему тот или иной министр в сложившейся в стране чрезвычайной ситуации не способен выровнять ее, правые не могли ответить на вытекающий отсюда вопрос: а кто мог бы спасти положение? Император довольно часто шел навстречу правым, ставя на ключевые посты представителей правой группы Государственного совета, но каждый раз выходило, что ни один из них не оказывался способным ни поставить общественные процессы под жесткий контроль власти, ни войти с общественностью в конструктивно-сотруднические отношения. (Впрочем, провал политики компромиссов, проводимой графом А. А. Бобринским, показал, что вторая задача была в принципе невыполнима). Получался замкнутый круг, выхода из которого охранительными политическими силами так найдено и не было.

Не оправдались надежды правого лагеря, возлагаемые и на бывшего руководителя фракции правых IV Государственной думы А. Н. Хвостова, получившего из рук императора ключевой пост министра внутренних дел. Но поскольку назначение Хвостова, пользовавшегося репутацией истового черносотенца, было воспринято многими (как правыми, так и их противниками) как явный разворот внутренней политики в сторону консервативной реакции, а следовательно, вызвало большие надежды у членов правого крыла законодательных палат, остановимся на нем несколько подробнее.

А. Н. Хвостов чуть больше года был председателем фракции, по мнению правого националиста А. А. Ознобишина, весьма талантливым и наделенным чувством такта,²⁹⁵ но сложил свои полномочия якобы для того, чтобы не быть связанным фракционной дисциплиной. На самом деле, уход с председательского места «по собственному желанию» был вынужденным, так как противоречия между внутрифракционными группами Хвостова — Барача и Маркова — Замысловского к концу 1913 г. достигли своего апогея,²⁹⁶ и сторонники Маркова уже открыто говорили, что ввиду

²⁹⁵ *Ознобишин А. А.* Воспоминания... С. 212.

²⁹⁶ Вплоть до 1917 г., как сообщала правая газета «Волынь», между А. Н. Хвостовым и Г. Г. Замысловским существовали крайне натянутые отношения // *Волынь*. 1917. 2 марта. Не менее сложными были у Хвостова отношения и с Н. Е. Марковым, хотя обе стороны старались скрыть этот факт во имя интересов правого дела. «...Прежняя распря [во] фракции между Хвостовым и Н. Е. Марковым, конечно, осталась не забытой, хотя и маскируется с той и другой стороны», — свидетельствовал Н. П. Тихменев («Борьба наша проиграна»). *Документы правых 1914–1917 гг.* // Исторический архив. 1994. № 5. С. 51–52; *Кирьянов Ю. И.* Правые партии в России 1911–1917. М., 2001. С. 237).

«недостаточной преданности» правой идеологии действующего председателя «следовало бы подумать об избрании нового председателя фракции», которым в скором времени и стал одесский профессор С. В. Левашев.²⁹⁷ Как отмечало «Вечернее время», Хвостов, находясь на правых скамьях, проявлял осторожность — уклоняясь от выступлений по политическим вопросам, он предпочитал говорить о проблемах экономических и хозяйственных. «Он не высказывал реакционных взглядов, но и не присоединялся к доводам прогрессивного большинства».²⁹⁸ А кадетский публицист К. Арсеньев писал, что «бывший лидер крайних правых в четвертой Думе отделился от своей фракции в первые же дни войны».²⁹⁹ Причину этого Арсеньев видел в смене тактики правого политика, заявившего, что во время войны не время поднимать национальные вопросы, способные привести к розни, но при этом необходимо выстраивать конструктивные отношения с либеральной общественностью.

А. Н. Хвостов (1872–1918) происходил из старинного и состоятельного дворянского рода, известного со второй половины XIII века. Хвостовы были крупными землевладельцами, обладавшими поместьями в Вологодской, Воронежской, Орловской и Тульской губерниях. Отец Алексея Хвостова — Н. А. Хвостов (1844–1913) являлся членом Государственного совета, а дядя, А. А. Хвостов (1857–1922), также был членом Госсовета (правая группа) и министром юстиции и внутренних дел. В 1893 г. А. Н. Хвостов окончил с серебряной медалью элитарный Императорский Александровский лицей и был определен на службу в Министерство юстиции, где состоял чиновником различных департаментов Сената, последовательно занимая должности товарища прокурора Тверского (с 1898) и Московского (с 1900) окружных судов; минского (с 1904) и тульского (с 1906) вице-губернатора; вологодского (с 1906) и нижегородского (с 1910) губернатора.

На последних должностных постах А. Н. Хвостов зарекомендовал себя как человек правых взглядов, убежденный монархист, покровитель черносотенных партий и союзов. На этой стезе он выдвинулся во время революции 1905–1907 гг. Являясь весьма энергичным сановником, Хвостов на посту вологодского губернатора своей усмирительной политикой обратил на себя внимание П. А. Столыпина, рекомендовавшего его императору Николаю II.³⁰⁰

²⁹⁷ Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 25.

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 6. С. 336.

³⁰⁰ Как убедительно доказал в своем исследовании С. В. Куликов, «разделявшаяся современниками и исследователями версия о причастности к выдвигению кандидатуры А. Н. Хвостова царицы, князя М. М. Андроникова и Г. Е. Распутина лишена оснований» (Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи... С. 101).

Император последовал совету премьера и в августе 1911 г. послал в Нижний Новгород Г. Е. Распутина, чтобы тот присмотрелся к губернатору, которого царь наметил на министерскую должность. Но назначение тогда не состоялось: Хвостов не проявил «должного» почтения к «старцу», и тот, смущенный «крутым нравом» губернатора, дал о нем отрицательный отзыв.³⁰¹ Несмотря на отзыв Распутина, император Николай II склонялся к тому, чтобы после убийства Столыпина на должность главы МВД поставить именно Хвостова, но отказался от своего замысла по просьбе нового премьера В. Н. Коковцова, который определенно не симпатизировал черносотенным взглядам нижегородского губернатора.³⁰²

О Хвостове, впрочем, отзывались по-разному. С. Н. Булгаков, знавший Хвостова в ту пору, так писал о нем: «Это был отвратительно толстый и столь же развязный человек, — он внушал мне непримиримое отвращение».³⁰³ «Нужно сказать, что Хвостов — это один из самых больших безобразников <...> для него никаких законов не существует», — отмечал в свою очередь С. Ю. Витте.³⁰⁴ Правая рука П. А. Столыпина, С. Е. Крыжановский, считал Хвостова одним из «представителей личных устремлений в местной политике», прозванного в губернии «Соловьем-разбойником».³⁰⁵ Противник Хвостова, имевший с ним личные счеты, товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский полагал, что «это был тип совершенно отрицательный»: «Он очень плохо себя поставил в Нижнем и вел себя по отношению крайних правых партий не как губернатор, а как член их партии,

³⁰¹ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. Л., 1967. С. 128. Рассказ самого Хвостова, передает Н. В. Савич: «Распутин приехал якобы по поручению лиц, коих он не назвал, но дал понять, что они близки придворному кругу. „Приехал посмотреть, каков ты“, — сказал он Хвостову. Тот знал о влиянии Распутина, принял его наилучшим образом. Поговорив о том, о сем, Распутин вдруг спросил Хвостова, хочет ли тот быть министром внутренних дел. Хвостов боялся ловушки и ответил уклончиво <...> Хвостов сказал, что он за себя боится, очень уж он нравом крут, если кто с ним не поладит, если кто против него пойдет, то он того в куль, да в воду. Эти слова произвели, видимо, сильное впечатление, его собеседник долго и молча на него смотрел, искоса и подозрительно, и вдруг сказал: „Вот ты таков, этак ты, пожалуй, и меня когда-либо в куль, да в воду“. Потом прекратил серьезный разговор, скоро потребовал телеграфный бланк и написал телеграмму Вырубовой: „Видел, говорил, сердце хорошее, но молод, горяч, погодить надоть“. Тем это свидание и кончилось». (Савич Н. В. Воспоминания. С. 76–77). Показания самого А. Н. Хвостова по этому поводу см.: Падение царского режима... Т. 1. С. 3.

³⁰² Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи... С. 101.

³⁰³ Цит. по: Фомин С. В. Наказание правдой. М., 2007. С. 370.

³⁰⁴ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 567.

³⁰⁵ Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского... С. 132–133.

был бестактен и окружил себя самыми недостойными и сомнительными личностями». ³⁰⁶

Между тем одна из таких «сомнительных личностей», «крупная фигура хвостовской шайки», а впоследствии единомышленник А. Н. Хвостова по думской фракции правых П. А. Барач утверждал, что положение нижегородского губернатора было просто невозможным уже только потому, что тот был правым и ярым борцом с революцией и с «ожидовлением» Нижнего Новгорода, за что его усиленно травил либеральный лагерь. ³⁰⁷ По словам же октябриста Н. В. Савича, нижегородский губернатор был человеком, «принадлежащим к крайним правым» и «отличавшимся большою решительностью характера». ³⁰⁸ Как считал лидер октябристов А. И. Гучков, Хвостов «был человек, может быть, не брезгливый в своих приемах, но у него была Россия на первом плане и служение России». ³⁰⁹

Но, как можно заметить, свидетельства эти нисколько не противоречат друг другу, а лишь представляют один и тот же факт с разных сторон: Хвостов устраивал правых, но был неприемлем для их противников. Хотя причины сомневаться в порядочности А. Н. Хвостова, безусловно, есть. В 1912 г. он покинул нижегородское губернаторство, находясь под следствием (подозревался в «неправильном расходовании казенных сумм»). Тем не менее это обстоятельство не помешало ему быть избранным в IV Государственную думу. Однако едва ли в данном случае речь шла о грубых хищениях государственных средств. Скорее всего, имелось в виду широкое расходование Хвостовым губернских денег на проведение в IV Государственную думу правых депутатов. Если большинство губернаторов в связи с расколами и дразгами в правом движении пессимистически смотрели на возможность проведения в нижнюю палату российского парламента членов черносотенных союзов, то Хвостов этого взгляда определенно не разделял. В ходе выборной кампании 1912 г. нижегородский губернатор развивал теорию, согласно которой нужные правительству результаты выборов должны были обеспечивать губернаторы, в силах которых было проведение в Думу исключительно консервативно настроенных депутатов. Правда, добавлял Хвостов, губернаторам при этом придется проявить твердость характера, не колебаться в выборе средств и не обращать внимание на протесты

³⁰⁶ Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 634

³⁰⁷ Барач П. А. Политика самоубийства. СПб., 1913. С. 8–16.

³⁰⁸ Савич Н. В. Воспоминания. С. 76.

³⁰⁹ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 88.

либеральной печати и жалобы на неправильность выборов.³¹⁰ И надо признать, что воплощение этой «доктрины» Хвостовым принесло свои результаты: опираясь на черносотенные организации и используя «административный ресурс», нижегородский губернатор провел в Думу исключительно правых монархистов, что явилось для многих полной неожиданностью, поскольку черносотенцы никогда не были сильны в этом регионе (ни одного правого депутата в Госдуму I–III созывов Нижегородская губерния не делегировала). Таким образом, благодаря стараниям Хвостова Нижегородская губерния, по образному выражению исследователя А. А. Фоменкова, «поменяла свою политическую направленность на 180 градусов: с левокадетской на правоконсервативную, став оплотом самодержавия»: «Победа монархистов в Нижегородском регионе явилась демонстрацией возможностей „правильного“ вмешательства исполнительной власти в выборные процессы. Главным „героем“ нижегородской кампании стал не кто-либо из избранных депутатов, а губернатор Алексей Николаевич Хвостов, сумевший сделать, казалось бы, невозможное».³¹¹ И результат не замедлил сказаться: Хвостову удалось провести в IV Думу 6 крайне правых и 1-го националиста, да еще и самому пройти в парламент от Орловской губернии. Впоследствии кадетская фракция выступила с запросом по поводу действий

³¹⁰ См.: *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого... Кн. 2. С. 168–169; *Кирьянов И. К., Лукьянов М. Н.* Парламент самодержавной России. Государственная дума и ее депутаты. 1906–1917. Пермь, 1995. С. 71–72; *Иванов А. А.* Правые партии и выборы в IV Государственную думу. С. 41–45.

³¹¹ *Фоменков А. А.* Правомонархическое движение в Нижегородской губернии (1905–1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2002. С. 161. См. также: *Царевский С. Н.* Роль А. Н. Хвостова в победе нижегородских правых на выборах в Государственную думу IV созыва // 100 лет российского парламентаризма: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Н. Новгород, 2006. С. 159. На практике же это «невозможное» заключалось в следующих мерах: Хвостов провел мониторинговое исследование, в ходе которого все уездные исправники подали сведения о политической ориентации землевладельцев и городских голов в подотчетных им уездах; привлек к выборной агитации придерживавшегося монархических взглядов архиепископа Нижегородского и Арзамасского Иоакима (Левитского); популярные кандидаты-либералы, ранее успешно избираемые в Думу, были отданы под следствие в связи с подозрением в злоупотреблениях служебным положением по земской линии (что, естественно, сопровождалось громкой кампанией по дискредитации этих лиц); для сплочения всех монархических элементов губернии было сформировано Особое делопроизводство; губернская администрация спешно пересмотрела ценз проживающих в Нижнем Новгороде иудеев, существенно сократив число тех, кто имел избирательное право; чиновникам популярно «объясняли», за кого надо голосовать (*Фоменков А. А.* Правомонархическое движение в Нижегородской губернии... С. 152–156).

Хвостова в ходе избирательной кампании, предложив предать его суду Сената, однако инициатива либералов успеха не имела.

В 1915 г. о А. Н. Хвостове вспомнили в высших сферах. Бывшего губернатора, а теперь парламентария было решено привлечь к управлению Министерством внутренних дел. Роль в этом назначении сыграл ряд факторов: во-первых, была памятна рекомендация, данная Хвостову Столыпиным; во-вторых, назначение «народного избранника» министром (впервые в отечественной истории) должно было стать шагом навстречу парламентской оппозиции; в-третьих, Хвостов имел репутацию ярого германофоба, неоднократно выступавшего с думской кафедры с требованиями энергичной борьбы с «немецким засильем», а значит, полагал император, «уж его-то в шпионстве не заподозрят».³¹² И хотя говорили, что этого назначения добивался сам Хвостов через посредничество Распутина, которого якобы на образах клялся охранять всеми силами и одаривал различными подарками,³¹³ данные эти не подтверждаются — Распутин в это время находился у себя на родине, в Сибири.

Желание императора Николая II назначить Хвостова министром поддержала и царица Александра Федоровна. «Он удивительно умен, — писала она о Хвостове мужу, — не беда, что немного самоуверен <...> он энергичный, преданный человек, который желает помочь тебе и своему отечеству».³¹⁴ Против этого назначения выступили председатель Совета Министров И. Л. Горемыкин и член правой группы Государственного совета, министр юстиции А. А. Хвостов — родной дядя экс-губернатора и депутата.

В целом же назначение А. Н. Хвостова приветствовалось правыми как в высшей степени удачное и знаменательное. В нем заранее видели залог лучшего будущего для России. Правые газеты вспоминали его прежние заслуги в борьбе с революцией, писали о его организаторских и ораторских способностях, возлагали на него большие надежды.³¹⁵ Приветствовала это назначение и фракция правых в лице ее вождя Н. Е. Маркова, несмотря на его недавний внутрифракционный конфликт с Хвостовым. «Я считаю назначение А. Н. Хвостова на пост министра внутренних дел одним из лучших назначений за последнее пятилетие. Это будет, — иронически замечал

³¹² Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи... С. 101.

³¹³ См.: Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 76.

³¹⁴ Переписка Николая и Александры Романовых (1914–1915 гг.). М.; Пг., 1925. Т. 3. С. 363.

³¹⁵ См., к примеру: ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 858. Л. 48–50.

курский депутат, — та самая власть, к которой взывали общественные деятели. А. Н. Хвостов — первый депутат, назначенный министром; значит, в его лице мы имеем министра — общественного деятеля. Я могу лишь поздравить Прогрессивный блок с достижением успеха. Надеюсь и желаю, чтобы и остальные назначения шли навстречу стремлениям Прогрессивного блока».³¹⁶

Как отмечало «Вечернее время», назначение Хвостова «с чувством глубокого удовлетворения» приняла и правая группа Государственного совета. При этом, указывало издание, Хвостов импонирует в первую очередь сторонникам нового руководителя правой группы: так, «расходясь в оценке событий с покойным П. Н. Дурново», новый министр «вполне разделяет те веяния, которые появились в правой группе после выбора ее лидером графа А. А. Бобринского».³¹⁷ «В Гос. Думе он примыкал к фракции правых, — как бы подтверждал вывод газеты видный представитель консервативного крыла правой группы Государственного совета П. П. Кобылинский, — но справедливость требует указать, что по всем вопросам он подходит не только справа, но и слева».³¹⁸

Как справедливо указывало «Вечернее время», «если проследить пребывание А. Н. Хвостова в Гос. Думе, то можно заметить, что он уклонялся от выступлений по чисто политическим вопросам, предпочитая область экономическую и хозяйственную». Осторожный Хвостов, с одной стороны, «не высказывал реакционных взглядов, но и не присоединялся к доводам прогрессивного большинства».³¹⁹

В целом же правые силы ликовали. «Наконец-то назначили министра русского. Я тоже обрадовалась. Поздравляю Вас с его назначением. Теперь предсказываю Вам пост губернатора в будущем», — писала председательница Вологодского отдела Союза русского народа А. И. Караулова в письме к сподвижнику Хвостова П. А. Барачу.³²⁰ «Я радуюсь назначению Хвостова

³¹⁶ Утро России. 1915. 28 сентября. Другой член фракции правых — крестьянин К. А. Тарасов, одобряя назначение Хвостова главой МВД, выражал надежду, что первый министр сумеет освободить Россию от «гнусных внутренних врагов», «хищников, спекулирующих честью и добром русского народа». (РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1137. Л. 144–144 об.)

³¹⁷ Вечернее время. 1915. 27 сентября (10 октября).

³¹⁸ Утро России. 1915. 28 сентября.

³¹⁹ Вечернее время. 1915. 26 сентября (9 октября). Как заметил по этому поводу «один из видных членов бюро [группы] центра Государственного совета», Хвостов «не укладывался в рамки политических партий», однако назначение его — «это шаг в сторону реакции» (Там же. 27 сентября (8 октября)).

³²⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1033. Л. 1565.

писал(а) К. фон-дер Лауниц будущему известному историку церкви Н. Д. Тальбергу. — Если тут не произойдет метаморфозы, то все же это победа нашего лагеря...».³²¹ «Назначение А. Н. Хвостова меня чрезвычайно обрадовало: чувствуется и сдвиг вправо, и появление руки мощной и властной, и присутствие свежего ума и сильной воли, — расхваливал новоназначенного министра В. А. Симанский — корреспондент члена правой группы Государственного совета А. П. Роговича. — Слава Богу, он, несомненно, не пешка, и не игрушка в руках левых».³²² «Кажется, Господь услышал стоны настоящих русских людей, и у власти стал человек, у которого хватит силы повернуть руль, который заржавел от бездействия», — писал корреспондент другого члена правой группы Н. А. Зверева.³²³ Назначение Хвостова министром приветствовало даже ультраправое дубровинское «Русское знамя», не особо жалуящее парламентариев, пусть даже и причисляющих себя к правому лагерю.³²⁴

Впрочем, были и более осторожные оценки. Так, Н. Д. Тальберг в одном из частных писем, говоря о назначении правого депутата Хвостова министром, замечал: «Хвостова считаю правым, но во что он выльется потом, сказать трудно».³²⁵ Но и он считал выбор царя удачным: «Хвостов очень умный, деятельный, определенный. Он поведет твердую политику, которая нам так необходима».³²⁶ Зато бывший член правой группы Государственного совета, вскоре ставший министром земледелия и землеустройства, А. Н. Наумов свое впечатление от общения с Хвостовым выразил одним словом, но довольно емким — «пройдоха».³²⁷

В свою очередь, революционные и оппозиционные силы смотрели на назначение Хвостова однозначно отрицательно. Социал-демократ Л. Д. Троцкий в одной из своих публицистических статей высказывал мысль, что назначение министром внутренних дел «черного депутата и полураскаившегося погромщика» представляет собой откровенное издевательство над думским блоком и земской оппозицией.³²⁸ А один из основателей Прогрессивного блока П. Н. Милоков отмечал, что это назначение было крайне неудачным, поскольку Хвостов «был молодой и шустрый человек, энергичный и

³²¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1033. Л. 1599.

³²² Там же.

³²³ Там же. Д. 1034. Л. 1666.

³²⁴ *Стогов Д. И.* Русская правая периодическая печать в годы Первой мировой войны. С. 84.

³²⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1026. Л. 495.

³²⁶ Там же. Д. 1565. Л. 1576.

³²⁷ *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. С. 343.

³²⁸ *Троцкий Л. Д.* Политические силуэты. М., 1990. С. 136.

предприимчивый, — но только не на государственную деятельность».³²⁹ «[Хвостов] мне показался человеком не умным, скорее товаром, легковесным, но бойким, несмотря на свою физическую толщину. Он принципиальный немцененавистник», — писал в частном письме супруге член группы центра Государственного совета князь А. Д. Оболенский.³³⁰ «Новое назначение — вызов Прогрессивному блоку. А. Н. Хвостову следовало бы отречься от многого в его прошлом», — заявил в интервью «Утру России» кадет Ф. И. Родичев.³³¹ Прогрессист И. Н. Ефремов полагал, что это назначение — продолжение властью прежнего политического курса.³³² Октябрь И. И. Дмитриуков был в свою очередь уверен, что «назначение Хвостова является ответом на образование Прогрессивного блока и результатом домогательства правых».³³³ А сторонник прогрессивных националистов, редактор «Нового времени» М. А. Суворин, сдержанно воспринявший это назначение, тем не менее признавал, что Хвостов «человек незаурядный, хитрый и, по всем данным, властный <...> Во всяком случае, он крупнее и Щербатова, и Самарина...».³³⁴

Приступив к министерским обязанностям, Хвостов выдвинул программу, которая представляла собой попытку укрепления правительственной власти и ограничение деятельности общественных организаций при соблюдении видимости благожелательного отношения к обществу.³³⁵ В этих целях он попытался на правительственном уровне развить хорошие отношения с нижней палатой, что проявилось хотя бы в том, что, получив административное назначение, он не отказался от звания члена Государственной думы. Более того, Хвостов довольно часто посещал думские заседания, входя в здание не из министерского павильона, как полагалось министру, а из общего депутатского подъезда и для более тесного сближения с членами Думы передавал в кулуарах и за завтраком некоторые желательные ему в общих или личных целях сведения.³³⁶

³²⁹ Милкоков П. Н. Воспоминания государственного деятеля. С. 225.

³³⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1033. Л. 1538.

³³¹ Утро России. 1915. 28 сентября.

³³² Там же.

³³³ Там же.

³³⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1034. Л. 1675.

³³⁵ Как отмечал либеральный публицист К. К. Арсеньев, суть политики А. Н. Хвостова заключалась в ловкой игре словом «благожелательность» с желанием осуществлять твердую власть. При этом в постоянно употребляемом министром слове «благожелательность», произносимом в адрес общественности, Арсеньев усматривал снисходительно-покровительственное отношение высшего к низшим (Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 404–405).

³³⁶ Падение царского режима... Т. 4. С. 279.

В замыслы Хвостова входило установление контакта с правым крылом Государственной думы и Государственного совета, а также с монархическими организациями, чтобы хотя бы на время остановить или ослабить их непримиримую борьбу с Прогрессивным блоком и наладить меры к сближению с виднейшими думскими деятелями и председателем Думы, т. е. добиться примирения в обеих «палатах» путем взаимных уступок со стороны правых и оппозиции. Как утверждало «Утро России», «не отрицая необходимости создания твердой власти, А. Н. Хвостов принципиально не возражал против образования Прогрессивного блока и той пользы, которую он может принести».³³⁷ Более того, намекал правый политик, при определенных условиях он мог бы даже присоединиться к блоку... В одном из интервью, отвечая на вопрос журналиста, как он относится к главной цели Прогрессивного блока — министерству общественного доверия, Хвостов уклончиво ответил вопросом на вопрос. «Доверие необходимо каждому кабинету, из кого бы он не состоял, — начал министр. — Но позвольте вас спросить, каким путем вы можете определить, какие именно лица пользуются доверием в стране?»³³⁸ Поэтому, продолжил Хвостов, «работать нужно со всеми партиями Думы, и я убежден, что путем переговоров удастся достигнуть соглашения с блоком».³³⁹ Что же касается другого требования оппозиции — объявить политическую амнистию, Хвостов деликатно, но твердо указал на то, что сам он был бы не против такой амнистии в честь какой-нибудь крупной победы русской армии, но когда «амнистия, которая по самому существу своему является актом милости, превратилась в предмет требования, она потеряла уже свой природный характер, свою истинную ценность». «Амнистию можно даровать, но ее нельзя давать под давлением требований», — подчеркнул министр-депутат.³⁴⁰

А. Н. Хвостов не отличался столь непримиримым упорством и прямолинейностью в достижении своих целей, как другой его софракционер, Н. Е. Марков. Став министром, бывший лидер фракции правых сразу же несколько дистанцировался от своих вчерашних единомышленников. На вопрос прессы, как он может прокомментировать то обстоятельство, что правые афишируют свою близость с ним, глава МВД заметил: «Тем лучше; это показывает, что правительство действительно держит в своих руках твердую и сильную власть, ибо тяготение происходит в сторону сильного».³⁴¹

³³⁷ Утро России. 1915. 28 сентября.

³³⁸ Там же. 30 сентября.

³³⁹ Там же.

³⁴⁰ Там же.

³⁴¹ Цит. по: *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 408.

А на одном из заседаний думской бюджетной комиссии министр указал депутатам на то, что после назначения он сразу же вышел из фракции правых. В связи с этим заявлением Хвостова оппозиционный публицист замечал: «нужно полагать, что он не принадлежит и к партии крайне правых», хотя и признавал, что есть некоторые симптомы, указывающие, что близость главы МВД с черносотенцами сохраняется.³⁴²

Новый министр пытался лавировать между правыми и Прогрессивным блоком. Правда, до тех пор, пока это не перечило его консервативным принципам. Хвостов старался найти общий язык общения с «общественностью», стремился примирить различные слои русского общества, изо всех сил старался приостановить партийную борьбу, набиравшую все большую силу. Не случайно у некоторых современников сложилось мнение, что «якобы „правый“ господин Хвостов гораздо дальше от консерватизма, чем якобы „левый“ князь Щербатов (предшественник главы МВД. — А. И.)». «Никакого сдвига направо не совершилось», — свидетельствовал кадет П. Б. Струве.³⁴³ В этой связи следует признать ошибочным мнение, что программа А. Н. Хвостова «сводилась к подавлению общественных организаций, разжиганию национальной розни и, прежде всего, антисемитизма».³⁴⁴

От наблюдателей не укрылось и явное желание Хвостова нравиться обществу. Первым делом новый министр пригласил к себе редакторов крупнейших столичных газет, с которыми беседовал более двух часов.³⁴⁵ Отдав распоряжение не подвергать печать штрафам за сообщения и статьи, касающиеся его персоны, Хвостов тем самым заручился «доброй прессой». «В известной степени г. Хвостов достиг желанных результатов: слова нового министра были выслушаны с доброжелательным вниманием, — отмечало „Утро России“. — И красивый жест министра — решение совместить должность министра со званием (не с обязанностями, конечно) члена Государственной думы, еще более усилил благоприятное впечатление первой встречи русской общественности с первым у нас „министром-депутатом“».³⁴⁶

³⁴² Там же. С. 409.

³⁴³ Струве П. Б. Неотвратимое свершается // Биржевые ведомости. 1915. 11 октября.

³⁴⁴ Бибин М. А. Дворянство накануне падения царизма в России. С. 82.

³⁴⁵ Утро России. 1915. 30 сентября.

³⁴⁶ Там же. 9 октября. На первых порах орган прогрессистов «Утро России» был настолько очарован А. Н. Хвостовым, отмечая «недожиданный такт» политика и его «желание считаться со временем», что даже сокрушался, что «А. Н. Хвостов не „правительство“, он всего только министр внутренних дел». (Утро России. 1915. 16 октября).

«Интервью Хвостова делает впечатление, что он желает понравиться», — отмечал редактор «Нового времени» М. А. Суворин.³⁴⁷

Хвостов наложил «табу» на критику правыми общественных организаций под предлогом «охраны общественного спокойствия», угрожая даже Н. Е. Маркову запретить монархический съезд, намечавшийся на октябрь 1916 г., если в программе собрания останется пункт «Об отношении к общественным организациям», на что Марков был вынужден согласиться.³⁴⁸ А за свое стремление завоевать симпатии рабочих, которым в 1916 г. Хвостов разрешил устроить всероссийский съезд, глава МВД заслужил в кулуарах Думы шутовское прозвище «министр-меньшевик».³⁴⁹

Но это не значит, что Хвостов перешел на сторону оппозиции. Просто он решил бороться с ростом влияния «общественности» несколько иными методами. Так, например, добываясь расположения председателя Думы, он решил сразу убить двух зайцев: предложил императору Николаю II наградить председателя Думы М. В. Родзянко орденом Св. Анны I степени, поскольку «ему бы это польстило, а вместе с тем он упал бы в глазах левых тем, что принял... награду».³⁵⁰ Уже в октябре 1915 г. представители Прогрессивного блока жаловались на то, что «политика резвого министра» представляет собой новые приемы борьбы «с обществом», которые «производят свое действие». «Прием дискредитирования имеет успех. Гнев населения обрушивается на общественное управление», — отмечали в либеральном лагере.³⁵¹

Вместе с тем А. Н. Хвостов пытался несколько ослабить резкость выступлений некоторых своих софракционеров (Маркова, Замысловского), желая добиться объединения фракций правых и националистов, что привело бы к некоему подобию «Черного блока» и по крайней мере усилило бы правую часть Думы. Характерно, что руководителем этого объединения Хвостов хотел видеть не Левашева, Пуришкевича или Маркова (последнего Хвостов стремился вообще оттеснить на второй план), а более умеренного националиста П. Н. Балашева, который так же, как Хвостов, выступал за соглашение с крайне правыми.³⁵² Вел Хвостов переговоры с группой

³⁴⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1034. Л. 1675.

³⁴⁸ Давиденко А. В. Правомонархические интерпретации думской монархии (октябрь 1905 — февраль 1917 г.). Хабаровск, 2006. С. 105.

³⁴⁹ Наше слово (Париж). 1916. 23 марта.

³⁵⁰ Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. С. 129.

³⁵¹ Цит. по: Флоринский М. Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. С. 116–117.

³⁵² Речь. 1916. 25 февраля.

центра П. Н. Крупенского и правым крылом октябристов. Проводя эти маневры, министр заявлял журналистам: «В дальнейшей работе на правительственной скамье я не смогу опираться только на крайне правое крыло Государственной думы, как нельзя опереться и на другое крайнее крыло. Работать нужно со всеми партиями Думы, и я убежден, что путем переговоров удастся достигнуть соглашения с [Прогрессивным] Блоком».³⁵³

Показательно также, что бывший председатель думской фракции правых не сумел найти общий язык с будущим председателем правой группы Государственного совета — министром путей сообщения А. Ф. Треповым. Как справедливо отмечает М. Ф. Флоринский, между правыми членами кабинета не было единства — вместо того, чтобы делать общее дело, Хвостов и Трепов вступили в конфронтацию, что даже заставило императора вызвать министров к себе и попросить их ради пользы России не делать «этих контров».³⁵⁴

Вместе с тем Хвостовым было немало сделано для предотвращения междоусобиц и поднятия престижа правых (желая продемонстрировать обществу отсутствие трений и противоречий между главенствующими правыми организациями, он немало сделал для того, чтобы примирить Н. Е. Маркова и А. И. Дубровина).

Кроме укрепления положения думских фракций консервативного направления, Хвостов предпринимал меры к усилению правого крыла Государственного совета. Благодаря активной поддержке министра удалось провести в «высшую палату» четырех правых (Н. П. Гарина, Н. Д. Голицына, Н. С. Крашенинникова, Н. П. Муратова) и компенсировать потери

³⁵³ Цит. по: Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи... С. 106.

³⁵⁴ Флоринский М. Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. С. 52–53. Суть конфликта между А. Н. Хвостовым и А. Ф. Треповым заключалась в следующем. Управляющий МВД Хвостов выдвинул идею ревизии железных дорог, желая при ее помощи заменить министра путей сообщения С. В. Рухлова «своим» человеком. Однако вскоре назначенный императором на место Рухлова Трепов расценил эту ревизию в его ведомстве как проявление недоверия к нему лично и добился у царя ее отмены (см.: Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны (записи заседаний и переписка) / Публ. Р. Ш. Ганелина, С. В. Куликова, В. В. Лапина, М. Ф. Флоринского. СПб., 1999. С. 412). Как вспоминал А. Н. Наумов, Трепов, услышав на заседании Совета министров от Хвостова про намечавшуюся ревизию, «видимо, забыв, где и среди кого находится, красный как рак, с взъерошенной шевелюрой, стал отпускать такие эпитеты и слова по адресу громко сопевшего Хвостова, что я одно время не на шутку подумал — не лучше ли мне пока что подброду-подзорову убраться из этого „высокого“ учреждения...» (Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. С. 349–350).

консерваторов среди выборных членов.³⁵⁵ Рассуждал Хвостов так: решения различных правых организаций и съездов не обязательны для правительства, но если правые окажутся в Государственном совете работоспособными и составят большинство, то им удастся осуществить свои планы. «Но это будут уже результаты их деятельности не как правых, а как государственных деятелей».³⁵⁶

Оживляя деятельность правых, Хвостов содействовал организации монархических совещаний, которые не собирались с 1913 г. Однако сам министр по тактическим соображениям ни на одном из них не присутствовал. На съезды и другие нужды (поддержка правой печати, содержание лазаретов и т. д.) правые получали от Хвостова субсидии, исчислявшиеся сотнями тысяч рублей.³⁵⁷ Вместе с тем подыскивались замены наиболее одиозным лидерам правых союзов и партийных групп на менее скомпрометировавших себя в глазах «общественного мнения».

Кроме того, Хвостов пытался переиграть Прогрессивный блок при помощи двух главных своих постулатов — борьбой с дороговизной и «немецким засильем». «К Прогрессивному блоку А. Н. Хвостов относится весьма спокойно, т. к. считает, что блок этот почти не существует. Программа блока, по мнению министра, настолько безжизненна, что самый блок уже начал распадаться. Блок допустил большую недалковидность, не включив в программу два популярных вопроса: борьбу с дороговизной и борьбу с немецким засильем. В этом отношении съезд правых, как полагает А. Н. Хвостов, оказался более дальновидным и вынес по этому поводу определенные резолюции».³⁵⁸ Отшучиваясь от вопросов журналистов на предмет его принадлежности к правому лагерю или уводя разговоры от этой темы в сторону, Хвостов тем не менее открыто заявлял прессе, что он

³⁵⁵ *Бородин А. П.* Правая группа Государственного Совета в 1906–1917 годах. С. 61.

³⁵⁶ Утро России. 1915. 10 декабря.

³⁵⁷ Согласно показаниям С. П. Белецкого, правые в лице Маркова и Замысловского получали от него 15 тыс. руб. только на «Земщину» и лазарет для раненых воинов. ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 862. Л. 70–70 об., 76–81 об., 125–126; Правые партии... Т. 2. С. 721. Всего субсидии правым с 15 окт. 1915 г. по 12 февр. 1916 г. составили около 200 тыс. руб. (Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1006. Л. 4–4 об.; Союз русского народа. По материалам ЧСК ВП С. 138–139); Сверх того, на организацию продовольственных лавок Г. И. Кушнырь-Кушнареву было выдано 160 тыс. руб. (Падение царского режима... Т. 4. С. 438). На фоне выдач отпущенных с октября 1915 г. по март 1916 г. Советом министров Всероссийскому земскому союзу (более 76 млн руб.) и Всероссийскому союзу городов (почти 30 млн руб.), сумма эта выглядит более чем скромно. (См.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи... С. 447–455).

³⁵⁸ Утро России. 1915. 10 декабря.

намерен всецело поддерживать именно эти два постулата правых ввиду их жизненности.³⁵⁹

Исходя из этого, Хвостов старался усилить позицию правых в массах, организовывая под их руководством потребительские лавки, целью которых было противостоять растущей дороговизне, и другие общественные организации. Так, «Общество по борьбе с дороговизной» возглавлял Г. И. Кушнырь-Кушнарев, член РНСМА, «Общество попечения о беженцах православного вероисповедания» — Н. Е. Марков и Г. Г. Замысловский. Хвостовым было также утверждено «Общество русской государственной карты», созданное В. М. Пуришкевичем³⁶⁰ и имевшее целью «выработку основных положений, на которых Россия, после победоносной войны, может заключить мир, осуществляющий ее исторические, национальные, государственные и славянские задачи».³⁶¹

Поскольку в ноябре 1917 г. заканчивался срок полномочий IV Государственной думы, Хвостов с 1915 г. разрабатывал стратегию предстоящих выборов, имеющую целью получить в V Думу преимущественно правых октябристов и по возможности даже «более консервативные элементы». Для этого через Совет министров ему удалось провести предложение о введении правительственной линии в какую-либо крупную авторитетную газету, каковой стало суворинское «Новое время». Он же предложил императору в связи с подготовкой парламентских выборов выделить 5 млн руб. для подкупа прессы, однако предложение это развития не получило. Тем не менее Хвостов добился от императора Николая II согласия на отпуск 8 млн рублей. Из них Хвостовым в 1915–1916 гг. были получены приблизительно 1 млн 300 тыс. рублей, которые он, по показаниям А. Д. Протопопова, растратил отнюдь не по назначению, а по мнению советского историка В. П. Семенникова — просто присвоил себе.³⁶² Однако, по решению императора, расследование этой темной истории так и не было предпринято.

В целом, находясь в должности министра внутренних дел, Хвостов планировал реализовать основополагающие программные постулаты правых,

³⁵⁹ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 409.

³⁶⁰ Подробнее о нем см.: *Иванов А. А.* В. М. Пуришкевич и «Общество русской государственной карты» // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2010. № 1 (5). С. 158–163.

³⁶¹ Устав Общества русской государственной карты // ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 698. Л. 3.

³⁶² Падение царского режима... Т. 4. С. 68; *Монархия перед крушением 1914–1917. Из бумаг Николая II и другие документы.* Статьи В. П. Семенникова. М.; Л., 1927. С. 224–225.

такие как: борьба с «немецким засильем», дороговизной, крупными частными банками, но в более завуалированной форме, что сперва привлекло к нему некоторые либеральные круги средней буржуазии. Поначалу возникло даже подозрение, что Хвостов отделился от правых и чуть ли не перешел к кадетам. Однако сам Хвостов поспешил опровергнуть эти слухи, заявив, что своих убеждений он не менял и такими устоями, как «Православие, Самодержавие, Народность», он никогда не поступится.³⁶³ В том, что Хвостов был и остался истинным монархистом, несмотря на подозрительные «маневры» с либералами, не сомневались и сами правые. Показательно, что Хвостов, пребывая в должности министра внутренних дел, открыто продолжал носить на груди значок черносотенного Союза русского народа, нисколько им не стесняясь. При этом, по убеждению А. Н. Наумова, Хвостов в должности министра «по свойству своего бесцеремонного характера» действовал «самодержавно», «сплошь и рядом игнорируя существование Совета министров и злоупотребляя именем Его Величества».³⁶⁴

«А. Н. Хвостов работает хорошо», — отмечал в письме к своему софракционеру К. А. Тарасову депутат фракции правых Н. В. Жилин.³⁶⁵ «Он сразу понял, что народу нужны не фантастические реформы, а необходима дешевизна продуктов, цены на которые взвинчивают те самые промышленники, которые понадевали маску патриотизма, — писал в свою очередь Н. Д. Тальберг. — Конечно, Хвостову предстоит очень не легкая задача, враг слишком силен, в его руках деньги, но Господь милостив и поможет государственному деятелю, преданному Государю и Родине».³⁶⁶ Как выразился о Хвостове В. М. Пуришкевич: «этот, верно, не слукавит и государство не продаст».³⁶⁷

Но Хвостов «слукавил» и поэтому продержался на своем посту недолго. Желая добиться популярности в обществе, министр затеял кампанию против Г. Е. Распутина, обвиняя последнего в связях с немецкими шпионами и заявляя при этом в интервью и частных беседах, что, как «человек без задерживающих центров», готов избавиться от «старца», выслав его на родину или «с буфера под поезд сбросить».³⁶⁸ Этими высказываниями

³⁶³ Земщина. 1915. 14 мая.

³⁶⁴ *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. С. 358–359.

³⁶⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1037. Л. 1918.

³⁶⁶ Там же. Д. 1034. Л. 1643.

³⁶⁷ Цит. по: *Алексеева И. В.* Агония сердечного согласия. С. 151.

³⁶⁸ «Я не верил ни своим глазам, ни своим ушам. Казалось, что этот упитанный, розовый с задорными веселыми глазами толстяк был не министр, а какой-то бандит с большой дороги», — отмечал, вспоминая слова Хвостова, генерал А. И. Спиридович (*Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1962).

Хвостова не преминули воспользоваться противники министра, устроившие при содействии его подчиненного Б. М. Ржевского и расстриги С. М. Труфанова (бывшего иеромонаха Илиодора) инсценировку, целью которой было представить главу МВД в глазах царской семьи в качестве организатора якобы готовящегося физического устранения Распутина (т. н. «дело Ржевского»). Хотя убийства Распутина А. Н. Хвостов, судя по сведениям, приводимым историком С. В. Куликовым,³⁶⁹ не планировал, желая лишь выслать друга царской семьи из столицы, операция по дискредитации министра оказалась весьма успешной — умело сфабрикованному компромату поверили, и 3 марта 1916 г. глава МВД получил отставку. «Толстым Хвостовым», по мнению не так давно восхвалявшей его императрицы Александры Федоровны, «овладел сам дьявол».³⁷⁰ Оказавшись не у дел, бывший глава МВД, видимо, по совету свыше, на несколько месяцев уехал из Петрограда. Вернувшись, А. Н. Хвостов вновь приступил к своим депутатским обязанностям члена Государственной думы, однако, покинул фракцию правых, перейдя в беспартийную группу.³⁷¹

Период нахождения Хвостова во власти был, пожалуй, самым благоприятным для правых, после которого их несколько пробудившаяся активность (в том числе не без финансовых вливаний Хвостова) решительно пошла на спад.

Однако, по мнению консервативного крыла Государственной думы и Государственного совета, Хвостов не оправдал возлагавшихся на него надежд. От него ожидали «подавления нарастающего народного бунта» как от человека, во власти которого находились силовые структуры, а не обязательного обращения с общественностью и интриг против Распутина.

Т. 2. С. 50). Примерно те же слова Хвостов произнес и в беседе с И. В. Гессеном, состоявшейся в 1916 г.: «Я люблю эту игру, и для меня было бы все равно, что рюмку водки выпить, что арестовать Распутина и выслать его на Родину»; а государственный секретарь С. Е. Крыжановский охарактеризовал Хвостова следующим образом: «Это был человек очень не глупый, талантливый и ловкий, но какой-то неистовый, почти первобытный по инстинктам и вдобавок совершенно аморальный, способный ради личных выгод и целей на какие угодно поступки» (Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского... С. 132–133; *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. С. 109–110).

³⁶⁹ См.: *Куликов С. В.* Дело Б. М. Ржевского // Из глубины времен. СПб., 2011. Вып. 14. С. 4–40. Как не без оснований полагает С. В. Куликов, инспиратором интриги против А. Н. Хвостова вполне мог быть его «личный противник» А. И. Гучков, который незадолго до возникновения этого громкого скандала по инициативе министра внутренних дел оказался «на волосок от ареста» (там же. С. 33–34).

³⁷⁰ Переписка Николая и Александры Романовых... Т. 4. С. 108–109.

³⁷¹ Петроградские ведомости. 1916. 16 (29) ноября; Речь. 1916. 15 ноября.

В конце февраля 1915 г. появились слухи, о которых заведующий министерским павильоном Думы Л. К. Куманин сообщал Б. В. Штюрмеру, что правые обеих законодательных палат, недовольные результатом политики А. Н. Хвостова, намерены проводить на пост министра внутренних дел члена правой группы Государственного совета Н. П. Муратова.³⁷²

Близкий к правым националист А. А. Ознобишин позже искренне жалел, что на место Хвостова не был назначен Н. Е. Марков, при котором «правило „salus publica — suprema lex esto“ («общественное благо — высший закон». — *А. И.*), не осталось бы пустым звуком, и он сумел бы использовать, худо или хорошо, <...> всю полноту власти», и что «время пребывания его в деятельности министра внутренних дел, во всяком случае, составило бы крупную эпоху в истории Государства Российского».³⁷³

«Несмотря на свои чрезмерно объемистые телеса, уподоблявшие их носителя надутому баллону,³⁷⁴ Хвостов отличался необычайной подвижностью, хлопотливостью и своеобразной энергией, побуждавшей его всюду — даже туда, куда вовсе не следовало, совать свой остренький носик, еле видный на его, жирной, краснощекой физиономии. Хвостов от природы не был обижен умом, иначе не мог бы он в молодые годы выдвинуться, стать губернатором, затем попасть в состав депутатов Государственной думы и занять там видное положение лидера фракции правых. Но ум Хвостова не был творческим и способным руководителем мыслительных способностей, а проявлялся в изворотливости, неразборчиво направленной на удовлетворение честолюбивых его стремлений. Хвостов был самый бесцеремонный и беспокойный член Совета министров. <...> ...Ради достижения своих целей Хвостов ни перед чем не останавливался. Ему ничего не стоило наговаривать Государю своим вкрадчивым торопливым говорком кучу всяческих советов и собственных измышлений, и в то же время спускаться на дно столицы, шепотком интимно беседовать и стовариваться с темными проходимцами, способными на авантюры самого компрометирующего

³⁷² Куликов С. В. Дело Б. М. Ржевского. С. 22. Сам Б. В. Штюрмер в связи с отставкой А. Н. Хвостова предлагал императору назначить главой МВД своего близкого друга, председателя правой группы Государственного совета графа А. А. Бобринского. В официально поданном государю списке кандидатов помимо Бобринского также значились член правой группы Госсовета князь Н. Д. Голицын и варшавский губернатор П. П. Стремоухов, однако царь решил вернуться к практике столыпинского периода, назначив главу правительства Штюрмера руководителем МВД с совмещением обеих должностей (там же. С. 25, 27).

³⁷³ Ознобишин А. А. Воспоминания... Париж, 1927. С. 214.

³⁷⁴ По мнению С. Е. Крыжановского, А. Н. Хвостов имел карикатурный «облик гориллы или иного антропоида» (Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского... С. 133).

свойства. На этом пути Хвостов, несмотря на всю свою природную изворотливость, в конце концов насмерть расшибся», — подводил итог политической деятельности министра-депутата А. Н. Наумов.³⁷⁵

После отставки А. Н. Хвостова отношения правых с правительством стали более чем прохладными. Правительственные субсидии уже не достигали размеров безотчетных дотаций, выдаваемых им при Хвостове, проведение новых монархических съездов и совещаний оказалось под угрозой срыва. Благоприятное время было безвозвратно упущено.

§ 3. Внутриполитическая программа правых

Политическое credo фракции правых было сформулировано еще в начале 1913 г. ее председателем А. Н. Хвостовым. По сути, оно являлось парафразом на тему уваровской триады и полностью основывалось на таких трех незыблемых для всего правого лагеря основах, как «Православие, Самодержавие и Русская народность». На одном из думских заседаний Хвостов провозгласил его следующим образом: «Мы, правые, требуем:

1. Православия — как духа любви к ближнему, умиряющего всю остроту западноевропейской борьбы за существование;

2. Самодержавия — как нашей надежды, нашей защиты против засилья банковских консорциумов и промышленных синдикатов, протягивающих свои хищные руки даже к священным твердыням государственной оброны;

3. Русской народности, широкий размах коей создал великое государство...».³⁷⁶

Заявленная в начале 1913 г., программа оставалась незыблемой для правых вплоть до революционных событий 1917 г. Но начавшаяся мировая война внесла ряд технических корректив в ее воплощение. В период весны 1915 — начала 1916 г., во многом под воздействием деятельности Прогрессивного блока, внутриполитическая программа правого крыла Государственной думы окончательно сложилась и была декларирована по всем основным вопросам внутриполитической жизни на время продолжения войны с Германией.

Уместно также отметить, что правые всегда (и годы войны не являлись исключением) уделяли теоретическим вопросам гораздо меньшее внимание, нежели представители других политических партий, поскольку, принадлежа к крайнему крылу консервативного лагеря, они изначально ориентировались

³⁷⁵ *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. С. 364–365.

³⁷⁶ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Стб. 1850.

на сохранение уже существующих структур, допуская лишь их улучшение, а не на создание и воплощение какой-либо принципиально новой модели.

Отличительной чертой программы правых являлось положение, согласно которому все вопросы, не связанные с войной, не должны обсуждаться и рассматриваться законодательными палатами. Выступая в связи с началом очередной, XII сессии Государственного совета, председатель правой группы граф А. А. Бобринский в своей более чем краткой речи замечал: «Правая группа и не готовила особого ответа на правительственную декларацию. В самом деле, какие требуются отзывы от нас на заявления министров? В переживаемую нами тревожную годину России нужны не слова, а дело. „Все для войны, все для успеха“, — вот тот лозунг, который мы готовы неизменно повторять при каждом случае, доколе не закончится международная борьба. Поменьше слов и побольше дела. Самую громкую декларацию последних дней прозвучала та короткая весть, которой осчастливил нас телеграф с Кавказского фронта: Эрзерум взят! Побольше таких сообщений, — и все остальное уляжется само собою».³⁷⁷

Поэтому программа правых в исследуемый период практически не касалась вопросов социального устройства общества. Основными положениями, вокруг которых она выстраивалась, являлись: «борьба с немецким засильем», борьба с дороговизной, борьба с либеральной и левой печатью.

В рамках этой программы правые предлагали воплотить в жизнь серию мер, общий смысл которых состоял в том, чтобы «перекрыть» программу Прогрессивного блока, подорвать влияние либеральной буржуазии и левых партий, ослабить рост недовольства среди населения. Целью всей внутриполитической программы правых было сохранение «вековых устоев» русского общества, исторически сложившейся российской государственности с неограниченной самодержавной властью, и победоносное завершение войны, призванное укрепить существующей строй и содействовать разрешению накопившихся социально-экономических и политических противоречий. Остальным вопросам уделялось гораздо меньшее внимание.

Борьба с «немецким засильем» и аграрный вопрос

Приступая к подробному рассмотрению взглядов правых объединений Государственной думы и Государственного совета в отношении т. н. «немецкого засилья»³⁷⁸ и борьбы с ним, заметим, что эта проблема отдельными

³⁷⁷ Государственный совет. Стенографический отчет. 1916 г. Сессия XII. Стб. 51.

³⁷⁸ Подробнее о т. н. «немецком засилье» и отношении к нему власти и общества см.: *Соболев И. Г.* Борьба с «немецким засильем» в России в году Первой мировой войны. СПб., 2004; *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: кампания против

представителями правого фланга законодательных учреждений стала подниматься еще в предвоенное время. Так, один из старожиллов правой группы Государственного совета А. П. Струков, ставший весной 1916 г. товарищем ее председателя, по утверждению П. Ф. Булацеля, «первый из всех русских дворян возвысил свой голос против захвата юга России немецкими колонистами».³⁷⁹ В предвоенные годы Струков, выступая перед Екатеринославским губернским собранием, указывал на то, что русское дворянство должно поступиться своими интересами ради блага всего государства и ни за какие деньги не продавать своих земель немецким колонистам, даже если те будут предлагать вдвое и втрое больше русских мужиков. На правах председателя собрания он предложил ходатайствовать перед правительством о введении запрета для немецких колонистов покупать земли на юге России, «но это высокопатриотичное выступление Анания Петровича Струкова в то время не встретило сочувствия ни в среде либеральной части дворянства, ни в среде консервативной».³⁸⁰

Правда, в 1912 г. министр внутренних дел и член правой группы Государственного совета А. А. Макаров обратил внимание на широкое распространение немецкого землевладения в южных губерниях России и разработал проект закона «О мерах к ограждению русского землевладения в губерниях Юго-западного края и Бессарабской».³⁸¹ Но до войны закон этот так и не был принят.

Война же, как отмечалось выше, вызвала всплеск националистических настроений среди членов правых объединений Думы и Совета, в большинстве своем желавших видеть причины германской империалистической политики и милитаризма не столько в экономических и политических условиях развития Германии, сколько в национальных особенностях немцев и их культуре. Поэтому нет ничего удивительного, что с началом войны правый лагерь дружно обратил свое внимание на борьбу с «немецким засильем».³⁸²

«вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012; *Шубина А. Н.* Отношение власти и общества к проблеме так называемого немецкого засилья в России в годы Первой мировой войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

³⁷⁹ Булацель П. Ф. Дневник // Российский гражданин. 1915. № 1. С. 12.

³⁸⁰ Там же.

³⁸¹ *Соболев И. Г.* Борьба с «немецким засильем» в России... С. 23–25.

³⁸² См., к примеру: *Иванов А. А.* 1) Правые и вопрос о немецком землевладении в годы I мировой войны // Герценовские чтения. Актуальные проблемы социальных наук. 2001. С. 67–69; 2) Русские правые и вопрос немецкого землевладения в России в годы Первой мировой войны // Региональные особенности аграрных отношений в России: история и современность. Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная Году земледельца в Чувашской Республике. Ч. 1. Чебоксары, 2010. С. 343–349.

Однако Первая мировая война, как справедливо отмечал в своей диссертации О. А. Тарасов, нанесла тяжелый удар по таким идеологическим постулатам крайне правых, как монархизм и национализм.³⁸³ Военное противоборство последних в Европе неограниченных монархий столкнуло эти два принципа между собой, и правым не без труда приходилось маневрировать и преодолевать это противоречие. С одной стороны, будучи монархистами, русские правые не могли не переживать того, что воевать приходится вместе с республиканской Францией и конституционной Англией против монархической Германии, на которую они традиционно ориентировались. Такая война, по мнению многих из них, неизбежно вела к ослаблению монархических принципов. С другой стороны, являясь истовыми патриотами-националистами, правые никак не могли желать России поражения или позорного сепаратного мира. Поэтому сложившееся положение дел требовало от лидеров правого движения в целом и его представительств в законодательных учреждениях в частности, изменения своих доверенных взглядов на Германию и немцев, объявивших войну России.

Правые часто подчеркивали, что разразившаяся война является войной освободительной. «Возрадуемся же и возвеселимся, дорогие воины, — писал в своем пасхальном приветствии правый депутат священник К. М. Околович, — что настал наконец час, наступило время освобождения нашей Родины от немецкого железного ярма, насилия, от порабощения чудовищными зверьми-немцами...».³⁸⁴ Продолжая свою проповедь, священник клеймил «немецкое засилье», положившее «свою тяжелую разрушающую руку» на русскую душу, посеявшее «антихристово семя» в виде всевозможных сект, и призывал русский народ «извести зловредную ржавчину» германского «мирового засилья».

«Немецкое засилье» отмечалось правыми главным образом в трех областях русской жизни: в области землевладения, торгово-промышленной и банковской. Исходя из этого, правые настаивали на создании в думской комиссии по борьбе с немецким засильем трех соответствующих подкомиссий, в задачу которых входила бы борьба с «засильем» путем изменения существующего законодательства. Однако главной задачей комиссии большинство правых депутатов, включая представителей духовенства и крестьянства, считало решение вопроса о ликвидации немецкого землевладения как затрагивающего «крестьянские многомиллионные интересы».³⁸⁵

³⁸³ Тарасов О. А. Политическая деятельность национал-монархических партий и организаций России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 11.

³⁸⁴ Околович К. Пасхальный привет христоролюбивому воину. Пг., 1915. С. 4.

³⁸⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 455. Л. 3.

В целом же, как справедливо отмечает И. Г. Соболев, объявив войну немецкому землевладению в России, правые преследовали три цели: решить, хотя бы временно, аграрный вопрос (избавить русских помещиков «на сто лет» от аграрных беспорядков); поддержать отечественных промышленников и предпринимателей путем административного удаления их конкурентов-немцев; поднять патриотические чувства в русском народе.³⁸⁶ Но Соболев упускает еще один очень важный аспект: активная борьба с «немецким засильем» давала правому крылу шанс отбиться от многочисленных обвинений в «скрытом германофильстве» и доказать обществу свой патриотизм.

Осенью 1914 г. министр внутренних дел (а в скором времени один из видных членов правой группы Государственного совета) Н. А. Маклаков przeprowadил в Совет министров докладную записку «О мерах к сокращению немецкого землевладения и землепользования», в которой предлагалось ввести ограничительные меры в отношении немцев на все западные (т. е. наиболее уязвимые для врага) губернии и впервые в российской практике провести отчуждение земель (правда, не безвозмездно) по национальному признаку.³⁸⁷

Эта инициатива Н. А. Маклакова была всецело поддержана правыми лозунгом «Земля России — для русских!» и предложением не ограничиваться 25 западными губерниями, а провести отчуждение немецких земель на всей территории Российской империи.³⁸⁸

Но проект Маклакова увяз в Совете министров, так как, по мнению многих сановников, оказался «несерьезным» и не предлагал четко проработанного механизма цивилизованного изъятия земельной собственности у немцев — подданных Российской империи. В скором времени, в феврале 1915 г., Совет министров выработал свой вариант законопроекта, но он, по мнению правых, оказался «юридически безграмотным». «Это просто лисьи норы, в которые должно спрятаться на время войны немецкое землевладение», — утверждал член правой фракции А. Н. Хвостов.³⁸⁹

Здесь необходимо отметить, что аграрная программа правых до войны никогда не отличалась радикализмом. С одной стороны, лидеры правых

³⁸⁶ Соболев И. Г. Борьба с «немецким засильем»... С. 7–8.

³⁸⁷ Там же. С. 26.

³⁸⁸ Земщина. 1914. 30 ноября. Согласно данным МВД, германским и австрийским подданным в России принадлежало свыше 2,5 млн дес. земли (*Шубина А. Н.* Отношение власти и общества к проблеме так называемого немецкого засилья в России в годы Первой мировой войны. С. 19).

³⁸⁹ Борьба с немецким засильем. Речь члена Государственной думы А. Н. Хвостова в заседании 3 августа 1915 г. Пг., 1915. С. 12.

прекрасно понимали необходимость наделения крестьян землей, с другой, — не могли поступиться собственными интересами, являясь в своем большинстве землевладельцами. Кроме того, правые выступали против передачи помещичьих земель крестьянам исходя и из вполне объективных экономических соображений. Во-первых, они указывали на неизбежность снижения общей урожайности, в случае «растаскивания» крупных хозяйств крестьянами в силу более низкой продуктивности крестьянского хозяйства относительно помещичьего. Во-вторых, правыми также справедливо отмечалось, что прибавка земли крестьянам, достигнутая за счет ликвидации помещичьего землевладения, уже через двадцать лет будет «съедена» естественным приростом населения и решать вопрос малоземелья придется вновь. Поэтому, твердо отстаивая принцип неприкосновенности частной собственности (т. е. собственных поместий), руководство фракции ограничивалось проведением таких мер, как: уничтожение чересполосицы; переход к более культурным формам хозяйствования (хуторскому и отрубному); упорядочивание переселенческого дела; организация ипотечного и мелкого кредитов, избегая более масштабных шагов на пути разрешения земельного вопроса. Такая политика делала пропаганду правых в аграрном вопросе крайне слабой по сравнению с радикальными взглядами революционной демократии, щедро обещавшей крестьянству «всю землю», и регулярно приводила к непониманию и взаимным претензиям между дворянской и крестьянской составляющей фракции.³⁹⁰ Еще в самом начале легислатуры IV Думы волынский губернатор в своем донесении министру внутренних дел предупреждал последнего, что, несмотря на крайне правые взгляды и искренний монархизм избранных в Думу крестьян-волынцев, они представляют собой «несколько неустойчивый элемент» при решении вопросов, связанных с крестьянским землевладением, и вполне могут примкнуть в этом вопросе к оппозиции.³⁹¹

Земельная проблема была одним из самых «больных» вопросов для правой фракции, и поэтому не удивительно, что когда ее член, епископ Никон (Бессонов), не стесняясь, принялся критиковать деятельность правительства по аграрному вопросу,³⁹² считая, что его политика ведет лишь

³⁹⁰ См., к примеру: *Степанов С. А.* Банкротство аграрной программы черносотенных союзов. Якутск, 1981.

³⁹¹ РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 195. Л. 65.

³⁹² С первых же дней работы IV Государственной думы епископ Никон стал подготавливать радикальные проекты земельной реформы (устанавливавшей предельный максимум землевладения в 500 дес., высокий прогрессивный налог на землю, вынуждающий помещиков ее продавать, и широкий государственный кредит крестьянам), введение в стране монополии внешней и внутренней хлебной торговли и др. (*Дякин В. С.*

к крестьянским бунтам, за которыми последуют расстрелы «недоедающих, голодных, несчастных крестьян», а также призвал дворянство отказаться от землевладения в пользу крестьян, не ограничиваясь в этом остром вопросе мелочами, «хотя бы и добрыми», руководство фракции не на шутку испугалось «радикализма, народничества и уклона в сторону социалистических воззрений еп. Никона», предприняв все возможное, чтобы последний покинул фракцию правых и был лишен депутатского звания под каким-нибудь благовидным предлогом.³⁹³

Первая мировая война открыла перед правыми, как им казалось, новые действенные пути для разрешения аграрного вопроса, на этот раз за счет немецкого землевладения. Так, бывший председатель фракции правых в III Государственной думе, профессор А. С. Вязигин, инструктировал лидера правых в IV Думе Н. Е. Маркова: «Народ тяготеет к земле, а не к ограничению власти Государя. Удовлетворение этой тяги Царем должно быть первым и очередным делом, ибо искалеченные, потерявшие трудоспособность люди должны быть обеспечены не 2 руб. 50 коп. годовой пенсии, а по старинке — раздачей неотчужденной земли, отобранной у немецких колонистов, вознаграждение коих по мирному договору должно быть возложено

Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. С. 166). «Земельный и хлебный вопросы нашей русской действительности как-то не доходят до рук и сердец ни начальства, ни Думы, — писал епископ Никон. — У нас боятся больших дел и реформ. Бедная Россия! Думы-то у твоих орлов-министров... часто бывают не орлиные, а кротиные. Не по плечу им размах богатырский... Говорю я не „революцию“ (ныне скоро в нее попадешь — запишут тебя туда кроты и лакеи!), а правду, исходящую от любящего Царя и Народ сердца» (Цит. по: *Розозный П. Г.* «Вотчина» епископа Никона. (Енисейская епархия в 1913–1917 годах) // *История повседневности: Источник. Историк. История.* СПб., 2003. Вып. 3. С. 108). Отличился епископ Никон и нетрадиционным для русских правых взглядом на «украинский вопрос». В частности, он заявлял о том, что русские школы «изуродовали» украинца, и выражал опасение, как бы после присоединения к империи Галичины, туда бы не хлынуло русификаторское «воронье» (*Никон (Бессонов), епископ.* Орлы и вороны (Мысли по поводу статьи М. Меньшикова). Б. м., 1915. С. 4–6).

³⁹³ Енисейская мысль. 1913. 6, 9 февраля. Результатом непредсказуемого поведения депутата-епископа стало нескрываемое недовольство Никоном как в правой фракции, так и в Синоде. Ситуация обострилась до предела, когда до священноначалия дошли слухи о скандальной истории в женском духовном училище, в которой самым непосредственным образом фигурировал еп. Никон. Обер-прокурор Св. Синода В. К. Саблер предпринял попытку низведения еп. Никона из депутатского звания. Никон был спешно переведен с Кременецкой на Енисейскую кафедру (согласно синодскому постановлению, архиерей, управляющий епархией, не мог одновременно являться членом Гос. Думы). Однако еп. Никону удалось добиться сохранения за собой депутатского звания, но из-за невозможности более состоять во фракции правых он перешел в беспартийную группу (не позже 1915 г.).

на немцев. Иначе вся ненависть будет направлена на помещиков».³⁹⁴ Итогом разработки вопроса «о немецком засилье» в правой фракции Государственной думы стали требования (своего рода программа), предлагавшие следующее решение этой проблемы:

Совершенное упразднение немецких колоний на всей территории России. Под этой формулировкой правые подразумевали отчуждение земель от подданных враждебных России стран, перешедших в подданство нейтральных государств с целью сохранения собственности; лиц, имеющих двойное подданство (русское и одного из враждебных государств), т. е. лиц, принявших русское подданство после 1 июня 1870 г. (издание германского закона о двойном подданстве);³⁹⁵ всех немцев-колонистов с русским подданством, уклоняющихся от выполнения воинского долга.³⁹⁶ Исключение допускалось лишь по отношению к немцам, наделенным землей русским правительством и получившим земли до германского закона о двойном подданстве, а также для выходцев из Германии и Австро-Венгрии, удостоверивших свою принадлежность к славянской народности и принявших русское подданство. Под исключение попадали и балтийские бароны (в отличие от колонистов, переселившихся в Прибалтику из внутренних губерний России),³⁹⁷ что дало оппозиции повод обвинить лидеров правых в том, что сословное чувство для них значит гораздо больше, чем национальное.³⁹⁸ Но в отношении балтийских баронов единства во мнении не было. Если Н. Е. Марков считал, что нельзя относиться к балтийским баронам как к колонистам, «ибо между ними есть огромная разница»,³⁹⁹ то Г. Г. Замысловский выступал против каких-либо привилегий для прибалтийского дворянства.⁴⁰⁰ Кроме того, часть правых депутатов (В. М. Пуришкевич,

³⁹⁴ Кирьянов Ю. И. Русское собрание 1900–1917. М., 2003. С. 126; Степанов А. [Д]. Патриотическое движение в н. XX в. / История патриотического движения // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм. М., 2003. С. 313.

³⁹⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 455. Л. 11–12.

³⁹⁶ Земщина. 1914. 30 ноября.

³⁹⁷ Дякин В. С. Об одной неудавшейся попытке царизма «решить» земельный вопрос в годы Первой мировой войны (цели и характер так называемой ликвидации немецкого землевладения в России) // Вестник молодых ученых. Исторические науки. 1999. № 1 (5). С. 6.

³⁹⁸ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 3. С. 327.

³⁹⁹ Курская бль. 1914. 18 декабря. По мнению лидера фракции правых, было бы недопустимо уравнивать «почтенных прибалтийских баронов» с немецкими колонистами и «жидами», которых выселяет военная власть. Суть этого пассажа Маркова сводилась к следующему: помещичья земля является неприкосновенной, и изъятие ее из рук помещиков (хотя бы и немцев) создаст весьма опасный и соблазнительный прецедент.

⁴⁰⁰ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 5469.

Г. Г. Замысловский, Г. А. Шечков, А. Н. Хвостов, С. В. Левашев, К. А. Тарасов, В. Н. Снежков, К. М. Струков и П. А. Ярмолович) подписались под законодательным предложением лишить немецкое дворянство Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний особых прав (таких, как исключительное право рыбной ловли и охоты на землях и в лесах, право винокурения и т. д.) без каких-либо вознаграждений от казны, поскольку прибалтийское немецкое дворянство не оправдало своих привилегий какими-либо заслугами.⁴⁰¹ Правда, и во всех исключительных случаях дальнейшее приобретение немцами русских земель, считали правые, должно было быть прекращено.

Установление строгого контроля над деятельностью местной администрации по ликвидации немецкого землевладения и усиление наказаний за сокрытие недвижимого имущества, подлежащего конфискации, вплоть до военно-полевых судов.

Запрещение покупки земли акционерными обществами, часть акций которых принадлежит подданным воюющих с Россией государств.

Создание из отчужденного имущества земельного фонда для наделения на льготных условиях отличившихся на войне солдат и офицеров. Правда, крестьянская часть фракции в лице К. А. Тарасова внесла поправку, согласно которой наделение немецкой землей должно производиться лишь по отношению к безземельным и малоземельным крестьянам-фронтовикам, и только для земледельцев.⁴⁰²

Если данная программа устраивала большинство правых депутатов, то полного единства во мнениях по поводу воплощения в жизнь мер по ликвидации немецкого землевладения и о дальнейшей судьбе немецких колонистов не было. Весь правый лагерь соглашался с тем, что конец немецкому землевладению может быть положен только законным путем. Путь этот понимался в думской фракции иначе, чем дубровинцами и их сторонниками, не вошедшими в Думу. Если последние настаивали на конфискации земель без всякого вознаграждения, то правые думцы выступали за справедливый выкуп, за отчуждение земель по добросовестной оценке, чтобы не «обидеть» отдельных невиновных лиц. Впрочем, следует отметить, что возможность ликвидации немецкого землевладения на добровольной основе категорически отрицалась правыми депутатами, поскольку это могло привести к переходу прав на владение землей к подставным лицам.

⁴⁰¹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Комиссия по борьбе с немецким засильем. Представления министров и доклады по ним. С. 3–5.

⁴⁰² Там же. Стб. 396.

Что же касается дальнейшей судьбы немецких колонистов, то они должны были быть высланы на историческую родину. Ряд правых депутатов (С. А. Попов, К. А. Тарасов и др.) высказывали возражения против гипотетической возможности расселения немецких колонистов в азиатской России, считая, что возникновение немецких колоний вдали от центра и наблюдения властей, где «наиболее возможно развитие пропаганды пан-германских идей», будет для империи куда опаснее, нежели проживание немцев на хорошо контролируемых властью территориях.⁴⁰³

Впрочем, лидеры правых считали, что если выселять всех немцев по происхождению, то придется подвергнуть этой суровой мере слишком многих, ибо у редкого из дворян не было в роду немецкой крови. «Я скажу про себя, — говорил Н. Е. Марков на одном из губернских земских собраний, — что у меня дед и бабка были немцы, но я сомневаюсь, чтобы на этом только основании меня следовало лишить моего имения и выслать. Несмотря на то, что мой дед был немцем, я считаю себя не менее русским, чем все прочие».⁴⁰⁴

Правыми также подчеркивалось, что в случае победы необходимо не только не допустить возникновения немецкого землевладения в России, но и зорко следить, чтобы «ни одна пядь земли австрийской не досталась Германии», поскольку «каждая пядь земли с немецким населением <...> явится опасностью для мира, который должен быть обеспечен по крайней мере на пятьдесят, если не на сто лет».⁴⁰⁵ При этом Н. Е. Марков также рассчитывал после победы России и присоединения к ней Западной Украины пополнить фонд земли для ветеранов-героев за счет конфискации владений «у галицийских иудеев, у мазеповцев (т. е. сторонников независимого украинского государства. — *А. И.*), галицийских дворян, которые воюют против России».⁴⁰⁶

В рамках кампании по борьбе с немецким засильем планировалось, кроме ликвидации немецкого землевладения, провести и такие меры, как:

— отчуждение всех видов недвижимости, принадлежащих германским и австро-венгерским подданным (предприятий, фабрик, магазинов, банков, частных пансионатов), в пользу государства;

— недопущение иностранных подданных к управлению предприятиями, работающими на государственную оборону (за исключением случаев технической необходимости);

⁴⁰³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 455. Л. 92.

⁴⁰⁴ Курская быль. 1914. 18 декабря.

⁴⁰⁵ *Пуришкевич В. М.* Чего хочет Вильгельм II от России и Англии в великой битве народов. Пг., 1916. С. 135.

⁴⁰⁶ См.: *Дорошенко А. А.* Правые в Государственной думе Российской империи. С. 164.

— передача всех страховых обществ, принадлежащих немцам, в монопольное владение государству;

— ликвидация немецких образовательных учреждений.⁴⁰⁷

Рассуждая об исправлении ситуации, при которой немцы владеют в России недвижимым имуществом, А. Н. Хвостов, к примеру, отстаивал необходимость учесть опыт Франции и произвести секвестрацию всех германских и австрийских предприятий: «8 000 предприятий были секвестрованы во Франции, не конфискованы, не отобраны, не ограблены, а секвестрованы, взяты в правительственные руки <...> и тотчас же все секвестрованные предприятия стали работать на нужды французской обороны».⁴⁰⁸

Об этом же говорил и член правой группы Государственного совета князь А. Н. Лобанов-Ростовский: подчеркивая «враждебную обособленность» немцев от русского народа, он предлагал спешно издать список подлежащего секвестру имущества, товаров и капиталов германских и австро-венгерских подданных, а также всех имеющих двойное подданство (за исключением славян).⁴⁰⁹ Развивая позже свою мысль в интервью «Вечернему времени», князь объяснял мотивы своего предложения «элементарной необходимостью для России бороться с врагом, отнять у него, прежде всего, те средства, которые он получает от нас же, благодаря торговле, промышленности и т. п.». Для этого, выражал уверенность Лобанов-Ростовский, существует только один цивилизованный способ — секвестр. «Секвестр — не экспроприация, не конфискация, не грабеж, систематически практикуемый германцами. Секвестр — это только средство предупреждения, имеющее целью воспрепятствовать немецким и австро-венгерским предприятиям, торговым, промышленным и земледельческим обогащаться на счет России и давать возможность Германии и Австро-Венгрии пользоваться и во время войны плодами нашей экономической деятельности, нашего же труда и наших же ресурсов. Это ведь элементарная степень самозащиты и ограждения наших кровных интересов», — пояснял Лобанов-Ростовский, добавляя, что секвестр — это также и мера сохранения чужой собственности, которая в послевоенное время вернется во владение законного собственника.⁴¹⁰ При этом, как и А. Н. Хвостов, Лобанов-Ростовский подчеркивал, что секвестрация «технически выполняема, удобна и скоро» и широко практикуется нашим «культурным союзником» — Францией.

⁴⁰⁷ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Пг., 1915. Стб. 1269.

⁴⁰⁸ Борьба с немецким засильем. Речь члена Государственной думы А. Н. Хвостова... С. 12–13.

⁴⁰⁹ Государственный совет. Стенографические отчеты. 1915. Сессия X. Пг., 1915. Стб. 66–67.

⁴¹⁰ Вечернее время. 1915. 4 (17) февраля.

Также правыми предлагалась усиленная борьба с протестантизмом (лютеранством и баптизмом) и различными протестантскими сектами как носителями германской идеологии (прежде всего, с сектантами-меннонитами, уклоняющимися от воинской повинности⁴¹¹). Меннониты попадали под те же меры, которые должны были применяться к немцам. Как вспоминал военный юрист Р. Р. фон Раупах, меннониты представили «бесспорные доказательства» своего голландского происхождения, но «специально назначенная для расследования этого вопроса комиссия сенатора Стишинского признала, что голландцы — это те же немцы, и на этом основании жалобу меннонитов отклонила».⁴¹² Кроме религиозной подоплеки, здесь была еще и прямая материальная заинтересованность, поскольку во владении сектантов-меннонитов к 1916 г. находилось свыше 1 млн десятин русской земли.⁴¹³

«У всех этих хищных германцев, — резюмировал позицию правых Н. Е. Марков на XI съезде Объединенного дворянства, проходившем в Петрограде с 10 по 14 марта 1915 г., — надо вырвать зубы, надо отнять у них возможность пожирать русское достояние. И не следует заботиться вопросом: справедливо это или не справедливо; по германцам надо ударить одним мощным взмахом русского законодательства».⁴¹⁴ «Государство <...>, которое вступает в войну, не может руководствоваться исключительно гуманитарными правилами», — вторил ему А. Н. Хвостов.⁴¹⁵

3 августа 1915 г. 37 членов фракции правых внесли предложение об образовании в Думе специальной комиссии по борьбе с немецким засильем во всех областях русской жизни.⁴¹⁶ Фракционным оратором по этому вопросу стал известный своим антигерманизмом А. Н. Хвостов, выступивший в тот же день с яркой речью, которая, по оценке «Нового времени», «с удивительной меткостью обрисовала сложившееся положение, при котором России приходится вести войну не только на фронте, но и в тылу».⁴¹⁷

⁴¹¹ Как замечало по этому поводу даже либеральное «Утро России», меннониты «отрицают войну», как и многие русские сектанты, но привилегиями почему-то пользуются они одни (Утро России. 1915. 4 января).

⁴¹² Раупах Р. Р., фон. *Facies Hierocratica* (Лик умирающего). С. 87.

⁴¹³ Христианство. Словарь. М., 1994. С. 274.

⁴¹⁴ Объединенное дворянство... Т. 3. С. 528.

⁴¹⁵ Борьба с немецким засильем. Речь члена Государственной думы А. Н. Хвостова... С. 20.

⁴¹⁶ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 360.

⁴¹⁷ Новое время. 1915. 4 августа; *Соболев И. Г.* Борьба с «немецким засильем»... С. 34.

Специально останавливаться на разборе речи Хвостова не будем — пассажи из нее цитировались в этом разделе неоднократно.⁴¹⁸ Заметим лишь, что речь эта произвела большое впечатление. Ее горячо поддержал прогрессист князь С. П. Мансырев, а министр внутренних дел Н. Б. Щербатов, выступивший в Думе в тот же день, был вынужден фактически оправдываться и заверять, что правительство в меру своих сил борется с тем «чрезвычайно тяжелым положением», которое создалось в стране в связи с немецким землевладением.⁴¹⁹ Против инициативы правых выступили лишь левые (трудовики и социал-демократы), которые обвинили своих политических противников в том, что они занимаются демагогией, призванной переключить крестьянский интерес к помещичьей земле на землю немецких колонистов (в чем, конечно, была доля истины); а также кадеты, которые, правда, сделали это в более осторожной манере. Милюков заверил Думу, что кадеты, с одной стороны, проголосуют за создание комиссии, но при этом будут «бороться против тех тенденций, с которыми выступают люди, предложившие ее образование», т. е. правые.⁴²⁰ Октябристы и прогрессисты в дебатах по этому вопросу не участвовали и проголосовали за учреждение комиссии.⁴²¹

В итоге против создания временной «Комиссии по борьбе с немецким засильем во всех областях русской жизни», проголосовали только левые. 11 августа был избран ее состав в количестве 33 депутатов, но во главе комиссии встал не правый, а октябрист Г. В. Скоропадский. Из правых в ее состав вошли А. Н. Хвостов, А. М. Станиславский, К. А. Тарасов, Г. Г. Замысловский, и В. П. Юзьвюк.⁴²² Комиссия была разделена на 4 подкомиссии: по немецкому землевладению, торгово-промышленную и банковскую, по прибалтийским делам и по запросам. Но существенных результатов ее работа не дала: в IV сессию Государственной думы состоялось лишь 14 заседаний, а в течение пятой сессии комиссия бездействовала.⁴²³ Кроме того, все немногочисленные антинемецкие меры, которые были приняты правительством, появились на свет, минуя Думу — по 87-й статье. Поэтому думской

⁴¹⁸ Наиболее подробный разбор речи А. Н. Хвостова см.: *Соболев И. Г.* Борьба с «немецким засильем»... С. 34–35.

⁴¹⁹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 436–437.

⁴²⁰ Там же. Стб. 397–398; *Соболев И. Г.* Борьба с «немецким засильем»... С. 37–38.

⁴²¹ Но, как отмечает И. Г. Соболев, после февраля 1917 г. вопрос о нецелесообразности продолжения мер против «немецкого засилья» был поднят именно ими (*Соболев И. Г.* Борьба с «немецким засильем»... С. 39).

⁴²² Вечернее время. 1915. 16 (29) августа.

⁴²³ *Демин В. А.* Комиссия по борьбе с немецким засильем // Государственная дума Российской империи: 1906–1917 гг.: Энциклопедия. М., 2008. С. 273.

комиссии, инициированной правыми, досталась, по словам И. Г. Соболева, роль декорации, что не раз с неудовольствием отмечали ее члены.⁴²⁴

Действия же правительства в борьбе с «немецким засильем»⁴²⁵ признавались половинчатыми и недостаточными. А. Н. Хвостов даже обвинял правительство в равнодушии к решению немецкого вопроса. Он предупреждал, что «народ не так даже, как мы, относится к этому: <...> он говорит, несправедливо, может быть, говорит, говорит ошибочно — я это утверждаю, но он говорит так: продались и предались».⁴²⁶

Хвостов утверждал, что попустительство российских властей развитию в стране немецких землевладения, промышленности и капитала способствовало разразившейся войне. Он указывал, что многие предприятия, рабо-

⁴²⁴ Соболев И. Г. Борьба с «немецким засильем»... С. 43–44.

⁴²⁵ Пакеты правительственных законов, направленных на ликвидацию немецкого землевладения, запрещали подданным Германии, Австро-Венгрии и Турции приобретать недвижимость во всех пределах Российской империи, а выходцам из этих стран — в сельской местности. Имеющиеся у них земельные участки в приграничных губерниях должны были быть проданы. Русским подданным немецкого происхождения предписывалось продать недвижимые владения вне городов в «западном и южном пограничном пространстве» — вдоль западной границы отчуждению подлежали земли в пределах стопятидесятиверстной полосы, а вдоль южной — стоверстной. При этом владения подданных Германии — славян, выходцев из Эльзас-Лотарингии, а также итальянцев, не подлежали принудительному отчуждению. Исключения также делалось для православных, принявших господствующее в России вероисповедание не позднее 1 января 1914 г., офицеров и добровольцев, принимавших участие в боевых действиях против неприятеля в звании офицеров и всех, получивших правительственные награды. Для того чтобы избежать возможных спекуляций с землей, право преимущественной покупки владений немцев-колонистов было передано Крестьянскому поземельному банку. 10 января 1917 г. ликвидационные законы были распространены на всю территорию России, но провести их в жизнь помешала начавшаяся революция. К 1 января 1917 г. в списки земельных владений, подлежащих ликвидации, было внесено свыше 44 тыс. имений площадью более 3,5 млн дес. Продано добровольно или с торгов к этому времени было только 1343 участка, занимавших более 261 дес. В сфере торговли и промышленности власти запретили подданным неприятельских держав приобретать права собственности, залога, найма или аренды недвижимости, быть поверенными и управляющими. Исключение делалось только для аренды домов и квартир для временного проживания. Также запрещались выдача или пересылка денег, ценных бумаг и драгоценных металлов находящимся вне России неприятельским подданным и предприятиям. На предприятия, которые подозревали в зависимости от германского капитала, назначались правительственные инспекторы, которые должны были их ликвидировать в случае подтверждения подозрений (*Шубина А. Н.* Отношение власти и общества к проблеме так называемого немецкого засилья в России в годы Первой мировой войны. С. 20–24).

⁴²⁶ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 375.

тающие теперь на оборону страны, имеют в числе своих акционеров значительное число немцев.⁴²⁷ А некоторые царские сановники, больше заинтересованные в интересах своих ведомств, нежели России в целом, просто не в состоянии что-либо исправить. «Что же вы хотите от министра финансов Барка? — вопрошал Хвостов, указывая на неспособность главы Минфина решительно разобраться с немецким участием в российской банковской сфере. — Где могло выработаться его государственное мировоззрение? Он банковский служащий, он вырос в этих банках, все его мировоззрения воспитывалось этими банками».⁴²⁸ Поэтому, делал вывод правый депутат, министр финансов может говорить, что интересы России требуют одного, «но во имя интересов банковских кругов, ввиду тесной связи их с германскими и австрийскими предприятиями», делать будет совсем другое.

Сам же Хвостов, оказавшись в скором времени главой МВД, активно принялся за усиление мер по борьбе с «немецким засильем», создав при министерстве в феврале 1916 г. Особое совещание об иностранных подданных. Но провести в жизнь комплекс мер, разработанных им и другими правыми, не успел, так как был смещен с этого поста уже через две недели после запуска проекта.⁴²⁹

Правда, правые получили возможность для проведения намеченных ими мер в рамках созданного по инициативе нового министра МВД Б. В. Штюрмера (члена правой группы Государственного совета) в марте 1916 г. принципиально нового органа — Особого комитета по борьбе с немецким засильем. Во главе комитета последовательно находились члены Государственного совета Ф. Ф. Трепов (центр) и А. С. Стишинский (правый).⁴³⁰

Казалось бы, чаяния правых должны были бы удовлетвориться назначением А. С. Стишинского, но далеко не у всех из них работа Комитета вызывала чувство удовлетворения. Так, 19 ноября 1916 г. в своей напутственной речи В. М. Пуришкевич обрушился на А. С. Стишинского, которого обвинил едва ли не в пособничестве лицам, «стремящимся укрыть немцев от ответственности».⁴³¹ В ответ Стишинский 22 ноября 1916 г. направил председателю Государственной думы М. В. Родзянко письмо с подробным изложением заслуг Комитета в борьбе с «немецким засильем»,

⁴²⁷ Борьба с немецким засильем. Речь члена Государственной думы А. Н. Хвостова... С. 6–11.

⁴²⁸ Там же. С. 26.

⁴²⁹ *Соболев И. Г.* Борьба с «немецким засильем»... С. 46–47.

⁴³⁰ Там же. С. 51–56.

⁴³¹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Пг., 1916. Стб. 277–278.

разослав копии своего отчета в «Правительственный вестник» и «Новое время».⁴³² И, как замечает исследователь кампании по борьбе с «немецким засильем» И. Г. Соболев, «обвиняя особый комитет в пособничестве собственникам немецкого происхождения, нужно было либо сильно кривить душой, либо рассматривать каждый из единичных случаев удовлетворения прошений чуть ли не государственным преступлением». Дело в том, что из рассмотренных ведомством Ф. Ф. Трепова — А. С. Стишинского к концу 1916 г. 630 прошений «заслуживающими уважения» были сочтены лишь 17, а 613 отклонены по тем или иным причинам.⁴³³

Между тем правые были исполнены опасений, что вопрос о немецком засилье не будет решен в полной мере. Они предупреждали правительство, что излишняя медлительность в деле ликвидации немецкого землевладения крайне возбуждает народ и служит в руках революционеров опасным оружием для антидинастической пропаганды. В этом была доля правды. И некоторый временный успех лозунги о борьбе с «немецким засильем» правым все-таки принесли, так как они отвечали настроениям значительной части сражающегося на фронтах войны народа. Так, некий подполковник Зазулин писал лидеру думских правых В. М. Пуришкевичу: «Вы первый заговорили об ожидании народом и армией освобождения от немецкого засилья. <...> Мы, солдаты и офицеры, сражаемся, и будем сражаться, но не желаем снова идти в лапы немцев. Если мы не получим полной уверенности, что немецкое засилье не возродится вновь, то, как это ни печально, мы, войска, после войны вынуждены будем сами силою ликвидировать немцев. Мы с верою смотрим на Гос. Думу и ждем от нее быстрого и верного решения. Окончание с внутренними немцами даст нам необходимые силы для борьбы с внешними немцами».⁴³⁴

Но проблема заключалась еще и в том, что если правые парламентарии рассуждали о необходимости мер против германских и австрийских *подданных*, то в народе лозунги борьбы с «немецким засильем» воспринимались именно как призыв к борьбе с *русскими немцами*. И некоторые правые ораторы своими выступлениями из популистских целей способствовали такому пониманию «внутреннего врага». «Хочу упомянуть об одном большом грехе, который в то время взял Пуришкевич на свою душу. <...> Он вел озлобленную травлю, давшую горькие плоды, против так называемых „русских немцев“... Эти „русские немцы“ были в сущности такие же русские люди, как и сам Пуришкевич <...> Эта травля была в высокой степени

⁴³² Соболев И. Г. Борьба с «немецким засильем»... С. 98.

⁴³³ Там же. С. 98–99. Автор ссылается на: РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 16. Л. 11–11 об.

⁴³⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1026. Л. 495.

неумна, несправедлива, неблагородна и даже бесчестна», — сетовал бывший сподвижник Пуришкевича, носитель немецкой фамилии полковник Ф. В. Винберг.⁴³⁵ Очень показательны в этом плане и письмо одной офицерской жены, чей супруг, георгиевский кавалер, русский немец, сражался в это время на фронте, к лидеру правых Государственного совета графу А. А. Бобринскому. Умоляя графа остановить начавшуюся в прессе травлю людей с немецкими фамилиями, она писала: «Обратите внимание, пока не поздно. Ах! вы не знаете, что делается, не видите, что готовится. <...> Ведь простой народ говорит: надо всех господ перебить, а не одних немецов. <...> Государство должно различать врага и недостойное популярничанье. Издайте приказ о неприкосновенности людей с немецкими фамилиями, выдумайте, что хотите, чтобы на этом не играли бесстыдные люди».⁴³⁶

Кроме того, лозунги и программы правых так и не переросли в осуществленные проекты. Но в этом была вина не только правых. Однако, даже если бы программа правых в данном вопросе была реализована в полном объеме, она едва ли смогла бы удовлетворить потребности крестьянства (точнее, его части, крестьян-фронтовиков). Возбуждение же национальной ненависти по отношению к немцам, попытка выставить их главными эксплуататорами русского крестьянства и обещания щедро наградить немецкими землями крестьян-фронтовиков и отличившихся офицеров не только частично решали наболевший аграрный вопрос, но вместе с тем разжигали аппетиты крестьянства, как справедливо предупреждала в своем письме графа А. А. Бобринского анонимная корреспондентка. «Тот, кто начнет с колониетских земель, непременно кончит вашими землями» — вторил ей, предупреждая правых, П. Н. Милуков.⁴³⁷

Помимо этого, втянувшись в популярную в распропагандированном обществе антигерманскую кампанию и желая получить с нее определенные дивиденды, правые парламентарии упустили из виду еще один очень важный момент, подмеченный Ю. С. Карцовым. «Откуда, — писал он, — взялась она, повальная ненависть к немцам, сверху и донизу охватившая русское общество? В основе ее лежало стремление революционное и антидинастическое. Царь наш не русский, не Романов, а немец Гольштейн-Готторп,⁴³⁸ царица гессенская принцесса, или, как ее в интеллигентских кругах

⁴³⁵ Винберг Ф. В. Крестный путь. С. 94.

⁴³⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1036. Л. 1841.

⁴³⁷ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 503.

⁴³⁸ Гольштейн-Готторпы (нем. Holstein-Gottorp) — немецкая герцогская династия, младшая ветвь Ольденбургской династии, правившая в части Шлезвиг-Гольштейна

называли, на русские хлеба севшая гессенская муха. Но государь и государыня не допускали, [что] движение направлено против них». ⁴³⁹ Не допускали этого, за редким исключением, ⁴⁴⁰ и правые Думы и Совета. Но своей риторикой о борьбе с «немецким засильем» в русской жизни этим настроениям они немало способствовали.

Экономические взгляды правых

В годы Первой мировой войны правые предлагали свою экономическую программу, которая, впрочем, была весьма скромной и выдержанной в традиционалистско-консервативном духе, хотя и предполагала как дальнейшее развитие страны, так и улучшение жизни ее граждан.

Как уже говорилось выше, с правой стороны Думы звучали призывы вознаградить участников войны, как в старину, землей, но лишь за счет ликвидируемого немецкого землевладения. Правые не скрывали опасения, что в противном случае произойдут аграрные беспорядки, которые затронут русских землевладельцев. А решать аграрный вопрос за счет собственных поместий лидерам правых не хотелось.

Другим основополагающим моментом экономической программы правых был вопрос, касающийся роста дороговизны, вызванный тяготами войны. Следует иметь в виду, что, говоря о дороговизне, правые подразумевали не повышение цен, необходимое государству для продолжения войны, а злоупотребления, спекуляцию и сокрытие товара. Правые признавали неизбежность и необходимость жертв во время войны, считая, что страна к ним готова, но, подчеркивали они, готовность претерпеть определенные

в XVI–XVIII вв. В 1761 г. готторпский герцог Карл Петр Ульрих стал императором России под именем Петра III. В связи с этим династию русских царей, начиная с Петра III, в литературе по генеалогии иногда именуют «Гольштейн-Готторп-Романовыми».

⁴³⁹ Архив ДРЗ. Ф. 1. Ед. хр. М-76 (1). Л. 203.

⁴⁴⁰ Ставший членом правой группы Государственного совета с января 1917 г. М. А. Таубе, которому в силу немецкого происхождения пришлось испытать на себе и своих родственниках последствия борьбы с «немецким засильем», так же как и Ю. С. Карцов, отмечал в своих воспоминаниях: «...Так называемая „борьба с немецким засильем“ весьма быстро, уже через год с небольшим после Романовских торжеств 1913 года, обратилась и против самого этого Дома Романовых, ибо подпольной пропаганде было нетрудно приобщить к ней и его немецкую (по отдаленному происхождению) Гольштейн-Готторпскую династию, якобы всецело окруженную и руководимую немецкими элементами страны. <...> Эти революционные настроения и начавшаяся уже революционная пропаганда были ясно видны уже в конце 1914 года». (Таубе М. А. «Зарницы». Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М., 2007. С. 199).

лишения не должна использоваться мародерами, которые «продают Родину оптом и в розницу ради набивания своих бездонных карманов».⁴⁴¹

Основными виновниками спекуляций традиционно выставлялись евреи. Прославившийся своими антисемитскими речами Г. Г. Замысловский пытался убедить Думу в том, что евреи, в руках которых находилась торговля, операции по продаже и перепродаже, просто не могут не быть основным фактором повышения цен. Впрочем, им же отмечалось, что дело не в одних евреях, хотя роль еврейского фактора значительна.⁴⁴² Не меньшая вина возлагалась правыми на прежних министров финансов С. Ю. Витте и В. Н. Кокцовца, разрушивших, по их мнению, финансовую систему страны, плоды политики которых приходилось пожинать в самое неблагоприятное для страны время.

Борьба с растущей дороговизной в программных положениях правых занимала первоочередное место (наравне с борьбой с «немецким засильем») и представляла собой следующий комплекс мер:

- подъем общего благосостояния народа, преимущественно крестьян;
- немедленное запрещение банкам выдач ссуд под товары свыше 50% их действительной стоимости (мера, призванная предотвратить торговлю предметами первой необходимости под видом залога);
- запрещение банкам представлять на общем собрании акционеров какие-либо акции, кроме акций данного банка (это должно было предотвратить «вредоносный» захват банками промышленных предприятий);
- конфискация всех акций русских банков, явно или через подставных лиц находящихся в германских руках, с возбуждением уголовного преследования для подставных лиц;
- установление «благожелательного» кредита Государственного банка для производителей и потребителей предметов жизненной необходимости, в особенности пищи, топлива, одежды;
- учреждение на государственном уровне торгово-промышленных и сельскохозяйственных банков, способных конкурировать с коммерческими банками;
- упорядочивание деятельности земских и городских союзов по скупке и поставке предметов жизненной необходимости (чтобы не допустить их превращения в синдикаты);
- установление правительственных такс на предметы первой необходимости;

⁴⁴¹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 602.

⁴⁴² Там же. Стб. 3033.

— учреждение предельной нормы торгово-промышленной прибыли до окончания войны;

— воспрещение отправки грузов по накладным на предъявителя от неизвестного отправителя;

— установление уголовной ответственности по законам военного времени для лиц, виновных в злонамеренном сокрытии или задержке предметов первой необходимости.⁴⁴³ Г. А. Щечков настаивал даже на необходимости карать злоумышленников со строгостью военно-полевых судов.⁴⁴⁴

Из приведенных выше пунктов программы по борьбе с дороговизной сразу бросается в глаза неприкрытое желание думских правых всячески ограничить деятельность банков и синдикатов, нарушавших интересы помещиков, ведущих традиционное хозяйство, и по сути разрушавших его в пользу капиталистических отношений. Впрочем, дело тут было не только в этом. В своих взглядах на крупный капитал правые, представленные отнюдь не только помещиками, во многом сходились со своими политическими противниками — левыми. Однако если последние, борясь с крупной буржуазией, мечтали о социальном равенстве, то правые, исходя из норм христианской этики, добивались (в меру своего понимания) социальной справедливости. Не последнюю роль играло и стремление крупного капитала прибрать власть к своим рукам, изменив существующее законодательство в свою пользу.

Показательно в этом плане выступление лидера думских правых Н. Е. Маркова на Особом совещании по обороне 5 февраля 1917 г. «По Москве, — говорил Марков, — ходят разжиревшие либеральные купцы, которые требуют политической свободы, стремясь принести вред государственным интересам. Москва нажила на войне миллиарды, а оказалась неспособной покрыть миллионный займ (последний военный заем. — *А. И.*)». Указывая на кадета М. В. Челнокова, владельца четырех заводов, бывшего с начала войны главноуполномоченным Всероссийского союза городов, Марков заключал, что самым эффективным способом борьбы с теми, кто наживается на войне, является виселица.⁴⁴⁵

Поэтому нет ничего удивительного, что правая печать развернула мощную кампанию против «власти капитала». Однако сами правые, постоянно поднимая вопрос об ограничении крупного капитала, прекрасно осознавали, что борьба их в рамках Думы безнадежна, поскольку прогрессивное боль-

⁴⁴³ См.: Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 1270–1271, 1539; Правые партии... М., 1998. Т. 2. С. 492–493.

⁴⁴⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. Л. 440.

⁴⁴⁵ Утро России. 1917. 7 февраля.

шинство, делающее погоду, само находится в плену у «еврейских банков». Поэтому, констатировали правые, единственно кто может навести порядок в условиях создавшегося экономического кризиса — это царь и поставленное им правительство. В задачи же «истинно русских патриотов» входит всемерная поддержка в этом вопросе власти.⁴⁴⁶

Следует отметить, что данная программа практически полностью повторяла постановления Совещания представителей правых партий и организаций, проходившего 21–23 ноября 1915 г. в Петрограде, и отчасти — решения, принятые на Нижегородском совещании монархистов.⁴⁴⁷

Прекрасно понимая всю сложность реализации данной программы на деле, правые настаивали на самой решительной борьбе правительства с подорожанием предметов «тепла и пищи», вплоть до объявления в стране военного положения, применения военных законов. «Нельзя безнаказанно жить при условиях военного времени, но не по законам военного времени, — писал Г. А. Щечков А. С. Вязигину. — Мы все живем в осажденной стране <...>. Все ропщут не на войну, а на безнаказанность хищников, предателей, на безвластие. Введите полевые законы, и население благословит вас, как спасителей. Но, увы, это невыгодно предателям. Это нелиберально, неконституционно».⁴⁴⁸

Особой кары, по мнению правых, заслуживали скупщики, совершающие свои сделки на театре военных действий: «эти скупщики, курчавые коммерсанты (намек на евреев. — *А. И.*) должны быть усмирены и истреблены».⁴⁴⁹ Марков считал невозможным, чтобы в годы войны борьба с крупными барышами сводилась лишь к налогам и обложениям, предложив составить законопроект, по которому всякий, извлекая за время войны более 20% прибыли, мог быть объявлен преступником с конфискацией всей вырученной прибыли.⁴⁵⁰

В рамках борьбы с дороговизной также признавалось необходимым установление казенной монополии на торговлю всеми предметами первой необходимости, в особенности хлебом. Цены на хлеб должны были согласовываться в одном центре, без самовольной таксировки по отдельным местностям (кроме специально согласованных случаев). Основную причину

⁴⁴⁶ Курская быль. 1916. 27 мая.

⁴⁴⁷ См.: Совещание монархистов 21–23 ноября 1915 года в Петрограде. Постановления и краткий отчет. М., 1915; *Кирьянов Ю. И.* Правые партии... С. 264.

⁴⁴⁸ Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 годах // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 81.

⁴⁴⁹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 58.

⁴⁵⁰ Там же. Стб. 4529–4530.

нехватки продовольствия правые справедливо усматривали не в отсутствии первоочередных продуктов питания в запасниках страны, а в расстройстве железнодорожного сообщения и малой пропускной способности железных дорог, предлагая правительству, не стесняясь никакими расходами, принять все необходимые меры для исправления сложившейся ситуации.⁴⁵¹ Продовольственный вопрос признавался первоочередным, поскольку, как констатировали правые: «программа сытого обывательского желудка — это залог спокойствия <...>, залог победы».⁴⁵²

Вместе с тем негативно некоторыми правыми было воспринято появление карточной системы, призванной ликвидировать дефицит и упорядочить приобретение некоторых продуктов питания. Так, в частности, появление карточек на сахар заставило члена правой группы Государственного совета В. Н. Охотникова опубликовать брошюру против этой меры. Главной мыслью Охотникова была следующая: сокращать спрос на дефицитный товар необходимо его удорожанием, а не карточным регулированием, поскольку недостаток продукта неэффективно ликвидировать путем его равномерного распределения. По его мнению, народу было бы лучше, если бы цены на тот же сахар выросли вдвое, но ему не пришлось бы проводить полдня в «хвостах» (очередях), чтобы отоваривать талоны. «Всякая хозяйка ответит, — рассуждал правый политик, — что ей выгоднее <...> потерять 44 коп. (повысить цену на сахар он предлагал с 36 до 80 коп. за фунт. — *А. И.*), нежели терять 3 часа производительной работы в ожидании очереди, какие по настоящим ценам дали бы ей минимум, считая 3 руб. 20 коп. рабочий день, — работою 80 коп.».⁴⁵³ К тому же, обращал внимание Охотников, увеличение отпускной цены на тот же сахар, при правильном подходе к делу не только уменьшит его потребление, но и пополнит государственную казну, для чего последней необходимо выкупить весь сахар у производителя по «справедливой цене», а затем уже отпускать населению. Такая мера, подсчитал политик, только при торговле сахаром могла принести государству доход в 200–400 млн руб. в год.⁴⁵⁴ Однако если последний вывод правого политика был с точки зрения государственного интереса оправданным, то насчет предпочтительности переплаты очередям он явно ошибался. Во-первых, это предложение шло вразрез с декларированной правыми борьбой с дороговизной, а во-вторых, ликвидация очередей путем

⁴⁵¹ См.: Справочный листок Государственной думы (Четвертый созыв — третья сессия). 1916. 1 (14) июня. № 98.

⁴⁵² Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 267–268.

⁴⁵³ *Охотников В. Н.* Сахар. Пг., 1916. С. 1.

⁴⁵⁴ Там же. С. 3.

двукратного повышения цен означала рост социальной и имущественной дифференциации, т. к. состоятельные люди продолжали бы покупать тот же сахар в прежних объемах, средние слои сократили бы его потребление, а низшие, имевшие раньше возможность приобрести его, отстояв очередь, теперь просто лишались бы возможности приобретения дефицитного товара.

Но помимо экономического мотива правым также приходилось обращать внимание и на политическую небезопасность «хвостов», вызванных системой карточного снабжения. Так, к примеру, публицист П. Ф. Булацель стал свидетелем того, как какой-то рабочий «на чем свет стоит ругал графа А. А. Бобринского», ссылаясь на почерпнутые им из оппозиционных газет сведения, что министр земледелия (и к тому же недавний лидер правой группы Государственного совета) якобы скрывает весь сахар потому, «что у него самый большой сахарный завод в России». Реплика же Булацеля, что сахарозаводчиком является совсем другой граф Бобринский, а вовсе не министр, успокоения в толпу не внесла. «Надо было видеть, с какой злобой на меня огрызнулись десятки людей, измученных бесконечным стоянием в хвосте и алчущих сахару!»⁴⁵⁵

Правые не верили, что справиться с дороговизной, со спекуляцией под силу кому-нибудь, кроме правительства. Либералам они не верили, считая, что те никогда не пойдут на бескомпромиссную борьбу с экономическими преступлениями, поскольку в них замешана та же либеральная буржуазия. «Слишком много спекулянтов и мародеров в прогрессивных кругах — в этом и несчастье. Бороться вам хочется, — заявлял, обращаясь с думской кафедры к либералам 3 ноября 1916 г. Н. Е. Марков. — а когда бороться приходится — приходится бить по своим собственным дельцам, и тут у вас духа не хватает».⁴⁵⁶ Выход для успешной борьбы с растущей дороговизной лидеру фракции правых виделся только один: экономическая диктатура, «чисто правительственная, строгая, суровая, ответственная, но властная, и которая может тут же карать, тут же наказывать и тут же конфисковывать».⁴⁵⁷ Пока такой власти в стране не будет, предупреждали правые, не будет и борьбы с дороговизной.

Но если для правых вопросы о дороговизне и «немецком засилье» казались жизненно необходимыми и самыми важными, то оппозиция так не считала. В ее глазах это был лишь «жалкий, убожественный план крайне правых». «Можно ли класть на одну чашку весов борьбу с дороговизной и

⁴⁵⁵ Булацель П. Ф. Дневник // Российский гражданин. 1916. № 32. С. 14.

⁴⁵⁶ Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Стб. 110.

⁴⁵⁷ Там же.

с „немецким засильем“, когда с другой стороны лежит обновление государственного строя, восстановление справедливости, освобождение общества и народа?» — патетически восклицал либеральный публицист К. Арсеньев. Стараясь нивелировать значение вопросов, поднятых правыми, он убеждал читателя «Вестника Европы», что суть консервативной программы заключается лишь в том, чтобы под флагом борьбы с дороговизной взять под контроль деятельность земских и городских союзов, а под предлогом борьбы с «немецким засильем» нанести удар по «меннонитам и другим сектантам, вероучение которых запрещает им защищать государство с оружием в руках». Конфискация же, на которой настаивали правые, по мнению Арсеньева (который помимо занятия журналистикой был известен и как видный юрист), в цивилизованных странах исчезает даже из уголовных уложений, а правые, подчеркивал он, проявляют редкое «ретроградство», настаивая на широком использовании этой меры в делах, относящихся не к уголовной, а к экономической сфере.⁴⁵⁸

Опасения либерального публициста весьма понятны, ведь очевидно, что решительная борьба с завышением цен на продукты и предметы первой необходимости ударила бы, прежде всего, по представителям буржуазных кругов, наживавшихся в годы войны на спекуляциях подобного рода, политический окрас которых был определенно либеральных тонов. Сектанты же, за которых так радел «Вестник Европы», тоже симпатиями к православно-самодержавному строю не отличались. А поскольку главной целью внутренней политики во время войны тот же Арсеньев видел «освобождение общества и народа» (надо понимать, от существующего режима), то принятие репрессивных мер против элементов, сочувствующих этому «освобождению», представлялось ему исключительно как злые козни реакции или, как он выражался, «черной точкой <...>, грозящей расплыться в крупное черное пятно».⁴⁵⁹

Между тем небывалый рост цен был напрямую связан с денежной инфляцией, с прекращением обмена бумажных денег на золото, с вынужденными эмиссиями огромного количества денежных средств. Взгляд лидеров правых на падение курса рубля был достаточно своеобразным и вместе с тем традиционным для русской консервативной мысли начала XX в.⁴⁶⁰ Прекращение обмена бумажных денежных знаков на золото приветствовалось правыми, поскольку, по словам Н. Е. Маркова, «золота в 20 раз

⁴⁵⁸ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 3. С. 327.

⁴⁵⁹ Там же. С. 327–329.

⁴⁶⁰ См.: Ретников А. В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 384–387.

меньше, нежели того требует современный мировой спрос на деньги <...> бумажные деньги суть векселя государства, и выпускать их можно и должно в пределах потребности торгового оборота...». ⁴⁶¹ Выпуск бумажных денег признавался «благодетельным» и для сельского хозяйства. «Я заявляю, — суммировал Марков, — что в интересах государства большой выпуск бумажных денег никакого вреда не принесет». ⁴⁶²

Все золото, по мнению правых, находилось в руках «иудейства», и война, опрокинув золотую валюту, сделала благое дело, позволив выпускать бумажные деньги вне зависимости от запаса золота в стране. Своим указом царь «разорвал иудейские путы», выпустив бумажных денег «в меру разумной потребности». ⁴⁶³ Согласно мнению правых, русские деньги должны были обеспечиваться «реальными», естественными богатствами: лесом, землей, рабочей силой, т. е. всем достоянием Российской империи, а не одним золотом. ⁴⁶⁴

Однако растущая инфляция настораживала правых, хотя они всячески отрицали прямую связь между увеличивающейся эмиссией бумажных денег и падением курса рубля. Впрочем, выпуск бумажных денег копеечного достоинства и узаконение на официальном уровне использования почтовых

⁴⁶¹ Земщина. 1915. 8 мая.

⁴⁶² Объединенное дворянство... Т. 3. С. 475. Единомышленник и софракционер Маркова по III Гос. Думе С. И. Келеповский придерживался иного мнения: «Нет высоких цен на хлеб, — говорил он на том же съезде, — есть понижение покупательной ценности денег, которое произошло от выпуска бумажных денег, и до тех пор, пока выпуски будут продолжаться, покупательная способность будет падать, т. е. все продукты будут дорожать...» // Там же. С. 474. Однако предостережение Келеповского не нашло понимания у лидеров фракции правых IV Думы.

⁴⁶³ Земщина. 1915. 8 мая.

⁴⁶⁴ В этом отношении к золоту как основе денежного обращения взгляды правых «парламентариев» развивали сложившуюся еще с конца XIX в. консервативную традицию. Еще Н. Я. Данилевский утверждал, что попытки подъема кредитной денежной единицы размером на металлические деньги аналогичны попыткам наполнить жидкостью сосуд с открытым краном и даже «будь у нас золотые деньги», их курс при невыгодном балансе будет низок. Видный правый публицист С. Ф. Шапаров предлагал в начале XX в. провести ликвидацию золотой валюты и ввести в России «абсолютные деньги», выпускаемые государством только в виде бумажных рублей, что должно было оживить экономику страны, т. к. правительство в случае необходимости смогло бы прибегать к дополнительному выпуску денежных средств в счет будущего труда, а после возвращения кредита изымать излишнюю часть бумажных рублей обратно. Против золотого монометаллизма выступал и монархист Г. В. Бутми, видевшей в этой витевской реформе «еврейский след». (См.: Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. С. 384–387).

марок взамен разменной монеты смутили правых, постановивших, что необходимо выпуск мелкой разменной монеты низкопробного сплава и изъятие из обращения суррогатных денег.

Со временем отрицать инфляцию стало невозможно. Правыми признавалось, что падение курса национальной валюты в России сильнее, чем во Франции, Великобритании и даже Германии. Однако основная ответственность за возникшую ситуацию возлагалась на довоенных министров финансов — С. Ю. Витте и В. Н. Коковцова, искусственно поддерживавших золотое обращение в России путем разоряющих страну займов. В том, что население принимает бумажный рубль не более, чем за 50–40 коп., правые видели результат злостной германской агитации. Речь о курсе рубля на период войны признавалась недопустимой. Правые настаивали, чтобы союзники вместе с Россией установили фиксированную номинальную стоимость рубля, поскольку они не могут быть незаинтересованными в финансовом благополучии России, как и в военном, так как первое от второго неотделимо.⁴⁶⁵

Впрочем, нельзя сказать, чтобы правые полностью отрицали роль золота в денежном обращении. Ими признавалось необходимым для поднятия престижа России на мировом рынке изъять все находящееся в руках народа золото и свезти его в принудительном порядке в кладовые Государственного банка. «Не только золото в деньгах, но и золотые вещи необходимо конфисковать, дабы собрать как можно больше золота в пределах государственного казначейства».⁴⁶⁶ Конфисковать (на основе обязательного выкупа казной) предлагалось все: от золотых монет до блюд и статуэток. Вывоз золота за границу должен был быть полностью запрещен (в 1915 г. продолжал действовать закон, позволяющий вывозить до 500 руб. золотом на человека). Правительство после принятия закона о запрещении вывоза золота должно было принять самые суровые меры, вплоть до расстрела, против тех, кто, вывозя золото, разоряет Россию.

Государственная дума практически полностью приняла предложения правых по увеличению золотого запаса страны, исключив лишь пункт об обязательном выкупе государством у частных лиц золота и всех вещей из него изготовленных, из-за трудности практической реализации этой меры.

В рамках экономической программы также говорилось о необходимости монополизации всех ресурсодобывающих промыслов (прежде всего нефти

⁴⁶⁵ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 62.

⁴⁶⁶ Там же.

и драгметаллов), чтобы «сотни миллионов рублей не шли разным заграничным хищникам».⁴⁶⁷

Активное участие приняли правые и в обсуждении вопроса о введении подоходного налога, ставшего, по словам члена Госсовета А. Н. Наумова, «одним из главных предметов обсуждения законодательных палат».⁴⁶⁸ Идею подоходного налога правые в целом поддерживали (попытки провести эту меру предпринимались ими еще в III Государственной думе). Правда, с 1907 г. законопроект этот был практически похоронен в думском архиве — государство отсутствие подоходного налога с лихвой компенсировало за счет акциза на спиртное, составившего в бюджете на 1914 г. 26,2%.⁴⁶⁹ Но в 1914 году, в связи с введением «сухого закона», этот источник пополнения казны иссяк, дав за счет легких спиртных напитков только 4,7% бюджета (144 млн руб. вместо 936 млн руб.).⁴⁷⁰ По оценке современных специалистов, накануне войны косвенные налоги превышали прямые в 7 раз, но во время войны доходность их для казны заметно упала — по сравнению с прямыми налогами они стали давать доход, больший лишь в 2–3 раза.⁴⁷¹ Поэтому «изыскание новых источников для подкрепления быстро убывающих средств государственного казначейства»⁴⁷² стало более чем актуально.

За подоходный налог было подавляющее большинство Думы, однако правые настойчиво подчеркивали, что в отличие от либерального большинства они рассматривают данный проект не как «великую социальную реформу», а как «почти ничтожный, но необходимый закон». При этом позиция правых в данном вопросе в общих чертах совпадала с мнением трудовиков, полагавших, что чем богаче человек, тем больше он должен платить, так как чрезмерное скопление богатства в руках немногих лиц нежелательно для общества и государства. Но от левых их принципиально отличало в этом вопросе следующее: если социалисты стояли за принцип геометрической прогрессии, то правые — арифметической; цель левых, по словам И. Г. Щегловитова, была в стремлении к уравнению имуществ-

⁴⁶⁷ Там же. Стб. 3681.

⁴⁶⁸ *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. С. 299.

⁴⁶⁹ Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета [А. Н. Куломзина] за X и XI сессии 1915 года. Пг., 1915. С. 2.

⁴⁷⁰ Там же.

⁴⁷¹ *Котсонис Я.* Подданный и гражданин: налогообложение в России до и после 1917 года и его подтекст // Россия XXI. Общественно-политический и научный журнал. 1999. № 1. С. 179.

⁴⁷² Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета [А. Н. Куломзина] за XII сессию 1916 года. Пг., 1916. С. 6.

венных благ, а цель правых — пополнение казны и стремление к справедливости (но не равенству).⁴⁷³ То есть, по сути, оба лагеря стояли на стороне прогрессивного налога, но трактовка этого термина у правых и левых заметно отличалась.

При этом, если большинство думских правых (прежде всего, Н. Е. Марков и Я. В. Кривцов) выступало за прогрессивную форму налогообложения, то В. Н. Снежков, автор ряда статей по экономическим вопросам, отвергал ее. Еще в 1911 г. в посвященной подоходному налогу брошюре он отмечал, что «подоходный налог не столько финансовая, сколько **социальная** (выделено Снежковым. — *А. И.*) реформа и его должно рассматривать с последней точки зрения».⁴⁷⁴ А с точки зрения социальной, Снежков видел в прогрессивной форме налога прямой путь к социализму.⁴⁷⁵ Поэтому, когда вопрос был вновь поднят в IV Государственной думе, Снежков, зная о симпатиях к законопроекту большинства фракции, заявил: «Лично мое сочувствие на стороне прогрессивного налога. Но я буду голосовать против него, так как вводить в русское законодательство чисто социалистический принцип было бы более чем опасно».⁴⁷⁶ Однако фракция в целом придерживалась иного мнения.

Правые настаивали на расширении категории лиц, подлежащих налогообложению, понижая минимальную сумму с предложенной тысячи до шестисот рублей в год.⁴⁷⁷ Обосновывалась такая мера двумя факторами: с одной стороны, казна будет получать больший доход, с другой — расширится слой избирателей, так как именно выплата подоходного налога дает поданным необходимые политические права.

Однако, считали думские правые, принятие данного закона должно было быть отложено до окончания войны. Свою позицию они мотивировали тем, что, во-первых, война — не время для того, чтобы заниматься ломкой

⁴⁷³ Государственный совет. Стенографический отчет. 1916 г. Сессия XII. Стб. 109–111.

⁴⁷⁴ На это же указывал и лидер правых Государственного совета И. Г. Щегловитов, замечавший, что приверженцы социалистических течений трактуют прогрессивный налог как возможность «закабаления всех во имя равного распределения материальных благ» (Государственный совет. Стенографический отчет. 1916 г. Сессия XII. Стб. 109). Опасения консерваторов вполне объяснимы, поскольку подоходный налог, преследуя на первый взгляд чисто экономическую цель, неминуемо должен был нанести удар по сословности и способствовать распространению принципа равенства (см.: *Котсонис Я.* Подданный и гражданин... С. 179–181).

⁴⁷⁵ *Снежков В.* Подоходный налог. Козлов, 1911. С. 1–5.

⁴⁷⁶ Новое время. 1915. 12 (25) августа.

⁴⁷⁷ См.: Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 640–646. В конечном счете правительство остановилось на сумме 850 руб. годового дохода.

функционирующей налоговой системы, а во-вторых, новая налоговая система реально смогла бы начать давать казне деньги лишь в 1917 г., а война к тому времени, полагали они, должна была определенно закончиться. Поэтому взамен подоходного налога ими предлагалось ввести временный военный прогрессивный подоходный налог с гораздо более крупными ставками (в четыре раза выше налога мирного времени). Это позволило бы казне, указывали правые депутаты Государственной думы, разом получить не 50 или даже 70 млн, а 200 млн рублей.⁴⁷⁸ Кроме того, правые настаивали на том, что налог обязательно должен был быть непрерывно прогрессивным, а не равным для состояний в 100 тыс. рублей и выше, как предлагало большинство депутатов. Однако эти поправки правых не были приняты Думой.

Активно этот вопрос обсуждался и правым крылом Государственного совета. По мнению Е. Э. Новиковой, борьба вокруг реформирования налоговой системы империи стала «звездным часом» правой группы Госсовета.⁴⁷⁹ Когда 3 сентября 1915 г. А. Н. Куломзину финансовой комиссией было предложено принять разработанный думским большинством законопроект о подоходном налоге, правые требовали от председателя Государственного совета признать решение комиссии поспешным и не выносить его на обсуждение верхней палаты. Однако Куломзин доводам правых не внял и включил обсуждение законопроекта в повестку XII сессии.⁴⁸⁰

В ответ 31 декабря 1915 г. в Мариинском дворце под председательством графа А. А. Бобринского состоялось объединенное заседание правой группы и группы правого центра «для выяснения отношения советского большинства к одобренному Государственной думой и находящемуся на рассмотрении советской финансовой комиссии проекту подоходного налога».⁴⁸¹

⁴⁷⁸ Там же; Новое время. 1915. 12 (25) августа. Эксперты Министерства финансов смотрели на возможность сборов при помощи подоходного налога довольно оптимистично. По их данным, подоходный налог мог принести казне порядка 75 млн, и при самом лучшем раскладе, до 130 млн руб. ежегодного дохода (*Котсонис Я.* Подданный и гражданин... С. 181). Между тем лидеры правых указывали, что подобный расчет есть не более чем иллюзия, поскольку он был сделан тогда, «как мы еще не имели несчастья видеть часть нашей территории занятой неприятелем». «Пылкое воображение сторонников законопроекта эти 70 миллионов с необычайно легкостью и быстротой превращало даже в 100 миллионов», — замечал И. Г. Щегловитов, крайне критически относившейся к этим цифрам. (Государственный совет. Стенографический отчет. 1916 г. Сессия XII. Стб. 108).

⁴⁷⁹ *Новикова Е. Э.* Государственный совет в годы Первой мировой войны. С. 22.

⁴⁸⁰ Там же. С. 23; Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета [А. Н. Куломзина] за XII сессию 1916 года. Пг., 1916. С. 7.

⁴⁸¹ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 84. Л. 2; Новое время. 1916. 2 января.

От правой группы на этом заседании выступил бывший министр юстиции И. Г. Щегловитов, призвавший правых не поддерживать законопроект о подоходном налоге, предложенный думским большинством, как «поспешный и слишком неудовлетворительно разработанный».

В бумагах Щегловитова отложилось несколько записок разных лиц с критикой поспешности введения в стране подоходного налога. Не исключено, что они также повлияли на правого политика. В одной из них отмечалось, что «согласно имеющимся в министерстве финансов сведениям», подоходный налог, первоначально утвержденный в союзной Франции, был отложен до окончания войны, взамен которого разрабатывается временный военный налог на прибыли, полученные от военных заказов; такой же специальный налог на прибыли с военных заказов утвержден в Англии, Германии, Швеции и Дании, указывал информатор Щегловитова. «На своевременность установления подобного же налога в России указывает хотя бы пример Тульского патронного и меднопрокатного завода, чистая прибыль которого за последний год (по 1 июля 1915 г.) выразилась, при основном капитале всего в 9 миллионов рублей, в 8 387 000 руб., что дало возможность предприятию, — акции которого в начале января 1914 года, до войны и предшествующих ей осложнений, котировались на бирже по 345–347 руб. за акцию, — выдать дивиденд по 65 руб. за акцию».⁴⁸² Таким образом, военный налог рассматривался в данной записке шире подоходного, так как предполагал и налог на прибыль.⁴⁸³

Свою позицию в отношении подоходного налога И. Г. Щегловитов аргументировал так же, что и думские правые: раньше 1917 г. ввести в стране подоходный налог просто не успеть, а значит, пополнения казны до октября-декабря 1917-го ждать не приходится, следовательно, никакой пользы в деле укрепления финансовой системы в период войны налог принести не успеет.⁴⁸⁴ Поэтому, как и его думские единомышленники, Щегловитов отстаивал специальный военный налог, охватывающий самые широкие слои населения. Это предложение было поддержано практически единогласно, за исключением члена правой группы П. Ф. Унтербергера, отстаивавшего думскую редакцию законопроекта, после чего правые постановили выработать свой законопроект.⁴⁸⁵ Правые рассуждали так: после победоносного окончания войны военный налог будет сразу же отменен, а расшатанные

⁴⁸² РГИА. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 41. Л. 19–19 об.

⁴⁸³ Отметим, что временный налог на прибыль был принят царским правительством как чрезвычайная мера 13 мая 1916 года.

⁴⁸⁴ См.: Государственный совет. Стенографический отчет. 1916 г. Сессия XII. Стб. 107.

⁴⁸⁵ Новикова Е. Э. Государственный совет в годы Первой мировой войны. С. 22.

финансы страны (до создания стройной шкалы прогрессивного налогообложения) можно будет поправить за счет контрибуции с Германии (предложение В. И. Карпова).⁴⁸⁶

14 января 1916 г. под председательством А. А. Бобринского состоялось очередное заседание правой группы по вопросу о подоходном налоге, в ходе которого Щегловитов опять выступил с докладом, который был дополнен мнениями А. А. Макарова, А. С. Стишинского, Н. С. Крашенинникова, после чего группа поддержала предложенную редакцию правого законопроекта о налоге на время войны.

Вкратце законопроект правых звучал так:

— ввести военный сбор как с плательщиков прямых налогов, так и лиц мужского пола всего населения империи;

— установить размер дополнительного военного сбора с налогоплательщиков в размере, не превышающем суммы общего числа налоговых сборов, собранных с них в 1916 г.;

— со всех лиц мужского пола с 18 до 65 лет (кроме находящихся на общественном призрении, военных, духовенства, классных чинов и уволенных с военной службы по ранению) одновременно взыскать военный сбор в размере не выше 10 руб.;

— размер и сроки сборов установить законом.⁴⁸⁷

Таким образом, речь шла о том, чтобы временно обязать плательщиков налогов государственного, квартирного и на капиталы выплачивать в казну сумму на 50–100% большую обыкновенной. Остальных же обязать выплачивать военный сбор, который, в ходе дебатов внутри правой группы, предлагалось рассчитывать в соответствии с доходами потенциальных плательщиков. Эта мера, утверждали правые Совета, сразу же принесет казне до 500 млн руб.⁴⁸⁸ То есть члены правой группы по сути остановились на том, чтобы практически не менять во время войны существующей системы налогообложения, а лишь поднять ставки уже существующих налогов и увеличить сборы за счет платежей с тех категорий лиц, которые ранее прямых налогов не платили.

Как сообщали газеты, правым удалось привлечь на свою сторону не только нейдгартовцев и думских националистов, но и часть группы центра, причем на развернутую ими кампанию против думской редакции закона «обращено самое серьезное внимание правительства».⁴⁸⁹ По оценке

⁴⁸⁶ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 84. Л. 5; Новое время. 1916. 5 января.

⁴⁸⁷ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 55. Л. 1–1 об., 8.

⁴⁸⁸ Там же. Л. 7, 24; Новое время. 1916. 15 января.

⁴⁸⁹ Вечернее время. 1916. 4 января.

А. Н. Мичурина, «предварительные результаты обсуждений по группам говорили о шатком равновесии между сторонниками и противниками налога». ⁴⁹⁰ Мнение это вполне справедливо, но с оговоркой, что спор велся не столько между противниками и сторонниками самого налога, сколько по думской редакции законопроекта. Впрочем, как отмечает далее сам Мичурин со ссылкой на А. А. Поливанова, «И. Г. Щегловитов принципиально не возражал против подоходного налога, а только считал законопроект недостаточно разработанным». ⁴⁹¹

Либеральная оппозиция тут же набросилась на правых, обвиняя их в желании провалить подоходный налог из своих корыстных побуждений. «Кампания против подоходного налога, которую открыл И. Г. Щегловитов во главе правых членов Государственного совета, вырисовывает в своеобразном свете патриотизм наших охранителей, — язвительно замечала кадетская „Речь“, — От гг. Щегловитовых государство в столь серьезный момент потребовало лишь одного, — уступки малой толики их доходов, — они и в этом отказывают родине! И после такого эгоистического жеста каким-то цинизмом звучат громкие словеса о патриотизме...». ⁴⁹²

Однако этот пафосный и эмоциональный выпад «Речи» против правых, как было показано выше, был крайне далек от объективности. Ведь правые Думы и Совета в своем большинстве выступали не против подоходного налога как такового, ⁴⁹³ а против того, чтобы, во-первых, рост его процентной ставки останавливался на доходе в 100 тыс. руб., а во-вторых, настаивали на замене его на время войны еще более крупным временным налогом, охватывающим самые широкие круги населения. ⁴⁹⁴ Да и с точки зрения

⁴⁹⁰ Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете... С. 190.

⁴⁹¹ Там же. С. 191.

⁴⁹² Речь. 1916 4 января. РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 84. Л. 3.

⁴⁹³ «Врагов основной идеи подоходного налога [в правой группе] нет, и поэтому полная победа, одержанная нашими оппонентами или защитниками подоходного налога <...>, абсолютно призрачная победа. <...> Никто против принципа подоходного налога не возражает», — заверял председатель правой группы граф А. А. Бобринский (Государственный совет. Стенографический отчет. 1916 г. Сессия XII. Стб. 185). «Беда-то наша заключается в том, — вторил ему И. Г. Щегловитов, — что перед нами во всей своей неприкосновенности тот несовершенный закон, который нуждается в самых серьезных исправлениях. <...> Предложение наше не направлено против законопроекта о подоходном налоге, а составляет придаток к нему» (Там же. Стб. 215). «По существу против подоходного налога возражений не имеется. Имеются возражения против данного законопроекта, но не против налога», — утверждал Н. А. Маклаков (Там же. Стб. 230).

⁴⁹⁴ «Главный мотив правой советской оппозиции зиждется на утверждении, что проект подоходного налога предусматривает обложение слишком малого процента населения», — констатировала влиятельная газета (Новое время. 1916. 5 января; РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 84. Л. 4).

элементарной логики, бояться роста прогрессивной шкалы налогообложения должен был в первую очередь отнюдь не Щегловитов, живший пусть и на солидное, но государственное жалование, а финансировавшие либеральную оппозицию круги крупной буржуазии, по которым и должна была в перспективе ударить мера, предлагаемая правым и левым крылом парламента.

Поэтому правые справедливо оппонировали своим политическим противникам, спрашивая их, почему же в таком случае патриотическое чувство либералов не подсказывает им необходимость вместо долгой и сложной работы по введению постоянной системы подоходного налогообложения, не способной принести плодов в ближайшее время, срочно принять закон о временном военном налоге на излишек прибыли?⁴⁹⁵ «Особенно дикое впечатление производит в данном случае ссылка на „патриотизм“ и укор правых, если вспомнить — да кто же, как не правые, поднял вопрос в Думе об усилении прогрессии обложения. Разумеется, если вводить подоходный налог, то он должен быть постоянно прогрессивным. Богачу легче заплатить 10–20% с дохода в 500 000 руб., чем трудящемуся человеку отдать 5% с дохода в 5000 руб. Почему же это предложение правых было отвергнуто?.. И кем же? Да теми же партиями, которые носятся со своим „прогрессом“... О „прогрессе“ они галдят. А как только вопрос коснется прогрессивного обложения доходов, — тут прогресс и смазали», — отмечал рупор фракции правых в Государственной думе «Земщина».⁴⁹⁶

Хотя, конечно же, было бы несправедливо считать, что часть представителей правых объединений Думы и Совета прогрессивная шкала налогообложения лично никак не касалась. В частности, оппозиция получила прекрасный повод для критики графа А. А. Бобринского, который 2 марта 1916 г. в своем выступлении в верхней палате, подчеркнув, что говорит от себя лично, а не от имени правой группы, заметил, что установление преувеличенной прогрессии приведет к постепенной ликвидации крупной собственности, которая в России преимущественно была представлена крупным землевладением.⁴⁹⁷ Таким образом, получалось, что каждая сторона

⁴⁹⁵ «Когда в Государственной думе этот проект (о подоходном налоге. — *А. И.*) лежал пять лет (подоходный налог впервые был представлен на рассмотрение Думы в 1907 г. — *А. И.*), об этом молчали, а когда в Совете его задержали [на] одну сессию — об этом сразу поднимают шум и изображают правых какими-то противниками этого справедливого налога», — заявлял, к примеру, Н. Е. Марков в своей речи, произнесенной на Особом совещании по реформе налоговой системы (РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 84. Л. 27).

⁴⁹⁶ Земщина. 1916. 6 января.

⁴⁹⁷ См.: Государственный совет. Стенографический отчет. 1916 г. Сессия XII. Стб. 497–500; *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 3. С. 332. В частности,

обвиняла другую в том, что в основе ее доводов лежит нежелание поступиться своими личными интересами: для части лидеров правого лагеря эти интересы были тесно связанными с крупным землевладением, а для части представителей оппозиции — с капиталом.

В итоге парламентское большинство провалило налоговые меры, предлагаемые правыми Думы и Совета. За пределами консервативных объединений налоговая политика правых встретила поддержку лишь в группе правого центра и националистов.⁴⁹⁸ 18 февраля 1916 г. Государственный совет большинством, 91 против 58 (2 воздержавшихся), проголосовал за думский проект. Предложение правых отправить законопроект на доработку в финансовую комиссию провалилось. И хотя консервативное крыло Совета добилось того, чтобы идея военного налога была обсуждена отдельно, как дополнительная мера, на заседании 25 мая она также не встретила поддержки большинства — против 43 правых членов Совета, внесших эту инициативу, проголосовало 70.⁴⁹⁹ По оценке председателя Государственного совета А. Н. Куломзина, предложение правых было непосильным для значительной части населения и «трудно осуществимым с точки зрения финансового дела».⁵⁰⁰ Но, очевидно, не последнюю роль играло и политическое противостояние: все члены «прогрессивных» групп дружно отвергли предложенный правыми законопроект. Причем для того, что бы провалить

либерально настроенный академик И. И. Толстой с возмущением замечал в своем дневнике 3 марта 1916 г.: «Вчера в Государственном совете отличился Алексей Бобринский, выступивший с протестом относительно высокого (10–12%) процентного обложения имеющих свыше 100 000 руб. дохода. Так как он сам один из оных, то бестактность выступления ясна для всякого, особенно после „патриотических“ заявлений о готовности пожертвовать „всем“ для победы России над врагом» (*Толстой И. И.* Дневник. С. 697). Между тем И. И. Толстой не совсем справедлив в отношении графа А. А. Бобринского, поскольку последний в своей речи, отметив, что установлением преувеличенной прогрессией будет сделан шаг в сторону ликвидации крупной земельной собственности, добавил, что критикуя эту меру, он не говорит о единовременном военном налоге, «на который мы же сперва предлагаем брать какие угодно средства», а отвергает лишь высокую ставку налога «постоянного, ежегодного» (Государственный совет. Стенографический отчет. 1916 г. Сессия XII. Стб. 499). В связи с этим выпад И. И. Толстого насчет «нежелания» А. А. Бобринского пожертвовать своими средствами ради достижения победы России над врагом следует считать необоснованным.

⁴⁹⁸ Речь. 1916. 20 февраля.

⁴⁹⁹ *Новикова Е. Э.* Государственный совет в годы Первой мировой войны. С. 23; Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета [А. Н. Куломзина] за XII сессию 1916 года. Пг., 1916. С. 12.

⁵⁰⁰ Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета [А. Н. Куломзина] за XII сессию 1916 года. С. 12.

проект консервативного крыла верхней палаты, ряды либералов перед голосованием были максимально усилены вызовом на заседание отсутствующих членов.⁵⁰¹ Присоединился к оппозиции и член правой группы А. А. Куракин.⁵⁰²

Между тем принятый 6 апреля 1916 г. закон о подоходном налоге остановился на сумме, с которой данный налог начинал взиматься, в 850 руб. годового дохода и выше,⁵⁰³ что автоматически вывело из-под его действия крестьянство. Таким образом, налог получился не всеобщим, а вспомогательным — для наиболее зажиточных слоев населения. При этом его прогрессивная шкала была весьма мягкой и составляла в пересчете на проценты от 7% до 12,5%.⁵⁰⁴

Уже после принятия закона правая группа постановила провести его экспертизу, поручив ее двум своим членам-юристам — Н. С. Крашенинникову и В. Н. Охотникову. Как следует из газетных отчетов, правым экспертам удалось выявить порядка 10 статей, составленных «без достаточной ясности», но, не желая приостанавливать одобренный императором закон, группа постановила вносить в него поправки по мере появления трудностей в его осуществлении на практике.⁵⁰⁵ Но, как и предупреждали правые, данный закон царскому правительству никаких средств не принес — им вводилась отсрочка платежей до 1917 года, но в 1917-м началась совсем другая эпоха...⁵⁰⁶

⁵⁰¹ Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете... С. 196.

⁵⁰² Там же.

⁵⁰³ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 445. Л. 2–2 об.

⁵⁰⁴ Котсонис Я. Подданный и гражданин... С. 181. Закон вводил следующую систему: с минимального дохода, подлежащего налогообложению (850 руб. в год), плательщик должен был вносить 6 руб. налога. Затем ставки постепенно повышались, достигая порога в 12%, при доходе в 400 тыс. руб. в год. Если доход был еще выше, то он облагался ставкой в 12,5% за каждые полные сверх этой суммы 10 тыс. руб. (Всеподаннейший отчет председателя Государственного совета [А. Н. Куломзина] за XII сессию 1916 года. С. 10.)

⁵⁰⁵ Новое время. 1917. 4 (17) февраля.

⁵⁰⁶ Впрочем, и без революции подоходный налог в том виде, в котором он был принят, едва ли смог существенно улучшить финансовое положение страны. Современник закона экономист Б. Имшеницкий писал по этому поводу: «...Одобрив его (подоходный налог. — А. И.) большинством голосов, отправили его на смотрины в Государственный совет и успокоились, уверенные, что совершили великое дело и спасли Россию. Но для спасения России нужно было 12 млрд руб. в год, а весь законопроект по заявлению министерства финансов мог дать всего 50–60 млн руб. и в лучшем случае 70 млн руб.» (цит. по: Кравцова Е. С. Подоходный налог в Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: от идеи до воплощения в жизнь // Вестник РУДН. Серия «История России». 2008. № 5. С. 92).

Вызванная двумя годами Первой мировой войны нехватка продовольствия, в особенности мяса, поставила в 1916 г. перед Государственной думой вопрос о необходимости сбережения имеющегося поголовья скота и приоритетности снабжения мясными продуктами армии.⁵⁰⁷ Вполне разумная мера, предполагавшая временно ограничить употребление обывателем мяса (говядины, свинины, баранины и изделий из них) в пользу находящихся на фронте солдат и офицеров, вызвала тем не менее бурную полемику в Думе, поскольку даже такой неполитический вопрос в условиях острого противостояния либералов и правых тут же оказался политизированным, одновременно дав «неисчерпаемую тему для упражнения в остроумии газетных юмористов».⁵⁰⁸

Проект закона, разработанный сельскохозяйственной комиссией Государственной думы, первоначально предлагал ввести четыре мясопустных дня — понедельник, среду, четверг и пятницу, что было мотивировано стремлением учесть интересы православного большинства империи, постящегося в отведенные церковью дни (среда, пятница). Однако в ходе обсуждения законопроекта в общем собрании Думы фракция кадетов устами депутата А. А. Добровольского предложила перенести дни воздержания от употребления мяса с пятницы на вторник, мотивируя свой подход стремлением сделать мясопустные дни непрерывными.⁵⁰⁹

Эта поправка сразу же вызвала серьезные возражения фракции правых, которые смотрели на законопроект о мясопустных днях иначе. Одобрять идею ограничения потребления мяса в целом и считая законопроект «вопросом огромной государственной важности», правые депутаты полагали невозможным в стране, в которой православие являлось государственным вероисповеданием, введение каких-либо постных дней, кроме установленных Православной церковью. «Гос. Думе вместо всяких чисто произвольных норм, стоило только запретить законодательным актом то, что уже 1000 лет воспринято живым религиозным сознанием православного русского народа в виде установленных Церковью постов», — отмечала курируемая лидером думских правых Н. Е. Марковым газета «Курская быль».⁵¹⁰ Такое решение вопроса, подчеркивали правые, было бы соотнесено с религией, историей и народным обычаем.

⁵⁰⁷ См.: *Иванов А. А.* Мясо и политика (правые и закон о мясопустных днях) // Герценовские чтения 2009. Актуальные проблемы социальных наук. Сб. научн. и учебно-метод. трудов / Сост. А. Б. Николаев. СПб., 2010. С. 92–96.

⁵⁰⁸ Земщина. 1917. 1 января.

⁵⁰⁹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 4653.

⁵¹⁰ Курская быль. 1916. 3 июля.

Правый депутат, священник С. А. Попов, вынесший этот вопрос на рассмотрение общего собрания Государственной думы (в соответствующей комиссии либеральное большинство отмахнулось от аналогичной поправки националиста В. В. Шульгина), усмотрел в поправке кадетов стремление «в скрытой форме нанесения некоторой боли христианскому сознанию», поскольку для потребления мяса либералами была выбрана пятница — уставной постный день, в который Церковь вспоминает страдания Христовы. «Что же такое Государственная дума позволяет себе делать, когда она установленные Христом и Апостолами посты совершенно оставляет в тени, а между тем устанавливает для этого какие-то новые посты?!» — недоумевал депутат-священник.⁵¹¹ Он пытался доказать либеральному большинству Думы, что для решения поставленной проблемы вполне достаточно государственного узаконения соблюдения существующих четырех постов (Рождественского, Великого, Петрова, Успенского), которые должны дать в сумме 150 мясопустных дней, а также традиционных еженедельных постных дней (среды и пятницы), что принесет еще около 100 дней в году. В случае соблюдения населением церковных постов такая мера должна была дать ощутимую экономию мяса. «В таком случае мы уважали бы право христианской совести христианских народов, населяющих нашу русскую землю (голоса справа: православных), и в то же время отказом от мясоедения и самоограничением <...> мы хорошо послужили бы делу сохранения скота и государству», — заключал о. С. А. Попов.

Впрочем, правые сомневались в том, что государство сможет принудить обывателя к соблюдению постов и проконтролировать говение народа, поэтому предлагали в качестве дополнительной меры ввести в городах карточки на мясо, дабы не дать значительной части интеллигенции и дворянства, не соблюдающих христианских установлений, обойти закон (как в редакции правых, так и четыре особых дня либералов), заготовив мясо заблаговременно. На простом же народе, указывали они, эта мера никак не отразится, т. к., во-первых, крестьянство привыкло поститься в указанные церковью дни, а во-вторых, мясо для него и так является редким яством; беднейшее же население городов из-за дороговизны вынуждено «поститься» без всякого закона.

В итоге прений формула правых звучала следующим образом: «воспрепятствовать употреблению в пищу мяса во все четыре христианских поста и в другие постные дни, а убой скота, разумеется, накануне этих дней, и, само собой, во время этих постов».⁵¹² Вражеских военнопленных правые и вовсе предлагали лишить мясной пищи.

⁵¹¹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 4656–4657.

⁵¹² Там же. Стб. 4657–4658.

Однако доводы правых вызвали критику со стороны депутата от кадетской фракции, иудея М. Х. Бомаша, посчитавшего, как писали правые издания, что законодательное требование от всего населения Российской империи соблюдения христианских постов оскорбит религиозные чувства евреев (при этом Бомаша не смущало предложение его фракции демонстративно перенести мясопустный день с пятницы на вторник). Естественно, что такое замечание тут же вызвало протест правых, возмущенных, что «религиозные чувства ничтожной горсти инородчины заслуживают большего уважения, нежели таковые же чувства 120-миллионной массы православного русского народа, хозяина страны».⁵¹³

Впрочем, докладчик сельскохозяйственной комиссии, разрабатывавшей законопроект, октябрист А. Н. Аносов попытался возразить правым, что отождествлять дни, предназначенные к отказу от употребления в пищу говядины, баранины и свинины к постным, было бы подменой сути законопроекта, т. к. в мясопустные дни никто не намерен требовать от населения поста, предложив употреблять в пищу птицу, кроликов и... оленину. «Перед нами совершенно другая задача, далекая от религиозных соображений», — констатировал депутат.⁵¹⁴ Но справедливости ради надо заметить, что правые и не предлагали законодательного закрепления собственно постов, а лишь говорили о необходимости соблюсти интересы православного большинства империи, установив ограничения на потребление оговоренных сортов мяса именно в те дни, в которые предписывает от него отказываться Православная церковь.

Отчасти поддержал правых лишь националист Д. Н. Чихачев, поднявший свой голос в защиту пятничного поста, предложив сплошным мясопустом сделать дни со вторника по пятницу, что в экономическом плане никак не могло бы отличаться от варианта кадетов. Однако, что характерно для националиста, в отличие от религиозного подхода к проблеме правых, он предложил соблюсти пятницу, т. к. «это более соответствует народному обычаю, по которому народ считает (! — *А. И.*) пятницу постным днем».⁵¹⁵

В результате думское большинство приняло поправку Чихачева и отклонило предложение Добровольского, что вызвало возмущение кадетов, поднявших шум, остановленный только председателем Думы. Как это ни парадоксально, но депутаты отклонили вариант законопроекта правых как «слишком радикальный».⁵¹⁶ Социал-демократы и вовсе отказались от голосования,

⁵¹³ Курская быль. 1916. 3 июля.

⁵¹⁴ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 4680.

⁵¹⁵ Там же. Стб. 4682.

⁵¹⁶ Там же. Стб. 4683

выразив мнение, что законопроект неприемлем для них в любом варианте, т. к. рабочим мясо якобы необходимо каждый день.

«Дума <...> показала свою глупость на законе о „мясопустных днях“», — констатировал в своем дневнике видный консервативный мыслитель Л. А. Тихомиров.⁵¹⁷

После утверждения законопроекта в Государственном совете и придания ему силы закона, он был опубликован в «Правительственном вестнике» с таким названием: «Закон о мерах к сокращению потребления населением мяса и мясных продуктов от крупного рогатого скота, телят, овец, ягнят, свиней и поросят».⁵¹⁸ Согласно его редакции, в империи вводился запрет на повсеместную продажу со вторника по пятницу мяса перечисленных животных и продукции из него; в те же дни воспрещалось изготовление в местах общественного питания мясных блюд (за исключением производимых на другие дни); с понедельника по четверг запрещался убой скота, а в разрешенные для этого дни (с пятницы по воскресенье) вводилось ограничение, допускавшее заготовление мяса лишь в количествах, позволяющих реализовать его в разрешенные для продажи дни (следить за этим полагалось собраниям городских уполномоченных и земским учреждениям); исключение допускалось лишь для обеспечения мясом нужд армии. Закон также регламентировал и систему наказаний для ослушников — штраф в 50–300 руб. и/или арест на срок не более трех месяцев для провинившихся в первый раз и тюремное заключение сроком до полутора лет для тех, кто допустил нарушение закона вторично и в последующие разы.

Реакция правых не заставила себя долго ждать. «Закон проведен, исполняется, наделал новую массу зла... Вообще, для меня несомненно, что величайшая язва России — это деятельность власти со всеми этими регламентациями, воспрещениями, регулировками, таксами и т. д. Нет ни одной умной меры, одна глупее другой. В применении они еще глупее. Если Россия экономически рухнет и потеряет силу бороться, то причина будет в этой деятельности. И нельзя говорить об армии. Закон о „мясопустных днях“ <...> обсуждался в Думе и Совете, т. е. минимум 700 человек. Это продукт национальной глупости», — отмечал на страницах своего дневника Л. А. Тихомиров.⁵¹⁹

Впрочем, как выяснилось вскоре, правые Государственного совета также пытались противодействовать внедрению в жизнь либеральной версии закона о мясопустных днях. Как писало «Русское слово», один из видных

⁵¹⁷ Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А. В. Репников. М., 2008. С. 298.

⁵¹⁸ Правительственный вестник. 1916. 20 июля (2 августа).

⁵¹⁹ Дневник Л. А. Тихомирова... С. 258.

членов Государственного совета, работавший в продовольственном совещании (Тихомиров не без оснований полагал, что речь шла о члене правой группы В. Н. Охотникове), подал председателю Совета министров Б. В. Штурмеру записку с критикой законопроекта.⁵²⁰ Следуя в русле взглядов традиционалистов, автор записки указывал на погрешение в законопроекте заветов Православной церкви, «которая знает три постных дня — понедельник, среда и пятница» (по особо строгому уставу понедельник также считается постным днем. — *А. И.*), а вовсе не те, что отвела под «пост» Дума. Правый член Госсовета подчеркивал, что такое установление Церкви, чередующей постные дни с непостными, небеспричинно, поскольку «негигиенично четыре дня поститься, а потом три дня обжираться», а в том, что в условиях российской действительности будет именно так, автор записки не сомневался. Кроме того, указывал он, четыре дня подряд воздержания от мясных продуктов, вводимые в систему, станут изнурительными для рабочих, испытывающих большие физические нагрузки.

Критике подвергалось и постановление, регламентирующее продажу мяса лишь тремя днями, поскольку, указывал правый политик, на деле это приведет к бессмысленной порче большого количества нераспроданного мяса на селе, так как условий для его хранения (заморозки) там нет. Запрет же на изготовление мясной продукции с понедельника по пятницу и вовсе оставляет ее производителей без работы. Кроме того, справедливо указывал автор записки, регуляция количества мяса, поставляемого на рынок, на практике невозможна, так как крестьяне из разных сел не могут заранее сговариваться о количестве забитого скота, да и убедить кого-то из них отказаться от сбыта мяса в пользу другого было бы делом бесполезным. Не обошел критик и гастрономический аспект, указав на абсурдность забоя животного за день до употребления его мяса в пищу, т. к. для приобретения мясом необходимых вкусовых качеств, оно должно вылежаться не менее суток. Вывод записки был категоричен: закон, проведенный прогрессивным большинством Думы и Совета, — неисполним, и на практике приведет лишь к резкому вздорожанию мяса. То, «что 400 членов Думы, близкие к жизни, не заметили всей несообразности этого закона — для меня совершенно непонятно», — заключал правый политик.⁵²¹

Эти доводы поддержал и Л. А. Тихомиров: «Сегодня видел чудо: в [,]Рус[ком] слове[,] помещена умная записка какого-то члена Гос[ударственного] Совета <...> по поводу закона о „мясопустных днях“. Разносит этот закон вдребезги. Я был поистине поражен, что нашелся умный человек

⁵²⁰ Русское слово. 1916. 26 июля.

⁵²¹ Там же.

среди этого бесчисленного стада идиотов, которые разоряют русские силы на радость немцам. Кажется, имя этого странного человека — Охотников».⁵²²

Однако, несмотря на контрдоводы правых, как уже отмечалось выше, законопроект обрел силу закона и начал претворяться в жизнь. На закате своего существования православное, согласно основным законам Российской империи, государство отказалось следовать традиции Православной церкви и пошло на поводу у либерального большинства парламента, сумевшего даже в чисто хозяйственную и экономическую меру внести элемент фрондерства и политики.

В связи с этим частным эпизодом думской борьбы правых и левых (к которым крайне правые не без оснований относили и кадетов⁵²³) уместно привести слова одного из членов правой группы Государственного совета архиепископа Никона (Рождественского), в 1915 г. заметившего: «Почему защитники Церкви, сторонники родных преданий, названы „правыми“, а противники их — „левыми“? <...> Так привыкли, так вошло в обычай. И хорошо. Мы так и будем знать. Чем дальше от Церкви, тем левее. Чем ближе к Церкви, тем правее. Церковь и ее идеалы, таким образом, являются как бы мерилom правизны и левизны <...> Вот наши „правые“ и тщатся в меру своих сил крепко держаться церковного воззрения <...> „Левые“, наоборот, не хотят держаться родного русского, а следовательно, и общецерковного мировоззрения...»⁵²⁴

Впрочем, закон о мясопустных днях не успел принести ни пользы, ни особого вреда — через полгода после его введения разразилась революция.

Отношение к общественным организациям

Особым пунктом можно отметить отношение правых к военно-промышленным организациям либеральной буржуазии. Военно-промышленные комитеты (далее ВПК), созданные по инициативе представителей московской промышленной буржуазии П. П. Рябушинского, А. И. Гучкова, А. И. Коновалова и М. И. Терещенко и ставшие первым в России опытом негосударственной мобилизации частной промышленности,⁵²⁵ должны были

⁵²² Дневник Л. А. Тихомирова... С. 258.

⁵²³ См., напр.: Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи... С. 14.

⁵²⁴ Никон (Рождественский), архиеп. Православие и грядущие судьбы России / Сост. свящ. Я. Шипов. М., 1994. С. 432–433.

⁵²⁵ Гуцин Ф. А. Военно-промышленные комитеты России в период Первой мировой войны (на материалах Нижнего и Среднего Поволжья): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003. С. 23.

переориентировать промышленность на выполнение армейских заказов. Председателем Центрального ВПК был избран октябрист А. И. Гучков.⁵²⁶ ВПК в определенной степени помогали решению таких острейших проблем, как обеспечение армии и тыла, эвакуация предприятий и населения, налаживание военного производства. Кроме того, они усиливали доверие союзников к России. Но в то же время, увеличивая экономическую силу деловых кругов, эти организации целенаправленно двигали их к политической власти. Как отмечает современный историк, ВПК изначально придавалось политическое значение, а интеллигенция была призвана к участию в их деятельности, к «хождению в промышленность» на манер «хождения в народ».⁵²⁷ В результате происходило неизбежное нарастание конфликта между властью и либеральной общественностью.

В противовес общественным организациям правительство законом от 17 августа 1915 г. создало ряд особых совещаний, подотчетных непосредственно императору: по обороне, по топливу, по продовольствию, по перевозкам и т. д. Правые поддержали правительство и выступили против проявления общественной инициативы, которую они считали неэффективной. «Еще в мае месяце, — говорил с думской кафедры Н. Е. Марков, — раздался голос патриота из Москвы Рябушинского, в мае месяце, гг., а сегодня уже 1 августа, а ведь до сих пор, несмотря на весь патриотизм этих людей, они еще ровно ничего не сделали для государственной обороны <...> все еще идет организация, идут приготовления, идут только сборы <...> легко произносить патриотические речи и очень трудно дать шрапнель, еще труднее дать ружье».⁵²⁸

Не испытывали правые особого оптимизма насчет патриотизма и особенно бескорыстия «новоявленных боянов русской промышленности». На ноябрьском совещании монархистов в Петрограде лидер фракции правых С. В. Левашев говорил о создавшейся вокруг ВПК «колоссальной вакханалии наживы» и призывал к ужесточению контроля над общественными организациями (включая земский и городской союзы), которые, по мнению правых, присваивая себе задачи государственной власти, явно с ними

⁵²⁶ По мнению октябриста Н. В. Савича, эта группа московских промышленников в итоге стала «мощным фактором революции, и на ее деньги революция [была] сделана». Гучков же, отмечал его бывший единомышленник, за несколько лет до революции «значительно дал крена налево, вновь сблизился с промышленной средой, стал их идеологом и глашатаем их желаний» (*Савич Н. В.* После исхода: парижский дневник. 1921–1923. М., 2008. С. 50).

⁵²⁷ *Гайда Ф. А.* Военно-промышленные комитеты // Российский либерализм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. М., 2010. С. 119.

⁵²⁸ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 282.

не справлялись.⁵²⁹ А член правой группы Государственного совета П. П. Кобылинский в сердцах назвал крупных российских промышленников, дорвавшихся до военных заказов, «лиходеями родины», чем навлек на себя гнев либеральных изданий, заставивших его в конце концов принести извинения.⁵³⁰

Между тем обвинения правых были не голословны. Как образно выразился советский историк Н. Н. Яковлев, российская буржуазия, «кричавшая на всех перекрестках о своем патриотизме и не забывавшая набивать карманы, отнюдь не употребляла сверхчеловеческих усилий для налаживания военного производства», зато отменно преуспевала в рекламе своих «патриотических» усилий.⁵³¹

В качестве альтернативы ВПК правые выдвинули предложение о создании совещания из девяти членов Государственной думы и девяти членов Государственного совета под председательством военного министра, которое занялось бы вопросами обороноспособности страны. Правые высказались категорически против включения в него промышленников и предпринимателей, потому как были убеждены, что последние начнут под видом патриотической деятельности и помощи стране проводить свои частные интересы в ущерб государственным. Из совещания также должны были быть удалены все те, кто находится «в родстве» с военными заказами. Никакие промышленники и предприниматели не должны были указывать правительству путь спасения родины.

Н. Е. Марков с думской кафедры выражал искреннее сожаление, что правительство из-за неспособности казенных заводов полностью обеспечить потребности фронта вынуждено прибегать к помощи частных предприятий дорогой для России ценой. Не без сарказма Марков замечал, что для России было бы гораздо лучше, если бы было меньше подобного патриотизма и больше казенных заводов, по крайней мере она сберегла бы огромные средства.⁵³² Впрочем, правые заявили, что в случае, если Дума

⁵²⁹ См.: Совещание монархистов... С. 14; Семенников В. П. Политика Романовых накануне революции (от Антанты к Германии) по новым документам. М.; Л., 1926. С. 100–101.

⁵³⁰ Утро России. 1915. 22 июля.

⁵³¹ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 2003. С. 173–174.

⁵³² Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Стб. 120. Опасения правых имели под собой серьезные основания. Дворцовый комендант В. Н. Воейков позже вспоминал, что согласно ведомости на 1 января 1916 г. военно-промышленные комитеты получали огромные отчисления, но давали более чем скромные показатели. Так, например, снарядов к бомбометам было заказано 3245 тыс., а сдано 96136 шт.; мин было заказано 663400 шт., а получено 119 шт. и т. д. (Воейков В. Н. С царем и без царя. С. 162).

пойдет навстречу существующим ВПК, они особо возражать не будут и поддержат, «хотя и скрепя сердце», допуск представителей ВПК в совещание и будут лишь надеяться, что «сознание государственной опасности и необходимости работать на государственную оборону восторжествует над всеми остальными соображениями даже в этой среде».⁵³³ Но возможность создания совещания исключительно из представителей т. н. деловых кругов правыми исключалась.

Критику правых вызывал также Земгор (созданный в июле 1915 г. Всероссийским земским союзом и Всероссийским союзом городов для организации производства и содействия снабжения действующей армии военным, тыловым и медицинским имуществом, снаряжением и продовольствием), быстро ставший превращаться в политический центр либеральной оппозиции, имевший к тому же возможность аккумулировать в своих руках большие казенные денежные средства и говорить через средства массовой информации от лица едва ли не всей российской общественности. Так, на одном из заседаний думской бюджетной комиссии Г. Г. Замысловский возмущался тем, что этим «самочинным организациям» правительство

Эти данные также согласуются с приводимыми сведениями о деятельности ВПК в воспоминаниях начальника Петроградского охранного отделения К. И. Глобачева, утверждавшего, что ВПК (данные на 1916 г.) давали лишь 0,4% всего боевого снаряжения, но при этом старательно создавали ложное представление о своей необыкновенной продуктивности (см.: *Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 60*). Даже входивший в Прогрессивный блок В. В. Шульгин, являвшийся членом Особого совещания по обороне, позже признавал, что ажиотаж, созданный вокруг якобы огромного вклада в дело обороны страны частными заводами, не имел под собой никаких оснований: 90% снарядов и других боеприпасов поставляли казенные заводы, и именно последние, а не частная промышленность, сделали чудеса, сумев не только выйти из временного кризиса, но и обеспечить страну всем необходимым для победоносного завершения войны (См.: *Шульгин В. В. Три столицы. М., 1991. С. 237*). Как пишет современный исследователь, за два года деятельности ВПК получили примерно от 3 до 5% всех военных заказов, переданных промышленным предприятиям Особым совещанием по обороне. «Но и эти заказы не были выполнены в полном объеме, выпуск готовой продукции составил 2–3%. Общая сумма переданных государством ВПК до Февральской революции военных заказов по разным источникам колебалась в пределах 350 млн руб. Следовательно, ВПК не сумели занять лидирующее место в системе регулирования российской экономики. По этой причине ряд современных исследователей склонен предавать большее значение политической деятельности ВПК, нежели экономической» (*Китанина Т. М. Россия в Первой мировой войне. 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика. Ч. 1. Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 — середина 1916 г. СПб., 2003. С. 138*).

⁵³³ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 290.

«почему-то выдает ссуды».⁵³⁴ А. Н. А. Маклаков, еще в бытность свою главой МВД, в связи с этим поднимал на заседании Совета министров вопрос о необходимости строжайшего государственного контроля над деятельностью «общественников». «Раз выдаются миллионы, то надо за ними следить», — справедливо указывал он.⁵³⁵

Кроме того, равно как и в отношении ВПК, правым доводилось замечать за земскими и городскими союзами явное выпячивание своих заслуг в ущерб общегосударственному делу и, более того, желание убедить общественность, что именно они, а не государство снабжают фронт и тыл всем необходимым. Сам старый земец, член правой группы Государственного совета С. И. Зубчанинов, бывший в годы войны главноуполномоченным по устройству беженцев, возмущался тем, что Земгор не пытается «войти в разумное взаимодействие с властными структурами», а конкурирует с ними, со всеми вытекающими из такой конкуренции последствиями. В качестве одного из примеров он приводил ситуацию, когда земские организации, желая показать, насколько лучше они заботятся о беженцах, нежели государственные органы, вместо общепринятой раздачи большого количества сухих пайков из сухарей, которым можно было накормить массы народа, прибегли к формально-сентиментальному и довольно показному акту — под вывесками своих организаций развернули для «десятитысячных станиц» несколько кухонь с горячими обедами.⁵³⁶

Суть таких акций правые видели не столько в непонимании общественными организациями специфики снабжения армии и беженцев, сколько в злонамеренном желании укорить государственную власть на государственные же деньги.⁵³⁷ Как замечал Е. Н. Трубецкой, придерживавшийся либеральных взглядов, глава Земгора князь Г. Е. Львов «стремился утереть нос правительству» (на правительственные же деньги) и возвеличить общественность. Кадет В. А. Маклаков также признавал, что наряду с помощью фронту лидеры общественных организаций преследовали и другую цель — «воочию показать преимущество „общественной“ работы над „бюрократической“». «Вся работа союзов (земского и городского. — *А. И.*) была

⁵³⁴ См.: *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 2. С. 345. К марту 1915 г. Земгором было получено от казны свыше 42 млн руб. (*Шевырин В. М.* Земский союз // Российский либерализм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 332).

⁵³⁵ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны... С. 40.

⁵³⁶ *Зубчанинов С.* Организация и условия работы по устройству беженцев... С. 10–11.

⁵³⁷ Кадет В. А. Маклаков позже признавал, что в годы войны Земский и Городской союзы жили на государственные ассигнования, так как «все их деньги шли от правительства» (цит. по: *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти. С. 54–55).

поэтому работой и политикой», — резюмировал он.⁵³⁸ Глава МВД князь Н. Б. Щербатов (человек отнюдь не правых убеждений), вынужден был признать, что создание Земгора было «колоссальной правительственной ошибкой», поскольку нельзя было допускать возникновения подобной организации без устава и определения грани ее деятельности. В итоге, констатировал князь, общественные организации «превратились в огромные учреждения с самыми разнообразными функциями, во многих случаях чисто государственного характера, и заменяют собою правительственные учреждения». Однако закрыть их глава МВД признавал уже невозможным, в связи с тем, что эти организации работают на армию, и репрессии против них могут вызвать политические осложнения.⁵³⁹

Бороться с этим явлением правые Думы и Совета предлагали следующими мерами: массовой отправкой т. н. «земгусаров» на фронт и проведением усиленной ревизии их деятельности с обязательной широкой публикацией ее результатов. А в том, что такая ревизия непременно покажет злоупотребление казенными деньгами и вскроет антигосударственную работу, ведущуюся под прикрытием общественной инициативы, правые не сомневались. Добиться этого им удалось лишь частично. Видный член правой группы Государственного Совета князь А. А. Ширинский-Шихматов был поставлен во главе ревизии для борьбы со злоупотреблениями при освобождении от воинской повинности, которая была назначена на конец февраля 1917 г. Член этой ревизионной комиссии Н. Д. Тальберг отмечал: «Множество лиц зачислялось в различные общественные организации, считавшиеся работавшими на войну. Эта среда включала в себя людей, которые вели противоправительственную и антидинастическую пропаганду на фронте и в тылу».⁵⁴⁰ Но работа ревизии началась за несколько дней до революции, после которой деятельность ее была прекращена.

При этом неверно было бы считать, что правые вообще были против любой общественной инициативы. Скорее, им была присуща подозрительность и скептическое отношение к подобной деятельности. Правые не требовали запрета ВПК и других организаций, а лишь настаивали на жестком государственном контроле за их деятельностью. Их пугал не тот факт, что общество стремится помочь нуждам войны, а то, в каких целях это делается и насколько продуктивна будет такая помощь. «Работа общества нужна,

⁵³⁸ Цит. по: *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти. С. 54–55.

⁵³⁹ См.: *Шевырин В. М.* Земский союз. С. 333.

⁵⁴⁰ *Тальберг Н. Д.* Верный до гроба. Князь А. А. Ширинский-Шихматов // *Тальберг Н. Д.* Русская быль. Очерки истории Императорской России / Сост. С. В. Фомин. М., 2001. С. 1018.

без содействия общественных сил на местах правительство не может продуктивно работать, — но одно дело — привлекать эти общественные силы к живому сотрудничеству с собою, и совершенно другое дело — самоупразднение правительственной власти и передоверие своих обязанностей и полномочий в руки первых встречных „спасателей“ России», — писала издававшаяся Н. Е. Марковым «Курская быль».⁵⁴¹

Правые не отрицали также и возможности привлечения отдельных частных лиц к делу помощи фронту и тылу. Так, к примеру, депутаты Я. В. Кривцов и П. А. Ярмолевич были инициаторами привлечения отечественного машиностроения (находившегося в частных руках) для выполнения государственных заказов, однако считали, что управлять деятельностью частных заводов должно само правительство, а не промышленники.⁵⁴² П. А. Ярмолевич предлагал даже обратиться к кустарям для выполнения определенных военных заказов, таких как изготовление колючей проволоки и т. п.⁵⁴³

Также признавались правыми депутатами и заслуги общественных организаций в области благотворительности, прежде всего, в деле оказания помощи раненым. В. М. Пуришкевич, напрямую столкнувшийся с этой сферой деятельности общественных организаций, утверждал, что без общественных сил в области санитарного дела «Россия не могла бы бороться так, как борется в настоящее время, и участь раненого солдата была бы горькой участью, если была предоставлена только одним чинам военного ведомства».⁵⁴⁴ Признавая, впрочем, определенные недостатки в работе этих организаций, Пуришкевич тем не менее считал возможным закрыть глаза на некоторые погрешности, чтобы «не умалять импульса воли тех, кто работает во имя победы, во имя светлых надежд русского народа».⁵⁴⁵ Возможно, именно поэтому политик счел для себя возможным, оставаясь в рядах правых, принять участие в военно-промышленном съезде русской буржуазии в июле 1915 г.⁵⁴⁶

Что же касается критики правыми деятельности общественных организаций, в особенности таких, как Земский и Городской союзы и ВПК, то она была во многом справедливой и аргументированной. Приведенные выше

⁵⁴¹ Курская быль. 1915. 13 октября.

⁵⁴² Справочный листок Государственной думы (Четвертый созыв — третья сессия). 1916. 8 (21) марта. № 63.

⁵⁴³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. Л. 23–24.

⁵⁴⁴ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 1500.

⁵⁴⁵ Там же.

⁵⁴⁶ Новое время. 1915. 26 июля (8 августа).

цифры, свидетельствующие о реальной доле частных организаций в деле снабжения армии всем необходимым, позволяют не согласиться с мнением некоторых исследователей, утверждающих, что без привлечения частной инициативы и деятельности «патриотически-настроенной» буржуазии фронт обойтись не мог.⁵⁴⁷ А вклад этих организаций в дело ниспровержения монархии, как и предупреждали правые, оказался гораздо значительнее, нежели их помощь фронту. Другое дело, что деятельность правых организаций на общественном поприще выглядела в силу ряда причин еще более блекло и бедно. За правыми не было ни капиталов, ни заводов и мануфактур. Поэтому на фоне широко разрекламированной деятельности «прогрессивной общественности» казалось, что единственное, на что способны правые, так это «тащить и не пущать», всячески препятствуя «искреннему патриотическому подъему» в среде российской буржуазии.

Правые и рабочий вопрос

Рабочий вопрос всегда занимал особое место в программных документах правых, в повестках дня съездов и совещаний. Не обошел он стороной и правых Думы и Совета. Наряду с политической организацией рабочих правые пытались объединить и привлечь их к черносотенным союзам путем экономической организации через создание обществ взаимопомощи, артелей и других подобных объединений. Задачей правых было направить борьбу рабочих сугубо в экономическое русло и организовать ее строго на законных основаниях, исключив саму возможность каких-либо политических требований со стороны рабочего класса. Однако предлагаемые правыми меры по рабочему вопросу не являлись сколько-нибудь масштабными. Правые старались разрешать возникающие между промышленниками и рабочими противоречия, согласно одному из их программных документов, «полюбовно, по Божию, следуя заповедям Господним».⁵⁴⁸ Правые также пытались втолковать рабочим, что они, прежде всего, являются представителями русского народа, а уже потом членами «международной семьи пролетариев», и поэтому национальные и государственные интересы, особенно в годы войны, должны стоять для них несоизмеримо выше личных. Однако подобные призывы смотрелись весьма блекло по сравнению с безудержной

⁵⁴⁷ См., к примеру: *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 232. Более соответствующим истине представляется суждение Н. Н. Яковлева, утверждавшего, что ВПК нужны были буржуазии «не для налаживания военной экономики, а как форум для ведения политической деятельности». См.: *Яковлев Н. Н.* 1 августа 1914. С. 173.

⁵⁴⁸ *Степанов С. А.* Рабочие и черносотенные организации 1905–1917 гг. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861–1917 гг. СПб., 1997. С. 370.

агитацией социал-демократов. Доктрина «малых дел», имевшая в своей основе урегулирование отношений между рабочими и предпринимателями, например, закон о фабричных старостах (1903 г.), на которую опирались правые, определенно проигрывала в сравнении с соблазнительной революционно-демократической агитацией.

В годы Первой мировой войны благосостояние рабочих резко ухудшилось, чего не могли не признать правые. На одном из закрытых заседаний Думы правый депутат П. В. Новицкий выступил за необходимость увеличения заработной платы рабочих в соответствии с прогрессирующей инфляцией. По его мнению, и мнению фракции в целом, давно назрела необходимость в создании специальной думской комиссии для рассмотрения всех нужд рабочих, которые по возможности должны быть удовлетворены. Экстренная необходимость в удовлетворении требований рабочих объяснялась тем, что «теперь война, ибо теперь самое важное время, когда нельзя ничего пропускать, и те мелкие нужды, которые кажутся здесь для многих мелкими, — важнейшие, ибо недоедание, гг., ведет к парализации труда <...> вы 40% экономите, а рабочий отощает на третий день и недоработает <...>. А когда военное время, когда нам нужно, чтобы победа была выиграна, на этом не экономьте», — предупреждал П. В. Новицкий.⁵⁴⁹

Попытки улучшить материальное положение рабочих предпринимались и А. Н. Хвостовым. Находясь в должности министра внутренних дел, Хвостов, как уже говорилось выше, разрешил даже устроить всероссийский рабочий съезд при условии его аполитичности и чисто деловой работы.

Но, проявляя заботу об улучшении положения рабочих, правые были категорически против забастовок любых видов. Они считали, что рабочие должны были добиваться повышения заработной платы и улучшения условий труда только «мирными» средствами. Вина же за злоупотребления на фабриках и заводах возлагалась правыми на враждебную администрацию из евреев и немцев. За военные годы отношение к рабочим забастовкам и прочим выступлениям рабочих стало еще более суровым. Характерно в этом отношении мнение Н. Е. Маркова, высказанное по поводу волнений на Путиловском заводе (находившегося, кстати, в частных руках, т. е. в руках «патриотически-настроенных» промышленников): «В настоящее время это преступно <...> благожелательность должна быть и от власти, и от заводоуправления, и от рабочих. Вот когда все три элемента без лицемерия, без обмана будут действительно благожелательно друг к другу относиться, выйдет толк, и можно будет найти выход из теперешнего

⁵⁴⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 237. Л. 27.

положения, но если один из элементов будет разбойничать, тогда другой элемент должен вешать».⁵⁵⁰

Любая забастовка в годы войны — преступление, так как простаивает завод, а следовательно, войска остаются без оружия и обречены на поражение. Кроме того, подчеркивали правые, рабочие — такие же военнообязанные, как и другие подданные царя, но только «одного солдата оторвали от семьи, отправив в окопы без всякого жалования», другого же, знающего ремесло, «избавили от возможности каждый день получать пулю в лоб», оставили в кругу семьи и выплачивают жалованье. Поэтому правые считали, что не желающие добросовестно исполнять свой долг в тылу, т. е. бастующие рабочие, должны отправляться исполнять свой долг в окопы.⁵⁵¹ Рабочий должен кротко трудиться, поскольку и так находится в более выгодных условиях, чем солдат, которого не спрашивают, чего он хочет и выгодно ли ему сражаться за Родину, рискуя жизнью, говорил Марков. Он же подчеркивал, что война стеснила всех, всем доставила неудобства, заставив многим поступиться, и рабочие не должны находиться в исключительных условиях. Таких же взглядов придерживался и В. М. Пуришкевич, неоднократно призывавший рабочих не внимать агитации левых партий, призывающих к «праздности» (имеется в виду требование о восьмичасовом рабочем дне), которая тем более преступна, когда русские солдаты бесшумно сидят в холодных окопах.⁵⁵² Впрочем, такой взгляд на забастовки не отрицал, как говорилось выше, иных путей борьбы за улучшение положения рабочих.

Причины забастовок виделись правым больше в агитации левых и немцев, чем в ухудшающихся экономических условиях, поскольку, говорили они, подорожание жизни «все испытывают, и телеграфисты, и почтальоны, и кондуктора, и чиновники мелкие, и все то бесчисленное количество граждан, которые получают каких-нибудь сорок — пятьдесят рублей в месяц <...>, но мы никогда не слышим о забастовках <...>. Почему же такое нетерпение допустимо для рабочих и недопустимо для всех остальных...?»⁵⁵³

Особо подчеркивалась роль в забастовочном движении немцев, которые, якобы не жалея никаких средств, «сеяли семена смуты и раздора» в различных слоях населения страны, уповая на устройство волнений среди рабочих. Любое недовольство, любые оппозиционные выступления,

⁵⁵⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 237. Л. 39–40.

⁵⁵¹ Там же. Л. 94–96.

⁵⁵² ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 248. Л. 1.

⁵⁵³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 237. Л. 93–94.

не говоря уже о забастовочном движении, правые хотели представить в виде происков внешнего врага и тем самым лишний раз напомнить, что борьба с этими явлениями должна вестись по законам военного времени.

Правые полагали, что добросовестных работников около 90%, но на их поведение воздействуют из «неведомых центров» левые, и, возможно, не без помощи врага, внося смуту в умы рабочих, а иногда и террором заставляя их не работать, угрожая расправой. Не меньшая вина возлагалась и на либералов, которые открыто провозглашали борьбу с властью в военное время. Борьба эта, считали правые, приведет к революции, а революция во время войны будет означать разгром России. Правые пытались втолковать Прогрессивному блоку, что «народ и рабочие — они люди дела, они люди мозолистых рук, они не болтуны, и словам вашим, к сожалению, верят», и если им говорить о том, что нужно бороться с властью во время войны, то, предупреждали правые: «знайте, что ваши слова ведут к восстанию, ведут к бунту, к народному возмущению, к ослаблению государства...».⁵⁵⁴

Показательно в этом отношении выступление Н. Е. Маркова на Совете старейшин Думы 2 марта 1916 г., посвященном проблеме забастовочного движения в Петрограде и закрытию властями на неопределенный срок Путиловского завода. В отличие от своих коллег — лидеров оппозиционных фракций, предлагавших различные умиротворяющие формулировки обращения к бастующим рабочим от лица Государственной думы, вождем правых произнес короткую и яркую речь принципиально иного рода. Судить о ней мы можем по конспекту, сделанному на этом заседании лидером кадетов П. Н. Милюковым.⁵⁵⁵

Суть этой речи Маркова в передаче Милюкова заключалась в следующем: объединившись в Прогрессивный блок, оппозиционные власти, думское либеральное большинство делает все, чтобы убедить общество в непригодности существующего правительства управлять страной и довести ее до победы над Германией. Но если допустить, что это так, продолжал Марков, то логически следует, что к этому неспособен и царь, поставивший такое негодное правительство. Ведь, указывал лидер фракции правых, кто говорит «А», должен сказать и «Б». Рабочие, начитавшись речей думской оппозиции, выразили ей поддержку, но увидев, что Дума только говорит, но ничего не делает, решили сами довести призывы либералов

⁵⁵⁴ Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Стб. 97.

⁵⁵⁵ См.: *Поликарпов В. В.* От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008. С. 480–482. Автор ссылается на: ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2461. Л. 3–4.

до логического завершения, т. е. произвести революцию. Поэтому, делал вывод лидер правых, перед Думой только два пути: либо переменить тактику и отказаться публично «гвоздить правительство» (Марков предлагал критиковать те или иные действия властей только на закрытых заседаниях Думы); либо встать во главе рабочего движения и пойти революционным путем. «Хуже всего убеждать: не делайте того, к чему мы вас логически призываем. Или примыкайте к революции, или прекратите опасное движение, которое Дума начала», — резюмировал Марков.⁵⁵⁶ И хотя председатель Государственной думы М. В. Родзянко, пытаясь смягчить неудобную своей откровенностью речь вождя думских правых, стал убеждать Маркова, что призывы Думы рабочим направлены совсем к другому, Марков твердо парировал: «Они (рабочие. — *А. И.*) сделают логический вывод! <...> Другого выхода, кроме революции, нет: надо менять власть, к[ото]р[ая] неспособна победить и не хочет уходить. <...> Если, действит[ельно], власть так плоха, то у вас другого выхода нет».⁵⁵⁷ Однако Родзянко, подводя итог этой полемики, выразил уверенность, что «критика ожидается страной и внесит успокоение».

Впрочем, нашлись среди оппозиционеров и те, на кого слова Маркова произвели должное впечатление. Так, прогрессист А. И. Коновалов признал, что «логика на стороне Маркова», а октябрист С. Т. Варун-Секрет, испугавшись перспектив, начертанных вождем правых, поспешил согласиться, что «пора прекратить речи по внутренней политике и говорить [о ней] только в закрытых заседаниях».⁵⁵⁸ Но большинство либералов считало иначе...

Как показали последующие события, правые оказались ближе всех к истине в предсказаниях последствий левой и либеральной агитации среди рабочих. При этом они осознавали, что их собственная экономическая платформа выглядит куда менее перспективно и заманчиво, чем обещания противоположного лагеря. Правые не смогли привлечь рабочих на свою сторону, несмотря на агитацию в их среде, создание экономических обществ и идеи организации приютов для детей-сирот воинов петроградских заводов. Более чем умеренная программа правых по рабочему вопросу не могла перекрыть соблазнительной и заманчивой пропаганды левых партий. Кроме того, рабочие, сталкиваясь с «ножницами» между установками правых не принимали участия в массовых выступлениях и необходимостью отстаивать свои экономические интересы путем стачек и забастовок, отходили от правых, делая свой выбор в пользу левых.

⁵⁵⁶ *Поликарпов В. В.* От Цусимы к Февралю... С. 480.

⁵⁵⁷ Там же. С. 480, 482.

⁵⁵⁸ Там же. С. 465–466.

Правые и свобода слова

Вопросы, связанные с функционированием органов печати и свободой слова, занимали правый фланг российских законодательных учреждений еще до войны. В 1913 г. фракцией правых Государственной думы был разработан проект новых правил о печати, предлагавший ряд мер по ужесточению цензуры и более активному вмешательству власти в политику средств массовой информации.⁵⁵⁹ «Мы стоим, гг., за то, чтобы железной рукой было остановлено оплевание наших святынь народных революционной печатью, но вместе с тем мы требуем, чтобы звоном и светом честной гласности были оздоровлены все уголки государственного строительства», — выражал предвоенную позицию фракции правых ее лидер А. Н. Хвостов.⁵⁶⁰ В том же 1913 г. глава МВД Н. А. Маклаков, ставший в годы войны одним из лидеров правых в Государственном совете, внес в Совет министров проект закона о печати, имевший более жесткий характер по сравнению с предыдущим. Проект восстанавливал предварительную цензуру, вводил просмотр отчетов о заседаниях правительственных органов их председателями для обеспечения достоверности и чтобы пресечь распространение неофициальной информации о деятельности органов власти.⁵⁶¹

Растущая озабоченность правых неудивительна — к 1914 году грамотность населения по сравнению с первыми годами царствования императора Николая II возросла с 27,8% до 40,2%, а начавшаяся война дала сильный толчок развитию либеральной периодической печати и увеличила ее тиражи вдвое и втрое.⁵⁶² В годы войны в Государственной думе с новой силой возобновилась полемика между правым и либеральным лагерем по поводу свободы печати, в частности по поводу действий военной цензуры. Члены

⁵⁵⁹ Проект новых правил о печати, внесенный на рассмотрение Государственной думы фракцией правых в марте 1913 года. СПб., 1913.

⁵⁶⁰ Речь председателя фракции правых Гос. Думы А. Н. Хвостова, произнесенная в заседании 20 мая 1913 г., при обсуждении сметы министерства внутренних дел. СПб., 1913. С. 7.

⁵⁶¹ Белогурова Т. А. Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. Смоленск, 2006. С. 31.

⁵⁶² Там же. С. 32. По данным Т. А. Белогуровой, в 1915 г. появилось 200 новых газет и 280 журналов, в 1916 г. — 110 газет и 240 журналов. В результате к 1917 г. в России сложилась мощная для своего времени пресса. В столичном Петрограде издавалось свыше 150 газет и листов, более 400 журналов; самые разные издания выходили более чем в 1808 населенных пунктах страны, причем «пресса становилась все смелее», «власть разного уровня подвергалась критике, которой не в силах была противостоять цензура» (Там же. С. 32, 34).

Прогрессивного блока настаивали на необходимости освещать все события тыла и фронта во всей их полноте (разумеется, речь не шла о разглашении военных тайн), категорически возражая против действий военных цензоров, изымающих из газет целые статьи и полосы, в результате чего газеты, особенно либеральные, пестрели белыми пятнами. Правые же, напротив, проявили полное понимание действий властей, выступив защитниками военной цензуры и противниками широкого осведомления армии обо всех темных сторонах жизни общества и государства. Такие вопросы, как свобода печати, полагали они, могут подниматься лишь в послевоенное время, когда первоочередной задачей перестанет быть борьба с внешним врагом.⁵⁶³ «Думается мне, — отмечал в начале 1917 г. в частном письме член правой группы Государственного совета Н. В. Плеве, — что по нынешним временам не придумаешь тут ничего другого, как подчинение непокорных газет предварительной цензуре и затем наблюдение, чтобы последняя действительно делала свое дело и не пропускала непозволительных статей».⁵⁶⁴

Правые признавали обилие прискорбных фактов как в тылу, так и на фронте, но не считали возможным, чтобы все новости, будь они даже проверенными и достоверными (а в том, что либеральные средства массовой информации будут предельно честными, правые сомневались), сообщались мирному населению и солдатам. По твердому убеждению правых, солдатам совершенно не должны поступать сведения о проблемах тыла, таких, как неустройство беженцев, забастовки рабочих, бездействие властей, поскольку говорить им о том, что у них «сзади министры друг с другом ссорятся, один другого валит, правительства никакого нет, в Государственной думе занимаются кооперативами, вводят на Камчатке земство, а о вас никто не думает», просто преступно.⁵⁶⁵

С завидным упорством правые оппонировали членам Прогрессивного блока, считавшим, как казалось правым, что, «когда в войсках станет

⁵⁶³ См., напр., *Иванов А. А.* 1) Фракция правых IV Государственной думы и вопрос о свободе слова в годы I мировой войны // Герценовские чтения. Актуальные проблемы социальных наук. 2003. СПб., 2003. С. 67–69; 2) «Если газеты будут продолжать мутить народ... закройте все газеты до последней»: правые Государственной думы и Государственного совета о свободе слова (1914–1917) // Научный диалог. 2012. № 9. Серия «История. Социология». С. 17–27.

⁵⁶⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1068. Л. 91. Уже в эмиграции либерально настроенный князь С. Е. Трубецкой писал: «Вообще, надо отметить, что наша военная цензура могла казаться строгой только тем, (кто не знал), что такое французская цензура» (Цит. по: *Белогурова Т. А.* Русская периодическая печать... С. 33).

⁵⁶⁵ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 1680.

известно все то, что здесь (в Государственной думе. — *А. И.*) говорилось, когда в войска проникнет радостная весть, что правительство именно таково, как его рисует г. Шульгин и другие слева, они бодро помчатся в атаку. Нет, <...> если войска потеряют веру в государственную власть, они в атаку не пойдут, а в атаку пойдут немцы...» (Н. Е. Марков).⁵⁶⁶ Правые предупреждали о гибельности для России антиправительственной пропаганды в армии, справедливо считая, что если солдат удастся убедить, что над ними изменники, предатели и враги, — «то ради врага воевать никто не будет» (Н. Е. Марков).⁵⁶⁷ Об этом же говорил и член правой группы Государственного совета Н. А. Маклаков: «Мне кажется, редакция отчета думских заседаний, где были резкие и часто беспочвенные нападки на правых, создавала такое положение, что армии нельзя было спокойно стоять на позиции».⁵⁶⁸

Впрочем, насчет редакции стенограмм думских заседаний единого мнения, похоже, не было. Если из слов Н. А. Маклакова видно желание подвергать цензуре публикации речей думских депутатов, дабы партийная борьба в стенах нижней законодательной палаты не становилась достоянием всего общества, то лидер думской фракции правых Н. Е. Марков со временем стал придерживаться несколько иного мнения. Видимо, не веря в то, что у власти хватит решимости и возможностей проводить твердую и системную цензурную политику в отношении публикаций речей депутатов от оппозиции и понимая, что предварительная цензура речей зависит исключительно от лояльного к оппозиции председателя Государственной думы М. В. Родзянко,⁵⁶⁹ лидер думских правых в 1916 г. неожиданно выступил за другую меру — полную отмену цензуры речей перед их публикацией со стороны председателя. Логика требования Н. Е. Маркова была следующей: поскольку председатель Думы сокращает и редактирует речи наиболее революционно настроенных левых депутатов,⁵⁷⁰ последние оказываются,

⁵⁶⁶ Там же. Сессия V. Стб. 96.

⁵⁶⁷ Там же.

⁵⁶⁸ Падение царского режима... Т. 3. С. 102.

⁵⁶⁹ «В Госуд[арственной] думе установилась с некоторых пор практика, допускающая председательскую цензуру речей, уже произнесенных, — информировал своих читателей „Вестник Европы“, — речь, задержанная председателем, появляется в печати просмотренную и, в иных случаях, урезанную» (Вестник Европы. 1916. № 6. С. 300).

⁵⁷⁰ По сообщению «Вестника Европы», в 1916 г. по этому поводу на Совете старейшин был выражен протест со стороны социал-демократа М. И. Скобелева, возмущенного тем, что М. В. Родзянко подверг редакции его речь, а также речи депутатов А. И. Чхенкели и А. Ф. Керенского. Родзянко же отшутился заявлением, что от его редактирования речи левых ораторов «только выиграли» (Вестник Европы. 1916. № 6. С. 300).

благодаря такой опеке, защищенными от законной ответственности за сказанные слова, в которых нередко содержится состав преступления против существующей власти. Требование Маркова прекратить редактирование речей крайне левых поддержал и Г. Г. Замысловский, настаивавший на том, чтобы М. В. Родзянко «объяснял каждый раз причину сделанного им сокращения, открывая, таким образом, путь к возбуждению уголовного преследования против оратора».⁵⁷¹ Такой кульбит правых, в результате которого требование левыми свободы слова обращалось в ответственность за все ими сказанное, вызвал возмущение либеральной оппозиции, отмечавшей, что «до таких геркулесовых столбов полицейского усердия едва ли доходили когда-нибудь заграничные единомышленники гг. Маркова и Замысловского».⁵⁷²

Кроме того, правые отмечали тот факт, что пресса освещает вопросы не согласно их действительной природе, а согласно требованиям и пожеланиям ее издателей. Большинство же российских либеральных и прогрессивных газет издавалось евреями или при участии евреев, а следовательно, с точки зрения правых, невозможно было бы дать таким изданиям свободу от цензуры.⁵⁷³

Предшествующий опыт указывал правым на то, что непредвзятости от оппозиционных газет (а таковых в годы Первой мировой войны было большинство) ожидать не приходится.⁵⁷⁴ Не секрет, что в отличие от речей деятелей Прогрессивного блока выступления правых в Думе и Совете, как правило, не приводились либеральными газетами целиком, а давались либо тенденциозными выдержками или в пересказе, создающем выгодное для оппозиции представление о правых. «Речи правых в либеральных газетах

⁵⁷¹ Цит. по: *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 6. С. 300.

⁵⁷² Там же.

⁵⁷³ В связи с этим еще до войны правые предлагали правительству ввести закон, согласно которому ответственными редакторами повременной печати евреи могут быть только в черте оседлости (Проект новых правил о печати, внесенный на рассмотрение Государственной думы фракцией правых в марте 1913 года. СПб., 1913).

⁵⁷⁴ «Когда говорят правые ораторы, думские журналисты их вовсе не слушают, — сетовала еще в 1907 г. правая газета „Киевлянин“ — Это для ложи печати — антракт. Когда выйдет революционный оратор, тогда только перья и карандаши журналистов опять заскрипят» (цит. по: *Ораторы России в Государственной думе. Т. 2. (1907–1917 гг.)*. СПб., 2004. С. 44). На злонамеренное искажение в либеральных изданиях речей правых указывается и в работе А. В. Давиденко, по мнению которого, монополия либеральной оппозиции на печать привела в конечном итоге к полному информационному поражению правых к 1917 г. См.: *Давиденко А. В.* Правомонархические интерпретации думской монархии (октябрь 1905 — февраль 1917 г.). Хабаровск, 2006. С. 173–175.

печатаются в сокращенном и извращенном виде; между тем речи эти могут вызвать симпатии в самых широких кругах населения, если бы печатать их полностью», — замечал один из активистов Союза русского народа, священник Петр Скубачевский в письме к члену фракции правых протоиерею Алексию Станиславскому, в котором призывал издать ключевые речи правых депутатов отдельным сборником для более широкого их распространения.⁵⁷⁵

На то же сетовал и редактор «Российского гражданина» П. Ф. Булацель, лично присутствовавший на думских заседаниях: «Прямо беда! Приходится терять много времени на то, чтобы ездить в Государственную думу, потому что следить за думскими речами по газетным отчетам стало невыносимо. Каждая газета теперь излагает речи членов Думы по-своему, выпуская, переставляя и добавляя не только отдельные слова, но и целые предложения. Поэтому истинного представления о произносимых в Государственной думе речах иметь никто не может, кроме тех, кто их сам слушает».⁵⁷⁶

Как вспоминал уже после революции лидер правых в Государственной думе Н. Е. Марков, «то, что в действительности происходило в Таврическом дворце, видела и слышала какая-нибудь тысяча человек», а «сотня миллионов русского народа узнавала обо всем лишь через газеты, телефонные агентства и журналы». Причем в результате переработок оппозиционных газет «думские отчеты являлись сплошным извращением действительно происходившего»: «Речи враждебных монархии и властям ораторов подавались в улучшенном и дополненном в газетных редакциях виде, с выпуском слабых или неудачных мест, с вставлением никогда не сказанных фраз. Речи в защиту правительства <...> или вовсе замалчивались, или так искажались, что, читая такой отчет, часто нельзя было понять, что собственно хотел сказать негодный еврейской газете оратор. Бесчисленны были случаи, когда правым членам Государственной думы газетные „отчеты“ приписывали прямо противоположное тому, что они говорили». В результате такой газетной кампании, констатировал Марков, «почти вся думающая и читающая Россия исполнилась доверием и уважением к тем партиям,

⁵⁷⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1027. Л. 584; Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 годах // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 124.

⁵⁷⁶ Булацель П. Ф. Дневник // Российский гражданин. 1916. № 6. С. 14. В качестве примера таких искажений Булацель приводил следующий эпизод: «Один из правых публицистов, сотрудничающих в „Земщине“ и „Русском знамени“, остался очень недоволен речью В. М. Пуришкевича, ознакомившись с нею в „Вечернем времени“ и в „Новом времени“, но когда он высказал свои сомнения своей супруге, та успокоила его, уверив, что слушая лично речь В. М. Пуришкевича в Государственной думе, она вынесла от нее очень отрадное и приятное впечатление» (Там же).

которые восхвалялись и подавались „русской“ печатью в качестве бескорыстных защитников народа, геройски боровшихся с „тиранией самодержавия“, и недоверием, почти ненавистью к тем, кто <...> отстаивал благодетельный для России исторический самодержавный строй».⁵⁷⁷

Политические же противники правых из либерального лагеря в свою очередь также признавали, что развязали против них информационную войну. К примеру, видный деятель кадетской партии, в прошлом депутат Государственной думы А. А. Кизеветтер на заседании московского отделения ЦК партии кадетов, проходившем в ноябре 1915 г., призывал своих однопартийцев к планомерной борьбе с правыми. Борьба эта, указывал он, «должна выразиться в дискредитировании в глазах общества главарей правых организаций» при помощи печати как столичной, так и провинциальной. Предложение Кизеветтера было принято совещанием с решением передать его петроградскому руководству партии.⁵⁷⁸

Как это ни парадоксально, но так добивавшиеся свободы слова и свободы печати либералы, беспощадно критиковавшие правых за их антидемократическую позицию, оказавшись у власти, почти сразу же запретили все правые газеты, включая марковскую «Земщину». В 1917 г. бывший лидер фракции правых Н. Е. Марков саркастически заметил, что черносотенная пресса оказалась загнанной свободой печати в подполье.⁵⁷⁹ «Ныне, как нам известно, — констатировал Марков в марте 1917 г., — полная свобода печати и потому редакция и типография „Земщины“ конфискованы, редактор и издательница „Русского знамени“ сидят в тюрьме, а остальным правым изданиям во имя равноправия воспрещено выходить в свет».⁵⁸⁰ Еще в 1913 г. Марков, рассуждая в одной из своих думских речей о «безграничной» свободе, которой требовали левые и либералы, пророчески предупредил, что когда такой апологет свободы слова, как трудовик А. Ф. Керенский, волею случая окажется председателем республики, он же первый пошлет городских схватить Маркова, что, как известно, и произошло.⁵⁸¹

Свое отношение было у правых и к так называемым «пустотам» в газетах. Н. Е. Марков настаивал на обязательном закрытии газет, которые пестрят

⁵⁷⁷ Марков Н. Е. Войны темных сил. Статьи. 1921–1937. С. 164–166. Уже в эмиграции, на слова кадеты Д. С. Пасманика «все это Дума виновата, она организовала революцию», член Прогрессивного блока октябрист Н. В. Савич ответит: «Больше виновата пресса, она подготовляла десятками лет, она нервировала и обманывала народ...» (Савич Н. В. После исхода. С. 200).

⁵⁷⁸ Переписка правых... // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 144.

⁵⁷⁹ Чхартшвили П. Ш. Черносотенцы в 1917 г. // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 139.

⁵⁸⁰ Новое время. 1917. 18 (31) марта.

⁵⁸¹ См.: Правые партии... Т. 2. С. 350.

белыми пятнами: «заполняй объявлениями, хотя бы о рщении волос, но не смей давать пустот <...>. Если газеты будут продолжать мутить народ, смущать армию, закройте все газеты до последней, ни одной газеты не должно быть», — наставлял Марков редакторов.⁵⁸² Парадоксальным при такой твердой и решительной позиции выглядит тот факт, что газеты правых, в том числе и наиболее близкая думской группе «Земщина», подвергались цензуре и были далеко не свободны от пустот на своих страницах.

Впрочем, некоторые правые депутаты сомневались, что военная цензура редактирует и изымает именно то, что нужно, и не пропускает недозволенного. Причина этого виделась в том, что в списках чинов военной цензуры иностранные (немецкие) фамилии встречались гораздо чаще, чем русские. Взять хотя бы приведенный на одном из думских заседаний правым депутатом К. А. Тарасовым подобный список по Москве: председатель цензурного комитета Дембовский, цензоры Кристен, Леман, Таубе, Гельслебен, Генс, Янек, Ауге и другие.⁵⁸³

Свое внимание фракция правых обращала также и на необходимость осуществления специального контроля над кинофильмами, особенно зарубежными (путем цензуры и специальных высоких налогов на иностранные киноленты), крайне необходимого, по их мнению, в военное время. Правые считали, что давно назрела необходимость бить в набат, т. к. «кинематографы пропагандируют порнографию и уголовщину <...> их обратили в орудие революционного пропагандирования народа».⁵⁸⁴ Особенно вредными представлялись правым кинокартины, посвященные французской революции, наводнившие отечественный кинопрокат накануне революции русской. А тот факт, что прокат подобных кинолент осуществлялся в самых дешевых кинотеатрах, т. е. был доступен рабочим и другой простонародной публике, заставлял правых регулярно поднимать вопрос о революционизировании народных масс зарубежными кинофильмами.

Протестовали правые и против показа народу документальных съемок ужасов войны. «Покажите нашему народу <...>, — писала редактируемая Н. Е. Марковым «Курская быль», — красоту и величие подвигов наших воинов <...>, покажите чудеса техники <...>, покажите работу наших санитаров на поле боя и жизнь наших воинов на позициях; дайте ряд снимков, сделанных во время посещения городов нашим Державным Вождем и членами

⁵⁸² Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 201.

⁵⁸³ Там же. Стб. 1182–1183.

⁵⁸⁴ Земщина. 1917. 12 февр.; *Кирьянов Ю. И.* Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001. С. 323.

Его семьи; покажите великую самоотверженную работу наших Августейших Сестер милосердия...». ⁵⁸⁵

Правые настойчиво требовали прекратить скрытую антимоноархическую пропаганду (например, фильмы, идеализирующие французскую революцию) и акцентирование негативных явлений, вызванных тяжелейшей для России войной, что неизбежно должно было приводить лишь к недовольству существующим политическим строем, и призывали использовать влияние кинематографа и периодической печати для поднятия патриотических и верноподданнических чувств, ибо только при поддержании в народе веры в самодержавие, веры в искренность патриотических чувств царской семьи и правительства, веры в могущество и непобедимость русской армии и компетентность ее командования возможна победа в мировой войне, вызвавшей напряжение всех народных сил.

Подводя итог, следует заметить, что правые расценивали (и не без оснований) медийную политику либеральной оппозиции как информационную войну, развязанную против самодержавного строя и ее защитников, а потому выступали за усиление правительственного вмешательства в данную сферу. Но, несмотря на то, что позиция правых в вопросе о допустимых пределах свободы слова в годы войны во многом смыкалась с позицией правительства, отношение их к военной цензуре было все-таки двойственным: с одной стороны, правые считали ее необходимой и даже высказывались за меры по ее усилению, с другой — находили ее несовершенной и даже прогермански настроенной, когда дело касалось правых изданий. Поэтому добиться каких-либо реальных успехов в своей политике в этом вопросе правые так и не смогли.

Правые и проблема народного пьянства

Забота о народном здравии и борьба с пьянством всегда занимали особое место в программе правых. ⁵⁸⁶ Антиалкогольная политика правых всегда была тесным образом связана со стремлением улучшить народное благосостояние, поскольку именно в народном пьянстве им виделась одна из главных причин материального неблагополучия простонародья. В довоенные годы правые вели активную пропаганду в этой сфере, публиковали специальную литературу, читали лекции, организовывали чайные, поддерживали законопроекты, направленные на борьбу с пьянством, выступали яркими противниками государственной монополии на продажу спиртных

⁵⁸⁵ Курская быль. 1915. 27 января.

⁵⁸⁶ См., напр.: *Размолodin М. Л.* Русский вопрос в идеологии черной сотни. С. 310–319.

напитков, считая, что никакие доходы в казну с пьющего человека не пойдут государству на пользу.

Незадолго до начала Первой мировой войны правой фракцией Государственной думы был выдвинут законопроект «О мерах борьбы с пьянством»,⁵⁸⁷ предусматривавший ограничение продаж спиртного и допустимых мест для торговли им; увеличение объема минимальной тары; уравнение с крепкими спиртными напитками пива, медов, браги; ограничение времени продажи спиртного (с 9 ч. до 19 ч. в городе и до 17 ч. на селе); полный запрет на продажу водочных изделий в дни православных праздников, строгие посты, воскресные дни и дни им предшествующие; предлагалось взимать крупные штрафы за появление в общественных местах в нетрезвом виде и подвергать алкоголиков принудительному лечению; строго карать торговцев спиртным, нарушающих закон; ввести обязательную пропаганду трезвого образа жизни в учебных заведениях; учредить специальный государственный орган за контролем над ситуацией и др.⁵⁸⁸

Этот взгляд на проблему народного пьянства разделяли и члены правой группы Государственного совета. «Каждый пропитый рубль является рублем убитым», — писал в 1914 г. один из видных деятелей правой группы князь Д. П. Голицын-Муравлин. «Каков бы ни был ярлык на бутылке, мы

⁵⁸⁷ Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы. М., 2006. С. 82–86.

⁵⁸⁸ Отметим, что эта инициатива правых встретила тогда заметное сопротивление со стороны владельцев питейных заведений. В фонде члена Государственного совета графа И. И. Воронцова-Дашкова отложилось обращение от «Общества владельцев питейных заведений трактирного промысла, торгующих крепкими спиртными напитками в городе С.-Петербурге и его пригородах», в котором авторы просили членов Гос. Совета заблокировать думский законопроект, поскольку он, по их подсчетам, не считая местных и храмовых праздников, запрещал торговлю спиртным 92 дня в году. Такое положение дел должно было разорить питейный бизнес, а между тем, заверяли авторы записки, питейные заведения для народа «необходимы», т. к. являются «не столько местами потребления крепких напитков, сколько местами общения». «Нет никаких оснований запрещать населению в течение более полугода употреблять за едой вне дома крепкие напитки», — резюмировали владельцы питейных заведений, указывая членам Гос. Совета на то, что закон убьет «целую отрасль отечественной торговли». Требование же правых депутатов, указывали они, «находится в полном противоречии с требованием жизни и ее внутренним укладом в России». Но чтобы их протест совсем уж не выглядел как поощрение народного пьянства, авторы записки предлагали свою меру борьбы с алкоголизмом: постепенное понижение крепости водки до 30–25° (ОР РГБ. Ф. 58/II. Картон 43. Ед. хр. 4/5. Л. 3–7). Подобные проекты «борьбы с пьянством», составленные пивоварами, владельцами винно-водочных заводов и торговцами горячительными напитками, направлялись правым членам Государственного совета и в годы войны. См.: РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 53. Л. 18–28.

ошибаемся, когда называем пустою ту бутылку, из которой уже выпито вино; это бутылка не пустая, в ней заключается часть русской созидательной мощи и часть русского народного богатства».⁵⁸⁹ Русский народ пьет не потому, что он беден, а беден, потому что пьет, — утверждал князь.

А в январе 1914 г. правая группа Государственного совета единогласно поддержала предложение своего члена В. Н. Охотникова добиваться от властей повышения розничной стоимости крепких спиртных напитков.⁵⁹⁰

И хотя законопроект правых Думой принят не был, по мнению историка Ю. И. Кирьянова, целенаправленная политика монархистов в этом вопросе оказала существенное влияние на решение императора Николая II в 1914 г. ввести «сухой закон», встреченный правыми с восторгом.⁵⁹¹ Правые рассчитывали, что в связи с принятием государственной программы по прекращению пьянства на время войны успех делу будет обеспечен.

При этом надо отметить, что довоенный взгляд на решение проблемы пьянства был далеко не у всех лидеров правых таким радикальным. Уже цитировавшийся нами выше князь Голицын-Муравлин, поддержавший законодательную инициативу думских правых и считавший пьянство «наиболее опасным внутренним врагом России», призывал борцов с этим общественным недугом не рубить с плеча, а признать, что решение проблемы долгое, требующее миссионерской и воспитательной работы со стороны тех, кто ведет трезвый образ жизни. Если же радикально убить возможность для народа удовлетворить свою привычку к спиртному, писал князь, есть опасность убить и рабов этой привычки, коих в России слишком много.⁵⁹² При этом князь справедливо указывал критикам винной монополии, что проблема пьянства коренится не в ней, что монополия лишь растение, принявшее исполинские размеры потому, что попало на благодатную почву, а значит и отмена ее ничего, кроме перетекания дохода от продажи алкоголя в частные руки, не даст. «Пьянство пошло у нас не от казенной продажи питей, пьянство привело нас к казенной продаже питей, как к самой повелительной необходимости», — резюмировал правый политик. Но вместе с тем, признавал он, прибыль русской казны от продажи спиртных напитков пропорциональна убыли русского духа и как результат на месте «русского леса, затопленного алкоголем», виднеется «мелкий кустарник развешающей нас бездарности».⁵⁹³

⁵⁸⁹ Голицын-Муравлин Д. П. Исконный враг русского народа. Харьков, 1914. С. 2.

⁵⁹⁰ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 53. Л. 25.

⁵⁹¹ Кирьянов Ю. И. Правые партии. С. 335.

⁵⁹² Голицын-Муравлин Д. П. Исконный враг русского народа. С. 3.

⁵⁹³ Там же. С. 7. Князь был убежден, что, несмотря на заметные технические и экономические успехи Российской империи, из-за массового пьянства народ лишился

Не оставили правые этого вопроса и с введением на время войны «сухого закона».⁵⁹⁴ В первые дни войны некоторые из них с удовлетворением отмечали, что одного слова, произнесенного с высоты царского престола, так подействовавшего на психику русского народа и «превратившего его к всеобщему удивлению не только в глубоко убежденного, но прямо в фанатика-трезвенника», оказалось достаточно, чтобы народ возжелал, «чтобы этот высокоумный и достопамятный царский запрет не был снят по окончании войны».⁵⁹⁵ Более того, правые верили в то, что «русская сила ныне идет в бой трезвая, а тевтонская сила идет пьяная, нечистая...».⁵⁹⁶ Официальная статистика как будто подтверждала эти сведения. В статистическом обследовании за 1915 г. отмечалось благотворное влияние «сухого закона» на благосостояние и нравственное поведение рабочих и крестьян.⁵⁹⁷

Член правой группы Государственного совета А. И. Мосолов отмечал, что царский запрет на продажу спиртного позволил, в отличие от событий Русско-японской войны, спокойно и без эксцессов провести мобилизацию. Как следовало из доклада, прочитанного Мосоловым перед Объединенным дворянством, хулиганство в стране прекратилось, семейная жизнь наладилась, «прекратились грабежи, драки и скандалы. Не стало слышно безобразной ругани. На улицах исчезли босяки, и нищие стали редким явлением». «Это ли не чудо!» — восклицал докладчик.⁵⁹⁸ Более того, утверждал Мосолов, благосостояние протрезвевшего народа, несмотря на войну, выросло, о чем свидетельствует увеличение к 1915 г. банковских вкладов

самого главного — творчества. «Ведь рост духовный определяется не мостами, не банковскими операциями, а творчеством. Этого творчества нет ни в какой отрасли. Великих людей больше нет! А великие люди — не случайное явление, это результат избыточного отложения народных сил, государственной мощи. Их нет! Они были, когда мы учились — они были, а теперь их нет <...>. Талант скрылся, его не стало более. Засосало его пьяное болото, на котором булькают скверные пузырьки футуризма, кубизма, модернизма!» (Там же. С. 5.)

⁵⁹⁴ См.: *Иванов А. А.* Русские правые и проблема народного пьянства (годы Первой мировой войны) // Актуальные вопросы истории: материалы межвузовской науч. конференции. 20 мая 2009 г. Н. Новгород, 2009. С. 49–51.

⁵⁹⁵ Государственная дума. Созыв IV. Сессия III. Стб. 68.

⁵⁹⁶ Там же. Сессия IV. Пг., 1915. Стб. 132; *Околович К.* Пасхальный привет христороливному воину. Пг., 1915. С. 12.

⁵⁹⁷ *Кирьянов Ю. И.* Правые партии... С. 335. Отрезвление рабочих. Статистическое обследование влияния прекращения продажи спиртных напитков на производительность труда рабочих / Под. ред. Ф. И. Кубацкого. М., 1915.

⁵⁹⁸ Доклад Постоянному совету Объединенных дворянских обществ товарища председателя А. И. Мосолова. [Пг., 1915]. С. 4; См. также: РГИА. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 33. Л. 2–2 об.

и статистика по Московской губернии. Если до войны, отмечал Мосолов, население губернии потребляло алкоголя на 48 млн руб. в год, то теперь эти деньги остаются в семьях.

И надо сказать, что таково было общее мнение. На первых порах «сухой закон» дал впечатлявшие современников результаты. «Все винные лавки закрыты, и вы не узнали бы Петербурга, — писал в частном письме сотрудник „Нового времени“ Е. Егоров некоему С. Потехину. — То же самое повсюду, и в деревнях прекратилось буйство, хулиганство, даже самоубийства. Трезвая Россия — только подумайте об этом!»⁵⁹⁹ Да и либерал В. Д. Кузьмин-Караваев признавал: «Месяц войны дал поразительную картину народного отрезвления. И, чтобы быть объективным, нельзя не признать, что замечаемое всюду наблюдательно-спокойное отношение к войне, без эксцессов <...>, если не главным образом, то в весьма значительной степени должно быть отнесено на счет изъятия из обращения алкоголя. <...> По единогласному отзыву „отсутствие водки переродило народ“».⁶⁰⁰

«Зеленый змий», казалось правым на первых порах, был поражен, «шевельлись» лишь «змееныши» — пиво и вина.⁶⁰¹ «Добейте змеенышей, — призывали они, — тогда вы увидите тот колоссальный рост, какой примет Россия».⁶⁰² Таким образом, антиалкогольная кампания, предпринятая правыми, шла даже дальше принятого императором «сухого закона». Член правой группы Государственного совета Д. Д. Левшин в одной из своих речей сравнивал борьбу за народную трезвость с войной с немцами, подчеркивая, что «зеленый змий» для России враг еще более давний, чем германизм. Правый политик призывал воспользоваться сложившейся ситуацией и превратить временную меру в постоянную, для чего предлагал членам верхней палаты ходатайствовать перед императором о сохранении сухого закона и по завершении войны «до того времени, когда бы великий человеческий океан, именуемый Россией, улегся бы от бурных волн мировой войны и когда в нем все стало бы на место».⁶⁰³ А правый депутат-священник

⁵⁹⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1209.

⁶⁰⁰ Кузьмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1914. № 9. С. 372–374.

⁶⁰¹ «Сухой закон», введенный в 1914 г., подразумевал запрет на продажу крепких спиртных напитков за исключением виноградных вин (не крепче 16%) и пива (не крепче 3,7%), которые дозволялось продавать в ограниченном числе специальных торговых заведений и в определенные часы (с 9 до 18). См.: Карпачев М. Д. Движение за народную трезвость в Воронежской губернии в начале XX в. // Вопросы истории. 2010. № 9. С. 88–89; Пашков Е. В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 87.

⁶⁰² Новое время. 1915. 29 января (11 февраля).

⁶⁰³ Государственный совет. Стенографический отчет. 1915. Сессия X. Пг., 1915. Стб. 96.

Ф. П. Адриановский настаивал, чтобы и по окончании войны не допускать в России ни под каким видом продажи не только крепких спиртных напитков, но и виноградных вин и пива, видя в этой мере «залог будущего возрождения Русского государства».⁶⁰⁴

Однако довольно скоро правым пришлось признать иллюзорность своих надежд. Уже осенью 1914 г. в правых газетах появились статьи, полные негодования по поводу потребления народом денатурированного спирта, «киндер-бальзама», политуры, «ханжи»⁶⁰⁵ и тому подобных «напитков».⁶⁰⁶ Местами доходило до того, что определенная категория людей, не имевшая возможности достать спиртное, стала потреблять лаки и краски, свободная продажа которых в отдельных регионах империи тут же была запрещена.⁶⁰⁷ В итоге в 1915 г. один из постоянных ораторов фракции правых по данному вопросу, А. П. Вишневский, вынужден был открыто признать, что пьяные в России есть и, по всей видимости, будут, поскольку торговля денатуратом, «одурманивающими квасами» и одеколоном идет бойко. Аптека же, по его словам, и вовсе превратилась в кабак, «где покупают к свадьбам и ко всем пиршествам всевозможные капли, всевозможные настойки, но все не в миниатюрных флакончиках».⁶⁰⁸ Через полгода тот же депутат признал, что пьянство не только не сократилось, а продолжает прогрессировать в самой опасной степени.⁶⁰⁹

«С прекращением казенной продажи водки пьянство в простом народе вовсе не сократилось, — также информировал князя Д. П. Голицына-Муравлина неизвестный корреспондент. — Тайные винокуренные заводы, так называемые каштаки, [есть] в каждой деревне».⁶¹⁰ Причем количество этих тайных заводов становилось пугающим. Если в предвоенный 1913 год

⁶⁰⁴ Справочный листок Государственной думы (Четвертый созыв — третья сессия). 1915. 29 янв. № 3.

⁶⁰⁵ Как указывал А. И. Мосолов, низы общества из-за невозможности достать водки пристрастились к новому вредному напитку «ханжа», популярность которого распространяется с «огромной быстротой». «Напиток» представлял собой денатурат, «перегоняемый через горячий хлеб и сдабриваемый различного рода квасами и виноградными соками» (РГИА. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 33. Л. 3 об.).

⁶⁰⁶ Земщина. 1914. 21 октября, 16 ноября. В шутку даже говорили, что пьяниц отныне следует называть не алкоголиками, а «политурщиками», «одеколонищиками», «денатуратчиками» и т. п.

⁶⁰⁷ Пашков Е. В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны. С. 89.

⁶⁰⁸ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 969.

⁶⁰⁹ Там же. Стб. 1830.

⁶¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 25.

по всей России было выявлено лишь 600 случаев подпольного самогонварения, то в 1915 г. их уже насчитывалось 6 тыс., а с осени 1916 по весну 1917 г. — более 9 тыс.⁶¹¹

Член правой группы Государственного совета А. И. Мосолов приводил в своем докладе следующие цифры, полученные им из Министерства финансов и газетных источников: 1825 заводов подпольно занимались производством «особой» водки «кумушки», 160 — тайно продолжали винокурение, 92 — очищали политуру, 60 — занимались очисткой денатурированного спирта.⁶¹² А. И. Мосолов с досадой признавал, что «все отбросы населения» толкуются в длинных «хвостах» у лавок, торгующих денатуратом якобы для технических целей (хотя подлинные цели, замечал Мосолов, читались на лицах покупателей).⁶¹³ Признавал Мосолов и злоупотребления со стороны медиков, приводя в пример тульского врача, арестованного за продажу в качестве «лечебного средства» 600 ведер водки. Также было обращено внимание и на проблему разрастания черного рынка и подпольных питейных заведений.

Выход из сложившейся ситуации А. И. Мосолов видел следующий: 1) довести производство денатурата до полной невозможности его употребления как напитка; 2) ввести самые строгие условия отпуска чистого спирта; 3) ужесточить наказание за продажу вредных спиртосодержащих смесей вплоть до каторги; 4) признать пьяное состояние отягчающим, а не смягчающим обстоятельством при совершении правонарушений; 5) карать тайное винокурение.⁶¹⁴ Эти меры были полностью поддержаны съездом Объединенного дворянства.

Искренняя озабоченность правых вопросом народной трезвости не осталась незамеченной наверху. 3 февраля 1916 г. член правой группы Государственного совета граф А. А. Бобринский был высочайше назначен председателем Особого совещания для объединения мероприятий, направленных к укреплению народной трезвости.⁶¹⁵

Вместе с тем оказалось, что одной монаршей воли было недостаточно для прекращения такого многовекового русского недуга, как пьянство. Это обескуражило правых, но рук они не опустили. Правые полностью под-

⁶¹¹ Пашков Е. В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны. С. 90.

⁶¹² РГИА. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 33. Л. 4. См. также: Утро России. 1915. 10 февраля.

⁶¹³ Доклад Постоянному совету Объединенных дворянских обществ товарища председателя А. И. Мосолова [Пг., 1915]. С. 5.

⁶¹⁴ Там же. С. 78; РГИА. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 33. Л. 4–4 об.

⁶¹⁵ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 53. Л. 15.

держали действия властей, штрафующих заведения, продолжавшие тайно реализовывать спиртные напитки, призывали к более строгому контролю над аптеками, пытались обратить внимание общества на самые пагубные последствия тайного производства и продажи спиртосодержащей продукции. Накануне революции, 20 февраля 1917 г., при настойчивом давлении правой группы в Государственном совете была сформирована специальная комиссия, призванная подготовить проект, закрепляющий в России «сухой закон». По мнению князя Д. П. Голицына-Муравлина, председателя Особого совещания по укреплению трезвости, лоббировавшего создание такой комиссии, грядущий «благост мир» не должен быть нарушен «набатов повального пьянства», которое непременно бы наступило, если бы вместе с прекращением войны прекратилось бы и действие «сухого закона».⁶¹⁶ Поэтому, подчеркивал он, итоговый закон должен был стать «краеугольным камнем для дальнейшей трезвенной реформы».⁶¹⁷

В состав комиссии из 15 членов 6 мест получили правые, заняв к тому же руководящие посты (В. К. Десятовский (Саблер) — председатель, В. М. Охотников — товарищ председателя).⁶¹⁸ Но комиссии довелось провести лишь одно заседание, состоявшееся 22 февраля 1917 г., — начавшаяся революция поставила крест на дальнейшей разработке этой меры.

Национальный вопрос

Первая мировая война принесла не только усиление социально-политической и экономической нестабильности, но и существенно повлияла на рост межнациональной напряженности и обострение национального вопроса. В целом национальная политика правых мало в чем изменилась в годы войны. На первом, особом месте стоял еврейский вопрос. Однако взгляд на него оставался более чем традиционным и не претерпел каких-либо существенных изменений (за исключением позиции, занятой В. М. Пуришкевичем⁶¹⁹), поэтому нет нужды освещать его подробно в рамках данного исследования. Кроме того, как справедливо замечает М. В. Лыкосов, в годы Первой мировой войны в риторике правых «германский империализм временно заменил „Кагал“», и, в силу обстоятельств, в «жида» был превращен немец.⁶²⁰ Поэтому можно лишь отметить, что в годы войны правые рассматривали

⁶¹⁶ РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. Д. 4. Л. 13 об.

⁶¹⁷ Новое время. 1917. 23 февраля.

⁶¹⁸ Там же.

⁶¹⁹ Об этом см. во втором параграфе четвертой главы данной книги.

⁶²⁰ Лыкосов М. В. Проблема развития России в русской консервативной печати в годы Первой мировой войны. Июль 1914 — февраль 1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006. С. 21.

евреев исключительно как спекулянтов, мародеров, германских шпионов, людей не способных (или не желающих) защищать Россию и страстно жаждущих ее поражения. Еврейство, считали правые, ведет войну против России в союзе с Германией; оно же во многом руководит действиями Англии и Франции, стремясь подчинить Россию своим интересам. Поэтому либеральный лагерь, а также левые партии, добиваясь равноправия евреев, выполняли, по мнению многих правых, роль «приказчиков еврейского кагала». Исходя из этого, правые продолжали проводить юдофобскую политику, не допуская и мысли о возможном равноправии евреев и отмены черты оседлости, на которых настаивал Прогрессивный блок. Более того, правые были уверены, что «черта оседлости и еврейские законы <...> крайне недостаточны, но отменять их теперь, и притом не в интересах замены их чем-либо более действенным, было бы для России гибельным». ⁶²¹ А между тем перемещение беженцев из западных и юго-западных губерний в центральную Россию, как отмечает историк Ю. И. Кирьянов, практически разрушило черту оседлости, и позиция правых по этому вопросу лишь свидетельствовала о неадекватном восприятии ими реальной обстановки. ⁶²²

Неоднократно также касались правые и привилегированного положения Великого княжества Финляндского, жители которого были освобождены от воинской повинности. Так, на одном из заседаний бюджетной комиссии Г. Г. Замысловским был поднят вопрос о неправомерности положения, при котором Финляндия «не дает ни одного солдата и не платит ни одной копейки на военные расходы», в то время как русский народ проливает свою кровь и тратит свои средства, в том числе и «ради покоренных же им инородцев». Завершая свою речь, Замысловский предлагал лишить ничем не обоснованной привилегированности «чухонских аристократов», введя для них такие же повинности, как и для остальных народов Российской империи. ⁶²³ Однако правительство, опасаясь проявления недовольства со стороны финнов и, как его следствия, возможного вмешательства в финляндские дела соседней Швеции, несмотря на объявленный нейтралитет поддерживающей Германию, от предложений правых воздержалось. ⁶²⁴

⁶²¹ Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 125.

⁶²² См.: Кирьянов Ю. И. Правые партии... С. 241.

⁶²³ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 9. Л. 575–575 об.; Вестник СРН. 1915. 7 марта.

⁶²⁴ На заседании Совета министров летом 1915 г. государственный контролер П. А. Харитонов назвал Финляндию «блаженной страной», жители которой «наслаждаются и богатеют» в то время, когда «вся Империя изнемогает в военных тяготах». «Даже

Другой проблемой, по которой правые имели особое мнение, был вопрос об автономии Польши. Здесь следует отметить, что, хотя т. н. «польский вопрос» зачастую рассматривается исследователями как вопрос внешнеполитический, сами правые считали иначе, обсуждая его в контексте внутривнутриполитическом, что, на наш взгляд, является более оправданным.

С самого начала войны царское правительство поставило среди первоочередных задач задачу восстановления Польши в ее этнических границах, т. е. стремилось к созданию т. н. «целокупной Польши» из трех разрозненных частей, что практически означало отвоение захваченных в свое время Австрией и Пруссией польских земель и объединение их в единое образование, пользующееся определенной автономией в составе Российской империи. Еще в 1914 г. в высочайше одобренном акте, подготовленном ведомством С. Д. Сазонова, говорилось о возрождении Польши, «свободной в своей вере, в языке, в самоуправлении».⁶²⁵ Однако, пройдя несколько этапов обсуждения и горячих споров, вопрос о границах свободы и самоуправления Польши так и не был решен царским правительством с определенностью и ясностью.

В ходе этого обсуждения активное участие приняли И. Г. Щегловитов и Н. А. Маклаков (настоящий и будущий члены правой группы Государственного совета), которые совместно с Л. А. Кассо составили в октябре 1914 г. записку о будущем Польши. Правые министры предлагали ограничить будущий Польский край строго по этнографическому признаку, отторгнув от него Сувалкскую губернию (северная часть Польши, населенная в большей степени литовцами, нежели поляками), а также указывали на необходимость помнить о неделимости Российской империи. В связи с этим ими предлагалось сохранить решение всех общегосударственных задач исключительно в российских учреждениях; местные польские учреждения наделить исключительно хозяйственными функциями «без всяких полномочий законодательного характера»; использование польского языка в местных учреждениях разрешить только при условии ведения всего делопроизводства

от основной гражданской обязанности: защищать государство от неприятеля, — продолжал Харитонов, — они освобождены. Давно бы следовало притянуть их хотя бы к денежной повинности». Однако глава МИДа С. Д. Сазонов призвал министров оставить финнов в покое, указывая, что любое недовольство со стороны финнов будет тут же использовано Швецией в своих интересах. В итоге председатель Совета министров И. Л. Горемыкин, вынужденный согласиться с Сазоновым, заявил: «Овчинка выделки не стоит. Пользы от кучки чухонцев нам будет мало. А неприятностей не оберешься... И без того все осложняется, чтобы нам еще с финляндцами возиться. Ну их всех к черту» (Цит. по: *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи. С. 260).

⁶²⁵ История внешней политики России... С. 480.

на русском; отстранить поляков от участия в делах военных, иностранных, суда, Православной церкви и учебного дела; не допустить преобладания числа польских чиновников края над русскими, а во главе автономии поставить царского наместника.⁶²⁶ Предложения эти явились правой реакцией на воззвание к полякам великого князя Николая Николаевича от 1 (14) августа 1914 г. в котором он пообещал, что под скипетром русского царя «возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении».

Очевидно, что предложения консерваторов не отвечали надеждам самих поляков, чаявших самой широкой автономии, а то и независимости, однако русские правые к этому и не стремились. Как заметил по этому поводу Н. А. Маклаков, «наша цель не то, чтобы поляки были довольны, а чтобы далеко не отходили от России».⁶²⁷ А в особом мнении, изложенном И. Г. Щегловитовым, Н. А. Маклаковым и М. А. Таубе (все трое в разное время члены правой группы Гос. Совета), указывалось на то, что восстановление Польши есть мера вынужденная, но не особо желательная, т. к. «наши союзники Англия и Франция (Венский конгресс 1815 и 1863 гг.) могут обнаружить склонность рассматривать польский вопрос под углом зрения, не имеющим ничего общего с собственно русскими историческими интересами». Поэтому, указывали они, Россия не должна поддаваться в этом вопросе нажиму со стороны союзников, ибо польский вопрос «может и должен быть предоставлен решению исключительно лишь России в полном соответствии с русскими государственными интересами».⁶²⁸

Но если до 1915 г. правые всячески подчеркивали, что разрешение польской проблемы — «вопрос второстепенный», то после того, как Германия, оккупировав Польшу, объявила о создании из польских областей столь желанного поляками независимого государства, тон в этом вопросе пришлось заметно менять. Как замечает А. Ю. Бахтурина, в связи с германским актом о государственной самостоятельности Польши, в российских политических кругах появилось небезосновательное мнение, что автономия поляков уже едва ли удовлетворит.⁶²⁹

Правда, далеко не все поляки признали законность германского акта, справедливо рассматривая его лишь как возможность для Германии пополнить свои войска за счет населения Польши. Думская группа поляков —

⁶²⁶ Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начала XX вв.). СПб., 1998. С. 402–403.

⁶²⁷ Там же. С. 404.

⁶²⁸ Там же. С. 406.

⁶²⁹ Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи. С. 74.

польское коло — также отказалась признать этот акт, надеясь на восстановление свободной Польши или на получение широкой автономии из рук российского императора. Либеральные круги в свою очередь тоже считали, что российское правительство должно было предупредить германский акт изданием своего акта, разрешающего польский вопрос.

Правые же придерживались другого мнения. Они не допускали какого-либо разрешения национальных вопросов (в том числе и польского) в годы войны, полагая, что обсуждение их преждевременно. И лишь по окончании войны, когда будут рассмотрены заслуги тех или иных народов, им «будет дана награда от России, но русский народ при этом не должен быть обижен». ⁶³⁰ Поэтому, подчеркивали они, «Россия в настоящее время может разрешить польский вопрос только силою оружия на полях сражения». ⁶³¹

Правые не считали возможным давать ни Польше, ни другим национальным окраинам империи каких-либо обещаний, кроме заверений, что после войны все пожелания национальных меньшинств будут рассмотрены и лишь тогда будет видно, заслужили ли они те права, на которые претендуют. Как вспоминал А. Н. Наумов, видный член правой группы Госсовета А. С. Стишинский жаловался на «засилье польского вопроса» в обсуждениях верхней палаты, называя переживаемый страной период не иначе как «польской болезнью». ⁶³²

Однако после того, как император повелел Совету министров разработать законопроекты о предоставлении Польше по завершению войны «права свободного строения своей национальной, культурной и хозяйственной жизни на началах автономии под державным скипетром государей российских и при сохранении единой государственности», ⁶³³ взгляд правых на польский вопрос стал значительно мягче. Способствовала этому и патриотическая позиция, занятая большинством поляков в отношении Российской империи, заставившая правых Думы и Совета откликнуться на нее словами поддержки. «Мы по совести можем и обязаны сказать: честь и слава польскому народу! Глубокое, сердечное русское спасибо польской женщине! Русский народ понимает, что за это нельзя благодарить словами, нельзя и заплатить деньгами», — отмечал в своей речи лидер правой группы Государственного совета П. Н. Дурново. ⁶³⁴

В связи с занятием немцами Варшавы и угрозой, вызванной германским признанием независимости Польши, другой член правой группы

⁶³⁰ Государственная дума. Созыв IV. Сессия III. Стб. 130.

⁶³¹ Там же. Сессия V. Стб. 26.

⁶³² Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. Кн. 2. С. 278.

⁶³³ Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия XI. Стб. 9.

⁶³⁴ Там же. Стб. 34.

Государственного совета, граф А. А. Бобринский, предлагая «земно поклониться нашим товарищам-полякам», патетически заявлял с трибуны: «Мужайтесь, братья, потерпите еще немного, пробьет и для нас час победы. Грустим мы об утрате дорогой сестры, столицы польской, но Россия говорит ей не „прощай, Варшава“, а „до скорого свидания“!»⁶³⁵

Генерал-лейтенант М. М. Бородкин (также член правой группы) в 1916 г. восклицал: «Братья поляки Царства Польского! Мы вместе вышли на великую борьбу, мы вместе приносили неслыханные жертвы. Совместная борьба теснее сплотила наш союз крови. Варшавы тех дней, когда она засыпала цветами русских воинов, ни вы, ни мы не забудем. Мы знаем, что несчастная Польша — в развалинах и ограблена <...>. Потерпим вместе до конца, и наши цели будут достигнуты. Мы верим, что победа будет нашей. <...> Мы знаем, что поляки Царства Польского <...> верноподданные Русского Государя и лишь временно придавлены тевтонскою пятою. Сказано, что границы, разрезавшие на части польский народ, будут стерты. Державный наш Повелитель не оставит своею великою милостью членов своей обширной семьи, честно поработавших на кровавой ниве и жестоко на ней пострадавших. Русский народ всегда честно расплачивался кровью и золотом, и неблагодарностью себя в истории не запятнал. Итак, обождем и будем терпеливо продолжать общую, изнуряющую работу...».⁶³⁶ Таким образом, избегая каких-либо конкретных обещаний Польше до победоносного окончания войны (кроме подтверждения заверений о том, что единство польского народа будет восстановлено, но в границах Российской империи), Бородкин лишь намекал полякам, что если они и дальше верно будут служить интересам России, то их ждет благодарность русского народа, однако в чем она будет выражаться, осторожно умалчивал.

«Русская Польша должна сливаться в борьбе с тевтонами с русским морем», — отсылая к А. С. Пушкину, резюмировал суть взглядов правых И. Г. Щегловитов.⁶³⁷ При этом, когда в феврале 1917 г. в правительственных сферах обсуждался вопрос о даровании Царству Польскому «прав независимого государства», но с «сохранением связи между Россией и воссоединенной Польшей», Щегловитов высказался за этот проект.⁶³⁸

⁶³⁵ Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия XI. Стб. 65.

⁶³⁶ Государственный совет. Стенографический отчет. 1916. Сессия XIII. Стб. 19.

⁶³⁷ Там же. Стб. 26. И. Г. Щегловитов цитирует слова из стихотворения А. С. Пушкина «Клеветникам России» (1831), в котором поэт так пишет о русско-польских отношениях: «Уже давно между собою / Враждуют эти племена; / Не раз клонилась под грозою / То их, то наша сторона. / Кто устоит в неравном споре: / Кичливый лях, иль верный росс? / Славянские ль ручьи сольются в русском море? / Оно ль иссякнет? вот вопрос».

⁶³⁸ Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи. С. 74.

Резко поменял в годы Первой мировой войны свое отношение к полякам и депутат правой фракции Государственной думы В. М. Пуришкевич (мать которого, Луиза Владимировна, урожденная Джуминская — была полькой). До войны Пуришкевич видел в поляках преимущественно сепаратистов, желающих во что бы то ни стало вырваться из состава Российской империи. Незадолго до войны, в декабре 1912 г., он вопрошал с трибуны IV Государственной думы: «В тот момент, когда у нас, быть может, завтра будет война с Германией и Австрией, не поляки ли готовят восстание подобно тому, как это было при войне с Наполеоном, не польское ли население, не польские ли силы все будут к услугам того неприятеля, который ворвется в русские пределы?»⁶³⁹ Но война заставила правого политика диаметрально пересмотреть свои взгляды на польский вопрос. Начиная с 1915 г. поляки удостаиваются от него комплиментов за «жгучую ненависть к немцам». «Трагична судьба! — восклицал политик в феврале 1916 г. — Вы знаете мое отношение в прошлом к полякам. Я был их ненавистником. В настоящее время год войны на фронте сделал из меня их величайшего друга, ибо поляки вели себя доблестно — так, как дай Бог, чтобы вел себя кто-либо другой».⁶⁴⁰

Вместе с тем правые выступали рьяными противниками примирительной политики в «финляндском вопросе» и любых других «националистических поползновений» иных народностей, населяющих многонациональную Российскую империю (прежде всего против т. н. «мазепинства» на Украине, воспринимавшегося правыми как всецело созданное и субсидируемое Австро-Венгрией и Германией).

⁶³⁹ Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв IV. Сессия I. Ч. 1. Стб. 296; *Клепикова В. В.* Польский вопрос глазами В. М. Пуришкевича // Ключевские чтения — 2010. История России: личность, общество и природа страны: Материалы Всероссийской научной конференции: Сб. науч. тр. М., 2010. С. 260.

⁶⁴⁰ Речи В. М. Пуришкевича в заседаниях Государственной думы 12 февраля и 21 марта 1916 года. С. 16. Эта перемена не осталась незамеченной в правом лагере. Корреспондент В. М. Пуришкевича В. И. Кузнецов писал ему: «Вы назвали поляков „нашими друзьями“. Прожив несколько месяцев в Польше, вы подверглись гипнозу со стороны льстивых поляков и обольстительных полек во вред русским интересам. Сбросьте этот гипноз и обратитесь к истории. В течение 800-летнего существования Польши между нею и Россией были постоянные войны, дерзкие оскорбления наших Государей, наглые издевательства над верой и гонения на наших единоверцев. Разве не то же самое происходит в наше время? <...> Не ясно ли, что поляки не изменились? Такими они были всегда, такими и останутся. В настоящей войне они держат сторону России, но это вынужденная роль; в действительности же их симпатии на стороне Австрии, от которой они ждали своего возрождения» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1025. Л. 357).

Такая позиция правых по национальному вопросу также объяснялась постоянной оппозиционностью национальных групп Государственной думы и их единением с Прогрессивным блоком. Так, внесенная депутатом К. Б. Тевкелевым от имени национальных групп (латышской, эстонской, литовской, армянской, мусульманской и еврейской) формула перехода к очередным делам, содержащая требование об отмене всех национальных ограничений, была всецело поддержана думской оппозицией. Лишь с небольшим перевесом голосов (191 против 162) правым и националистам удалось «провалить» требование национальных групп и оппозиции.⁶⁴¹

В целом политика правых в национальном вопросе сводилась к лозунгу великой единой и неделимой России, поэтому они всячески старались оттянуть решение данного вопроса, не соглашаясь ни на какие уступки до окончания войны.

§4. Правые объединения Государственной думы и Государственного совета и монархическое движение: интеграция и взаимодействие

При всестороннем рассмотрении деятельности правого фланга обеих законодательных палат российского парламента в годы Первой мировой войны не представляется возможным обойти вниманием и такой вопрос, как степень их интеграции в правомонархический лагерь в целом и их взаимодействие. Уже само слово «фракция» (относительно Государственной думы), в буквальном переводе означающее «часть», «долю» или, выражаясь терминологией самих правых, — «сколок», подразумевает отдельную небольшую группу лиц (в нашем случае — думских депутатов), проводящих и отстаивающих политику более крупного политического организма (правомонархического лагеря в целом, «черной сотни»). Поэтому изучение думской фракции, не являющейся, как справедливо отметил историк Р. Б. Ромов, самостоятельным субъектом политической жизни, может быть плодотворным только в контексте представляемого ею движения.⁶⁴² В значительной степени (хотя и в несколько меньшей) это касается и правой группы Государственного совета, объединившей в своих рядах как беспартийных правых монархистов, так и видных деятелей правомонархического движения.

⁶⁴¹ Зорин В. Ю., Аманжолова Д. А., Кулешев С. В. Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законоотворчества. М., 1999. С. 189.

⁶⁴² Ромов Р. Б. Фракция правых в III Государственной думе (1907–1912): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 3–4.

Прежде всего, необходимо отметить принципиальную разницу между фракциями правых Государственной думы III и IV созывов. Напомним, что если в Государственной думе III созыва фракция правых представляла (по крайней мере изначально, до раскола СРН на РНСМА, СРН и ВДСРН) практически весь спектр правомонархического движения, то в IV Думе ситуация существенно изменилась. Как уже отмечалось, на момент выборов в IV Государственную думу у правых монархистов не существовало единой позиции относительно признания законодательного характера Думы и необходимости черносотенцев участвовать в ее деятельности. В IV Государственную думу не пошли ни бывший председатель Совета фракции правых в III Думе профессор А. С. Вязигин, который предпочел сойти с политической сцены, нежели участвовать в непрекращающейся внутрипартийной склоке, ни бывший секретарь Совета фракции П. В. Березовский, осудивший вместе с некоторыми другими правыми депутатами «узурпаторские притязания» Н. Е. Маркова и выразивший свою поддержку А. И. Дубровину. В результате фракция правых оказалась представлена лишь членами СРН, РНСМА и сочувствовавшими их взглядам беспартийными монархистами.

Подавляющее большинство членов фракции правых (не менее 20 человек) принадлежало к СРН. Более того, в разное время четверо правых депутатов являлись членами Главного совета, а шестеро — кандидатами.⁶⁴³ Значительно меньшее число принадлежало к РНСМА (нам удалось выявить лишь четырех членов, из которых двое (В. М. Пуришкевич и Г. А. Щечков) являлись членами Главной палаты, а один (К. А. Тарасов) почетным председателем одного из региональных отделов⁶⁴⁴). Однако если связь фракции с СРН оставалась достаточно прочной вплоть до революционных событий февраля 1917 г., то иначе складывались отношения с РНСМА. Если до начала Первой мировой войны РНСМА принимал самое непосредственное участие в работе думской фракции правых (на заседаниях РНСМА фракция правых присутствовала чуть ли не в полном составе, а партийный печатный орган «Прямой путь», выпуск которого долгое время был приурочен к думским сессиям, являлся в равной степени как рупором союза, так и фракции), то с началом войны союз практически прекратил политическую деятельность, а следовательно, и непосредственную связь с фракцией. Не последнюю роль в охлаждении отношений между руководством фракции, состоявшим преимущественно из членов СРН и РНСМА, сыграло

⁶⁴³ Подсчитано по: Вестник СРН. 1914–1915; Правые партии... Т. 2. С. 401–419.

⁶⁴⁴ См.: Шестая годовщина Русского народного союза им. Михаила Архангела и отчет о деятельности Союза за 1912–1913 гг. [СПб., 1914].

заметное «полевение» его лидера, В. М. Пуришкевича, взгляды которого по ряду принципиальных вопросов (целесообразность активной политической деятельности в годы войны, критика правительства, участие в монархических совещаниях и др.) с каждым годом все более и более расходились с фракционными. Не удалось найти общего языка и с возникшим по инициативе бывшего члена РНСМА В. Г. Орлова (лето 1915 г.) Отечественным патриотическим союзом (ОПС).

Продолжавшееся размежевание правомонархического лагеря в условиях общенационального и политического кризиса привело к тому, что фракция правых постепенно превращалась в придаток СРН (значительно правее ее оказались ВДСРН и Астраханская народно-монархическая партия; существенно «левее» — ОПС и РНСМА). Политика Совета фракции, проводимая сторонниками Н. Е. Маркова, отличалась крайней негибкостью и бескомпромиссностью, что сыграло значительную роль в отходе от фракции ряда ее членов, постепенном разложении фракции и, в конечном счете, способствовало ее распаду в ноябре 1916 г.

Кроме указанных выше правомонархических объединений массового характера, традиционно прочной была связь думской фракции правых с такой элитарной культурно-просветительской организацией правомонархического толка, как Русское собрание. Русское собрание принимало активное участие в выборах в Государственную думу I–IV созывов, либо выставляя своих кандидатов (I–II Думы), либо поддерживая кандидатов, близких ему по политическим убеждениям (III–IV Думы). Так, накануне выборов в IV Государственную думу Советом Русского собрания было принято решение принять участие в работах Центрального предвыборного комитета правых, в состав которого входили преимущественно представители СРН и РНСМА.⁶⁴⁵

Двери Русского собрания всегда были открыты для правых депутатов Государственной думы и членов правой группы Государственного совета. Последние изначально численно преобладали над думцами, но накануне Первой мировой войны представительство правых депутатов в Русском собрании было значительно расширено. Воспользовавшись потасовкой в Русском собрании между Б. В. Никольским и Н. Е. Марковым, вызванной обвинением «курского зубра» со стороны Никольского в получении «темных денег» от правительства, В. М. Пуришкевич взялся за зачистку этой старейшей организации от крайне правых дубровинцев. В тандеме с Марковым, заручившись поддержкой членов правых объединений Государственной думы и Государственного совета, РНСМА, СРН-обновленческого

⁶⁴⁵ Кирьянов Ю. И. Русское собрание. С. 134.

и сочувствием властей, Пуришкевич выдал из Русского собрания А. И. Дубровина и его соратников, заметно усилив присутствие в этой старейшей монархической организации своих единомышленников. «Решительная битва была выиграна Пуришкевичем, — сетовал сторонник Дубровина академик А. И. Соболевский в феврале 1912 г. в письме к лидеру казанских монархистов А. Т. Соловьеву. — На общем собрании у него оказалось 104 голоса, у противников — 102. Он посадил председателя собрания и утвердил выборы новых 80 человек своих, разных сортов, но все очень подозрительных. Причина [нашего] поражения — в успешной агитации Пуришкевича...».⁶⁴⁶

Именно в стенах Русского собрания долгое время проходили закрытые заседания фракции правых, было налажено регулярное общение думской фракции с правой группой Государственного совета, оказывалась всемерная идейная и техническая поддержка фракции правых.⁶⁴⁷ Это тесное сотрудничество не прекращалось и в период легислатуры IV Государственной думы. По нашим подсчетам, членами Русского собрания (включая действительных, пожизненных и почетных) на 1913 г. являлось 34 правых депутата, т. е. больше половины фракции.⁶⁴⁸ Однако в годы войны, в связи с общим кризисом правомонархического движения, затронувшим и Русское собрание, число правых депутатов, входящих в состав Собрания, резко сократилось. По данным опубликованного списка Русского собрания на вторую половину 1914 — конец 1915 г., членами Собрания числились лишь 8 депутатов (Я. В. Кривцов, А. А. Радкевич, С. В. Левашев, П. В. Новицкий, В. М. Пуришкевич, В. А. Спасский, Н. И. Шетохин и Г. А. Шечков) и 25 членов правой группы Государственного совета.⁶⁴⁹ Покидали Собрание не только правые думцы — общая численность членов организации сократилась с 1911 по 1915 г. более чем в два раза (с 1086 до 480 человек).⁶⁵⁰ Видимо, напрямую сказался переход Русского собрания на академические рельсы (январь 1914 г.) и превращение последнего в кружок консервативно мыслящих единомышленников, каковым оно и являлось до революционных потрясений 1905–1907 гг.

Однако и в военные годы правые депутаты Государственной думы продолжали участвовать в деятельности Русского собрания. Несколько раз

⁶⁴⁶ Переписка и другие документы правых... // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 106.

⁶⁴⁷ *Кирьянов Ю. И.* Русское собрание; *Ромов Р. Б.* Фракция правых в III Государственной думе (1907–1912): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. С. 22–23.

⁶⁴⁸ Подсчитано по: Список членов Русского собрания. 1913 г. СПб., 1913.

⁶⁴⁹ Список членов Русского собрания. [Вторая половина 1914 г. — первая половина 1915 г.] // *Кирьянов Ю. И.* Русское собрание... С. 320–339.

⁶⁵⁰ *Кирьянов Ю. И.* Русское собрание... С. 90.

с докладами, посвященными проблемам, вызванным мировой войной, выступал в стенах Собрания В. М. Пуришкевич. Вначале — по поводу германо-русских отношений и проживающих в России немцев (естественно, в антигерманском духе), а затем, в 1915 г. — по итогам первого боевого года в тылах и на фронте и с докладом на тему: «Чего хочет Вильгельм II от России и Англии в великой битве народов».⁶⁵¹ В апреле 1916 г. с докладом о положении современного русского просвещения выступил председатель фракции правых профессор С. В. Левашев.⁶⁵²

По инициативе В. М. Пуришкевича, получившей одобрение как у правых Государственного совета и Думы, так и у Советов Объединенного дворянства и Русского собрания, в феврале 1914 г. было создано Всероссийское Филаретовское общество народного образования. В числе членов-учредителей общества был весь «цвет» монархического движения: П. Ф. Булацель, Т. И. Буткевич, Ф. В. Винберг, И. И. Восторгов, А. С. Вязигин, С. К. Глинка-Янчевский, М. Я. Говорухо-Отрок, И. И. Дудниченко, Л. Т. Злотников, А. И. Коновницын, П. Н. Левашев, К. Н. Пасхалов, А. А. Римский-Корсаков, Н. Н. Тиханович-Савицкий, Н. П. Тихменев, Г. А. Юскевич-Красковский и др. Весьма высоким был процент членов думской фракции правых (по нашим подсчетам — 17–18 человек), многие из которых вошли в состав комиссий общества (еп. Анатолий (Каменский), С. В. Левашев, А. Д. Мешковский, В. М. Пуришкевич, Г. А. Щечков, В. А. Якубович и др.).⁶⁵³ Первоначально общество ставило своей целью утверждение народного образования по всей России «на исконных началах преданности Церкви Православной, Самодержавию Царскому и народности Русской», однако мировая война внесла определенные коррективы в работу организации, направившей свою деятельность (как и другие «детища» Пуришкевича) на оказание помощи фронту и семьям учителей, пострадавших от военных действий.

⁶⁵¹ См.: Наше слово. (Париж). 1916. 11 января; Вестник Русского собрания. 1916. № 5–7; Итоги первого боевого года в тылах и на фронте. Доклад В. М. Пуришкевича в Русском Собрании 4 сентября 1915 г. Пг., 1916; *Пуришкевич В. М.* Чего хочет Вильгельм II от России и Англии в великой битве народов. Пг., 1916.

⁶⁵² Вестник Русского собрания. 1916. № 26; *Кирьянов Ю. И.* Русское собрание... С. 159.

⁶⁵³ См.: Список членов учредителей Всероссийского Филаретовского общества народного образования // Устав Всероссийского Филаретовского общества народного образования. (Со статьей основателя общества В. Пуришкевича «Чем вызвано к жизни Всероссийское Филаретовское общество народного образования?»). СПб., 1914. С. 101–122; Список и основной состав комиссий Всероссийского Филаретовского общества народного образования // Там же. С. 125–127; *Иванов А. А.* Всероссийское Филаретовское общество народного образования // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. С. 106.

Кроме членства в таком элитарном клубе правых, как Русское собрание, лидеры думской фракции правых и члены правой группы Государственного совета также являлись частыми посетителями таких неформальных объединений монархистов, как столичные правые салоны. Так, до начала Первой мировой войны Н. Е. Марков, В. М. Пуришкевич, Б. В. Штюрмер, А. С. Стишинский, Н. А. Маклаков являлись членами салона генерала Е. В. Богдановича и его супруги А. В. Богданович; кружок известного правого деятеля, члена правой группы Государственного совета и сенатора А. А. Римского-Корсакова вплоть до 1917 г. посещали А. А. Макаров, А. А. Ширинский-Шихматов, Н. Д. Голицын, Н. А. Маклаков, Г. Г. Замысловский, Н. Е. Марков. А. Н. Хвостов, А. С. Стишинский, А. А. Бобринский, А. А. Ширинский-Шихматов были вхожи в салон будущего председателя Совета министров Б. В. Штюрмера, причем Хвостов посещал еще салон тибетского врача П. А. Бадмаева и князя М. М. Андроникова.⁶⁵⁴

В достаточно тесной связи находилась фракция правых и с членами правой группы Государственного совета. Как отмечалось выше, начиная с деятельности в III Государственной думе, фракции правых удалось вступить в сношения с правыми членами Государственного совета и образовать совместными силами Осведомительное бюро, призванное поддерживать постоянное взаимное осведомление и координировать совместные действия по принципиальным вопросам. В состав бюро под председательством князя А. А. Ширинского-Шихматова вошли по трое членов от правой группы Государственного совета и правой фракции Государственной думы.⁶⁵⁵ Нередкими были и совместные заседания правых членов обеих законодательных палат.

В годы Первой мировой войны на базе Осведомительного бюро, скорее всего, по инициативе, исходящей от лидеров правой группы Государственного совета, была предпринята попытка создать более прочное и эффективное совместное объединение всех правых сил (не исключая и правое крыло националистов). Как уже было показано, с августа 1915 по февраль 1917 г. не прекращались попытки по созданию Консервативного блока,

⁶⁵⁴ Сводная таблица выявленных петербургских — петроградских политических салонов периода правления Николая II // *Стогов Д. И.* Правомонархические салоны в системе власти самодержавной России конца XIX — начала XX века: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. С. 369–383; *Стогов Д. И.* Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX — начало XX века). СПб., 2007.

⁶⁵⁵ Подробнее см.: *Юрский Г.* Правые в Третьей Государственной думе. Харьков, 1912; *Правые партии...* Т. 2. С. 281; *Кириянов Ю. И.* Консервативный блок // *Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия.* М., 1996. С. 266.

или, как его называли политические противники правых — левые и либералы — «Черного блока», который в силу крайней разобщенности правого лагеря так и не был создан.

Вместе с членами правой группы Государственного совета правые депутаты Думы являлись активными участниками монархических съездов и совещаний. Последний предвоенный всероссийский съезд правых состоялся в Санкт-Петербурге 19–23 февраля 1913 г. (Шестой Всероссийский съезд русских людей) и был приурочен к 300-летию царствования Дома Романовых. Его участниками были как правые члены Государственного совета, так и правые депутаты Государственной думы. Председателем съезда был избран сенатор А. А. Римский-Корсаков (с 1915 г. член правой группы Государственного совета), а его товарищами (заместителями) — члены думской фракции правых: епископ Анатолий (Каменский), Н. Е. Марков и В. М. Пуришкевич. В работе съезда также приняли участие правые думцы В. Н. Снежков и П. В. Новицкий.⁶⁵⁶

С началом Первой мировой войны деятельность монархистов пошла на спад, и монархические съезды больше не собирались. Кроме целого ряда факторов (непрекращающиеся распри внутри правого лагеря, отказ РНСМА участвовать в каких бы то ни было съездах до окончания войны, сокращение численности правомонархического лагеря, связанное как с ростом оппозиционных настроений в обществе, так и призывом многих монархистов на фронт и др.), были еще и чисто технические трудности для поддержания регулярного общения между правыми, особенно с теми, кто находился в прифронтовой полосе. Тем не менее в 1915 г., не без содействия члена фракции правых и министра внутренних дел А. Н. Хвостова, было проведено три монархических совещания (в Саратове, Нижнем Новгороде и Петрограде). На всех трех совещаниях поднимались сходные вопросы: о необходимости консолидации всех правых сил; о принятии мер для борьбы с надвигающейся революцией; о принятии мер к решению вопросов, вызывающих недовольство населения (рост дороговизны, «немецкое засилье» и др.).

Однако в первых двух совещаниях, Саратовском (27–29 августа 1915) и Нижегородском (26–29 ноября 1915), созданных по инициативе А. И. Дубровина и его сторонников, ни члены правой группы Государственного совета, ни члены фракции правых, за исключением Н. Е. Маркова, являвшегося участником совещания в Нижнем Новгороде, участия не принимали.⁶⁵⁷

⁶⁵⁶ См.: Правые партии... Т. 2. С. 303–322.

⁶⁵⁷ Мнение М. А. Бибина, считавшего, что «в Саратове прошло совещание правых групп Государственной думы», является ошибочным (*Бибин М. А.* Дворянство накануне падения царизма в России. С. 70).

Впрочем, это не помешало некоторым представителям парламентских правых приветствовать Нижегородское совещание. Среди направивших приветствия были архиепископ Никон (Рождественский), И. Г. Щегловитов (Гос. Совет), А. Н. Хвостов и Г. А. Шечков (Гос. Дума).⁶⁵⁸

Зато в состоявшемся по инициативе правых членов Государственного совета и Государственной думы⁶⁵⁹ совещании в Петрограде (21–23 ноября), проходившем в стенах Русского собрания, представительство парламентских групп правых было гораздо более значительным.⁶⁶⁰ «На съезде в полном составе присутствовала правая фракция Гос. Думы во главе с Г. Г. Замысловским и правая фракция Гос. Совета во главе с гр. А. А. Бобринским», — отмечало «Утро России».⁶⁶¹ И хотя газетная заметка несколько преувеличивала, говоря о том, что на совещании были все члены правых объединений обеих законодательных палат, тем не менее их представительство, действительно, было очень заметным. Особенно это касалось участия правых депутатов Государственной думы. В частной переписке правых Петроградское совещание монархистов в связи с этим даже именовалось «совещанием правой фракции Гос. Думы».⁶⁶²

Председателем съезда единогласно был избран член правой группы Государственного совета И. Г. Щегловитов. Открывал совещание председатель фракции правых С. В. Левашев (избранный на совещании вместе с А. А. Римским-Корсаковым заместителем И. Г. Щегловитова). В состав Совета Петроградского совещания также вошли такие видные представители правой группы Госсовета, как Н. А. Маклаков и граф А. А. Бобринский. С докладами, посвященными решению проблем, выдвинутых войной, и борьбе с Прогрессивным блоком и нарастающей революцией, выступили Г. Г. Замысловский, Г. А. Шечков, Н. Е. Марков.⁶⁶³

⁶⁵⁸ Степанов А. Д. Нижегородское совещание // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм. М., 2003. С. 488–490.

⁶⁵⁹ Решение о съезде было принято на общем собрании лидеров правых групп Государственного совета и Государственной думы (Падение царского режима... Т. 2. С. 120). В данном случае приходится вновь не согласиться с М. А. Бибиным, отмечавшим, что Петроградское совещание прошло «по инициативе Совета объединенного дворянства» (Бибин М. А. Дворянство накануне падения царизма в России. С. 88).

⁶⁶⁰ См.: Иванов А. А., Стогов Д. И. Петроградское совещание монархистов и участие в нем правых парламентских групп (1915 год) // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2010. № 11. С. 17–23.

⁶⁶¹ Утро России. 1915. 22 ноября.

⁶⁶² Переписка правых... // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 150.

⁶⁶³ См.: Совещание монархистов 21–23 ноября 1915 г. в Петрограде. Постановления и краткий отчет. М., 1915.

Целью этого совещания, инициированного правыми Думы и Совета, было, по словам А. А. Римского-Корсакова, «высказать, что далеко не вся Россия солидарна с Прогрессивным блоком, и что лозунг „Все для войны“ крайне своеобразно толкуем Гучковыми, Рябушинскими, Челноковыми и т. п. компанией, пользующейся случаем наживать колоссальные деньги на поставках, до сих пор почти не выполненных».⁶⁶⁴ Об этом же заявлял журналистам и лидер правых в Думе Н. Е. Марков, подчеркивавший, что задача съезда — «демонстрация мнения страны по целому ряду политических вопросов». «Мы, во всяком случае, — уверял Марков, — объединим большее число лиц, чем те, которые представляют Прогрессивный блок».⁶⁶⁵

По итогам Петроградского совещания его участниками для координации совместных действий и консолидации правых сил был создан состоящий из 27 человек Совет монархических съездов, членами которого среди прочих стали представители правых объединений и Думы: И. Г. Щегловитов (председатель), С. В. Левашев и А. А. Римский-Корсаков (товарищи председателя), граф А. А. Бобринский, Н. А. Маклаков, Н. Е. Марков, Г. Г. Замысловский.⁶⁶⁶ Однако тот факт, что в состав Совета не были включены сторонники А. И. Дубровина и Н. Н. Тихановича-Савицкого, т. е. представители ВДСРН и АНМП (хотя лично Дубровин в состав Совета был избран), создавшие с той же целью Президиум монархического движения (куда, в свою очередь, не были включены члены фракции правых Государственной думы, правой группы Государственного совета и представители от СРН, РНСМА и ОПС),⁶⁶⁷ ставил под вопрос легитимность столичного Совета.

Но, помимо демонстрации единения правомонархических сил перед лицом натиска на власть либеральной оппозиции, Петроградское совещание монархистов вскрыло и другие тенденции. Как оказалось, далеко не все видные члены правой фракции Думы и правой группы Государственного совета оказались единомышленными как в отношении целей и задач этого форума, так и в вопросе целесообразности его проведения.

Категорически против проведения монархического съезда выступил один из лидеров фракции правых В. М. Пуришкевич. В интервью «Утро

⁶⁶⁴ Переписка правых... // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 149.

⁶⁶⁵ Утро России. 1915. 1 декабря.

⁶⁶⁶ Степанов А. Д. Совет монархических съездов // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 494.

⁶⁶⁷ См.: Труды Всероссийского Монархического совещания в г. Н. Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916; Совещание монархистов 21–23 ноября 1915 г. в Петрограде... С. 26–27.

России» политик, заверив издание, что он остается все тем же правым, обрушился на Петроградское совещание с резкой критикой. «Созыв съезда — это не партийная ошибка, а государственное преступление со стороны правых, отбрасывающих от себя народные массы своими беспочвенными и крикливыми выступлениями, — заявлял Пуришкевич. — По окончании войны было бы необходимо созвать съезд, но не съезд борьбы с несуществующей революцией, а съезд объединенных правых деятелей для пересмотра и выработки политических программ, более отвечающих тому, что я видел на войне, в смысле примирительной политики по отношению к инородцам».⁶⁶⁸ Осудил Пуришкевич и избрание председателем Совета монархических съездов И. Г. Щегловитова, охарактеризовав его как человека, который... «часто менял свою политику, а еще чаще — свои политические взгляды».⁶⁶⁹

Прозвучавшее диссонансом выступление Пуришкевича было болезненно воспринято правым лагерем, небезосновательно ставшим подозревать политика в заигрывании с либеральной общественностью и крене влево. Либеральные издания всюду транслировали слова лидера правых, желая показать, что даже такой «крайне правый» политик, как Пуришкевич, осуждает действия своих недавних единомышленников.

При этом заметим, что слова Пуришкевича о «несуществующей революции» не могли не удивить тех, кто внимательно следил за его прежними выступлениями. Так, совсем недавно, весной 1914 г., правый депутат указывал с думской кафедры: «Мы наблюдаем удивительную картину, мы переживаем дни, которые напоминают нам дни 1904 года, и если мы не слепы, гг., если у нас есть знакомство с тем, что творится в России, то проводя аналогию явлений современного дня с тем, что творилось в 1904 году, мы увидим если не полное тождество, то, во всяком случае, очень много общего».⁶⁷⁰ Он обращал внимание власти на «эпидемию съездов» различных союзов и объединений, на которых вопреки повестке дня поднимались политические вопросы, напоминая, что «история Западной Европы учит нас, что подготовка революции делается всегда путем съездов»; указывал на сплочение инородческих групп в союзы и их активизацию на национальных окраинах империи; говорил о разнузданности печати; приводил данные о росте забастовочного движения и антигосударственной деятельности профсоюзов, сетуя на слепоту и бессилие правительственной

⁶⁶⁸ Утро России. 1915. 3 декабря; Наше слово (Париж). 1916. 15 января.

⁶⁶⁹ Там же.

⁶⁷⁰ Речь В. М. Пуришкевича по смете Министерства внутренних дел (Заседание Государственной Думы 2-го мая 1914 г.) // Прямой путь. 1914. Вып. 5. (Май). С. 244.

власти в момент, «так сильно напоминающий преддверие революции 1905 г.».⁶⁷¹ При этом, подчеркивал тогда политик, увлечение либералов «славянским вопросом» закончится международными осложнениями, утратой стабильности внутри страны и, как следствие, новой революцией. «Мы, ослабленные недавней войной, может быть, вновь потерпим ущерб и неудачу, и тогда легче будет вырвать кормило власти от тех, кто стоит у этого кормила, создать тот переворот, к которому стремится партия народной свободы», — обращал он внимание власти.⁶⁷²

Очевидно, что к концу 1915 г. все те явления, которые пугали Пуришкевича в начале 1914 г., никуда не делись, а только набирали силу, развиваясь по тому сценарию, который сам он довольно точно и предсказал. Значит, делали вполне логический вывод правые, стремительно меняться начал сам Пуришкевич.

Не было единства в отношении Петроградского совещания и среди видных деятелей правой группы Государственного совета. Среди тех из них, кто совещанию сочувствовал, явно выразились тенденции отмежеваться от тесного сотрудничества с представителями низовых черносотенных организаций, к которому стремились лидеры правой фракции Государственной думы.

Член правой группы Государственного совета А. А. Макаров утверждал, что присутствовал на монархическом съезде не более 20 минут, да и то «по большой просьбе» С. В. Левашева, чтобы «не причинить им (организаторам совещания. — *А. И.*) демонстративно неприятностей». По его оценке, съезд был «совершенно некстати», поскольку он «раздражал общее настроение, создавал разлад в обществе».⁶⁷³ Будучи заочно включенным в состав Совета монархических съездов, Макаров позже настоял на том, чтобы его имя было вычеркнуто.

Показательно в этом отношении письмо лидера правой группы графа А. А. Бобринского к И. Г. Щегловитову. Не желая выносить свои суждения на публику, чтобы не «вносить нотку разлада в дружную работу Съезда», Бобринский приватно высказывал Щегловитову свои сомнения относительно резолюций совещания. «...Если дело дойдет до подписания сегодняшних резолюций, то мне придется или воздержаться от подписи, или оговорить свое несогласие с некоторыми выражениями», — предупреждал граф, заверяя, правда, Щегловитова, что все это он сумеет «сделать без всякой публичности», лишь «в оправдание себя перед своею совестью».⁶⁷⁴

⁶⁷¹ Речь В. М. Пуришкевича по смете Министерства внутренних дел... С. 244–258.

⁶⁷² Цит. по: *Алексеева И. В.* Последнее десятилетие Российской империи. С. 125.

⁶⁷³ Падение царского режима... Т. 2. С. 120.

⁶⁷⁴ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 791. Л. 1; Из архива Щегловитова / Публ. И. Тоболин // Красный архив. 1926. Т. 2 (15). С. 114.

Подчеркивая, что съезд монархистов «представляет из себя как никак, — улицу; правую улицу — но все же толпу», а «члены законодательных учреждений на Съезде — исключение», Бобринский советовал «соблюдать сугубую осторожность во всем, что касается Верховной власти» и находил резолюции совещания неосторожными, особенно в отношении требований удаления «нелюбых нам министров, выражение сожаления о вынужденном уходе министров, наших единомышленников; ссылка на знаменитое, строго конфиденциальное письмо 8-ми министров Государю». «Все это предметы, — писал он, — о которых вполне приличествует рассуждать и даже заявлять членам Государственного Совета. Их заявления никогда публичными не станут. Но улица, хотя бы и совсем правая, не должна бы, по моему мнению, позволять себе давать указания Государю или критиковать его действия».⁶⁷⁵

Таким образом, стало ясно, что монархическое совещание, во-первых, было крайне отрицательно воспринято общественностью, а во-вторых, продемонстрировало колебания и внутри правого лагеря. «Вчера закончился монархический съезд. <...> Как все у нас странно. В монархии монархистов только небольшая кучка», — подводил итоги Петроградского совещания в письме А. И. Соболевскому И. Г. Щегловитов.⁶⁷⁶

В связи с этим вскоре и сам Щегловитов отказался от звания председателя Совета монархических съездов. Отказ авторитетного члена правой группы Государственного совета вынудил членов Совета искать ему равновесную замену. («Совет остановился на том, чтобы председателем его должен быть член Гос. Совета», — отмечал К. Н. Пасхалов⁶⁷⁷). По предложению авторитетного правого публициста К. Н. Пасхалова и председателя думской фракции правых С. В. Левашева остановились на фигуре Н. А. Макалова, охарактеризовав его как «обладающее всеми необходимыми качествами лицо для руководства деятельностью огромной Всероссийской монархической армии», призванной в будущем для «спасения России

⁶⁷⁵ Там же. Как указывал своему коллеге по Госсовету А. А. Бобринский, «достаточно двух-трех настойчивых требований об удалении данного министра — скажем, например, министра народного просвещения, нелюбого съезду, чтобы добиться абсолютно обратного результата. Вы хорошо знаете, что Государь не любит давления со стороны и что лицо, которое сегодня может быть накануне падения, может, под влиянием несвоевременного постороннего гонения, сделаться предметом особой защиты Его Величества». (ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 791. Л. 1–2; Из архива Щегловитова. С. 114).

⁶⁷⁶ Правые в 1915 — феврале 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам / публ. Ю. И. Кирьянова // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1993. Т. 14. С. 176.

⁶⁷⁷ Пасхалов К. Н. Русский вопрос. М., 2009. С. 641.

от внутренних вражеских новообразований, разъедающих ее как злокачественная язва».⁶⁷⁸ Но Маклаков отказался. Позже он свидетельствовал, что отказывался он перед этим и от председательствования на съезде правых, несмотря на то, что его уговаривали С. В. Левашев, Н. Е. Марков и А. И. Дубровин. Но тем не менее в состав Совета монархических съездов Маклакова все-таки включили. Отказ же свой Маклаков мотивировал тем, что не верит в успех дела.⁶⁷⁹ Объясняя в 1917 г. свое неучастие в акциях правых, он заявлял: «...Я им (правым, собиравшимся в кружках и проводившим совещания. — А. И.) симпатизировал. <...> Потому что они верили, и гораздо больше моего верили в то, от чего мне приходилось отзыватьсь».⁶⁸⁰

В результате Совет монархических съездов так и остался без председателя. Исполняющим обязанности Совета стал С. В. Левашев, а в товарищи председателя, помимо избранного изначально А. А. Римского-Корсакова, были кооптированы Н. Е. Марков и А. И. Дубровин.⁶⁸¹ Таким образом, стало очевидным, что большинство лидеров правой группы, видимо, дорожа своей респектабельностью и репутацией в высшем обществе, постарались по возможности дистанцироваться от монархической организации, которая, помимо парламентских объединений правых, включала в себя и черносотенную «улицу».

Как сообщил на условиях анонимности «Вечернему времени» некий «авторитетный источник в правых кругах», надежды «некоторых руководителей нашей внутренней политики» сделать из Петроградского совещания политическую демонстрацию и показать либералам, что дело консерваторов еще не проиграно, «что еще есть порох в пороховницах», не оправдались. «Правые — это промотавшиеся игроки», — резюмировало издание.⁶⁸²

Не менее деятельное участие принимали члены фракции правых и правой группы в съездах Объединенного дворянства, а также в работе Постоянного совета этой сословной организации. Хотя Объединенное дворянство и не являлось сугубо правой организацией, тем не менее в работе его съездов всегда активно участвовали представители правых партий и союзов. «Несмотря на то, что ни съезд, ни Постоянный совет формально никакого отношения к законодательным учреждениям и к выборам в них не

⁶⁷⁸ Правые в 1915 — феврале 1917... С. 199, 219.

⁶⁷⁹ Падение царского режима... Т. 3. С. 91–92.

⁶⁸⁰ Там же. С. 91.

⁶⁸¹ Степанов А. Д. Совет монархических съездов... С. 495.

⁶⁸² Вечернее время. 1915. 8 (21) декабря.

имели, члены последних, так или иначе связанные с объединенным дворянством и, прежде всего, входящие в правые группы, считали себя его представителями в Государственном совете и Государственной думе, — отмечает М. А. Бибин. — Их выступления на съездах уполномоченных приобретали характер отчетов о деятельности в представительных учреждениях. Члены Государственного совета и депутаты Государственной думы из правых групп и фракций обращались к съезду или в Постоянный совет за „руководящими указаниями“: просили обсудить вопрос, поскольку предстояло его рассмотрение в Государственном совете и обсуждение в Государственной думе. Они желали знать взгляд объединенного дворянства, чтобы определить свою позицию...». ⁶⁸³ Соглашаясь в целом с М. А. Бибиным в отношении тесного сотрудничества между правыми законодательных палат и Объединенным дворянством, тем не менее выразим несогласие с тезисом историка, что Постоянный совет Объединенного дворянства являлся руководящим органом правых объединений обеих законодательных палат. Такая прямолинейная подчиненность не подтверждается фактами. Корректнее, на наш взгляд, было бы говорить о влиянии лидеров Объединенного дворянства (членами которого также являлись виднейшие представители правого спектра обеих законодательных палат), на формирование взглядов и тактики правых Думы и Гос. Совета. Не Постоянный совет Объединенного дворянства (как учреждение) руководил парламентскими правыми, а входившие в него авторитетные консервативные политики пытались координировать деятельность своих единомышленников в верхней и нижней палате.

В исследуемый нами период (1914–1917 гг.) престиж Объединенного дворянства стремительно падал, и, несмотря на некоторую активизацию его деятельности в начальный период войны, роль его неуклонно снижалась. За годы войны состоялось всего лишь два съезда уполномоченных дворянских обществ (XI съезд, проходивший 10–14 марта 1915 г., и XII, состоявшийся 27 ноября — 3 декабря 1916 г.). Среди участников этих съездов встречаются имена членов фракции правых, в числе которых такие видные ораторы фракции, как Н. Е. Марков, Г. А. Шечков, П. В. Новицкий, В. Н. Снежков, Я. В. Кривцов и др. ⁶⁸⁴ Значительно заметнее была роль в этой организации членов правой группы Государственного совета. Участниками дворянских съездов в годы Перовой мировой войны были: А. П. Струков, Н. П. Урусов, А. А. Бобринский, М. Я. Говорухо-Отрок,

⁶⁸³ *Бибин М. А.* Совет объединенного дворянства в период Первой мировой войны: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. С. 40.

⁶⁸⁴ Объединенное дворянство... Т. 3. С. 245–250, 407–411, 581–585.

А. А. Нарышкин, А. А. Римский-Корсаков, А. Н. Лобанов-Ростовский и др.⁶⁸⁵ Особенно сильны были позиции членов правой группы Государственного совета в руководящем органе Объединенного дворянства — Постоянном совете. Председателем Постоянного совета в годы Первой мировой войны был А. П. Струков (до него — граф А. А. Бобринский), а его товарищами (заместителями) — А. А. Нарышкин и А. И. Мосолов (все члены правой группы).

Правые парламентарии не раз выступали на съездах с докладами, в том числе и о положении, сложившемся в связи с образованием Прогрессивного блока, призывая российское дворянство объединиться в борьбе с ним. Однако Объединенное дворянство уже не было столь сплоченным и единомышленным, как в революцию 1905–1907 гг. Даже в этой среде росла оппозиционность и недовольство правительством, и ряд ее в недавнем прошлом правых членов (В. И. Гурко, П. Н. Крупенский и др.) примкнули к Прогрессивному блоку. А призывы и увещевания «правоверных» монархистов, в число которых входили депутаты думской фракции правых и правые члены Государственного совета, находили все меньшую поддержку.

Подытоживая обзор интеграции и взаимодействия фракции правых IV Государственной думы и правой группы Государственного совета с другими организациями и структурами, связанными с правомонархическим движением, можно прийти к ряду заключений. Во-первых, парламентские объединения правых являлись активными участниками практически всех мероприятий, организуемых монархистами, и играли далеко не последнюю роль в черносотенном движении в целом. Во-вторых, правые Думы и Гос. Совета стремились поддерживать тесные дружественные отношения с родственными им по духу союзами, объединениями и обществами, стремясь к консолидации всего правого лагеря. Но вместе с тем, являясь своего рода элитарными объединениями, фракция правых Думы и правая группа Совета не справлялись с ролью общепризнанного лидера всего монархического движения, а потому так и не смогли в полной мере стать его штабом. Фракция правых, призванная олицетворять в Государственной думе если не все движение, то хотя бы его основную часть, определенно не справлялась с этой задачей. Углублявшийся раскол всего правомонархического движения, переживавшего в годы войны тяжелейший кризис, неумелые попытки объединиться против общего врага (Прогрессивного блока и надвигающейся революции), продолжавшееся при этом деление внутри лагеря на «верных» и «неверных», затронули и ее. Кроме того, несмотря на заметную роль в монархическом движении, правые депутаты, как спра-

⁶⁸⁵ Объединенное дворянство... Т. 3. С. 245–250, 407–411, 581–585.

ведливо отметил в своем исследовании Р. Б. Ромов, оказались «отрезанным ломтем», поскольку деятельность фракции правых систематически (исключение — отдельные попытки руководства СРН) регулировать извне никто не пытался.⁶⁸⁶ Дело ограничивалось лишь отдельными рекомендациями по конкретным вопросам, поэтому, в отличие от традиции парламентской политики, положение фракции внутри правомонархического движения всегда оставалось достаточно неопределенным, с большой степенью автономности фракции внутри правого лагеря.

Примерно таким же было и положение правой группы Государственного совета. Испытывая глубокий внутренний кризис, она не являлась монолитной, а авторитетность отдельных ее лидеров (И. Г. Щегловитова, Н. А. Маклакова, А. А. Бобринского и некоторых др.) не могла компенсировать общие тенденции. Так же как и думская группа правых, правые Совета не представляли собой всего монархического движения и не имели с ним какой-либо системно организованной связи (за исключением Русского собрания), а по отношению к низовым черносотенным организациям они, в силу своего происхождения и положения, отстояли еще дальше, чем их думские единомышленники.

⁶⁸⁶ Ромов Р. Б. Фракция правых в III Государственной думе (1907–1912): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. С. 21–22.

Глава IV

КРИЗИС И КРАХ ПРАВЫХ (ноябрь 1916 — февраль 1917 г.)

§ 1. «Штурм власти» либералами и реакция правых

Пятая и последняя сессия IV Государственной думы открылась 1 ноября 1916 г. Открытие и вся ее деятельность пришлось на период нарастания политического кризиса в стране. В правительстве с 1915 по 1916 г., по меткому выражению В. М. Пуришкевича, происходила «министерская чехарда».¹ В этот период также резко обострились взаимоотношения буржуазной оппозиции и правительства, в котором находились такие одиозные для либерального общества фигуры, как Б. В. Штюрмер и А. Д. Протопопов. Нарастающая быстрыми темпами конфронтация между лидерами либеральной оппозиции и властями совпала с ростом стачечного движения, началом антивоенных и антиправительственных выступлений.

«Разочарование ходом военных действий, явное утомление масс от затянувшейся войны, к которой Россия не была подготовлена ни материально, ни духовно, разруха правительственной власти, — все это доводило до отчаяния, до ожесточения, до ожидания каких-то крутых перемен внутри решительно все слои русского общества», — писал депутат Государственной

¹ Это приводящееся едва ли ни в каждом учебнике и ставшее крылатым выражение В. М. Пуришкевича было отчасти позаимствовано им у П. Ф. Булацеля. Правда, редактор «Российского гражданина» использовал метафору в 1916 г., осмеивая западноевропейский парламентский строй, при котором депутаты «ругаются как торговки, дерутся и прыгают друг через друга, играя в чехарду, вместо того, чтобы заниматься серьезными делами». «А через три месяца, — отмечал Булацель, — с думской кафедры В. М. Пуришкевич воспользовался моими словами и применил их к тому, что теперь творится в России» (*Булацель П. Ф. Дневник // Российский гражданин. 1916. № 43. С. 12*).

думы октябрист Н. В. Савич.² «Этого момента, — отмечал в частном письме про готовящееся открытие сессии законодательных палат член правой группы Государственного совета граф А. А. Бобринский, — мы боимся и к нему приготавливаемся».³ А депутат-националист Г. В. Викторов предсказывал в письме от 19 октября 1916 г. херсонскому губернатору и бывшему своему софракционеру В. Г. Ветчинину следующее: «С открытием Думы начнется штурм власти и стремление захватить ее».⁴ Его предсказание полностью подтвердилось последующими событиями.

Оппозиция же ждала открытия очередной сессии с нетерпением. «Никогда после незабвенных дней первой Думы открытие законодательной сессии не ожидалось с таким лихорадочным нетерпением; никогда заседания Думы не возбуждали такого страстного интереса», — отмечал политический обозреватель либерального «Вестника Европы».⁵

К осени 1916 г. противостояние «общественной оппозиции» и правительства, казалось, достигло своего апогея. Прогрессивный блок был настроен по отношению к существовавшему правительству решительно и непримиримо. Власть тоже не собиралась уступать либералам, но твердой политической воли в борьбе с блоком не проявляла. В таких тяжелых условиях Государственная дума приступила к очередной сессии.

День открытия заседаний Государственной думы начался с осады власти. Лидер конституционно-демократической партии и Прогрессивного блока П. Н. Милюков произнес известную речь, получившую широкий общественный резонанс и названную многими современниками «штурмовым сигналом революции», хотя сам Милюков утверждал, что рассчитывал на обратное. Речь содержала нападки на правительство, на премьера, с прямыми обвинениями его в измене и подготовке сепаратного мира с Германией, на группу лиц, близких царице. Обвиняя правительство в бездарной экономической и военной политике, Милюков несколько раз повторял с кафедры вопрос: «Глупость или измена?».⁶ Речь Милюкова, вспоминал член Государственного совета П. П. Менделеев, произвела впечатление на всю страну. «По моему мнению, она дала последний толчок революционному

² Савич Н. В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 187.

³ РГИА. Ф. 899. Оп. 1. Д. 72. Л. 13.

⁴ Ганелин Р. Ш. Государственная дума и правительственная власть в перлюстрированной переписке кануна 1917 года // Отечественная история. 1997. № 1. С. 152.

⁵ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 11. С. 336.

⁶ «Нет, господа, воля ваша, уже слишком много глупости. Как будто трудно объяснить все это только глупостью», — подчеркнул в конце своей речи Милюков (См.: Смиродович А. И. Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск, 2004. С. 393).

движению. Я сам вернулся в этот день из Думы совершенно удрученный. В ушах звучала постоянно повторяемая в речи Милокова трагическая присказка: „Что это — глупость или измена?“⁷ Ведь это спрашивал известный профессор, лидер кадетской партии и Прогрессивного блока! Значит, он располагал действительно бесспорными данными, дававшими ему право с трибуны Государственной думы бросать обвинения, или хотя бы подозрения, в измене, да еще против кого? Против Русской Царицы! От такого обвинения кружилась голова. Страшно становилось за родину».⁷

Между тем обвинения Милокова были непроверенными и абсолютно бездоказательными.⁸ Даже соратник Милокова по Прогрессивному блоку, (правда, более правых взглядов) националист В. В. Шульгин счел их неубедительными.⁹ А социалист В. Л. Бурцев, при полном сочувствии к речи Милокова, дал ей еще более определенную оценку: «Историческая речь, но она вся построена на лжи».¹⁰ Цитировавшийся выше П. П. Менделеев с горечью замечал: «...Впоследствии мы узнали, что оно (выступление Милокова. — *А. И.*) основывалось исключительно на клеветнических статьях вражеских немецких газет! Какое преступное легкомыслие».¹¹

Милоков определенно рассчитывал на эффект, что бы он ни говорил позже, хотя, возможно, и на меньший, чем произвела его речь. В любом случае, это было проявлением политической безответственности, поскольку П. Н. Милоков не мог не понимать, как будет воспринято обвинение высшей власти в измене во время войны. Тем не менее он пошел на этот шаг, всенародно давая слушателям и читателям своей речи решать, глупостью или изменой являются действия правительства, в изменнической сущности которых он сам не был уверен.

Уже позже Милоков писал, что сам он «скорее, склонялся к первой альтернативе», но «аудитория своими одобрениями поддерживала вторую».¹² Однако другой депутат Думы, трудовик А. Ф. Керенский, утверждал, что

⁷ ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 116.

⁸ «Информация черпалась им (Милоковым. — *А. И.*) из европейских газет и встреч с русской эмиграцией в Швейцарии, то есть была заранее менее достоверной» (*Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти. С. 230).

⁹ *Шульгин В. В.* Дни. 1920. М., 1989. С. 130.

¹⁰ *Мельгунов С. [П.]*. На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года). Paris, б. г. С. 72; *Аврех А. Я.* Распад третьейюньской системы. М., 1985. С. 122.

¹¹ ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 119–120.

¹² *Милоков П. Н.* Война и вторая революция. Пять дней революции (27 февраля — 3 марта) // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С. 12.

вопрос был чисто риторический, и ответ армии и народа мог быть только один — измена.¹³

Правые ответили на речь Милюкова обструкцией: «они кричали, они ломали пюпитры <...> был страшный шум...».¹⁴ Неоднократно с правой стороны зала заседаний звучало брошенное: «Клеветник!». Однако преодолеть общее настроение они не смогли — большинство Думы было на стороне Милюкова.

Штурм власти, начатый Милюковым, был продолжен выступившим 3 ноября В. В. Шульгиным. В недалеком прошлом правый, затем националист и член Прогрессивного блока, Шульгин, человек весьма умеренных политических воззрений, в своей речи, правда, в более корректной форме, подверг правительство критике, практически солидаризовавшись с громовой речью лидера кадетов. На этот раз шатание обнаружилось и в рядах правых. «Какой-то правый крестьянин, охваченный общим подъемом настроения, — писала кадетская „Речь“, — во время речи киевского депутата, забыв о своей принадлежности к крайним правым, после наиболее сильного места, начал шумно аплодировать, вместе с оппозицией и центром. Это увидел Н. Е. Марков II. Он быстро подбежал к правому депутату-крестьянину, грубо схватил его за руку, — по привычке старого крепостника, — предлагая ему перестать аплодировать. Правый депутат на секунду растерялся, но сейчас же начал аплодировать еще сильнее, еще демонстративнее».¹⁵

Верхушка фракции правых в лице Н. Е. Маркова не преминула дать отпор Милюкову и Прогрессивному блоку, справедливо назвав обвинения правительства в измене бездоказательными и преступными. Разобрав речь Милюкова, Марков сделал вывод, отражающий, пожалуй, взгляды большинства правых: «Тут была *и глупость, и измена* — глупость всех тех, кто верит Милюкову, измена всех тех, кто во время опаснейшей войны подрывают высший авторитет, которым единственно держится государство...».¹⁶

И правые, в отличие от либералов, оказались более дальновидными относительно последствий подобной политики. Если П. Н. Милюков, требовавший устранения существующей системы, утверждал, что если бы

¹³ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 127.

¹⁴ Слонимский А. Г. Катастрофа русского либерализма... С. 44.

¹⁵ Речь. 1916. 4 ноября.

¹⁶ Цит. по: Рейн Г. Е. Из пережитого. 1907–1918. Т. 2. Берлин, б. г. С. 138. Примерно так же высказался и другой лидер фракции Г. Г. Замысловский, оппонируя блоку: «Когда во время войны вы занимаетесь революционными митингами, правительство должно бы вас спросить: глупость это или измена?» (Цит. по: См. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. М., 1992. Т. 2. С. 225); Новое время. 1916. 17 (30) декабря.

к власти пришло «то правительство, которое мы желаем, мы совершили бы чудеса»¹⁷ (как известно, это правительство, сплошь состоящее из лиц, облеченных общественным доверием, не продержалось и трех месяцев), то правые предупреждали, что действия либералов ведут к революции.¹⁸ В ответ на речь Милюкова Н. Е. Марков заявил: «...вы, гг., по-видимому, не понимаете, что вы хотите сделать, и я вам указываю: вы хотите ввести в России революцию, чтобы революция разрушила все, худо или хорошо сложенное русское государство».¹⁹

Н. Е. Марков также выступил с поддержкой правительства, в частности Б. В. Штюрмера, категорически возражая против обвинений его в измене. Не без иронии поинтересовался Марков у либералов, что делают в правительстве «изменника» Штюрмера А. Д. Протопопов и князь В. М. Волконский, еще недавно облеченные доверием Думы. Варианта здесь может быть только два, продолжал правый оратор, либо они, узнав его ближе, изменником его не считают, либо они такие же предатели, как и он.

Не стоит думать, что правые защищали Штюрмера и правительство по причине глубокой симпатии к их деятельности, не замечая явных недостатков и беспомощности власти. Они не были намерены закрывать глаза на промахи правительства, оставляя за собой право критиковать его действия, но категорически выступали против одностороннего подчеркивания ошибок, тем более в период тяжелейшей войны. «Какой бы он ни был, — писал в частном письме Г. А. Шечков о Штюрмере, — но убирать его из-за крика Аджемова, Милюкова и Шидловского — значит капитулировать перед сволочью и выдавать сторонников порядка головой».²⁰ «Трудное время переживаем мы, — писал в свою очередь член правой группы Государственного совета Н. А. Зверев своему коллеге графу С. Д. Шереметеву. — Нужно иметь стальные нервы, чтобы спокойно переносить удары то справа, то слева. Не знаю даже, кто бьет больше; мною лично особенно остро чувствуются удары, наносимые нашими прежними единомышленниками и, прежде всего и больше всего, — Б. В. Штюрмером. Я, конечно, ни одной минуты не верю тяжким обвинениям, которые на него возводятся. Но горе в том, что он дает повод к таким обвинениям. А в этом он сам виноват кругом».²¹ По словам же Н. Е. Маркова, защита правительства, не способного

¹⁷ Цит. по: *Аврех А. Я.* Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 136.

¹⁸ См.: *Иванов А. А.* «В своих предсказаниях правые оказались пророками». Русские монархисты о войне с Германией, перспективах либерализма и революции // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2009. № 2. С. 13–20.

¹⁹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Стб. 103.

²⁰ Переписка правых... // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 80.

²¹ Цит. по: *Мичурин А. Н.* Политическая борьба в Государственном совете... С. 215.

что-либо предпринять в условиях усугубляющегося политического, экономического и военного кризиса, была правым не по сердцу, но «делать профессию из нападок на правительство, и делать эту профессию во время войны» они позволить себе не могли.²² Как уже говорилось выше, основными виновниками тогдашней разрухи правым виделись не спешно сменяющие друг друга министры, мало что успевающие сделать на своем посту, а их предшественники — С. Ю. Витте, В. Н. Коковцов, А. В. Кривошеин и другие, на открытую критику которых они не скупились.

Правым казалось, что уже одной речи Милюкова будет достаточно, чтобы власть приняла решительные меры, направленные на пресечение подобных выступлений, особенно недопустимых во время войны. Но правительство фактически стерпело жесточайшее оскорбление и пошло на попятную. Б. В. Штюрмер, ничего не сделавшей для ограждения авторитета власти, вскоре был отправлен в отставку. Оппозиция расценила действия правительства как слабость и неуверенность.

Чуть больше, чем через две недели, 19 ноября 1916 г., произошла новая сенсация: член Государственной думы В. М. Пуришкевич произнес речь, которая, в сущности, подтверждала правоту предшествующего ей выступления П. Н. Милюкова.

За день до этого, 18 ноября, В. М. Пуришкевич, окруженный большой толпой депутатов, заявил, что на следующий день или в ближайшем после него заседании он выступит с громовой речью. «Я поставлю во фракции правых, — говорил Пуришкевич, — вопрос прямо: или я буду выступать в качестве официального оратора фракции, или я уйду из фракции. Довольно я уже слышал говорящими от имени фракции С. В. Левашева, Г. Г. Замысловского и Н. Е. Маркова. Пусть они послушают теперь меня. Быть верноподанным — священный долг каждого русского человека, но быть верноподанным — не значит одобрять все, что делает правительство...».²³ Впрочем, как всегда, высказывался Пуришкевич намного сильнее, но этот своеобразный колорит «непарламентской речи» невозможно

²² Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Стб. 103.

²³ Речь. 1916. 19 ноября; Утро России. 1916. 19 ноября. Несколько иначе преподнесло этот монолог Пуришкевича своим читателям «Раннее Утро»: «Довольно с нас, что до сих пор мы слушали только Маркова 2-го и Левашева, которые защищают правительство, каково бы оно ни было. Быть истинным монархистом — это еще не значит выступать в защиту правительства. <...> Если фракция правых со мной не согласится, я выйду из фракции». (Цит. по: Николаев А. Б. Из истории раскола фракции правых IV Государственной думы (ноябрь — декабрь 1916 г.) // Старцевские чтения — 2006. К 75-летию профессора В. И. Старцева. Сб. восп. и науч. ст. / Ред.-сост. Б. Д. Гальперина, А. Б. Николаев. СПб., 2007. С. 145).

было воспроизвести на страницах печати, сетовала кадетская «Речь». На вопрос репортера: «Собирается ли он создавать новую правую группу?», Пуришкевич ответил, что ему некогда этим заниматься, и со свойственной ему самоуверенностью добавил, что он нисколько не сомневается в том, что его поддержат девять десятых правых.²⁴

Вечером того же дня во фракционной комнате Думы В. М. Пуришкевич конспективно изложил свою речь фракции правых и просил согласия говорить на следующий день от ее имени. После продолжительного обмена мнениями его софракционеры выразили сочувствие желанию оратора указать на расстройство и непорядки в тылу, но остальная часть доклада вызвала многочисленные возражения. Правые указывали Пуришкевичу, что Прогрессивный блок ведет небывалую критическую атаку на правительство — поэтому долг каждого верноподданного защищать министров, а своей речью оратор только сыграет на руку врагам режима, которые стремятся к захвату власти.

Пуришкевич же придерживался иного мнения. Он говорил, что «позорное самоустранение правых» дает козырь левым и кадетам. Политик убеждал фракцию, что «подлецы в шитых золотом мундирах» вовсе не олицетворяют монархические идеалы, а наоборот, дискредитируют их,²⁵ в очередной раз призвав не смешивать слова «правый» и «правительственный».

После продолжительных обсуждений вопрос об избрании фракционного оратора был поставлен на баллотировку путем закрытого голосования записками, и фракция высказалась, что в данном случае, ввиду общего содержания речи и, в частности, ее тона, быть выразителем мнения всей фракции Пуришкевич не может.²⁶ При этом правые были солидарны со своим софракционером по целому ряду аспектов его выступления, но категорически высказались против легкомысленности и оскорбительного митингового тона речи, справедливо посчитав, что не «в этих злобных наскоках на власть заключается настоящий секрет спасения России».²⁷

Таким образом, победила точка зрения лидера фракции правых Н. Е. Маркова — не выносить сор из избы. Он же был избран и фракционным оратором. Однако это не остановило решительности Пуришкевича. Находясь в сильном волнении, он заявил, что предпочитает выйти из состава фракции, но быть услышанным. Во многом это было связано с тем, что, по словам

²⁴ Утро России. 1916. 19 ноября.

²⁵ Степанов С. А. В. М. Пуришкевич. С. 335.

²⁶ Земщина. 1916. 20 ноября; Новое время. 1916. 19 ноября (2 декабря); Речь. 1916. 20 ноября; Голос Руси. 1916. 19 ноября (2 декабря).

²⁷ Курская быль. 1916. 25 ноября.

депутата, три четверти фракции были сторонниками его выступления, но фракция, затерроризированная Марковым и Замысловским, была не свободна в выражении своих взглядов. Последние «не дают ей (фракции. — А. И.) думать самостоятельно и честно, по-своему, обращая в особенности крестьян в какое-то думское быдло», — возмущался Пуришкевич.²⁸

Заявление Пуришкевича о выходе из фракции произвело сильное впечатление на правых депутатов. После того как Пуришкевич покинул фракционное заседание, был поднят вопрос о том, как заставить бывшего лидера взять свое заявление о выходе из фракции обратно.²⁹ За подписью председателя фракции С. В. Левашева Пуришкевичу было отправлено письмо, в котором мотивировался отказ фракции предоставить докладчику возможность говорить от ее имени, а также выражалось сожаление по поводу его решения оставить ряды правых депутатов. Опасаясь раскола в правом лагере, Левашев от имени всей фракции просил Пуришкевича еще раз взвесить свое решение и уведомить его о конечном результате.³⁰ Однако В. М. Пуришкевич своего решения не изменил. Сторонникам же политики Н. Е. Маркова оставалось только констатировать, что своим выходом из фракции Пуришкевич поставил «вопрос личного самолюбия выше задачи патриотического объединения».³¹

²⁸ Из дневника В. М. Пуришкевича. Убийство Распутина. М., 1990. С. 14.

²⁹ Новое время. 1916. 19 ноября (2 декабря); Утро России. 1916. 19 ноября. В частности, этот вопрос поднимал П. В. Новицкий, хотя и он решительно осудил содержание речи Пуришкевича. См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1468.

³⁰ «В заседании фракции правых, 18 ноября, вы ознакомили нас с тем, что вы желаете сказать от имени фракции в прениях по декларации правительства, имеющей быть 19 ноября. При этом нам угодно было высказать, что, если вы не будете избраны фракционным оратором для ответа на упомянутое заявление правительства, то вы, оставаясь по-прежнему верным основным заветам нашим — православия, самодержавия и русской народности, — тем не менее выйдете из состава правой фракции. Соображения ваши о необходимости указать на расстройство и беспорядки в тылу встретили общее наше сочувствие, но остальная часть вашей речи вызвала многочисленные возражения. После продолжительного обсуждения был поставлен на баллотировку, путем закрытого голосования записками, вопрос об избрании фракционного оратора, и фракция единогласно высказалась в том смысле, что в данном случае быть выразителем ее мнения вы не можете. Вместе с тем фракция постановила сообщить вам, что она выражает свое искреннее сожаление по поводу вашего решения. В переживаемое родиною тяжелое время, когда объединение правых особенно необходимо для сохранения русской государственности, ваш выход из фракции может произвести нежелательное впечатление. Ввиду изложенного, фракция правых просила бы вас еще раз взвесить ваше заявление и уведомить ее об окончательном вашем решении. Председатель фракции правых проф. С. В. Левашев» / Письмо фракции правых В. М. Пуришкевичу // Речь. 1916. 20 ноября.

³¹ Курская бль. 1916. 24 ноября.

Очевидно, что Пуришкевич не мог не отдавать себе отчета, что выход его из фракции заметно ослабляет ее позиции и чреват расколом. Ведь в этом были заинтересованы представители различных думских сил. Первой из них оказалась группа центра, которая, узнав о поступке Пуришкевича, тут же решила уступить ему свое место в том списке ораторов, который был намечен на 19 ноября. Поступившее предложение, отмечает А. Б. Николаев,³² можно было рассматривать и как приглашение вступить в группу центра, но Пуришкевич предпочел остаться «сам себе фракцией».³³ А близкий к кадетам публицист К. К. Арсеньев с удовлетворением замечал, что выход Пуришкевича из фракции правых — «симптом, указывающий на близость крушения политического и всякого другого обскурантизма».³⁴

19 ноября 1916 г. атмосфера в Думе была наэлектризована до предела. Заседание началось с выступления заменившего Б. В. Штюрмера на посту председателя Совета министров А. Ф. Трепова (видного члена правой группы Государственного совета), который озвучил декларацию правительства. Но левые говорить ему не давали, подняв шум, заглушающий слова премьера. «...Со скамей крайне левого сектора началась настоящая вакханалия враждебных криков, бранных выражений — словом, была устроена дикая враждебная демонстрация, какой еще никогда ни в Четвертой, ни в Третьей Думе не было. Трепов стоял спокойно на кафедре, но не мог произнести ни одного слова», — вспоминал октябрист Н. В. Савич.³⁵ За устроенную обструкцию из зала было удалено 8 левых депутатов, среди которых были А. Ф. Керенский, Н. С. Чхеидзе, А. С. Суханов. Получив наконец, через 40 минут, возможность говорить, Трепов озвучил правительственную декларацию, которая была встречена думским большинством «более чем холодно» и «не было ни одного хлопка, если не считать скамей крайней правой».³⁶

Но все же тот день запомнился благодаря выступлению Пуришкевича. «Речь Пуришкевича, страстная и искренняя, простая и содержательная, местами поднимавшаяся до неподдельного пафоса, местами язвительная,

³² Николаев А. Б. Из истории раскола фракции правых IV Государственной думы... С. 145.

³³ В 1911 г. Пуришкевич как-то заявил: «По временам мне хочется думать и чувствовать, что я сам могу быть фракцией, и, как таковая, я и говорю» (Цит. по: *Кириянов И. К.* Владимир Митрофанович Пуришкевич: депутат-фракция // Консерватизм: идеи и люди. Пермь, 1998. С. 105).

³⁴ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 11. С. 347.

³⁵ Савич Н. В. Воспоминания. С. 185.

³⁶ Там же.

но без всяких клоунских выпадов, местами дышавшая истинной грустью о выпавших на долю России испытаниях, — произвела глубокое впечатление на всю Думу», — писала на следующий день умеренно-правая газета «Новое время».³⁷

В своей разоблачительной речи Пуришкевич, подчеркнув, что он остается «самым правым», обрушился на правительство, обвиняя его в том, что оно «сверху донизу болело и болеет болезнью воли»; требовал предоставления твердой правительственной программы, которая бы показывала, что «оно (правительство. — А. И.) идет не наобум, не врозь и не вразброд»; обличал бессистемность в действиях властей, указывая, что в России существует только одна система — «система тыловой разрухи».³⁸ Кроме обвинения министров в карьеризме, личных амбициях и бездарности, Пуришкевич не преминул воспользоваться приемом Милюкова, намекнув на возможную измену. Главными бедствиями России депутат назвал «бессмысленную цензуру», паралич власти, некие симптомы торжества германофильских идей наверху и полную неизвестность будущего.³⁹ Досталось от оратора и его недавним софракционерам, которых он обвинил в недалекости и бездействии. «Бывают, однако, моменты <...>, когда нельзя позволить себе говорить, взобравшись на уездную или губернскую колокольню, а нужно бить в набат, взобравшись на колокольню Ивана Великого, откуда видим все то, что творится на святой матушке Руси», — не без пафоса заявил Пуришкевич.⁴⁰ Он бичевал «камарилью» в лице виднейших влиятельных (а, главное, правых!) лиц: дворцового коменданта генерала В. Н. Воейкова, министра земледелия графа А. А. Бобринского (еще недавно возглавлявшего правую группу Государственного совета), которые якобы погрязли в спекуляциях и служебных злоупотреблениях, А. Д. Протопопова; обвинил Б. В. Штюрмера во взяточничестве и германофильстве и, в конце концов, нанес удар по Г. Е. Распутину. По словам Пуришкевича, все зло, творящееся в России, исходило от неких «темных сил», якобы возглавляемых сибирским крестьянином. Закончил свою речь Пуришкевич призывом избавить Россию от Распутина и «распутинцев больших и малых».⁴¹ «Пуришкевич сказал свою знаменитую речь против Распутина; вопрос

³⁷ Новое время. 1916. 20 ноября (3 декабря).

³⁸ Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв IV. Сессия V. Пг., 1916. Стб. 262, 264, 266.

³⁹ Там же. Стб. 270.

⁴⁰ Там же. Стб. 261–263.

⁴¹ Там же Стб. 287.

о Распутине был поставлен этой речью так остро, как его до тех пор не ставил никто», — отмечал оппозиционер В. А. Маклаков.⁴²

Речь Пуришкевича была полна хлесткими и бьющими на эффект сравнениями и вызвала шквал аплодисментов. Ему рукоплескали как умеренно-правые, так либералы и левые, крики «браво» не смолкали несколько минут. Либерально настроенный князь Е. Н. Трубецкой, находившийся в Думе при этом выступлении, писал: «Впечатление было очень сильное. Самые консервативные члены Государственного совета и многие бывшие министры не стеснялись громко одобрять Пуришкевича... Очень важно, что такое слово было произнесено, притом именно правым. За это Пуришкевичу можно простить очень многое. Я подошел позжать ему руку».⁴³

Сам же правый политик позднее так рассказывал о своем выступлении: «За много лет впервые я испытал чувство нравственного удовлетворения и сознания честно и мужественно выполненного долга: я говорил в Государственной думе о современном состоянии России; я обратился к правительству с требованием открыть государю истину на положение вещей и без ужимок лукавых царедворцев предупредить монарха о грозящей России опасности со стороны темных сил, коими кишит русский тыл, — сил, готовых использовать и переложить на царя ответственность за малейшую ошибку, неудачу и промах его правительства в делах внутреннего управления в эти бесконечно тяжелые годы бранных испытаний, ниспосланных России Всевышним. <...> Что заставляет молчать русских сановников и лиц, приближенных к царю при Дворе? Трусость. Да, только одна беспредельная трусость и боязнь утратить свое положение, и в жертву этому приносят интересы России. Они боятся сказать государю правду <...> И вот я сказал <...> на всю Россию горькую истину, и как верный, неподкупный слуга его, принеся в жертву интересам родины личные мои интересы, осветил ту правду, которая от него скрывалась, но которую видела и видит вся скорбная Россия. Да, я выразил то, несомненно, что чувствуют лучшие русские люди, без различия партии, направлений и убеждений. Я это понял, когда сходил с трибуны Государственной думы после моей двухчасовой речи. Я это понял из того потока приветствий, рукопожатий и неподдельного восторга, который сквозил на всех лицах и обступившей меня после моей речи толпы, — толпы, состоявшей из представителей всех классов общества, ибо Таврический дворец 19 ноября был переполнен

⁴² Маклаков В. Некоторые дополнения и уточнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутина // Современные записки. (Париж). 1928. Т. 34. С. 267.

⁴³ Цит. по: Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете... С. 238–239.

тем, что называют цветом нации в смысле культурности, общественного и официального положения. Я знаю, что ни одного фальшивого звука не было в моей речи».⁴⁴

Однако позже выяснилось, что большинство обвинений Пуришкевича высших государственных лиц в измене голословны, что его разоблачения основывались не на достоверных фактах, а лишь на личных тревогах, подозрениях, на непроверенных слухах и сплетнях.⁴⁵ Он практически не мог привести никаких доказательств своей правоты, но в разгар политической борьбы никто и не хотел устанавливать истину. Тем более, что обвинения, брошенные Пуришкевичем, соответствовали настроениям общества и как бы подтверждали правоту многочисленных слухов и публикаций оппозиционных газет. Кроме того, как отмечал Н. Е. Марков, обвинения эти «были не только вообще лживы, но так подобраны, что у слушателей должно было составиться представление, будто все скверное и вредное так или иначе исходит от правых и их единомышленников».⁴⁶ Как справедливо заметил по этому поводу известный русский публицист М. О. Меньшиков, «В. М. Пуришкевич, как газированный напиток, слишком легко переливается через край, через край той правды, которая, безусловно, обязательна для каждого большого деятеля».⁴⁷

Прав Пуришкевич был лишь в одном — Россия двигалась к революционному катаклизму. Однако своей речью Владимир Митрофанович не оздоровил власть, а окончательно ее дискредитировал. «Речь Пуришкевича произвела страшный фурор, аплодировали члены Государственного совета», — делился в частном письме В. П. Носович.⁴⁸ Дума, констатировал С. Н. Булгаков, «от Пуришкевича до Милюкова принимала революционный характер».⁴⁹

Действительно, выступление правого депутата лишь утверждало веру в правильность того, что говорила до этого оппозиция, и подводило фундамент под речь Милюкова о «глупости или измене». Так же как и речь

⁴⁴ Пуришкевич В. М. *Дневник // Последние дни Распутина*. М., 2005. С. 19–23.

⁴⁵ В частности, в своих воспоминаниях генерал В. Н. Воейков, несправедливо обвиненный правым депутатом, полагал, что клеветнический выпад против него мотивировался тем, что он, сменив на посту дворцового коменданта генерала В. А. Дедюлина, покровительствовавшего Пуришкевичу, прекратил финансовую поддержку РНСМА (*Воейков В. Н. С Царем и без Царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта*. Минск, 2002. С. 153–156).

⁴⁶ Марков Н. Е. *Как это случилось? // Русское знамя*. 1916. 5 декабря.

⁴⁷ *Российский гражданин*. 1916. № 42. С. 15.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1178.

⁴⁹ Цит. по: *Кожин В. В. «Черносотенцы» и Революция*. С. 82.

Миллюкова, речь Пуришкевича была тут же растиражирована, став предметом бурного общественного обсуждения. Попала она и в армию, где произвела сильное впечатление. Сын бывшего члена правой группы (позже группы правого центра) Государственного совета В. Н. Поливанова — ротмистр А. В. Поливанов, находившийся в это время в действующей армии, писал матери: «Восторгались речью Пуришкевича, чуть не наизусть ее выучили. Как он набил морду всей грязной компании, главное, надавал плюх Протопопову. <...> Исполать Пуришкевичу, большой молодец!».⁵⁰

Таким образом, Пуришкевич произнес с думской кафедры то, что все хотели услышать. Его речь выразила всеобщее настроение, но особое ее значение было в том, что произнесена она была устами политика, считавшегося черносотенцем, истовым апологетом самодержавия, человеком, который про себя говорил, что правее его — только стенка.⁵¹ Это сразу же отметили представители оппозиции. Прогрессист И. Н. Ефремов замечал в связи с выступлением Пуришкевича: «Если бы подобную речь произнес кто-нибудь из нас, то, конечно, раздались бы только кислые слова, что, мол, все это в порядке вещей, что прогрессисты всегда останутся прогрессистами, и что свои излюбленные приемы политической борьбы они всегда будут вести по трафарету. С этой точки зрения выступление представителя правых Пуришкевича с резким обличительным словом по адресу правительства представляется знаменательным и характерным». ⁵² Вторил ему кадет А. И. Шингарев: «Превращение такого Савла, как Пуришкевич, в Павла, само по себе очень симптоматично. Если так думают, чувствуют и говорят уже монархисты, то каковы должны быть размеры внутреннего зла?». ⁵³ «Никто не может приписывать ему (Пуришкевичу. — А. И.) тех побочных побуждений, которыми враги свободного слова так охотно объясняют образ действий противников правительства. И что же? Его речь оказалась настоящим обвинительным актом», — писал публицист К. К. Арсеньев.⁵⁴

Отметим еще один важный аспект. Речь Пуришкевича, прозвучавшая вслед за декларацией нового премьера А. Ф. Трепова, спутала карты последнего. Трепов, не являвшийся для оппозиции столь одиозной фигурой,

⁵⁰ Письма ротмистра лейб-гвардии Уланского полка А. В. Поливанова родным (октябрь 1916 — май 1917 г.) / Публ. В. Н. Кузнецов // Вопросы истории. 2012. № 9. С. 78.

⁵¹ Любивший повторять эту фразу Пуришкевич однажды заявил, что он настолько правый по своим убеждениям, что в Думе для него нет места даже на крайне правой, и ему следовало бы усесться на барьере (*Любош С. Б.* Русский фашист Владимир Пуришкевич. С. 23).

⁵² РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 7. Л. 386.

⁵³ Там же. Л. 387.

⁵⁴ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 11. С. 344.

как его предшественник Б. В. Штюрмер, планировал смягчить впечатление в обществе от недавней речи П. Н. Милюкова и ослабить натиск либерального лагеря на власть, заготовив для этого «недурную», по мнению М. В. Родзянко,⁵⁵ благожелательную к Думе (по мнению правых⁵⁶), декларацию. В ней Трепов, в частности, указывал на невозможность заключения сепаратного мира с Германией, делал жест в сторону либеральной оппозиции, произнося хвалебные слова в отношении деятельности общественных организаций и обещания способствовать прохождению законопроектов о всеобщем начальном обучении, «о мелкой земской единице» и новом городском положении, и озвучил как позитивную перспективу согласие союзников на передачу России в случае победы в войне проливов Босфор и Дарданеллы.⁵⁷ Как вынужден был признать кадетский публицист К. К. Арсеньев, «А. Ф. Трепов заимствовал из программы Прогрессивного блока некоторые законодательные меры».⁵⁸ Но неплохая, примирительная по замыслу и вполне достойная речь правого политика, на которую в высших сферах возлагались определенные надежды, не принесла абсолютно никакого результата — Пуришкевич 19 ноября переключил все внимание общества на себя. «Суммируя общие впечатления, вынесенные представителями разных фракций <...>, следует, прежде всего, отметить, что непосредственное впечатление от декларации в значительной мере затушеввалось благодаря речи депутата В. М. Пуришкевича, последовавшей тотчас же за выступлением А. Ф. Трепова и оставившей <...> очень сильное впечатление. До такой степени сильное, что, например, многие видные представители отдельных фракций на вопросы думских журналистов о впечатлении от декларации отвечали почти в одних и тех же выражениях: „Да разве сейчас, после речи Пуришкевича, можно говорить о какой-то декларации правительства?..“» — отмечал правительственный агент в Думе.⁵⁹

В результате декларация, призванная успокоить общество, «совсем была забыта», а речь Пуришкевича, «явившаяся безусловным гвоздем заседания», сосредоточила на себе всеобщее внимание и «еще больше приподняла агрессивное настроение большинства Гос. Думы, объединившегося под именем Прогрессивного блока».⁶⁰ К тому же обвинения Пуришкевича по адресу власти были настолько сильны, что либеральный публицист замечал:

⁵⁵ Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. С. 165.

⁵⁶ Курская быль. 1916. 23 ноября.

⁵⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 7. Л. 290–329.

⁵⁸ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 11. С. 342.

⁵⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 7. Л. 385.

⁶⁰ Там же. Л. 386.

«направленная против кабинета Б. В. Штюрмера, она (речь. — *А. И.*) бьет всей своей тяжестью по кабинету А. Ф. Трепова, большинство которого было солидарно с ушедшим премьером».⁶¹ В результате итогом заседания 19 ноября, несмотря на то, что не выступал еще ни один оппозиционный оратор, стало то, что «призыв А. Ф. Трепова к совместной работе встретил сочувствие разве только со стороны крайних правых и правых националистов».⁶²

Таким образом, недавний лидер фракции правых Государственной думы нанес ощутимый удар по декларации одного из лидеров правой группы Государственного совета. Даже такой весомый козырь Трепова, как сообщение о полученном согласии Англии на передачу России Константинополя и проливов (того, о чем только и говорили в Думе в 1914 году!), оказался «незамеченным». Оппозиция торжествовала.⁶³

При этом, как указывалось выше, в своей речи В. М. Пуришкевич также открыто громил верных престолу лиц, принадлежавших к правому лагерю. Граф А. А. Бобринский, бывший председателем правой группы Государственного совета, был весьма удивлен выпадом против него, так как ранее Пуришкевич обращался к нему не иначе как со словами «дорогой граф» и «ваш большой почитатель», неоднократно прося посодествовать в том или ином деле. Полагая, что Пуришкевич стал жертвой собственного красноречия, Бобринский направил ему подробное письмо, в котором вскрывал всю несостоятельность выдвинутых против него обвинений.⁶⁴ А как

⁶¹ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 11. С. 344.

⁶² Там же. С. 346.

⁶³ «Даже то место, которое было, очевидно, коронным в его декларации, где он упомянул, что в силу соглашения с союзниками Россия получит в случае победы союзной коалиции Константинополь и проливы, было встречено сравнительно холодно. Видимо, Трепов знал, что в Думе имелось очень сильное течение в пользу радикального решения вопроса о проливах, что там, даже на кадетских скамьях, было сильно сознание, что вопрос этот является одним из наиболее важных, поставленных на очередь Великой войной. Давнишняя мечта русского общества — проливы и православный крест на Св. Софии — казалось, была близка к благоприятному разрешению. Поэтому он не задумался, очевидно, чтобы разбить лед между правительством и Думой, предать гласности это секретное соглашение между союзниками, которое открывало завесу над одной из целей войны противогерманской коалиции. Сравнительно холодная встреча этого первоклассного, с точки зрения русских интересов, дипломатического достижения объяснялась тем, что в Думе уже давно о нем имелись кое-какие сведения, причем успех в этом деле приписывали дипломатии времен Сазонова. Во всяком случае, Трепов и его коллеги тут были ни при чем», — отмечал Н. В. Савич (*Савич Н. В.* Воспоминания. С. 185–186).

⁶⁴ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 222.

справедливо указывал Ю. С. Карцов, обвинения в адрес В. Н. Воейкова, являвшегося дворцовым комендантом, приближенным царя, были не чем иным, как ударом по самому царю, «действием, с монархической точки зрения недопустимым». ⁶⁵ Но именно этим и объясняется эффект речи как на оппозицию, так и на охранителей пошатнувшегося строя. «Камни возопили», — писал об этом событии октябрист И. С. Ключев. ⁶⁶

И тем не менее выступление В. М. Пуришкевича было закономерным, перемена его взглядов была постепенной и во многом обусловленной его предшествующей деятельностью.

В течение двух с половиной лет войны Пуришкевич был всецело занят санитарной деятельностью на фронте и в дни случайных заездов в Петроград, посещая Государственную думу, сидел на ее заседаниях простым зрителем, «человеком без всякой политической окраски». ⁶⁷ Он все это время был «мертвым» для политической жизни и связанных с ней вопросов. Пуришкевич заявлял, что «какой бы поток писем ни шел ко мне, как идет сейчас, с запросами о моем политическом credo и требованием монархических съездов, я буду молчать и работать». ⁶⁸

Находясь на фронте, Пуришкевич своими глазами видел неустройство раненых, неспособность властей справиться с проблемой беженцев, многочисленные злоупотребления и развал управления. В телеграммах председателю Государственной думы М. В. Родзянко по поводу плачевного состояния российских железных дорог Пуришкевич высказывал даже мысли, что дело либо в преступном бездействии и халатности властей, либо в измене. ⁶⁹ Доставалось от него властям и за то, что вместо того, чтобы умело использовать находящуюся в руках правительства пропагандистскую машину в государственных целях, они либо пренебрегают общественным мнением, либо подстраиваются под него.

Всякий же раз, когда Пуришкевич появлялся в Петрограде, им овладела еще большая тревога. Он буквально закипал от негодования при виде происходившего в тылу. Но, будучи монархистом, он продолжал придерживаться взглядов, что царь просто не знает настоящего положения дел, поэтому политик возмущался придворными, «жалкими себялюбцами», не смевшими раскрыть глаза самодержцу. Но поначалу он старался твердо

⁶⁵ Архив ДРЗ. Ф. 1. Ед. хр. М-76 (1). Л. 312.

⁶⁶ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 15. Л. 105 об.

⁶⁷ Из дневника В. М. Пуришкевича. Убийство Распутина. С. 3.

⁶⁸ Итоги первого боевого года в тылах и на фронте. Доклад В. М. Пуришкевича в Русском Собрании 4 сентября 1915 г. Пг., 1915. С. 4.

⁶⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1154.

придерживаться заявленного им во время выступления в Русском собрании в 1915 г. принципа: «Настанет время оценки работы власти в дни войны, время оценки ее бессилья, ее растерянности, ее бессистемности и необъединенности. Настанет день суда над преступниками, предателями, не оправдавшими доверия, оказанного им, время воздаяния награды верным; но не теперь. Теперь надо мириться со всем, и об руку с правительством работать на пользу отечества».⁷⁰

Но этого настроения хватило ненадолго. Уже в том же, 1915 г., в газетах появились первые сообщения о начавшихся трениях Пуришкевича с правой фракцией Думы. В конце января, накануне открытия трехдневной думской сессии, политик не поддержал предложения большинства правых воздержаться от каких-либо речей и без всяких фракционных заявлений приступить к деловому рассмотрению бюджета. Предлагая свою кандидатуру на роль фракционного оратора, Пуришкевич обещал «на основании собранных им за последние месяцы богатейших материалов развернуть широкую картину тех многообразных настроений, которыми живет сейчас Россия». «Фракционные вожди молча слушают Пуришкевича и покачивают головами», — сообщал корреспондент «Вечернего времени».⁷¹

Со временем же редкие визиты Пуришкевича в Государственную думу начинают сопровождаться выступлениями, приобретающими все более и более резкий, критический тон. В начале февраля 1916 г. Пуришкевич говорил о том, что «только слепцы и глупцы могут сказать, что все должно быть так, как было до войны».⁷² Отвечая на вопрос журналиста либерального издания, как он относится к правительственному курсу, В. М. Пуришкевич лишь махнул рукой и разочарованно изрек: «Правительство... — о нем лучше говорить не будем!...».⁷³ Но удержаться от критики власти Пуришкевич все же не смог. Вскоре он обрушился с думской кафедры на председателя Совета министров Б. В. Штюрмера, «темные силы русской церкви», отсутствие какой-либо действенной программы, неспособность правительства справиться с «немецким засильем» и проблемой беженцев и, давая характеристику постоянной смене министров, запустил в оборот тут же ставшую крылатой фразу — «министерская чехарда».

Впрочем, были и другие причины, заставлявшие Пуришкевича не на шутку беспокоиться. Проявление особой политической нервности обнаруживается

⁷⁰ Итоги первого боевого года в тылах и на фронте... С. 14.

⁷¹ Вечернее время. 1915. 24 января (6 февраля).

⁷² Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 1498–1499.

⁷³ Цит. по: Григорьева Е. В. Б. В. Штюрмер: российский бюрократ на рубеже двух политических эпох: 1872–1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 271.

у депутата именно осенью 1916 г., как раз тогда, когда после вступления в войну Румынии на стороне России немецкие войска заняли ее территорию и началось вторжение в Бессарабию, родную губернию лидера правых, где у рода Пуришкевичей имелись достаточно крупные земельные владения. Поэтому более чем остро почувствовал Пуришкевич необходимость продолжения войны до победного конца и борьбы против тех, кто, как ему казалось, помышлял о сепаратном мире.⁷⁴

О кардинальной смене Пуришкевичем с началом Первой мировой войны внешнеполитических ориентиров мы уже писали. Но метаморфозы происходили с некогда правым политиком и в других областях.

В. М. Пуришкевич заметно преуспел в этот период в пересмотре своего отношения к еврейскому вопросу. Если раньше его слава антисемита была всем хорошо известна, то с началом войны, к недоумению правых и левых, Пуришкевич начинает кардинально менять свой публичный имидж.

«Пуришкевич просит у евреев прощения», — записал в 1914 г. в своем дневнике писатель М. М. Пришвин.⁷⁵ «...Когда я прочел воззвание Пуришкевича к забвению всякой племенной розни — не выдержал и разрыдался», — писал в письме к родителям будущий известный советский писатель еврейского происхождения Б. Л. Пастернак.⁷⁶ «Это было то время, когда <...> Пуришкевич, видя русский патриотизм евреев, целовался с раввинами», — вспоминал видный еврейский деятель Д. С. Пасманик.⁷⁷ А ультраправое «Русское знамя», возмущенно называя Пуришкевича «новоявленным другом» евреев, констатировало, что видный лидер правых «горячо пожимал руки» раввинов и целовался с ними «взасос».⁷⁸

Эта неожиданная для всех перемена произошла с Пуришкевичем в самом начале войны. 22 июля 1914 г., во время встречи в Одессе еврейской демонстрации, выражавшей свои верноподданнические и патриотические чувства, с манифестацией русских правых, во главе которой оказался В. М. Пуришкевич, последний подошел к представителям еврейской общины Одессы, поцеловался с ними, приложился к свитку Торы, который несли

⁷⁴ Буржуазия накануне Февральской революции / Подгот. текста Б. Б. Граве. М.: Л., 1927. С. 356, 382. «Если бы немецкая армия вошла в Бессарабию, то она тут в немецких селах нашла бы вдоволь и пропитание, и корм для лошадей своих», — допуская возможность вторжения кайзеровских войск в родной край, писал В. М. Пуришкевичу его младший брат Михаил. (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 998. Л. 1702).

⁷⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. М., 1991. С. 86.

⁷⁶ Пастернак Б. Л. Из писем разных лет / Сост. Е. Б. Пастернак. М., 1990. С. 5.

⁷⁷ Пасманик Д. С. Русская революция и еврейство (Большевизм и иудаизм). Париж, 1923. С. 143.

⁷⁸ Русское знамя. 1914. 26 августа.

манифестанты, а затем, забравшись на возвышение, произнес горячую речь, которая в подаче «Биржевых ведомостей» звучала следующим образом: «Все, что я говорил и думал до сих пор о евреях, есть ложь и заблуждения. Все свои слова я беру назад. В эти великие исторические дни я убедился, что евреи — такие же верноподданные Русского Государя, как и мы сами. Нет больше евреев и русских — есть один великий и неразделимый русский народ».⁷⁹ Слова, сказанные В. М. Пуришкевичем, естественно, привлекли к себе общественное внимание. Представители еврейской и либеральной общественности, как отмечалось выше, не прошли мимо них, расценив короткую речь, сказанную черносотенным вождем, как нечто симптоматичное и выдающееся.⁸⁰ Не осталась она незамеченной и правыми, у которых (если не считать давно враждебно настроенных к Пуришкевичу сторонников А. И. Дубровина, сразу же расценивших поступок политика однозначно негативно), слова эти вызвали недоумение и растерянность.⁸¹

Между тем В. М. Пуришкевич продолжал и дальше удивлять как своих недавних политических единомышленников, так и оппонентов. Еврейское

⁷⁹ Биржевые ведомости. 1914. 25 июля; Знамение времени // Новый Восход. 1914. № 30. С. 3, 18. См. также: Рылов В. Ю. Несостоявшийся Ленин «справа». Рецензия на книгу: Иванов А. А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб., 2011 // Исторические записки. Научные труды исторического факультета ВГУ. Вып. 15. Воронеж, 2012. С. 182. Позже появилась несколько иная версия этого эпизода: «Рассказывали, что в самом начале войны, где-то на юге России, состоялась отправка на фронт какой-то дивизии. <...> При этой церемонии присутствовал бессарабский богатый помещик и представитель крайне правых настроений, известный на всю Россию антисемит и вдохновитель погромов — Пуришкевич. Наконец дело дошло до раввина. Этот последний, со слезами на глазах, и дрожащим от искреннего волнения голосом, начал объяснять солдатам-евреям, что теперь они должны забыть все обиды, и идти бороться и умирать за их общую Родину-Мать <...>. Когда раввин окончил свою речь, Пуришкевич быстро подошел к нему и на глазах у всех расцеловал его в обе щеки. Трогательная сцена!». Впрочем, тут же замечал автор вышеприведенных строк, «никакие поцелуи всероссийского вдохновителя антисемитизма не могут ничего изменить» (*Вейцман Ф.* Без Отечества. История жизни русского еврея. Тель-Авив, 1981. Т. 2. С. 136–137).

⁸⁰ «С чувством некоторого удовлетворения мы можем констатировать начавшееся, по-видимому, крушение державшихся в некоторых кругах русского общества предрассудков относительно евреев», — отмечал еврейский журнал «Новый Восход». «Как ни относиться к искренности и продолжительности этих чувств, — говорилось далее, — они, несомненно, симптоматичны» (Новый Восход. 1914. № 30. С. 4, 19).

⁸¹ См.: Иванов А. А. Как Пуришкевич с раввинами целовался: к истории одной демонстрации // Герценовские чтения 2011. Актуальные проблемы социальных наук. Сб. науч. и учебно-метод. тр. / Отв. ред. В. В. Барабанов, сост. А. Б. Николаев. СПб., 2012. С. 116.

издание «Новый Восход», со ссылкой на публикацию кадетской газеты «Речь», сообщало своим читателям, что в сентябре 1914 г., оказавшись в варшавском Мариинском госпитале, «недавний враг евреев Пуришкевич», умиленный подвигом раненного солдата-еврея, склонился над ним не «с бешеной слюною», а с «братским поцелуем». ⁸² А в заметке с характерным названием «Правые образумились», «Одесская почта» сообщала, что выступление в Государственной думе депутата-еврея Н. М. Фридмана, заверившего, что российские евреи считают своим долгом участвовать в общей защите Отечества, вызвало даже рукоплескания некоторых правых, «в особенности Пуришкевича». ⁸³ По информации «Herold'a», правый политик в эти же дни возмущался позицией, занятой в «еврейском вопросе» черносотенной печатью. «„Русс[кое] знамя“, — негодует Пуришкевич, — продолжает оставаться на старой позиции по отношению к инородцам. Правые удивительно близоруки. В такой момент травля евреев не должна быть терпима. Широкие массы не делают никакого различия между евреями и русскими. Правая печать, сеющая вражду между теми, кто готов лечь костями на защиту отечества, берет на свою душу великий грех». ⁸⁴ Продолжил эту линию Пуришкевич и дальше. Год спустя, в июле 1915 года, репортер французской «Temps» с изумлением замечал: «...Видел, между прочим, удивительную сцену. Член Г. Думы Пуришкевич усиливался встать и, кажется, хотел-таки подать свой голос против коварной черты (еврейской оседлости. — *А. И.*), отделяющей „неверных“ от „верных“. Но Марков и Замысловский держали его за полы...». ⁸⁵

Для вящей убедительности перемены отношения к еврейству, ⁸⁶ Пуришкевич даже попытался реанимировать свою старую студенческую дружбу с евреем и либералом, известным литературным критиком Ю. И. Айхенвальдом. Как вспоминал последний, незадолго до революции Пуришкевич, не видевший своего старого знакомого более 20 лет, настоял на встрече

⁸² Новый Восход. 1914. № 36. С. 7.

⁸³ Одесская почта. 1914. 28 июля. Об этом же сообщал еврейский журнал «Новый Восход» (1914. № 30. С. 14).

⁸⁴ Одесская почта. 1914. 5 августа. По сведениям издания «Новый Восход», эту речь Пуришкевич произнес, посетив в июле 1914 г. редакцию либеральной газеты «Одесский листок». При этом правый политик особо указал на недопустимость травли евреев, которые готовы «защищать родину, как и все мы, русские граждане». (Новый Восход. 1914. № 30. С. 18).

⁸⁵ Цит. по: Биржевые ведомости. 1915. 21 июля.

⁸⁶ См. также: Черносотенец и сионист: Владимир Пуришкевич о Пинхусе Рутенберге / Вступ. ст. и публ. А. А. Иванова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб., 2010. Кн. 11. С. 110–113.

с ним. «Я заранее решил не вести с ним никаких разговоров на политические темы, и за чайным столом, в кругу моей семьи, старался все клонить к общим воспоминаниям студенческой жизни, но он сам переводил беседу на другие рельсы. И много политических сплетен и слухов, много деталей о порядках войны и мира рассказал он мне в тот памятный вечер. Гневом дышали его отзывы о Распутине, которого через несколько месяцев после этого он убил. Кажется, еще с большим ожесточением говорил он о государыне, зато в очень симпатичных тонах рисуя государя. Обещал после войны с депутатской трибуны грянуть громом изобличений и разоблачений — и уже заранее волновался, бранился и кипел», — вспоминал Айхевальд.⁸⁷ А вскоре, продолжал мемуарист, он увидел в газетах интервью Пуришкевича, в котором он, «между прочим», сообщал про посиделки у своего «лучшего друга еврея». «Очевидно, — делал справедливое предположение бывший приятель Пуришкевича, — ему нужно было продемонстрировать свое показное юдофильство. И спустя некоторое время я в киевской газете прочел особую статью (Заславского) тоже на тему о моем свидании с Пуришкевичем, причем автор особенно упирал на политический смысл нашей встречи и на мое сотрудничество в „Речи“, которое, казалось бы, должно было меня в глазах правого депутата вполне компрометировать. Сенсация от неожиданного для многих сопоставления наших с Пуришкевичем фамилий, поддержанная и другими газетами, долго не умолкала...».⁸⁸

Но заигрывания ради привлечения симпатий либеральной общественности закономерно привели к тому, что правые все с большим подозрением начинали приглядываться к своему бывшему вождю. «[Пуришкевич] ныне пляшет под игры жидов», — с раздражением информировал некто М. Орфенов видного консервативного деятеля, члена правой группы Государственного совета (с января 1917 г.) А. И. Соболевского.⁸⁹

И Пуришкевичу пришлось оправдываться. Выступая перед своими недавними единомышленниками, политик утверждал, что его длительное молчание по политическим и национальному вопросу дало повод евреям для «инсинуаций и небылиц». «Я заявляю, — сказал он членам Русского собрания, — никогда еще я не относился к жидам, этим сплошным шпионам, с большей ненавистью, чем сейчас».⁹⁰ Как будто оппонируя Пасмануку, считавшему, что Пуришкевича впечатлил патриотизм евреев, политик,

⁸⁷ РГАЛИ. Ф. 1175. Оп. 2. Д. 57. Л. 4.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1025. Л. 340.

⁹⁰ Итоги первого боевого года в тылах и на фронте. С. 5.

выступая в 1915 г. перед Русским собранием против отмены черты еврейской оседлости и еврейского равноправия, с негодованием отметал такую возможность и вопрошал: «За предательство ли и шпионство хотят жидам дать право их народу? Не равноправие заслужили они, а кнут и виселицу! Зачем эвакуируют евреев и заселяют ими внутренние губернии, откуда их потом трудно будет выжить? Пусть их оставляют на местах, где они отлично уживутся с немцами, которым служат».⁹¹

И думается, что искренним (как показали дальнейшие события) Пуришкевич был все-таки, выступая перед правыми; публичные же заигрывания с раввинами и знакомыми евреями объяснялись лишь «реальной политикой» — «дух времени» вынуждал прагматичного политика-монархиста играть в эти рекламные игры, создававшие ему несколько обновленный имидж.

Кардинально изменил Пуришкевич в годы войны, как уже отмечалось выше, и отношение к англичанам. Последние также ответили ему взаимностью: глава английской военно-разведывательной миссии в России полковник Самюэль Хор оставил в своих воспоминаниях довольно интересные свидетельства. Называя Пуришкевича «самым черным из черносотенцев», Хор тем не менее указывал, что между правым политиком и другими представителями монархического лагеря была большая разница. В частности, представитель британской миссии был «глубоко тронут», когда Пуришкевич 19 ноября 1916 г., обрушившись с думской кафедры на «темные силы», развернулся к ложе дипломатов-союзников и поприветствовал их, а затем и лично посетил их ложу, пожав послам руку. Как следует из рассказа Хора, чуть позже Пуришкевич нанес ему визит, в ходе которого рассказал об «истинном» влиянии Распутина и сообщил о намерении устранить его, попросив содействия в этом деле.⁹²

Подобные кульбиты, естественно, вызывали недовольство Пуришкевичем среди его недавних соратников-монархистов. Уже со второй половины 1915 г. в различных правых организациях поднимался вопрос о сдвиге Пуришкевича влево. Тогда, правда, руководство различных монархических

⁹¹ Там же. С. 16–17. Об этом же, но более корректно, он говорил и в своей речи 12 февраля 1916 г. перед Государственной думой. Начав с заверения правых, что он по-прежнему «ненавидит евреев», Пуришкевич, обращаясь уже к думскому большинству, пояснял, что «из этого вовсе не следует, чтобы я указывал в настоящее время перстом и говорил, что в жиде все зло» (Речи В. М. Пуришкевича в заседаниях Государственной думы 12 февраля и 21 марта 1916 года. С. 17).

⁹² Hoare S. The Fourth Seal: The End of the Russian Chapter. London, 1930. P. 67–69, 135.

организаций, предпочитая единение раздорам, пыталось успокоить своих членов, бывших тревогу, объясняя им, что, несмотря на различную тактику, у монархистов не было и нет принципиального различия в целях.⁹³

Однако от журналистов не укрылись существенные перемены в позиции некогда правого политика. «Крайних правых занимает позиция В. М. Пуришкевича, — отмечало в декабре 1915 г. „Вечернее время“. — В. М. Пуришкевич намерен сейчас приспособить свою Палату Михаила Архангела новым течениям. Пока что Пуришкевич остается в ожидании и резких шагов не предпринимает ни в ту, ни в другую сторону, до тех пор, пока не выяснится, что даст Дума и во что выльются ближайшие события. Пуришкевич, и это осознают сами правые, пойдет по течению, будет ли оно бурным или спокойным».⁹⁴

Течение оказалось бурным и Пуришкевича понесло...

Уже в июне 1915 г. диссонансом прозвучала оценка В. М. Пуришкевичем уволенного министра внутренних дел, ставшего одним из наиболее энергичных членов правой группы Государственного совета, Н. А. Маклакова. Если правые в целом смотрели на его отставку с сожалением, справедливо видя в смене Маклакова князем Н. Б. Щербатовым уступку либеральному лагерю, то Пуришкевич в интервью «Утру России» позволил себе выразить принципиально иную точку зрения. «Н. А. Маклаков, — заявил он, — был моим единомышленником, но тем не менее я все же должен констатировать, что это — человек, не имеющий достаточно широкого политического горизонта».⁹⁵ При этом, заверял Пуришкевич оппозиционное издание, он возлагает большие надежды на нового главу МВД, князя Щербатова.

В декабре 1915 г. Пуришкевич, по свидетельству товарища министра внутренних дел С. П. Белецкого, уже откололся от наиболее консервативной группы Н. Е. Маркова — Г. Г. Замысловского (к которой до этого примыкал), и последние настойчиво просили главу МВД А. Н. Хвостова о прекращении выдач средств Пуришкевичу на его организации. Сам же Пуришкевич убеждал Белецкого, что нисколько не изменился, но, работая в Красном Кресте, он якобы принципиально не желал подчеркивать свои правые убеждения.⁹⁶

В качестве примера трений между лидерами правой фракции в Государственной думе можно привести эпизод, описанный депутатом Б. А. Энгель-

⁹³ Правые партии... Т. 2. С. 442, 548.

⁹⁴ Вечернее время. 1915. 8 (21) декабря.

⁹⁵ Утро России. 1915. 7 июня.

⁹⁶ Падение царского режима... Т. 4. С. 129, 434.

гардтом. В июле 1915 г. происходили выборы в президиум Комиссии по военным и морским делам. Правые, сознавая, что кандидатура лидера националистов, прежнего председателя, П. Н. Балашева, не пройдет,⁹⁷ и в связи с отказом выбранного на этот пост В. В. Шульгина занять его, были вынуждены выбирать между левым октябристом А. Д. Протопоповым и кадетом А. И. Шингаревым. (До этого в состав Комиссии входили исключительно представители правого крыла Думы, не левее октябристов, кадеты же были признаны «врагами русской армии», и их в комиссию не допускали.) Однако В. М. Пуришкевич однозначно высказался против кандидатуры Протопопова. Перед баллотировкой к нему подошел Н. Е. Марков: «Кандидатура кадета для нас неприемлема, — внушительно сказал он, — я вас прошу голосовать в соответствии с постановлением фракции...». «А я за вашу старую лису голосовать не намерен», — резко отозвался Пуришкевич. Тон Маркова 2-го сделался угрожающим: «Мне придется, Владимир Митрофанович, довести до сведения наших избирателей о вашей позиции...». (Это была уже прямая угроза. Пуришкевич, не имея шансов пройти в IV Думу в родной Бессарабии, где его заклевал семейный клан Крупенских, был избран депутатом от Курской губернии при содействии Маркова, который был там почти диктатором.) Однако грозный тон Маркова не устранил его: «Сделайте одолжение!» — воскликнул он и, демонстративно написав огромными буквами на листке бумаги «Шингарев», бросил свою записку в баллотировочный ящик.⁹⁸ Несколько существенных деталей добавляет к этому эпизоду и кадет В. В. Лашкевич: «Помню, как А. И. [Шингарева] выбирали в председатели, как лидер крайних правых Н. Марков 2-й подошел взбешенный к В. М. Пуришкевичу и потребовал от него не голосовать за Шингарева и как Пуришкевич, образно выражаясь, послал его к черту: „Здесь Родина, а не партии...“». ⁹⁹ А по сообщению периодических изданий, Пуришкевич при этом еще и патетически заявил: «Лучше А. И. Шингарев, чем победа Германии».¹⁰⁰

⁹⁷ Его кандидатуру поддержало только 8 человек, хотя, как подмечал наблюдательный К. Арсеньев, одних националистов в комиссии было 15 (*Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 8. С. 362.*

⁹⁸ ОР РНБ. Ф. 1052. Д. 23. Л. 8; Там же. Д. 71. Л. 5; ОР РГБ. Ф. 218. Картон 305. Ед. хр. 3. Л. 328; *Энгельгардт Б. А. Воспоминания камер-пажа // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. 3. Таллинн, [1997]. С. 194.*

⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 730 а. Л. 11.

¹⁰⁰ Новое время. 1915. 22 июля (4 августа); Вестник Европы. 1915. № 8. С. 361. «Те правые, которые голосовали за кадета Шингарева, делали не партийное, а государственное дело, — писал в частном письме националист А. И. Савенко. — Мотивы тех представителей правого крыла Гос. Думы, которые голосовали за Шингарева, очень

Поддержал Владимир Митрофанович и выступление П. Н. Милюкова, произнесенное с думской кафедры 1 ноября 1916 г. Как вспоминал генерал А. И. Спиридович, «монархист Пуришкевич с помощью своего санитарного поезда развозил по фронту целые тюки этой речи».¹⁰¹ «Рассказы Пуришкевича, которые он не стеснялся распространять в армиях, вызывали много смущения и возбуждения умов, — свидетельствовал член РНСМА полковник Ф. В. Винберг. — А между тем никто, или мало кто, учитывал, как много было увлечения, пристрастия, вольной и невольной лжи в этих рассказах, не говоря уже о постоянных преувеличениях и извращениях усердной клеветы».¹⁰² По словам же Ю. С. Карцова, в предвоенные годы входившего в состав Главной палаты РНСМА, когда журналисты подступали к Пуришкевичу с вопросами, «начинал он с того, что он монархист, царю предан всем сердцем и готов лечь за него костями». Но после такого дежурного вступления он резко менял тон и с угрожающими нотками в голосе продолжал: «Вокруг царя все сгнило, и от этих людей ждать больше нечего. Пусть только кончится война, мы им покажем. В России все пойдет

серьезны. 1 — Шингарев — талантливый и работоспособный; 2 — в деле контроля и критики представители оппозиции иногда бывают более необходимы, чем представители партий, в прошлом много погрешивших склонностью поддерживать правительство. <...> Наиболее ярко и выпукло этот мотив выразил Пуришкевич, который сказал: „лучше Шингарев, чем победа Германии“» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1025. Л. 398). Как отмечал в своих воспоминаниях член Государственной думы октябрист Л. А. Зиновьев, в IV Думе эволюция во взглядах Пуришкевича была весьма заметна: «Во главе правых опять стояли Марков, Пуришкевич, — Марков еще более грубый и не сдержанный, Пуришкевич же, наоборот, очень успокоившийся и приучившийся к мысли, что не одни правые правы и что и у других могут быть здравые мысли» (цит. по: *Николаев А. Б.* Из истории раскола фракции правых IV Государственной думы... С. 144–145).

¹⁰¹ *Спиридович А. И.* Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск, 2004. С. 394. А ведь не так давно В. М. Пуришкевич глубоко возмущался тем, что А. И. Гучков, наладивший хорошие отношения со многими высшими офицерами Русской армии, политизирует войска. В 1910 г. Пуришкевич даже обратился к императору с пространной запиской, в которой просил носителя верховной власти обуздать лидера октябристов, справедливо указывая на то, что «внутренние враги Государя и России не страшны доголе, доколе остается верной своему Державному Вождю Русское христолюбивое и победоносное воинство». «Всякие попытки государственного переворота немыслимы, пока Армия будет стоять вне политических страстей, в готовности исполнить долг присяги и службы своему Государю. Никто из политических авантюристов в России не сможет посягнуть на главнейший священный устой России — Самодержавие» (ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 666. Л. 7). Но в 1916 г. монархист Пуришкевич и сам пошел по скользкому пути политического авантюризма, за что ранее так негодовал на Гучкова...

¹⁰² *Винберг Ф. В.* Крестный путь. С. 91.

по-новому...».¹⁰³ Такие либеральные газеты, как «Речь», «Биржевые ведомости» и др., заметили эволюцию Пуришкевича и принялись его нахвалять: «Марков, де, занимается мракобесием и строит козни, а вот Пуришкевич, тот делает дело».¹⁰⁴ Очень показательна в этом плане заметка в прогрессистском «Утре России», где в оценке речей Маркова и Пуришкевича, произнесенных 28 января 1915 г., проглядывается совершенно разный тон: если выступление Маркова с ходу названо «человеконенавистническим», то у Пуришкевича, писало издание, была «хорошая речь, произнесенная с большим подъемом и не без подкупающей искренности».¹⁰⁵ Нахваляло Пуришкевича и «Новое время», относя его в отличие от Н. Е. Маркова, к «здравомыслящим правым».¹⁰⁶

Неудивительно, что к концу 1916 г. многие консерваторы считали Пуришкевича потерянным для монархических организаций, а в одном из номеров «Вечернего времени» появилась заметка, в которой сообщалось, что многие члены правой фракции считают В. М. Пуришкевича изменником делу правых.¹⁰⁷

Так что «историческое» думское выступление Пуришкевича было закономерным, перемена его взглядов была постепенной и во многом обусловленной его предшествующей деятельностью. Знаменитая речь Пуришкевича лишь органически продолжала его предшествующие выступления и явилась закономерным итогом эволюции его взглядов. Обладая хорошим политическим чутьем, Пуришкевич осознавал, что общество стремительно радикализуется, что власть теряет поддержку, а непопулярное правительство делает борьбу правых безнадежной. Он прекрасно видел, что правый лагерь, одним из лидеров которого он до недавнего времени являлся, тает на глазах, и ближайшее будущее не сулит правым, упорно защищающим от оппозиции и общественного недовольства власть, ничего хорошего. Общество в своем большинстве переориентировалось на оппозицию, и вместе с ним поспешил сделать это и Пуришкевич. За девять месяцев до своей нашумевшей речи он откровенно признал с думской кафедры, что в сложившихся условиях только критика власти способна сохранить весомость политика-монархиста в глазах народа. Солдаты, указывал Пуришкевич, вернувшись к мирному труду, будут отдавать свои голоса на грядущих выборах тем, кто «по их мнению, в первую голову рассмотрит все

¹⁰³ Архив ДРЗ. Ф. 1. Ед. хр. М-76 (1). Л. 311.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Утро России. 1915. 29 января.

¹⁰⁶ Новое время. 1917. 10 (23) февраля.

¹⁰⁷ Вечернее время. 1916. До 25 октября // Правые партии... Т. 2. С. 575.

непорядки, которые ложились тяжелым бременем на армию в году битв».¹⁰⁸ Он понимал, что защищать власть, теряющую на глазах доверие общества, является политическим самоубийством, а потому пришел к убеждению, что критику правительства нельзя отдавать исключительно на откуп левым, иначе последние, став «монополистами правды», одержат внушительную победу над сторонниками монархии.

В итоге предельно деятельный и экспрессивный В. М. Пуришкевич, окончательно разуверившись в способности существующей власти спасти положение, оказался в рядах оппозиции.

Речь Пуришкевича вызвала смятение и недоумение в правых кругах, которые какое-то время до того, как речь получила широкую огласку, даже сомневались в ее содержании. Редактор «Земщины» С. К. Глинка-Янчевский писал: «Не допускаю мысли, что Пуришкевич желал идти рука об руку с Милюковым».¹⁰⁹ Он предполагал, что если речь и была произнесена, то лишь оттого, что Пуришкевич, «работая на фронте, вдали от гнойника политических интриг <...> предполагает, что главари желтого блока борются с правительством ради победы над Германией», и вскоре, убедившись в том, что либералам нужна лишь власть, он пересмотрит свою ошибочную позицию.¹¹⁰ Тем не менее этого не произошло. Фракция правых, в лице ее председателя С. В. Левашева (но, следует полагать, не без согласия Н. Е. Маркова и Г. Г. Замысловского) просила Пуришкевича вернуться в лоно фракции, мотивируя этот шаг тем, что такие люди, как он, особенно ценны для правого дела. Но Пуришкевич оставил предложение без ответа. В его глазах Левашев, Марков и Замысловский, «пресмыкающиеся перед всякой властью», просто были вынуждены пойти на этот шаг, осознав, что правые не с ними, а с Пуришкевичем.¹¹¹ «С гг. Марковым, Замысловским и Левашевым мне не по пути. Нам не столкнуться все равно ни в будущем, ни в особенности сейчас...» — констатировал Пуришкевич.¹¹²

Как показали последующие события, Пуришкевич был отчасти прав, но лишь отчасти. Значительная часть фракции действительно колебалась, разделяя тревоги Пуришкевича, но вряд ли справедливо полагать, что Левашев, Марков, Замысловский и их единомышленники «пресмыкались» перед правительством. Скорее, они поддерживали власть, действия которой

¹⁰⁸ Речи В. М. Пуришкевича в заседаниях Государственной думы 12 февраля и 21 марта 1916 года. С. 21.

¹⁰⁹ Земщина. 1916. 20 ноября.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Пуришкевич В. М. Дневник. С. 37–38.

¹¹² Там же. С. 40.

у них часто вызывали недовольство и сомнения, с той же целью, с которой Пуришкевич ее бичевал, — не допустить революционного взрыва и спасти престиж монархии.

Поначалу правые отнеслись к поступку В. М. Пуришкевича сдержанно, очевидно, надеясь, что их лидер как «чрезвычайно увлекающийся человек, отдающий дань минуте и внешним влияниям», одумается и вернется обратно во фракцию, осознав «неосторожность» своего выступления.¹¹³ Так, марковская «Курская быль» спустя пять дней после выступления Пуришкевича, замечая, что выходом из фракции правый политик поставил «вопрос личного самолюбия выше задачи патриотического объединения», журила его все-таки достаточно деликатно. «...Невыразимо грустно и больно видеть, что об руку с <...> заведомыми врагами Царя и России, сам не замечая того, выступает на осаду власти горячий патриот и верный сын родины В. М. Пуришкевич», — сетовало издание.¹¹⁴

Но время шло, а никаких благоприятных для них перемен в поведении своего бывшего единомышленника правым увидеть не удалось. В итоге рупор думских правых «Земщина», в течение первой недели также весьма осторожно оценивавший выходку Пуришкевича, охарактеризовал речь политика не просто как антиправительственную, но и как антимонархическую. Показательно в этом отношении небольшое стихотворение «Герой дня», напечатанное в «Земщине» в начале декабря: «Иногда вполне намеренно, / И без умысла порой / Хуже сивого врет мерина / Наш парламентский герой. / В том не видя преступления, / Страсти, предавшись своей, / Врет без всякого стеснения / На порядочных людей. / Кривду взяв под покровительство, / Превратившись в левака, / Врет безбожно на правительство / Не шадит он языка...».¹¹⁵ Появление подобных виршей в некогда дружественной В. М. Пуришкевичу «Земщине» означало, что разрыв произошел окончательно. Бывший лидер правых, хотя бы в силу своего характера, едва ли бы простил своим недавним софракционерам такой нелюбезный отзыв.

«...Всего ужаснее, — писал П. Ф. Булацель, сетовавший на то, что правый депутат „позволил себе сделать ужасающие по своей несправедливости оскорбительные выпады“, — что даже такие пламенные ораторы, как В. М. Пуришкевич, мужественно боровшиеся с революционерами в 1905 году, теперь валят в одну неразборчивую кучу и тех, кого следует валить, и тех, которые, быть может, являются уже последнею опорой русской независи-

¹¹³ Курская быль. 1916. 24 ноября.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Земщина. 1916. 5 декабря.

мости».¹¹⁶ «Берясь за чтение ваших речей, знаете ли, чего прежде всего от них ждешь? — писал Пуришкевичу из Москвы некто П. М. Вишняков. — Каких-нибудь сплетен, будто светских, деловых или еще каких. Вот на что размениваете вы ваш дар слова. Серьезное дело защищаете, серьезно его и ведите <...>. Будучи отличным защитником монархической власти, вы, однако, самым беззастенчивым образом дискредитируете действия нашей монархической власти, расшатываете понятие вообще о власти, уничтожаете всякую дисциплину в народе».¹¹⁷ «С какою острою болью в сердце прочли все русские люди, горячо любящие Россию, вашу речь в Государственной думе. Как тяжело было осознавать, что вы сознательно проваливаете то, за что боролись много лет», — отмечал в письме к Пуришкевичу его недавний единомышленник, генерал И. Н. Толмачев.¹¹⁸ Корреспондент члена правой группы Государственного совета С. Д. Шереметева Н. С. Мальцов резюмировал: «...Речь Пуришкевича постыдная; тема у него, без сомнения, была благодарная <...>. Но если он действительно желал добра России, то не в ударах, нанесенных им верхов[ной] власти, она заключается. Он предпочел дешевый успех, рукоплескания публики, настроенной враждебно правительству; правду можно и следует даже говорить при известной обстановке; но в тех условиях, как она вылилась у Пуришкевича, если бы он был дурак, я бы сказал, что он оказал медвежью услугу, но так как он — далеко не глуп, то он — предатель».¹¹⁹

Решительно осудили и отмежевались от инициативы В. М. Пуришкевича оба СРН — марковский и дубровинский. Газета Н. Н. Жеденова «Гроза», которую Н. Е. Марков в свое время назвал сектантско-хулиганской, на все лады поносила «шайку милюковских ослов» и примкнувшего к ней «агента германских шпионов» Пуришкевича. Пуришкевич не только обвинялся в предательстве делу правых, но и в измене Родине. Также подчеркивались его «левые» взгляды, которые он якобы втайне всегда исповедовал, и под конец, когда все бранные слова у автора статьи иссякли, он назвал антисемита Пуришкевича «жидохвостом».¹²⁰

Осуждающе, но более сдержанно отнесся к поступку Пуришкевича печатный орган С. А. Кельцева «Коренник», издатель которого посчитал, что «...если Пуришкевич ушел из партии (т. е. фракции. — *А. И.*) временно, он ушел не хорошо, оставшись у многих под подозрением в полевении...». Тот факт, что Пуришкевич не примкнул ни к какой другой фракции, давал

¹¹⁶ Булацель П. Ф. Дневник // Российский гражданин. 1916. № 42. С. 13.

¹¹⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 69.

¹¹⁸ Там же. Д. 1062. Л. 1240; Кирьянов Ю. И. Правые партии. С. 273.

¹¹⁹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5136. Л. 152.

¹²⁰ Гроза. 1916. 22 ноября, 30 декабря.

московским монархистам основание думать, что он не мог совсем уйти от правых, «ибо иначе он не был бы больше Пуришкевичем».¹²¹ Примерно так же расценивал речь Пуришкевича и известный русский историк, видный правый публицист Д. И. Иловайский. «Речь Пуришкевича, — писал он, — это бочка меду, в которую он влил целое ведро дегтю. (Миллюковская, — та сплошная бочка дегтю). <...> Ясно, что В. М. Пуришкевич, доселе столь энергичный и патриотичный деятель, склоняется влево. Недаром он протягивал руку Миллюкову, — замечал Иловайский.¹²²

Исключение составил лишь возглавляемый Пуришкевичем РНСМА, поддержавший выступление своего лидера большинством голосов. Члены союза посчитали, что их лидер нисколько не отступил от монархической программы и даже, не побоявшись сказать всю «правду» в глаза, содействовал поднятию престижа правых в обществе.¹²³ Так, Главная палата РНСМА констатировала: «В том, что свободный, независимый монархизм откололся от монархизма министерского, казенного, мы не видим ничего тревожного и опасного для монархической программы. Совершенно напротив, это делает монархическую идею в обществе более жизнеспособной и деятельной».¹²⁴

Впрочем, получал Пуришкевич благодарственные письма и от отдельных черносотенцев. Так, секретарь одного из отделов СРН Я. Д. Скворцов писал Пуришкевичу: «Вы высказали то, чего от вас ждала вся Россия, и мы к вашему голосу прислушаемся <...> Вы своей речью как бы рассеяли туман в поле».¹²⁵

¹²¹ Коренник. 1917. 10 января. № 2.

¹²² Русское знамя. 1916. 21 декабря.

¹²³ См.: Правые партии... Т. 2. С. 599; «Борьба наша проиграна...» // Исторический архив. 1999. № 5. С. 72–75. В том же духе отреагировали на речь Пуришкевича и в Департаменте полиции: «...Он вскрыл тяжесть положения, беспомощность правительства, которое надо заменить, но проводил монархическую идею — спасти монархию». (См.: *Спирин Л. М.* Россия. 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 8).

¹²⁴ Земщина. 1916. 17 декабря; *Кирьянов Ю. И.* Правые партии... С. 275. Впрочем, удивляться этому не приходится, так как «монархизм», проповедуемый к 1916 г. РНСМА, был уже принципиально иным. «Было весьма приятно побывать на последних заседаниях Палаты Михаила Архангела. Теперь стало совершенно ясно, что эта организация пойдет совершенно по другому пути монархизма, чем Союз Русского народа. Жаль лишь одно, что Пуришкевич необдуманно подчас выступлениями в Думе значительно может повредить будущему Палаты Мих[аила] Архангела», — писал в декабре 1916 г. один из корреспондентов известного теоретика монархизма Л. А. Тихомирова (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1067. Л. 1823).

¹²⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062. Л. 1219; Правые в 1915 — феврале 1917... // Минувшее. М.; СПб., 1993. Т. 14. С. 209.

В очередной раз оказавшись на пике славы, раззадоренный этим В. М. Пуришкевич пообещал журналистам, что на следующей сессии Думы он выступит с новой речью, которая еще меньше понравится правительству и крайне правым. «Посмотрите кругом, и вы увидите, что дальше так жить нельзя», — со свойственным ему пафосом заявил Пуришкевич.¹²⁶

Оппозиционные издания, естественно, поддержали это намерение бывшего лидера правых, всюду прославляя его ноябрьский «подвиг». Достаточно сказать, что либеральные газеты полностью опубликовали на своих страницах речь Пуришкевича — случай ранее небывалый.¹²⁷ Впрочем, удивляться этому не приходится — как уже отмечалось выше, речь, произнесенная «самим Пуришкевичем», как бы подтверждала «правоту» осаждавшего власть Прогрессивного блока. Но, как справедливо заметил в своем публицистическом «Дневнике» П. Ф. Булацель, «левая печать приветствует выступление Пуришкевича, но в то же время очень тонко глумится над его *прошлым*, а следовательно, и над его *настоящим*». Обыгрывая образные слова Пуришкевича о необходимости подняться на колокольню Ивана Великого и зазвонить в колокола, Булацель добавлял: «Вожди левых партий рады, когда в рядах их противников обнаруживаются *перебежчики*, но сами левые слишком убежденные, слишком фанатичные борцы за призрачную идею свободы, чтобы уважать тех звонарей, которые недавно звонили в колокол товарища министра внутренних дел С. Е. Крыжановского, а сегодня звонят в колокольчики графа П. Н. Игнатьева (либеральный министр народного просвещения. — *А. И.*) и А. И. Гучкова, отлитые совсем из другого

¹²⁶ Утро России. 1917. 14 февраля. Правда, новая речь Пуришкевича, произнесенная им с думской кафедры 14 февраля 1917 г., была заметно слабее его ноябрьского выступления и не оправдала ожиданий оппозиции. «Особенное разочарование вызвала речь В. М. Пуришкевича. Ожидали продолжения того подъема, который создан был ноябрьской речью депутата. <...> Общая характеристика: слабо» (Утро России. 1917. 15 февраля). Несколько иначе оценивало эту речь более умеренное «Новое время»: «Пуришкевич на этот раз говорил очень сдержанно, но речь его содержала в себе тяжкие обвинения по адресу отдельных представителей власти». Обвинения эти, резюмировала газета, сводились к тому, что в тылу работают люди, не заинтересованные в победе России» (Новое время. 1917. 15 (28) февраля). При этом речь Пуришкевича вызвала одобрение С. Д. Шереметева. «Старым русским чутьем горячо приветствую даровитое слово Ваше во дни великого испытания родины, твердо верую в торжество правды, добра и света», — сообщал граф в телеграмме к Пуришкевичу. Последний же в ответной телеграмме благодарил Шереметева за «бесконечно ценную» нравственную поддержку (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5137. Л. 218, 223).

¹²⁷ См., например: Утро России. 1916. 20 ноября.

метала и издающие совсем другой звук, чем те колокола, в которые В. М. Пуришкевич звонил по поручению Крыжановского».¹²⁸

Защиту чести правой фракции Государственной думы взял на себя Н. Е. Марков, выступивший 22 ноября 1916 г. Прозвучавшую перед этим речь председателя Совета министров и министра путей сообщения (вскоре ставшего председателем правой группы Государственного совета) А. Ф. Трепова, опровергавшего с документами в руках ряд обвинений Пуришкевича, левая оппозиция слушать не хотела. «Я с отвращением наблюдал дикую сцену скандала, учиненного трудовиками, хлопавшими, стучавшими и кричавшими „вон“, когда председатель Совета министров А. Ф. Трепов стоял на трибуне, а члены Думы не давали ему возможности исполнить его служебный долг и огласить объявление правительства», — писал редактор «Российского гражданина» П. Ф. Булацель.¹²⁹ Но вместе с тем Трепов был удостоен бурных аплодисментов справа. Особенно усердствовал Г. Г. Замысловский, рукоплескавший чуть ли не перед самым носом В. М. Пуришкевича. Последний, находясь в крайнем возбуждении, повернулся к своим недавним товарищам по фракции и на весь зал закричал в их адрес: «Холопы!».¹³⁰ Произошел первый инцидент, ознаменовавший начало большого скандала.

Н. Е. Марков, находясь рядом с Пуришкевичем, заметил: «Вы сидите на наших скамьях и нас же оскорбляете». Далее разыгралась сцена, не совсем обычная даже для российского парламента. Марков, человек атлетического сложения, по словам Ю. С. Карцова, «партийный вышибало»,¹³¹

¹²⁸ Булацель П. Ф. Дневник // Российский гражданин. 1916. № 42. С. 13. На это же указывал и С. С. Ольденбург. Отмечая, что оппозиция широко использовала в своих целях выступление Пуришкевича, поскольку тот для широкой публики оставался «представителем крайней правой», историк указывал на иронию, с которой оппозиционеры относились к демагогии бывшего лидера правых. «Притупилось чувство меры, стерлись грани между дозволенным и недозволенным, стали путать Родичева и Пуришкевича, лишь бы на страх врагам, „здорово вышло“,» — приводит Ольденбург слова А. Ф. Керенского. (Ольденбург С. С. Царствование Николая II. М., 2003. С. 715).

¹²⁹ Булацель П. Ф. Дневник // Российский гражданин. 1916. № 42. С. 16. Об этом же свидетельствовал и член внепартийной группы Государственного совета П. П. Менделеев: «Лишь только он (Трепов. — А. И.) взошел на кафедру для прочтения декларации, левое крыло Думы начало обструкцию: неистовые крики, топанье ногами, хлопанье пюпитрами — все пущено было в ход, чтобы заглушить голос Трепова и заставить его уйти. Особенно отличался Керенский. Его пришлось насильно вывести из зала. Впечатление получилось отвратительное». (ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 115).

¹³⁰ Петроградские ведомости. 1916. 23 ноября (6 декабря); Марков Н. Е. Преступления Маркова 2-го. Пг., 1916. С. 1.

¹³¹ Архив ДРЗ. Ф. 1. Д. М-76 (1). Л. 246.

начал сталкивать Пуришкевича с его места. Пуришкевич обнажил носимый им при форменной одежде кортик, угрожая им Маркову...¹³²

После этого ситуация накалилась еще больше. «Когда Трепов окончил свою речь, — вспоминал член Государственного совета П. П. Менделеев, — полились ответные речи — настоящие обвинительные против правительственной власти акты. В них прямо говорилось о Распутине, о темных безответственных влияниях, обо всем, что накопело на обывательской душе. Говорили это не только левые, но и правые...».¹³³

Поэтому, когда Марков поднимался на думскую кафедру, он, по его же собственным словам, уже не «имел обычного запаса самообладания, столь необходимого для правого оратора (для меня (т. е. Маркова. — А. И.) — в особенности), произносящего речь перед собранием прогрессивно-озлобленных врагов...».¹³⁴

В своем выступлении Марков предпринял попытку документально опровергнуть обвинения «новоявленного прогрессиста» Пуришкевича и защитить правительство от нападок Прогрессивного блока. Постоянно прерываемый замечаниями и выкриками нетерпимого к оратору думского большинства, среди которых встречались возгласы: «Пошел вон! Долой!» (по стенограмме заседания до 50 раз, а по мнению некоторых правых, значительно больше, причем возбужденный Пуришкевич даже выкрикнул с места: «Я тебя высеку!»), вынужденный отвечать на реплики из зала и делать замечания членам Думы (за что был остановлен М. В. Родзянко), Марков пошел на «неслыханный в летописях Государственной думы скандал». Сходя с кафедры, размахивая бумагами и грозя кулаком, он приблизился к председательскому месту и назвал председателя Думы М. В. Родзянко «мерзавцем»,¹³⁵ позже публично подтвердив свои слова, поясняя, что в лице «при-

¹³² Марков Н. Е. Преступления Маркова 2-го... С. 1; Голос Руси. 1916. 23 ноября (6 декабря); Слонимский А. Г. Катастрофа русского либерализма... С. 84.

¹³³ ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 115.

¹³⁴ Марков Н. Е. Преступления Маркова 2-го... С. 1.

¹³⁵ По свидетельству обоих товарищей председателя Государственной думы и тех лиц, которые сидели вблизи кафедры, Н. Е. Марков, обратившись в сторону М. В. Родзянко «с искаженным от злости лицом, жестикулируя правой рукой, трижды бросил в лицо председателя Государственной думы слова „Болван. Негодяй. Мерзавец“» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 7. Л. 408 об.). Уже в эмиграции, в беседе с И. П. Якобием Марков утверждал, что обращаясь к Родзянко, он дословно произнес следующее: «Вы старый дурак и мерзавец!», однако первая часть фразы Маркова была исключена из стенограммы заседания по требованию председателя Думы, который предпочел сохранить только слово «мерзавец». См.: Якобий И. П. Император Николай II и революция. С. 119.

страстного и непорядочного председателя» он хотел оскорбить всю Думу.¹³⁶ После содеянного Н. Е. Марков, окруженный немногочисленными единомышленниками, покинул заседание Государственной думы.

Сын М. В. Родзянко Георгий, а позже и сам председатель, хотели вызвать Маркова на дуэль, но после совещания представителей фракций с секундантами Родзянко, было принято решение, что принимать выходку Маркова за личное оскорбление председатель не может, так как относилось оно к Думе в целом. Фракции также постановили не подавать Маркову руки, не входить с ним ни в какое общение, не переизбирать ни в какие комиссии и, увлекшись, не требовать от него никакого удовлетворения.¹³⁷ Кроме того, как отмечал бывший в день скандала в Государственной думе П. Ф. Булацель, представители оппозиционного лагеря выдвинули идею подвергнуть вождя крайне правых «парламентской смерти» — выходить из зала заседания всякий раз, как он будет подниматься на думскую трибуну, не выбирать его ни в какие комиссии, не упоминать его имени в речах и просить прессу совершенно о нем умалчивать. Была даже идея привлечь Маркова к обычному суду как позволившему себе оскорбить должностное лицо в присутственном месте. «Вот что значит, когда задеты *сами* „депутаты“, считающие себя вправе безнаказанно задевать всех других!» — возмущался сторонник опального лидера правых.¹³⁸

Но, поостыв, депутаты от оппозиции ограничились единственным законным в данном случае наказанием — постановили удалить Н. Е. Маркова на пятнадцать заседаний (максимальная мера взыскания, доступная Государственной думе). За исключение Маркова голосовали все, и только горстка единомышленников лидера фракции правых во главе с Г. Г. Замысловским покинула зал заседаний.¹³⁹

В своих воспоминаниях М. В. Родзянко настаивал, что скандал не был вызван эмоциональным срывом Маркова, а планировался заранее. До начала выступления приставы якобы слышали, как некоторые правые появлялись в кулуарах и спрашивали, был ли уже скандал.¹⁴⁰ Его жена в письме к княгине З. Н. Юсуповой также сообщала: «Мерзкая выходка Маркова 2-го

¹³⁶ Родзянко М. В. Крушение империи. Харьков, 1990. С. 189–190; Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. С. 167. «22 ноября, — писал Марков две недели спустя в своей статье „Как это случилось“, — я преподал лишь добрый урок благочиния и прогрессивному большинству Государственной думы, и ее председателю» // Курская бль. 1916. 11 декабря.

¹³⁷ Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. С. 168.

¹³⁸ Булацель П. Ф. Дневник // Российский гражданин. 1916. № 42. С. 14–15.

¹³⁹ Речь. 1916. 23 ноября.

¹⁴⁰ Родзянко М. В. Крушение империи. С. 189.

была оплачена Протопоповым в 10.000 рублей. Они рассчитывали на свалку, драку и скандал, а следствием всего — роспуск Думы». ¹⁴¹ В связи с этим инцидентом, во время допроса А. Д. Протопопова Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, кадет Ф. И. Родичев также интересовался у бывшего главы МВД, какое вознаграждение получил Н. Е. Марков за свою ругань, спровоцировавшую скандал. Однако Протопопов опроверг это предположение, засвидетельствовав, что лидер правых никаких премиальных за ругань по адресу Родзянко не получал. ¹⁴² Предположение это во многом основывалось на том, что, по мнению многих, такой «зубр», как Н. Е. Марков, про которого оппозиционные издания писали как о «таране, не знающем усталости», «механическом Дон-Кихоте», «паладине правительства», не мог дать непредсказуемый сбой. «Марков 2-й, — отмечал еще летом 1915 г. либеральный журналист, — это не человек; это — сооружение. И напрасно говорят, что ему винтика не хватает. Все его винтики в совершенном порядке. Машина работает по-прежнему отчетливо и чисто. <...> Над кафедрой вознеслась голова Маркова 2-го. Таран. Послышался скрип. — Это раскачиваются цепи. И курский депутат принялся по своему обыкновению защищать правительство». ¹⁴³ Поэтому вполне естественно, что оппозиционный лагерь заподозрил «непробиваемого» Маркова в сознательной провокации.

Сторонники же Н. Е. Маркова объясняли его действия провокацией со стороны большинства депутатов Думы, которые целенаправленно не давали ему говорить своими выкриками с мест. ¹⁴⁴ «Я не оправдываю Маркова, — писал в частном письме правый депутат Н. В. Жилин, — но у него есть основание: он в самозащите это сделал. Родзянко боялся, что после разгрома Пуришкевича Марков побьет в речи и [В. А.] Бобринского — тов[арища] пред[седателя] и лишил Маркова слова, да еще в течение речи раз 50 левые кричали и мешали говорить... На левое ухо Родзянко глух и крика левых не слышал и потянул с кафедры за рукав Маркова. Ну, тот и прорвался...». ¹⁴⁵ «...Только один голос заклеил подлых мародеров достойными их названиями в лице их Атамана — „мерзавец“, сказал Марков,

¹⁴¹ Цит. по: *Слонимский А. Г.* Катастрофа русского либерализма... С. 85. Подобную мысль (о приказе Маркову оскорбить Родзянко, дабы последний, не совладав собой, дал повод закрыть Думу) высказывал и правый деятель Н. Н. Родзевич // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062. Л. 1211, 1223.

¹⁴² Падение царского режима... Т. 1. С. 124.

¹⁴³ Утро России. 1915. 22 июля.

¹⁴⁴ См.: Последняя речь Н. Е. Маркова 2 в IV Государственной думе. Пг., 1916.

¹⁴⁵ ГАРФ. Ф.102. Оп. 265. Д. 1063. Л. 361–362.

и сколько бы сочувствий ни высказывалось Родзянко, во скольких бы городах ни производили его в почетные граждане, но этот [эпитет?], раздавшийся на всю Россию, так прилип к нему и к „Блоку“, что его [не] отдерет никакой почет, никакие сочувствия, никакое хамское раболепие „либеральных“ лакеев...» — писал патриарх правой публицистики К. Н. Пасхалов в письме к члену правой группы Государственного совета Н. А. Маклакову.¹⁴⁶ Примерно так же расценивал этот скандал и эмигрант-монархист И. П. Якобий, попытавшийся восстановить ход происшествия на основе различных источников. По его мнению, виновником инцидента был вовсе не Марков, а спровоцировавший его на дерзкую выходку Родзянко, в интересах которого было пресечь поток опровержений правого оратора, наносивших удар по престижу оппозиции.¹⁴⁷

То, что с Н. Е. Марковым думское большинство обошлось крайне предвзято, отмечал и публицист П. Ф. Булацель. Не оправдывая поступка вождя думских правых, он тем не менее напоминал, что только за ноябрь 1916 г. представители оппозиции позволили себе несколько сходных выходок, но ни резонанс, ни постигшая их кара не шли ни в какое сравнение с тем, что наблюдалось в случае Маркова. Так, 1 ноября трудовик А. Ф. Керенский, указывая на места правительства, назвал сидящих там «предателями интересов Родины», за что был лишен председателем слова на 1 заседание (!); В. М. Пуришкевич в своей громкой речи 19 ноября, обличая В. Н. Воейкова, позволил себе сравнить дворцового коменданта с «одним крупным бобром», французским мародером Потеном, казненным за свои преступления

¹⁴⁶ *Пасхалов К. Н.* Русский вопрос / Сост., предисл. и коммент. Д. И. Стогова. М., 2009. С. 646.

¹⁴⁷ «В заседании Думы 22 ноября, член Думы Н. Е. Марков II-й, отвечая, между прочим, на речь Милюкова, показал, ссылаясь на документы, всю подоплеку затеянной провокации. Речь Маркова не могла поколебать, конечно, распропагандированного и революционно настроенного большинства Думы, но отзвуки ее в общественном мнении могли оказаться весьма нежелательными для престижа оппозиции. Необходимо было заставить оратора замолчать; для этого были пущены в ход обычные „культурные“ приемы парламента: крики, свистки, ругательства, стук пюпитров. Напрасный труд! Марков II-й, казалось, прирос к кафедре всей своей грузной фигурой и невозмутимо продолжал свои разоблачения, которые приходилось записывать стенографисткам. Оставалось одно средство: лишить оратора слова. Внимательно следивший за речью Родзянко ждал удобного момента. И в то время, как Марков бросил одному из крикунов: „Стемпковский, успокойтесь!“, — Родзянко остановил его и лишил слова. Фокус был проделан и Милюков оказался избавленным от неприятного оппонента. Возмущенный этим произволом, сознавая себя жертвой самого грубого злоупотребления властью, Н. Е. Марков, обернувшись к Родзянко, бросил ему в лицо: „Вы старый дурак и мерзавец!“» (*Якобий И. П.* Император Николай II и революция. С. 118–119).

(что и вовсе осталось без внимания со стороны председательствующего); выступавший в тот же день прогрессивный националист граф В. А. Бобринский назвал правительство «холопским» (за что был мягко остановлен председателем); кадет М. С. Аджемов назвал одного из министров «холуем», за что был лишь призван к порядку. От себя к этому списку добавим еще кадета В. А. Маклакова, которого за отпущенное в ту же сессию в адрес министров слово «подлецы», председатель удалил лишь на одно заседание.¹⁴⁸ Уже в декабре А. Ф. Керенский, «неистовый эпилептик» и «русский Робеспьер», с думской кафедры бросил, что время борьбы с властью законными путями ушло в прошлое, М. С. Аджемов невозбранно заявил, что первым делом нового правительства, ответственного перед Думой, будет посадить на скамью подсудимых представителей теперешней власти, а Н. С. Чхеидзе и вовсе договорился до того, что хотя «наше правительство говорит на чистом русском языке <...> это не мешает ему быть предательским».¹⁴⁹

«Конечно, ругань не допустима в собрании сколько-нибудь уважающих себя людей, но надо быть последовательным: возмущаясь бранью Маркова 2-го, нельзя восторгаться бранью В. А. Бобринского, Керенского, Милокова и Пуришкевича. Иначе получается однобокая справедливость...», — замечал П. Ф. Булацель.¹⁵⁰ За речи же Аджемова, Керенского и Чхеидзе Думу и вовсе следовало бы разогнать, полагал консервативный публицист, отмечая, что еще пять лет назад так бы власть и поступила...¹⁵¹ «Пора

¹⁴⁸ Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Пг., 1916. Стб. 1524–1525

¹⁴⁹ Булацель П. Ф. Дневник // Российский гражданин. 1916. № 46. С. 13.

¹⁵⁰ Там же. № 42. С. 14–16. Как замечал по этому поводу публицист, оскорбление, брошенное Керенским («предатели»), куда страшнее в дни войны слова «мерзавец», произнесенного Марковым, т. к. не каждый мерзавец, писал Булацель, способен предать Родину, но каждый предатель, вне всякого сомнения, является мерзавцем. Более того, редактор «Российского гражданина» пророчески предупреждал, что если правительство «будет идти по следам французских жирондистов, унижаясь и заискивая перед Думским блоком, то мы доживем и до того, что „блокистов“ сметут более искренние и более смелые Керенские, Чхеидзе, Сухановы и К^о... Напрасно думают министры, что покорно глотая заявления Вл. А. Бобринского „о холопском правительстве“, они упроят спокойствие в стране и приобретут „доверие“ думских демагогов. Нет, этими уступками и самоуничижением правительство лишь облегчает наступление катастрофы» (Там же. С. 16).

¹⁵¹ То же // Российский гражданин. 1916. № 46. С. 13. «А русская власть молчит, глотает обиды и покорно ждет, пока кавказские дикари в союзе с иступленными эпилептиками и с накравшими казенные деньги общественными городскими и земскими „либералами“ настолько облаглют и окрепнут, что от слов перейдут к делу и потащат на виселицы тех либеральных сановников, которые не решаются проявить свою законную

перейти от слов к делу, пора напомнить властям, что, унижаясь перед левыми, они уронили себя настолько в глазах правых, что даже самые убежденные правые люди дошли до последней степени негодования и отчаяния, там неизбежны всякие необузданные поступки», — резюмировал правый публицист.¹⁵²

Как видим, замечание Н. В. Жилина насчет «глухоты» Родзянко «на левое ухо» вполне справедливо. Но в любом случае, крайнюю резкость по отношению друг к другу проявили обе стороны. Виноваты были и предвзято поступивший М. В. Родзянко, и думское большинство, не желавшее дать Н. Е. Маркову возможность высказаться, и, безусловно, сам Марков, не сумевший (или не пожелавший) совладать с собой.

При этом, если поведение Маркова может быть отчасти оправдано действиями думского большинства, то в целом оно было весьма характерным для лидера правых. Как уже отмечалось выше, в мае 1913 г. брошенная Марковым реплика о «воровстве» министров едва не обернулась для него потерей значительной части фракции. Единомышленник и земляк Маркова, член правой группы Государственного совета, М. Я. Говорухо-Отрок называл свойственный лидеру правых тон «шокирующим». Член Думы октябрист С. И. Шидловский дал Маркову следующую характеристику: «...Достаточно было послушать раз-другой обычного глашатая крайне правых Маркова П, чтобы пожелать избавиться от упрека единомыслия с ним. Этот весьма неглупый человек сознательно старался придать своим речам вообще, а полемическим приемам в особенности, такой отвратительный характер базарной ругани в третьестепенном трактире, что становилось противно...».¹⁵³ «Соглашаясь с ним [Марковым], не хотелось соглашаться», — вторил ему националист В. В. Шульгин.¹⁵⁴ «Нельзя, конечно, отказать ему [Маркову] в известных достоинствах — сила воли, напористость, темперамент, ораторский талант. Но этика с ним в хронической ссоре», — отмечал земец-октябрист Н. В. Савич.¹⁵⁵ Сам же Марков в одном из интервью, данном еще в 1909 г., сетовал: «...После каждой резкости даю себе слово больше не говорить их. Но это уже дело темперамента».¹⁵⁶

силу, пока эта сила существует», — писал Булацель за два месяца до Февральской революции (Там же // Российский гражданин. 1916. № 46. С. 13).

¹⁵² Там же. № 46. С. 13.

¹⁵³ Шидловский С. И. Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 1. С. 210.

¹⁵⁴ Шульгин В. В. Воспоминания. 1917–1918 // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1994. Т. 5. С. 169.

¹⁵⁵ Савич Н. В. После исхода. С. 261.

¹⁵⁶ Ораторы России в Государственной думе. СПб., 2004. Т. 2. С. 211.

Вместе с тем нельзя не согласиться и с П. Ф. Булацелем, справедливо отмечавшим, что скандал вокруг выходки Н. Е. Маркова был сознательно раздут оппозицией до невообразимых размеров. «Вчерашнее столкновение Н. Е. Маркова с М. В. Родзянко, — писал он в „Дневнике“, — отвлекло все помыслы и внимание членов Государственной думы от всех *важных* государственных вопросов и в настоящее время *единственно*, чем они *интересуются*, *единственно*, о чем они *совещаются* и говорят между собою и с „журналистами“ — это все об этом столкновении, или „об инциденте“, как называются на газетном жаргоне всякие думские приключения и скандалы...».¹⁵⁷ Цель искусственного нагнетания страстей вокруг этого скандала, как показали дальнейшие события, была такова: демонтаж последней думской плотины, стоявшей на пути Прогрессивного блока — фракции правых. И это оппозиции вполне удалось.

Сам Н. Е. Марков, настаивавший в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства на том, что никакого расчета в его выходке не было, а был лишь «взрыв негодования на неправильное отношение», признавал: «Кроме вреда нашим политическим делам это ничего не могло принести».¹⁵⁸ Иллюстрацией к этому заявлению Маркова прекрасно служит то обстоятельство, что ближайший съезд Объединенного дворянства лидеру думских правых пришлось пропустить. Причем отсутствие Маркова было вызвано просьбой со стороны влиятельной правой группы дворянства, не желавшей провоцировать либерально настроенную часть представителей высшего сословия на эксцессы. «Весьма характерно, — не без удовлетворения отмечало „Утро России“, — что на теперешнем съезде даже правые дворяне в самой категорической форме отмежевываются от Н. Е. Маркова 2-го и заявляют, что их группа стоит весьма далеко от курского депутата».¹⁵⁹ «Группа Маркова была расколота и изолирована после печально знаменитого инцидента 22 ноября», — констатирует исследователь Объединенного дворянства М. А. Бибин.¹⁶⁰

«Никогда меня не поражало такое отчаяние, такое чувство, что все погибло, какое я испытал, прочтя о прискорбной выходке Н. Е. Маркова. <...> Н. Е. [Марков], позволив себя увлечь личными чувствами, погубил не себя, а нас всех, исповедующих принцип самодержавия, верность историческому укладу России. Что же нам делать и что после этого ждет нас, правых? Ничего не придумаешь, никакого исхода — тревога, ужас и отчаяние. Прощай,

¹⁵⁷ Булацель П. Ф. Дневник // Российский гражданин. 1916. № 42. С. 13.

¹⁵⁸ Падение царского режима... Т. 6. С. 205.

¹⁵⁹ Утро России. 1916. 30 ноября.

¹⁶⁰ Бибин М. А. Дворянство накануне падения царизма в России. С. 176.

русская Россия», — отмечал в частном письме публицист К. Н. Пасхалов.¹⁶¹

§ 2. Раскол думской фракции правых

Эскапада Н. Е. Маркова создала председателю Государственной думы небывалый ореол славы. К нему шли огромным потоком со всех концов России приветствия и трогательные телеграммы. Как иронично замечала газета «Волынь», Родзянко все поздравляли, приветствовали, соболезновали и «по телеграфу поцеловать пробовали».¹⁶² Кабинет председателя Думы был заставлен цветами, незнакомые ему дамы и юные девицы посылали приветы и посвящали стихотворения. Вся «мыслящая Россия»¹⁶³ выражала ему свое сочувствие: в числе первых оказался даже и бывший председатель фракции правых А. Н. Хвостов.¹⁶⁴

Все печатные органы клеймили позором дерзкий поступок Н. Е. Маркова. Исключение составили лишь правые издания. Так, «Курская быль» охарактеризовала выходку лидера правых как «несколько слов горькой правды по адресу председателя Родзянко» и всего «желтого блока».¹⁶⁵ Но особенно отличилась «Гроза»: редакция газеты не только всецело поддержала действия Маркова, но и направила ему телеграмму с выражением благодарности за «разоблачение Пуришкевича и меткое определение думского большинства словом „мерзавцы“».¹⁶⁶

С точки зрения правых, Марков пострадал за идею, т. е. ушел хоть и некрасиво, но честно. «Марков упал, — писал журнал „Коренник“, — и враги его, словно стая собак, ринулись на него, и стали его грызть насмерть, хватив мертвой схваткой за горло поскользнувшегося богатыря...».¹⁶⁷

¹⁶¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062. Л. 1286; *Ганелин Р. Ш.* Н. Е. Марков 2-й о своем пути от черносотенства к гитлеризму. С. 211.

¹⁶² Волынь. 1917. 1 февраля.

¹⁶³ «Тяжкое оскорбление, нанесенное в моем лице всей Государственной думе, будет достойно отмечено всей мыслящей Россией», — писал М. В. Родзянко М. В. Челнокову (цит. по: *Николаев А. Б.* Из истории раскола фракции правых IV Государственной думы (ноябрь — декабрь 1916 г.) // Старцевские чтения — 2006. К 75-летию профессора В. И. Старцева. Сб. восп. и науч. ст. / Ред.-сост. Б. Д. Гальперина, А. Б. Николаев. СПб., 2007. С. 146).

¹⁶⁴ Новое время. 1916. 24 ноября (7 декабря); Голос Руси. 1916. 24 ноября (7 декабря).

¹⁶⁵ Курская быль. 1916. 25 ноября.

¹⁶⁶ Гроза. 1916. 30 ноября.

¹⁶⁷ Коренник. 1917. № 2. 10 января.

Были и оптимистические прогнозы. «Рассматривая дело „психологически“, — писал член фракции правых III Государственной думы В. А. Образцов Г. А. Шечкову, — нахожу, что история с Николаем Евгеньевичем [Марковым] <...> есть начало нашего торжества». ¹⁶⁸ Однако на деле все вышло ровно наоборот — последствия выходки Н. Е. Маркова оказались для фракции правых фатальными.

Возможно, своими действиями Марков желал укрепить фракцию после выхода из нее В. М. Пуришкевича, однако результат получился прямо противоположным. Выходка Маркова подверглась осуждению сперва пятью правыми депутатами-крестьянами (К. А. Тарасов, И. Е. Пулин, В. И. Харитов, В. И. Самчук, П. А. Москалюк¹⁶⁹), а также А. А. Радкевичем и князем Б. А. Голицыным, покинувшими фракцию в тот же день. ¹⁷⁰ Как заявил депутат Тарасов, несмотря на то, что Марков является лидером фракции, недовольные его поступком члены правого крыла Думы «никогда не поручали ему допускать неприличные выражения». ¹⁷¹

Как справедливо отмечает А. Б. Николаев, на желание правых крестьян отмежеваться от своей фракции также подействовало оказанное на них давление со стороны оппозиционно настроенных депутатов и информационная кампания, развязанная либеральной прессой. «Правые чувствуют себя смущенными. Эффект получился слишком сильный и неожиданный, — отмечал думский корреспондент газеты „Чернозем“. — Обступают группы правых депутатов из крестьян: „— Вы довольны? Вы довольны? — допрашивают их. Те смущенно отнекиваются: — Да, причем тут мы? — Как причем!.. Ведь по поручению Вашей группы выступал Марков. — Крестьяне машут рукой. — Не было о таких словах речи... Ни по какому поручению он не выступал! Сам за себя говорил, сам за себя пусть и отвечает“. <...> Правые чувствуют ненадежность своих позиций и стараются уйти от расспросов и насмешливых восклицаний. Они держатся в стороне». ¹⁷²

¹⁶⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1065. Л. 1561.

¹⁶⁹ В «Биржевых ведомостях» (1916. 27 января) изначально сообщалось, что П. А. Москалюк остался в «свите Маркова 2-го». В связи с этим депутат обратился в редакцию газеты с опровержением, в котором говорилось, что он «был одним из первых, возмущившихся поступком Маркова 2-го» (*Николаев А. Б.* Из истории раскола фракции правых IV Государственной думы. С. 148).

¹⁷⁰ Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Пг., 1916. Стб. 412; Новое время. 1916. 23 ноября (6 декабря); Речь. 1916. 23 ноября.

¹⁷¹ *Николаев А. Б.* Из истории раскола фракции правых IV Государственной думы. С. 148.

¹⁷² Цит. по: *Николаев А. Б.* Из истории раскола фракции правых IV Государственной думы. С. 149.

«Нужно отдать справедливость рядовым правых: некоторые из них (деп. Тарасов и еще четверо крестьян) вышли из фракции. За ними, по-видимому, собираются последовать некоторые священники. Почва ускользает из-под ног партии, на совести которой лежит ряд тягчайших грехов перед Россией», — лил воду на ту же мельницу либеральный публицист К. Арсеньев.¹⁷³

Аналогичное психологическое давление осуществлялось и на правых священников. «Петроградский листок» писал по этому поводу: «...правым священникам приходится сейчас нелегко от сыплющихся на них со всех сторон упреков за их „приверженность“ к Маркову 2-му».¹⁷⁴ «Я удивляюсь, как представители духовенства могут после этого оставаться в группе правых», — заявлял, в свою очередь, член фракции центра священник Ф. Д. Филоненко.¹⁷⁵

Вскоре распространился слух, что сам Марков, желая предотвратить начинающийся распад фракции и дать возможность остаться в ее рядах тем, кто хотел их оставить в связи с инцидентом, заявил о своем выходе из фракции письмом, однако по решению оставшихся лидеров фракции, оно не получило дальнейшего хода.¹⁷⁶

Оставшийся во фракции крестьянин А. М. Синицын в конце ноября с прискорбием констатировал: «она (фракция. — *А. И.*), кажется, распадается. Марков уходит, Пуришкевич ушел, Хвостов не посещает фракцию, которая таким образом тает, и в скором времени от нее останется одно воспоминание».¹⁷⁷ Опасения депутата Синицына во многом подтвердились.

Вечером 22 ноября состоялось заседание фракции правых, посвященное печальному для нее событию. Но ввиду того, что многие члены фракции отсутствовали, никакого решения так принято и не было. Заседания фракции продолжались до 24 ноября, а тем временем, не дождавшись решительного осуждения от имени руководства фракции действий Н. Е. Маркова, ее покинула группа православного духовенства (священники С. А. Попов,¹⁷⁸ А. А. Лотоцкий, И. М. Гвоздев, Г. Т. Алферов, Ф. П. Адриановский,

¹⁷³ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 11. С. 352.

¹⁷⁴ Цит. по: Николаев А. Б. Из истории раскола фракции правых IV Государственной думы. С. 149.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Новое время. 1916. 23–24 ноября (6–7 декабря); Речь. 1916. 23–24 ноября.

¹⁷⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062. Л. 1235, 1241.

¹⁷⁸ Священник С. А. Попов сделал свое заявление о выходе из фракции правых сразу же после обличительной речи в адрес правого думского духовенства, произнесенной депутатом-центристом о. Ф. Д. Филоненко. Подробнее см.: Николаев А. Б. Из истории раскола фракции правых IV Государственной думы. С. 149–150.

Д. Г. Стоянов), а также М. П. Тывончук, Л. Е. Игнатюк, Н. П. Стародумов, П. А. Ярмолович и С. Г. Бурмич (всего 11 человек).¹⁷⁹

Либеральные газеты ликовали, продолжая оказывать давление на еще остающихся во фракции сторонников Н. Е. Маркова из духовенства и крестьян. «Ряса освобождается. Она более не в силах разделять воззрений Марковых. Ведь быть с правыми — значит быть в рядах идеологов розги, нагайки и насилия. А для служителей церкви это означает продавать свое апостольское первородство», — писали «Вечерние известия». ¹⁸⁰ После беседы с уже бывшим членом фракции правых Тарасовым, известный журналист-нововременец А. Ксюнин, явно с целью оказать воздействие на сомневающихся, писал: «Крестьяне долго терпели. Священники долго подчинялись режиму Марковых и Замысловских, но, в конце концов, не вытерпели. Стало стыдно, и ушли...». ¹⁸¹ Если верить заметке, опубликованной в марковской «Земщине», ¹⁸² то содействовал своей агитацией выходу из фракции правых священников и крестьян известный священник В. И. Востоков, который позже (в годы Гражданской войны) прославился своими крайне правыми взглядами. ¹⁸³

Впрочем, помимо «кнута» в виде морального осуждения пребывания правых крестьян и священников в одной фракции с Н. Е. Марковым, осмелившимся бросить вызов Думе, применялся и «пряник»: либеральные издания убеждали сомневающихся, как комфортно им будет после освобождения от диктатуры их черносотенного вождя. Их соблазняли возможностью свободно общаться с представителями «передовой печати», обещая ее благосклонность в случае, если те решатся навсегда порвать с крайними правыми. ¹⁸⁴

Как замечало «Русское знамя», либеральные газеты дружно выдерживали линию: превозносили В. М. Пуришкевича, порвавшего с правыми, и «добивали» Н. Е. Маркова, вставшего на их защиту. ¹⁸⁵ «Наблюдая последние

¹⁷⁹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Пг., 1916. Стб. 412.

¹⁸⁰ Цит. по: Николаев А. Б. Из истории раскола фракции правых IV Государственной думы. С. 150.

¹⁸¹ Там же. С. 151.

¹⁸² Земщина. 1916. 1 декабря.

¹⁸³ О нем см.: Иванов А. А. Русский крестоносец. Протоиерей Владимир Игнатьевич Востоков (1868–1957) // Воинство святого Георгия... С. 592–605. Подробнее о деятельности о. В. Востокова по распропагандированию правых депутатов см.: Николаев А. Б. Из истории раскола фракции правых IV Государственной думы. С. 150–151.

¹⁸⁴ См.: Николаев А. Б. Из истории раскола фракции правых IV Государственной думы. С. 151.

¹⁸⁵ Русское знамя. 1916. 24 ноября.

события, особенно неистовые выступления в Думе, — писал корреспондент харьковского губернатора А. И. Келеповского (брата члена фракции правых в III Думе С. И. Келеповского), — я пришел к выводу, что у левых групп новая тактика: они революционизируют правых. <...> В 1904 г. (так в тексте. — А. И.) дело не выгорело, и они поняли, что всколыхнувшаяся реакция их сломила. Поэтому им и надо расстроить ряды правых, что они, видимо, достигают».¹⁸⁶

Этот расчет вполне удался. Из фракции правых вскоре также вышли депутаты-священники А. Г. Бельский, П. М. Зверев, В. И. Лентовский, К. М. Околович, В. А. Спасский, А. М. Станиславский, В. П. Юзьвюк.¹⁸⁷ В первых числах декабря фракцию также оставил В. Н. Снежков.¹⁸⁸ А в скором времени, по сообщениям прессы, из фракции вышли депутаты В. И. Мельников, священник В. А. Якубович и, судя по всему, священник И. К. Карпинский.¹⁸⁹ Судя по резко изменившемуся к нему отношению либеральной прессы, фракцию также покинул депутат М. А. Мосеев и, возможно, депутаты Д. М. Гайдамака с А. М. Синицыным.¹⁹⁰ Таким образом, из 53 членов фракции 33 человека покинули ее ряды.¹⁹¹

Как бы одобряя поступок покинувших фракцию депутатов, возглавляемый В. М. Пуришкевичем РНСМА взваливал всю вину за распад фракции правых на Н. Е. Маркова. Заместитель Пуришкевича Н. Д. Облеухов разослал

¹⁸⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1068. Л. 47.

¹⁸⁷ Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв IV. Сессия V. Пг., 1916. Стб. 637; *Николаев А. Б.* 1) Из истории раскола фракции правых IV Государственной думы С. 151; 2) К вопросу о составе фракции правых IV Государственной думы (ноябрь 1916 — февраль 1917 г.) // 100 лет Российского парламентаризма: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции. Н. Новгород, 2006. С. 177.

¹⁸⁸ «Я решил, — писал В. Н. Снежков, — выйти из фракции правых и, не примыкая ни к какой другой, остаться беспартийным. Верный заветам Аксакова, Хомякова и Самарина в дальнейшей моей деятельности, я считаю возможным руководствоваться голосом своей совести» // Петроградские ведомости. 1916. 3 (16) декабря.

¹⁸⁹ См.: *Николаев А. Б.* Из истории раскола фракции правых IV Государственной думы. С. 152.

¹⁹⁰ Там же. С. 152–153.

¹⁹¹ Цифра в 33 человека, покинувших фракцию правых, указана и обоснована в работе: *Николаев А. Б.* Из истории раскола фракции правых IV Государственной думы. В других исследованиях, посвященных истории IV Государственной думы, также можно встретить утверждение, что из фракции правых вышло 34–35 человек (первая цифра взята из работы: *Смирнов А. Ф.* Государственная дума Российской империи. М., 1998. С. 559, вторая — из работы: *Дякина В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. Л., 1967. С. 275. См. также: Речь. 1916. 29 ноября).

от имени РНСМА циркуляр, в котором говорилось, что «правые марковского толка, по-видимому, смешивают правительство с монархией», вместо того, чтобы «смело и открыто говорить Царю правду о лицах, облеченных его доверием». ¹⁹² При этом Облеухов почему-то отказывал Н. Е. Маркову в таком праве в отношении М. В. Родзянко...

В свою очередь, орган А. И. Дубровина «Русское знамя» считал главным виновником распада фракции В. М. Пуришкевича. Пуришкевич, утверждало издание, «открыто оскорблял Маркова в Государственной думе, возбуждал против него правую фракцию и добился ее раскола...». ¹⁹³

Как бы то ни было, выходка Н. Е. Маркова обошлась ему потерей большей части фракции, которая в конце ноября — начале декабря 1916 г. выделилась в группу независимых правых. Возглавил новую фракцию князь Б. А. Голицын, по отзыву депутата Б. А. Энгельгардта, «циник и балагур»; ¹⁹⁴ товарищем председателя был избран А. А. Радкевич, секретарем — священник С. А. Попов. ¹⁹⁵ Основным отличием новой группы было признание независимыми монархистами свободной критики действий правительства. Как отмечает В. А. Демин, по своей идеологии группа мало отличалась от фракции правых — входившие в нее депутаты поддерживали председателя Совета министров А. Ф. Трепова, выступали за борьбу с «немецким засильем» и банковским капиталом, предлагали ввести в стране твердые цены на все предметы первой необходимости, а также перейти к государственному распределению этих товаров. ¹⁹⁶ При этом, в одном из своих первых заявлений, подписанных священником С. А. Поповым, новая правая фракция поспешила отмежеваться от В. М. Пуришкевича, сообщив, что разговоры о возможности вступления в их группу бывшего лидера думских правых не имеют под собой никаких оснований. ¹⁹⁷

После раскола фракции правых Н. Е. Марков практически потерял в Думе всякую политическую значимость. По мнению одного из правых, к началу 1917 г. «курский зубр» превратился в «рептилию». ¹⁹⁸ Сожалел о расколе и член правой фракции III Государственной думы А. С. Вязигин,

¹⁹² Утро России. 1917. 22 января.

¹⁹³ Русское знамя. 1916. 21 декабря.

¹⁹⁴ ОР РГБ. Ф. 218. Картон 305. Ед. хр. 3. Л. 327.

¹⁹⁵ Новое время. 1916. 1 (14) декабря; Петроградские ведомости. 1916. 2 (15) декабря; Речь. 1916. 1 декабря; Долгих Ф. И. Раскол фракции правых в IV Государственной думе и его причины. С. 105.

¹⁹⁶ Демин В. А. Независимых правых группа // Государственная дума Российской империи. 1906–1917 гг. Энциклопедия. С. 404.

¹⁹⁷ Новое время. 1916. 16 декабря; Русское знамя. 1916. 21 декабря.

¹⁹⁸ Правые в 1915 — феврале 1917 гг. ... // Минувшее. М.; СПб., 1993. Т. 14. С. 213.

сетовавший в письме к члену правой группы Государственного совета князю А. А. Ширинскому-Шихматову на то, что думские правые потеряли свое прежнее значение. «Мне думается, что можно было бы избежать скандального распада фракции, крайнего обострения отношений, утраты талантливое В. М. П[уришкевича], нуждающегося иногда в дружеском воздействии. Горько видеть эти печальные плоды ошибок, неумение объединить людей вокруг общего дела и единого знамени. Тем не менее остается в полной силе жгучая и неотложная потребность сплочения всех ныне разрозненных и законопослушных элементов для посильного отпора надвигающейся грозной исторической непогоде», — писал Вязигин.¹⁹⁹

Но поступок Н. Е. Маркова был не причиной, а лишь катализатором давно начавшегося процесса, особенно обострившегося в связи с общенациональным кризисом. Для большинства правых депутатов выходка Маркова явилась лишь поводом покинуть фракцию. Как уже отмечалось выше, еще до войны, в 1913 г. во фракции наметился ряд серьезных разногласий между ее членами, принадлежавшими к разным социальным группам. Война же лишь на время приостановила эти тенденции, которые с новой силой проявили себя с возникновением Прогрессивного блока и неудачными попытками правых Государственной думы и Государственного совета сформировать «Черный блок». В феврале 1916 г. ситуация вновь обострилась. Во фракции, как отмечает исследователь правых групп в Государственной думе Ф. И. Долгих, возникло резкое недовольство Н. Е. Марковым, и ему пришлось даже пропустить несколько заседаний фракции, пока ситуация несколько не разрядилась. Весной 1916 г. либеральный «Вестник Европы» с удовлетворением замечал, что крестьян, верных правой фракции, почти не осталось, а рассчитывать на православное духовенство лидеры фракции могут только до тех пор, «пока оно голосует по команде».²⁰⁰ А буквально перед самым началом работы V сессии Государственной думы произошло столкновение между Г. Г. Замысловским и Н. Е. Марковым из-за председателя фракции профессора С. В. Левашева.²⁰¹

Начиная с 1916 г., когда кризис власти практически достиг своего апогея, в результате стремительного падения авторитета правительства и престижа династии, когда иссякла вера в скорую победу в войне, а экономический, политический и социальный кризис лишь углублялся, многие правые депутаты посчитали невозможным жить прежними задачами. Многие

¹⁹⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 108; Правые в 1915 — феврале 1917 гг. ... С. 215.

²⁰⁰ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 3. С. 330–331.

²⁰¹ Долгих Ф. И. Раскол фракции правых в IV Государственной думе и его причины. С. 103–104, 106.

стали сомневаться в целесообразности защиты дискредитировавшей себя власти. Недовольство вождями проявилось с новой силой. Синдикат думских журналистов отмечал, что «недовольство Н. Е. Марковым 2-м принимает по фракции все более и более резкий характер. Дело дошло до того, что <...> на одном из заседаний фракции было даже будто бы пущено в ход слово „provokator“». ²⁰² «Разумеется, тут не в Маркове 2-м дело: [его поступок] только предлог для того, чтобы оставить фракцию, которая была не столько богата силами, сколько бесконечно дикостью своих нетерпимых в образованном обществе принципов, всем и каждому <...> надоевшими», — в свойственной для либеральной прессы манере констатировала газета «Волынь». ²⁰³

Поэтому выход из фракции В. М. Пуришкевича и безответственная выходка Н. Е. Маркова оказались лишь последней каплей, переполнившей чашу терпения фракционного большинства. «...Распад фракции правых из-за марковской выходки происходит на чисто организационной почве <...>. Нельзя жить задачами 1905 года. Теперь другие времена, другие птицы и песни. Перед Родзянко и Думой Марков прав, но перед правыми — едва ли. Надо нам перестроиться. Да раньше грома все равно не перекрестись», — писал в частном письме оставшийся во фракции правых Г. А. Шечков. ²⁰⁴ В этом свете кажется вполне правдоподобным мнение Пуришкевича, что на его стороне было три четверти членов фракции, не решившихся покинуть ее только под давлением Маркова.

После раскола фракция правых стала состоять всего лишь из 20 человек, уже не способных на что-либо повлиять. Среди них были сам Н. Е. Марков, Г. Г. Замысловский, С. В. Левашев; активист СРН и «идейный» секретарь фракции священник А. Д. Мешковский; несколько депутатов — дворян (преимущественно курия ²⁰⁵); небольшая группа крестьян, большей частью бывших волостных старшин, возглавляемых К. А. Городиловым, и так называемых «лиц без речей», которые лично никогда не выступали, но исправно голосовали «по дирижерской палочке Замысловского и Маркова 2-го». ²⁰⁶

²⁰² Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 11–12.

²⁰³ Волынь. 1916. 29 ноября; Николаев А. Б. Из истории раскола фракции правых IV Государственной думы... С. 152.

²⁰⁴ Правые партии... Т. 2. С. 601–602; «Борьба наша проиграна»... // Исторический архив. 1994. № 5. С. 75.

²⁰⁵ «Все курские депутаты остались верны своему главе», — утверждало «Утро России» (Утро России. 1916. 26 ноября).

²⁰⁶ Речь. 1916. 26 ноября. Полный список оставшихся во фракции правых таков: Белевцев В. Н., Белогуров Н. А., Богомолов И. И., Вишневецкий А. П., Городилов К. Е.,

Не было прочным и положение выделившейся из правого объединения Думы и фракции «независимых правых» князя Б. А. Голицына. «Положение наше не прочное. Солидарность не достигается», — сетовал 14 февраля 1917 г. в письме депутат М. П. Тывончук.²⁰⁷

«Случись выступление Маркова два года или хотя бы год перед этим, — справедливо замечал монархист-эмигрант И. П. Якобий, — впечатление от него было бы совершенно другое. Но за это время политическое разложение пошло быстрым темпом; правая группа, и так никогда особенным влиянием не пользовавшаяся, почти совершенно завяла. <...> На правых скамьях Думы оставалась группа перепуганных, потерявших веру в себя людей».²⁰⁸

§ 3. Выступление Н. А. Маклакова и его значение

Спустя четыре дня после неудачной попытки лидера думских правых Н. Е. Маркова опрокинуть доводы критиков власти, аналогичную попытку предпринял член правой группы Государственного совета, в недавнем прошлом министр внутренних дел Н. А. Маклаков, который, по свидетельству своих сторонников, произнес «убийственную для оппозиции» (И. П. Якобий),²⁰⁹ «большую, горячо сказанную, сильную обличительную» (Н. Д. Тальберг),²¹⁰ «горячую и проникновенную речь против „прогрессивного блока“, [в которой] указал явную опасность близкой гибели государства» (Н. Е. Марков).²¹¹ Мнение, высказанное Маклаковым, считал известный историк царствования императора Николая II С. С. Ольденбург, «представляет особый интерес, так как по своему мировоззрению он был близок к государю».²¹²

Доценко И. М., Жилин Н. В., Замысловский Г. Г., Зверев В. Н., Кривцов Я. В., Левашев С. В., Лукин В. В., Марков Н. Е., Мешковской А. Д., Новицкий П. В., Струков К. М., Тятинин В. М., Цыганов Г. П., Шетохин Н. И., Шечков Г. А. (См.: *Иванов А. А. Последние защитники монархии. С. 159–199; Николаев А. Б. Из истории раскола фракции правых IV Государственной думы. С. 153–154.*)

²⁰⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 44.

²⁰⁸ *Якобий И. П.* Император Николай II и революция. С. 120.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ *Тальберг Н. Д.* Памяти убиенных царских министров. Н. А. Маклаков // Православная жизнь. (Джорданвилль, США). 2003. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russian-inok.org/page.php?page=tema/0207tema1#a4>.

²¹¹ *Марков Н. Е.* Войны темных сил. Статьи. С. 182.

²¹² *Ольденбург С. С.* Царствование Николая II. С. 716. Современный историк И. В. Алексеева также пишет, что Н. А. Маклаков, который был «дружно ненавидим не только либеральной оппозицией, но и октябристами», был личным ставленником царя и отличался

Действительно, как свидетельствовал на допросе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства А. Н. Хвостов, в бытность Н. А. Маклакова министром внутренних дел царь относился к нему очень хорошо. «Излюбленным министром внутренних дел» называл Н. А. Маклакова военный министр А. А. Поливанов.²¹³ «Это человек очень твердых убеждений, но чрезвычайно мягкий по форме», — так, по свидетельству В. Н. Коковцова, характеризовал Н. А. Маклакова в беседе с ним государь.²¹⁴ «Славный Маклаков», «наш Маклаков», «верная, преданная душа» — так отзывались о нем в царской семье.²¹⁵ «После Маклакова, — утверждал Хвостов, — у него (царя. — *А. И.*) не было человека, на которого он мог бы опереться, который ему был бы симпатичен».²¹⁶ Это признавали и политические противники Н. А. Маклакова, которые, правда, пытались объяснить раздражавшее их особое расположение царя к правому политику исключительно умением бывшего главы МВД веселить царя и его детей.²¹⁷ Между тем, как отмечает И. В. Алексеева, Маклаков «не был только шутком», он был «одним из наиболее последовательных, решительных и открытых сторонников самодержавия», сторонников «твердого и правого курса правления».²¹⁸

«Умным и способным человеком», правда, склонным к «горячности и увлечениям», считал Н. А. Маклакова генерал П. Г. Курлов.²¹⁹ Член правой

«ультрасамодержавными убеждениями, соответствовавшими взглядам самого Николая II» (*Алексеева И. В.* Последнее десятилетие Российской империи. С. 367).

²¹³ *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний... С. 117.

²¹⁴ *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого... М., 1992. Кн. 2. С. 74.

²¹⁵ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 190–191; То же. Т. 4. С. 156; Переписка правых... // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 94.

²¹⁶ Падение царского режима... Т. 1. С. 6.

²¹⁷ «...Н. А. Маклаков держался ведь тем, что умел делать какие-то особенные прыжки пантеры, и когда приезжал на доклад к царю, то в прихожей перепрыгивал громадное пространство на потеху царских дочерей... Об этом все говорили тогда», — пересказывал в своих мемуарах ходившие по Петрограду слухи член Государственного совета профессор И. Х. Озеров (ОР РНБ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 4. Л. 7). В. Н. Коковцов в свою очередь отмечал, что Н. А. Маклаков нередко высмеивал его перед императором, заставляя царя громко смеяться. «Он изображал сцены в лицах, про то, как я руковожу будто бы прениями в Совете министров и передразнивая (в этом он был большим мастером) по очереди всех министров, и в особенности — меня, в защите законности, будто бы попираемой „правыми членами Совета“» (*Коковцов В. Н.* Из моего прошлого... Кн. 2. С. 280). Об артистическом таланте Маклакова см. также: *Гайда Ф. А.* Министр внутренних дел Н. А. Маклаков... С. 174–175.

²¹⁸ *Алексеева И. В.* Последнее десятилетие Российской империи. С. 367.

²¹⁹ *Курлов П. Г.* Гибель императорской России. Воспоминания. М., 2002. С. 187.

группы Государственного совета П. П. Кобылинский характеризовал Маклакова как «энергичного и талантливое человека».²²⁰ Правда, П. Н. Дурново отзывался о нем «уклончиво». Как полагает Ф. А. Гайда, причина такого отношения со стороны лидера правой группы Госсовета могла заключаться в том, что со своей стороны генерал В. Ф. Джунковский обозначил так: «Человек безусловно чистый и порядочный, но по молодости своей несколько опрометчивый».²²¹ А один из столпов правого лагеря, академик А. И. Соболевский отзывался о Н. А. Маклакове следующим образом: «Это круто правый, энергичный человек, монархист и сумеет нос утереть думским кликушам».²²²

Оппозиция же рисовала портрет правого политика в несколько иных красках. Левый националист А. И. Савенко считал, что Маклаков «по натуре очень симпатичен и благороден, но совершенно ослеплен».²²³ Правый кадет В. А. Маклаков называл своего родного брата «государственным младенцем».²²⁴ Кадет Ф. И. Родичев замечал, что «имя Н. А. Маклакова вызывает ненависть».²²⁵ Так, по оценке публициста В. В. Кузьмина-Караваева, «Н. А. Маклаков не отличался ни ярко выраженной индивидуальностью, ни хотя бы только сильно развитым „волевым импульсом“».²²⁶ «Коротко говоря, — выносил вердикт Маклакову Кузьмин-Караваев, — он не был одним из тех министров внутренних дел, с чьими именами, как с именами графа Д. А. Толстого, [В. К.] Плеве, князя [П. Д.] Святополк-Мирского или П. А. Столыпина, связаны целые эпохи нашей внутренней жизни. А потому в историю имя Н. А. Маклакова не перейдет, и будущие поколения его и знать не будут».²²⁷ И хотя говорить об «эпохе Маклакова», действительно, не приходится, нельзя все же не заметить, что вердикт этот политически пристрастный. Неприязнь оппозиции к фигуре Маклакова объяснялась, прежде всего, его твердой консервативностью и открытым декларированием крайне правого «символа веры». «Н. А. Маклаков, — отмечал либеральный публицист, — осуществлял торжество стародавнего и не им формулированного афоризма: „так было и так будет“».²²⁸

²²⁰ Гайда Ф. А. Министр внутренних дел Н. А. Маклаков... С. 178.

²²¹ Там же.

²²² Переписка и другие документы правых (1911–1913) / Публ. Ю. И. Кирьянова // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 123.

²²³ Цит. по: Аврех А. Я. Царизм и IV Дума. С. 261.

²²⁴ Там же. С. 263.

²²⁵ Цит. по: Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. С. 137.

²²⁶ Кузьмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1915. № 7. С. 377.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Там же.

Сам же Н. А. Маклаков в частном письме другому лидеру правой группы Государственного совета И. Г. Щегловитову по сути признавал свое «донкихотство», обреченное на поражение, но в силу исповедуемых им принципов поступить иначе не мог. «Мне прямо жаль до слез государя, жаль наследника, жаль то историческое сокровище, которое мы без нужды расточаем. Придет время — это поймут, но будет поздно, да и охотников исповедовать то, что обречено на погибель, мало. Они есть, и будут, но так, как зубры в Белов[ежской] пустоши», — признавал он еще летом 1915 г.²²⁹ Но, несмотря на неверие в торжество консервативных сил,²³⁰ Н. А. Маклаков, оправдывая высокое к нему личное доверие императора, признавался: «Я за царя и сейчас — как всегда и впереди — смерть приму, не поколеблюсь, и радостно».²³¹ Забегая вперед, заметим, что в 1918 г. слово свое Н. А. Маклаков сдержал, и был расстрелян большевиками.

Выступление Маклакова состоялось 26 ноября 1916 г. Защищать власть от нападков оппозиции ему пришлось примерно в тех же условиях, что и Маркову, разве что члены Государственного совета были куда сдержаннее в проявлении своих чувств и эмоций по сравнению со своими думскими коллегами. Как вспоминал беспартийный член Совета П. П. Менделеев, премьерская речь А. Ф. Трепова и в «верхней палате» встретила неприятие. «Вслед за Думой выступил и Государственный совет, — писал он. — В ответ на правительственную декларацию последовали речи и резолюции того же приблизительно рода, что и думские. Только крайне правая группа молчала. <...> Все речи горячие, полные душевной взволнованностью, непривычные для стен Мариинского дворца».²³² Не лучше было положение и с Объединенным дворянством. «Сижу целые дни на съезде объединенных дворян, и ты не можешь себе представить, что там творится. <...> Настроение совсем революционное», — писал в ноябре 1916 г. в письме к жене князь С. П. Урусов.²³³

В этих условиях выступление Н. А. Маклакова, вне всякого сомнения, было поступком, тем более, учитывая ту ненависть, которую вызывала его личность у оппозиции еще со времен руководства Маклаковым Министер-

²²⁹ Из архива Щегловитова // Красный архив. 1926. Т. 2 (15). С. 113–114.

²³⁰ В этом Н. А. Маклаков был не одинок. Другой член правой группы Государственного совета, князь А. А. Ширинский-Шихматов в частной беседе с Л. А. Тихомировым, состоявшейся в конце 1916 г., также признавал поражение правых. «Он (Ширинский-Шихматов — А. И.) считает неизбежным — парламентаризм, если не полное ниспровержение» (Дневник Л. А. Тихомирова. С. 312).

²³¹ Из архива Щегловитова // Красный архив. 1926. Т. 2 (15). С. 113.

²³² ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 116.

²³³ Переписка правых... // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 84.

ством внутренних дел.²³⁴ Во избежание возможных эксцессов (напомним, что в это время полным ходом шел процесс распада правой фракции Государственной думы) оратор сразу же подчеркнул, что будет говорить от себя лично, а не от лица правой группы Государственного совета. Речь Маклакова, яркая и талантливая, коснулась практически всех тем, связанных с взаимоотношениями оппозиции и власти, и потому заслуживает того, чтобы остановится на ней особо.

Н. А. Маклаков начал с того, что в отсутствии «твердой власти», которую требуют члены Прогрессивного блока, виновато не столько правительство, сколько те, кто борется с ним в дни тяжелейшей для страны войны. Напомнив о «священном единении», к которому призывали два года назад и либералы, Маклаков обвинил их в подкопе под государственную власть, прикрываемом «святыми словами» о благе родины. «Непрестанно, последовательно, дружно и упорно русскому народу стали прививать и внушать, что для войны и победы нужно то, что в действительности неминуемо должно привести нас к внутреннему разложению и к распаду нашей государственности, — говорил Маклаков. — Изо дня в день повторялась эта политическая игра, эта, скажу я, сознательная ложь. Этот шантаж на народной душе, податливой и доверчивой. Орудие слабых — клевета — непрестанно работало...»²³⁵

Вместе с тем политик обвинил и власть: в податливости либеральному натиску и проявлении «угодничества» и «раболепства» перед «так называемым общественным мнением», которое, по убеждению Маклакова,

²³⁴ Либеральные газеты, начиная с 1915 г. усердно травили Маклакова, обвиняя его едва ли не во всех бедах, постигших Россию. «Честный маклак», «клевет реакции», работающий «на прусского короля», такими словами характеризовало его «Утро России». «В прямых интересах скорейшего внутреннего замирения страны, в интересах нашей армии, имена, подобные имени Николая Маклакова, надлежало бы предать полному забвению и даже памяти этих роковых имен не давать пробуждаться в народных умах. Уйди Н. А. Маклаков <...> — наши армии стояли бы сейчас у стен Будапешта и германцы бы не проникли в пределы России», — патетически восклицала либеральная газета (Утро России. 1915. 21 августа). «Н. А. Маклаков — реакционер. <...> Реакционеры не могут быть патриотами», — без всяких оснований резюмировало издание (Утро России. 1915. 25 августа).

²³⁵ Речь Н. А. Маклакова, сказанная 26 ноября 1916 г. в заседании Государственного совета // Российский гражданин. 1916. № 46. С. 2. В свою очередь, представители либерального лагеря еще с 1915 г., борясь с Н. А. Маклаковым, занимавшим тогда министерский пост, убеждали общество в том, что «маклаковщина» «обманывает» общественность, называя «патриотический порыв либерального лагеря» «мобилизацией революции» (Утро России. 1915. 21 августа).

«лихорадочно и искусно обрабатывалось, а порой фальсифицировалось в лаборатории определенных политических фирм».²³⁶

Досталось правительству от представителя правой группы и за его широкую материальную поддержку различных общественных организаций, которые часто, помимо заявленных ими целей, действовали против той самой власти, которая их финансировала. Маклаков возмущался, что правительство «с неведомой еще для государственного казначейства легкостью» передает общественным (и, как правило, враждебно настроенным по отношению к власти) структурам сотни миллионов казенных денег. При этом правительство «не только не противодействовало, оно проходило мимо даже тех фактов, над которыми неосторожно приподнималась завеса, скрывающая от взоров непосвященных то, что бережно хранилось в скинии организованного общественного движения».²³⁷ Но, делал оговорку Маклаков, он не выступает против общественности как таковой, но здоровым и плодотворным государственным фактором считает ее только в том случае, когда она несет свои обязанности в указанных ей законом рамках, а не бросается «в открытое море новых политических завоеваний».

С цифрами в руках докладчик показывал, что вклад общественных военно-промышленных комитетов (ВПК) в дело обороны страны вовсе не так велик, как об этом писали либеральные газеты. Он справедливо указывал, что основную работу в деле вооружения русской армии сделало все-таки военное ведомство, хотя лавры выхода из «снарядного голода» ВПК присваивают себе. «Например, по артиллерийскому ведомству было передано при посредстве ВПК всего только около 3 1/3%, а если принять во внимание, что многие из этих заказов своевременно не были выполнены, то эта цифра (я беру сроком 1 мая 1916 г.) выразилась в более чем скромной цифре 1 1/2%. <...> Можно ли при данных условиях так преувеличивать значение общественных организаций и говорить, что они спасли положение?» — вопрошал членов Государственного совета Маклаков.²³⁸ Нечто подобное, по его словам, наблюдалось и на многих частных предприятиях (например, сахарных заводах), которые набирали военные заказы (во многом так и не выполненные) только для того, чтобы освободить своих рабочих от военного призыва.

Маклаков также обратил внимание «верхней палаты» на то, что под прикрытием работы на оборону страны при ВПК возникла рабочая группа, ставшая политизированным центром с претензией на объединение рабочего

²³⁶ Речь Н. А. Маклакова... С. 2–3.

²³⁷ Там же. С. 3.

²³⁸ Там же.

движения всей России с политическими требованиями вплоть до учреждения демократической республики.

Критике также была подвергнута деятельность Земского и Городского союзов, которые, осуществляя свою деятельность в значительной степени на казенные деньги, в марте и октябре 1916 г. провели чисто политические, враждебные самодержавию мероприятия. «Неизменно то же происходит на всех съездах, заседаниях и собраниях. Все те же самые резолюции, требования, протесты. То же неудержимое погружение в область широкой политики, стремление заниматься не своим делом и слова, слова, слова. Ответственность принято славословить, и критика ее признается теперь ересью. Но я все же смею утверждать, что политика разложила значительную часть здоровой и полезной ее работы. Русская общественность во многом грешна в это трудное время перед своей родиной», — заявил Маклаков.²³⁹ «Шантаж правительства», «фальсификация общественного мнения», «трафаретные резолюции с политическими выкриками» — «Этот путь, господа, был борьба за власть, борьба за народоправство, и на этом пути выковывалось разрушение нашей государственности», — указывал правый политик.²⁴⁰

Правительственная же власть, по словам Маклакова, «отодвинулась вместе со сдвигом наших политических центров, она потеряла веру в себя, потеряла вехи, запуталась и обессилела во взаимной борьбе. Изю дня в день она принижалась, поносилась, развенчивалась и срамилась, и она ушла... А в крышку гроба нашего порядка изю дня в день стали спешно вбивать все новые и новые гвозди. Мы погасили свет и жалуемся, что стало темно. <...> Мы дошли до того, что торжествующая гипертрофия общественности превращается в ее диктатуру, а атрофия власти переходит в ее агонию.²⁴¹ В Гос. Думе поднялись уже выступления горячие и сильные, а в Гос. Совете раздались речи, до сих не произносившиеся».²⁴²

²³⁹ Там же. С. 4.

²⁴⁰ Там же.

²⁴¹ Это высказывание Маклакова стало рефреном ранее сказанных слов другого видного члена правой группы Государственного совета И. Г. Щегловитова, так отозвавшегося в свое время о ситуации, вызванной первой российской революцией 1905 г.: «Паралитики власти слабо, нерешительно борются с эпилептиками революции». В 1916 г. многие вспомнили эти слова. Рассуждая о борьбе Прогрессивного блока с правительством, правый публицист П. Ф. Булацель замечал: «Разве это не вексель, обещающий возвращение к тому времени, когда по меткому выражению И. Г. Щегловитова, „паралитик власти боролся с эпилептиком революции“...» (*Булацель П. Ф. Дневник // Российский гражданин. 1916. № 7. С. 15*).

²⁴² Речь Н. А. Маклакова... С. 5.

Предупреждая о надвигающейся революционной катастрофе, Маклаков указывал правительству, что «ему нет нужды в угодливом паломничестве в Гос. Думу за санкцию своих полномочий, которые вручены ему доверием самого Государя Императора». «Царским доверием, и им одним в Российской империи держится у власти всякое правительство, и царским доверием сохраняет свои права и сама Гос. Дума».²⁴³ Поэтому главная задача правительства, подчеркивал оратор, в восстановлении попираемого закона и охранении порядка. В противном же случае власть ожидает крушение под натиском оппозиционных сил.

Заклучил свою яркую речь Н. А. Маклаков публичным исповеданием политического кредо крайне правого лагеря: «...Вера наша простая и ясная, открытая и честная. Она сейчас, правда, поругана, осмеяна, обманута, она не в почете, заступиться за нее и исповедовать ее теперь непопулярно, но она для нас непреложна и дорога. С надеждою правые люди в эти дни скорби и тревоги обращают свои взоры на своего Государя и молятся за Него. <...> [Царской самодержавной России] мы не предадим: мы ей служили, мы ей верим, мы за нее будем с этой верой бороться и с этой верой мы и умрем...».²⁴⁴

Спасти же Россию от распада и завершить войну победой над Германией, резюмировал оратор, можно только одним путем: всякий должен вернуться к своему прямому делу, а все вместе — сплотиться вокруг царя.

«С хор[ов] Мариинского дворца наблюдал я за впечатлением, производимым этой речью, — десятилетие спустя вспоминал единомышленник Маклакова Н. Д. Тальберг. — Правое меньшинство сочувствовало; на левой же половине и в центре профессора, промышленники, либеральные сановники открыто негодовали и издевались над дерзким разоблачителем их преступных замыслов».²⁴⁵

«В речи, сказанной Маклаковым, — писал ее публикатор П. Ф. Булацель, — есть места, равносильные обвинительному акту, открыто предъявленному тем лицам, которые должны стоять на страже закона и порядка в Российской империи. <...> Н. А. Маклаков проявил прямоту, смелость и прозорливость государственного человека, а вместе с тем беспощадный сарказм, едкую иронию и литературное изящество обвинителя врагов монархии, не считаясь с их высоким служебным и общественным положением... <...> Читая и перечитывая речь Н. А. Маклакова, я все больше и

²⁴³ Речь Н. А. Маклакова... С. 5.

²⁴⁴ Там же. С. 5–6.

²⁴⁵ Тальберг Н. Д. Памяти убиенных царских министров.

больше проникался сознанием, что этот сравнительно еще молодой сановник вырос за последние два года духовно и политически на целый десяток лет; он уже опередил своих более робких сотоварищей и достиг такой степени зрелого, твердого, определенного мировоззрения, что в его устах глубокую правдою звучат слова...».²⁴⁶

Большое значение речи Н. А. Маклакова придавал и лидер Астраханской народно-монархической партии Н. Н. Тиханович-Савицкий. «Вы говорите выпукло и вдобавок красиво, и вам следует выступать с разъяснениями как можно чаще, — наставлял он Маклакова, — это даст опору многим правым из общества».²⁴⁷

Сам же Н. А. Маклаков позже свидетельствовал, что его ноябрьская речь вызвала очень много неприятных для него вещей, в том числе и со стороны членов Государственного совета. Кроме того, рассказывал он в 1917 г. на допросе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, «я получил несколько писем с угрозами и грубых очень». Мотивы же своего выступления Маклаков раскрывал так: «Я говорил там (в Государственном совете. — *А. И.*) как раз потому, что друзья разные, не политические только друзья, упрекали и меня, и все правое крыло политическое, что в нем, в этом крыле, нет никого, кроме продавшихся журналистов, т. е. таких, которые получили крупные правительственные деньги; кроме т. н. черносотенцев; нет догматики, нет чистого исповедания определенного образа политической мысли; и что никто не хочет сказать, потому что для всех очевидно, что колесо уже повернулось и что исповедовать это, — в лучшем случае, брать на себя роль Донкихота, борющегося с мельницами».²⁴⁸ Кроме того, указывал Маклаков, на правую группу, «как из рога изобилия, сыпались всевозможные упреки, <...> клеветы», в том числе и по его адресу лично. «Все это вместе взятое заставило меня попытаться изложить, так сказать, мое политическое credo. <...> Говорили ведь, что правая группа способна только кричать ура, и громить евреев, и что мы теперь поджали хвост, видя, что наша песня спета», — заключал он.²⁴⁹

Действительно, либеральная оппозиция спасения «маклаковской России» не желала, в чем открыто признавалась еще в 1915 г. Ей была нужна другая Россия — либеральная и демократическая. «„Честный маклак“

²⁴⁶ Булацель П. Ф. Дневник // Российский гражданин. 1916. № 46. С. 14.

²⁴⁷ Переписка правых... // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 218.

²⁴⁸ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 312. Л. 10. См. также: Падение царского режима... Т. 3. С. 90.

²⁴⁹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 312. Л. 11; Падение царского режима... Т. 3. С. 90.

заработал вовсю. Кайзер весело потирает руки! Удушливые газы истинно русского союзничества надвигаются на общественные организации», — пугало общество «Утро России». Правые, утверждало издание, «ищут крамолы, спасают Россию, Россию Н. Маклаковых, Дубровиных, Глинок, Марковых, Полубояриновых».²⁵⁰ А такой России либералам было не жалко.

К предостережениям правого политика представители либеральной оппозиции отнеслись пренебрежительно и насмешливо. «Вестник Европы», к примеру, удостоил речь Н. А. Маклакова уничижающей оценки, отметив лишь, что она «выдержана в обычном духе и красках реакционной прессы». Кратко пересказав ее тезисы (причем в утрированно-сатирических тонах), политический аналитик издания К. Арсеньев резюмировал: речь представителя правой группы верхней палаты явилась якобы лишь свидетельством «упрощенного» понимания Маклаковым действительности и показала, что его политическая мысль задержалась на уровне взглядов германских консерваторов XIX века (в условиях войны и травли правых намеков отнюдь неслучайный и небезобидный).²⁵¹

Помимо Н. А. Маклакова, в тот же день 26 ноября от правых выступили А. С. Стишинский и Н. П. Муратов. Первый из ораторов, выступая от имени правой группы (Н. А. Маклаков, напомним, выступал от себя лично, дабы не подставлять под удар всю группу), в более мягкой форме подверг критике требования Прогрессивного блока и заметил, что правые за второй пункт формулы перехода, предложенной центром (требование «министерства доверия») голосовать не будут, но при этом, как справедливо отмечает А. Н. Мичурин,²⁵² он ничего не сказал о первом пункте — о «темных силах», что, по мнению историка, позволяет сделать вывод о том, что правая группа дала своим членам свободу голосования по этому вопросу. Н. П. Муратов же, в свою очередь, сделал акцент на том, что члены Государственного совета и Государственной думы, привлеченные властью в рамках различных совещаний (в частности, продовольственного), ничем не смогли помочь правительству, не выработали никакого дельного плана, а «только говорили».

Но ни речь Н. А. Маклакова, ни речи А. С. Стишинского²⁵³ и Н. П. Муратова никого ни в чем не переубедили. В этот же день, 26 ноября, Государ-

²⁵⁰ Утро России. 1915. 25 августа.

²⁵¹ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 12. С. 381.

²⁵² Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете... С. 257.

²⁵³ «Гораздо более сдержанна, но не более убедительна», — так характеризовал речь А. С. Стишинского либеральный публицист (Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 12. С. 382).

ственный совет, эта «палата сановных старцев», приняла формулу перехода, в которой говорилось о необходимости тесного сотрудничества власти с законодательными учреждениями, устранении влияния на государственные дела «скрытых безответственных сил», создании работоспособного правительства, опирающегося «на доверие и сочувствие страны». В результате голосования 105 членов верхней палаты против 23 поддержали резолюцию о «темных силах» и 94 против 34 высказались за «министерство доверия» из голосовавших 128 членов Государственного совета.²⁵⁴ «Министерство, — замечал по этому поводу публицист К. Арсеньев, — впервые встретило в нем (Государственном совете. — *А. И.*) не поддержку и одобрение, а осуждение, различное в степени, но по существу общее всем группам, кроме крайне правых. <...> Прогрессивный блок объединил в себе, таким образом, значительное большинство обеих палат; рухнула главная твердыня крайних правых».²⁵⁵ При этом, подмечал Арсеньев, за эту формулу перехода «голосовали все, или почти все нейдгартцы» и, более того, «по-видимому, немалое число правых».²⁵⁶ Свое предположение он аргументированно основывал на том, что хотя правая группа насчитывала к тому моменту более 50 человек, «против» раздалось только 34 голоса. На это же обстоятельство обращали внимание и газеты, подчеркивая, что с оппозиционным большинством голосовала и часть правых.²⁵⁷

Впрочем, как было установлено А. Н. Мичуриным,²⁵⁸ в день принятия формулы перехода в Государственном совете присутствовало 146 его членов, однако 18 из них не голосовало. При этом правые располагали на этом заседании только 39 голосами из 57 (полный состав группы), так как часть членов не пришла на заседание. Таким образом, можно заключить, что из присутствовавших на заседании правых против первой части формулы перехода («ответственное министерство») не голосовало 5 членов правой группы; против пункта о «темных силах» от правых было подано лишь 23 голоса (из 39), что позволяет прийти к выводу, что 16 членов группы либо голосовали за него, либо от голосования воздержались. Впрочем, здесь необходимо сделать оговорку: если допустить, что против одного или обоих пунктов формулы перехода голосовали отдельные представители группы

²⁵⁴ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 11. С. 353; *Граев Б. К.* истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. М., 1926. С. 356; *Мичурин А. Н.* Политическая борьба в Государственном совете... С. 258–259.

²⁵⁵ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 11. С. 351–353.

²⁵⁶ Там же. № 12. С. 378.

²⁵⁷ См.: Русское слово. 1916. 27 ноября; Утро России. 1916. 27 ноября.

²⁵⁸ *Мичурин А. Н.* Политическая борьба в Государственном совете... С. 259–260.

правого центра (что вполне могло быть²⁵⁹), тогда число правых, уклонившихся от голосования или голосовавших вместе с оппозицией, будет еще больше. Между тем «прогрессивные» группы смогли обеспечить явку на заседание 83 своих членов, что привело к тому, что в этот день правые оказались в явном меньшинстве. Таким образом, данное голосование еще раз наглядно показало нестабильность правой группы и происходящие в ней шатания.

Но не внезапно пробудившаяся симпатия к лозунгам Прогрессивного блока двигала частью правых, справедливо замечал публицист, а скорее, разочарованность бессилием власти, которую они защищали, и убежденность, что «дальше идти по прежней дороге было бы неблагоприятно и неосторожно».²⁶⁰ Это по сути подтверждал даже такой ультраправый, как А. А. Римский-Корсаков, голосовавший против предложенной оппозицией формулы перехода. «Мы, как убежденные монархисты, беспредельно преданные Государю Императору <...> не могли присоединиться к формуле Государственного совета, оставшиеся при особом мнении при баллотировке известной формулы», — заявил он на XII съезде Объединенного дворянства. Но, тут же продолжал Римский-Корсаков, правые «ни одной минуты не могли сочувственно относиться к „темным силам“». «Мы с глубоким пренебрежением, негодованием, с омерзением, сказал бы я, относились к личностям, которым, к крайнему сожалению, приходится играть выдающуюся роль», — признавался член правой группы.²⁶¹

Таким образом, ноябрьская сессия законодательных палат показала шатания и в правой группе Государственного совета.

Дружное выступление большинства членов обеих палат с критикой власти оказало огромный эффект на общество. Особенно это касалось Государственного совета. «Голосование Гос. Совета — голосование историческое для этого кладбища. Каким его до сих пор считали и чем он и был в действительности для всех думских начинаний», — писал в частном письме один из думских депутатов.²⁶² «Пуришкевичи и Милюковы — люди без авторитета, без веса, без веры в их честность, ум и серьезность, а вот мужи и старцы Совета — дело совсем иное, — передавало дубровинское „Русское знамя“ настроение петроградского общества. — Если, мол,

²⁵⁹ А. Н. Мичурин пишет: «Очевидно, что правый центр в полном составе голосовал за формулу перехода» (*Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете...* С. 259). Но из чего следует эта «очевидность», автор не поясняет.

²⁶⁰ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 12. С. 378.

²⁶¹ Объединенное дворянство... Т. 3. С. 609.

²⁶² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1495 об.

и эти „истуканы“ „не выдержали“ да заговорили со страстностью Пуришкевичей, стало быть, все сказанное Милюковыми, правда и все требуемое ими — повелительно необходимо».²⁶³

И действительно, в декабре 1916 г. за аналогичную резолюцию против «безответственных сил» и за правительство «народного доверия» высказалось на XII съезде и большинство представителей Объединенного дворянства. Попытки правых А. А. Римского-Корсакова и П. В. Новицкого удержать дворянство от этого шага провалились. «...Резолюция дворянского съезда производит гораздо более сильное впечатление, чем соответствующие заявления Гос[ударственной] думы и Госуд[арственного] Совета», — отмечал Л. А. Тихомиров.²⁶⁴

Между тем вскоре после своего выступления в Государственном совете Н. А. Маклаков, где-то во второй половине декабря 1916 г. обратился к императору с письмом, в котором, в тезисах повторяя свою речь, предупредил монарха о том, что наступили «решающие дни». Для выхода из ситуации Маклаков призывал царя составить единодушное правительство, способное «спокойно и решительно» восстанавливать разваливающийся порядок; распустить Думу; привести в порядок продовольственное дело; обуздать общественные организации.²⁶⁵

Призыв Н. А. Маклакова не остался без внимания императора. «Письмо произвело большое впечатление, — вспоминал генерал А. И. Спиридович. — Маклакова даже хотели призвать к власти, но он куда-то уехал, и дело почему-то расстроилось».²⁶⁶ 8 февраля 1917 г. через министра внутренних дел А. Д. Протопопова Маклаков получил повеление царя составить проект манифеста о роспуске Государственной думы. Как показывал позже Протопопов, планировалось распустить Государственную думу не менее чем на полгода,²⁶⁷ чтобы за это время победоносно завершить войну и тем самым выбить у либеральной оппозиции почву из-под ног. «Основанием к такому предложению бывшего царя послужила уверенность в том, что Дума IV созыва на путь спокойной законодательной работы [уже] не встанет...» — свидетельствовал Протопопов.²⁶⁸ К роспуску Думы призывали

²⁶³ Русское знамя. 1916. 24 ноября.

²⁶⁴ Дневник Л. А. Тихомирова. С. 313.

²⁶⁵ Письмо Н. А. Маклакова Николаю II во второй половине декабря 1916 года // Последние дни императорской власти. По неизданным документам сост. А. Блок. Пг., 1921. С. 141–143.

²⁶⁶ *Спиридович А. И.* Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск, 2004. С. 457.

²⁶⁷ Падение царского режима... Т. 4. С. 25.

²⁶⁸ Там же.

власть и крайне правые. Как писал в эти дни А. И. Дубровин, «знамя борьбы с властью, поднятое 1 ноября Милюковым, в ноябре же должно быть и растоптано».²⁶⁹

В письме на имя императора Маклаков писал: «Благословляю этот взмах царской воли. Но надо, не тратя ни минуты, крепко обдумать весь план дальнейших действий правительственной власти, чтобы встретить все временные осложнения, на которые Дума и Союзы (земский и городской. — А. И.), несомненно, толкнут часть населения в связи с роспуском Государственной думы. <...> Власть более чем когда-либо должна быть сосредоточена, убеждена, основана единой целью восстановить государственный порядок, чего бы то не стоило, и быть уверенной в победе над внутренним врагом, который давно становится и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего».²⁷⁰

Как подчеркивал позже Маклаков, сам он был сторонником именно роспуска Государственной думы (а не перерыва в ее занятиях) и назначения новых выборов, намечавшихся на 15 ноября 1917 г.²⁷¹ В этом проекте Маклаков писал, что личный состав IV Государственной думы виноват в том, что вместо того, чтобы рассматривать вопросы, которые император считал первостепенными (увеличение содержания чиновничества и православного духовенства, разрешение продовольственного вопроса и др.), думское большинство, нарушив единение в годы войны, ведет борьбу с властью, а потому распускается. «Кончается манифест, т. е. проект, тем, что государь призывает всех верных России и ему соединиться около него и вместе с ним помочь ему послужить России», — показывал на следствии Н. А. Маклаков.²⁷²

Составленный им проект манифеста был передан императору между 9 и 12 февраля 1917 г. При этом, как свидетельствовал Маклаков, царь, получив из его рук проект, подчеркнул, что посмотрит его потом, так как «это на всякий случай» и «он не знает, как еще поступить», поскольку вопрос роспуска Думы «требует обсуждения со всех сторон».²⁷³

В итоге проект, написанный Н. А. Маклаковым, так и остался проектом. Через две недели, 26 февраля, в условиях охватившей Петроград революции Сенат опубликовал императорский указ о перерыве занятий Государ-

²⁶⁹ Русское знамя. 1916. 23 ноября.

²⁷⁰ Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 годах / Публ. Ю. И. Кирьянова // Вопросы истории. 1996. № 10. С. 119.

²⁷¹ Падение царского режима... Т. 5. С. 192, 208, 289.

²⁷² Там же. С. 208.

²⁷³ Там же.

ственной думы до апреля 1917 г., который был заготовлен еще осенью 1916 г., но тогда так и не был пущен в ход.

§4. Правые накануне революции (декабрь 1916 — февраль 1917 г.)

Конец 1916 г., оказавшегося для думской фракции правых роковым, был примечателен еще одним событием, умолчать о котором не представляется возможным, так как в разное время те или иные члены фракции стремились приблизить его «во имя спасения престижа русского самодержавия». Речь идет об устранении Г. Е. Распутина, воспринимавшегося обществом в качестве главного вдохновителя т. н. «темных сил».

Отношение правых членов обеих законодательных палат к Распутину в целом было негативным — в нем, прежде всего, видели вредоносного «хлыста», подрывающего престиж монархии в самое неблагоприятное для нее время. Чувство глубокой ненависти испытывал к Распутину В. М. Пуришкевич, который еще в 1912 г. заявил М. В. Родзянко: «Я хочу пожертвовать собой и убить эту гадину, Распутина».²⁷⁴ А осенью 1916 г., накануне своего нашумевшего выступления, Пуришкевич говорил некоторым депутатам: «Или я сломаю шею Распутину, или он мне».²⁷⁵ Выступая 19 ноября, Пуришкевич призвал положить конец злу, исходящему от Распутина и «распутинцев».

В своем отношении к Распутину Пуришкевич не был одинок — его политические единомышленники (на тот момент уже бывшие), придерживались такого же мнения. Г. Г. Замысловский, осудивший в целом выступление Пуришкевича и голосовавший на фракционном заседании против его речи, в разговоре с Н. В. Савичем между прочим обронил: «Неужели не найдется ни одного патриота, который освободил бы Россию и династию от этого рокового „старца“?».²⁷⁶ В 1917 г. лидер фракции Н. Е. Марков показывал, что отношение к Распутину у руководства СРН было «самое отрицательное». «Это проходимец, который губит Россию», — так аттестовал его Марков в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, рассказывая о том, как он воспринимал Распутина, когда тот был еще жив.²⁷⁷ Член правой группы Государственного совета

²⁷⁴ Правые партии... Т. 2. С. 751.

²⁷⁵ Цит. по: *Слонимский А. Г.* Катастрофа русского либерализма... С. 117.

²⁷⁶ *Савич Н. В.* Воспоминания. С. 188.

²⁷⁷ Падение царского режима... Т. 6. С. 190.

А. А. Римский-Корсаков называл Распутина «каким-то проходимцем».²⁷⁸ А депутат П. В. Новицкий, также не питавший симпатий к Распутину, считал его споенным врагами монархии «мужичком», которого искусственно затем превратили в «темную силу».²⁷⁹

Призыв В. М. Пуришкевича «спасти» Россию от Распутина не заставил «патриотов» долго ждать. Он был услышан находившимся на хорах молодым князем Ф. Ф. Юсуповым, который на следующий день (20 ноября) позвонил Пуришкевичу, а 21 приехал к нему на квартиру, где они занялись составлением заговора.²⁸⁰ В результате сложившегося заговора (подробно останавливаться на нем в рамках данной работы нет необходимости), к которому также были привлечены и другие «патриоты», в ночь с 16 на 17 декабря Г. Е. Распутин был убит. Либеральный лагерь и союзники по Антанте ликовали, большинство правых воздержалось от каких-либо оценок случившегося. Однако ликвидация Распутина не привела к тем целям, которые декларировались. Как справедливо замечал националист В. В. Шульгин, посвященный в заговор и предупреждавший Пуришкевича, что убийством Распутина Россию не спасти, так как министерская чехарда происходит не столько по его воле, сколько потому, «что некого назначать, или кого не назначишь, все равно никому не угодишь, потому что страна помешалась на людях „общественного доверия“, а государь как раз к ним доверия не имеет...».²⁸¹ И действительно, когда «лицо, которое все считали одним из главных виновников маразма, разъедавшего двор», было устранено, «все сразу почувствовали, что совсем не в этом дело...».²⁸² В итоге увеличилось лишь отчуждение Царского Села от «общественности»: то, чему так радовалось практически все «общество», там глубоко переживали.

Оставив в стороне подробности этого убийства и его последствий, обратим внимание лишь на некоторые важные моменты, имеющие прямое отношение к теме данной работы. В свое время Г. З. Иоффе писал, что пойти на устранение Распутина могли только правые, так как для оппозиции Распутин был «нужной» фигурой, именно она должна была его «беречь» для дискредитации верховной власти.²⁸³ Однако, по нашему мнению, Иоффе

²⁷⁸ Объединенное дворянство... Т. 3. С. 609.

²⁷⁹ Там же. С. 601.

²⁸⁰ *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977. С. 216.

²⁸¹ *Шульгин В. В.* Дни. 1920. С. 153.

²⁸² *Милюков П. Н.* Война и вторая революция... С. 13.

²⁸³ *Иоффе Г. З.* «Распутиниада»: большая политическая игра // Отечественная история. 1998. № 3. С. 111.

был прав лишь отчасти: живой Распутин нужен был либеральной оппозиции только *до поры до времени* — пока шла подготовка к натиску на самодержавие. Но когда созданный антимонархической пропагандой образ Распутина выполнил свое предназначение, а к решительному штурму власти все, как казалось, было готово, Распутина нужно было ликвидировать. Но *сделать это было предпочтительно правыми руками*, чтобы удар по самодержавию был еще ощутимее — ведь устраняя Распутина, правый В. М. Пуришкевич, аристократ Ф. Ф. Юсупов и член императорской фамилии великий князь Дмитрий Павлович признавали приписываемое ему влияние и «правоту» оппозиции. Хорошо информированный контрразведчик, генерал Н. С. Батюшин справедливо по этому поводу замечал: «Сила этой пропаганды была настолько велика, что даже такой, казалось бы, столп правого крыла Государственной думы, как Пуришкевич, идет в заговор с одним из лидеров кадетской партии в Государственной думе Маклаковым²⁸⁴ для убийства Распутина, этого мавра, сделавшего уже свое дело, то есть в достаточной степени уже поколебавшего императорский трон в глазах почитавшего его русского народа. В интересах революционной пропаганды Распутин должен [был] быть убран не руками создавших его левых партий, а правыми деятелями, для чего в заговор приглашается даже член императорской фамилии, великий князь Дмитрий Павлович».²⁸⁵ «Отчего его (Распутина. — *А. И.*) не взорвали анархисты, а уничтожил Пуришкевич с Юсуповым и один из вел[иких] князей? — писал публицист И. И. Колышко в своих мемуарах. — Над этим тоже не задумывались. А между тем ключ к разгадке распутинской тайны, кажется, здесь. Подготовила убийство

²⁸⁴ Подробнее о роли В. А. Маклакова в убийстве Г. Е. Распутина см.: *Маклаков В.* Некоторые дополнения и уточнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутина // *Современные записки.* (Париж). 1928. Т. 34. Здесь же отметим лишь, что именно Маклаков, по его собственному признанию, настоял на том, чтобы убийство было совершено «патриотами», а не наемниками, пообещав в этом случае «предостеречь от ненужных ошибок». Он отклонил первоначальную идею вывезти труп в санитарном поезде Пуришкевича и оставить его в районе боевых действий, где никто не стал бы возиться с опознаванием убитого мужа. Между тем, подчеркивал Маклаков, смерть Распутина должна быть «поставлена вне всяких сомнений», так как необходимо, чтобы императрица твердо убедилась в смерти близкого ей человека. При этом сам кадетский лидер от прямого участия в этом преступлении увильнул, указав на то, что если среди убийц-«патриотов» окажется кадет, «это даст всему предприятию превратное освещение». «Я вовсе не отрицаю своей прикосновенности к этому делу; если бы дошло до суда, я подлежал бы уголовной ответственности, как пособник», — признавал Маклаков. (*Маклаков В.* Некоторые дополнения и уточнения... С. 253, 269.)

²⁸⁵ *Батюшин Н. С.* У истоков русской контрразведки. Сборник документов и материалов. М., 2002. С. 94.

Распутина российская демократия, совершила его аристократия. <...> Черносотенный Пуришкевич здесь опирался на радикала Маклакова, и обратно».²⁸⁶ Вторит ему в оценке заинтересованных в убийстве Распутина сил и такой известный сыщик, как А. Т. Васильев: «Можно вообразить, как обрадовало истинных инициаторов этого преступления, депутатов самого левого толка, то, что поступок, которого они так желали, совершил лидер правого крыла Думы».²⁸⁷

Таким образом, бывший лидер фракции правых, вне зависимости от мотивов, которыми он лично руководствовался, оказался втянутым в дело, выгодное оппозиции. А то обстоятельство, что несмотря на выход Пуришкевича из фракции правых, его имя продолжало ассоциироваться с правым крылом Думы, лишь усиливало значение случившегося.

К концу Первой мировой войны В. М. Пуришкевич, будучи человеком далеко не глупым, отчетливо видел, что страна революционизируется с немолимой скоростью, либеральная оппозиция набирает все больший политический вес, авторитет монархии умалается с каждым днем, царь и его министры не в состоянии остановить этот процесс, а на силу некогда влиятельных правых рассчитывать не приходится. Придя к убеждению, что после окончания войны «русская прогрессивная мысль возьмет верх над консервативной», что «либеральное течение будет главенствовать»,²⁸⁸ «реальный политик» Пуришкевич делал все, чтобы удержаться «на плаву». В 1916 г., обращаясь с думской кафедры к либералам, депутат предупреждал, что «в силу ложного представления о задачах и идеалах правых» послевоенная Дума «получит характер крайнего либерализма». «Вы, гг., — говорил Пуришкевич, обращаясь к либералам, — будете господами положения после кампании — этого скрывать незачем».²⁸⁹ И поэтому кто знает, не была ли причастность бывшего лидера думской фракции правых к этому громкому преступлению вовсе не попыткой «спасти» царя от Распутина, а участием в сложной многоходовой политической игре, затеянной оппозицией?²⁹⁰ Убийство Распутина, которое сам политик неоднократно называл

²⁸⁶ *Кольшко И. И.* Великий распад. С. 180.

²⁸⁷ *Васильев А. Т.* Охрана: русская секретная полиция. С. 427–428.

²⁸⁸ *Пуришкевич В. М.* Чего хочет Вильгельм II от России и Англии... С. 136–137.

²⁸⁹ Речи В. М. Пуришкевича в заседаниях Государственной думы 12 февраля и 21 марта 1916 года. С. 21–22.

²⁹⁰ Подробное раскрытие этой темы см.: *Иванов А. А.* 1) «Первый выстрел революции». В. М. Пуришкевич и свержение императора Николая II // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2010. С. 7–17; 2) Владимир Пуришкевич, опыт биографии правого политика. С. 254–302.

«первым выстрелом революции»,²⁹¹ стало сигналом к тому, что в России огненные «все дозволено».²⁹²

Между тем фракция правых накануне открытия сессии Думы в феврале 1917 г. пребывала в растерянности и унынии. Председатель фракции правых С. В. Левашев в интервью прессе констатировал: «Никакого плана у нас пока не имеется. Депутаты правой фракции почти все в разъезде...». Вместе с тем, пытался уверить общество правый политик, «нет никакого сомнения, что и в предстоящую сессию фракция правых будет выступать по-прежнему сплоченно». «Тот раскол, — говорил он, — который произошел в ней в связи с инцидентом „Марков 2-й — председатель Государственной думы“ — только формальный. Внутри фракция по-прежнему едины».²⁹³

Но на деле все обстояло для правых значительно хуже. Продолжавшие защищать верховную власть правые депутаты за последние три месяца работы Государственной думы представляли собой расколовшуюся, а по сути распавшуюся фракцию, которая никак себя не проявила. Можно предположить, что к началу 1917 г. около 20-ти правых депутатов как оставшихся во фракции, так и образовавших группу независимых правых вообще перестали посещать заседания Государственной думы.²⁹⁴ Так что фактически правая фракция «умерла» еще до роковых событий февраля 1917 г., когда Дума прекратила свое существование.

Работать в Думе продолжал лишь идейный костяк фракции (Н. Е. Марков, Г. Г. Замысловский, С. В. Левашев), не имевший, правда, уже никакого политического веса. В конце ноября 1916 — начале января 1917 г. стало очевидно, что дело правых проиграно. Уже перед событиями 1917 г. у крайне

²⁹¹ См.: ГАРФ. Ф. 6422. Оп. 1. Д. 6. Л. 40–40 об.; Архив ДРЗ. Альбомы А. И. Калугина „REGES“. 4 в. Л. 99; *Винберг Ф. В.* Крестный путь. С. 88; *Бернев С.* «Первая пуля Революции». Новое свидетельство об убийстве Распутина // Санкт-Петербургские ведомости. 1999. 6 февраля.

²⁹² Так, например, ходили упорные слухи, что Пуришкевич не остановился на устранении Распутина. Увидев, что акция не привела к желаемым результатам, он будто бы в январе 1917 г. готовился с группой единомышленников при помощи дворцового переворота «спасти Россию» от революции и позорного мира // *Буржуазия накануне революции.* М.; Л., 1927. С. 174.

²⁹³ Утро России. 1917. 9 февраля.

²⁹⁴ Предположение сделано на основе личных дел членов Гос. Думы IV созыва, которые были закрыты уже в конце 1916 г., т. е. до революционных событий февраля-марта 1917 г. См.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д.: 4, 69, 132, 162, 173, 290, 334, 434, 527, 528, 574, 631, 745, 751, 763, 888, 930, 935. Справочный листок Гос. Думы (IV созыв. V сессия) также свидетельствует о том, что многие правые депутаты в результате внутрифракционных трений, взяв отпуска, больше не вернулись к работе в Думе.

правых не было никаких шансов на победу, и опасения либералов относительно угрозы черносотенного отпора были совершенно беспочвенными. Правые, отличавшиеся более дальновидным взглядом на будущее, чем либералы, предчувствовали свое поражение. Н. Е. Марков, сопротивлявшийся грядущим переменам ожесточеннее всех, предупреждал октябристско-кадетские круги еще в 1912 г., что народ пойдет или с правыми, или с левыми, но не с либералами, ничего общего с народом не имеющими.²⁹⁵ «Будущее России или у вас, или у нас», — говорил он, обращаясь к левым.²⁹⁶ Член правой группы Государственного совета, академик А. И. Соболевский в одном из частных писем также замечал: «Наши либералы берут Царя за горло и говорят: „Отдавай власть нам“. Но сами по себе они ничтожны, и за ними никаких масс не стоит».²⁹⁷ Один из кадетских лидеров, В. А. Маклаков, признал в эмиграции в отличие от большинства своих товарищей, что «в своих предсказаниях правые оказались пророками». «Они предсказали, что либералы у власти будут лишь предтечами революции, сдадут ей свои позиции, — писал этот видный либеральный деятель. — Это был главный аргумент, почему они так упорно боролись против либерализма. И их предсказания подтвердились во всех мелочах: либералы получили из рук Государя его отречение, приняли от него назначение быть новой властью и менее чем через 24 часа сдали эту власть революции, убедили [великого князя] Михаила [Александровича] отречься, предпочли быть революционным, а не назначенным государем правительством. Правые не ошиблись и в том, что революционеры у власти не будут похожи на тех идеалистов, которыми их по традиции изображали русские либералы...».²⁹⁸

Причина такой дальновидности, прежде всего, заключалась в том, что правые депутаты, в большинстве своем помещики, священники и крестьяне, знали и понимали русский народ значительно лучше, в отличие от высокообразованных, по-европейски мыслящих, но далеких от народных масс либералов-интеллигентов.

1917 год ослабевшая и заметно поредевшая фракция правых встретила с глубоким унынием. Количество правых депутатов было ничтожным по сравнению с либеральными и умеренно-правыми кругами, составлявшими

²⁹⁵ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. СПб., 1912. Стб. 527.

²⁹⁶ Ганелин Р. Ш. Н. Е. Марков 2-й о своем пути от черносотенства к гитлеризму... С. 212.

²⁹⁷ Переписка правых... // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 128.

²⁹⁸ Двуглавый орел. (Париж). 1929. № 34. 30 ноября. (13 декабря). С. 27; Подробнее о предупреждениях правых см.: Иванов А. А. «В своих предсказаниях правые оказались пророками»... С. 13–20.

Прогрессивный блок. Многие из них заметно сдвинулись влево. Покинувший фракцию крестьянский депутат К. А. Тарасов на февральском заседании Думы уже не защищал интересы помещиков, призывая подвергнуть продрозверстке именно их, а не крестьян.²⁹⁹ Возможно, несколько пытался перестроиться в соответствии с новыми реалиями и Г. А. Щечков. Косвенным свидетельством тому могут быть воспоминания князя Н. Д. Жевахова, в которых он сообщает, что за две недели до февральских событий председатель Государственной думы М. В. Родзянко, С. И. Шидловский и др., в ожидании скорой победы над Германией пытались создать группировку с целью заблаговременного «устранения государя и взятия власти в свои руки», предприняли попытку привлечь к своему плану Г. А. Щечкова. Вряд ли бы они пошли на это, будь он по-прежнему сторонником крайне правых идей. Тем не менее, Щечков дал отрицательный ответ, заявив, что ему не по пути с изменниками.³⁰⁰ Штурм власти продолжался и нарастал, но оставшиеся на скамьях справа ничего не могли поделать.

Единственно возможной тактикой думских правых стало молчаливое сидение на думских скамьях, имеющее целью показать правительству, до чего может дойти не сдерживаемая правыми оппозиция, и, таким образом, заставить власть распустить «крамольную Думу». Оценивая создавшееся положение, опальный лидер правых Н. Е. Марков пришел к убеждению, что все попытки работать с Государственной думой IV созыва безнадежны. «Чем дольше она просуществует, — говорил он, — тем больше навредит и усилит в стране оппозиционное настроение», а потому «необходимо твердо, решительно и неуклонно довести дело успокоения страны до конца (т. е. до роспуска Думы. — *А. И.*) <...> в случае колебаний — революция неизбежна».³⁰¹

Несколько иначе мыслил председатель фракции С. В. Левашев. В отличие от прямолинейных кулуарных высказываний Маркова, в интервью прогрессистскому «Утру России» он выразил свою позицию в дипломатичной форме. На прямой вопрос, желают ли правые роспуска Думы, Левашев уклончиво отвечал, что «в настоящее время это было бы громадной ошибкой, скажу прямо — несчастьем для России», но тут же сделал существенную оговорку, что в «самом крайнем случае» он признает возможность разгона нижней палаты «как трагическую необходимость». Если верить

²⁹⁹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Пг., 1916. Стб. 1670.

³⁰⁰ Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. М., 1993. Т. 2. С. 86; Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 698.

³⁰¹ Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 5.

публичному заявлению Левашева, то ни оппозиционность думского большинства власти, ни резкую критику действий правительства, ни требования «кабинета общественного доверия» он не считал «фактом, оправдывающим роспуск Думы». Но, подчеркивал председатель фракции правых, «если Прогрессивный блок в своем стремлении захватить власть проявит явно непатриотическую деятельность, и Государственная дума станет мешать дальнейшему ведению войны, будет противоречить самим условиям войны — только при этих обстоятельствах я мыслю о ее роспуске».³⁰²

Не имея больше никакого веса, фракция правых, или точнее, то, что от нее осталось, приступила к молчаливому протесту против работы думского большинства и выступлений его членов. Марков инструктировал правых, что им больше не следует препятствовать левым ораторам «договариваться до геркулесовых столбов» и «играть роль вороньего пугала», что бы ни говорилось в речах оппозиционеров.³⁰³

И действительно, когда 15 февраля 1917 г. депутат А. Ф. Керенский поносил «распутинское самодержавие», «систему безответственного деспотизма», говорил о концентрации у власти «всех подонков общественности» и призывал к уничтожению «средневекового режима», выступая за террор и оправдание «тираноубийства», правые никак не отреагировали на это выступление.³⁰⁴ Такая же ситуация повторилась и при выступлении националиста В. В. Шульгина, определившего царя как противника всего того, «что как воздух необходимо стране». «Правые молчат, — писал 18 февраля 1917 г. член кадетской партии, депутат В. В. Лашкевич в частном письме, — Правда, я разглядел, что им приказано молчать: у них уже написаны свои рецепты. Один из них проболтался мне, что самый страшный и действенный рецепт: „Царь и народ“. Верьте, голубчики, и не заметите, как и без царя и без народа будете».³⁰⁵

Правые депутаты отдавали себе полный отчет в том, к чему ведут подобные думские речи, к чему клонит оппозиция, но некоторые из них переоценивали свои силы в борьбе со стоявшей на пороге революцией. «Что шумят?! — писал в частном письме правый депутат, священник В. И. Лендовский (будущий епископ Пензенский и Саранский Борис) об оппозиции. —

³⁰² Утро России. 1917. 9 февраля.

³⁰³ Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 17; Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 годах / Публ. Ю. И. Кирьянова // Вопросы истории. 1996. № 10. С. 122.

³⁰⁴ Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 17.

³⁰⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 81; Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 годах // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 123.

Пусть шумят. Т. е. в общем — пасмурно. Но опасаться крайностей — не след[ует]. Попытаются повторить 1905–06 гг., но и только. Меры приняты».³⁰⁶

Впрочем, далеко не все правые депутаты были настроены столь оптимистично. Как вспоминал генерал А. И. Спиридович, в февральские дни 1917 г., находясь в гостях у одного своего приятеля, он стал свидетелем выступления одного из правых думцев, «боевого монархиста, любившего государя». «Идем к развязке, — говорил он, — все порицают государя. Люди, носящие придворные мундиры, призывают к революции. Правительства нет. Голицын (имеется в виду председатель Совета министров князь Н. Д. Голицын. — *А. И.*) — красивая руина, Протопопов — пац. <...> Все уверены, что он задумал добиться сепаратного мира. Все верят, что этого хочет императрица. Верят и за это ее ненавидят. Ненавидят как сторонницу Германии. Я лично знаю, что это вздор, неправда, клевета, я-то этому не верю, а все верят! Чем ниже член Думы по своему социальному положению, тем он больше в это верит <...> С царицы антипатия переносится и на государя. Его перестали любить. Его уже не любят! <...> И все хотят его ухода, хотят перемены. А то, что государь хороший, верующий, религиозный человек, прекрасный отец и примерный семьянин, — это уже никого не интересует. Все хотят другого монарха. И если что случится, вы увидите, что государя никто не поддержит, за него никто не вступится».³⁰⁷ Как показало дальнейшее развитие событий, все именно так и произошло, как предсказывал за несколько дней до начала «великой и бескровной» революции этот правый депутат.

Февральские заседания Государственной думы ознаменовались лишь выступлениями С. В. Левашева и Г. Г. Замысловского. Правые ораторы в очередной раз указывали на угрожающую ситуацию в стране, призывая оппозицию одуматься и совместно с правительством немедленно приступить к установлению должности диктатора во избежание революционных катаклизмов.³⁰⁸ Однако речи правых не оказали на подавляющее большинство депутатов абсолютно никакого воздействия.

Оппозиционные газеты, в свою очередь, внесли лепту в то, чтобы в обществе сложилось вполне определенное представление о речах думских правых. Так, выступление председателя фракции правых С. В. Левашева, состоявшееся 15 февраля 1917 г., в котором правый политик предпринял

³⁰⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 191 б, 196.

³⁰⁷ *Спиридович А. И.* Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск, 2004. С. 500–501.

³⁰⁸ См.: Земщина. 1917. 17–18 февраля; *Кирьянов Ю. И.* Правые партии... С. 376.

последнюю попытку воззвать к благоразумию думского большинства, призывая его прекратить борьбу с властью и заняться борьбой с дороговизной, было подано газетами весьма предвзято. Даже умеренное «Новое время» давало отчет об этой речи в таких тонах: «...Странно было слушать, когда представитель крайней правой Левашев в своей плохо составленной из газетных вырезок речи, монотонным и безжизненным голосом в сотый раз повторял упорную мысль кучки отколовшихся от общества реакционеров о том, будто думские речи, парламентская борьба и борьба всех, кто поддерживает законодательные палаты, — объявляются только политическими счетами и жаждой власти. Левашев забывал, что бремя власти сейчас слишком тяжело и ответственность слишком велика».³⁰⁹ Вся палитра красок, использованная для написания этого газетного отчета, была явно предназначена не для информирования читателя о позиции правого деятеля, а о создании у него нужного для оппозиции отношения к «презренным правым». И хотя в обвинениях либералов в их стремлении перехватить власть в свои руки прав оказался Левашев, а отнюдь не популярное «Новое время», информационная победа в очередной раз была одержана оппозиционным лагерем.

Исключенный Думой на 15 заседаний Н. Е. Марков первый раз появился в депутатской среде 5 февраля 1917 г. на заседании Особого совещания по обороне, где резко выступил против оппозиции. «Вы должны прийти с покаянной и повинной, вместо того, чтобы требовать ответа у власти», — передавало слова правого депутата «Утро России».³¹⁰ Но на объявленного *persona non grata* Маркова не обращали внимание. Единственный, кто из представителей оппозиции подал лидеру правых руку и приятельски с ним беседовал, был «центрист» П. Н. Крупенский, который, как выяснилось позже, сотрудничал с Департаментом полиции.

21 февраля, после трехмесячного отлучения, Н. Е. Марков впервые появился на заседании Государственной думы. Как отмечал Департамент полиции, Марков пребывал в самом бодром, уверенном и спокойном настроении, готовый выдержать борьбу со своими противниками. Он твердо решил, «не останавливаясь ни перед чем», в самом ближайшем времени высказаться с трибуны Государственной думы обо всем наболевшем.³¹¹ 23 февраля он подал председателю Думы М. В. Родзянко записку, в которой просил предоставить ему слово. Однако начавшаяся революция лишила его такой возможности.

³⁰⁹ Новое время. 1917. 16 февраля (1 марта).

³¹⁰ Утро России. 1917. 7 февраля.

³¹¹ Переписка правых... // Вопросы истории. 1996. № 10. С. 124.

«...В 4-й Гос. Думе, по огорчившему меня [сообщению] Г. Г. З[амысловского] и Н. Е. М[аркова], правые теперь не имеют никакого значения, тогда как в 3-й они занимали несколько иное положение», — сетовал члену правой группы Государственного совета, князю А. А. Ширинскому-Шихматову председатель фракции правых III Государственной думы, профессор А. С. Вязигин.³¹²

Потерпев полное поражение в Думе, лидеры правой фракции, как сообщало «Вечернее время», ссылаясь на свой источник в Государственном совете, перебросили свои силы и энергию на усиление работы с правой группой верхней палаты.³¹³ В сложившейся ситуации это было вполне разумно, так как положение правой группы Государственного совета было принципиально иным. На фоне распада правой фракции Государственной думы она, напротив, численно заметно усилилась и попыталась взять реванш. Как справедливо замечает А. П. Бородин, «к концу 1916 г. необходимость укрепления правого крыла Гос. совета и назначения его председателем правого становится очевидной для Николая II в связи с опасным для трона усилением Прогрессивного блока», тем более, что «в этом направлении его подталкивали все настойчивее и лидеры правой группы Гос. совета, и вожди монархических организаций, и правые члены правительства...».³¹⁴ Еще 26 ноября 1916 г. А. Ф. Трепов представил царю записку, в которой, обращая внимание монарха на то, что «сочувственно отнеслась к правительственной декларации одна лишь правая группа», сетовал на то, что в результате ряда причин консервативный фланг верхней палаты заметно поредел и нуждается в усилении.³¹⁵

В 1917 г. один из лидеров правой группы Государственного совета И. Г. Щегловитов показывал, что император вызвал его к себе 23 декабря 1916 г., и, сославшись на то, что его рекомендовал ему председатель Совета министров А. Ф. Трепов, предложил встать во главе верхней палаты законодательных учреждений. Напомним, что вопрос о возможном назначении И. Г. Щегловитова председателем Госсовета поднимался еще в 1915 г. Его кандидатура также обсуждалась в конце 1916 г. при выборе нового председателя Совета министров после отставки Б. В. Штюрмера, но выбор императора остановился на другом члене правой группы Государственного

³¹² Правые в 1915 — феврале 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам... С. 215.

³¹³ Вечернее время. 1916. 28 ноября (11 декабря).

³¹⁴ Бородин А. П. Государственный совет России. С. 162.

³¹⁵ Там же.

совета — А. Ф. Трепове.³¹⁶ Рекомендовала царю поставить Щегловитова во главе Государственного совета и императрица Александра Федоровна. 15 декабря 1916 г. она писала супругу: «Назначь решительного (сурового) Щегл[овитова]. Он подходящий человек для этого места, он не допустит беспорядков и глупостей».³¹⁷ Ту же просьбу царица повторила и на следующий день: «...Поскорее назначь Щегловитова. Он подходящий человек, и на этом месте будет стоять за нас и не допустит скандалов».³¹⁸ По оценке царицы, Щегловитов был «очень умный человек», но вместе с тем она отмечала и его недостаток — «он резок».³¹⁹

На возражения Щегловитова, что ему как председателю крайне правого крыла будет трудно руководить заседаниями верхней палаты ввиду того, что правая группа не пользуется сочувствием большинства Гос. Совета, император Николай II заверил его, что правая группа будет усилена.³²⁰ В качестве рекомендации император посоветовал Щегловитову следовать в новой должности политическим курсом предвоенного председателя Государственного совета М. Г. Акимова.³²¹

Вопрос о желательности усиления консервативного крыла Государственного совета впервые был поднят С. Д. Шереметевым 13 декабря 1915 г. в беседе с И. Л. Горемыкиным, причем граф «пустил в ход слово „чистка“ Государственного совета».³²² 17 марта 1916 г. под влиянием общения с другим членом правой группы, Н. А. Маклаковым, об этом же заговорила императрица. «Нельзя ли быть более осторожным при назначении членов Государственного совета? — писала она императору. — Макл[аков] говорит, что многие преданные люди огорчены, что правительство сажает туда

³¹⁶ *Флоринский М. Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. С. 59.

³¹⁷ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 193.

³¹⁸ Там же. С. 199–200.

³¹⁹ Там же. С. 142.

³²⁰ Падение царского режима... Т. 2. С. 425.

³²¹ Там же. С. 426. М. Г. Акимов (1847–1914), являясь председателем Государственного совета (1907–1914), принадлежал к правой группе верхней палаты, активно поддерживал постановления консервативного характера, добивался подчинения Гос. Совету воле монарха и постоянно консультировался с императором относительно направления работы Совета (*Шилов Д. Н., Демин В. А.* Акимов Михаил Григорьевич // Государственный совет Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия. С. 7). Современники причисляли Акимова к сторонникам П. Н. Дурново, с которым председателя Государственного совета связывали не только общность политического мировоззрения, но и родственные отношения (Дурново был женат на сестре Акимова).

³²² *Бородин А. П.* Правая группа Государственного совета... С. 61.

тех, кого не одобряет (т. е. использует Госсовет как средство почетной отставки. — *А. И.*) <...> Там необходимы хорошие люди, а не кто попало <...> Государственный совет должен быть лояльно правым». ³²³ Но никаких мер в этом направлении со стороны царя тогда не последовало.

9 октября 1916 г. премьер Б. В. Штюрмер также предложил царю усилить правый спектр верхней палаты, предложив заменить председательствовавшего А. Н. Куломзина С. В. Рухловым или И. Г. Щегловитовым, причем император Николай II согласился с тем, что оба кандидата вполне подходят для этой должности. ³²⁴ За усиление правой группы верхней палаты также высказывался глава МВД А. Д. Протопопов. ³²⁵ Говорили, что за усиление правого фланга незадолго до своей трагической гибели был и Г. Е. Распутин, хотя и относился к этой мере скептически, заявляя, по свидетельству И. Ф. Манасевича-Мануйлова, что «правые тоже дураки», и «все равно они ничего не сделают». ³²⁶

К формированию списка новых членов Государственного совета, которыми император планировал заменить в январе 1917 г. оппозиционно настроенных членов верхней палаты из числа назначенцев, был привлечен И. Г. Щегловитов. Как показывал Щегловитов, правая группа «еще задолго до 1 января не раз останавливалась на этом вопросе, и выработывался список тех лиц, которых правая группа желала бы видеть в своей среде как членов Государственного совета». ³²⁷ Известно три таких списка: созданный в ультраправом кружке А. А. Римского-Корсакова, в котором в качестве желательных кандидатов назывались имена лидеров думской правой Н. Е. Маркова и Г. Г. Замысловского; составленный Н. А. Маклаковым, желавшим видеть в Совете таких людей, как К. Н. Пасхалов, С. П. Белецкий и С. А. Куколь-Яснопольский; составленный И. Г. Щегловитовым, ³²⁸ в котором, видимо, помимо прочих называлась и фамилия председателя фракции правых III Государственной думы А. С. Вязигина. ³²⁹ Последний список был передан Щегловитовым А. Ф. Трепову. Впрочем, император,

³²³ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4. С. 159.

³²⁴ Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи... С. 351–352.

³²⁵ Падение царского режима... Т. 2. С. 284.

³²⁶ Там же. С. 57.

³²⁷ Там же. С. 427.

³²⁸ Бородин А. П. Государственный совет России. С. 163.

³²⁹ Как сообщал сам А. С. Вязигин князю А. А. Ширинскому-Шихматову, И. Г. Щегловитов говорил ему о желании «содействовать осуществлению давнего и единодушного желания правой группы» видеть бывшего лидера думских правых в своих рядах. (Правые в 1915 — феврале 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам. С. 215).

ознакомившись с пожеланиями правых, распорядился по-своему. Как отмечал Щегловитов, в списке, подготовленном царем, оказались не все фамилии из представленных правыми.

Несмотря на то, что современники событий, а вслед за ними и советские историки нередко трактовали меры по усилению правого крыла в верхней палате как «настоящий разгром» оппозиции,³³⁰ историками А. П. Бородиным,³³¹ С. В. Куликовым³³² и А. Н. Мичуриным³³³ было убедительно доказано, что чистка, проведенная императором в Государственном совете, носила довольно мягкий характер и отнюдь не была свидетельством радикального реакционного поворота. Царь вычеркнул из состава назначенных к присутствию 18 членов Совета, из которых 10 были приверженцами Прогрессивного блока, 5 принадлежали правой группе, 2 было беспартийными и один — «подвисший» Б. В. Штюрмер, которого после провального завершения премьерства правые отказались принимать в свою группу.³³⁴ При этом, если удаленные правые были либо людьми неспособными к активной деятельности в Совете в силу своего преклонного возраста³³⁵ или имеющих должностей, то это во многом касалось и «зачищенных» сторонников блока.³³⁶ Так, среди вычеркнутых из списков оказалось несколько довольно престарелых сановников-либералов,³³⁷ но при этом «репрессия» не коснулась наиболее активных и «молодых» деятелей либеральной оппозиции, таких, как С. С. Манухин, А. С. Ермолов, А. Ф. Кони, а также братьев Александра и Алексея Оболенских и Н. С. Таганцева. Последний, заслуживший от правой группы за свою активную оппозиционную деятельность прозвище «Поганцев»³³⁸ и считавший «чистку» верхней палаты «политической

³³⁰ ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 122.

³³¹ Бородин А. П. Государственный совет России. С. 163–165.

³³² Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи... С. 345–358.

³³³ Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете... С. 276–277.

³³⁴ Куликов С. В. Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 — февраль 1917) // Из глубины времен. СПб., 1997. Вып. 9. С. 4–5, 17–18.

³³⁵ Среди них: засыпавший на заседаниях И. А. Зиновьев и пропускавший заседания С. А. Воеводский. По свидетельству С. Е. Крыжановского, как «стариков неходящих», планировалось также вычеркнуть из списков присутствующих членов Госсовета таких столпов правой группы как И. Л. Горемыкин и граф С. Д. Шереметев, но в конце концов это было признано «неудобным» (Падение царского режима... Т. 5. С. 437–438).

³³⁶ Подробнее см.: Бородин А. П. Государственный совет России. С. 164.

³³⁷ Среди них: 79-летний В. И. Герье, 75-летние Н. П. Балашев, Н. А. Зиновьев (к тому же ослепший и практически сразу же после увольнения умерший), Э. Ф. Гойнинген-Гюне.

³³⁸ См.: Бородин А. П. Государственный совет России. С. 348.

махинацией», сам недоумевал, почему И. Г. Щегловитов не настоял на его удалении из Совета, хотя еще при М. Г. Акимове вопрос об этом поднимался дважды.³³⁹ Но в данном случае все объяснялось личным фактором: Щегловитов признавался, что у него не поднялась рука на своего учителя, которого он будет отстаивать, несмотря на разность политических взглядов.³⁴⁰ А. Н. Мичурин в своей работе трактует это решение И. Г. Щегловитова как «мягкость и уступчивость»,³⁴¹ но, пожалуй, в данном случае уместнее было бы говорить об элементарной порядочности. Сам же Таганцев спустя два года назовет И. Г. Щегловитова «одним из главных виновников падения династии Романовых».³⁴²

По обоснованному мнению А. П. Бородина, умеренный характер «чистки» наводит на мысль о стремлении императора не допустить подавляющего преобладания правых в Совете.³⁴³ Об этом же пишет и С. В. Куликов, из подсчетов которого видно, что собственно из-за оппозиционности в результате «чистки» пострадало не более 7 из 18 сановников.³⁴⁴ По его мнению, «„чистка“ стала акцией, направленной не против Прогрессивного блока вообще, а против его доминирования в верхней палате». А то обстоятельство, что чаяния правых удовлетворены этой «половинчатой» мерой не были, отмечает С. В. Куликов, свидетельствовало «не о поправении правительственного курса, а о том, что Николай по-прежнему хотел компромисса с оппозицией».³⁴⁵ Соглашаясь в целом с этой оценкой, от себя лишь добавим: мера, предпринятая императором, судя по всему, имела главной своей целью стабилизировать состав Государственного совета и «подморозить» его растущую оппозиционность до победоносного окончания войны. В условиях же победы русского оружия (в которую в верхах, несомненно, верили), политическая ситуация должна была бы измениться в более благоприятную для власти сторону.

Из назначенных императором 18 новых членов Государственного совета все имели репутацию правых деятелей. Как язвительно писал в связи с этим

³³⁹ Таганцев Н. С. Пережитое. Пг., 1919. С. 19.

³⁴⁰ Падение царского режима... Т. 5. С. 439.

³⁴¹ Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете... С. 278.

³⁴² Таганцев Н. С. Пережитое. С. 19.

³⁴³ Бородин А. П. Государственный совет России. С. 164.

³⁴⁴ Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи... С. 353.

³⁴⁵ Там же. С. 354. На это же обстоятельство обращает внимание и А. Н. Мичурин, который справедливо указывает на то, что вновь назначенные 18 членов верхней палаты, имевшие репутацию правых, повлиять на ситуацию, по большому счету, не могли, учитывая, что при голосовании по вопросу о «министерстве доверия» было подано 94 голоса «за» и лишь 34 «против». (Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете... С. 277).

Н. С. Таганцев, из вновь назначенных членов «многие имели только одну заслугу, что они обещали быть правыми».³⁴⁶ Но последняя ремарка скорее выдает раздражение ее автора случившимися перестановками, нежели претендует на объективность. Среди новых правых членов верхней палаты были первый председатель Всероссийского Филаретовского общества народного образования сенатор Л. А. Георгиевский, бывший товарищ министра внутренних дел, государственный секретарь С. Е. Крыжановский, сын консервативного министра внутренних дел, помощник главного начальника Петроградского военного округа по гражданской части сенатор Н. В. Плеве, председатель Союза русских людей академик А. И. Соболевский, сенатор М. А. Таубе, бывший прокурор Киевской судебной палаты, под непосредственным руководством которого велось дело М. Бейлиса, сенатор Г. Г. Чаплинский и др. Самыми «левыми» из назначенных в январе 1917 г. императором членов Государственного совета оказались сенаторы Н. А. Чебышев и Б. М. Якунчиков,³⁴⁷ вошедшие в группу правого центра, однако вскоре они присоединились к правой группе.

Одновременно с новыми назначениями император изволил отметить очередными наградами видных членов правой группы (хотя, заметим, что среди награжденных были и лица, принадлежащие к другим группам Госсовета). Так, 1 января 1917 г. А. А. Макарову было пожаловано звание действительного тайного советника, П. П. Кобылинский и А. С. Стишинский удостоились знаков ордена св. Александра Невского с бриллиантовыми украшениями, И. Г. Щегловитов и князь А. А. Ширинский-Шихматов получили ордена св. Александра Невского, Н. С. Крашенинников получил орден белого Орла, Н. А. Маклаков и Н. П. Муратов — ордена св. Владимира II степени.³⁴⁸

Как замечало «Вечернее время», назначение императором членами верхней палаты перечисленных лиц «является указанием для членов Госсовета по назначению, в каком направлении должна течь их деятельность». «Верхняя палата, — сетовало далее издание, — вновь возвращается к тому соотношению групп, которое существовало при председательстве М. Г. Акимова, когда Г. Совет играл роль законодательной пробки и тормоза».³⁴⁹ Вторило «Вечернему времени» и «Утро России», отмечавшее, что появление в составе правой группы Государственного совета таких лиц, как «член

³⁴⁶ Таганцев Н. С. Пережитое. С. 18.

³⁴⁷ См.: Государственный совет Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия. С. 183, 310, 337.

³⁴⁸ РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. Д. 6. Л. 213–215.

³⁴⁹ Вечернее время. 1917. 1 (14) января.

Союза русского народа академик Соболевский, официально выставившийся кандидатом в члены Государственной думы от петроградских союзников», служит «лучшим подтверждением того, что ломка преследовала вполне определенную цель».³⁵⁰ Но, как было показано выше, цель эта заключалась не в превращении верхней палаты в «вотчину» правых, о чем писали оппозиционные издания, а в стремлении императора сбалансировать его состав, не допустив в нем верховенства прогрессивных членов Совета.

В результате «чистки» численность правой группы в Государственном совете выросла с 58 до 70 (по другим данным — 71) человек, а ее удельный вес достиг 57% от общего числа членов, что могло дать правой группе в союзе с правым центром и внепартийными членами верхней палаты, не вошедшими в Прогрессивный блок, преобладание в общем собрании палаты. По подсчетам «Утра России», правые, правый центр и консервативно настроенные министры могли дать 102 голоса, в то время как принадлежащие к Прогрессивному блоку левая группа (20 человек), центр (51 человек) и 15 членов кружка внепартийного объединения могли противопоставить консерваторам только 86 голосов.³⁵¹ «Благодаря этим назначениям и удалению целого ряда членов Совета, принадлежавших к оппозиционным группам, — резюмировало издание, — в Государственном совете теперь образуется явное большинство правого крыла».³⁵² Однако это утверждение не совсем верно. Правые, действительно, могли бы получить большинство в Совете, но при одном условии, которое оппозиционные издания преподносили как уже случившееся — объединения с другими умеренно-консервативными группами, которое нужно было еще достичь, что, учитывая предшествующие провальные попытки по созданию Консервативного блока, было не так-то просто. Пока же речь шла лишь о некотором преобладании консервативно настроенных «лордов».

В итоге выходила следующая картина. Председателем Государственного совета был назначен видный правый деятель И. Г. Щегловитов, «человек умный, большого опыта, железной воли, которого недолюбливали левые круги и евреи»,³⁵³ вице-председателем — член группы правого центра

³⁵⁰ Утро России. 1917. 2 января.

³⁵¹ Там же. 1 января. По подсчетам А. Н. Мичурина — «прогрессивные группы» могли дать 88 голосов (Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете... С. 280).

³⁵² Утро России. 1917. 1 января.

³⁵³ Спиродович А. И. Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск, 2004. С. 448. «Он был „Ванькой Каином“ для левых, надеждой для правых», — отмечал Спиродович (там же).

В. Ф. Дейтрих. Одновременно, 26 декабря 1916 г., председателем Совета министров был назначен член правой группы Государственного совета, князь Н. Д. Голицын, пользовавшийся личным доверием царской семьи.³⁵⁴ Как замечало «Утро России», назначение Н. Д. Голицына, одного из старейших членов Русского собрания, на премьерскую должность было встречено правыми хорошо.³⁵⁵ Порадовал их и выбор императором нового министра народного просвещения — Н. К. Кульчицкого, «реакционера-черносотенца»³⁵⁶ и «личного друга С. В. Левашева».³⁵⁷ С назначением Н. Д. Голицына и чисткой Государственного совета, отмечал А. Д. Протопопов, «руководство политикой перешло в еще более правый круг». «Царь это понимал, — указывал бывший глава МВД, — и делал это сознательно. Голицын опирался на правую группу Гос. совета (Маклаков, Стишинский и др.). Трепов (предшественник Н. Д. Голицына на посту председателя Совета министров. — А. И.), награжденный портретом бывшего царя при своем отпуске, сохранил за собою особые доклады и влияние на министерство путей сообщения. Он являлся лидером правой группы Государственного совета. Меня поддерживали правые и нейдгартовцы. Эти группы давали перевес правому крылу».³⁵⁸

У правых Государственного совета, отмечали газеты, наблюдалось большое оживление, вызванное надеждой, что они снова стали хозяевами положения в верхней палате. «Назначение прямолинейного князя Н. Д. Голицына председателем Совета министров, серьезные перемены в составе Государственного совета, замена г. Куломзина таким мужественным человеком, как И. Г. Щегловитов <...> — служит порукой, что правительство не намерено продолжать прежних колебаний и решилось выполнять волю и предначертания державного вождя», — писала 1 января 1917 г. «Зем-

³⁵⁴ Как отмечает М. Ф. Флоринский, после отставки с поста председателя Совета министров А. Ф. Трепова, в качестве кандидатов на эту должность называли Н. А. Маклакова и И. Г. Щегловитова, которые казались способными справиться с надвигавшейся революцией и обуздать либеральную оппозицию. Но выбор монарха пал на князя Н. Д. Голицына, помощника императрицы Александры Федоровны по Комитету помощи военнопленным. (Флоринский М. Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. С. 61–62). «Мой милый, старый князь Голицын», — такими словами отзывалась о нем Александра Федоровна (Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 168).

³⁵⁵ Утро России. 1916. 29 декабря.

³⁵⁶ Лопухин В. Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. С. 285.

³⁵⁷ Утро России. 1916. 29 декабря.

³⁵⁸ Падение царского режима... Т. 4. С. 26.

щина».³⁵⁹ Оживились и правые деятели на местах, у которых на короткое время возродились надежды на возможность коренного перелома. Но при этом они не расслаблялись в благодушном умиротворении, а указывали на крайнюю ответственность наступившего момента. Так, видный одесский черносотенец Н. Н. Родзевич писал 5 января 1917 г. И. Г. Щегловитову: «Никогда так пламенно не желал я успехов в нашей внешней и внутренней политике, как именно теперь, когда к власти призваны правые. Ведь теперь неудачный шаг может окончательно погубить правое дело и в глазах царя, и в глазах населения».³⁶⁰ «Теперь, когда в ряды правительства и Гос. Совета призваны люди совершенно определенного направления, — писал К. Н. Пасхалов С. В. Левашеву, — наступил благоприятный момент для поражения „пораженческой“ „общественности“ и организации настоящей русской. Но для этого надо развить и кипучую деятельность при полном содействии правительства и, главное, власти».³⁶¹ Были, впрочем, и более пессимистичные прогнозы. Член правой группы, архиепископ Серафим (Чичагов) в частном письме отмечал: «Сколько перемен у нас в Совете. <...> Правые будут торжествовать пополнением рядов, но вряд ли от этого будет толк».³⁶² «Сейчас, как вы знаете, руль переложен направо, — писал в свою очередь Н. П. Муратов. — Но только что это сделали, как сейчас же и отступление».³⁶³

Либералов же охватила тревога за свое будущее. «Главной основой для тревог является ослабление Прогрессивного блока в Государственном совете и лишение его руководящей и решающей роли», — сетовал рупор прогрессистов.³⁶⁴ На это же указывали и лидеры думской оппозиции, отмечавшие, что положение их после чистки Государственного совета «исключительно тяжелое». «До сих пор сплоченное думское большинство могло проводить свои решения в твердой уверенности, что в верхней палате оно найдет поддержку. Теперь все начинания блока Государственной думы обречены на безусловное поражение в Государственном совете», — писало «Утро России».³⁶⁵ Назначение же И. Г. Щегловитова председателем верхней палаты воспринималось либеральным лагерем как «самое твердое

³⁵⁹ Цит. по: *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. С. 228.

³⁶⁰ Правые в 1915 — феврале 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам... С. 212.

³⁶¹ Там же.

³⁶² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1068. Л. 4.

³⁶³ Там же. Л. 6.

³⁶⁴ Утро России. 1917. 2 января.

³⁶⁵ Там же.

решение правительства, что оно будет держаться определенно реакционного курса».³⁶⁶ Это обстоятельство сразу же породило газетные слухи о том, что новая должность Щегловитова — это ступенька к скорому назначению его председателем Совета министров. Впрочем, прогрессивные газеты также прочили в премьеры и других видных членов правой группы Государственного совета — «заслуженного бюрократа, <...> одного из вождей крайней правой партии»³⁶⁷ князя А. А. Ширинского-Шихматова и графа А. А. Бобринского.

«Правый прорыв» в Государственном совете вновь оживил разговоры об объединении всех консервативных сил законодательных учреждений в «Черный блок». Так, «Утро России» просвещало своих читателей, что переговоры в правой среде уже вовсю идут, «организация, по всей вероятности, будет носить название консервативного блока», а в ее состав войдут представители охранительных групп Думы и Совета, хотя на практике действовать этот блок будет в тесном взаимодействии с обновленным и тоже достаточно консервативным кабинетом.³⁶⁸ И хотя переговоры эти, действительно, велись, результата они никакого не дали, что стало ясно уже 5 января 1917 г. На заседании правой группы Государственного совета вопрос о создании консервативного блока был вынесен на повестку дня, но, как пришлось констатировать членам группы, правый блок состояться не мог, т. к. «нейдгартовцы» не обнаруживали никакого желания вступать в соглашение с крайне правыми. Группа правого центра, осознав, что теперь только от нее зависит сильное большинство, выразила нежелание отдавать его правым, предпочтя сохранить свою независимость, не выказывая предпочтения ни правым, ни левым.³⁶⁹ «Это решение, — отмечало „Новое время“, — предотвратило создание правого блока, о котором так много говорилось».³⁷⁰

Объединение же только правых групп Думы и Совета было признано консервативным крылом законодательных учреждений неудобным.³⁷¹ В итоге вместо создания сплоченного «Черного блока», появления которого опасалась

³⁶⁶ Утро России. 1917. 2 января.

³⁶⁷ Архив ДРЗ. Ф. 1. Д. М-76 (1). Л. 187.

³⁶⁸ Новое время. 1917. 4 (17) января; Утро России. 1917. 5 января.

³⁶⁹ Новое время. 1917. 24 января (6 февраля).

³⁷⁰ Там же. 25 января (7 февраля).

³⁷¹ В связи с этим нельзя не признать ошибочным мнение о реальном существовании «Черного блока» как «объединения депутатов Государственной думы и членов Государственного совета, стоявших на платформе СРН» (Сергин А. В. Монархические организации русской эмиграции в Европе в 1919–1933 годах. Структура. Идеология. Деятельность: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 14–15).

оппозиция, на свет появилось лишь скромное решение о координации действий с группой правого центра, что по сути ничего не меняло.³⁷² «До смешного странной является мелькавшая одно время на газетных страницах мысль о „черном блоке“, — замечал в связи с этим публицист К. Арсеньев. — Всякий блок предполагает союз более или менее разнородных партий — союз временный, заключаемый для достижения определенных целей. Правые Госуд. Думы и Госуд. Совета действовали и действуют солидарно, как носители одних и тех же взглядов, одних и тех же стремлений; для чего вступать им между собою в блок?»³⁷³ Отмечая далее, что если на националистов-балашевцев думские правые еще имеют право строить какие-то планы, Арсеньев справедливо заявлял, что «на сколько-нибудь прочное единение с правым центром Госуд. Совета ультраправые после ноябрьского голосования (в ходе которого большинство верхней палаты осудило влияние „темных сил“ и высказалось в поддержку „правительства доверия“. — *А. И.*), рассчитывать едва ли могут». «Толки о „черном блоке“ привели к тому, что еще яснее и ярче обрисовалась изолированность крайних правых», — заключал либеральный публицист, язвительно замечая, что кроме как с новым составом правительства правым заключать блок не с кем.³⁷⁴

Тревогу либералов вызывала и доходившая до них информация о подготовке крайне правыми Всероссийского монархического съезда в Петрограде, намечавшегося на конец февраля 1917 г., на котором, помимо прочего, планировалось примирение разрозненных монархических организаций. «Мы не можем молчать, когда забывшие присягу сановники, попавшие милостью царской в Государственный совет, крамольные бояре на дворянском съезде и жаждущие дорваться до власти депутаты Государственной думы, бесчестно надеясь на свою безнаказанность, замышляют революционные акты. Мы не можем молчать, ибо нас тогда могут причислить к тем, кто, подобно Пуришкевичу, изменил своим взглядам», — заявлял в дни подготовки съезда Н. Е. Марков.³⁷⁵ Совещание по подготовке съезда состоялось

³⁷² Утро России. 1917. 6 января.

³⁷³ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1917. № 1. С. 333.

³⁷⁴ Там же.

³⁷⁵ Утро России. 1917. 9 февраля; Новое время. 1917. 10 (23) февраля. В. М. Пуришкевич, задетый выпадом против него Н. Е. Маркова, поспешил отметить, что причисление указанных Марковым лиц к крамольникам — «злонамеренная провокация». Заявив, что возглавляемая им Главная палата РНСМА не признает за Марковым и его сторонниками «права на монополичный патриотизм», Пуришкевич категорически запретил членам своей организации участвовать в подготовке и работе намечавшегося съезда, предупредив, что всякий отдел РНСМА, который откликнется на призыв Н. Е. Маркова

на рождественских праздниках под руководством председателя думской фракции правых С. В. Левашева с участием Н. Е. Маркова, А. И. Дубровина, А. А. Римского-Корсакова и др.³⁷⁶ Председателем будущего съезда (который, впрочем, так и не был разрешен правительством) правые намечали Н. А. Маклакова (сам он от этой чести отказывался).³⁷⁷

Весь этот комплекс мер — создание правого большинства в Государственном совете, назначение председателя верхней палаты и председателя Совета министров из числа членов правой группы Совета, оживление деятельности правых на местах, подготовка манифеста о роспуске Думы — порождало разговоры о готовящемся властью государственным перевороте на манер третьейиюньского, призванном изменить существующую политическую систему вплоть до низведения Государственной думы до статуса законосовещательной.

Эта точка зрения также нашла свое отражение в историографии. Так, исследователь черносотенного движения А. Д. Степанов в очерке, посвященном И. Г. Щегловитову, пишет: «В конце 1916 года государь начал осуществлять, видимо, давно продуманный им план государственных преобразований, призванный восстановить неограниченное самодержавие. Ключевым пунктом этого плана являлось изменение Основных законов Российской империи. Оно было невозможно без полной лояльности Государственного совета».³⁷⁸ Подготовку Н. А. Маклаковым манифеста о роспуске Государственной думы историк И. В. Алексеева также трактует как подготовку «правого государственного переворота».³⁷⁹

принять участие во Всероссийском монархическом съезде, будет им закрыт, а знамена его будут конфискованы (Утро России. 1917. 9, 13 февраля).

³⁷⁶ Утро России. 1917. 3 января.

³⁷⁷ Основными вопросами съезда, на который планировалось собрать до 1 тыс. видных правых деятелей со всей России, были заявлены вопросы продовольственный, «немецкого засилья» и «текущий момент». В ходе работы съезда правые планировали переизбрать на 3 года Совет монархических съездов, в состав которого должно было быть кооптировано 24 человека, избранных съездом, и по 6 представителей от правых групп Государственного совета и Государственной думы, причем последние 12 членов должны были быть выбраны 24-мя членами Совета монархических съездов. Из состава Совета съездов планировалось также создать монархическую Управу, в которую вошли бы председатель Совета, три его товарища, секретарь, казначей и 2 члена по выбору Совета. Управа должна была стать центральным координирующим органом русского монархического движения и быть «черносотенной Гаагой», разрешающей возникающие в правом лагере недоразумения и конфликты (Утро России. 1917. 19 января).

³⁷⁸ *Степанов А. Д.* «Человек большой государственной мудрости». Иван Григорьевич Щегловитов (1861–1918) // *Воинство святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века.* СПб., 2006. С. 242.

³⁷⁹ *Алексеева И. В.* Последнее десятилетие Российской империи. С. 367.

Это предположение как будто подтверждают записки правых к императору, вышедшие в конце 1916 — начале 1917 г. из кружка члена правой группы Государственного совета А. А. Римского-Корсакова. Видный правый деятель, член Главного совета Союза русского народа и товарищ председателя Совета монархических совещаний Римский-Корсаков летом — осенью 1915 г. возглавил кружок правых, собиравшийся у него на квартире.³⁸⁰ Среди его членов были представители правой фракции Государственной думы Н. Е. Марков и Г. Г. Замысловский; избранный в 1917 г. вице-председателем Государственного совета, член группы правого центра В. Ф. Дейтрих, члены правой группы Государственного совета А. А. Макаров, князь А. А. Ширинский-Шихматов, князь Н. Д. Голицын (ставший председателем Совета министров), а также товарищ председателя СРН В. П. Соколов, товарищ министра внутренних дел С. П. Белецкий, Н. К. Кульчицкий (ставший последним министром народного просвещения), известный дворянский деятель Н. А. Павлов и некоторые другие.³⁸¹ Посещал кружок Римского-Корсакова и Н. А. Маклаков.

Характерной особенностью этого кружка, отличавшей его от других правых салонов, было то, что работал он в условиях практически полной конспирации, и, как позже признавал лидер кадетской партии П. Н. Милюков, до либерального лагеря доходили лишь «какие-то слухи» о существовании этого неформального правого объединения, о том же, что там обсуждалось, прогрессивному лагерю было неизвестно.³⁸² При этом Министерство внутренних дел было осведомлено о существовании кружка и оказывало его хозяину материальную поддержку в виде субсидии.

Основным направлением деятельности кружка был обмен мнениями по вопросам внутренней политики, сбор материалов для предстоящего съезда монархистов и подготовка аналитических записок в высшие сферы. В ноябре 1916 г. (т. е. одновременно с выступлением в Государственной думе Н. Е. Маркова и Н. А. Маклакова в Государственном совете) князем Н. Д. Голицыным от своего имени была передана императору «Записка», составленная членами кружка А. А. Римского-Корсакова.³⁸³

³⁸⁰ *Стогов Д. И.* Правомонархические салоны Петербурга — Петрограда... С. 208.

³⁸¹ Там же.

³⁸² Там же. С. 210.

³⁸³ Записка эта была, согласно показаниям С. П. Белецкого, составлена в конце премьерства Б. В. Штюрмера, но последний отказался подавать ее царю, ссылаясь на то, что «она не отвечает либеральному настроению его декларации» (См.: *Стогов Д. И.* Правомонархические салоны Петербурга — Петрограда... С. 217). См. также: *Стогов Д. И.* Последняя попытка спасти монархию: «записки», составленные в кружке А. А. Римского-Корсакова, и их политическое значение // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: Сб. науч. ст. / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2011. С. 5–13.

В «Записке», начинавшейся с указания на то, что Государственная дума при поддержке общественных организаций бесповоротно вступила на революционный путь и готовится к государственному, «а, весьма вероятно, и династическому» перевороту, предлагался ряд неотложных мер, которые, по мнению автора записки, должны были спасти монархию от готовящегося на нее натиска. Девять пунктов записки предлагали в общих чертах следующие меры: 1) назначение на высшие государственные и командные должности верных самодержавию, единомышленных и энергичных лиц; 2) немедленный роспуск Думы без указания срока нового ее созыва, но с упоминанием предстоящего «коренного изменения» законов и положений о выборах в законодательные учреждения; 3) введение военного положения в Петрограде и Москве; 4) концентрация в обеих столицах надежных войск, вооруженных пулеметами; 5) немедленное закрытие всех органов левой печати с одновременным усилением правых газет; 6) милитаризация всех предприятий, работающих на оборону, с подчинением всех их работников законам военного времени; 7) назначение правительственных комиссаров во все главные и местные комитеты союзов земств и городов; 8) предоставление права генерал-губернаторам и губернаторам отстранять от должности «чины всех рангов», замешанных в антиправительственной деятельности; 9) усиление Государственного совета правыми элементами и прекращение назначения в него лиц, поддерживающих Прогрессивный блок.³⁸⁴

По утверждению Н. А. Маклакова, текст этой записки был составлен членом правой группы Государственного совета, сподвижником Н. Е. Маркова и членом Главного совета СРН М. Я. Говорухо-Отроком. Несколько позже, 8 января 1917 г., Маклаковым была передана императору вторая «Записка», полученная им от Говорухо-Отрока как дополнение к первому документу. Приложение это являлось пояснением ко второму пункту «Записки» (о роспуске Государственной думы). В ней отмечалось, что компромиссные решения в отношении Государственной думы не принесут успокоения, поскольку государственный строй, утвердившийся в стране с введением основ парламентаризма, является «нетерпимым». Выходов из сложившейся к 1917 г. ситуации автор записки видел два: либо остановить решительными мерами поступательное движение России в сторону демократической республики, либо «спокойно ждать государственной катастрофы».³⁸⁵

³⁸⁴ Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицыным в ноябре 1916 года // Последние дни императорской власти. С. 122–125; Архив русской революции. Т. 5. Берлин, 1922. С. 337–338; Правые партии. Документы и материалы. Т. 2. С. 586–587.

³⁸⁵ Объяснительная записка к пункту II предыдущей записки, составленной в кружке Римского-Корсакова // Последние дни императорской власти. С. 126.

В «Записке» отмечалось, что уступки в виде дарования министерства общественного доверия и введения конституционных начал не приведут страну к выходу из политического кризиса, поскольку кадеты и октябристы, домогающиеся власти, «столь слабы, столь разрозненны <...>, столь бездарны, что торжество их было бы столь кратковременно, сколь и непрочно».³⁸⁶ Вместе с тем в «Записке» признавалось, что и «правые партии находятся в состоянии летаргии». Причину этого ступора монархических организаций автор объяснял их ошибкой, заключавшейся в том, что они «сразу и бесповоротно не устранили себя от участия в осуществлении Манифеста 17 октября, основанного на началах, совершенно противоречащих их государственному самосознанию», а поддались парламентской игре, в которой неизбежно были разбиты.³⁸⁷ Реальная сила виделась автору «Записки» только у левых, поскольку у них «есть идея, есть деньги и есть толпа, готовая и хорошо организованная». «Эта толпа часто меняет свои политические устремления, с тем же увлечением поет „Боже, Царя храни“, как и орет „Долой Самодержавие“, но в ненависти к имущим классам, в завистливом порыве разделить чужое богатство, в так называемой классовой борьбе толпа эта крепка и постоянна; она вправе притом рассчитывать на сочувствие подавляющего большинства крестьянства, которое пойдет за пролетарием тотчас же, как революционные вожди укажут им на чужую землю».³⁸⁸ Поэтому, резюмировал автор «Записки», торжество либералов обернулось бы «полным и окончательным разгромом партий правых», а затем постепенным уходом с политической сцены «партий промежуточных» и, как финал, полным разгромом партии кадетов, которая ненадолго получит решающее значение в политической жизни страны. «...Последние, бессильные в борьбе с левыми и тотчас утратившие все свое влияние, если бы

³⁸⁶ Там же. С. 127.

³⁸⁷ Объяснительная записка... С. 130. «Правые сделали все, что могли, — писал далее М. Я. Говорухо-Отрок. — они содействовали проведению в третью и четвертую Думы более умеренных элементов, они сами не боялись ни травли, ни унижений, но могли ли они дать стране политическое воспитание, могли ли сами образовать политическую партию с определенной программой, — они, люди, отрицающие эту политику, защитники Единой Царской Самодержавной Власти? С ними сбилось то, чего надо было ожидать: в условиях политической борьбы они оказались разбитыми, рассеянными и не признанными той самой властью, которая только на них одних могла опираться» (Там же).

³⁸⁸ Объяснительная записка... С. 131. «...Ярый защитник своей собственности и такой же консерватор в своем быту, русский мужик делается самым убежденным социал-демократом с той минуты, когда дело коснется чужого добра», — замечал автор «Записки» (Там же).

вздумали идти против них, оказались бы вытесненными и разбитыми своими же друзьями слева <...>. А затем... Затем выступила бы революционная толпа, коммуна, гибель династии, погром имущественных классов и, наконец, мужик-разбойник», — пророчески предсказывал Говорухо-Отрок.³⁸⁹

«Необходимо отдать должное прогностической прозорливости правых — события марта 1917 г. — марта 1918 г. (от „великого и бескровного“ свержения монархии до „похабного“ Брестского мира) доказали их правоту», — замечает по этому поводу современный историк.³⁹⁰

Помимо точного прогноза развития политических событий «Записка» М. Я. Говорухо-Отрока содержала и довольно развернутую программу выхода из предреволюционной ситуации. Выход этот виделся автору «Записки» в следующих мерах: изменении статей 87,³⁹¹ 112,³⁹² и 113³⁹³ Основных законов Российской империи, умаляющих значение царской власти и ставящих его «в равноправные отношения с законодательными учреждениями», и восстановлении неограниченности царского самодержавия. «Несмотря на все пережитое, а быть может, благодаря именно этому, формула: „народу мнение, а Царю решение“ является единственно приемлемой для России», — говорилось в «Записке».³⁹⁴

³⁸⁹ Объяснительная записка... С. 132.

³⁹⁰ Давиденко А. В. Правомонархические интерпретации думской монархии (октябрь 1905 — февраль 1917 г.). Хабаровск, 2006. С. 97.

³⁹¹ Ст. 87: «Во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет Министров представляет о ней Государю Императору непосредственно. Мера эта не может, однако, вносить изменений ни в Основные Государственные Законы, ни в учреждения Государственного Совета или Государственной Думы, ни в постановления о выборах в Совет или в Думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим Министром или Главноуправляющим отдельную частью не будет внесен в Государственную Думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятой мере законопроект, или его не примут Государственная Дума или Государственный Совет».

³⁹² Ст. 112: «Законопроекты, предначертанные по почину Государственного Совета и Государственной Думы и не удостоившиеся Высочайшего утверждения, не могут быть внесены на законодательное рассмотрение в течение той же сессии. Законопроекты, предначертанные по почину Государственного Совета или Государственной Думы и отклоненные одним из сих установлений, могут быть вносимы на рассмотрение в течение той же сессии, если последует Высочайшее на то повеление».

³⁹³ Ст. 113: «Законопроекты, поступившие в Государственную Думу и одобренные как ею, так и Государственным Советом, равно как законопроекты, предначертанные по почину Государственного Совета и одобренные как им, так и Государственную Думою, представляются Государю Императору Председателем Государственного Совета».

³⁹⁴ Объяснительная записка... С. 135.

Столь же коренным образом предлагалось изменить и систему выборов в обновленную, законосовещательную Думу. Критикуя существующий избирательный закон, смешивающий избирателей «в одну общую бесформенную толпу» и вводящий замену бытового деления различных социальных групп делением на политические партии, «Записка» предлагала отказаться от этой системы в пользу выборов от городских и уездных бытовых и сословных групп. «Иначе говоря, каждое волостное крестьянское общество, уездное дворянское собрание, собрания купеческие, мещанские, уездное духовенство, казацки станицы, городское чиновничество и т. д. должны выбрать каждое по одному своему представителю и этим избранием вся процедура выборов должна быть закончена».³⁹⁵ Избыток же выбранных таким путем кандидатов в депутаты предлагалось сократить путем выбора из них в Государственную думу либо по жребию, либо по выбору императора. Такой порядок, уверял Говорухо-Отрок, был бы прост, дешев, сохранил бы корпоративный принцип, не допуская смешения депутатов по политическим группам, и дал бы власти прекрасную возможность административного устранения нежелательных элементов, без ущерба для интересов той или иной сословно-бытовой группы. Такого же взгляда, кстати, придерживался в 1917 г. и лидер думских правых Н. Е. Марков, предлагавший изменить избирательный закон «по примеру 3 июля 1907 года», который должен был установить выборы по сословиям, «ибо сословия являются бытовыми, жизненными ячейками русского народа». Кроме того, уверял Марков, сословная Дума ни партийной, ни либеральной уже не будет, так как «каждое сословие будет защищать только свои эгоистические интересы».³⁹⁶

Последней мерой преобразования государственного строя «Запиской» предлагалось не бросать депутатов Думы «на произвол собственных страстей и интриг», а путем поощрения и административного воздействия добиваться при помощи «особой и притом серьезно поставленной организации» и умелой «внутренней политики» власти в Думе создания благоприятного правительству большинства, гарантирующего политическую систему будущего от появления оппозиционных прогрессивных блоков.³⁹⁷

Как показывал позже на допросах ЧСК ВП Н. А. Маклаков, мысли о необходимости что-то делать в отношении оппозиционной Думы высказывали в частных беседах и другие члены правой группы Государственного

³⁹⁵ Там же. С. 135–138.

³⁹⁶ Программа Союза русского народа перед Февральской революцией / Публ. И. Тоболин // Красный архив. 1927. Т. 1 (20). С. 242.

³⁹⁷ Там же. С. 139–140.

совета, однако единства во мнениях не было. «Настроение было сплошь тревожное, видно было, как все таяли; доходила до бортов вода. <...> Все спрашивали, что можно сделать, и все сходились к тому: одни говорят — роспуск и новые выборы; другие (в той же группе) — дотянуть до конца, так как полномочия естественным порядком истекают; не созывать Думу до того времени, а когда пройдет срок, еще полгода пройдет, и некоторое время будет передышка. Об этом не только Говорухо-Отрок, но и все говорили, все тревожились, видя клокочущий Везувий...».³⁹⁸

Еще две «Записки» сходного содержания были составлены А. А. Римским-Корсаковым и М. Я. Говорухо-Отроком в середине января 1917 г.³⁹⁹ Также известно, что лидер астраханских монархистов Н. Н. Тиханович-Савицкий накануне революции предлагал Н. Е. Маркову, Г. Г. Замысловскому, И. Г. Щегловитову и Н. А. Маклакову свой проект выхода самодержавия из кризиса путем изменения Основных законов.⁴⁰⁰ Интересовался возможностью пересмотра Основных законов и член фракции правых Г. А. Шечков.⁴⁰¹

В «Записке» А. А. Римского-Корсакова, переданной А. Д. Протопопову 15 января 1917 г., конспективно резюмировались вышеизложенные предложения крайне правых. Помимо них предлагались и меры, которые должны были быть воплощены в жизнь отдельными ведомствами. Среди них можно выделить следующие: организация сильной правой печати и государственного влияния на оппозиционные издания; усиление цензуры; массовое

³⁹⁸ Падение царского режима... Т. 5. С. 289.

³⁹⁹ См.: *Стогов Д. И.* Правомонархические салоны Петербурга — Петрограда... С. 220–225.

⁴⁰⁰ Н. Н. Тиханович-Савицкий предлагал правым Думы и Совета три варианта проекта по пересмотру Основных законов: с радикальными, средними и незначительными изменениями. «Но в каждом, — писал он, — [надо] оставить лазейку, допускающую дальнейшее совершенствование их в порядке Верховного управления» (Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 годах // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 216–217). За несколько дней до революции Н. Н. Тиханович-Савицкий убеждал Г. Г. Замысловского: «Пока мы не добьемся исправления их (Основных законов. — *А. И.*), — не добьемся ничего; толчение воды в ступе» (Там же. С. 224). Показательно также, что стараясь привлечь к этому плану наиболее авторитетных правых деятелей законодательных палат, Тиханович-Савицкий просил посвященных в его замысел ничего не говорить Пуришкевичу, поскольку если он окажется в курсе затеи, «то испортит все», ибо «интриган и рубит с плеча» (Там же. С. 217). Вместе с тем большие надежды правый политик возлагал на Н. А. Маклакова, у которого спрашивал согласия взять на себя в случае необходимости усмирение мятежа «посильнее 1905 г., и с участием войск» (Там же. С. 220).

⁴⁰¹ Переписка правых... // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 224.

издание брошюр монархического содержания для простого народа; назначение «драконовских наказаний» за клевету в печати; ослабление земских и городских союзов и привлечение в строй всех «земгусаров»; использование военного положения в полной мере; введение военного закона о конфискации имущества изменников и лиц, «возбуждающих смуты»; широкое награждение верноподданных, особенно из низов; реформа полиции и др. «Записка» также содержала рекомендации для Св. Синода, министерств земледелия, финансов, путей сообщения, народного просвещения и военного. Особенное внимание обращалось на необходимость немедленного пресечения властью заигрывания высших военных чинов с общественностью.⁴⁰²

Как видим, главный смысл требований, выдвинутых кружком Римского-Корсакова, заключался во введении в стране режима военной диктатуры, призванной оградить страну от революции, роспуск Государственной думы и изменение Основных законов в плане восстановления прав самодержца, утраченных им в результате предшествующих реформ. Как справедливо замечает А. В. Давиденко, «наличие такого дестабилизирующего фактора как Государственная дума, дирижируемая Прогрессивным блоком, все больше раздражало правых», в результате чего они «вновь вернулись к проектам ликвидации парламента, говорильни, которая лишь ослабляет Верховную власть перед лицом внешнего врага».⁴⁰³

Будь комплекс мер, предлагаемый сторонниками Римского-Корсакова, воплощен в жизнь, он действительно стал бы государственным переворотом, однако здесь важно отметить, что требования эти исходили не от правой группы Государственного совета, которая отнюдь не была едина, а лишь от ее немногочисленной радикально-правой части. Как показали последующие события, ни император, ни председатель Совета министров, ни председатель Государственного совета следовать предложенному крайне правыми членами группы курсу не собирались.⁴⁰⁴ В поддержку предложения немедленного роспуска Государственной думы выступила лишь императрица, писавшая мужу в середине декабря 1916 г.: «они (крайне правые — *А. И.*)

⁴⁰² Программа Союза русского народа перед Февральской революцией. С. 243–244.

⁴⁰³ Давиденко А. В. Правомонархические интерпретации думской монархии. С. 174.

⁴⁰⁴ Здесь следует задаться вопросом: а могла ли власть в сложившихся условиях (политический кризис, общественное недовольство, давление союзников) решиться на государственный переворот и установление диктатуры? Думается, что попытаться осуществить подобные меры можно было только в ответ на реальную попытку дворцового переворота или революции; в противном же случае нанесение «беспричинного», превентивного удара неизбежно закончилось бы полным провалом, ибо не встретило бы никакой общественной поддержки.

знают, что Думу следует закрыть, но Тр[епов] не хочет слушать их. Если их не слушать, они возьмут дело в свои руки, чтобы спасти тебя, и может невольно выйти больше вреда, чем лишь твое простое слово — закрыть Думу, но до февраля...».⁴⁰⁵

А. В. Давиденко, пытаясь обобщить позицию всего правого лагеря накануне Февральской революции, приходит к выводу, что крайне правые к этому времени окончательно убедились в несовместимости основ парламентаризма и «исконных русских начал», однако «лихорадочные попытки отдельных монархистов разбудить власть», т. е. заставить ее отказаться от пути, по которому она шла, начиная с издания Манифеста 17 октября 1905 г., были обречены на неудачу из-за отсутствия воли и ресурсов у правительства и развала самих правых.⁴⁰⁶ Соглашаясь с этим выводом, обратим внимание на важное замечание автора, что, несмотря на общее разочарование в правых кругах деятельностью Думы, решительно действовать готовы были лишь «отдельные монархисты».

Как замечал уже после Февральской революции И. Г. Щегловитов, А. А. Римский-Корсаков «особенной роли» в правой группе не играл. «...Римский-Корсаков <...> — большой сумбурист, разговоры мои с ним всегда повергали меня в большое недоумение: чего же, собственно говоря, человек хочет? Всем недоволен, все осуждает, а, в конце концов, никакой сколько-нибудь приемлемой программы не имеет!.. <...> Я его серьезной величиной считать не мог», — заверял Щегловитов.⁴⁰⁷ Конечно, можно было бы трактовать эти слова, сказанные перед следователями ЧСК ВП, как желание дистанцироваться от своего единомышленника по правой группе. Но есть и другие свидетельства, показывающие, что единомышленниками в вопросе пересмотра Основных законов Щегловитов и Римский-Корсаков не были. Член левой группы Государственного совета, профессор И. Х. Озеров, которого крайне трудно заподозрить в желании выгораживать Щегловитова, вспоминал, как тот признавался ему «за бутылкой вина», что еще за месяц или полтора до войны император интересовался, согласился бы он (Щегловитов) в случае такой необходимости разработать положения, изменяющие статус Государственной думы с законодательной на законосовещательную. На это Щегловитов ответил категорическим отказом, так прокомментировав эту идею Озерову: «Представьте себе, что произошло бы, если бы он (царь. — *А. И.*) это сделал!».⁴⁰⁸ Как отмечает, ссылаясь на

⁴⁰⁵ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 189–190.

⁴⁰⁶ Давиденко А. В. Правомонархические интерпретации думской монархии. С. 174–175.

⁴⁰⁷ Падение царского режима... Т. 2. С. 427–428.

⁴⁰⁸ ОР РНБ. Ф. 541. Д. 4. Л. 37.

некоторые примеры, С. В. Куликов, И. Г. Щегловитов, так же как и император, полагал, что внутривластительный кризис разрешит не реакционный переворот, предполагающий роспуск Думы, а победа в войне.⁴⁰⁹ Это «примирительное» отношение лидера правых к оппозиции заставляло наиболее консервативных членов правой группы роптать на него. «Щегловитов, — писал Н. А. Маклаков в частном письме 16 января 1917 г. — что-то все плурует».⁴¹⁰

Как «самый правый» характеризовал кружок А. А. Римского-Корсакова и Н. А. Маклаков. По его словам, хотя сам Римский-Корсаков «в правой группе пользовался общим большим расположением как безыскусственный, прямой человек»,⁴¹¹ предложения, изложенные в «Записке» по изменению государственного строя, вышедшей из его кружка, были лишь «показателем настроения», и серьезной веры в возможность повернуть назад «ни у одной души» в правой группе не было. «В сущности, — говорил Н. А. Маклаков о кружке Римского-Корсакова, — это была нансеновская экспедиция. Это были просто последние могики, которые отводили душу».⁴¹² «Когда шел вопрос о том, чтобы выработать записку, я сказал, что это с моей точки зрения так же бесполезно, как черпать воду решето», — заверял Н. А. Маклаков.⁴¹³ Отсутствие веры в возможность консервативного переворота Маклаков объяснил следующим: «...Для меня совершенно ясно, что история, вообще, назад не ходит, так же как река не ходит обратно; и совершенно ясно было, что мы уже подняли одну, так сказать, ногу, и надо было ждать, когда эта нога опустится, чтобы сделать следующий шаг в область определенной конституции в смысле западноевропейском».⁴¹⁴ По образному признанию Маклакова, у него самого и его единомышленников не было веры в возможность повернуть колесо истории вспять, но была надежда выстроить плотину на пути революционного потока.⁴¹⁵ Также, утверждал он, думал и М. Я. Говорухо-Отрок: «...Он был один из тех, которые считали, что надо поставить крест над старой политической верой; его точка зрения была такая, что после 17-го октября уже само самодержавие поставило крест».⁴¹⁶

⁴⁰⁹ Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи... С. 357.

⁴¹⁰ Переписка правых и другие материалы об их деятельности // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 94.

⁴¹¹ Падение царского режима... Т. 5. С. 289.

⁴¹² Там же. Т. 3. С. 88–89.

⁴¹³ Там же. С. 89.

⁴¹⁴ Там же. С. 87.

⁴¹⁵ Там же. С. 92.

⁴¹⁶ Падение царского режима... Т. 5. С. 287.

Не собирался следовать совету лидеров крайне консервативного крыла правой группы и ее последний председатель А. Ф. Трепов. Еще в бытность свою председателем Совета министров он был сторонником уклонения от столкновений с Прогрессивным блоком,⁴¹⁷ этот же курс он продолжил, встав во главе группы. Накануне открытия последней сессии Государственного совета стало известно, что правая группа намерена вести себя достаточно пассивно и выступать на политические темы лишь в тех случаях, если к этому ее принудит оппозиция. «Из прений (внутри правой группы. — А. И.) выяснилось, что группа концентрируется в своих взаимоотношениях, и дальнейшая политическая программа ее сосредоточена около общего пожелания, чтобы законодательная деятельность палат протекала длительно и продуктивно», — сообщало «Новое время».⁴¹⁸

Да и власть не спешила воспользоваться предложенными ей рецептами группы крайне правых. Министр внутренних дел А. Д. Протопопов, получивший от А. А. Римского-Корсакова 15 января 1917 г. «Записку», положил ее, по собственному признанию, в папку для бумаг на столе, не придав ей большого значения.⁴¹⁹ Не спешил с выполнением предложений крайне правых и сам государь. Как уже указывалось выше, подготовленный Н. А. Маклаковым манифест о роспуске Думы был им отложен. «Записку», составленную М. Я. Говорухо-Отроком, полагал Маклаков, Николай II «наверно, не прочел».⁴²⁰

А. Ф. Трепов уже в эмиграции утверждал, что в январе 1917 г. император, отдавая все свое внимание войне, «отдавал себе полный отчет в необ-

⁴¹⁷ Товарищ обер-прокурора Св. Синода князь Н. Д. Жевахов вспоминал, как в разговоре с ним А. Ф. Трепов заявлял: «Полемика с членами Думы недопустима: не нужно обострять отношения с Думой». «У меня получился очень горький осадок от сознания принципиальных ошибок, допускаемых председателем Совета министров в отношении к Государственной думе. Для меня было очевидно, что никакое соглашательство с нею невозможно, и попытки его вызвать только усиливали позицию Государственной думы», — отмечал в свою очередь Жевахов, считавший, что первоочередной задачей власти является немедленный разгон Думы (Воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода князя Н. Д. Жевахова. СПб., 2007. С. 233).

⁴¹⁸ Новое время. 1917. 27 января (9 февраля), 10 (23) февраля.

⁴¹⁹ Падение царского режима... Т. 4. С. 4. Как отмечал в своих воспоминаниях князь Н. Д. Жевахов, А. Д. Протопопов, находившийся с ним в приятельских отношениях, признавался ему: «Никакое соглашательство с Думою невозможно. Это шайка преступников, которую нужно разогнать, и чем скорее, тем лучше, ибо иначе она разгонит нас и казнит Царя... Но Государь не решается принимать резких мер, пока не кончится война...». (Воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода князя Н. Д. Жевахова. С. 238).

⁴²⁰ Падение царского режима... Т. 5. С. 288.

ходимости широких внутренних реформ» и несколько раз говорил ему об этом, видя в нем «сотрудника, искренно разделяющего все его планы». «Разногласие касалось только оценки тогдашнего внутреннего положения. Царь был больше, чем я, уверен в прочности общественного порядка. Он не считал возможным приступить к реформам до тех пор, пока война не закончится полной победой. „Не меняют лошадей, — говорил он, — во время переправы через брод; русский народ по своему патриотизму понимает это и терпеливо подождет до окончания войны; только отдельные группы населения обеих столиц желают волнений; интересы народа не совпадают с их вождениями, и если эти группы будут подстрекать к беспорядкам, их заставят успокоиться, хотя бы для этого и пришлось прибегнуть к репрессиям. Но я никогда не отвергну того, что может способствовать успеху войны; внутренние же реформы будут проведены позднее и в том направлении, которое лучше удовлетворит интересы подлинного народа. Я уверен, что народ поймет, что я не преследую личных целей и что я прав, не желая поддаваться в настоящее время домогательствам нескольких лиц, которые ищут удовлетворения их личных политических интересов или интересов их партий. Это было бы проявлением крайней слабости и это повредило бы общим интересам, которые преследуются в вооруженной борьбе и для которых, я повторяю, надо без остатка напрячь все силы государства. И, наконец, до окончания войны нет никаких серьезных оснований опасаться за внутреннее положение“. Вот как рассуждал Император, веря в свой народ, силу сопротивления которого он переоценивал. <...> Император любил слишком горячо свой народ, чтобы поверить, что он может быть вовлечен в революцию в то время, когда победа являлась вопросом нескольких недель. Россия этого не знала и была раздавлена тяжестью, которая оказалась слишком тяжелой», — заключал Трепов.⁴²¹

Об этом же писали и другие мемуаристы. По словам генерала А. И. Спиридовича, в частных беседах конца 1916 — начала 1917 г. император давал понять, что он против реформ, проводимых в условиях войны, но не против реформирования страны вообще. Говоря об ответственном министерстве, царь замечал: «Сейчас это неблагоприятно отразится на фронте. А вот через три-четыре месяца, когда мы победим, когда окончится война, это будет возможно. Тогда народ примет реформу с благодарностью. Сейчас же все должно делаться только для фронта. <...> Вот закончим войну,

⁴²¹ Цит. по: *Фомин С. В.* О предполагаемых Государем преобразованиях // «...И даны будут Жене два крыла». Сборник к 50-летию Сергея Фомина / Предисл. Р. В. Багдасаров, очерки, статьи, публикация документов, коммент. С. В. Фомин. М., 2002. С. 552–554; Автор ссылается на: Новое время (Белград). 1924. 20 апреля.

потом примемся и за реформы».⁴²² «Выступая против дарования конституции во время войны, будучи часто недовольным действиями Государственной думы, государь, однако, не поддавался убеждениям тех, кто уговаривал его распустить Думу, — вспоминал жандармский генерал. — Вопреки этим советам, император возобновил сессию Государственной думы и Государственного совета с 14 февраля, что было очень не по душе Протопопову. <...> Государь верил в здравый смысл и патриотизм Думы. Он не допускал мысли, что Дума может пойти на какой-либо государственный переворот во время войны».⁴²³ По словам фрейлины императрицы А. А. Вырубовой, в конце 1916 г. царь «несколько раз упоминал о будущих переменах конституционного характера». «Сердце и душа Государя были на войне; к внутренней политике, может быть, в то время он относился слишком легко. После каждого разговора он всегда повторял: „Выгоним немца, тогда примусь за внутренние дела!“ Я знаю, что Государь все хотел дать, что требовали, но — после победоносного конца войны. „Почему, — говорил он много-много раз и в Ставке, и в Царском Селе, — не хотят понять, что нельзя проводить внутренние государственные реформы, пока враг на русской земле? Сперва надо выгнать врага!“».⁴²⁴ «В Петербурге мне говорили: „Царь уверен, что надо продержаться зиму, что весной дело повернет к конечной победе“, — вспоминал начальник штаба Корниловской ударной дивизии Е. Э. Месснер. — <...> Но Царь не продержался зиму — Революция Его свергла».⁴²⁵

В надежде на то, что Дума не решится на государственный переворот, император, как известно, ошибся. Крайне правое крыло законодательных палат смотрело на ситуацию более реалистично.

Как справедливо замечает А. П. Бородин, гадать о том, как пошло бы развитие России, если бы правым удалось убедить монарха воплотить в жизнь их рецепты по спасению России от революционного взрыва, бессмысленно, но нельзя не признать, что ими была выражена «объективная возможность правой альтернативы Февралю», но «им, монархистам, побудить Николая II идти их курсом, было неизмеримо труднее, нежели либералам».⁴²⁶

⁴²² *Стиридович А. И.* Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск, 2004. С. 459.

⁴²³ Там же.

⁴²⁴ *Танеева (Вырубова) А. А.* Страницы моей жизни. М., 2000. С. 117.

⁴²⁵ *Месснер Е. Э.* Переворот. Февральская революция 1917 года глазами начальника штаба Корниловской ударной дивизии / Вступ. ст. К. М. Александрова; публ. и коммент. К. М. Александрова и А. В. Терещука; подгот. текста О. А. Шевцова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб., 2010. Кн. 11. С. 29.

⁴²⁶ *Бородин А. П.* Государственный совет России... С. 168.

Член правой группы Государственного совета А. Ф. Редигер вспоминал, как Н. А. Маклаков (по его словам, «несомненно крайне правый») «высказал общую нам всем мысль, что положение нашей партии крайне трудно вследствие того, что с высоты престола делается точно нарочно все, чтобы подорвать доверие к тем монархическим началам, за которые стояла наша партия!». ⁴²⁷ «Даже среди самых ярых правых, — писал современник, — царь встречал отрицательное к себе отношение». ⁴²⁸ Таким образом, колебания власти, в том числе и верховной, вызывали раздражение правого лагеря и приводили к росту оппозиционных настроений уже и внутри правой группы. Член Госсовета М. А. Стахович свидетельствовал о демонстративной оппозиционности одного из столпов правой группы А. С. Стишинского; ⁴²⁹ другой видный член группы, граф С. Д. Шереметев благосклонно отнесся к критике власти со стороны В. М. Пуришкевича; А. А. Куракин, по признанию его сына, в конце ноября 1916 г. «с яростью» голосовал за формулу центра; князь А. Н. Лобанов-Ростовский, «крайне чувствительный к малейшим колебаниям политического барометра», ⁴³⁰ в начале января 1917 г. покинул правых, присоединившись к кружку внепартийного объединения; ⁴³¹ на XII съезде Объединенного дворянства граф А. А. Бобринский и член Прогрессивного блока В. И. Гурко говорили «одинаковым языком». ⁴³² Некоторые члены правой группы договаривались и до того, чтобы добиться расторжения царского брака и заточить императрицу, которой приписывалось вредное влияние на монарха, в монастырь. ⁴³³

⁴²⁷ Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 2. С. 430.

⁴²⁸ Цит. по: Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи... С. 350.

⁴²⁹ Там же. С. 347. Как сообщали газеты, летом 1916 г. в Государственном совете произошло столкновение между двумя видными представителями правой группы — А. С. Стишинским и П. П. Кобылинским. Причиной столкновения стало выступление Стишинского в защиту поправки, исходившей от левой группы, в вопросе о пособиях для внебрачных детей и их матерей. Как отмечало «Вечернее время», солидаризация Стишинского с левой группой «произвело большое впечатление в советских кругах». «Достаточно сказать, — замечало издание, — что после его речи, в которой он неоднократно подчеркивал, что расходится во мнении с П. П. Кобылинским, многие представители правых голосовали за поправку проф. [В. И.] Вернадского (члена ЦК кадетской партии. — А. И.). Среди них был, между прочим, председатель правой группы И. Г. Щегловитов, некоторые представители высшего духовенства и многие из членов группы правых...» (Вечернее время. 1916. 3 (16) июня).

⁴³⁰ ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 123.

⁴³¹ Там же; Демин В. А. Верхняя палата Российской империи. С. 330; Бородин А. П. Лобанов-Ростовский А. Н. // Государственный совет Российской империи. С. 154.

⁴³² См.: Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи... С. 347–348.

⁴³³ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. С. 189.

Поэтому опасения либералов усилением правых были сильно преуменьшены. Совсем не сильной фигурой оказался назначенный императором из членов правой группы Госсовета председателем Совета министров князь Н. Д. Голицын. Князь совершенно не стремился к этому назначению, моля, чтобы чаша сия его миновала.⁴³⁴ «Совершенное политическое ничтожество», — так аттестовал Н. Д. Голицына Н. В. Савич.⁴³⁵ «Милейший человек, но не государственный деятель большого калибра», — отмечал А. А. Татищев.⁴³⁶ «Очаровательный человек, прелестный маркиз, но никуда не годный правитель», — характеризовал председателя Совета министров П. П. Менделеев. При этом, отмечал Менделеев, «Голицын недугом честолюбия и властолюбия не страдал», «был скромного мнения о своих дарованиях» и «никуда дальше спокойного кресла не стремился». «Он тщетно умолял Государя избавить его от премьерства. Принял назначение, только подчиняясь Монаршей воле. Все время чувствовал себя не на месте и в душе очень страдал».⁴³⁷

В 1917 г. на допросе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Голицын на вопрос о своей программе признался:

⁴³⁴ Падение царского режима... Т. 2. С. 251; *Флоринский М. Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. С. 61–62; *Татищев А. А.* Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М., 2001. С. 252.

⁴³⁵ *Савич Н. В.* Воспоминания. С. 187.

⁴³⁶ *Татищев А. А.* Земли и люди. С. 252.

⁴³⁷ ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 124–125. Об этом же пишет и протопресвитер Г. И. Шавельский: «князь Н. Д. Голицын, человек чрезвычайно мягкий и честный, но совершенно не подготовленный к тому делу, которое ему вручалось: добрый русский барин, но не государственного ума человек. <...> Императрица <...> ухватилась за предложение сделать председателем Совета министров кроткого, во всем ей покорного человека. И Голицын получил назначение. Двоюродная сестра кн. Голицына, очень дружная с ним Е. И. Мосолова, рассказывала мне, что, сознавая полную свою неподготовленность к работе в таком масштабе, кн. Голицын упорно отказывался от назначения. Императрица потребовала его согласия, и он, не смоги устоять, согласился. Самые близкие его родственники, весьма любившие его за многие чудные качества его сердца, ужаснулись такому назначению и открыто высказывались, что добра от этого не выйдет, так как милый князь совершенно не годен для навязанного ему поста» (*Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. С. 282–283). По свидетельству М. В. Родзянко, на его вопрос, «как вы, почтенный князь, идете на такой пост в столь тяжелое время, не будучи совершенно подготовлены к такого рода деятельности?», Голицын ответил: «Я совершенно согласен с вами. Если бы вы слышали, что я наговорил сам о себе императору; я утверждаю, что если бы мне сказал все это кто-либо другой, то я вынужден был бы вызвать его на дуэль» (*Родзянко М. В.* Государственная дума и Февральская 1917 года революция // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 6. С. 27).

«Откровенно говоря, у меня ее не было. Я был совершенно не подготовлен к политической деятельности. <...> Я по убеждениям всегда был монархист, был верноподданный, но никогда не выступал и в Государственном совете с речами, и никогда, так сказать, агитации не вел».⁴³⁸ В результате, по замечанию М. Ф. Флоринского, некоторое укрепление кабинета, достигнутое при А. Ф. Трепове, рассыпалось, и накануне революции правительство пребывало в состоянии полного разброда.⁴³⁹

Наладить диалог с представителями оппозиции Н. Д. Голицын также не смог. Как вспоминал П. П. Менделеев, сразу же после своего назначения на премьерскую должность, Н. Д. Голицын устроил раут для членов обеих законодательных палат, в чем видел первый шаг со своей стороны на пути к примирению. «Но шаг этот не удался. На приглашение откликнулись только самые правые группы Государственного совета и Государственной думы. Остальные согласились не ехать в виде протеста не лично против Голицына, а против правительственной власти. Залы премьера пустовали».⁴⁴⁰

Не проявил 66-летний князь и твердости. Когда 15 февраля 1917 г. А. Ф. Керенский с думской кафедры намекал едва ли не на царубийство, премьер в силу своих обязанностей потребовал у председателя Думы цензурированную стенограмму заседания. Но, как замечал М. В. Родзянко, Голицын не настаивал и «был очень рад» устному заверению, что Керенский этого слова не произнес, так как «в противном случае он счел бы своим долгом предать депутата судебной власти».⁴⁴¹ Очевидно, что Голицыну очень хотелось верить в то, что ничего катастрофического не происходит, так как иначе ему пришлось бы энергично и решительно действовать. А этого князь, видимо, не умел и не хотел.

Кроме того, хотя стремление к единению у представителей консервативного лагеря, несомненно, присутствовало, но преодолеть внутренний кризис им так и не удалось. Как вскоре стало известно, наиболее влиятельные члены правой группы Государственного совета выступили против участия или выступления группы в целом на готовящемся всероссийском монархическом съезде, предоставив отдельным членам группы в этом вопросе полную свободу, но при условии, что они будут выступать от себя лично, а не от лица группы.⁴⁴²

⁴³⁸ Падение царского режима... Т. 2. С. 256.

⁴³⁹ *Флоринский М. Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. С. 62.

⁴⁴⁰ ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 125.

⁴⁴¹ Последние дни императорской власти... С. 49.

⁴⁴² Утро России. 1917. 13 января.

Отсутствие единомыслия также показали события в правой группе верхней палаты после того, как И. Г. Щегловитов, с марта 1916 г. являвшийся ее лидером, был избран председателем Государственного совета и отказался от руководства группой. Произошло это 5 января 1917 г. на совещании правой группы. Свое решение Щегловитов объяснял некорректностью совмещения председательства в Совете с руководством одной из его групп.⁴⁴³ Таким образом, правая группа оказалась перед необходимостью выбора нового председателя.

Выбор этот оказался непростым. Часть группы вновь выдвинула в председатели графа А. А. Бобринского, отмечая его прошлый опыт руководителя правыми как успешный; другая же часть, более консервативная, категорически отвергала эту кандидатуру, обвиняя бывшего лидера в том, что «при графе А. А. Бобринском в группе появились течения, которые позволили советскому (т. е. находящемуся в Государственном совете. — *А. И.*) прогрессивному блоку при некоторых голосованиях даже пользоваться голосами правых».⁴⁴⁴ Кандидатурой этой части членов правой группы стал А. С. Стишинский, «который являлся правой рукой покойного П. Н. Дурново и теперь, когда правые вновь усилились, мог бы ввести железную дисциплину и сплоченность, которой отличались правые при П. Н. Дурново».⁴⁴⁵

Разногласия в вопросе о новом председателе правой группы показали, что той сплоченности, которая отличала правую группу перед Первой мировой войной, уже нет, и наметившееся еще в довоенное время деление ее членов на либеральных консерваторов (сторонников А. А. Бобринского) и крайне правых традиционалистов (сторонников А. С. Стишинского) явно свидетельствует об окончательном формировании в группе как минимум двух явно выраженных направлений — «левого» и «правого» (дальнейшие события показали, что спектр взглядов в рамках правой группы был еще более широким). Споры между ними привели к тупиковой ситуации, поскольку каждой из сторон выдвигаемая их оппонентами кандидатура председателя группы казалась неприемлемой.

На совещании группы, проходившем 5 января 1917 г., помимо кандидатур Бобринского и Стишинского, обсуждавшихся, как видно по датам газетных публикаций, еще до официального заявления Щегловитова о сложении с себя полномочий председателя группы, также назывались имена А. П. Струкова, А. Ф. Трепова и А. А. Макарова, но последний сразу же взял самоотвод.⁴⁴⁶ К 10 января сторонники А. А. Бобринского взяли верх,

⁴⁴³ Утро России. 1917. 6 января.

⁴⁴⁴ Вечернее время. 1917. 1 (14) января.

⁴⁴⁵ Там же.

⁴⁴⁶ Утро России 1917. 6 января.

и группа направила графу запрос, чтобы узнать, согласен ли он вновь встать во главе правых Государственного совета. Однако Бобринский, заявив, что он «чувствует себя утомленным», от председательства отказался.⁴⁴⁷ «В осведомленных кругах, однако, передают, — замечало „Утро России“, — что гр. А. А. Бобринский пытается выяснить отношение к нему вновь избранных правых (точнее, назначенных императором. — *А. И.*) членов Государственного совета, и только тогда выставит свою кандидатуру».⁴⁴⁸

12 января в Мариинском дворце должно было состояться очередное заседание правой группы для того, чтобы выработать консолидированную позицию по базовым политическим вопросам и избрать председателя. Из-за самоотвода А. А. Бобринского, видимо, как на временной фигуре, остановились на вице-председателе правой группы А. П. Струкове, который исполнял обязанности председателя после ухода с этой должности И. Г. Щегловитова. Однако Струков категорически от этой должности отказался, и выборы председателя были вновь «на некоторое время» перенесены. «Председательский кризис в связи с этим сильно обостряется, так как [ни] одна из выдвигаемых кандидатур не встречает общего согласия», — отмечало «Вечернее время».⁴⁴⁹ Ситуация повторилась и в середине января, когда на очередном заседании правой группы выборы председателя вновь были отложены. «Выяснилось, что в группе существует несколько течений, которые поддерживают кандидатуры А. П. Струкова, А. С. Стишинского, гр. А. А. Бобринского и А. Ф. Трепова. Однако ни одна из этих кандидатур не встречает общего сочувствия».⁴⁵⁰

В конце концов, 19 января, после очередного отказа А. П. Струкова, сославшегося на болезненное состояние, последним председателем правой группы был избран А. Ф. Трепов, получивший 37 голосов из 50-ти. Остальные голоса распались «и за некоторых кандидатов подавали по одному, по два и по три голоса».⁴⁵¹

Новый руководитель правой группы имел репутацию «сильной личности», по отзыву С. В. Левашева, был «человек весьма энергичный»,⁴⁵² и пользовался авторитетом в правых кругах (хотя стремительное завершение его карьеры на посту председателя Совета министров несколько подорвало репутацию Трепова). Царский церемониймейстер Р. А. Штакельберг

⁴⁴⁷ Новое Время. 1917. 10 (23) января; Утро России. 1917. 10 января.

⁴⁴⁸ Утро России. 1917. 10 января.

⁴⁴⁹ Вечернее время. 1917. 12 (25) января.

⁴⁵⁰ Там же. 1917. 19 января (1 февраля).

⁴⁵¹ Новое время. 1917. 20 января (2 февраля).

⁴⁵² Цит. по: *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 12. С. 356.

считал, что «Трепов был человеком, который благодаря своей большой твердости, правильным взглядам и железной энергии, имел данные если не совсем избежать кораблекрушения России, то, во всяком случае, его задержать».⁴⁵³

Представители оппозиции также признавали, что А. Ф. Трепов — человек «одаренный волей и умом» (Н. В. Савич),⁴⁵⁴ «самый умный из братьев»,⁴⁵⁵ способный, чрезвычайно решительный, с большим характером», но при этом «оппортунист, который может пойти куда угодно», и, если будет затронуто его самолюбие, «может далеко пойти» (А. И. Савенко).⁴⁵⁶ К тому же, как замечал Савенко, Трепов стоял на точке зрения, что «соглашение (с оппозицией. — А. И.) необходимо и без уступок невозможно».⁴⁵⁷ Примерно так же отзывался о нем и прогрессивный националист В. В. Шульгин: «Две маски. Но — это человек умный, с деспотическим характером. Может далеко пойти в обе стороны (т. е. как влево, так и вправо. — А. И.). Мы можем только ожидать, какую маску он выберет».⁴⁵⁸ Точно те же качества Трепова подчеркивал и кадет А. И. Шингарев, утверждавший, что этот правый деятель — «человек импульса», с большим самолюбием, талантливым и «иногда соглашается с левыми».⁴⁵⁹ На «беспокойное направление» ума и «резкое непостоянство взглядов» А. Ф. Трепова указывал и его бывший коллега по группе А. Н. Наумов.⁴⁶⁰ Поэтому, когда Трепов пришел на смену Штюмеру, Прогрессивный блок первоначально решил выстраивать отношения с ним в рамках от «дружественного нейтралитета» (прогрессивный националист А. И. Савенко) до нейтралитета «вооруженного»

⁴⁵³ Штакельберг Р. А., фон. Отречение Государя Императора Николая II. С. 393.

⁴⁵⁴ Савич Н. В. Воспоминания. С. 187.

⁴⁵⁵ Трое братьев А. Ф. Трепова также были видными государственными деятелями: генерал от кавалерии Ф. Ф. Трепов (1854–1938), Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор (1908–1914); генерал-майор Д. Ф. Трепов (1855–1906) в 1905 г. являлся Петербургским генерал-губернатором и тов. министра внутренних дел; В. Ф. Трепов (1860–1918), являвшийся до 1911 г. одним из лидеров правой группы Государственного совета.

⁴⁵⁶ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. / Публ. Н. Лапин // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 119.

⁴⁵⁷ Там же.

⁴⁵⁸ Там же. В связи с назначением правого политика премьером, морской министр и член Государственного совета И. К. Григорович заметил в разговоре с А. В. Кривошеиным: «Трепов будет лукавить». (Цит. по: Савич Н. В. После исхода: Парижский дневник. С. 27).

⁴⁵⁹ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 119.

⁴⁶⁰ Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. С. 368.

(левый кадет Н. В. Некрасов).⁴⁶¹ По словам Р. А. Штакельберга, «хотя он (Трепов. — *А. И.*) был консерватором, что мало одобрялось все более влево склонявшимся течением, Дума все же согласилась на работу с ним. Во время одного из своих посещений Ставки, Родзянко нам сказал, что с Треповым они придут к согласию, если этот „шарлатан“ Протопопов сойдет со сцены».⁴⁶²

Сам же Трепов, как утверждали оппозиционные круги, заверял их, что хотя он формально и правый, но групповой дисциплине не подчиняется.⁴⁶³ Впрочем, не исключено, что дело тут было не столько в присущей Трепову «неустойчивости», сколько в прагматическом расчете. По словам А. Н. Наумова, Трепов «проявлял недюжинные способности дальновидного политика в деле привлечения на свою сторону симпатий нужных для его популярности и устойчивости положения людей».⁴⁶⁴ По свидетельству А. А. Мосолова, которому Трепов приходился «другом и шурином», в бытность свою премьером будущий председатель правой группы планировал, при наличии возможности, предложить четыре министерских портфеля «лицам, пользующимся доверием общественности и Думы».⁴⁶⁵

Как комментировал эту уступчивость Трепова Н. В. Савич, лидер правых хоть и был «противником стремления Думы упрочить и развить ее влияние в деле управления Россией», но полагал, что победа России в войне «зависит от того, будет ли или нет сохранен внутренний мир». «Ради этой главной цели, — резюмировал депутат-октябрист, — он готов был на уступки общественному мнению, понимал, что надо в первую голову так или иначе договориться с Думой. Он ей не сочувствовал, но все его с ней

⁴⁶¹ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. С. 120. Впрочем, нейтралитет этот довольно быстро был заменен на наступление. Уже вскоре оппозицией было заявлено, что «ни о каком примирении с Треповым [речи] не может быть», так как «власть должна опираться на общественные круги, а Трепов — сподвижник Штюрмера» (А. И. Коновалов). Причем нежелание оппозиции сотрудничать с А. Ф. Треповым было вызвано отнюдь не тем, что премьер не захотел с ней работать. Как заявлял октябрист В. И. Стемпковский, «если Трепов предложит работать с Думой, то надо указать, что с таким министерством нельзя работать» (Там же. С. 122, 127). По мнению современного историка, Прогрессивный блок в данный период в принципе не был готов к сотрудничеству с властью. «Думское большинство уже не было способно к какому-либо деловому разговору (а кадетское ядро Прогрессивного блока вообще не было способно общаться с властью в силу своей политической природы)» (*Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти. С. 244).

⁴⁶² *Штакельберг Р. А.*, фон. Отречение Государя Императора Николая II. С. 393.

⁴⁶³ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. С. 119.

⁴⁶⁴ *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. С. 369.

⁴⁶⁵ *Мосолов А. А.* При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 17.

разногласия казались ему ничтожными по сравнению с той грандиозной задачей, которую ставила перед властью Великая война». ⁴⁶⁶

Стоит также обратить внимание на то, что последний председатель первой группы Государственного совета вызывал стойкую антипатию императрицы, ⁴⁶⁷ наделявшей его в переписке с государем такими характеристиками, как «ужасный Трепов», «лживый человек» и признававшей, что нерасположенность к нему она не может осилить. ⁴⁶⁸ И эта неприязнь не была беспричинной. То, что в начале премьерства Трепова давало умеренным представителям либеральной оппозиции надежду на его поворот лицом к «общественности», — раздражало императрицу Александру Федоровну. «...Тр[епов] заигрывает с Родз[янко]. Всем известно, что они по 2 раза в день встречаются — это недостойно ⁴⁶⁹», — информировала она императора Николая II, призывая супруга остерегаться премьера, которого, по ее мнению, нельзя ни любить, ни уважать. ⁴⁷⁰ Особое раздражение императрицы вызывала затеянная Треповым интрига против Г. Е. Распутина и А. Д. Протопопова, которую она воспринимала отнюдь не как желание верноподданного «спасти» трон от «сторонних влияний», а как стремление «разогнать» преданных ей людей. «Я бы повесила Тр[епова] за его дурные советы.

⁴⁶⁶ Савич Н. В. Воспоминания. С. 186.

⁴⁶⁷ См.: Штакельберг Р. А., фон. Отречение Государя Императора Николая II. С. 394.

⁴⁶⁸ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 138, 184–185.

⁴⁶⁹ Между тем с этими «заигрываниями» А. Ф. Трепова с М. В. Родзянко не все однозначно. Октябрист Н. В. Савич зафиксировал в своем дневнике рассказ С. Е. Крыжановского, который, говоря о «первых днях революции и о днях им предшествующих», уверял, что «Трепов настаивал перед государем об аресте Родзянко, Гучкова, [М. В.] Алексеева, причем представил переписку этих лиц с ген. [Н. В.] Рузским о предполагавшемся [государственном] перевороте». Но император, показав эту переписку ген. Алексееву, удовлетворился «честным словом» последнего, что письма подложные. «После этого государь говорил, что верит этому слову и что у него гора свалилась с плеч. За эту доверчивость он поплатился головой» (Савич Н. В. После исхода: Парижский дневник. С. 29). Сам же Трепов в 1924 г. писал: «Я видел ясно, что начинается революция, которая повлечет Россию на дно пропасти. Я совсем не скрывал своего мнения от Государя. Я ему говорил, что всегда революции делались в городах, а не в деревнях, которые были верны. Я настаивал на немедленном проведении некоторых мер, которые должны, с одной стороны, упрочить безопасность, а с другой стороны — удовлетворить умеренные требования лучшей части политических людей, даже из среды оппозиции. Я видел, что время не ждет и что вожаки революции, подстрекаемые и поддерживаемые извне, понимают, что для достижения их целей — разрушения режима и России — надо использовать время войны; ибо будет слишком поздно после неизбежной победы. <...> Я не нашел необходимых слов, чтобы убедить в несчастиях, которые надвигались, и я не получил счастья спасти свою Родину и своего Царя» (цит. по: «...И даны будут Жене два крыла». С. 553. Автор ссылается: Новое время (Белград). 1924. 20 апреля).

⁴⁷⁰ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 184–185.

<...> Я ненавижу лживого Тр[епова], который делает все, чтобы повредить тебе», — откровенно признавалась императрица в письме к Николаю II.⁴⁷¹ Да и император не питал к Трепову особого доверия, хотя и высоко ценил его деловые качества. «Противно иметь дело с человеком, которого не любишь и которому не доверяешь, как Тр[епов]. Но раньше всего надо найти ему преемника, а потом выставить его...», — писал он 14 декабря 1916 г.⁴⁷²

В связи с избранием Трепова председателем правой группы в прессу просочилась информация, что свое согласие на эту должность он обставил двумя условиями: во-первых, группа должна предоставить своему лидеру полную свободу выступлений и голосования в тех случаях, когда он разойдется с мнением большинства, и, во-вторых, группа не будет вести «ретроградной политики», в которой ее до сих пор обвиняли.⁴⁷³ Правда, вскоре после появления подобных газетных сообщений Трепов поспешил выступить с заявлением, в котором говорилось об искажении журналистами его слов в отношении политики правой группы, которая «никогда ретроградной не была и, конечно, не будет». Но, как не без оснований замечал политический обозреватель либерального журнала, «весьма может быть, что собеседник А. Ф. Трепова не совсем точно передал содержание им сказанного, но едва ли можно сомневаться в том, что избранию нового председателя предшествовал разговор о некотором изменении образа действий, которых до сих пор держалась группа». «Совершенно понятно, — заключал он, — прежде чем стать его (правого объединения Государственного совета. — А. И.) вождем, А. Ф. Трепов пожелал заручиться обещанием несколько большей умеренности в проведении излюбленных принципов».⁴⁷⁴

Показательно также, что в дни Февральской революции, когда лидеры правой группы были подвергнуты арестам, А. Ф. Трепов, как рассказывал А. Н. Наумову А. Н. Яхонтов, явился в свое бывшее ведомство (путей сообщения) предлагать услуги новой власти,⁴⁷⁵ и хотя востребован ею не был, но за то, что «был противником А. Д. Протопопова», получил от председателя Государственной думы М. В. Родзянко (по другим сведениям, от депутата-прогрессиста А. А. Бубликова⁴⁷⁶) своего рода «охранную грамоту».⁴⁷⁷

⁴⁷¹ Там же. С. 190.

⁴⁷² Там же. С. 192.

⁴⁷³ *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1917. № 2. С. 330.

⁴⁷⁴ Там же.

⁴⁷⁵ *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. С. 371.

⁴⁷⁶ *Кривошеин К. А.* А. В. Кривошеин (1857–1921). Его значение в истории России начала XX века // Судьба века. Кривошеины. СПб., 2002. С. 291; *Николаев А. Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 333.

⁴⁷⁷ *Николаев А. Б.* Революция и власть... С. 333.

Но вместе с тем «своим» человеком считали Трепова и черносотенцы. Н. Н. Тиханович-Савицкий 15 февраля 1917 г. просил А. И. Дубровина переговорить с Треповым и постараться привлечь его в Совет намечавшегося на конец февраля монархического съезда. «Если бы удалось взять Трепова в Совет председателем, это было бы для нас большим успехом во всех отношениях», — резюмировал Тиханович-Савицкий.⁴⁷⁸

Таким образом, избрание Трепова можно рассматривать как победу умеренного крыла внутри правой группы. Причем избрание это произошло вопреки желанию И. Г. Щегловитова и министра внутренних дел А. Д. Протопопова, противодействовавших проведению кандидатуры А. Ф. Трепова.⁴⁷⁹ Последнее не удивительно, учитывая, что недолгое премьерство Трепова, продолжавшееся 46 дней (с 10.11.1916 по 27.12.1916), охарактеризовалось борьбой против «влияния» Г. Е. Распутина и А. Д. Протопопова. Министр внутренних дел разоблачил премьера в попытке путем подкупа заставить Распутина не вмешиваться в государственные дела, что обернулось снятием А. Ф. Трепова с обеих должностей — председателя Совета министров и министра путей сообщения.⁴⁸⁰

Однако избрание А. Ф. Трепова не принесло правой группе стабильности и успокоения. Как сообщало «Утро России», получившее информацию от своего источника в группе правого центра, избрание Трепова председателем правой группы Государственного совета вызвало неприятие крайне консервативного крыла «во главе с Н. А. Маклаковым», считавшего нового руководителя «чересчур либеральным». «В то же время другие члены правой группы из земских деятелей обнаруживают тяготение к нейдгартовцам, — передавало издание. — Таким образом, группа правых находится накануне полного развала».⁴⁸¹

Выходило, что численное усиление правой группы не гарантировало ее единства. Да и времени на то, чтобы преодолеть внутренний разлад, уже не оставалось. В новом, поправевшем составе Государственный совет успел провести только два заседания — начавшаяся Февральская революция 1917 г. прервала его работу. В отведенные же историей менее двух месяцев работы группе проявить себя в Совете не удалось. Оппозиция восприняла ее усиление как вызов обществу и открыто это демонстрировала. Назначение

⁴⁷⁸ Переписка правых... // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 223.

⁴⁷⁹ Падение царского режима... Т. 4. С. 460; *Демин В. А.* Верхняя палата Российской империи. С. 155.

⁴⁸⁰ *Рауш П. Р., фон.* *Facies Hippocratica* (Лик умирающего). С. 171–172; ОР РГБ. Ф. 218. Картон 306. Ед. хр. 3. Л. 97.

⁴⁸¹ Утро России. 1917. 24 января.

И. Г. Щегловитова председателем наблюдательной комиссии Особого совещания по обороне обернулось демонстративным выходом из нее прогрессиста А. И. Коновалова, который объяснял свой поступок тем, что «сотрудничество в одном и том же деле яркого представителя общественности с наиболее крайним вождем нашей реакции немыслимо». «Политический облик вновь назначенного председателя настолько ярок и несомненен, — оповещало своих читателей „Утро России“, — что от его „наблюдения“ можно ждать всего, не только ослабления общественной работы на оборону, но и окончательного расстройтва ее, сведения на нет».⁴⁸² Этот вывод, сделанный популярной либеральной московской газетой, финансируемой Коноваловым, был более чем пристрастен, но вместе с тем и показателен — назначение видного и энергичного правого сановника на пост, позволявший ему контролировать общественную работу на оборону, которая, как уже отмечалось, была далека от совершенства, ничего хорошего представителям буржуазии, приспособившимся к военным заказам и наживавшим на них немалые капиталы, не сулило. Поэтому возникла необходимость нанести упреждающий удар и представить неприятие назначения Щегловитова исключительно патриотическими чувствами и озабоченностью скорейшим достижением победы.

На первом же заседании обновленного Государственного совета, состоявшемся 14 февраля, произошел скандал, вызванный противостоянием правого председателя и либеральной оппозиции. Причем спровоцировали его отнюдь не правые. Как сообщали газеты, И. Г. Щегловитов был нацелен на то, чтобы первое под его руководством заседание прошло при полном спокойствии и без каких-либо внеочередных заявлений оппозиции, для чего им были включены в повестку дня третьестепенные вопросы.⁴⁸³ Но эта мера предосторожности не смогла предотвратить скандала. Еще перед началом заседания общего собрания Совета журналисты заметили, как члены президиума Прогрессивного блока В. В. Меллер-Закомельский (центр) и профессор Д. Д. Grimm (левая группа) вышли из кабинета И. Г. Щегловитова, после чего «оживленно говорили с участниками своих групп».⁴⁸⁴ Когда же заседание началось, после вступительного слова Щегловитова, подчеркнувшего, что заседание Совета является продолжением той же сессии, Меллер-Закомельский и Grimm направились к трибуне, попросив «в виду чрезвычайной важности настоящего исторического момента» предоставить Гримму слово для освещения лидером левой группы политической

⁴⁸² Там же. 15 января.

⁴⁸³ Вечернее время. 1917. 14 (27) февраля.

⁴⁸⁴ Новое время. 1917. 15 (28) февраля.

ситуации в стране.⁴⁸⁵ Но И. Г. Щегловитов отказал им в этом. Тогда Гримм потребовал права зачитать заранее им заготовленное заявление, подписанное пятнадцатью представителями левой группы, требующими, согласно Наказу Государственного совета, предоставить им трибуну.⁴⁸⁶ Однако Щегловитов проявил твердость и отказал представителям оппозиции в выступлении, указав, что 75 статья Наказа,⁴⁸⁷ к которой апеллировал Гримм, не предусматривает внеочередных заявлений по политическим вопросам.⁴⁸⁸ Уже в ходе продолжавшихся между Гриммом и Щегловитовым переговоров Меллер-Закомельский, махнув рукой, сошел с кафедры, а после того, как председатель пресек прения с ним, Гримм, назвав действия Щегловитова «коренным попранием прав членов Государственного совета», также спустился вниз и покинул зал заседаний.⁴⁸⁹ Вслед за своим лидером оскорбленной сочла себя вся левая группа и также демонстративно покинула зал. За ней направились и другие члены верхней палаты, состоявшие в Прогрессивном блоке или сочувствующие ему. Это был первый в истории реформированного Государственного совета случай, когда протест против действий председателя верхней палаты повлек за собой уход целой группы. Но Щегловитов, не обращая внимания на демарш, продолжил заседание Государственного совета,⁴⁹⁰ на котором обсуждались такие нейтральные в политическом плане вопросы, как законопроект о продаже крепких напитков в послевоенное время, санитарное охранение ладожского водопровода, правила владения землею Амурским и Уссурийским казачьим войском и др.⁴⁹¹ Но как только слово захотел взять лидер октябристов А. И. Гучков, заседание было Щегловитовым объявлено закрытым.⁴⁹²

Оппозиция негодовала. «Щегловитов начал применять систему Протопова и зажимал всем рот <...> — негодование общее», — писала в частном

⁴⁸⁵ РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. Д. 4. Л. 13.

⁴⁸⁶ Там же. Л. 7–8.

⁴⁸⁷ Статья 75 Наказа Государственного совета звучала следующим образом: «Заявление, имеющее предметом соблюдение в заседании установленного Учреждением Государственного совета или его Наказом порядка или правила, может быть сделано во всякое время и разрешается Государственным советом, если поддерживается не менее чем десятью членами. Прения по такому заявлению ограничиваются одной речью за и одной против него» (Наказ Государственного совета // *Демин В. А.* Верхняя палата Российской империи. С. 364–365).

⁴⁸⁸ РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. Д. 4. Л. 4 об.

⁴⁸⁹ Там же. Л. 13 об.

⁴⁹⁰ Там же; Утро России. 1917. 15 февраля.

⁴⁹¹ РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. Д. 4. Л. 4–6; Новое время. 1917. 15 (28) февраля.

⁴⁹² Новое время. 1917. 15 (28) февраля.

письме супруга председателя Государственной думы А. Н. Родзянко.⁴⁹³ Три дня спустя под председательством В. В. Меллер-Закомельского состоялось совместное заседание оппозиционных групп Госсовета — левой, центра и кружка внепартийного объединения, постановивших обратиться с протестом против действий Щегловитова в письменной форме (20 февраля такой протест, подписанный 37 представителями левой группы, центра и беспартийными, был передан Щегловитову⁴⁹⁴). Правые же отмечали правоту своего лидера и его твердость, заявляя (князь Д. П. Голицын-Муравлин), что в должности председателя Государственного совета И. Г. Щегловитов «превзошел всякие ожидания».⁴⁹⁵ За «превосходное начало председательствования» приветствовал Щегловитова и лидер астраханских монархистов Н. Н. Тиханович-Савицкий. «Такие люди, как Вы, особенно теперь дороги, а главное — редки», — писал он председателю Государственного совета.⁴⁹⁶

Но перейти в контрнаступление правые так и не смогли — времени на это у них уже не оставалось. Вторым и последним заседанием Государственного совета под председательством И. Г. Щегловитова стало довольно бледное по своему характеру заседание 20 февраля 1917 г., примечательное лишь речью А. И. Гучкова, который, не жалея красок, описывал общее расстройство транспорта.⁴⁹⁷ Следующему же заседанию, намеченному на 27 февраля, состояться было уже не суждено — в Петрограде вовсю бушевала революция.

«Не остановили крушения — ни выходка Маркова, ни письмо Маклакова <...>, ни попытка усиления правого крыла Государственного совета <...>, ни последние назначения, вроде назначения князя Голицына», — отмечал А. А. Блок.⁴⁹⁸

Изолированность правых и правительства, в состав которого вошли их представители, недовольство властью и ее защитниками со стороны абсолютно всех политических сил страны практически не оставляли консервативному лагерю шансов на успех. «На стороне правительства <...> нет ни одной законодательной палаты, ни одного сословия, ни одной партии, кроме безнадежно и быстро тающей группы крайне правых, ни одного органа

⁴⁹³ Цит. по: Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете... С. 282.

⁴⁹⁴ РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. Д. 4. Л. 7 об.—8; Новое время. 21 февраля (6 марта). Подробнее о позиции оппозиционных групп верхней палаты по этому вопросу см.: Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете... С. 282–285.

⁴⁹⁵ Утро России. 1917. 18 февраля.

⁴⁹⁶ Переписка правых... // Вопросы истории. 1996. № 10. С. 123.

⁴⁹⁷ См.: РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. Д. 4. Л. 23–24 об.

⁴⁹⁸ Последние дни императорской власти... С. 13.

печати, кроме содержимых на казенные средства, ни одной общественной организации, кроме окончательно дискредитированных союзов, именующих себя монархическими», — в канун Февральской революции удовлетворенно отмечал «Вестник Европы». ⁴⁹⁹

Накануне крушения старого строя известный публицист консервативного толка К. Н. Пасхалов констатировал, что правые уже не способны ни на внушительную демонстрацию из-за отсутствия влияния на общественность и нехватки средств, ни на собрание значительного по составу и представительству съезда. ⁵⁰⁰ «Это не случайность, это вырождение правых в каких-то бесплодных убудков <...> Марков — интриган; Щегловитов выдохся, не зарядившись; Левашев — подставной человек <...> Ширинский-Шихматов много говорит, но ничего не делает», — отмечал Пасхалов в частном письме. ⁵⁰¹

Действительно, укрепление правой группы не привело к перелому ситуации в пользу консервативного лагеря. Внутренняя разобщенность и аморфность большинства членов группы не оставляли ей никаких шансов на успех. Пока отдельные, наиболее энергичные члены группы (такие, как Н. А. Маклаков, А. А. Римский-Корсаков, М. Я. Говоруха-Отрок и некоторые др.) пытались как-то переломить ситуацию, большинство просто плыло по течению. Достаточно посмотреть на то, чему были посвящены последние заседания правой группы, проходившие в феврале 1917 г. под председательством А. Ф. Трепова. 2 февраля — обсуждение вопроса о кооперативах, 9 февраля — обсуждение нового законопроекта о трезвости, 16 февраля — обсуждение поправок к законопроекту о кооперативах, 23 февраля — обсуждение законопроекта о Тифлисском политехническом институте и ряда редакционных поправок в закон о кооперативах. ⁵⁰² Страна же тем временем неуклонно двигалась к революции...

Ситуация, сложившаяся в правой группе накануне революции, нашла отражение в стихотворении графа А. А. Бобринского, датированном им февралем 1917 г. В нем, проникнутом ногами разочарования, бывший руководитель крайне правого объединения верхней палаты, отдавая отчет в тревожности сложившейся ситуации, признавал неспособность своих коллег что-либо изменить для спасения положения:

⁴⁹⁹ *Арсеньев К.* Две Февральских революции // Вестник Европы. 1917. № 2. С. X.

⁵⁰⁰ Правые в 1915 — феврале 1917 гг. ... С. 187.

⁵⁰¹ Там же; «Не понимают величия русской государственной идеи». Переписка К. Н. Пасхалова. 1914–1917 гг. // Источник. 1995. № 6. С. 33.

⁵⁰² Новое время. 1917. 3, 10, 17, 24 февраля.

Канун событий грозных. Через десять дней
Зашевелится Государственная Дума;
Но нашей группе до общественного шума
Нет дела; несравненно для нее важней
Параграф сорок пятый мелкого закона,
Нетерпеливый гул народного трезвона
Не заглушит напева пунктов и статей.
О, институт слепых, глухонемая братья!
Бюрократический твой строй неисправим.
И как бы не привычен был тебе внимать я,
Я все же поражен спокойствием твоим.
И думается мне: у самой гильотины
В кровавой свистопляске предстоящих дней
Ты не сумеешь выйти из привычной тины
Параграфов, отделов, пунктов и статей.⁵⁰³

Предчувствие «событий грозных» не обмануло графа А. А. Бобринского. Октябрист Н. В. Савич вспоминал, как однажды лидер правых произнес в беседе с кадетом А. И. Шингаревым: «Знаю, что революция будет, но когда она еще будет...». Но встретив графа 25 февраля 1917 г., к своему удивлению, Савич услышал от него: «Вот как начинается наша революция».⁵⁰⁴

Тем не менее 25 февраля 1917 г. в правой группе нашлось всего лишь три человека, попытавшихся остановить начавшуюся революцию, — князь А. А. Ширинский-Шихматов, А. Ф. Трепов и Н. А. Маклаков. Явившись на заседание Совета министров, они от имени правой группы верхней палаты настойчиво рекомендовали правительству ввести в охваченном беспорядками Петрограде осадное положение, но Совет министров на этот шаг не так и решился. Как вспоминал А. Д. Протопопов, эта мера показала ему тогда «возможной, но нежелательной», поскольку глава МВД считал, что «дальнейший нажим мог бы снести все здание монархии», и в результате предложение правых было отклонено.⁵⁰⁵

Между тем «бунт черни», как он поначалу виделся некоторым правым,⁵⁰⁶ стремительно перерастал в революцию. При этом 27 февраля, т. е. в крити-

⁵⁰³ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 233.

⁵⁰⁴ *Савич Н. В.* Воспоминания. С. 194.

⁵⁰⁵ Падение царского режима... Т. 4. С. 25.

⁵⁰⁶ Член правой группы Государственного совета В. И. Мамантов так описывал развитие революции: «Вспыхнувший в Петрограде 27-го февраля бунт черни, — иначе нельзя назвать тех только что набранных, необученных и недисциплинированных солдат Петроградского гарнизона, — попустительством, а затем и стараниями Прогрессивного

ческий, переломный момент революции, представителей от фракции правых (С. В. Левашева и Н. Е. Маркова) не было на заседании Совета старейшин (Сеньорен-конвента) Государственной думы без всяких «уважительных причин», хотя собрание старейшин носило вполне легальный характер, т. к. депутаты могли собираться и в период думских каникул.⁵⁰⁷ Правые депутаты, очевидно, предупрежденные о роспуске Государственной думы заранее, не показывались в Таврическом дворце начиная с 25 февраля.⁵⁰⁸ Поэтому в начальный период революции крайне правое крыло Думы никак себя не проявило. Правые не участвовали в последнем Совете старейшин, в избрании членов Временного комитета Государственной думы. В февральско-мартовские дни в Государственной думе можно было видеть депутатов любых политических направлений, от социал-демократов до правых националистов, сообщалось в экстренном выпуске «Известий» комитета петроградских журналистов, кроме представителей правой фракции. Последние стали появляться в Думе (и то единично), лишь начиная со 2 марта, и преимущественно те, кто признавал новое положение вещей.⁵⁰⁹ В связи с этим можно с уверенностью констатировать, что фракция правых потеряла всякое влияние на думские дела еще с конца 1916 г. и окончательно сошла с политической сцены в преддверии революционных событий февраля 1917 г.

Для большинства членов правой группы Государственного совета также была характерна растерянность. Та легкость, с которой в несколько дней рухнула насчитывавшая века истории русская монархия, ошеломила их. Бывший председатель группы правых, граф А. А. Бобринский отмечал весной 1917 г. в частном письме: «Какая сногшибательная революция и как сравнительно гладко все это совершилось. Дал бы Бог, чтобы Россия крепко вступила в новое русло без чрезвычайных потрясений. С каким жутким чувством следишь за телеграммами и газетами. Как тревожны внутренние разлады перед грозным призраком германского наступления!».⁵¹⁰

блока Государственной думы и ее председателя, камергера Высочайшего Двора Родзянко был превращен в революцию и положил начало развалу и гибели России» (*Мамантов В. И.* На Государевой службе. Воспоминания. Таллин, 1926. С. 244–245).

⁵⁰⁷ См.: *Николаев А. Б.* Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002. С. 25.

⁵⁰⁸ Как произошел переворот (сообщение депутата А. И. Рыслева) // Амурское эхо. 1917. 18 (30) апреля, источник введен в научный оборот А. Б. Николаевым.

⁵⁰⁹ Известия Комитета петроградских журналистов. 1917. 2 марта.

⁵¹⁰ РГИА. Ф. 899. Оп. 1. Д. 150. Л. 14.

Сами правые не были едины в понимании причин революции и собственного поражения. Одни винили друг друга, вторые — правительство, но большинство сходилось на том, что главной причиной являлись заговор «иудо-масонов» и разрушительная деятельность либерального Прогрессивного блока, что для большинства правых являлось в принципе разными сторонами одной медали, поскольку масонство всегда ассоциировалось у правых с либеральной интеллигенцией и близким ей слоями, а понятие «иудей» являлось зачастую не только вероисповеданием или принадлежности к еврейскому народу, но определением некоего сосредоточения мирового зла. Бывший лидер правой фракции Н. Е. Марков, посвятивший в эмиграции этой проблеме целую книгу, писал, перефразируя У. Черчилля, что: «Россия рухнула на пороге уже готовой победы, рухнула потому, что была заживо, изнутри пожранная червями... Эти черви были сознательные и бессознательные агенты темной силы иудо-масонства», а роль этих червей, «разъевших белое тело родной Матери — России», сыграли деятели Прогрессивного блока.⁵¹¹ Однако и Марков признавал, что далеко не только масоны и евреи привели к падению русское самодержавие: «Тут за дело взялись не бомбометатели из еврейского Бунда, не изуверы социальных вымыслов, не поносители чести Русской Армии Якубзоны,⁵¹² а самые заправские российские помещики, богатейшие купцы, чиновники, адвокаты, инженеры, священники, князья, графы, камергеры и всех Российских орденов кавалеры».⁵¹³

Заметную роль в потере правыми политического влияния сыграла постоянная травля и критика черносотенцев со стороны либеральной и левой прессы, в потоке которой тонула апология уже чуждых большинству российского общества идей монархизма и имперского величия державы. В результате уже к началу 1917 г. у правых не было сколько-нибудь значимой поддержки в обществе, а следовательно, и реальных шансов на победу. Поражение правых было предопределено намного раньше, чем оно, в сущности, произошло.

⁵¹¹ Марков Н. Е. Войны темных сил. М., 2002. С.176.

⁵¹² Имеется в виду депутат I Государственной думы В. Р. Якубсон (трудовая группа), который, являясь членом депутатской группы по расследованию еврейского погрома в Белостоке, заявил с думской кафедры, что солдаты боялись идти на те улицы, где стреляла еврейская самооборона, так как «русские войска научились бегать от выстрелов — русско-японская война оказала на них плохое влияние». Это заявление вызвало сильную волну протеста со стороны умеренной и правой печати. (См.: *Ольденбург С. С. Царствование Николая II*. С. 389).

⁵¹³ Марков Н. Е. Войны темных сил. М., 2002. С. 153.

§ 5. Судьбы членов фракции правых Государственной думы и правой группы Государственного совета после 1917 г.

Стремительность Февральской революции, ее массовая поддержка в российском обществе и вызванная ею полуторамесячная эйфория в стране внесли растерянность и уныние в стан сторонников рухнувшего строя и его критиков справа. «Добровольное» отречение императора Николая II от престола освобождало правых от присяги. А последовавший на следующий день отказ великого князя Михаила Александровича вступить на престол (но отнюдь не отречение от него) до волеизъявления Учредительного собрания не давало правым формального повода протестовать — ведь де-юре Россия оставалась империей с законным претендентом на престол, отложившим свое восшествие на него и передавшим власть в руки либерального Временного правительства. Таким образом, политическая борьба правых оказывалась лишённой смысла. Как замечает М. Л. Размолодин, «российская монархия в начале XX века погибла и вместе с собой утянула на дно истории всех, кто был в нее социально и политически интегрирован. <...> Черносотенная идеология как политическая идея могла существовать только в условиях самодержавия, т. е. при наличии объекта поклонения — самодержавного царя».⁵¹⁴

В. М. Пуришкевич, признав Временное правительство, сразу же, разезжая по фронту, стал убеждать солдат и офицеров поддерживать новую власть и спокойно дожидаться Учредительного собрания.⁵¹⁵ Г. Г. Замысловский прислал на имя председателя Государственной думы заявление, в котором также признавал законность новой власти, обещая ей повиноваться.⁵¹⁶ Священник С. А. Попов с крестом в руках благословлял революционные войска.⁵¹⁷

⁵¹⁴ Размолодин М. Л. О консервативной сущности черной сотни. Ярославль, 2010. С. 37.

⁵¹⁵ Иоффе Г. З. Крах монархической контрреволюции. С. 69. Исследователь ссылается на «Солдатское слово» от 4 марта 1917 г. Пуришкевич называл свершившийся переворот «великим», призывал к «поддержке и укреплению нового строя», называя старый строй «прогнанным сверху донизу» и упавшим «от легкого дуновения волны свежих, здоровых национальных чувств». Подробнее см.: Иванов А. А. В. М. Пуришкевич и Временное правительство: от поддержки к разочарованию // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: Сб. науч. ст. / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2011. С. 70–81.

⁵¹⁶ Новое время. 1917. 10 (23) марта; Чхартушвили П. Ш. Черносотенцы в 1917 г. // Вопросы истории. 1997. № 9. С. 134.

⁵¹⁷ Николаев А. Б. Революция и власть... С. 279.

Б. А. Энгельгардт позже вспоминал, как в один из первых дней марта А. Ф. Керенский, набиравший все большую популярность, зашел в кабинет председателя Государственной думы, где собрались безработные депутаты, принадлежавшие преимущественно к правому крылу, — т. е. все те, кто еще не так давно встречали его не иначе как насмешками, а иногда шиканьем и свистом. Керенский произнес короткую, воодушевленную до истерики речь, в ответ на которую... раздался гром аплодисментов. Среди прочих «с ожесточением колотил ладонью о ладонь» товарищ председателя фракции независимых правых А. А. Радкевич, смущенно ответивший на вопрос удивленного Энгельгардта, неужели он аплодирует «самому Керенскому», следующими словами: «Да, но знаешь, сейчас Керенский на высоте положения».⁵¹⁸

Растерявшись в стремительном водовороте событий, некоторые представители правого крыла Думы уцепились за Керенского, как за якорь спасения. Позже, оправдываясь, монархисты писали о некоем «помрачении умов», начавшемся после Февральской революции. «...Все жило в каком-то угаре, — писал редактируемый Н. Е. Марковым эмигрантский монархический журнал „Двуглавый орел“, — вчерашние консерваторы кричали о демократической республике, люди порядка и закона восторгались Родзянко, Гучковым, Милюковым, Терешенкой и прочими убийцами России. Боевые генералы восторженно „ели глазами“ жалкого главковерха, истерика Керенского и, казалось, всерьез ожидали, что фонтанами красноречия ему удастся победить стальную силу германских штыков. Монархисты молчали...»⁵¹⁹

Некоторые правые стали покидать лагерь. Определенную роль в их отходе от защиты монархических принципов сыграло прекращение «живительного дождя» правительственных субсидий и моральной поддержки. Оставаться в правом лагере стало бесперспективно, невыгодно и небезопасно.

И действительно, репрессии не преминули последовать. В Петрограде были закрыты все правые газеты (осталась лишь нелегально выходившая

⁵¹⁸ ОР РНБ. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 23. Л. 57; Там же. Д. 32. Л. 12; ОР РГБ. Ф. 218. Картон 306. Ед. хр. 3. Л. 109. Впрочем, в отношении А. А. Радкевича надо заметить, что если верить Б. А. Энгельгардту, убежденным членом фракции правых он никогда не был — просто ранее для него существовало лишь два лагеря — правые и левые, т. е. те, кто за порядок, и те, кто против. А поскольку к социал-демократам он себя не относил, то заявлял так: «какой [тогда] смысл примыкать к националистам, октябристам, кадетам и проч., т. е. сидеть на двух стульях?» (ОР РГБ. Ф. 218. Картон 306. Ед. хр. 3. Л. 315).

⁵¹⁹ Двуглавый орел (Берлин). 1920. № 1. 14 (27) сентября. С. 3; *Иоффе Г. З.* Крах монархической контрреволюции. С. 60–61.

«Гроза»), монархические партии были запрещены новой демократической властью, их лидеров и активистов стали преследовать.

Все это коснулось как правых членов Государственного совета, так и Государственной думы. ЧСК ВП арестовала и допросила Н. Е. Маркова, Г. Г. Замысловского, А. Н. Хвостова, И. Г. Щегловитова, Н. А. Маклакова, А. А. Макарова, Н. Д. Голицына, Б. В. Штюрмера и др. Но если Маркову и Замысловскому относительно повезло (их допрашивали как свидетелей, т. к. обвинять в должностных преступлениях людей, никаких должностей не занимавших, было проблематично), то те представители правых объединений Думы и Совета, которые занимали ключевые министерские посты, были заключены в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, а затем в тюрьму «Кресты». И хотя в большинстве случаев ЧСК ВП была вынуждена свернуть расследование деятельности правых, так и не сумев доказать наличие в их действиях состава преступления (что по законам Российской империи было практически невозможно, а Комиссия в отличие от последующей власти строила обвинения именно на этих принципах), то большевики, получив «в наследство» от свергнутой ими власти ее арестантов, расправились с ними, исходя из принципов «революционной целесообразности».

Впрочем, и в период нахождения у власти либерального Временного правительства правым пришлось натерпеться. Престарелый Б. В. Штюрмер, не выдержав глумления и издевательств, которым он подвергался в тюрьме, скончался 20 августа 1917 г. В Курске преследования со стороны новых властей обрушились на секретаря фракции правых, священника А. Д. Мешковского, который был вынужден бежать в Москву в связи с грозящим ему арестом.⁵²⁰ Н. Е. Марков утверждал, что в родном Курске его хотят застрелить. В Житомире был арестован за «погромную агитацию» бывший член думской фракции правых В. И. Мельников.⁵²¹ Херсонскому депутату П. В. Новицкому, который, по некоторым сообщениям, разъезжал по родной губернии, агитируя за восстановление самодержавия, было приказано немедленно вернуться в Петроград для объяснений.⁵²² В мае 1917 г. крестьянами-односельчанами из-за нежелания передать им часть своей земли был арестован депутат И. Е. Пулин (освобожден по личной телеграмме М. В. Родзянко).

В своих показаниях ЧСК ВП Н. Е. Марков констатировал: «Мы все уничтожены, мы фактически разгромлены, отделы наши сожжены (в февральско-

⁵²⁰ Курский край. 1917. 11–12 апреля.

⁵²¹ *Чкартшивили П. Ш.* Черносотенцы в 1917 г. // Вопросы истории. 1997. № 9. С. 138.

⁵²² Новое время. 1917. 7 (20) апреля.

мартовские дни 1917 г. Главный совет СРН, располагавшийся в Басковом переулке, был сожжен революционно настроенной толпой. — А. И.), а руководители, которые не арестованы, в том числе и я, пока не арестован, — мы скрываемся».⁵²³ «Лидеры правых — Марков 2-й и Замысловский скрылись, и местонахождение их было неизвестно. Один Пуришкевич не прятался, и, не скрывая своих монархических убеждений, выражал готовность служить родине в любых условиях», — вспоминал Б. А. Энгельгардт.⁵²⁴

Действительно, в исключительном положении оказался разве что В. М. Пуришкевич, переметнувшийся на сторону победителя еще в предреволюционный период.⁵²⁵ Появившись в Петрограде 2 марта 1917 г., в день отречения императора Николая II от престола, Пуришкевич сразу же выступил с речами в поддержку свершившегося государственного переворота в Государственной думе и перед солдатами нескольких полков, призывая их повиноваться Временному правительству «как единственной власти, существующей в настоящее время в стране до созыва Учредительного собрания».⁵²⁶ Как вспоминал Н. А. Энгельгардт, Пуришкевич обратился к А. Ф. Керенскому с письмом, в котором предлагал своему бывшему политическому антиподу «трудовую руку» для общей работы на фронте.⁵²⁷ По словам самого Пуришкевича, он просил Керенского поручить ему всю санитарную часть в армии без предоставления портфеля в кабинете Временного правительства, но тот не удостоил бывшего правого политика ответом.⁵²⁸

В первые революционные месяцы В. М. Пуришкевич никакой контрреволюционности не выказывал. Напротив, он не отделял себя от революции, а его риторика того времени отличалась откровенным либерализмом. «Мы произвели тот переворот, — заявлял Пуришкевич, — который дал первые лучи свободы, заблестевшей 27 февраля».⁵²⁹ «Из нашей [дворянской]

⁵²³ Падение царского режима... Т. 6. С. 191.

⁵²⁴ Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция. Русская гвардия. Мемуары // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. 8. Рига, 2004. С. 82.

⁵²⁵ Подробную биографию В. М. Пуришкевича после 1917 г. см.: Иванов А. А. Владимир Пуришкевич: опыт биографии правого политика. С. 303–398.

⁵²⁶ Солдатское слово. 1917. 4 марта.

⁵²⁷ Энгельгардт Н. А. Эпизоды моей жизни (Воспоминания). С. 61.

⁵²⁸ «27-го февраля мы могли стать гражданами...» С. 130. Характерно, что прокурору петроградского окружного суда Ф. Ф. Нандельштедту, заставшему вскоре после революции Пуришкевича в приемной у Керенского, пришла на ум мысль: «уж не думает ли Пуришкевич занять какой-нибудь пост в Министерстве юстиции?» (Кошко А. Ф. Как было найдено тело Распутина // Король сыска: Рассказы / Сост. Г. Беляев. М., 2002. С. 284).

⁵²⁹ Буржуазия и помещики в 1917 г. Частные совещания членов Государственной думы / Под ред. А. К. Дрезена. М.; Л., 1932. С. 127.

среды, — напоминал он, — вышли благородные глашатаи действительной русской свободы — славная плеяда декабристов, <...> и мы, сейчас, в том законодательном учреждении России, которое признавалось вами очагом застоя и рутини, подняли **первые** (выделено Пуришкевичем. — *А. И.*) действительное знамя свободы, став ее **первыми** глашатаями во имя любви к своему народу, угнетенному бесправием и самовластием полицейско-бюрократических сил, толкавших Россию на антинациональные пути в последние годы царствования императора Николая II — Слабовольного». ⁵³⁰

Недавний черносотенец и поборник русских патриархальных начал, ранее горячо отстаивавший их с думской трибуны, призывал в эти дни «лучших русских людей» «поднимать выше священное знамя гражданской свободы, свободы западного образца»; обращался к «забитой и загнанной русской буржуазии» с призывом встать на защиту завоеваний революции и не дать безответственным силам «замутить великой демократической реки нам предстоящих реформ грязью анархии». ⁵³¹ Более того, Пуришкевич поспешил переkreить традиционную монархическую триаду «Православие. Самодержавие. Народность» в довольно неуклюжую, но соответствующую духу времени формулу: «Родина. Отечество. Свободная Россия». ⁵³²

Однако вскоре Пуришкевичу пришлось разочароваться в революции и государственных способностях творцов Февраля. Временное правительство довольно быстро показало свою полную неспособность к управлению государством и армией, в то время как радикально-левые силы с каждым месяцем стали набирать политический вес и влияние. И тональность выступлений Пуришкевича начинает меняться.

Видя, что все летит под откос, что в правительстве нет людей, способных вывести страну из политического кризиса, в который она с каждым днем все глубже и глубже погружалась, Пуришкевич, желая спасти страну от позора, начал судорожно перебирать различные комбинации по спасению России от анархии и метаться в поиске хоть какой-то опоры, порой вызывая своими действиями немалое удивление современников. Он то обещал отдать свой голос на выборах в Учредительное собрание за кадетов, ⁵³³ то бросался за помощью к социалистам. ⁵³⁴ В итоге Пуришкевич оказался в правой оппозиции существующей власти, которую аттестовал как «власть безвольную <...>, власть трусливую, <...> искательно-просящую». ⁵³⁵

⁵³⁰ Буржуазия и помещики в 1917 г. С. 21, 34.

⁵³¹ Там же. С. 17–18.

⁵³² Там же. С. 36.

⁵³³ Там же. С. 284.

⁵³⁴ Плеханова Р. Год на родине // Диалог. 1991. № 10. С. 83.

⁵³⁵ Пуришкевич В. М. Вперед! Под двухцветным флагом. С. 2, 6–7.

На частных заседаниях Государственной думы В. М. Пуришкевич призывал депутатов не быть «политическими трусами», а сделать так, чтобы Государственная дума «заговорила громко, грозно, властно, чтобы она подняла свой голос», для чего предлагал перенести частные заседания российского парламента подальше от Петрограда — в Новочеркасск, в Область войска Донского.⁵³⁶ Пуришкевич также указывал триумфаторам Февраля на большевистскую опасность. Поддержав в начале июля подавление большевистского выступления в столице, политик не разделял оптимизма тех, кто полагал, что с большевизмом отныне покончено. В августе 1917 г. он говорил о том, что положение в стране ухудшилось до последней степени, и предупреждал, что в Совете рабочих и солдатских депутатов «происходят события, которые, после того, как созреют, разразятся опять в Петрограде и отзовутся эхом по всей России».⁵³⁷ Указывая на то, что власть в Совете рабочих и солдатских депутатов захвачена большевиками, он выражал уверенность, что последние будут не в состоянии удержаться от новой попытки вооруженных выступлений, «характер и размер коих предсказать совершенно невозможно».⁵³⁸

Окончательно разочаровавшись в способности Временного правительства преодолеть кризис, начиная с августа 1917 г. Пуришкевич стал призывать к установлению в стране диктатуры. На базе «Общества русской государственной карты», расширенном за счет офицеров, Пуришкевич попытался создать по сути новую организацию, целью которой стало бы «наведение порядка в стране».⁵³⁹ Пуришкевич безрезультатно искал поддержки своей новой инициативы у генералов Л. Г. Корнилова и А. И. Деникина, и хотя последние не проявили интереса к политик, в дни корниловского выступления Пуришкевич был «от греха подальше» арестован на основании указа А. Ф. Керенского о внесудебных арестах.⁵⁴⁰ Впрочем, не обнаружив за Пуришкевичем никаких преступных действий, судебная палата постановила 18 сентября освободить политика. 20 сентября В. М. Пуришкевич, по словам возмущенного социалиста Н. Н. Суханова, «вышел из тюрьмы чистый, как голубь».⁵⁴¹

После Октябрьской революции Пуришкевич оказался на нелегальном положении, но оружия не сложил, решив попытаться подготовить при помощи

⁵³⁶ Буржуазия и помещики в 1917 г. С. 127–128.

⁵³⁷ Там же.

⁵³⁸ Там же. С. 275.

⁵³⁹ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 4. Д. 24. Л. 101.

⁵⁴⁰ Там же. Л. 106.

⁵⁴¹ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 3. С. 148.

членов своей организации⁵⁴² очередной государственный переворот для введения в стране национальной диктатуры. Изменив внешность, вместе с ближайшими соратниками Пуришкевич перебрался в гостиницу «Россия», где стал разрабатывать планы по борьбе с большевизмом. Но большевики его опередили. Контрреволюционная организация была быстро обнаружена, и 4 ноября В. М. Пуришкевич был арестован. Но бывшему правому депутату в очередной раз повезло. Поскольку его дело стало одним из первых политических процессов советской власти, большевики решили судить его публично и демократично. В результате приговор оказался довольно мягким — четыре года принудительных общественных работ.⁵⁴³ Причем полностью отсидеть тюремный срок Пуришкевичу не пришлось — 1 мая 1918 г. он попал под амнистию, объявленную по случаю пролетарского праздника. А на свободе он оказался еще раньше — 17 апреля было принято решение отпустить Пуришкевича для ухода за больным сыном под честное слово о неучастии в общественной и политической жизни. Ходатайствовали за бывшего лидера черной сотни председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский и комиссар юстиции Н. Н. Крестинский.⁵⁴⁴

Амнистированный большевиками В. М. Пуришкевич не стал искушать судьбу и поспешил как можно скорее, пока представлялась такая возможность, покинуть Петроград и перебраться на гетманскую Украину.

Оказавшись на неподконтрольной большевикам территории, Пуришкевич со свойственной ему активностью включился в политическую жизнь Киева. Однако на Украине политику долго задержаться не пришлось. В декабре 1918 г. режим гетмана П. П. Скоропадского, лишившись поддержки германских штыков, пал под натиском петлюровских банд, и Пуришкевичу пришлось искать новое убежище, перебравшись на Белый юг России. Здесь бывший правый депутат развернул обширную пропагандистскую деятельность в пользу восстановления в России монархии.

⁵⁴² См.: Заговор монархической организации В. М. Пуришкевича // Красный архив. 1928. Т. 1 (26).

⁵⁴³ ГАРФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 277. Л. 6.

⁵⁴⁴ Последующая антисоветская деятельность Пуришкевича заставила большевиков пожалеть об амнистии, вызванной, по словам следователя И. А. Тарасова-Родионова, «порывом первичного слабосердечия» (*Тарасов-Родионов А. И.* Классическое и классовое // На посту. 1923. № 2–3. С. 70). Как сетовал спустя десять лет Я. Х. Петерс, виноватыми в этом «слабосердечии» были левые эсеры, и в частности принадлежавший к ним наркомост И. З. Штейнберг. Но после того как антибольшевистский мятеж левых эсеров в июле 1918 г. был подавлен, вспоминал Петерс, ВЧК «могла развернуть свою работу по настоящему, по-большевистски» (*Комсомольская правда.* 1927. 16 декабря). Но В. М. Пуришкевич к этому времени был уже за пределами досягаемости чекистов.

Пуришкевич вновь подверг ревизии свои взгляды. В марте 1919 г. он выступил в Ростове-на-Дону с лекцией на тему «Россия вчера и сегодня. Россия завтра», в которой напал на Англию и выступал за союз с Германией. Вождям Белого движения, придерживавшимся непрережденческой политики и продолжавшим ориентироваться на Антанту, пропаганда Пуришкевича пришлась не по вкусу — приказом градоначальника Пуришкевич был изгнан из пределов Ростова. Превратившись в «бродячего лектора», Пуришкевич появлялся то в Екатеринодаре, то в Новороссийске, то в Ялте.

Помимо своих многочисленных выступлений и публицистической деятельности, являясь опытным политиком-практиком, В. М. Пуришкевич поставил своей целью создать на подконтрольной белым территории адекватную тогдашним реалиям правую политическую структуру — Всероссийскую народно-государственную партию (ВНГП).⁵⁴⁵ Партия была создана в 1919 г., Главный совет ВНГП располагался в Ялте, а ее отделы — в Ростове-на-Дону, Одессе, Кисловодске, Новороссийске, Екатеринодаре и Харькове. В ее программных постулатах значились: возрождение монархии, двухпалатное представительное собрание, расширение местного самоуправления (низшей единицей которого мыслился церковный приход, объединяющий «для хозяйственных целей всех граждан без различия вероисповедания, а по вопросам церковным — только православных»), разрешение аграрного вопроса в духе уничтожения общины и создания мелкой собственности за счет всех земель, кроме частновладельческих, запрет на пропаганду социализма, воссоздание границ Российской империи за исключением Польши.⁵⁴⁶ Председателем созданной политической структуры стал сам Пуришкевич, помимо него в Главном совете партии оказался видный деятель правой группы Государственного совета А. И. Мосолов.

Но дни В. М. Пуришкевича были уже сочтены. Незаметно к нему подкрался сыпной тиф, и, не сумев справиться с болезнью, 11 (24) января 1920 г. он скончался в новороссийском госпитале.⁵⁴⁷ Похоронили Пуришкевича

⁵⁴⁵ Подробнее см.: *Иванов А. А.* Всероссийская народно-государственная партия: последнее детище В. М. Пуришкевича // *Герценовские чтения 2006. Актуальные проблемы социальных наук. Сб. науч. и учебно-методических трудов / Сост. А. Б. Николаев.* СПб., 2006. С. 116–118.

⁵⁴⁶ *Бутаков Я. А.* Русские националисты и Белое движение на Юге России в 1919 г. // *Новый исторический вестник.* 2002. № 2 (7). С. 18; *Степанов С. А.* В. М. Пуришкевич. С. 340.

⁵⁴⁷ Точная дата кончины В. М. Пуришкевича установлена и аргументирована в статье: *Иванов А. А.* Депутаты правых фракций в Государственной думе: новые биографические сведения // *Вопросы истории.* 2010. № 6. С. 172–173.

в тифозной братской могиле в Мефодиевке, недалеко от железнодорожно-го вокзала Новороссийска.⁵⁴⁸

Другой видный член фракции правых, Г. А. Щечков, входивший до революции в возглавляемый В. М. Пуришкевичем РНСМА, после февраля 1917 г. переехал в Москву, где перенес сердечный приступ. Поправившись, депутат-монархист уехал в родовое имение Волынцево, а оттуда, после разгрома усадьбы — в Киев. После падения на Украине власти гетмана П. П. Скоропадского Щечков, как и многие правые русские деятели, оставшиеся в Киеве, был арестован петлюровцами и 2 месяца пробыл в Лукьяновской тюрьме. С момента второго занятия Киева большевиками (январь 1919 г.) Щечков находился на нелегальном положении, скрываясь под чужим именем до занятия города белыми. К большевизму Г. А. Щечков отнесся резко отрицательно, понимая под ним воплощение борьбы сил зла с христианством, т. к. большевизм, по его мнению, опирался на самые низменные свойства человеческой души: эгоизм, жадность, вероломство, разврат, жестокость. Если не положить ему конец, предсказывал Щечков, «то Россия останется без Церкви, без национальной интеллигенции, без традиций и обратится в страну измученных, голодных, обнищавших рабов, готовых за краюшку заплесневелого хлеба работать физически на кого угодно, кто только обеспечит им кое-какую безопасность и относительное спокойствие».⁵⁴⁹

С отступлением в ноябре 1919 г. генерала А. И. Деникина из Киева Щечков бежал из города и «после трехнедельного мучительного странствования в холодных скотских вагонах очутился в Одессе под тем же чужим именем, под которым он укрывался в Киеве».⁵⁵⁰ Скончался Г. А. Щечков от сердечного приступа 5 июля 1920 г. и был похоронен на Преображенском кладбище г. Одессы.⁵⁵¹

Иначе сложилась судьба другого лидера фракции правых IV Государственной думы Н. Е. Маркова. Революций, как Февральской, так и Октябрьской

⁵⁴⁸ Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию. М., 2012. С. 241–243.

⁵⁴⁹ Цит. по: Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода кн. Н. Д. Жевахова. М., 1993. Т. 2. С. 88.

⁵⁵⁰ Там же.

⁵⁵¹ Подробнее о Г. А. Щечкове см.: Иванов А. А. Г. А. Щечков: «Не могу сочувствовать умеренности в истине». К вопросу о политических взглядах парламентария-монархиста // Таврические чтения 2007: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века. Научно-практический семинар, С.-Петербург, Таврический дворец, 11 декабря 2007 г. Сб. научн. ст. / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2008. С. 104–113.

Марков не принял, полностью оставшись на прежних монархических позициях. В первые же дни февральского переворота, опасаясь ареста, он бежал из Петрограда в Финляндию, однако вскоре, 27 мая 1917 г., несмотря на измененную внешность (Марков коротко остригся и отпустил бороду, которая, по свидетельству очевидцев, его сильно состарила⁵⁵²) он был выслежен, арестован и доставлен в Петроград для дачи свидетельских показаний ЧСК ВП. На допросах Марков держался спокойно, вел себя смело и даже вызывающе.⁵⁵³ Он не отрекся от своих прежних взглядов и откровенно, даже с некоторой бравадой рассказывал следователям о своей деятельности и работе возглавляемых им организаций. Но при этом Марков наотрез отказался назвать следствию, выискивающему преступления «старого режима», имена своих сотрудников и единомышленников. В итоге, не найдя в действиях Маркова каких-либо преступлений, ЧСК ВП освободила его.

Выйдя на свободу, Марков принялся за создание подпольной монархической группы. Как отмечал сам Марков, первые месяцы после Февральской революции «ушли на восстановление порванных связей, отыскание уцелевших и не потерявших духа людей, на уяснение дальнейших способов действий. Это было время тайного сбора „на костях“ ужасного разгрома».⁵⁵⁴ Но уже летом 1917 г. им была создана в Петрограде подпольная монархическая организация «Великая единая Россия», имевшая своей первоначальной целью спасение царской семьи. Помимо Маркова в нее входил и другой видный член фракции правых — Г. Г. Замысловский. Кроме того, Марков также принимал участие в руководстве конспиративной «Объединенной офицерской организацией», непосредственным руководителем которой был генерал Е. К. Арсеньев. Наряду с великим князем Павлом Александровичем и последним председателем правой группы Государственного совета А. Ф. Треповым, с весны 1918 г. входил он и в «Комитет петроградской антибольшевистской организации», являвшейся филиалом московского «Правого центра». Организация стремилась к привлечению

⁵⁵² «...Высокий, с отпущенной бородой, человек в широкополой шляпе и с суковатой палкой в руках. Это был член Государственной думы Н. Е. Марков, изменивший свой, слишком приглядевшийся, облик», — так описывает внешний вид Маркова того времени И. П. Якобий. (*Якобий И. П.* Император Николай II и революция. С. 288–289).

⁵⁵³ Вот как описывал поведение Н. Е. Маркова на допросе член ЧСК ВП А. А. Блок: «Щипля бороду и глядя усы, Марков скалит белые зубы. Он говорит все тоном, вплотную подходящим к нахальному. „Дело ихнее там, что они знают“. Родичев злобно смеется, смотря на Маркова. Такой атмосферы еще не было...» (Цит. по: Цит. по: *Фомин С. В.* Наказание правдой. М., 2007. С. 397).

⁵⁵⁴ Цит. по: *Степанов С. [А.]* Черная сотня. 2-е изд., доп. и перераб., М., 2005. С. 470.

германских войск и немецких военнопленных к планируемому государственному перевороту, за которым должно было последовать восстановление в России монархии. Переговоры с доверенным лицом немецкого генерала П. Гинденбурга вел лично Марков, но из-за кабальных требований германской стороны договоренности достигнуть так и не удалось.

В это время Марков, остававшийся в Петрограде после большевистского переворота и действовавший под конспиративным псевдонимом «Tante Ivetta», по его собственному признанию, жил, «перебегая с одной квартиры на другую, меняя фамилии и наружность, по временам уезжая в Москву». ⁵⁵⁵ «...Мы добивались и делали все, что было в наших силах для освобождения Государя и Его Семьи. <...> [Но] Государя мы не спасли. В этом мы, монархисты, конечно, виноваты, и в первую голову, виноват в этом я, Марков 2-й. Мы виноваты в том, что хотели, пытались, но не сумели спасти нашего Царя и Его Семью. Но в одном мы не виноваты, — не виноваты в безучастии к судьбе нашего Государя. В этом виноваты не мы, а другие...» — позже писал Марков об этом периоде своей деятельности. ⁵⁵⁶

После провала планов по освобождению царской семьи, в самый разгар красного террора, 8 ноября 1918 г. Марков покинул Петроград и перебрался в Финляндию. Однако уже в мае 1919 г., спасаясь от грозившего ему там ареста, правый политик при помощи гвардейских офицеров на парусной лодке пересек Финский залив и принял деятельное участие в Белом движении на Северо-Западе. Под именем Л. Н. Чернякова он в июне 1919 г. был зачислен обер-офицером для поручений при Военно-гражданском управлении Северо-западной армии ⁵⁵⁷ В этот период Марков являлся членом «Братства Белого креста Великой единой России» (1918–1919), а также возглавлял монархический, состоящий преимущественно из офицеров, «Союз верных», среди членов которого были сын И. Г. Щегловитова — К. И. Щегловитов, бывшие члены правой группы Государственного совета А. А. Ширинский-Шихматов и А. А. Римский-Корсаков. Помимо руководства деятельностью Союза, Н. Е. Марков писал листовки, а также с июня 1919 г. издавал выходившую в Ямбурге газету «Белый крест», вскоре запрещенную командующим армией генералом А. П. Родзянко (племянником председателя Государственной думы) «за монархизм» и «вызывающий черносотенный характер». ⁵⁵⁸

⁵⁵⁵ Марков Н. Е. Ловцы правды // Марков Н. Е. Войны темных сил. Статьи. 1921–1937 / Сост. и вступ. ст. М. Б. Смолин. М., 2002. С. 405.

⁵⁵⁶ Марков Н. Е. Покинутая Царская Семья // Там же. С. 453.

⁵⁵⁷ Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1999. С. 166, 175.

⁵⁵⁸ Там же. С. 198.

С поражением Белого движения Н. Е. Марков выехал в Германию, где сразу же активно включился в работу русских монархистов, немало способствуя консолидации правой эмиграции.⁵⁵⁹ В Германии Марков стал одним из организаторов берлинского «Русского общественного собрания», на базе которого объединились русские правые монархисты. В конце 1920 г., совместно с единомышленниками он создал Берлинское монархическое объединение, в орбиту влияния которого постепенно вошло большинство эмигрантских монархических групп. Тогда же он стал редактировать журнал «Двуглавый орел», издававшийся сначала в Берлине (1920–1922), а затем в Париже (1926–1931). В 1921 г. Марков стал одним из главных организаторов Рейхенгалльского съезда (Съезд Хозяйственного восстановления России в г. Бад-Рейхенгалль (Бавария)) — объединительного совещания правомонархической эмиграции, на котором его избрали председателем созданного на съезде Высшего монархического совета (ВМС). В этой должности Марков состоял с 1921 по 1927 г., являясь также постоянным автором еженедельника «Высший монархический совет».

Как писал известный русский философ И. А. Ильин, «Атмосфера Высшего монархического совета есть атмосфера Маркова. Он силен волею и темпераментом и грубо умен, и грубо хитер, интрига его топорна, очень властолюбив <...> одержим антисемитизмом и масонобоязнью <...> духовная культура за пределами православия для него почти не существует». Но тут же, впрочем, добавлял: «Марков человек умный, волевой и патриотичный. Не необразованный, прямолинейный и очень властный».⁵⁶⁰

В этот период Н. Е. Марков придерживался позиции, согласно которой монархисты, признавая заслуги Белого движения, должны были дистанцироваться от него. «У белых были хорошие цели, — говорил Марков, выступая на открытии Рейхенгалльского съезда, — но они шли неверным путем, они не несли на своем знамени того вещего слова, которое только и могло найти отклик в уме и сердцах русского народа <...> Белых ждали <...> для уничтожения революции. Но белые не только не воевали с революцией, но с упорством ослепления возвещали свою преданность революции, свое неизменное стремление сохранить, развить и углубить эту величайшую

⁵⁵⁹ Подробнее об эмигрантской деятельности Н. Е. Маркова см.: *Иванов А. А.* 1) «Берлинский зубр». Марков 2-й на чужбине // *Родина*. 2009. № 4. С. 92–94; 2) Политическая деятельность Н. Е. Маркова в годы Гражданской войны и эмиграции (1918–1930-е гг.) // *Белое движение на Северо-Западе России и судьбы его участников. Материалы Третьей международной научно-исторической конференции в г. Пскове*. Псков, 2009. С. 26–37; *Ромов Р. Б.* Марков Н. Е. // *Общественная мысль Русского зарубежья. Энциклопедия*. М., 2009. С. 409–412.

⁵⁶⁰ *Ильин И. А.* Дневник. Письма. Документы. (1903–1938). М., 1999. С. 221–222.

напасть <...> Ни красные, ни белые не ответили страстному запросу русского народа, и он возненавидел одних и отвернулся от других <...> Народ наш отверг и белых, и красных. Он ждет кого-то третьего».⁵⁶¹ «Наш русский флаг, — продолжал он, — имеет три полосы, красная и белая полосы использованы в отдельности. Мы, монархисты, подобно синей полосе, мы должны связать и красных, и белых. Мы — синие — должны восстановить старый единый бело-сине-красный национальный флаг».⁵⁶² Как полагал правый политик, возрождение России должно начаться с Земского собора, который призовет царя.

Н. Е. Марков также являлся участником Всезарубежного собора Русской православной церкви в Сремских Карловцах, проходившего в ноябре-декабре 1921 г., на котором под его руководством был разработан проект «Послания чадам Русской православной церкви, в рассеянии и изгнании сущим», в котором, в частности, говорилось о необходимости восстановления в России монархии и избрании «законного православного царя из дома Романовых». Весной 1926 г. Марков участвовал в объединительном съезде правой и правоцентристской эмиграции в Париже (т. н. «Зарубежный съезд»), был избран членом бюро съезда, на котором заявлял, что ради победы над большевизмом правые монархисты на время свернули свои знамена и «готовы работать со всеми: и с республиканцами, если они искренне идут на свержение большевиков».⁵⁶³

После завершения работы съезда Марков, разойдясь по ряду вопросов с членами ВМС, решил оставить пост председателя этой монархической организации, но, переехав из Германии во Францию, продолжил редактировать «Двуглавый орел» и участвовать в работе Совета ВМС. В 1931 г. он председательствовал на монархическом съезде в Париже, где конфликт вокруг вопроса о престолонаследии привел к расколу ВМС и выходу Маркова из состава этой организации.⁵⁶⁴

В конце 1920-х — начале 1930-х годов Н. Е. Марков также участвовал в работе Русской монархической партии, Комитета призыва к объединению

⁵⁶¹ Марков Н. Е. Речь при открытии съезда Хозяйственного восстановления России // Марков Н. Е. Войны темных сил. Статьи. 1921–1937... С. 380.

⁵⁶² Там же. С. 381.

⁵⁶³ Российский зарубежный съезд. 1926. Париж: Документы и материалы / Сост. М. А. Кетенко, И. В. Домнин. М., 2006. С. 330.

⁵⁶⁴ После смерти великого князя Николая Николаевича Н. Е. Марков признал претензии на престол великого князя Кирилла Владимировича, противником которого он выступал ранее, однако противостояние большинства делегатов этому решению вынудило Маркова покинуть съезд и выйти из числа членов ВМС.

вокруг главы Императорского дома, Союза «За Веру, Царя и Отечество», общества «Российское согласие», Российского имперского союза.⁵⁶⁵

В установлении фашистских режимов в Европе Марков увидел начало торжества черносотенных идей, полагая, что фашистские диктатуры со временем сменятся наследственными монархиями.⁵⁶⁶ В 1935 г., переехав в Эрфурт, Марков по приглашению У. Флейшгауэра поступил в русскую секцию «Мировой службы» (своего рода «антисемитского интернационала»), а с 1936 г. стал редактировать русский выпуск бюллетеня «Мировая служба». Кроме того, он участвовал в создании энциклопедии «Сегила Веры», где планировалось собрать все, что «думают и знают о евреях арийцы».⁵⁶⁷ Однако, несмотря на сотрудничество с германскими нацистами, Марков оставался убежденным монархистом и считал их идеологию неприемлемой для России. «Никакие новые „измы“, хотя бы и фашизм, не способны спасти Россию, — писал он в частном письме. — Необходим мистический переворот в духовном настроении, необходимо воскрешение искренней, почти младенческой веры в Бога и царя, помазанника Божия».⁵⁶⁸ Агрессивные планы Германии в отношении СССР Марков комментировал так: «Мы должны готовиться к тяжелой операции и, увы! не можем и не должны мешать этой операции: без операции грозит ведь смерть от гнилостного заражения социалистическим интернационализмом. Пусть уж режут нас по живому мясу!».⁵⁶⁹

В 1938 г. Марков принял участие в деятельности II Зарубежного съезда в Югославии. После съезда он стал постепенно отходить от активной политической деятельности, хотя и продолжал публиковаться в немецких изданиях вплоть до 1944 г.⁵⁷⁰ Скончался правый политик 22 апреля 1945 г.⁵⁷¹ в Висбадене на 80-м году жизни.

⁵⁶⁵ См.: Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция. Т. 1–3. М., 1995–1996.

⁵⁶⁶ См.: *Ганелин Р. Ш.* Н. Е. Марков 2-й о своем пути от черносотенства к гитлеризму.

⁵⁶⁷ *Ромов Р. Б.* Марков Николай Евгеньевич // Православно-аналитический сайт Правая. Ру. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravaya.ru/ludi/450/3064>.

⁵⁶⁸ Цит. по: *Ганелин Р. Ш.* Н. Е. Марков 2-й о своем пути от черносотенства к гитлеризму. С. 215. Н. Е. Марков критиковал гитлеризм за антихристианский настрой, отмечая в частном письме: «превращать антисемитизм в антихристианство я ни в каком роде не стану, хотя бы и пришлось подохнуть с голода» (Там же. С. 217).

⁵⁶⁹ Там же. С. 216.

⁵⁷⁰ Последняя известная на сегодня статья Н. Е. Маркова «Иудеи у власти в Советском Союзе» была опубликована в берлинских «Казачьих ведомостях» (1944. № 9/10. С. 5–8). См.: *Наумов С. В.* «Мы оказались связаны с белой Испанией кровно». (Памяти русских патриотов, погибших на Испанской Гражданской войне) // Донские казаки в борьбе с большевиками. 2011. № 6. С. 91.

⁵⁷¹ См.: Русский некрополь в Висбадене: Петербург — Висбаден — Неробург: справочник-путеводитель по русскому кладбищу в Висбадене / Авт.-сост.: Н. Дубовицкий.

В чем-то схожим оказался путь единомышленника Н. Е. Маркова из правой группы Государственного совета, А. А. Римского-Корсакова. После февральского переворота Римский-Корсаков уехал в свое имение «Старый двор» в Витебской губернии. Он приветствовал августовское выступление генерала Л. Г. Корнилова, выказывая готовность оказать ему полное содействие. После подавления «корниловского мятежа» Римский-Корсаков был арестован, но вскоре освобожден. Переехав после Октябрьской революции в Москву, бывший член Государственного совета на своей квартире проводил собрания монархистов с целью «изыскания способов спасения царской семьи и развития возникших на юге белых движений».⁵⁷² В 1918 г. он перебрался в Ригу, поддерживал поход генерала Н. Н. Юденича на Петроград, наряду с Н. Е. Марковым участвуя в выступлении белых на Северо-Западе России. После краха Белого дела Римский-Корсаков эмигрировал в Берлин, где занял выдающееся место среди русской монархической эмиграции. В начале 1921 г. он был председателем Русского общественного собрания в Берлине, затем членом Совета объединенных русских организаций и председателем Русского комитета в Берлине. В 1921 г. Римский-Корсаков принял участие в работе монархического съезда в Рейхенгалле, на котором был намечен его председателем, но по предложению Н. Е. Маркова и А. Ф. Трепова, желавшего примирить на съезде крайне правое и умеренное крыло русского монархизма, было решено пойти на уступку и отдать пост председателя съезда умеренным (А. Н. Крупенскому), а Римского-Корсакова избрать одним из его товарищей.⁵⁷³ После съезда правый политик был избран начальником канцелярии Высшего монархического совета, но проявить себя в этой должности не успел. 26 сентября 1922 г. А. А. Римский-Корсаков скончался в Белграде на 73-м году жизни.

Не смирился с крахом самодержавной монархии и князь А. А. Ширинский-Шихматов. После большевистского переворота он переехал в Москву, где вел тайную монархическую работу и пытался организовать спасение царской семьи, сотрудничая в этом деле с А. Ф. Треповым и Н. Е. Марковым. После объявления «красного террора» за князем началась охота, и он вместе со всей семьей по чужим документам выехал из Москвы с эшелоном

СПб., 2010. С. 99–100. В книге также приводится фотография памятной плиты на могиле Н. Е. Маркова, не оставляющей сомнений в точности этой даты (ранее принято было указывать, что лидер правых скончался между 22 и 24 апреля).

⁵⁷² Цит. по: *Степанов А. Д.* Римский-Корсаков А. А. // *Черная сотня. Историческая энциклопедия.* С. 440.

⁵⁷³ *Гершельман А. С.* Эмиграция // *Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов / Сост. А. А. Иванов при участии С. Г. Зирина.* М., 2008. С. 501, 504.

возвращавшихся на родину литовских беженцев. География его эмигрантской жизни довольно обширна: Гродно, Варшава, Прага, Карлсбад, Берлин, Мюнхен, Париж. Князь принял участие в Рейхенгалльском съезде монархистов, на котором наряду с Марковым был избран членом Высшего монархического совета. В это время, как вспоминал А. С. Гершельман, Ширинский-Шихматов некоторое время редактировал журнал «Высший монархический совет» и «изредка писал отточенные передовые статьи, без единого иностранного слова, требовал этого и в тексте нашего издания, и был цензором „Еженедельника“». ⁵⁷⁴ Кроме того, по инициативе князя А. А. Ширинского-Шихматова в Берлине началась работа по поддержке Палестинского общества — он предлагал многим русским эмигрантам записываться в члены общества и устраивать сборы для материальной поддержки палестинских монастырей. ⁵⁷⁵

В 1928 г. Ширинский-Шихматов был председателем президиума 4-го Монархического съезда в Париже. Скончался князь Ширинский-Шихматов 22 декабря 1930 г. в пригороде Парижа Севре. ⁵⁷⁶

Последний председатель правой группы Государственного совета А. Ф. Трепов также сумел выбраться из революционной России. Как сообщалось выше, Временное правительство его преследованиям не подвергало, а после захвата власти большевиками Трепов перебрался в Финляндию, где с ноября 1918 г. принял активное участие в работе «Особого комитета по делам русских в Финляндии», ставившего целью восстановление в России монархии. ⁵⁷⁷ В планы Трепова входило с помощью генерала К. Г. Маннергейма и финской армии захватить Петроград, созвать Сенат, объявить акт об отречении императора Николая II недействительным и восстановить монархию. ⁵⁷⁸ Одновременно Трепов договаривался об интервенции с немцами, но эти переговоры также не принесли желаемого им результата.

После поражения Белого движения А. Ф. Трепов перебрался во Францию, где организовал крупное промышленное предприятие, на котором работали русские эмигранты. Трепов принял активное участие в работе монархического съезда в Рейхенгалле (1921) и был избран одним из членов Высшего монархического совета. Однако вскоре между А. Ф. Треповым и Н. Е. Марковым наметился конфликт. Странники германской ориентации,

⁵⁷⁴ Там же. С. 551.

⁵⁷⁵ Там же. С. 574.

⁵⁷⁶ Подробнее о нем см.: *Иванов А. А., Степанов А. Д.* «Верный до гроба». Князь Алексей Александрович Ширинский-Шихматов // *Воинство святого Георгия*. С. 495–509.

⁵⁷⁷ *Шилов Д. Н.* Трепов Александр Федорович // *Государственный совет Российской империи*. С. 278.

⁵⁷⁸ См.: *Смолин А. В.* Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). С. 62–63.

возглавляемые Марковым, видели в Германии единственного союзника для будущей монархической России. Но из-за ухудшения внутреннего положения в Германии влияние сторонников Маркова внутри ВМС уменьшалось. «Франкофилы», возглавляемые Треповым, наоборот, призывали русских монархистов сделать ставку на страны Антанты. В 1926 г. Трепов принял участие в работе объединительного съезда русской эмиграции в Париже (Российский зарубежный съезд) и был избран в состав его бюро.⁵⁷⁹ Скончался правый политик 10 ноября 1928 г. в Ницце.

Сотрудничал с Высшим монархическим советом и такой видный член правой группы Государственного совета, как князь Д. П. Голицын-Муравлин. Бежав из советской России в 1920 г., князь оказался в Венгрии, где стал представителем ВМС. С 1922 г. он представлял здесь интересы великого князя Кирилла Владимировича, которому предлагал объявить себя местоблюстителем престола по примеру венгерского адмирала М. Хорти. После того как Кирилл Владимирович решился на этот шаг, Голицын-Муравлин состоял при нем в должности уполномоченного по делам внешних сношений, также именуя себя «главным политическим представителем Его Императорского Высочества, Блюстителя Престола».⁵⁸⁰ Но уже в конце 1922 г. Голицын-Муравлин был отстранен великим князем от должности, после чего отошел от политической деятельности, продолжая печататься в монархических изданиях (князь был одним из наиболее активных авторов журнала «Двуглавый орел», где публиковал свои статьи и стихотворения). Скончался Голицын-Муравлин в венгерском г. Вышеград 16 декабря 1928 года.⁵⁸¹

Некоторое время после Февральской революции продолжал сотрудничество с Н. Е. Марковым его единомышленник по фракции правых Г. Г. Замысловский. С лета 1917 г. он был членом основанной Марковым подпольной организации «Великая единая Россия». После октября 1917 г. Замысловский оказался в Киеве, но «ввиду недостижимости желаемых результатов» уехал в Ростов-на-Дону, где в начале ноября 1918 г. пытался собрать монархический съезд, к участию в котором стремился привлечь представителей Добровольческой и Кубанской армий. Замысловский выступал за создание единого монархического фронта под лозунгом «великой, единой и неделимой

⁵⁷⁹ О деятельности А. Ф. Трепова в ходе работы Российского зарубежного съезда, см.: Российский зарубежный съезд. 1926. Париж. Документы и материалы. М., 2006.

⁵⁸⁰ *Савич Н. В.* После исхода. С. 281–282, 285.

⁵⁸¹ *Степанов А. Д.* Голицын (Муравлин), кн. Дмитрий Петрович // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 149; *Шилов Д. Н.* Голицын (Голицын-Муравлин) Дмитрий Петрович // Государственный совет Российской империи. С. 59.

России, на основе законопреемственной монархии». В Ростове, совместно с бывшим жандармским генералом М. С. Комиссаровым, бывший депутат организовал «Русское собрание»,⁵⁸² вокруг которого группировались члены Всероссийского монархического центра, Военно-монархического союза и других монархических объединений. Однако уже в следующем, 1919 г., политик вошел в руководство Национально-либеральной партии, признавшей невозможность восстановления в России самодержавной монархии и ратовавшей за введение монархии конституционной. Центр деятельности партии был перенесен в Кисловодск. Партия эта провозглашала лозунги поддержки Добровольческой армии, «борьбы с еврейским засильем» и «России для русских».⁵⁸³ Однако новая партийная структура оказалась также нежизнеспособной. Лидер же ее скончался в марте 1920 г. от тифа.

Продолжил монархическую деятельность в эмиграции единомышленник Н. Е. Маркова, бывший курский депутат В. Н. Белевцев. В 1921 г. он являлся председателем монархического Объединения имени Козьмы Минина (Союз им. Козьмы Минина), включавшего около 900 человек и располагавшегося в Константинополе.⁵⁸⁴ После образования в Рейхенгалле Высшего монархического совета Объединение, возглавляемое Белевцевым, прекратило свое существование, слившись с ВМС. Скончался бывший депутат в 1926 г. во Франции, около Ниццы, от скоротечной чахотки, как сообщалось в некрологе, «в нужде и забвении».⁵⁸⁵

Удалось эмигрировать и бывшему председателю правой группы Государственного совета, графу А. А. Бобринскому. В 1917 — начале 1918 г. он жил в Петрограде, затем в 1918 г. граф переехал в Киев, где вместе с бывшим лидером думских националистов П. Н. Балашевым стоял во главе Совета монархического блока. В 1918–1919 гг. Бобринский был членом Совета государственного объединения России, в который входили бывшие члены Гос. Совета, Гос. Думы, Сената и другие видные деятели дореволюционной России. В 1919 г. граф эмигрировал в Берлин, где принимал участие в издании монархической газеты «Вера и верность», однако в 1920 г. снова прибыл в Россию. Но уже в том же году графу пришлось эмигрировать с остатками Белой армии в Константинополь, а оттуда — во Францию. Здесь им было учреждено историческое общество «Кружок ревнителей русского

⁵⁸² *Энгельгардт Б. А.* Революция и контрреволюция. С. 234.

⁵⁸³ См.: *Бутаков Я. А.* Русские националисты и Белое движение на Юге России в 1919 г. // *Новый исторический вестник.* 2002. № 2.

⁵⁸⁴ *Базанов П. Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.): 2-е изд. испр. и доп. СПб., 2008. С. 130–131.

⁵⁸⁵ В. Н. Белевцев. Некролог // *Двуглавый орел.* 1926. № 2. (24 декабря).

прошлого» (1923), также граф был членом Российского торгово-промышленного и финансового союза, Комитета Российского общества Красного Креста, возглавлял Комитет помощи русским беженцам. После раскола монархического движения на «николаевцев» и «кирилловцев», А. А. Бобринский выступил в поддержку великого князя Кирилла Владимировича, объявившего себя «императором в изгнании». Скончался граф 2 сентября 1927 г. и был похоронен в Ницце.⁵⁸⁶

11 января 1922 г. в Константинополе скончался видный член правой группы А. С. Стишинский. Будучи арестован в дни Февральской революции, Стишинский несколько месяцев провел в заключении в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Оказавшись на свободе, бывший член верхней палаты выехал в Полтаву, где в дни гетманства «не пожелал сделаться украинцем и подал официальное заявление, что он был и желает остаться Всероссийским подданным».⁵⁸⁷ В конце 1918 г., в связи с подходом к городу большевиков, А. С. Стишинский уехал на Кубань, где служил на мелкой должности в Государственном контроле при администрации генералов А. И. Деникина и П. Н. Врангеля. С поражением Белого движения на юге России политик эмигрировал в Турцию, где получил место представителя контроля во франко-русской комиссии по передаче имущества армии генерала Врангеля Франции. По окончании работ комиссии, оставшись без средств к существованию, Стишинский жил в сильной нужде на ничтожные заработки дочери, скончавшись вскоре от воспаления легких.⁵⁸⁸

Эмигрировать также удалось и таким видным членам правой группы Государственного совета, как В. Н. Охотников (скончался 24 апреля 1919 г. на Мальте), А. Н. Лобанов-Ростовский (скончался 21 января 1921 г. в Женеве), А. П. Струков (скончался 13 апреля 1922 г. в Софии), В. И. Мамантов (скончался 26 февраля 1928 г. в Гельсингфорсе), А. П. Рогович (скончался 4 марта 1935 г. в Брюсселе), А. А. Куракин (скончался 1 июля 1936 г. в Париже) и А. И. Мосолов (скончался 4 февраля 1943 г. в Белграде), однако сколько-нибудь подробных данных об их жизни в изгнании нет.⁵⁸⁹

⁵⁸⁶ *Шилов Д. Н.* Бобринский Алексей Александрович // Государственный совет Российской империи. С. 21; *Степанов А. Д.* Бобринский Алексей Александрович // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 62–63.

⁵⁸⁷ *Пестржецкий Д. А.* С. Стишинский // Двуглавый орел (Берлин). 1922. Вып. 24. С. 47–48.

⁵⁸⁸ Там же; *Шилов Д. Н.* Стишинский Александр Семенович // Государственный совет Российской империи. С. 262.

⁵⁸⁹ Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 / Сост. В. Н. Чуваков. М., 2001. Т. 3. С. 641; М., 2004. Т. 4. С. 363–364, 654; М., 2004. Т. 5. С. 284; М., 2005. Т. 6. Кн. 1. С. 220–221; М., 2006. Т. 6. Кн. 2. С. 227.

Неизвестной пока остается судьба видного члена правой группы Государственного совета, белгородского помещика М. Я. Говорухо-Отрока. С установлением советской власти он покинул родные края и некоторое время скрывался. Но когда, в июне 1919 г., Белгород заняли белые, М. Я. Говорухо-Отрок вернулся в родной город, где застал свою усадьбу разграбленной и разрушенной, а фамильные захоронения — подвергнутыми надругательству — гробы были вырыты и вскрыты, останки близких ему людей выброшены в пруд (по слухам, разорители могил искали в склепах драгоценности, но, не найдя их, выместили злобу на покойниках).⁵⁹⁰ Когда же в декабре 1919 г. белые были вынуждены оставить Белгородский уезд, с ними ушел и М. Я. Говорухо-Отрок, следы которого далее теряются.

За границей умер бывший нижегородский депутат А. П. Горсткин. После активной деятельности на белом Северо-западе России Горсткину удалось эмигрировать. Он скоропостижно скончался в поезде около 1922 г., предположительно, во Франции.⁵⁹¹ Другой член правой фракции от Нижегородской губернии, В. Н. Зверев, также уехал из России и прожил долгую жизнь во Франции, скончавшись под Парижем 27 октября 1966 г. В эмиграции бывший правый политик публиковался в газете «Православная Русь» с очерками на церковные темы. Как отмечал в посвященном Звереву некрологе архимандрит Константин (Зайцев), он донес «до глубокой старости ясное и чуткое церковно-православное мировоззрение, сочетаемое с исключительной доброжелательностью и готовностью понять и усвоить, в меру приемлемости, и инакомыслие <...> В. Н. принадлежал к тем людям, на которых можно было измерить и оценить всю ни с чем не сравнимую силу европеизированной русскости, не погрешившей пред своей исконной духовной природой».⁵⁹²

На церковном поприще также проявил себя и депутат от Волынской губернии Б. Н. Лелявский. Сразу же после Февральской революции он оказался на территории родной губернии в качестве комиссара Временного комитета Государственной думы. При гетмане П. П. Скоропадском политику были предложены посты киевского губернатора и министра земледелия, от которых он отказался. Вскоре он эмигрировал в Галичину, оказавшись на территории Польского государства. Здесь он выпустил поэтический сборник «Ночные песни в Галичине» (1927), своими стихами обличая

⁵⁹⁰ Прокопенко З. Т. Дворянский род Говорухо-Отроков из слободы Таврово // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/187/46692.php>

⁵⁹¹ Гершельман А. С. Эмиграция. С. 576.

⁵⁹² Константин (Зайцев), архим. Памяти В. Н. Зверева // Православная Русь. 1966. № 21.

австрийские зверства времен Первой мировой войны на Западной Украине. Рецензию на сборник написал Н. Е. Марков, высоко оценивший поэтически-патриотическое творчество Лелявского.⁵⁹³ Он занимался публицистикой, сотрудничал в журнале «На рубеже». Лелявский получил известность как активный деятель в защиту православия в Польше. В 1930 г. он был избран представителем от мирян на Всепольский поместный собор; в 1930–1935 гг. являлся генеральным секретарем Предсоборного собрания Православной церкви в Польше.⁵⁹⁴ Скончался бывший правый депутат 5 ноября 1935 г. в г. Львове, от разрыва сердца.⁵⁹⁵

В Польше также оказался бывший член фракции правых, протоиерей В. П. Юзьюк, зарекомендовавший себя там как активный деятель в защиту православной веры. В 1930 г. он был избран вице-председателем Предсоборного собрания Православной церкви в Польше.⁵⁹⁶ К сожалению, дальнейшая судьба бывшего депутата пока неизвестна. Отметим лишь, что его младший брат Николай (1880–1965) стал архиепископом Пинским и Брестским Даниилом.

В «ближней» эмиграции также оказался и священник К. М. Околович. После Февральской революции он служил в церкви Благовещения Пресвятой Богородицы при Департаменте общих дел Министерства внутренних дел вплоть до ее закрытия властями летом 1918 г., а затем, вплоть до своей смерти в 1933 г. — в различных латвийских приходах Русской православной церкви.⁵⁹⁷ Отойдя от политики, доживал в эмиграции свой век и член фракции правых (а с 1916 г. председатель группы независимых правых), князь Б. А. Голицын. Он скончался 28 июля 1947 г. в г. Канны (Франция).⁵⁹⁸

Другим правым суждено было умереть на родине. В самый разгар революции, 8 марта 1917 г. от воспаления легких скончался видный член правой группы Государственного совета Н. А. Зверев.⁵⁹⁹

⁵⁹³ См.: Двуглавый орел. 1930. № 37. 20 марта (2 апреля).

⁵⁹⁴ О церковной деятельности Б. Н. Лелявского см.: *Свитич А. К.* Православная церковь в Польше и ее автокефалия // Православная церковь на Украине и в Польше в XX столетии 1917–1950. Сборник. М., 1997. С. 187–189.

⁵⁹⁵ Незабываемые могилы. Т. 4. С. 118.

⁵⁹⁶ *Свитич А. К.* Православная церковь в Польше и ее автокефалия. С. 170; *Иванов А. А.* Последние защитники монархии. С. 198.

⁵⁹⁷ *Иванов А. А.* Последние защитники монархии. С. 182; *Николаев А. Б.* Околович Константин Маркович // Государственная дума Российской империи. С. 425–426.

⁵⁹⁸ Незабываемые могилы. Т. 2. М., 1999. С. 136.

⁵⁹⁹ *Степанов А. Д.* Зверев Николай Андреевич // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 214.

Остался в России и престарелый граф С. Д. Шереметев. Февральскую революцию и отречение царя от престола политик воспринял как «самоубийство русской государственности». Однако при этом граф в своем дневнике отмечал, что «все, что происходит, многие предвидели, и оно было неотвратимо», так как «нарыв должен был прорваться».⁶⁰⁰ Приписывая вину за революционный взрыв царствующей чете и «распутинцам», С. Д. Шереметев возлагал большие надежды на великого князя Михаила, отмечая, что «это имя счастливое для династии».⁶⁰¹ «Новое время — „междоусобица“ да воодушевится примером древнего, да найдутся новые Гермогены, новые Минины и Пожарские!.. новые Михаилы», — записал граф 5 марта.⁶⁰² Но уже в апреле 1917 г. вся семья Шереметевых была вынуждена покинуть Петроград, который граф называл не иначе как «преступным городом», и переехала в Москву. С приходом к власти большевиков все имущество Шереметевых было национализировано. От ареста Шереметева спасло то, что к этому времени он уже лежал в постели с гангреной ног. 17 декабря 1918 г., на 75-м году жизни С. Д. Шереметев скончался и был похоронен на кладбище Новоспасского монастыря в Москве.⁶⁰³

12 января 1919 г. умер в Троице-Сергиевой лавре отправленный туда на покой после осужденной им Февральской революции архиепископ Никон (Рождественский). Покинув в октябре 1917 г. Петроград, 26 января 1920 г. в Севастополе от кровоизлияния в мозг скончался бывший член правой группы генерал А. Ф. Редигер.

Остался в России и бывший член правой группы Государственного совета А. Д. Самарин. В 1917–1918 гг. бывший обер-прокурор Св. Синода как представитель мирян был видным участником Поместного Собора Российской православной церкви, на котором был выдвинут кандидатом на патриарший престол. Летом 1918 г. под угрозой ареста Самарин был вынужден покинуть Москву, некоторое время жил в Оптиной пустыни. 25 сентября 1918 г. он был арестован и находился в заключении до апреля 1919 г. Пробыв на свободе несколько месяцев, Самарин вновь подвергся аресту в августе того же года и был приговорен к расстрелу с заменой высшей меры «заключением в тюрьме впредь до окончательной победы мирового

⁶⁰⁰ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5062. Л. 37.

⁶⁰¹ Там же. Л. 40. Отметим, что С. Д. Шереметев, бывший близким другом императора Александра III, всегда без симпатии относился к его старшему сыну — императору Николаю II, мечтая о восшествии на престол младшего сына — великого князя Михаила Александровича, бывшего наследником престола с 1899 по 1904 г.

⁶⁰² РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5062. Л. 41.

⁶⁰³ См.: *Иванов А. А., Стогов Д. И.* Шереметев Сергей Дмитриевич // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 600.

пролетариата над мировым империализмом». Снова выйти на свободу ему удалось только в 1922 г. А. Д. Самарин устроился экскурсоводом в музей-усадьбу «Абрамцево», однако на свободе пробыл недолго — осенью 1925 г. он был вновь арестован и приговорен к трехгодичной высылке в Якутию. Летом 1929 г., по окончании срока ссылки, Самарин как «социально-опасный элемент» был направлен на жительство в Кострому, где исполнял обязанности чтеца, регента и псаломщика в одной из местных церквей. Последний раз А. Д. Самарин был арестован весной 1931 г., но вскоре его освободили. Последние месяцы своей жизни он провел в Костроме, где 30 января 1932 г. и скончался. Уже в «перестроечную» пору, в 1989 г. А. Д. Самарин был реабилитирован следственным отделом КГБ СССР.⁶⁰⁴

Своей смертью после долгих тюремных мытарств почил и другой бывший член правой группы, владыка Арсений (Стадницкий). В 1917 г. он был возведен в сан митрополита и на Поместном Соборе Российской православной церкви был выдвинут одним из трех кандидатов в патриархи. Начиная с 1919 г. митрополит Арсений неоднократно арестовывался и подвергался тюремному заключению и, в конце концов, был выслан советскими властями в Ташкент, в котором провел последние десять лет своей жизни (1926–1936). В 1933 г. он был назначен митрополитом Ташкентским и Туркестанским, в каковом сане и скончался 10 февраля 1936 г.

Но далеко не многим представителям правых объединений Государственной думы и Государственного совета довелось эмигрировать или умереть на родине ненасильственной смертью. Значительная их часть была физически уничтожена с приходом к власти большевиков.

Среди них — два ярких лидера правой группы Государственного совета Н. А. Маклаков и И. Г. Щегловитов.

Маклаков был арестован революционной властью уже 28 февраля 1917 г. и при пешем сопровождении в Петропавловскую крепость едва не был растерзан толпой. Вот как рассказывал об этом сам Маклаков: «Нас вели по Шпалерной улице. Вокруг рычала озверевшая толпа, посылавшая нам ругательства, иногда ударявшая и подталкивавшая нас при полном равнодушии конвойных. Какой-то детина вскочил ко мне на спину и сдавливал ногами. Моя давно сломанная и постоянно напоминавшая о себе нога сильно болела. Наконец подошли к Петропавловской крепости. Перед самыми воротами кто-то ударил меня по голове; я упал, к счастью, у самых ворот, откуда уже без сознания был внесен конвойными в камеру».⁶⁰⁵

⁶⁰⁴ Шилов Д. Н. Самарин Александр Дмитриевич // Государственный совет Российской империи. С. 238.

⁶⁰⁵ Цит. по: Степанов А. Д. Он помнил о долге перед царем и Родиной. Николай Алексеевич Маклаков (1871–1918) // Воинство святого Георгия. С. 250. Автор ссылается:

На допросах Чрезвычайной следственной комиссии Маклаков вел себя мужественно, продолжая твердо отстаивать свои идеалы. «Я всегда имел монархический образ мыслей и очень убежденно исповедовал его», — заявлял он следователям.⁶⁰⁶ Свое политическое кредо Н. А. Маклаков на одном из допросов сформулировал так: «...Я не знаю, в чем, собственно, я шел бы в своих взглядах против народа. Я понимал, что ему может быть хорошо при том строе, который был, если этот строй будет правильно функционировать, т. е. если люди, занимающие посты, будут честно исполнять свои обязанности. Я думал, что до последнего времени Россия не падала, что она шла вперед и росла под тем самым строем, который до последнего времени существовал и который теперь изменен. Я никогда не мог сказать, что этот строй был могилой для России...».⁶⁰⁷ А причину краха империи правый политик объяснял так: «В последнее время было полное отсутствие политики, потому что не было никакого плана, не было представления, куда мы идем; шли, закрыв глаза, по инерции».⁶⁰⁸

Маклаков находился в заключении в Петропавловской крепости, а оттуда 11 октября 1917 г. в связи с болезнью был переведен в частную лечебницу, где жил под формальным надзором. Бывший лидер правых пользовался правом прогулок и, даже после захвата власти большевиками, посещал заседания подпольной монархической организации Н. Е. Маркова. Будучи предупрежден о грозящем ему новом аресте и получив совет бежать, Маклаков не воспользовался этой возможностью, поскольку не хотел подвести врача, которому дал честное слово, что не сбежит.⁶⁰⁹ Вскоре он был арестован и под конвоем отправлен в Москву, в Бутырскую тюрьму. В первый день после объявления «красного террора», 5 сентября 1918 г., Маклаков был расстрелян.

И. Г. Щегловитов был арестован на второй день после Февральской революции и после допросов, как и Маклаков, оказался в тюрьме (сначала в Петропавловской крепости, затем в «Крестах»). Летом 1918 г. Щегловитов был переведен в московскую Бутырскую тюрьму и был расстрелян 5 сентября вместе со своими единомышленниками по правому лагерю.

Точно такой же была и судьба бывшего лидера думской фракции правых А. Н. Хвостова, расстрелянного большевиками в этот же день. Через год,

Тальберг Н. Д. Жертвы долга // Двуглавый орел. 1922. № 31. См. также: *Николаев А. Б.* Революция и власть. С. 469.

⁶⁰⁶ Падение царского режима... Т. 3. С. 86.

⁶⁰⁷ Там же. С. 97.

⁶⁰⁸ Там же. С. 93.

⁶⁰⁹ См.: *Фомин С. В.* Наказание правдой. С. 502. Автор ссылается: *Манухин И. И.* Воспоминания о 1917–18 гг. // Новый журнал (Нью-Йорк). 1958. Т. 54.

в сентябре 1919 г., был расстрелян и томившийся в Бутырской тюрьме А. А. Макаров, который и в тюрьме, по воспоминаниям одного из узников, сохранял свое достоинство и открыто исповедовал монархическую идею.⁶¹⁰ 5 сентября 1919 г. в Рязани по приговору ГубЧК был расстрелян А. Г. Булыгин. Так же трагично сложилась и судьба последнего председателя фракции правых Государственной думы С. В. Левашева. В событиях Февральской революции Левашев никакого участия не принимал. Весной 1917 г. в связи с болезнью он переехал из Петрограда в Одессу. Здесь, в апреле 1919 г. он был отстранен от преподавания, а летом 1919 г. арестован и расстрелян по приговору Одесской ЧК. После занятия Одессы белыми тело Левашева было перезахоронено на 2-м христианском кладбище.⁶¹¹ В сентябре 1918 г. вместе с сыном был расстрелян за «контрреволюционную пропаганду» правый депутат-крестьянин К. А. Тарасов. В то же время второй его сын сражался в рядах Красной армии.⁶¹² Осенью 1918 г. в здании пивоваренного завода Вильма был расстрелян чекистами депутат-черносотенец Н. И. Шетохин.⁶¹³ В конце 1917 — начале 1918 г. большевиками (по другим данным — местными крестьянами) был убит в своем имении бывший депутат А. А. Радкевич.⁶¹⁴

Встречались и удивительные (но объяснимые) метаморфозы. Так, бывший член правой группы Государственного совета и Русского собрания Д. Н. Семиградов с приходом в 1918 г. в родную для него Бессарабскую губернию румынской власти, чтобы продемонстрировать свою лояльность новому режиму, стал ругать все русское. Стремительное перерождение бывшего борца за монархию и русскую народность было высмеяно В. М. Пурешкевичем едкими строками «Свое добро спасая ныне, / Ты видишь счастье в румыне. / Официальный патриот / Своих обычно продает. / Тебе, о доблестный боярин, / Король румынский благодарен, / Но будет Каина

⁶¹⁰ См.: *Фомин С. В.* Наказание правдой. С. 503. Автор ссылается: Че-Ка. Материалы по деятельности чрезвычайной комиссии. Берлин, 1922. С. 130.

⁶¹¹ Подробнее см.: *Желясков С., Левченко В.* Метрические книги Александров-Невской церкви Императорского Новороссийского университета как источник биографических исследований его профессорско-преподавательского состава // Юго-Запад. Одессика. Историко-краеведческий научный альманах. Вып. 11. Одесса, 2011. С. 22–34.

⁶¹² *Кирьянов И. К.* Российские парламентарии начала XX века... С. 209. Автор ссылается на изд.: Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1996. Т. 6. С. 435.

⁶¹³ Красный террор в годы гражданской войны по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Под ред. Ю. Г. Фельштинского и Г. И. Чернявского Сб. док. М., 2000. С. 234.

⁶¹⁴ Раннее утро. 1918. 24 апреля; *Иванов А. А.* Последние защитники монархии. С. 187.

печатать / На лбу изменника лежать».⁶¹⁵ Некогда более чем состоятельный человек, Семигравов закончил свою жизнь на больничной койке в 1932 г., «не имея за душой ни копейки».⁶¹⁶

Бывший военный министр и член Государственного совета А. А. Поливанов продолжил свою карьеру после Февральской революции, став председателем комиссии по построению армии на новых началах. В феврале 1920 г. он поступил на службу в Красную армию и выступил с призывом к русским офицерам последовать его примеру. В качестве эксперта Поливанов принимал участие на советско-польских мирных переговорах в Риге, в ходе которых он 25 сентября 1920 г. скончался от тифа.

Не менее крутой поворот сделал и бывший монархист (чья эволюция, впрочем, уже бурно шла в годы Первой мировой войны), епископ Никон (Бессонов). В отличие от большинства своих бывших единомышленников, он восторженно приветствовал Февральскую революцию, полностью солидаризируясь с ее творцами. В марте 1917 г. некогда правый архиерей уже выступал на собрании кадетской партии, ругая царя и царицу и называя себя горячим сторонником республики. Но эволюция коснулась не только политических взглядов епископа Никона. Летом 1917 г. он снял с себя епископский сан и монашество, попросил более не считать его «членом церкви, именующей себя „православной“» и обвенчался с бывшей ученицей подведомственного ему духовного заведения. Однако брак ему счастья не принес: вскоре жена его была найдена мертвой с револьверной раной в груди. В 1918 г. Бессонов возглавил Департамент исповеданий в Министерстве внутренних дел Украинской Народной Республики,⁶¹⁷ чем вызвал негодование духовенства, воспринявшего назначение расстриги как оскорбление Православной Церкви. Затем бывший епископ жил приработком театрального критика и, не гнушаясь бульварных изданий, подписывал свои рецензии «бывший епископ Никон — Микола Бессонов». Скончался он в 1919 г.⁶¹⁸

⁶¹⁵ Цит. по: *Тарнакин В., Соловьева Т.* Тяжелая наследственность // Кишиневский обозреватель. 2008. 17 июля. Авторы ссылаются: Одесские новости. 1919. 2 января.

⁶¹⁶ *Тарнакин В., Соловьева Т.* Тяжелая наследственность. Отметим, что в энциклопедии «Государственный совет Российской империи» статья о Д. Н. Семигравове обрывается 1917 годом.

⁶¹⁷ *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года. (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008. С. 137. Автор указывает на неточность в мемуарах митрополита Евлогия (Георгиевского), называвшего Н. Н. Бессонова министром исповеданий Украинской Рады. (*Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. М., 1994. С. 266).

⁶¹⁸ Подробнее о нем см.: *Иванов А. А.* 1) Последние защитники монархии; 2) Никон (Бессонов) // Черная сотня. Историческая энциклопедия; *Рогозный П. Г.* 1) «Вотчина»

Неожиданный поворот произошел и в судьбе депутата П. А. Ярмоловича. Бывший правый и член думской комиссии по военным и морским делам в 1917 г. не только перешел в кадетскую партию (хотя и остался, по сведениям С. К. Бернева, «убежденным монархистом»), но и стал сотрудничать с немецкой разведкой.⁶¹⁹ Выполняя в 1917 г. поручения новых российских властей на Тамбовских пороховых заводах⁶²⁰ и инспектируя форты в Финском заливе, Ярмолович информировал германского агента об их состоянии. Свое сотрудничество с немцами бывший депутат Государственной думы продолжал вплоть до 1941 г. Скончался П. А. Ярмолович в блокадном Ленинграде в феврале 1942 г.,⁶²¹ не дожив до того дня, когда о его шпионской деятельности стало известно советским спецслужбам (1943 г.).

Были среди бывших правых депутатов Думы и членов правой группы Государственного совета и те, кто остался в советской России, став жертвами политических репрессий в разные годы.

Трагически оборвалась жизнь последнего председателя Совета министров, члена правой группы Государственного совета, князя Н. Д. Голицына. 27 февраля 1917 г. князь получил отставку от Временного комитета Государственной думы, был арестован, но уже 5 марта был освобожден. Голицын допрашивался ЧСК ВП, после чего был освобожден с разрешением выезда при обязательстве с его стороны не участвовать в политической жизни.⁶²² Однако князь остался в России. После Октябрьской революции, лишившись средств к существованию, Голицын занимался сапожным ремеслом, затем переехал в Рыбинск, где работал сторожем общественных огородов.⁶²³ В 1920 и 1924 гг. Н. Д. Голицын дважды арестовывался органами ВЧК–ОГПУ, но был освобожден ввиду того, что «находился в болезненном состоянии и имел преклонный возраст, в связи с чем опасности для РСФСР не представлял».⁶²⁴ Тем не менее в феврале 1925 г. 75-летнего князя

епископа Никона. (Енисейская епархия в 1913–1917 годах) // История повседневности: Источник. Историк. История. СПб., 2003. Вып. 3; 2) Церковная революция 1917 года. С. 122–137.

⁶¹⁹ *Бернев С. К.* Несостоявшийся губернатор Ленинграда (по материалам архива УФСБ СПб и ЛО) // История Петербурга. 2005. № 4 (26). С. 75.

⁶²⁰ *Николаев А. Б.* Ярмолович Полиен Антонович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917 гг.: Энциклопедия. С. 725.

⁶²¹ Блокада, 1941–1944, Ленинград: Книга Памяти. СПб., 2006. Т. 35. С. 408.

⁶²² *Голицын А. М.* Голицын Н. Д. // Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 81.

⁶²³ *Шилов Д. Н.* Голицын Николай Дмитриевич // Государственный совет Российской империи. С. 59.

⁶²⁴ Генпрокуратура реабилитировала князя Голицына. Lenta. ru. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lenta.ru/russia/2004/05/11/golitsin/>.

арестовали в третий раз по т. н. «делу лицейстов», заключили в Бутырскую тюрьму и по постановлению Коллеги ОГПУ расстреляли 2 июля того же года. В 2004 г. Н. Д. Голицын был реабилитирован Генпрокуратурой РФ.

Член правой группы Государственного совета, архиепископ Серафим (Чичагов), являвшийся также членом Совета Русского собрания и почетным председателем Аккерманского отдела СРН, едва ли принял Февральскую революцию с восторгом. По словам П. П. Менделеева, владыка был очень расстроен, узнав об отречении императора, «но утешался мыслью о новом царе — Михаиле Александровиче», которого хорошо знал и любил.⁶²⁵ Однако вместе с тем уже 3 марта 1917 г. архиепископ Серафим направил личное письмо обер-прокурору Св. Синода В. Н. Львову, содержащее такие слова: «...Сердце мое горит желанием прибыть в Государственную думу, чтобы обнять друзей русского народа и Русской Церкви — М. В. Родзянко, Вас и других борцов за честь и достоинство России».⁶²⁶ Но монархические взгляды архиепископа Серафима были хорошо известны, и вскоре он был удален новой властью с Тверской кафедры. Он участвовал в работах Поместного собора Православной российской церкви и по окончании их (1918) был возведен в сан митрополита с назначением на Варшавскую и Привислинскую кафедру. Однако Гражданская война помешала ему добраться до места служения. В 1921 г. владыка был арестован и приговорен тройкой ВЧК к заключению на 2 года «как активный враг трудящихся масс и опасный заговорщик против Российской рабоче-крестьянской республики».⁶²⁷ Однако ввиду преклонного возраста, отсидев год в Таганской тюрьме, владыка в 1922 г. был освобожден. В 1923 и 1924 гг. снова арестовывался. С лета 1924 г. митрополит Серафим проживал в Воскресенском Федоровском монастыре (рядом с г. Шуя), в 1928 г., поддержав митрополита Сергея (Страгородского), он был назначен митрополитом Ленинградским (уволен на покой в 1933 г.). Осенью 1937 г. 81-летнего митрополита арестовали и в связи с тяжелым состоянием здоровья, положив на носилки, увезли на «скорой помощи» в Таганскую тюрьму. В том же году он был приговорен к высшей мере наказания за «монархическую агитацию» и расстрелян на полигоне «Бутово». В 1988 г. митрополит Серафим был реабилитирован, а в 1997 г. канонизирован церковью как священномученик.

Арестованный после Февральской революции и допрошенный Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства член правой группы верхней палаты Н. В. Плеве до мая 1919 г. жил в Петрограде с тяже-

⁶²⁵ ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 112. Л. 8.

⁶²⁶ Цит. по: *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года. С. 41.

⁶²⁷ *Бородин А. П.* Серафим (Чичагов) // Государственный совет Российской империи. С. 242.

лобальной матерью, в мае-июне того же года в связи с грозившим ему арестом скрываясь у знакомых.⁶²⁸ Забота о матери не позволила ему эмигрировать в США и, купив подложный паспорт на имя Н. П. Попова, Плеве устроился на работу делопроизводителем Елагинской экскурсионной станции, а затем Сиверской школы-колонии. В 1927 г. он был арестован и приговорен к заключению в лагерях за активную борьбу против революции, «проявленную на ответственной должности при царском строе». В 1929 г. Плеве был отправлен в один из северных лагерей, откуда уже не вернулся.⁶²⁹

В дни Февральской революции подвергся гонениям и был изгнан из Курска единомышленник Н. Е. Маркова, секретарь думской фракции правых, протоиерей А. Д. Мешковский. Объединенное собрание курского духовенства постановило исключить о. Мешковского из своей среды «как лицо, своей вредной, преступной деятельностью навлекающее на себя общее презрение и осуждение», а депутация прихожан его родной церкви потребовала у церковного начальства заменить «черносотенного священника» другим пастырем, И. М. Ломакиным, который придерживался революционных убеждений, за что был в свое время низведен из иереев в псаломщики. В итоге священник Мешковский был исключен из состава духовенства Курской епархии и в связи с постановлением о его немедленном аресте перебрался из Курска в Москву. Но уже 10 декабря 1918 г. о. Мешковский был арестован в Москве по запросу «товарищей» из Курска. На этот раз его обвиняли в принадлежности к СРН и правой фракции Государственной думы. На некоторое время бывший правый депутат был заключен в тюрьму, но по ходатайству прихожан вскоре был освобожден и вернулся к пастырской службе в Москве. В 1930 г. священника повторно арестовали и приговорили к трем годам заключения в лагере. Отбыв заключение, А. Д. Мешковский служил священником церкви в поселке Наталино Ухтомского района Московской области. Вновь о священнике-черносотенце вспомнили в 1938 г. 25 января он был арестован в третий раз, обвинен в принадлежности к контрреволюционной группировке и решением тройки УНКВД приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение на полигоне НКВД «Бутово». Решением от 22 августа 1958 г. протоиерей А. Д. Мешковский был посмертно реабилитирован.⁶³⁰

⁶²⁸ Куликов С. В. Плеве Николай Вячеславович // Государственный совет Российской империи. С. 209.

⁶²⁹ Там же. О судьбе Н. В. Плеве см. также: Иванов В. А. «Великий перелом» в судьбе Н. В. Плеве // Личность и власть в истории России XIX–XX вв.: Материалы научной конференции. СПб., 1997. С. 90–94.

⁶³⁰ См.: Иванов А. А. Мешковский Алексей Дмитриевич // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 324–326.

В 1938 г. расстреляли и другого священника-депутата, И. М. Караваева. Сочувственно относясь к Февральской революции (напомним, что в 1915 г. священник порвал с фракцией правых, примкнув к Прогрессивному блоку), отец Иоанн ежедневно посещал думские заседания до конца марта 1917 г. С августа 1917 г. он служил настоятелем Свято-Троицкого собора в Уржуме. В феврале 1920 г. он был арестован и приговорен к 5 годам лагерей «за уход с белыми и укрывательство от советской власти», однако уже в 1922 г. священника освободили. До своего ареста в 1938 г. и последовавшего за ним расстрела за «контрреволюционную деятельность» отец Иоанн служил в одной из церквей Вятки.⁶³¹

24 января 1930 г. был арестован бывший правый депутат И. Е. Пулин и 13 апреля приговорен тройкой по статье 58. 10–11 («шпионаж» и «активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных <...> должностях при царском строе») к высшей мере наказания.⁶³²

За поддержку Белого движения поплатился епископ Анатолий (Каменский). После Февральской революции архиерей проводил агитацию против нового строя, за что 15 июня 1917 г. был лишен кафедры по инициативе местного Совета, поддержанной съездом духовенства и мирян. В связи с начавшейся травлей епископа Синод предложил ему «добровольно» подать заявление об уходе на покой. В июле 1917 г. епископ Анатолий такое заявление подал, сославшись на «переутомление», и поселился в Сергиевой пустыни.⁶³³ В 1917–1918 гг. епископ Анатолий был участником Священного Собора РПЦ, на котором поднял вопрос о незаконности своего отстранения. После Собора был возведен в сан архиепископа и назначен на Иркутскую кафедру. Здесь владыка поддержал адмирала А. В. Колчака, став в 1919 г. одним из главных организаторов Дружин Святого Креста, возглавляя, по словам инициатора движения профессора Д. В. Болдырева, всю религиозную часть добровольческого движения крестonosцев. После разгрома колчаковской армии владыка остался в России и по прибытии в Иркутск был арестован ЧК и приговорен к расстрелу, который по каким-то причинам не был приведен в исполнение. Около двух лет архиепископ Анатолий был заключенным иркутской тюрьмы. Последние месяцы своей

⁶³¹ Лоскутов С. А., Николаев А. Б. Караваев (Короваев) Иоанн Михайлович // Государственная дума Российской империи. С. 237.

⁶³² Жертвы политического террора в СССР // Сайт общества «Мемориал». [Электронный ресурс]. URL: <http://lists.memo.ru/d27/f344.htm>.

⁶³³ Николаев А. Б. Анатолий (Каменский) // Государственная дума Российской империи. С. 19–20.

жизни он проживал при архиепископе Омском Викторе (Богоявленском). Скончался владыка Анатолий 20 сентября 1925 г. в алтаре храма во время церковной службы.⁶³⁴

Жертвой политических репрессий стал и бывший член фракции правых Н. П. Стародумов. В начале 1920-х гг. вместе с другими православными верующими Вятской епархии он активно противостоял обновленцам, захватывавшим православные храмы, за что был подвергнут двухлетнему тюремному заключению (1922–1924). В рапорте ОГПУ от 1924 г. Стародумов был назван «кулаческо-монархическим элементом» и обвинялся в том, что он совместно с другими верующими, «грубой физической силой религиозной толпы <...> разогнав в г. Яранске так называемые обновленческие церковные советы, захватив все церкви под свое руководство, послали к бывшему патриарху Тихону в Москву делегата <...> за епископом».⁶³⁵ В 1925 г. Стародумов являлся членом церковного совета яранского Успенского собора. В том же году он был вновь арестован и заключен в тюрьму, удостоившись от патриарха Тихона за свою активность в защите православной веры «признательности и Божия благословения». В 1927 г. Стародумов обратился с письмом к А. И. Рыкову (отправив копии своего обращения М. И. Калинину, И. В. Сталину, Н. И. Бухарину и К. Е. Ворошилову), в котором, выражая полную лояльность советской власти, указывал на то, что для укрепления доверия к ней среди беспартийного крестьянства необходимы отказ от поддержки обновленцев, прекращение гонений на православную веру, возвращение из тюрем и ссылок представителей православного духовенства и проведение Церковного собора. «Ваши имена, — писал Стародумов, — будут бессмертны в России на века, если это будет достигнуто. Для этого требуется только возвратить на место митрополитов, архиепископов, епископов и священников из тюрем и ссылок, а затем не отказать в созыве Церковного Православного Собора, и уверяю Вас, что это укрепит, усилит и возвеличит Советскую Россию и пролетарскую власть и возвеличит не только в нашей стране, но и во всем мире».⁶³⁶ Дальнейшая судьба Стародумова неизвестна, мы знаем лишь, что жизнь его оборвалась

⁶³⁴ Степанов А. Д. Анатолий (Каменский) // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 31.

⁶³⁵ Цит. по: *Дамаскин (Орловский), игумен*. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 2002. Кн. 6. С. 352–353.

⁶³⁶ Полный текст письма см.: Документы прошлого // Радио «Свобода». [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.svoboda.org/programs/hd/2000/hd.060600.asp>.

в 1941 г.⁶³⁷ Известно также, что его сын, Н. Н. Стародумов, стал прославленным советским летчиком, кавалером 4-х орденов Красного Знамени и автором книги воспоминаний «Над фронтами» (М., 1940).

Некоторые из бывших правых членов законодательных учреждений в силу обстоятельств пошли на сотрудничество с советской властью. Член фракции правых, священник В. И. Лентовский, служивший с октября 1917 по 1918 г. настоятелем пензенского Рождественского храма, в 1921 г. был пострижен в монашество с именем Борис и хиротонисан во епископа Пензенского и Саранского, но уже 6 июля 1922 г. оказался почисленным на покой. По данным сводки ГПУ, в начале церковного раскола епископ Борис являлся сторонником патриарха Тихона, но, будучи заключен в тюрьму, под давлением советских властей признал обновленчество и в особом воззвании приглашал верующих подчиняться всем распоряжениям обновленческого «архиепископа» Леонида (Скобеева). Воззвание епископа Бориса всколыхнуло верующих, а патриарх Тихон в интервью Российскому телеграфному агентству (РОСТА) высказал мнение о неискренности присоединения епископа Бориса к обновленческому «Союзу общин Древне-апостольской церкви» (СОДАЦ). В 1923 г. епископ Борис принял участие в проходившем в Москве «Поместном соборе» обновленцев. Последний раз он упоминается в списках архиереев на 1927 г. Согласно некоторым источникам, находясь на смертном одре в сторожке обновленческой церкви, владыка раскаялся в переходе к обновленцам, но скончался он, так и не воссоединившись с канонической церковью, 7 сентября 1927 г.⁶³⁸

В 1920 г. был арестован органами ВЧК за участие в крестном ходе во время пребывания в городе белых бывший член фракции правых протоиерей Т. Д. Попов. Под угрозой расстрела он согласился сотрудничать с ЧК-ГПУ-НКВД в качестве секретного осведомителя, каковым состоял вплоть до 1938 г. Следуя директивам своих кураторов, в 1922–1923 гг. отец Тихон уклонился в обновленческий раскол, в 1923–1925 гг. был членом обновленческого Синода, выступал за выход из подчинения патриарху Тихону. В 1928 г. он был «хиротонисан» (находясь в брачном состоянии) в обновленческого епископа. С 1932 г. занимал должность «епископа» Тульского, затем «архиепископа» Воронежского (1934) и Московского (1936),

⁶³⁷ Знаменательные и памятные даты по Яранскому району на 2006 год. Библиографический указатель. Яранск, 2005. С. 11; *Дождикова Е.* С государственным подходом // Отечество. 2000. 20 января.

⁶³⁸ См.: Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925. Новосибирск; М., 1998. Кн. 2. С. 327; *Иванов А. А.* Последние защитники монархии. С. 174; *Николаев А. Б.* Лентовский Владимир Иванович // Государственная дума Российской империи. С. 325.

а в 1937 г. стал «митрополитом» Московским и Тульским. Однако поддержки среди православных верующих он практически не имел, удостоившись от них прозвища «красный архиерей». В 1938 г. отец Тихон был повторно арестован органами НКВД, и по просьбе следователей письменно изложил свой взгляд на историю Русской православной церкви, в которой одинаково осуждал деятельность как обновленческой, так и канонической церкви в связи с их «контрреволюционностью». Обновленческий митрополит каялся также и в своей прежней антиреволюционной деятельности, признавая себя «тормозом на пути прогресса и задач революции». Но это не спасло его от репрессий, хотя, возможно, и смягчило их. Бывший монархист был обвинен следственными органами в «создании блока всех существующих в СССР церковных течений для борьбы с советской властью» и 2 апреля 1939 г. приговорен к 5 годам ссылки в один из районов Казахстана. После отбытия наказания вернулся в Москву.

В январе 1944 г. о. Тихон покаялся и был принят патриархом Сергием (Страгородским) в лоно канонической церкви в сане протоиерея, в каком он и состоял до уклонения в раскол. На уговоры главы обновленческой церкви А. И. Введенского немедленно уйти от «сергиевцев», вернуться обратно к раскольникам и занять Ленинградскую кафедру он ответил категорическим отказом, пояснив, что отныне готов служить только в канонической церкви, даже если его низведут в иподиаконы. Отец Тихон являлся членом Поместного Собора РПЦ, открывшегося 31 января 1945 г., на котором был избран патриарх Алексий (Симанский). В 1947 г. он был утвержден в звании профессора Московской духовной академии. В том же году он совершенно ослеп, но не оставил преподавательской деятельности. Скончался отец Тихон в Москве 9 августа 1962 г.⁶³⁹

Но были среди «парламентариев»-монархистов и те, кто, избежав репрессий, относительно спокойно доживал свой век в советской России. Член фракции правых, священник Г. Т. Алферов, в годы гражданской войны принимавший участие в крестном ходе по случаю наступления белых на Воронеж, оказался не тронутым советской властью — оставшись в советской России, он скончался в 1923 г.⁶⁴⁰

Представитель правой группы Государственного совета, протоиерей Т. И. Буткевич после Февральской революции вернулся в родной Харьков.

⁶³⁹ Подробнее см.: *Иванов А. А.* Последние защитники монархии. С. 183–184; *Николаев А. Б., Рылов В. Ю.* Попов Тихон Дмитриевич // Государственная дума Российской империи. С. 484–485.

⁶⁴⁰ *Рылов В. Ю., Иванов А. А.* Алферов Георгий Тимофеевич // Государственная дума Российской империи. С. 18.

Здесь он служил настоятелям Свято-Николаевской церкви. В 1919 г., как один из самых авторитетных священников города, он был избран в состав коллегии из трех пастырей, которые взяли на себя управление церковной жизнью епархии до появления в ней архиерея. А в 1920 г. он был избран и утвержден патриархом Тихоном во главе харьковского Епархиального совета (распущен в 1921 г. советской властью). Скончался о. Тимофей в Харькове 31 января 1925 г. от воспаления легких и паралича сердца и был погребен на кладбище возле Иоанно-Усекновенской церкви.⁶⁴¹ В январе 2006 г. в Харькове была установлена мемориальная доска в честь знаменитого пастыря.⁶⁴²

Член фракции правых, протоиерей А. М. Станиславский принимал участие в работе Священного Собора Русской православной церкви 1917–1918 гг., был членом Всеукраинского собора 1918 г. Перебравшись из Харьковской губернии в Москву, он попеременно служил настоятелем нескольких столичных церквей, был членом Высшего церковного управления при патриархе Тихоне, а в 1945 г. принял участие в работе Поместного Собора. После войны бывший правый депутат служил консультантом при синодском Хозяйственном управлении (1946), а с 1948 г. являлся членом Пенсионного комитета Св. Синода. Скончался он 23 мая 1953 г.⁶⁴³

Оказался не тронутым советской властью и другой священник-депутат, член Союза русского народа и Русского собрания, протоиерей В. А. Спаский. Уже после Февральской революции, в мае 1917 г., он закончил обучение в Петроградской духовной академии и был удостоен степени кандидата богословия I разряда. С октября 1919 г. он являлся законоучителем Тимского реального училища и преподавателем истории и географии 2-й Тимской школы. Однако вскоре, в феврале 1920 г., «как носящий рясу», был уволен от преподавания Курским губернским отделом народного образования. Кроме того, с конца 1919 г. вплоть до закрытия властями в 1939 г. Крестовоздвиженского собора г. Тима отец Владимир служил его настоятелем. Менее года прослужил он и в Знаменской кладбищенской церкви г. Тима, которая также была закрыта (1939). После этого престарелый священник

⁶⁴¹ *Степанов А. Д.* Буткевич Тимофей Иванович // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 78–79.

⁶⁴² *Левченко А.* Память о земляке воскресили в камне // Вечерний Харьков. 2006. 20 января.

⁶⁴³ См.: Из Московской епархии. Редкий юбилей [60-летие пастырского служения протоиерея А. М. Станиславского] // Журнал Московской Патриархии. 1946. № 12; *Ветелев А.* Прот. А. М. Станиславский // Журнал Московской Патриархии. 1953. № 6. С. 29–32; *Кривошеева Н. А.* Биографический указатель имен // *Рожков В.* Церковные вопросы в Государственной думе. М., 2004. С. 534.

ушел на покой.⁶⁴⁴ В 1941 г. оказался в немецкой оккупации, бежать не смог — ему было уже 73 года. Скончался он в родном Тиме в августе 1943 г. после удара немецкого солдата прикладом в спину.⁶⁴⁵ Его потомки также оставили заметный след в истории: сын Василий Владимирович (1906–1976) стал одним из создателей стали для брони легендарного советского танка Т-34, внук Борис Васильевич (р. 1937) — чемпион мира по шахматам, а внучка Ираида Васильевна (р. 1944) — неоднократная чемпионка СССР по шашкам.

Остался в советской России и, судя по всему, избежал репрессий и священник М. П. Знаменский, служивший после революции в Благовещенской церкви Тулы (в 1929 г.) и скончавшийся 5 мая 1934 г.⁶⁴⁶

Как видим, судьбы представителей правых объединений Государственного совета и Государственной думы сложились по-разному: кто-то пал жертвой красного террора, кто-то сгинул в трагических событиях Гражданской войны, кому-то удалось эмигрировать и из заграницы продолжить борьбу, кто-то остался в советской России, отойдя от всякой политической деятельности. Но во всех этих судьбах есть нечто общее — глубокий трагизм, связанный с сокрушительным политическим поражением, крахом идеалов и безвозвратной утратой православно-самодержавной России.

⁶⁴⁴ Шумков А. А. Спасские — священники Курской губернии // События и люди в документах курских архивов. Вып. 3. Курск, 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vgd.ru/S/spassky.htm>.

⁶⁴⁵ Знаменитые тимчане. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.timonline.ru/zyam.html>.

⁶⁴⁶ Николаев А. Б. Знаменский Михаил Павлович // Государственная дума Российской империи. С. 213.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что накануне Первой мировой войны крайне правый спектр Государственного совета и Государственной думы был представлен достаточно репрезентативно, ни фракция правых в IV Государственной думе, ни правая группа Государственного совета не могли претендовать на роль парламентского большинства, так как в совокупности либеральные и левые группы и фракции численно превосходили крайне консервативное крыло, а следовательно, лишали правых возможности проводить свою политику без оглядки на оппозицию.

Кроме того, думские правые накануне и во время войны уже не являлись представителями всего русского правого движения, поскольку в результате расколов в монархическом лагере фракция правых представляла собой лишь его умеренное крыло. Это неизбежно приводило к тому, что авторитет правых IV Государственной думы внутри «низового» монархического движения, в отличие от одноименной фракции III Думы, заметно упал, а их лидеры подвергались жесткой критике не только со стороны либеральной оппозиции и левых сил, но и со стороны крайнего фланга черносотенного лагеря. В результате накануне Первой мировой войны, несмотря на некоторый прирост численности, думские правые не только не образовали большинства, но практически сразу же оказались в изоляции.

Формально думская фракция правых и правая группа Государственного совета представляли собой два не связанных между собой консервативных парламентских объединения, что и обуславливало раздельное изучение их деятельности в исторической науке. Однако нахождение лидеров обеих групп в общих политических и сословных структурах (Русское собрание, Объединенное дворянство), существование неформальных связей между членами правых объединений законодательных палат, их консультативная деятельность, идентичность названий, а также явно заметная солидарность по основным вопросам политической жизни дает полное право воспринимать их как две части единой политической системы.

В предвоенные годы правые объединения Государственного совета и Государственной думы уделяли немало внимания вопросам внешней политики. Традиционно придерживаясь в своей внешнеполитической ориентации близкой династически, политически, идейно, являющейся, к тому же, основным экономическим партнером, кайзеровской Германии, правые негативно относились к правительственному курсу на сближение с республиканской Францией и конституционной Великобританией, не без основания полагая, что подобное сближение обернется катастрофическим для России столкновением с Германской империей. Таким образом, взгляды правых накануне войны существенно разошлись с внешнеполитическим курсом российского МИДа.

Выступая противниками вовлечения России в европейский военный конфликт, правые вместе с тем были чужды иллюзий насчет агрессивных планов Германии. В связи с этим правые всегда уделяли особое внимание обороноспособности России, причем оценка правыми состояния боеспособности русской армии характеризовалась искренней озабоченностью и реалистичностью. Отдавая себе отчет в недостаточной подготовленности русских вооруженных сил к глобальному военному конфликту, представители консервативных объединений обеих палат стремились всеми силами если не предотвратить, то хотя бы оттянуть войну с Германией до того момента, когда русская армия получит явные преимущества перед армией потенциального противника.

Разразившаяся война с Германией поставила правые объединения законодательных палат в крайне невыгодное и затруднительное положение. Их предвоенные доводы о возможном мирном сосуществовании с западным соседом в одночасье были разрушены фактом нападения последнего, а предвоенная ориентация на союз с немцами обернулась обвинениями со стороны политических оппонентов в германофильстве и стремлении к сепаратному миру. Вынужденный и сделанный правыми буквально на ходу пересмотр взглядов на Германию и немцев выглядел довольно неуклюжим и искусственным ввиду явно бросающейся в глаза их непоследовательности в этом вопросе, а попытки отдельных лидеров правых представить виновниками войны «мировое еврейство», столкнувшее лбами европейские монархии, не находили поддержки общества. Все это давало оппозиции, последовательно стоявшей на антантофильских позициях, возможность дискредитировать своих политических противников, представляя их в общественном мнении едва ли не как потенциальных изменников. Между тем подобное мнение, муссировавшееся в либеральном лагере, являлось не более чем средством политической борьбы. «Германофильство» парламентских правых можно понимать только как чувство глубокого неудовлетворения и

досады от осознания того, что воевать приходится с тем, кого хотелось бы видеть в рядах своих союзников в силу государственно-политической общности. Но, являясь государственниками и патриотами, русские правые в сложившихся условиях абсолютно искренне желали победы в войне своей родине, а отнюдь не Германии, так как возможность союза с немцами перед войной они рассматривали именно сквозь призму русских национальных интересов, а отнюдь не немецких. Объявленная Вильгельмом II война разрушила надежды правых на мирное сосуществование двух держав и автоматически привела их в антигерманский лагерь. И хотя война так и не сблизила русских правых с союзными парламентскими державами, чувство долга перед Отечеством и монархией вынуждало их действовать согласно воле самодержца и стремиться к победе и возвеличиванию Российской империи. Поэтому с первых же дней войны правые полностью солидаризировались с верховной властью, принявшей вызов Германии.

Сформулированная правыми в годы войны внешнеполитическая программа представляла собою «уточненную» и дополненную официальную декларацию правительства. Основными ее моментами были стремление к осуществлению вековой мечты — освобождению от турок Константинополя и превращения его в третью столицу Российской империи, а также завершение объединения под скипетром русского царя славянских земель, некогда входивших в состав Киевской Руси, но затем отторгнутых западными соседями. При этом правые обеих законодательных палат призывали российскую дипломатию и генералитет не допускать перекладывания основных тягот войны на Россию, а добиваться равносильного и равноправного участия всех держав Соглашения в вооруженной борьбе против Германии. Целью такой позиции было стремление максимально сохранить кадровый состав армии и закончить войну, имея могущественные вооруженные силы, с которыми союзники должны будут считаться при определении условий мира и разделе территорий.

Поддержав выказанную на «историческом» заседании Государственной думы 26 июля 1914 г. идею «священного единения» всех парламентских сил, правые были искренно нацелены на примирение с оппозицией до завершения войны, выставив в качестве условия прекращения политической борьбы с либералами отказ последних от любых реформаторских инициатив, напрямую не связанных с военными нуждами. Только при этих условиях правые видели возможным достижение в стране политического согласия конкурирующих партийных сил, сохранение стабильности государственных институтов и общественного консенсуса. Несмотря на распространенное мнение, согласно которому внутривластный мир в стране в 1915 г. был разрушен правыми, поднявшими «знамя раздора», следует признать,

что протест консервативного крыла законодательных палат был лишь неизбежной реакцией на оживление политической активности оппозиционного лагеря. Таким образом, большую ответственность за провоцирование острого политического противостояния в стране несли именно силы, составившие Прогрессивный блок, посчитавшие вправе отождествить свои взгляды со взглядами всего российского общества, а свои политические требования — с реальными потребностями страны.

Несмотря на то, что возможность создания единого фронта оппозиции лидеры консервативных объединений предвидели задолго до его воплощения в жизнь, быстрое оформление Прогрессивного блока внесло растерянность и шатание в ряды правых. Представителям консервативного крыла не сразу удалось сориентироваться в своей стратегии по отношению к думской оппозиции, начавшей открытую критическую кампанию против правительства. Также важно отметить, что первые шаги правых по отношению к Прогрессивному блоку были нацелены на поиск компромисса. Однако нежелание обеих сторон поступиться своими принципами разрушило иницированную правыми попытку делового диалога с оппозицией и привело к острому политическому противостоянию консерваторов и либералов.

Неоднократные попытки правых создать противовес либеральной оппозиции в виде Консервативного («Черного») блока, призванного объединить все правые и умеренно правые объединения Думы и Совета, оказались безрезультатными. Объединение всех правых сил, хотя бы в форме издания общей декларации, так и не состоялось, и не вошедшие в оппозиционный блок группы были вынуждены ограничиться консультативными переговорами по отдельным вопросам.

В условиях нараставшего общенационального кризиса, связанного с военными неудачами русской армии и резким ухудшением экономического положения в стране, вызывавшими критику правительства, положение правых объединений Государственной думы и Государственного совета, защищавших авторитет власти, оказалось крайне трудным. Правые защищали власть, которая полностью себя дискредитировала, а потому негативное отношение самых широких слоев общества к правительству и императору полностью переносилось на их защитников. Чем больше власть теряла престиж, тем больше падал авторитет ее апологетов, стремительно сокращалась их поддержка в народе.

1915 г. стал для правого спектра российских законодательных учреждений годом первых крупных политических поражений. Кризисные явления поспешили сказаться на состоянии как правой группы Государственного совета, так и фракции правых Государственной думы. Единство взглядов на происходящие процессы было разрушено, прежнее влияние утеряно,

авторитетность отдельных лидеров уже не могла компенсировать центробежные тенденции, рядовые члены стали выражать сомнения в правомочности непреклонного твердого курса своих вождей, а некоторые из них и переходить в более умеренные политические структуры, не исключая оппозиционные.

Отношение правых объединений законодательных палат к правительству было двойственным и во многом зависело от изменения общественно-политического положения в стране. Защищая власть от нападков либеральной оппозиции, правые вовсе не являлись силой, слепо следующей правительственному курсу, и позволяли себе критиковать отдельных членов кабинета и некоторые направления его деятельности. При этом, в отличие от оппозиции, желавшей «министерства общественного доверия» («ответственного министерства»), правые преследовали другую цель — путем дискредитации вынудить уйти в отставку неугодных консервативному крылу министров и тем самым заставить правительство отказаться от лавирования между интересами либеральной буржуазии и правыми кругами, в пользу последних. Но в отличие от Прогрессивного блока, стремившегося при помощи массивной критической кампании подтвердить негодность существовавшего правительства и тем самым «свалить» его, правые желали делового совещания с властью, чтобы помочь ей найти средства для выхода из сложившегося кризиса.

Вместе с тем, добиваясь в годы войны от верховной власти формирования кабинета из правых деятелей, правые, получая назначения на ключевые государственные посты, упустили все предоставленные им шансы переломить ситуацию в свою пользу. Из всех министров, назначенных самодержцем из членов правой группы Государственного совета (или позже ставших таковыми) или правой фракции Государственной думы, никто не сумел ни поставить общественные процессы под жесткий контроль власти, ни войти в конструктивно-сотруднические отношения с общественностью. Получался замкнутый круг, выхода из которого охранительными политическими силами так и не было найдено.

Внутриполитическая программа правого спектра Государственного совета и Государственной думы, базируясь на знаменитой уваровской триаде, в основе своей оставалась незыблемой вплоть до революционных событий 1917 г. Однако Первая мировая война внесла ряд технических корректив в ее воплощение. Исходя из принципа, что вопросы, не связанные с войной, не должны обсуждаться и рассматриваться законодательными палатами, правые в своей программе практически не касались вопросов социального переустройства общества, откладывали разрешение национального вопроса до окончания войны, не допускали каких-либо радикальных

преобразований до полной победы над неприятелем. Специфическими, вызванными войной чертами программы правых стали положения о борьбе с «немецким засильем» (имевшей целью частичное разрешение аграрного вопроса и отвод обвинений правых в «германофильстве») и борьбе с дороговизной жизни, (подразумевавшей сохранение разумных цен на предметы первой необходимости). Призванные «перекрыть» программу Прогрессивного блока и ослабить рост недовольства среди населения, эти программные установки правых не принесли желаемого результата и во многом остались нереализованными. При этом развернутая в рамках борьбы с «немецким засильем» антинемецкая кампания оказалась палкой о двух концах: помимо разжигания «праведного гнева» в отношении военного противника России, она невольно приводила к росту антидинастических настроений, направленных, в первую очередь, против «немки» императрицы.

Правые ближе всех оказались в предсказаниях последствий левой и либеральной агитации в рабочей среде. Однако их собственные рецепты решения рабочего вопроса выглядели куда менее перспективно и заманчиво, чем обещания противоположного лагеря. В результате правые так и не смогли привлечь рабочих на свою сторону. Более чем умеренная программа правых по рабочему вопросу не могла перекрыть соблазнительной пропаганды левых партий.

Отношение правых к общественным организациям и их деятельности в годы войны было неоднозначным. Не требуя их запрета и ликвидации, представители правого спектра законодательных учреждений настаивали лишь на жестком государственном контроле над их деятельностью. Их беспокоил не тот факт, что представители либерального лагеря стремятся помочь нуждам военного времени, а то, в каких целях ими это делается и насколько продуктивна их помощь.

В остальных же вопросах правые исходили из традиционного для консервативного лагеря принципа «малых дел», предлагая скромные, но достижимые без радикальной ломки общественных институтов и сложившихся порядков меры по улучшению народной жизни. Таким образом, суть программы правых в годы войны сводилась к сохранению «вековых устоев» русского общества, исторически сложившейся российской государственности с неограниченной самодержавной властью, и победоносному завершению войны, призванному укрепить существующий строй и содействовать разрешению накопившихся социально-экономических и политических противоречий. Однако в условиях левой и либеральной пропаганды, сулившей более радикальное и эффективное решение наболевших вопросов, а также нарастающего недовольства масс существующим порядком вещей, установки правых оказались малопривлекательными и неконкурентоспособными.

Правые отстаивали существовавшие в России политические, социальные, религиозные, экономические и бытовые устои практически в незыблемом виде, а потому нет ничего удивительного в том, что глубокий кризис во всех сферах общественной жизни лишил правый лагерь хоть какой-нибудь значимой социальной базы.

Правые крылья обеих законодательных палат являлись активными участниками практически всех мероприятий, организуемых монархистами, и играли далеко не последнюю роль в черносотенном движении в целом. Правые Думы и Совета стремились поддерживать тесные дружественные отношения с родственными им по духу союзами, объединениями и обществами, стремясь к консолидации всего правого лагеря. Но вместе с тем правый спектр законодательных палат не справлялся с ролью общепризнанного лидера всего монархического движения, а потому так и не смог в полной мере стать его штабом. Кроме того, не было полного единства в позиции фракции правых и правой группы в отношении низового монархического движения — если первые стремились к более тесному сотрудничеству с ним, то правые «лорды» старались дистанцироваться от «черносотенной улицы».

Период с ноября 1916 по февраль 1917 г. стал временем стремительной дискредитации в общественном сознании и, как следствие, упадка влияния (а под конец и полного краха) правых объединений обеих законодательных палат. Раскол и последовавший за ним фактический распад фракции правых, раздробивший ее на две самостоятельные структуры (собственно фракцию правых и группу независимых правых), стал безусловной победой либеральных сил. При этом крах фракции правых был результатом давно тлевших в ней процессов, а потому являлся закономерным. Разложение коснулось и правой группы Государственного совета, часть которой, поддавшись общественным настроениям, стала высказываться в поддержку отдельных требований оппозиции. Несмотря на то, что в начале 1917 г. правая группа численно увеличилась, а назначения на ключевые посты в правительстве ее членов (И. Г. Щегловитова и Н. Д. Голицына) давали надежду правым на реванш, внутренняя разобщенность и аморфность не позволили монархистам развить тактический успех.

При этом лидеры правых объединений Думы и Совета вплоть до самой революции в рамках неформальных объединений продолжали совместные обсуждения выхода из политического кризиса, итогом которых стали поданные в высшие сферы записки, содержащие рецепты по спасению монархии. Однако идеи, генерируемые крайне правой частью консервативных объединений Думы и Совета, некому было воплощать в жизнь. К тому же власть, избегавшая радикальных мер по пресечению надвигающейся

революции, продолжала надеяться, что политический кризис в стране разрешит не реакционный переворот, а скорая победа в войне.

В декабре 1916 — феврале 1917 г. ни думская фракция правых, ни правая группа Государственного совета никак себя не проявили. Активность отдельных членов не могла повлиять на общую апатию и деградацию. Стало очевидно, что дело правых проиграно. Изолированность правых и правительства, в состав которого вошли их представители, недовольство властью и ее защитниками со стороны абсолютно всех политических сил страны практически не оставляли консервативному лагерю шансов на успех. Это понимали и сами консерваторы, отличавшиеся более дальновидным взглядом на будущее, чем либералы. Они трезво отдавали отчет как в своем поражении, так и в последующем за ним поражении либералов, которые в отличие от черносотенцев и левых, никогда не имели в народных массах точек опоры. Причина дальновидности правых заключалась в том, что, будучи традиционалистами и в значительной степени носителями патриархальных русских ценностей, они понимали и чувствовали русский народ значительно лучше, нежели высокообразованные и европейски мыслящие либералы-интеллигенты.

И вместе с тем, как справедливо отмечает С. В. Тютюкин, крах правых в 1917 г. вовсе не означал, что в их программе не было ничего позитивного. «Патриотизм, ставка на сильную державную власть, стремление к нравственному очищению людей, уважение к русской национальной культуре и истории, независимая внешняя политика, достойная великой страны, не менее ценны, чем такие либеральные ценности, как свобода личности, демократия, широкое общественное управление и поиск компромисса как главного решения всех политических, социальных и национальных проблем».¹

Другое дело, что хотя правым порой удавалось справедливо и метко критиковать своих политических противников, находить слабые места в их программах, показывать с удивительной прогностической точностью последствия, к которым вели действия оппозиционного лагеря, правые сами так и не смогли предложить действенные рецепты для умиротворения общества и спасения монархии от краха.

¹ Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения / Тютюкин С. В. Консерватизм многолик и вечен // Отечественная история. 2001. № 3. С. 133.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ)

1. **Ф. 102.** (*Департамент полиции Министерства внутренних дел*):
Оп. 245. Д. 244, 307 А.
Оп. 265. Д. 987, 990, 991, 993–995, 998, 1025–1034, 1036–1038, 1061–1071, 1565.
2. **Ф. 116.** (*Всероссийский Дубровинский Союз русского народа*):
Оп. 1. Д. 791.
Оп. 2. Д. 9.
3. **Ф. 117.** (*Русский народный союз имени Михаила Архангела*):
Оп. 1. Д. 648, 666, 692, 698, 702, 707.
4. **Ф. Р-336.** (*Следственная комиссия революционного трибунала при Петроградском совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов*):
Оп. 1. Д. 277.
5. **Ф. 555.** (*А. И. Гучков*):
Оп. 1. Д. 445, 613.
6. **Ф. 579.** (*П. Н. Милоков*):
Оп. 1. Д. 377.
7. **Ф. 1463.** (*Коллекция отдельных документов личного происхождения*):
Оп. 1. Д. 248.
8. **Ф. 1467.** (*Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц*):
Оп. 1. Д. 312, 572, 862, 858, 1006.
9. **Ф. Р-4652.** (*Канцелярия патриарха Тихона*):
Оп. 1. Д. 2.
10. **Ф. 5881.** (*Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов*):
Оп. 1. Д. 730 а.
11. **Ф. 5971.** (*П. П. Менделеев*):
Оп. 1. Д. 111.
12. **Ф. 6422.** (*Л. Н. Новосильцев*):
Оп. 1. Д. 6.

13. **Ф. 9452.** (*И. И. Восторгов, протоиерей*):
Оп. 1. Д. 108.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

14. **Ф. 1287.** (*Шереметевы*):
Оп. 1. Д. 2552, 5062, 5122, 5124, 5125, 5129, 5136, 5137.
15. **Ф. 1412.** (*Бобринские*):
Оп. 2. Д. 53, 55, 58–62, 70, 84, 221, 222, 233.

Российский государственный архив литературы и искусств (РГАЛИ)

16. **Ф. 1175.** (*Ю. И. Айхенвальд*):
Оп. 2. Д. 57.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

17. **Ф. 669.** (*И. С. Ключев*):
Оп. 1. Д. 14, 15.
18. **Ф. 899.** (*Бобринские*):
Оп. 1. Д. 72, 150.
19. **Ф. 1088.** (*С. Д. Шереметев*):
Оп. 2. Д. 117.
20. **Ф. 1090.** (*А. И. Шингарев*):
Оп. 1. Д. 162.
21. **Ф. 1148.** (*Общее собрание Государственного совета*):
Оп. 10. Д. 4, 6.
22. **Ф. 1276.** (*Совет министров*):
Оп. 10. Д. 7–8.
Оп. 12. Д. 1817.
23. **Ф. 1278.** (*Государственная дума*):
Оп. 5. Д. 201, 237, 300, 446, 455, 1122, 1154, 1158, 1176.
Оп. 9. Д. 4, 16, 20, 51, 64–66, 69, 94, 108, 132, 162, 173, 191, 199, 200, 244, 275, 280, 281, 290, 296, 305, 317, 328, 334, 396, 431, 433, 434, 441, 448, 453, 454, 484, 502, 509, 527, 528, 560, 569, 574, 631, 632, 644, 646, 653, 702, 723, 733, 745, 748, 751, 761, 763, 772, 779, 811, 813, 820, 842, 848, 856, 888, 890, 921, 929, 930, 935, 1311.
24. **Ф. 1282.** (*Канцелярия министра внутренних дел*):
Оп. 1. Д. 1137.
25. **Ф. 1327.** (*Особое делопроизводство по выборам в Государственную думу и Государственный совет Министерства внутренних дел*):
Оп. 1. Д. 30, 33 а, 33 б, 34, 35 а, 35 б.
Оп. 2. Д. 195.
26. **Ф. 1675.** (*И. Г. Щегловитов*):
Оп. 1. Д. 33, 41.

**Центральный государственный исторический архив
Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)**

27. **Ф. 1695.** (*Прокурор Петроградской судебной палаты*):
Оп. 4. Д. 24.

**Центральный государственный архив
кинофотофонодокументов (ЦГАКФФД)**

28. **Альбом П 199.** (*Головной отряд Красного Креста В. М. Пуришкевича*).

Архив Дома Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына (Архив ДРЗ)

29. **Ф. 1.** (*Всероссийская мемуарная библиотека*):
Ед. хр. М-76 (1), Е-68, Альбомы А. И. Калугина «REGES». 4 б.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)

30. **Ф. 58/II.** (*И. И. Воронцов-Дашков*):
Картон 43. Ед. хр. 4/5.
31. **Ф. 218.** (*Собрание Отдела рукописей*):
Картон 305. Ед. хр. 3.
Картон 306. Ед. хр. 3.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)

32. **Ф. 541.** (*И. Х. Озеров*):
Оп. 1. Д. 4.
33. **Ф. 585.** (*С. Ф. Платонов*):
Оп. 1. Д. 5884, 5906.
34. **Ф. 1052.** (*Б. А. Энгельгардт*):
Оп. 1. Д. 23, 29, 31, 32, 59, 71.

II. СБОРНИКИ И ОТДЕЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

35. «27-го февраля мы могли стать гражданами...»: Тюремные записи В. М. Пуришкевича. Декабрь 1917 — март 1918 / Публ. И. С. Розенталя // Исторический архив. 1996. № 5–6. С. 118–149.
36. Архив русской революции / Сост. И. В. Гессен. Т. 5. — Берлин: Издательство «Слово», 1922. — 361 с.
37. «Борьба наша проиграна». Документы правых 1914–1917 гг. // Исторический архив. 1994. № 5. С. 32–89.
38. Буржуазия и помещики в 1917 г. Частные совещания членов Государственной думы / Под ред. А. К. Дрезена — М.; Л.: Партийное изд-во, 1932. — 328 с.
39. Буржуазия накануне февральской революции / Под ред. Б. Б. Граве. — М.; Л.: Госиздат, 1927. — 204 с.

40. Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета за X и XI сессии 1915 года. — Пг.: Государственная типография, 1915. — 40 с.
41. Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета за XII сессию. 1916 года. — Пг.: Государственная типография, 1916. — 60 с.
42. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия I. — СПб.: Государственная типография, 1913. Ч. 1. — 2438 стб.; Ч. 2. — 2251 стб.; Ч. 3. — 2698 стб.
43. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия III. — Пг.: Государственная типография, 1915. — 381 стб.
44. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия IV. — Пг.: Государственная типография, 1915–1916. Ч. 1. — 1399 стб.; Ч. 2. Стб. 1213–3502; Ч. 3. Стб. 3503–5813.
45. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия V. — Пг.: Государственная типография, 1916. Ч. 1. — 1738 стб.; Ч. 2. — 148 стб.
46. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия IX. — Пг.: Государственная типография, 1914. — 306 стб.
47. Государственный совет. Стенографические отчеты. 1915 г. Сессия X. — Пг.: Государственная типография, 1915. — 120 стб.
48. Государственный совет. Стенографические отчеты. 1915 г. Сессия XI. — Пг.: Государственная типография, 1915. — 51 стб.
49. Государственный совет. Стенографические отчеты. 1915 г. Сессия XII. — Пг.: Государственная типография, 1916. — 68 стб.
50. Государственный совет. Стенографические отчеты. 1916 г. Сессия XIII. — Пг.: Государственная типография, 1916. — 68 стб.
51. Доклад Постоянному совету объединенных дворянских обществ [о мерах к прекращению продажи крепких напитков и об упорядочении продажи денатурированного спирта] / [Соч.] Тов. пред. А. И. Мосолова. — [Пг.]: Типография Гл. упр. уделов, [1915]. — 8 с.
52. Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 1998. № 10; 1999. № 1–5; № 7–12; 2000. № 3–6.
53. *Дурново П. Н.* Записка / Публ. и вступ. ст. М. Павловича // Красная новь. 1922. № 6 (10). С. 182–199.
54. Забытое пророчество // Ауфбау (Восстановление). Сборник по вопросам хозяйственно-политической жизни Восточной Европы. Издание В: русское. 1921, ноябрь. № 4–5. С. 2–10.
55. Заговор монархической организации В. М. Пуришкевича / Публ. и вступ. ст. И. Тоболина // Красный архив. 1928. Т. 1 (26). С. 169–185.
56. Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и материалы: к 100-летию с начала деятельности Государственной Думы в России / Под ред. И. И. Демидова. — М.: РОССПЭН, 2006. — 766 с.

57. Из архива Щегловитова / Публ. И. Тоболин // Красный архив. 1926. Т. 2 (15). С. 104–117.
58. Монархия перед крушением 1914–1917. Из бумаг Николая II и другие документы / Под ред. В. П. Семенникова — М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. — 309 с.
59. «Не понимают величия русской государственной идеи». Переписка К. Н. Пасхалова 1914–1917 гг. // Источник. 1995. № 6. С. 4–52.
60. Объединенное дворянство: съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг.: В 3 т. / Т. 3. 1913–1916 гг. — М.: РОССПЭН, 2002. — 912 с.
61. Отрезвление рабочих. Статистическое обследование влияния прекращения продажи спиртных напитков на производительность труда рабочих / Под. ред. Ф. И. Кубацкого. — М.: Типография П. П. Рябушинского, 1915. — 86 с.
62. Падение царского режима: по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Ред. П. Е. Щеголев. — М.; Л.: Государственное изд-во, 1924. Т. 1. — 433 с.; 1925. Т. 2. — 439 с.; Т. 3. — 533 с.; Т. 4. — 533 с.; Т. 5. — 475 с.; 1926. Т. 6. — 415 с.; 1927. Т. 7. — 477 с.
63. *Пастернак Б. Л.* Из писем разных лет / Сост. Е. Б. Пастернак. — М.: Правда, 1990. — 46 с.
64. Переписка и другие документы правых (1911–1913) / Публ. Ю. И. Кирьянова // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 94–118; № 11–12. С. 102–130.
65. Переписка Николая и Александры Романовых. — М.; Пг.: Государственное издательство, 1923. Т. 3. (1914–1915 гг.) — 512 с.; 1926. Т. 4. (1916 г.) — 438 с.; 1927. Т. 5. (1916–1917 гг.) — 303 с.
66. Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 годах / Публ. Ю. И. Кирьянова // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 113–133; № 3. С. 142–165; № 8. С. 78–100; № 10. С. 119–143.
67. Письма ротмистра лейб-гвардии Уланского полка А. В. Поливанова родным (октябрь 1916 — май 1917 г.) / Публ. В. Н. Кузнецова // Вопросы истории. 2012. № 9. С. 74–97.
68. Политика Романовых накануне революции (От Антанты к Германии) по новым документам / Под ред. В. П. Семенникова. — М.: Государственное изд-во, 1926. — 245 с.
69. Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении / Публ. М. Покровский // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 3–35.
70. Последние дни императорской власти. По неизданным документам / Сост. А. Блок. — СПб.: «Алконост», 1921. — 168 с.
71. Последняя речь Н. Е. Маркова 2 в IV Государственной думе. Заявление фракции правых. — Пг.: Типография «Согласие», 1916. — 1 с.
72. Правые в 1915 — феврале 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам / Публ. Ю. И. Кирьянова // Минувшее. Исторический альманах. — М.; СПб.: ATHENEUM — Феникс, 1993. Т. 14. С. 145–225.
73. Правые партии. Документы и материалы: В 2 т. / Сост. Ю. И. Кирьянов. — М.: РОССПЭН, 1998. Т. 1. 1905–1910 гг. — 720 с.; Т. 2. 1911–1917 гг. — М.: РОССПЭН, 1998. — 816 с.

74. Программа Союза русского народа перед Февральской революцией / Публ. И. Тоболин // Красный архив. 1927. Т. 1 (20). С. 242–244.
75. Прогрессивный блок в 1915–1917 г. / Публ. Н. Лапин // Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 80–131.
76. Проект новых правил о печати, внесенный на рассмотрение Государственной думы фракцией правых в марте 1913 года. — СПб.: Типография товарищества «Свет», 1913. — 19 с.
77. Речи В. М. Пуришкевича в заседаниях Государственной думы 12 февраля и 21 марта 1916 года // Трибуна. Избранные парламентские речи (стенограммы). Вып. 8. — Пг.: А. М. Горовцев, 1916. С. 1–24.
78. Речь Н. А. Маклакова, сказанная 26 ноября 1916 г. в заседании Государственного совета // Российский гражданин. 1916. № 46. С. 2–6
79. Российский зарубежный съезд. 1926. Париж: Документы и материалы / Сост. М. А. Кетенко, И. В. Домнин. — М.: «Русский путь», 2006. — 846 с.
80. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны (записи заседаний и переписка) / Публ. Р. Ш. Ганелина, С. В. Куликова, В. В. Лапина, М. Ф. Флоринского. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. — 560 с.
81. Совещание монархистов 21–23 ноября 1915 года в Петрограде. Постановления и краткий отчет. — М.: Типография градоначальства, 1915. — 45 с.
82. Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. / Сост. А. Черновский, ред. и авт. вступ. ст. В. П. Викторов. — М.: Государственное издательство, 1929. — 444 с.
83. Список и основной состав комиссий Всероссийского Филаретовского общества народного образования // Устав Всероссийского Филаретовского общества народного образования. (Со статьей основателя общества В. Пуришкевича «Чем вызвано к жизни Всероссийской Филаретовское общество народного образования?»). — СПб.: Электротпечатня К. А. Четверикова, 1914. С. 125–127.
84. Список членов Русского Собрания 1913 г. — СПб.: Тип. Ред. Период. Изд. Министерства финансов, 1913. — 40 с.
85. Список членов учредителей Всероссийского Филаретовского общества народного образования // Устав Всероссийского Филаретовского общества народного образования. (Со статьей основателя общества В. Пуришкевича «Чем вызвано к жизни Всероссийской Филаретовское общество народного образования?»). — СПб.: Электротпечатня К. А. Четверикова, 1914. С. 101–122.
86. Труды Всероссийского Монархического совещания в г. Н. Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916. — 69 с.
87. [Хвостов А. Н.] Борьба с немецким засильем. Речь члена Государственной думы А. Н. Хвостова в заседании 3 августа 1915 г. — Пг.: Типография товарищества А. С. Суворина «Новое время», 1915. — 32 с.
88. [Хвостов А. Н.] Речь председателя фракции правых Гос. Думы А. Н. Хвостова, произнесенная в заседании 20 мая 1913 г., при обсуждении сметы министерства внутренних дел. — СПб.: Типолитография г-ва «Свет», 1913. — 7 с.

III. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

1. Газеты

89. Амурское эхо. 1917. 18 апреля.
90. Бессарабия. 1916. 14 декабря.
91. Биржевые ведомости. 1914. 21, 25, 30 июля; 1915. 21, 29 июля, 10, 12, 14 августа, 11 октября; 1916. 27 января.
92. Вестник Союза русского народа. 1912. 25 января; 1914. 14 августа, 27 сентября; 1915. 10, 24 января, 7 февраля, 7 марта, 1 июня, 17 июля, 9 августа.
93. Вечернее время. 1914. 14 февраля, 5, 12 марта; 1915. 22–24 января, 4 февраля, 25 июня, 20 июля, 16, 18, 24–26 августа, 9, 11, 26, 27 сентября, 6 октября, 28 ноября, 1, 7, 8, 15 декабря; 1916. 4 января; 28 мая, 3 июня; 1917. 1, 10, 12, 19 января, 14 февраля.
94. Вольный. 1916. 29 ноября; 1917. 1 февраля, 2 марта.
95. Голос Руси. 1916. 19, 23–25 ноября.
96. Гроза. 1913. 7, 10 марта; 1916. 22 ноября, 30 декабря.
97. День. 1915. 16 октября.
98. Друг. 1907. 5 января.
99. Енисейская мысль. 1913. 6, 9 февраля.
100. Земщина. 1911. 9 января; 1912. 17 ноября; 1914. 27 июля, 8, 21 октября, 16, 21, 30 ноября; 1915. 13 января, 8, 14 мая; 1916. 6 января, 20 ноября, 1, 5, 17 декабря; 1917. 1 января, 12, 17–18 февраля.
101. Известия Комитета петроградских журналистов. 1917. 2 марта.
102. Киевская мысль. 1913. 25 октября.
103. Комсомольская правда. 1927. 16 декабря.
104. Курская быль. 1914. 18 декабря; 1915. 16, 27 января, 13 мая, 30 мая — 2 июня, 18 июля, 2 сентября, 13 октября; 1916. 27 мая, 3 июля, 23–25 ноября, 11 декабря.
105. Курский край. 1917. 11–12 апреля.
106. Народный трибун. 1917. 5 октября.
107. Наше слово (Париж). 1916. 11, 15 января, 23 марта.
108. Новое время. 1914. 5 марта, 27, 29 июля; 1915. 27–29 января, 20, 23, 25 июля, 4, 5, 8, 19 августа, 4 сентября; 1915. 29 января, 22–23, 26 июля, 12, 29 августа; 1916. 2, 5, 15 января, 25 февраля, 19–20, 23–24 ноября, 1, 16, 17 декабря; 1917. 4, 10, 17, 20, 24, 25, 27 января, 3–5, 10, 15–17, 21, 23, 24 февраля, 10, 17, 18 марта, 7 апреля.
109. Одесская почта. 1914. 28 июля, 5 августа.
110. Петроградские ведомости. 1916. 16, 23 ноября, 2–3 декабря.
111. Правительственный вестник. 1916. 20 июля.
112. Раннее утро. 1918. 24 апреля.
113. Речь. 1907. 6 ноября; 1915. 6, 11 августа; 15, 24 ноября; 1916. 4 января, 20, 25 февраля, 4, 19–20, 23–24, 26, 29 ноября, 1 декабря.
114. Русский инвалид. 1914. 8 ноября; 1916. 31 мая.

115. Русское знамя. 1906. 1 мая (приложение); 1914. 23, 26 августа, 30 ноября; 1916. 23, 24 ноября, 5, 16, 21 декабря.
116. Русское слово. 1916. 26 июля, 27 ноября.
117. Сельский вестник. 1916. 1 июня.
118. Солдатское слово. 1917. 4 марта.
119. Утро России. 1915. 2, 4, 7, 17–18, 29 января, 10 февраля, 30 мая, 7 июня, 5, 21–22 июля, 6–8, 12–13, 16, 21, 25 августа, 8, 12, 19, 28, 30 сентября, 9, 16 октября, 22 ноября, 1, 3, 10, 11 декабря; 1916. 19, 26, 27, 30 ноября, 29 декабря; 1917. 1–3, 5–6, 10, 13, 15, 19, 22, 24 января, 7, 9, 13–15, 17–18 февраля.
120. Reichswart. 1921. 2, 9, 16, 23. April.

2. Журналы

121. Благовест. Журнал Русской монархической народно-государственной мысли (Ростов-на-Дону). 1919. № 1 (декабрь).
122. Вестник Европы. 1915. № 2, 6–12; 1916. № 1–4, 6–9, 11–12; 1917. № 1–2.
123. Вестник Русского собрания. 1916. № 5–7, 26.
124. Двуглавый орел. (Берлин). 1920. № 1, 1922. № 24, 31.
125. Двуглавый орел. (Париж). 1926. № 2; 1929. № 34; 1930. № 37
126. Дым Отечества. 1914. № 6.
127. Коренник. 1917. 10 января. № 2.
128. Новый восход. 1914. № 30, 36.
129. Православная Русь. 1966. № 21.
130. Прямой путь. 1909. № 10–13; 1912. № 1; 1913. № 4; 1914. № 5.
131. Российский гражданин. 1915. № 1; 1916. № 1, 6–8, 29, 32, 33, 42, 43, 46.
132. Современные записки. (Париж). 1928. Т. 34.

IV. МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

133. *Андреевский В. М.* Автобиографические воспоминания // Родословное древо. Тамбовская генеалогия и демография. Публ. по: Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-5328. Оп. 1. Д. 7. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tambovdem.ru/memory.php?id=andreevsky>.
134. *Бадаев А. [Е.]* Большевики в Государственной думе. Большевистская фракция в IV Государственной думе и революционное движение в Петербурге. — М.: Партиздат, 1937. — 307 с.
135. *[Бобринский А. А.]* Дневник А. А. Бобринского (1910–1911) // Красный архив. 1928. Т. 1 (26). С. 127–150.
136. *[Богданович А. В.]* Три самодержца. Дневники генеральши А. В. Богданович / Предисл. А. Н. Боханова. М., 2008. — 477 с.
137. *Бьюкенен Дж.* Моя миссия в России: воспоминания английского дипломата, 1910–1918. — М.: Центрполиграф, 2006. — 398 с.

138. *Васильев А. Т.* Охрана: русская секретная полиция // «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений / Вст. ст., подгот. текста и коммент. З. И. Перегудовой. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 2. С. 345–515.
139. *Вейцман Ф.* Без Отечества. История жизни русского еврея. Тель-Авив, 1981. Т. 1–2. — 323 с.
140. Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов / Сост. и ред. А. А. Иванов при участии С. Г. Зирина. — М.: Посев, 2008. — 747 с.
141. *Витте С. Ю.* Воспоминания. — М.: Соцэкгиз, 1960. Т. 3. — 723 с.
142. *Войков В. Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. — М.: Воениздат, 1995. — 430 с.
143. *Войтоловский Л. Н.* Выходил кровавый Марс: По следам войны. — М.: Воениздат, 1998. — 428 с.
144. *Герасимов А. В.* На лезвии с террористами // «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. З. И. Перегудовой. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 2. С. 141–342.
145. *Гиттиус З.* Синяя книга. Петербургский дневник. 1914–1918. Белград, 1929. — 234 с.
146. *Глинка Я. В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания / Вступ. ст., подгот. текста, биогр. словарь и коммент. Б. М. Витенберга. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 400 с.
147. *Глобачев К. И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 59–87.
148. *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / Вступ. ст. Н. П. Соколова и А. Д. Степанского, публ. и коммент. Н. П. Соколова. — М.: Новое литературное обозрение, 2000. — 810 с.
149. *[Гучков А. И.]* Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. — М.: ТОО Редакция журнала «Вопросы истории», 1993. — 144 с.
150. *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. Т. 1. — 734 с.
151. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. — М.: «Московский рабочий», 1994. — 619 с.
152. *[Жевахов Н. Д.]* Воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода, князя Н. Д. Жевахова. Т. 1–2. — СПб.: Издательство «Царское Дело», 2007. — 935 с.
153. *Ильин И. А.* Дневник. Письма. Документы. (1903–1938) / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. — М.: «Русская книга», 1999. — 605 с.
154. *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. — М.: Республика, 1993. — 383 с.
155. *Киреев А. А.* Дневник. 1905–1910 / Сост. К. А. Соловьев. — М.: РОССПЭН, 2010. — 472 с.

156. *Кокцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. — М.: Современник, 1991. — 591 с.
157. *Кольшико И. И.* Великий распад. Воспоминания / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. И. В. Лукоянов. — СПб.: «Нестор–История», 2009. — 464 с.
158. *Кони А. Ф.* Из недавнего прошлого (И. Я. Голубев) // Прошлое и настоящее. 1924. № 1. С. 3–10.
159. *Кошко А. Ф.* Король сыска: Рассказы. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — 480 с.
160. *Кривошеин К. А. А. В.* Кривошеин (1857–1921). Его значение в истории России начала XX века // Судьба века. Кривошеины / Ред. А. Ю. Арьев; Вступ. ст. К. Кривошеиной. — СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2002. — 413 с.
161. [*Крыжановский С. Е.*] Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / Подгот. текста, вступ. ст., коммент. А. В. Лихоманова. — СПб.: Издательство «Российская национальная библиотека», 2009. — 228 с.
162. *Курлов П. Г.* Гибель императорской России. Воспоминания. — М.: Захаров, 2002. — 301 с.
163. *Лемке М.* 250 дней в царской ставке (25 сент. 1915 — 2 июля 1916). — СПб.: Гос. изд-во, 1920. — 859 с.
164. *Ломоносов Ю. В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. — Стокгольм; Берлин: «Нейе цейт», 1921. — 86 с.
165. *Лопухин В. Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел / Отв. ред. С. В. Куликов. — СПб.: Нестор-История, 2008. — 540 с.
166. *Любимов Н. М.* Неувядаемый цвет: Книга воспоминаний. Т. 2. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 509 с.
167. *Маклаков В.* Некоторые дополнения и уточнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутина // Современные записки. (Париж). 1928. Т. 34. С. 260–281.
168. *Маклаков В. А.* В издательство «Я. Е. Поволоцкий и К°» // Последние дни Распутина. — М.: Захаров, 2005. — 288 с.
169. *Маклаков В. А.* Вторая Государственная дума (Воспоминания современника). — London: OPI, 1991. — 260 с.
170. *Мамантов В. И.* На Государевой службе. Воспоминания. — Таллин: Издатель В. И. Мамаев, 1926. — 246 с.
171. *Мансырев С.* [Заключение] // Пуришкевич В. М. Дневник «Как я убил Распутина»: Репринтное воспроизведение издания 1924 г. М., 1990.
172. *Мансырев С. П.* Мои воспоминания о Государственной думе (1912–1917) // Историк и современник. Историко-литературный сборник. — Берлин: Изд-во О. Л. Дьякова, 1922. Вып. II. — 288 с.
173. *Маргулис М. С.* Год интервенции. Кн. 1. — Берлин: Гржебин, 1923. — 364 с.
174. *Месснер Е. Э.* Переворот. Февральская революция 1917 года глазами начальника штаба Корниловской ударной дивизии // Вступ. ст. К. М. Александрова; публ. и коммент. К. М. Александрова и А. В. Терещука; подгот. текста О. А. Шевцова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб., 2010. Кн. 11. С. 16–53.

175. Милуков П. Н. Война и вторая революция. Пять дней революции (27 февраля — 3 марта) // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. — М.: Книга, 1991. — 478 с.
176. Милуков П. Н. Воспоминания государственного деятеля. — New York: Chalidze Publications, 1982. — 399 с.
177. Мосолов А. А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. — СПб.: «Наука». 1992. — 262 с.
178. Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. — Нью-Йорк: Издание А. К. Наумовой и О. А. Кусевичкой, 1955. — 584 с.
179. Никонович Ф. И. Из дневника члена Государственной думы от Витебской губернии протоиерея о. Феодора Никоновича. — Витебск: Витебская губ. типография, 1912. — 272 с.
180. Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. — 406 с.
181. [Озеров И. Х.] Мемуары профессора И. Х. Озерова / Подгот. публ., вступ. ст. Г. И. Щетиной // Вопросы истории. 1997. № 1. С. 83–97; № 2. С. 72–87.
182. Ознобишин А. А. Воспоминания члена IV-ой Государственной думы. — Париж: Изд-во Е. Сияльской, 1927. — 264 с.
183. Палеолог М. Дневник посла. — М.: Захаров, 2003. — 629 с.
184. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. — М.: «Международные отношения», 1991. — 334 с.
185. Плеханова Р. М. Год на родине // Диалог. 1991. № 10. С. 83.
186. Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 гг. / Ред. А. М. Зайончковский, предисл. М. Павловича. М.: Высший военный редакционный совет, 1924. — 240 с.
187. Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. — М.: Московский рабочий, 1991. — 430 с.
188. Пуришкевич В. М. Дневник // Последние дни Распутина. — М.: Захаров, 2005. — 286 с.
189. Раубах Р. Р., фон. *Facies Hippocratica* (Лик умирающего): Воспоминания члена ЧСК 1917 года / Ред. и коммент. С. А. Маньков. — СПб.: Международная ассоциация «Русская культура»; «Алетейя», 2007. — 416 с.
190. Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра: В 2 т. — М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999. Т. 2. — 528 с.
191. Рейн Г. Е. Из пережитого. 1907–1918. — Берлин: «Парабола», б. г. Т. 2. — 312 с.
192. Родзянко М. В. Крушение империи. — Харьков: СП «Интербук», 1990. — 263 с.
193. Родзянко М. В. Государственная дума и Февральская 1917 года революция // Архив русской революции / Сост. И. В. Гессен. — Берлин: Издательство «Слово», 1922. Т. 6. С. 5–80.
194. Савич Н. В. Воспоминания. — СПб.: «Logos»; Дюссельдорф: «Голубой всадник», 1993. — 491 с.
195. Савич Н. В. После исхода: Парижский дневник. 1921–1923. — М.: Русский путь, 2008. — 568 с.

196. *Сазонов С. Д.* Воспоминания. — Париж: Книгоиздательство Е. Сияльской, 1927. — 399 с.
197. *Спиридович А. И.* Великая война и февральская революция (1914–1917). — Минск: Харвест, 2004. — 720 с.
198. *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Т. 3. — М.: Политиздат, 1992. — 413 с.
199. *Таганцев Н. С.* Пережитое. — Пг.: 18-ая Государственная типография, 1919. — 122 с.
200. *Танеева (Вырубова) А. А.* Страницы моей жизни / Вступ. ст. Ю. Ю. Рассулина. — М.: «Благо», 2000. — 319 с.
201. *Тарасов-Родионов А. И.* Классическое и классовое // На посту. 1923. № 2–3. С. 61–94.
202. *Татищев А. А.* Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). — М.: Русский путь, 2001. — 375 с.
203. *Таубе М. А.* «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917) / Под. ред. А. Сорокина, Т. Чеботаревой; подгот. текста и коммент. М. А. Волконского, Ф. А. Гайды. — М.: «Памятники исторической мысли», РОССПЭН, 2007. — 272 с.
204. *[Тихомиров Л. А.]* Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А. В. Репников. — М.: РОССПЭН, 2008. — 440 с.
205. *Толстой И. И.* Дневник. 1906–1916 / Публ. Л. И. Толстой. — СПб.: «Европейский Дом», 1997. — 729 с.
206. *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. Т. 1. — 415 с.
207. *Шидловский С. И.* Воспоминания. — Берлин: Отто Кирхнер и Ко, 1923. Ч. 2. — 214 с.
208. *Штакельберг Р. А., фон.* Отречение Государя Императора Николая II / Перевод с нем. А. С. Гершельмана; публ. и коммент. С. Г. Зирина и А. А. Иванова // Михайлов день 2-й. Журнал исторической России. СПб., 2010. С. 376–441.
209. *Шульгин В. В.* Последний очевидец. Мемуары. Очерки. Сны / Сост., вступ. ст., послесл. Н. Н. Лисового. — М.: ОЛМА-Пресс, 2002. — 587 с.
210. *Шульгин В. В.* Воспоминания. 1917–1919 / Предисл. и публ. Р. Г. Красюкова; коммент. Б. И. Колоницкого // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1994. Т. 5. С. 121–328.
211. *Шульгин В. В.* Дни. 1920: Записки. — М.: Современник, 1989. — 559 с.
212. *Шульгин В. В.* Три столицы. — М.: Современник, 1991. — 495 с.
213. *Энгельгардт Б. А.* Воспоминания камер-пажа // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. 3. Таллинн, [1997]. С. 143–256.
214. *Энгельгардт Б. А.* Революция и контрреволюция. Русская гвардия. Мемуары // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. 8. Рига, 2004. С. 7–386.
215. *Энгельгардт Н. [А.]* Эпизоды моей жизни (Воспоминания) / Публ. С. В. Шумихин // Минувшее. Исторический альманах. — СПб.: ATHENEUM — Феникс, 1998. Т. 24. С. 7–119.

216. *Hoare S.* The Fourth Seal: The End of the Russian Chapter. — London: William Heinemann Ltd., 1930. — 377 p.
217. *Kurlov P. G.* Das Ende des Russischen Kaisertums. Berlin, 1920. — 368 s.

V. ПУБЛИЦИСТИКА

218. За что воюет Россия? Знаменательное историческое заседание Государственной думы 26 июля 1914 г. — М.: А. Д. Сазонов, [1914]. — 18 с.
219. *Алданов М. А.* Ульмская ночь. Философия случая. — Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953. — 348 с.
220. *Арсеньев К. [К.]* Возобновление законодательной сессии // Вестник Европы. 1917. № 2. С. 305–312.
221. *Арсеньев К. [К.]* Две Февральских революции // Вестник Европы. 1917. № 2. С. X–XIV.
222. *Арсеньев К. [К.]* На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 2. С. 340–349; № 6. С. 334–349; № 8. С. 344–363; № 9. С. 350–367; № 10. С. 361–372; № 11. С. 358–371; № 12. С. 346–357; 1916. № 1. С. 403–411; № 2. С. 347–359; № 3. С. 326–341; № 4. С. 287–303; № 6. С. 295–309; № 8. С. 325–339; № 9. С. 364–378; № 11. С. 336–353; № 12. С. 376–391; 1917. № 1. С. 321–336; № 2. С. 329–345.
223. *Багалец Д. И.* Исторический день 26 июля 1914 г. (Впечатления участника и очевидца). — М.: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1914. — 31 с.
224. *Барач П. А.* Переоценка ценностей // Прямой путь. 1913. Вып. 4. С. 272–284.
225. *Барач П. А.* Политика самоубийства. — СПб.: Тов-во «Свет», 1913. — 16 с.
226. *Булацель П. Ф.* Борьба за правду / Сост., предисл., коммент. Д. И. Стогов. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — 704 с.
227. *Булацель П. Ф.* Дневник // Российский гражданин. 1915. № 1; 1916. № 1, 6–8, 29, 32, 42, 43, 46.
228. *Буткевич Т. И.* Безумные мечтания австрийцев. — Харьков: Типография «Мирный труд», 1914. — 10 с.
229. *Винберг Ф. В.* Крестный путь. Ч. 1. Корни зла. — СПб.: «София», 1997. — 375 с.
230. *Вихров А.* Кого выбирать в 4-ю Государственную думу. М., 1912. — 32 с.
231. *Вязигин А.* Итоги Третьей Государственной Думы // Вестник Русского Собрания. 1912. Кн. 9.
232. *Голицын-Муравлин Д. П.* Исконный враг русского народа. — Харьков: Редакция журнала «Отрезвление», 1914. — 16 с.
233. *Жеденов Н. [Н.]* Маргариновые монархисты: предвыборное воззвание «Союза Михаила Архангела». — СПб.: Отечественная типография, [1912]. — 19 с.
234. *Зубчанинов С. И.* Организация и условия работы по устройству беженцев Северо-Западного фронта. Б. м., 1915. — 14 с.
235. Итоги первого боевого года в тылах и на фронте. Доклад В. М. Пуришкевича в Русском Собрании 4 сентября 1915 г. — Пг.: Электротпечатня К. А. Четверикова, 1916. — 19 с.

236. Ковалевский М. М. Спасительный тормоз или гибельная запруда? // Вестник Европы. 1914. № 4. С. 196–210.
237. Кузьмин-Караваев В. Д. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1914. № 9. С. 369–379; 1915. № 7. С. 375–387; № 9. С. 370–385; № 11. С. 371–384; 1916. № 1. С. 412–428; № 7. С. 303–324.
238. Левицкий В. О. Правые партии // Общественное движение в России в начале XX в. Т. 3. Вып. 5. СПб., 1914. С. 247–469.
239. Ленин В. И. О черносотенстве // Полное собрание сочинений. Издание пятое. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 24. С. 18–19.
240. Ленин В. И. Кого выбирать в Государственную думу? // Полное собрание сочинений. М., 1972. Т. 14. С. 132–138.
241. Ленин В. И. О сепаратном мире // Полное собрание сочинений. М., 1973. Т. 13. С. 184–192.
242. Лодыгин А. «Националисты» и другие партии. — СПб.: Всероссийский национальный клуб, 1912. — 60 с.
243. Марков Н. Е. Войны темных сил. [Книга первая]. — Париж: «Долой зло», 1928. — 175 с.
244. Марков Н. Е. Войны темных сил. Статьи. 1921–1937 / Сост. М. Б. Смолин. — М.: «Москва», 2002. — 528 с.
245. Марков Н. Е. Отреченные дни Февральской революции 1917 года. — Харбин: «Наш путь», 1938. — 50 с.
246. [Марков Н. Е.] Преступление Маркова 2-го. — Пг.: Типография «Согласие», 1916. — 2 с.
247. Милоков П. Н. Тактика фракции Народной Свободы во время войны. — Пг.: Типография т-ва «Екатерингофское печатное дело», 1916. — 41 с.
248. Мосолов А. Памяти А. П. Струкова // Двуглавый орел. (Берлин). 1922. № 31. С. 42–44.
249. Муретов А. [Д.] Накануне. — Пг.: Типография б. «Изд-ва товарищества М. П. Якушев и Ко», 1917. — 15 с.
250. Националисты в 3-ей Государственной Думе. СПб., 1912. — 327 с.
251. Никон (Бессонов), епископ. Орлы и вороны (Мысли по поводу статьи М. Меншикова). — Киев: Типо-лит. С. Брайноса, 1915. — 8 с.
252. Никон (Рождественский), епископ. Мои дневники. Вып. V. 1914. — Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1915. — 196 с.
253. Никон (Рождественский), епископ. Мои дневники. Вып. VI. 1915. — Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1916. — 189 с.
254. Никон (Рождественский), епископ. Православие и грядущие судьбы России / Сост. свящ. Я. Шипов. — М.: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. «Новая книга», 1994. — 494 с.
255. Околович К. Пасхальный привет христоробивому воину. — Пг.: В. М. Скворцов, 1915. — 32 с.
256. Охотников В. Н. Сахар. — Пг.: Тип. К. П. Шрадер, 1916. — 3 с.

257. Пасхалов К. Н. Русский вопрос / Сост., предисл. и коммент. Д. И. Стогов. — М.: Алгоритм, 2009. — 720 с.
258. Первый год жизни Четвертой Думы. — СПб.: Типография Соколинского, 1913. — 33 с.
259. Пестржецкий Д. А. С. Стишинский // Двуглавый орел. (Берлин). 1922. Вып. 24. С. 46–48.
260. Пуришкевич В. М. Вперед! Под двухцветным флагом: (открытое письмо русскому обществу). Пг., 1917. — 39 с.
261. Пуришкевич В. М. День в Германском Рейхстаге // Прямой путь. 1909. № 12–13. С. 11–15.
262. Пуришкевич В. М. Записки туриста (отрывки) // Прямой путь. 1912. Вып. I. (Октябрь). С. 67–93.
263. Пуришкевич В. М. Политические дальтоницы. Статья из германской «Kreuz Zeitung» (открытое письмо германскому обществу) // Прямой путь. 1909. № 10–11. С. 4–7.
264. Пуришкевич В. М. Солдатские песни Владимира Пуришкевича. Серия 1. — Пг.: Электротпечатня Четверикова, 1914. — 61 с.
265. Пуришкевич В. М. Солдатские песни Владимира Пуришкевича. Серия 2. — Пг.: Электротпечатня Четверикова, 1915. — 108 с.
266. Пуришкевич В. М. Чего хочет Вильгельм II от России и Англии в великой битве народов. — Пг.: Электротпечатня «Маяк», 1916. — 138 с.
267. Розанов В. В. Война 1914 г. и русское возрождение. — Пг.: Типография товарищества А. С. Суворина «Новое время», 1915. — 234 с.
268. Снежков В. Подоходный налог. — Козлов: Типография Калманок и Веллер, 1911. — 5 с.
269. Тальберг Н. Д. Политическое предвидение // Тальберг Н. Д. Перед судом правды. Третий Рим: возвышение и крушение. Чаемая монархия. Русская смута / Сост. С. В. Фомин. — М.: Правило веры, 2004. Кн. 2. — 618 с.
270. Тиханович-Савицкий Н. [Н.] Должны ли монархисты принимать участие в выборах в 4-ю Государственную думу. Доклад. — Астрахань: Паровая новая русская типография, 1912. — 8 с.
271. Толь С. А. Подневольное житье в стране культурного народа. Воспоминания о германском плене. — Пг.: Типография Редакции периодических изданий Министерства финансов, 1917. — 153 с.
272. Троцкий Л. Д. Политические силуэты. — М.: Новости, 1990. — 310 с.
273. Шестая годовщина Русского Народного Союза им. Михаила Архангела и отчет о деятельности Союза за 1912–1913 гг. [СПб., 1914]. — 61 с.
274. Шечков Г. А. Несостоятельность Государственной думы ныне действующего закона. — Харьков: Типография «Мирный труд», 1913. — 44 с.
275. Юрский Г. [Замысловский Г. Г.] Правые в Третьей Государственной думе. — Харьков: Центральный предвыборный комитет объединенных русских людей, 1912. — 244 с.

VI. ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ

276. *Белянкина В. Ю.* Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века. (1905–1914 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2005. — 28 с.
277. *Бибин М. А.* Крушение организации объединенного дворянства. 1914–1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. — 17 с.
278. *Бибин М. А.* Совет объединенного дворянства в период Первой мировой войны: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2002. — 46 с.
279. *Бородин А. П.* Государственный совет России. 1906–1917. (Состав и роль в истории третьеиюньской монархии): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Киров, 2000. — 46 с.
280. *Григорьева Е. В. Б. В.* Штюрмер: российский бюрократ на рубеже двух политических эпох: 1872–1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. — 542 с.
281. *Гущин Ф. А.* Военно-промышленные комитеты России в период Первой мировой войны (на материалах Нижнего и Среднего Поволжья): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003. — 25 с.
282. *Десяряев А. П.* Деятельность Государственного совета России в области бюджетного финансирования и правового обеспечения строительства вооруженных сил (1810–1917): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. — 43 с.
283. *Демин В. А.* Государственный совет Российской империи: состав, полномочия, структура, механизм функционирования (1906–1917 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007. — 44 с.
284. *Долгих Ф. И.* Правые в III и IV Государственных думах России (1907–1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. — 270 с.
285. *Иванов А. А.* Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 — начало 1917): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. — 255 с.
286. *Кирьянов И. К.* Российский парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве: Дис. ... д-ра ист. наук. Пермь, 2009. — 537 с.
287. *Лопухова А. В.* Националисты в Государственной думе Российской Империи: Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2005. — 217 с.
288. *Лыкосов М. В.* Проблема развития России в русской консервативной печати в годы Первой мировой войны. Июль 1914 — февраль 1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006. — 23 с.
289. *Мальцева И. В.* Государственный совет Российской империи в структуре монархической власти: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. — 15 с.
290. *Мичурин А. Н.* Деятельность «прогрессивных групп» в Государственном совете в 1915–1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. — 29 с.
291. *Михайлова Е. М.* Правомонархическое движение начала XX века в Поволжье: идеологическое оформление и общественно-политическая практика: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2007. — 46 с.
292. *Новикова Е. Э.* Государственный совет в годы первой мировой войны. 1914–1917 гг. (из истории кризиса «верхов» накануне Февральской буржуазно-демократической революции): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. — 26 с.

293. *Новикова Е. Э.* Государственный совет в годы первой мировой войны. 1914–1917 гг. (из истории кризиса «верхов» накануне Февральской буржуазно-демократической революции): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. — 244 с.
294. *Ромов Р. Б.* Фракция правых в III Государственной думе (1907–1912): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. — 30 с.
295. *Салтанов Н. М.* Политический консерватизм в Российской провинции. По материалам губерний Центрального Черноземья (1905–1914): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1997. — 22 с.
296. *Серегин А. В.* Монархические организации русской эмиграции в Европе в 1919–1933 годах. Структура. Идеология. Деятельность: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. — 27 с.
297. *Слесарев Ю. В.* Правомонархические организации в губерниях Центрального Черноземья (1905–1917): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 1998. — 26 с.
298. *Тарасов О. А.* Политическая деятельность национал-монархических партий и организаций России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. — 19 с.
299. *Фоменков А. А.* Правомонархическое движение в Нижегородской губернии (1905–1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2002. — 230 с.
300. *Шубина А. Н.* Отношение власти и общества к проблеме так называемого немецкого засилья в России в годы Первой мировой войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. — 27 с.

VIII. СПРАВОЧНО-ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

301. Блокада, 1941–1944, Ленинград: Книга Памяти. Т. 35. — СПб.: ООО «Союз Дизайн», 2006. — 520 с.
302. *Боиович М. М.* Члены Государственной думы (портреты и биографии): Четвертый созыв 1912–1917 гг. — М.: Т-во И. Д. Сытина, 1913. — 456 с.
303. Государственная дума. IV созыв. I сессия. Справочник. 1912. Вып. 5. — СПб.: Гос. Типография, 1912. — 192 с.
304. Государственная дума. IV созыв. I сессия. Справочник. 1913. Вып. 6. — СПб.: Гос. Типография, 1913. — 345 с.
305. Государственная дума. IV созыв. II сессия. Справочник. 1914. Вып. 7. — СПб.: Гос. Типография, 1914. — 469 с.
306. Государственная дума Российской империи: 1906–1917 гг.: Энциклопедия. — М.: РОССПЭН, 2008. — 735 с.
307. Государственный совет Российской империи. 1906–1917 гг. Энциклопедия. — М.: РОССПЭН, 2008. — 343 с.
308. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 / Сост. В. Н. Чуваков. — М.: Российская государственная библиотека. 1999. Т. 2. — 648 с.; М., 2001. Т. 3. — 675 с.; М., 2004. Т. 4. — 699 с.; М., 2004. Т. 5. — 390 с.; М., 2005. Т. 6. Кн. 1. — 602 с.; М., 2006. Т. 6. Кн. 2. — 723 с.

309. Общественная мысль Русского зарубежья. Энциклопедия. — М.: РОССПЭН, 2009. — 704 с.
310. Памятная книжка Волынской губернии на 1917 год. — Житомир: Издание Волынского губернского статистического комитета: Волынская губернская типография, 1917. — 136 с.
311. Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. — М.: РОССПЭН, 1996. — 872 с.
312. Российский либерализм середины XVIII — начала XX века: Энциклопедия / Отв. ред. В. В. Шелохаев. — М.: РОССПЭН, 2010. — 1087 с.
313. Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: Энциклопедия / Отв. ред. В. В. Шелохаев. — М., РОССПЭН, 2010. — 639 с.
314. Русский некрополь в Висбадене: Петербург — Висбаден — Неробург: справочник-путеводитель по русскому кладбищу в Висбадене / Авт.-сост.: Н. Дубовицкий. — СПб.: Алетейя, 2010. — 207 с.
315. Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940. Франция / Под общ. ред. Л. А. Мнухина: В 4 т. Т. 1–3. — М.: ЭКСМО, 1995–1996.
316. Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русский патриотизм. — М.: Православное изд-во «Энциклопедия русской цивилизации», 2003. — 928 с.
317. Справочный листок Государственной думы (Четвертый созыв): сессии III–V. Б. м., б. г.
318. Христианство. Словарь. — М.: Изд-во «Республика», 1994. — 559 с.
319. Черная сотня. Историческая энциклопедия. 1900–1917 / Сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. — М.: Крафт+, Институт русской цивилизации, 2008. — 640 с.

VIII. ЛИТЕРАТУРА

320. *Аврех А. Я.* Распад третьейеюньской системы. — М.: Наука, 1985. — 260 с.
321. *Аврех А. Я.* Царизм и IV Дума 1912–1914 гг. — М.: Наука, 1981. — 293 с.
322. *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. — М.: Наука, 1989. — 251 с.
323. *Алексеев И. Е.* Черная сотня в Казанской губернии. — Казань: ДАС, 2001. — 334 с.
324. *Алексеева И. В.* Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917. — Л.: Лениздат, 1990. — 318 с.
325. *Алексеева И. В.* «Военные» сессии IV Государственной думы (июль 1914 — начало 1917 г.) // Таврические чтения 2007: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века. Научно-практический семинар, С.-Петербург, Таврический дворец, 11 декабря 2007 г. Сб. научн. ст. / Под ред. А. Б. Николаева. — СПб.: ИПК «Вести», 2008. С. 154–161.
326. *Алексеева И. В.* Оппозиция Его Величества. Царизм, Дума и союзники России по Антанте в эпоху П. А. Столыпина. 1907–1911 гг. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 2004. — 267 с.
327. *Алексеева И. В.* Последнее десятилетие Российской Империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте. 1907–1917 годы. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. — 536 с.

328. *Альмова Н. И.* Правомонархические партии на выборах в IV Государственную думу // Актуальные вопросы истории России на пороге XXI века. СПб., 2001. С. 118–124.
329. *Альмова Н. И.* Правомонархические партии на выборах в IV Государственную думу в столицах и провинции // Государственная Дума Российской империи: традиции прошлого и настоящего. Пенза, 2006. С. 149–156.
330. *Архитов И. Л.* Кривое зеркало российского парламентаризма. Традиция «политического скандала»: В. М. Пуришкевич // Звезда. 1997. № 10. С. 112–124.
331. *Базанов П. Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2008. — 468 с.
332. *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). — М.: РОССПЭН, 2004. — 392 с.
333. *Белогурова Т. А.* Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.). 2-е изд., исп. и доп. — Смоленск: ФГУ «Смоленский ЦНТИХ», 2006. — 130 с.
334. *Бернев С. К.* Несостоявшийся губернатор Ленинграда (по материалам архива УФСБ СПб и ЛО) // История Петербурга. 2005. № 4 (26). С. 73–79.
335. *Бернев С.* «Первая пуля Революции». Новое свидетельство об убийстве Распутина // Санкт-Петербургские ведомости. 1999. 6 февраля.
336. *Бибин М. А.* Дворянство накануне падения царизма в России. — Саранск: Саранский кооперативный институт, 2000. — 266 с.
337. *Богоявленский Д. Д.* Проблема лидерства в Союзе русского народа. — М.: Издательство МГОУ, 2012. — 242 с.
338. *Богоявленский Д. Д.* Н. Е. Марков и Совет министров: Союз русского народа и самодержавная власть // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сборник научных трудов. Вып. 1 / Под ред. А. Ю. Минакова. — Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2001. С. 192–204.
339. *Богоявленский Д. Д.* Современная отечественная историография правомонархического движения в России // Задавая вопросы прошлому...: к 75-летию проф. О. В. Волобуева: Сб. статей. — М.: Гуманитарий, 2006. С. 220–230.
340. *Бородин А. П.* Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999. — 368 с.
341. *Бородин А. П.* П. Н. Дурново: портрет царского сановника // Отечественная история. 2000. № 3. С. 48–69.
342. *Бородин А. П.* Правая группа Государственного совета в 1906–1917 годах // Отечественная история. 1998. № 3. С. 50–65.
343. *Бутаков Я. А.* Русские националисты и Белое движение на Юге России в 1919 г. // Новый исторический вестник. 2002. № 2 (7). С. 5–28.
344. *Васюков В. С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 — февраль 1917 г. — М.: Наука, 1984. — 308 с.
345. Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870–1920) // История Государства Российского. Жизнеописания: XX век. М., 1999. Кн. 1. С. 165–171.

346. Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия / Ю. В. Аксютин, О. В. Волобуев, А. А. Данилов и др. — М.: РОССПЭН, 1995. — 399 с.
347. Воинство святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века / Сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. — СПб.: Издательство «Царское дело», 2006. — 808 с.
348. *Гайда Ф. А.* Кадеты и проблема парламентского большинства в IV Государственной думе // Политическая история России первой четверти XX века. Памяти профессора В. И. Старцева. СПб., 2006. С. 95–105.
349. *Гайда Ф. А.* Курс «священного единения» в оценке кадетского руководства и создание Прогрессивного блока (1914–1915 гг.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2002. № 1. С. 27–34.
350. *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти. 1914 — весна 1917 г. — М.: РОССПЭН, 2003. — 432 с.
351. *Гайда Ф. А.* «Министерская забастовка» 1913 г.: IV Государственная дума и формирование «Нового курса» правительства // Таврические чтения 2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная науч. конф. / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2011. С. 192–202.
352. *Гайда Ф. А.* Министр внутренних дел Н. А. Маклаков: политическая карьера русского Полиньяка // Русский сборник: исследования по истории России. Т. 11. — М.: Издательский дом «Регнум», 2012. С. 174–207.
353. *Гайда Ф. А.* Парламентская тактика конституционно-демократической партии летом 1915 года // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2002. № 5. С. 70–87.
354. *Ганелин Р. Ш.* Государственная дума и правительственная власть в перлюстрированной переписке кануна 1917 года // Отечественная история. 1997. № 1. С. 150–158.
355. *Ганелин Р. Ш.* Н. Е. Марков 2-й о своем пути от черносотенства к гитлеризму // Евреи в России: история и культура. Сборник научных трудов. (Труды по иудаике. История и этнография. Вып. 5) / Отв. ред. Д. А. Эльяшевич. СПб., 1998. С. 211–217.
356. *Граве Б. Б.* К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 г. — февраль 1917 г. — М.; Л.: Государственное изд-во, 1926. — 414 с.
357. *Грунт А.* Прогрессивный блок // Вопросы истории. 1945. № 3–4. С. 108–117.
358. *Давиденко А. В.* Правомонархические интерпретации думской монархии (октябрь 1905 — февраль 1917 г.). — Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2006. — 208 с.
359. *Демин В. А.* Верхняя палата Российской империи. 1906–1917. — М.: РОССПЭН, 2006. — 376 с.
360. *Демин В. А.* Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. — М.: РОССПЭН, 1996. — 214 с.
361. *Долгих Ф. И.* Деятельность лагеря правых в IV Государственной думе: проблема формирования и распада правооктябристского большинства (1912–1915 гг.) // Сб. мат-лов по итогам науч.-исследоват. деятельности студентов в области гуманитарных, естественных и технических наук в 2001 году. М., 2001. С. 128–131.

362. Долгих Ф. И. Деятельность партий правого лагеря в III Государственной думе // Сб. мат-лов по итогам науч.-исследоват. деятельности студентов в обл. гуманитарных, естественных и технических наук в 2002 году. М., 2002. С. 229–233.
363. Долгих Ф. И. Избирательные кампании правых в III и IV Государственные думы // Сб. мат-лов по итогам науч.-исследоват. деятельности студентов в обл. гуманитарных, естественных и технических наук в 2000 году. М., 2000. С. 158–161.
364. Долгих Ф. И. Правые в начале работы IV Думы // Научные труды МПГУ. Сер. Соц.-ист. науки. М., 2004. С. 80–84.
365. Долгих Ф. И. Раскол фракции правых в IV Государственной думе и его причины // Научные труды МПГУ. Серия: Соц.-ист. науки. М., 2003. С. 103–107.
366. Дорошенко А. А. Правые в Государственной думе Российской империи. — Самара: НТЦ, 2004. — 225 с.
367. Дорошенко А. А. Состав правых фракций в IV Государственной думе // Платоновские чтения: материалы всероссийской конференции молодых историков г. Самара 3–4 декабря 1999 г. Самара, 2000. С. 26–30.
368. Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. — Л.: Наука, 1988. — 229 с.
369. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). — СПб.: «ЛИСС», 1998. — 1042 с.
370. Дякин В. С. Об одной неудавшейся попытке царизма «решить» земельный вопрос в годы Первой мировой войны. (Цели и характер так называемой ликвидации немецкого землевладения в России) // Вестник молодых ученых. Исторические науки. 1999. № 1 (5). С. 5–11.
371. Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). — Л.: Наука, 1967. — 363 с.
372. Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 г. — Л.: «Наука», 1978. — 246 с.
373. Желясков С., Левченко В. Метрические книги Александро-Невской церкви Императорского Новороссийского университета как источник биографических исследований его профессорско-преподавательского состава // Юго-Запад. Одессика. Историко-краеведческий научный альманах. Вып. 11. Одесса, 2011. С. 22–34.
374. Зарин В. Ю., Аманжолова Д. А., Кулишев С. В. Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законотворчества. — М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1999. — 520 с.
375. Захарская Е. Э. Стенографические отчеты Государственного совета (июль 1914 — февраль 1917 гг.) // Историография и источники истории государственных учреждений и общественных организации СССР. М., 1983. С. 111–122.
376. Иванов А. А. IV Государственная дума и правомонархическое движение: интеграция и взаимодействие (1912–1917) // Политические партии России: прошлое и настоящее. Сб. статей. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2005. С. 73–82.
377. Иванов А. А. «Алексей Хвостов — у власти». Портрет правого политика // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена: общественные и гуманитарные науки: Научный журнал. 2008. № 11 (66). С. 193–202.

378. *Иванов А. А.* «Берлинский зубр». Марков 2-й на чужбине // *Родина*. 2009. № 4. С. 92–94.
379. *Иванов А. А.* Были ли русские националисты черносотенцами? (О статье И. В. Омелянчука) // *Вопросы истории*. 2008. № 11. С. 171–175.
380. *Иванов А. А.* Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920) / Науч. ред. И. В. Алексеева. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. — 448 с.
381. *Иванов А. А.* В. М. Пуришкевич и «Общество русской государственной карты» // *Вестник Чебоксарского кооперативного института*. 2010. № 1 (5). С. 158–163.
382. *Иванов А. А.* «В своих предсказаниях правые оказались пророками». Русские монархисты о войне с Германией, перспективах либерализма и революции // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия «История и политические науки». 2009. № 2. С. 13–20.
383. *Иванов А. А.* Всероссийская народно-государственная партия: последнее детище В. М. Пуришкевича // *Герценовские чтения 2006*. Актуальные проблемы социальных наук. Сборник науч. и учебно-методических трудов / Отв. ред. В. В. Барабанов; сост. А. Б. Николаев. СПб., 2006. С. 116–118.
384. *Иванов А. А.* Г. А. Щечков: «Не могу сочувствовать умеренности в истине». К вопросу о политических взглядах парламентария-монархиста // *Таврические чтения 2007: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века*. Научно-практический семинар, С.-Петербург, Таврический дворец, 11 декабря 2007 г. Сб. науч. ст. / Под ред. А. Б. Николаева. — СПб.: ИПК «Вести», 2008. С. 104–113.
385. *Иванов А. А.* «Германофильство» русских правых накануне и во время Первой мировой войны: мифы и факты // *Вестник Чебоксарского кооперативного института*. 2009. № 1 (3). С. 202–212.
386. *Иванов А. А.* «Государственный совет Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия»: уточнения и дополнения // *Герценовские чтения 2010*. Актуальные проблемы социальных наук. Сб. науч. и учебно-метод. тр. / Сост. А. Б. Николаев. СПб., 2011. Ч. 1. С. 81–84.
387. *Иванов А. А.* Депутаты правых фракций в Государственной думе: новые биографические сведения // *Вопросы истории*. 2010. № 6. С. 170–175.
388. *Иванов А. А.* «Если газеты будут продолжать мутить народ... закройте все газеты до последней»: правые Государственной думы и Государственного совета о свободе слова (1914–1917) // *Научный диалог*. 2012. № 9. Серия «История. Социология». С. 17–27.
389. *Иванов А. А.* Как Пуришкевич с раввинами целовался: к истории одной демонстрации // *Герценовские чтения 2011*. Актуальные проблемы социальных наук. Сб. науч. и учебно-метод. тр. / Отв. ред. В. В. Барабанов, сост. А. Б. Николаев. СПб., 2012. С. 114–118.
390. *Иванов А. А.* «Лебединая песня» П. Н. Дурново: выступление лидера правой группы Государственного совета 19 июля 1915 г. // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия «История и политические науки». 2011. № 1. С. 53–60.

391. *Иванов А. А.* «Между нами и Милюковым нет почти никакой разницы»: о неудачной попытке либерализации правой группы Государственного совета России // Общество. Среда. Развитие. Научно-теоретический журнал. 2011. № 1. С. 70–74.
392. *Иванов А. А.* «Наша стихия сильнее Нибелунговой...» Отношение правой группы Государственного совета России к Первой мировой войне и ее зачинщикам // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2 (8). Ч. 1. С. 64–69.
393. *Иванов А. А.* «Он был лучше своей репутации...» Владимир Пуришкевич глазами современников: штрихи к портрету политического деятеля // Клио. Журнал для ученых. 2004. № 2 (25). С. 227–231.
394. *Иванов А. А.* Патриотическая деятельность В. М. Пуришкевича в годы I мировой войны // Герценовские чтения. Актуальные проблемы социальных наук. 2002. СПб., 2002. С. 82–84.
395. *Иванов А. А.* «Первый выстрел революции». В. М. Пуришкевич и свержение императора Николая II // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: Сб. науч. ст. / Ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов. СПб., 2010. С. 7–17.
396. *Иванов А. А.* Политическая деятельность Н. Е. Маркова в годы Гражданской войны и эмиграции (1918–1930-е гг.) // Белое движение на Северо-Западе России и судьбы его участников: материалы Третьей международной научно-исторической конференции в г. Пскове. Псков, 2009. С. 26–37.
397. *Иванов А. А.* Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917). — СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. — 208 с.
398. *Иванов А. А.* Правая группа Государственного совета в 1917 году: «председательский кризис» // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Серия «История». 2011. № 1. С. 92–100.
399. *Иванов А. А.* Правые депутаты в энциклопедии «Государственная дума Российской империи»: уточнения и дополнения // Таврические чтения 2008: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России. Всероссийская научно-практическая конференция: Сб. науч. статей под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2009. С. 318–325.
400. *Иванов А. А.* Правые и вопрос о немецком землевладении в годы I мировой войны // Герценовские чтения. Актуальные проблемы социальных наук. 2001. СПб., 2001. С. 67–69.
401. *Иванов А. А.* Правые объединения законодательных палат Российской империи и вопрос о подоходном налоге (1915–1916 гг.) // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». Федеральный научно-практический журнал. 2011. № 1 (15). С. 55–58.
402. *Иванов А. А.* Правые партии и выборы в IV Государственную думу // Сравнительное изучение парламентов и опыт парламентаризма в России: выборы, голосование, репрезентативность. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию принятия закона о выборах депутатов I Государственной думы. Санкт-Петербург, 15–16 декабря 2005 г. / Под ред. Ю. Н. Солонина, Л. В. Сморгунова. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2005. С. 41–45.

403. *Иванов А. А.* Русские правые и вопрос немецкого землевладения в России в годы Первой мировой войны // Региональные особенности аграрных отношений в России: история и современность. Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная Году земледельца в Чувашской Республике. — Чебоксары: ЧКИ РУК, ЧГИГН, 2010. Ч. 1. С. 343–349.
404. *Иванов А. А.* Судьбы членов фракции правых IV Государственной думы после февраля 1917 г. // Герценовские чтения. Актуальные проблемы социальных наук. 2004. СПб., 2004. С. 113–115.
405. *Иванов А. А.* Фракция правых IV Государственной думы в конце 1916 — начале 1917 гг.: от раскола к распаду // Вестник молодых ученых. Серия исторические науки. 2003. № 1. С. 26–36.
406. *Иванов А. А.* Фракция правых IV Государственной думы и вопрос о свободе слова в годы I мировой войны // Герценовские чтения. Актуальные проблемы социальных наук. 2003. СПб., 2003. С. 67–69.
407. *Иванов А. А.* Фракция правых IV Государственной думы и национальный вопрос в годы Первой мировой войны // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. Сборник материалов Международной научной конференции. — М.: Институт всеобщей истории РАН, 2007. С. 423–427.
408. *Иванов А. А.* Фракция правых IV Государственной думы и Прогрессивный блок: от поиска компромисса до непримиримой борьбы (август 1915 — февраль 1917) // «Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее», «Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время», «Правый консерватизм в России и Русском зарубежье в новое и новейшее время». Сб. материалов научных конференций. — Воронеж: Изд-во «Истоки», 2005. С. 151–166.
409. *Иванов А. А.* Фракция правых IV Государственной думы: численность и состав (1912–1917) // Герценовские чтения. Актуальные проблемы социальных наук. 2003. СПб., 2003. С. 63–65.
410. *Иванов А. А.* «Черный блок»: неудавшаяся попытка консолидации правых парламентских групп в 1915 году // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена: Научный журнал. 2009. № 99. С. 9–17.
411. *Иванов А. А.* Черносотенец и сионист: Владимир Пуришкевич о Пинхусе Рутенберге // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 11. 2010. С. 110–113.
412. *Иванов А. А., Стогов Д. И.* Петроградское совещание монархистов и участие в нем правых парламентских групп (1915 год) // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2010. № 11. С. 17–23.
413. *Иванов В. А.* «Великий перелом» в судьбе Н. В. Плеве // Личность и власть в истории России XIX–XX вв.: Материалы научной конференции. СПб., 1997. С. 90–94.
414. *Иерусалимский Ю. Ю., Кокорина Е. А.* Историография черносотенно-монархического движения в 1905–1907 гг. // Вестник МГУ. Серия 8 (История). 1994. № 3. С. 27–39.
415. *Иоффе Г. З.* «Распутиниада»: большая политическая игра // Отечественная история. 1998. № 3. С. 103–118.

416. *Иоффе Г. З.* Крах российской монархической контрреволюции. — М.: Наука, 1977. — 320 с.
417. История гражданской войны в СССР. Т. 1. Подготовка Великой пролетарской революции (от начала войны до начала Октября 1917 г.). — М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1938. — 312 с.
418. История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). — М.: Международные отношения, 1999. — 672 с.
419. *Карпачев М. Д.* Движение за народную трезвость в Воронежской губернии в начале XX в. // Вопросы истории. 2010. № 9. С. 85–96.
420. *Карпухин Д. В.* «Черная сотня»: вехи осмысления в России. — М.: Изд-во МГОУ, 2009. — 387 с.
421. *Кирьянов И. К.* Владимир Митрофанович Пуришкевич: депутат-фракция. // Консерватизм: идеи и люди / Отв. ред. П. Ю. Рахшмир. — Пермь: Изд-во Пермского университета, 1998. С. 105–122.
422. *Кирьянов И. К., Лукьянов М. Н.* Парламент самодержавной России. Государственная дума и ее депутаты, 1906–1917. — Пермь: Изд-во Пермского университета, 1995. — 167 с.
423. *Кирьянов Ю. И.* Обзор литературы о правых партиях и организациях в России в 1905–1917 гг. // Правые партии. Документы и материалы. В 2 т. / Сост. Ю. И. Кирьянов. М., 1998. Т. 2. 1911–1917. С. 724–744.
424. *Кирьянов Ю. И.* Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г.: причины кризиса и краха // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. — М.: Институт российской истории, 1997. С. 79–94.
425. *Кирьянов Ю. И.* Правые партии в России. 1911–1917. — М.: РОССПЭН, 2001. — 464 с.
426. *Кирьянов Ю. И.* Русское собрание. 1900–1917. — М.: РОССПЭН, 2003. — 352 с.
427. *Кирьянов Ю. И.* Численность и состав правых партий в России в 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). — СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. — 562 с.
428. *Китанина Т. М.* Россия в Первой мировой войне. 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика. Ч. 1. Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 — середина 1916 г. Учебное пособие. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003. — 146 с.
429. *Клетикова В. В.* Польский вопрос глазами В. М. Пуришкевича // Ключевские чтения — 2010. История России: личность, общество и природа страны: Материалы Всероссийской научной конференции: Сборник научных трудов. — М.: Изд-во «Спутник+», 2010. С. 258–260.
430. *Кожин В. [В.]* «Черносотенцы» и Революция (загадочные страницы истории). М., 1998. — 228 с.
431. *Колоницкий Б.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 664 с.

432. Колосовская С. Ф. Поруганная икона Государя / Русская народная линия. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruskline.ru/analitika/2010/06/26/porugannaya_ikona_gosudarya.
433. Котов Б. С. Положение немцев в земельных колониях юга России в оценке российской прессы // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2011. Вып. 1. С. 42–49.
434. Котов Б. С. «Что можно германскому Зевсу...» Образ Германии в русской прессе в период «газетной войны» весны 1914 года // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2011. № 3. С. 87–97.
435. Котсонис Я. Подданный и гражданин: налогообложение в России до и после 1917 года и его подтекст // Россия XXI. Общественно-политический и научный журнал. 1999. № 1. С. 168–189.
436. Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. — М.: РОССПЭН, 2001. — 528 с.
437. Кочаков Б. М. Государственный совет и его архивные материалы // Ученые записки ЛГУ. Серия «Исторические науки». 1941. Вып. 8. С. 75–104.
438. Кравцова Е. С. Подходный налог в Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: от идеи до воплощения в жизнь // Вестник РУДН. Серия «История России». 2008. № 5. С. 89–93.
439. Куликов С. В. IV Государственная дума и формирование высшей исполнительной власти в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917) // Россия в XIX–XX вв. Сборник статей к 70-летию со дня рождения Р. Ш. Ганелина. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 1998. — 389 с.
440. Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). — Рязань: Частный издатель П. А. Трибунский, 2004. — 472 с.
441. Куликов С. В. Дело Б. М. Ржевского // Из глубины времен. СПб., 2011. Вып. 14. С. 4–40.
442. Куликов С. В. Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 — февраль 1917). // Из глубины времен. СПб., 1997. Вып. 9. С. 3–22.
443. Лавринович Д. С. Либерально-консервативная оппозиция в России: формирование и борьба за власть (1912–1917 гг.). — Могилев: Гос. ун-т им. А. А. Кулешова. — 338 с.
444. Лакер У. Черная сотня: происхождение русского фашизма. — М.: Текст, 1994. — 430 с.
445. Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 304 с.
446. Лукоянов И. В. Современная российская историография Государственной думы (наблюдения) // Таврические чтения 2007: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века. Научно-практический семинар, С.-Петербург, Таврический дворец, 11 декабря 2007 г. Сб. науч. ст. / Под ред. А. Б. Николаева. — СПб.: ИПК «Вести», 2008. С. 181–195.

447. Любош С. Б. Русский фашист Владимир Пуришкевич. — Л.: «Былое», 1925. — 56 с.
448. Макдональд Д. Записка Дурново: официальный консерватизм и кризис самодержавия // Величие и язвы Российской империи. Международный научный сборник в честь 50-летия О. Р. Айрапетова / Сост. В. Б. Каширин. — М.: Издательский дом «Регнум», 2012. С. 271–299.
449. Мельгунов С. [П.] На путях к дворцовому перевороту (заговоры перед революцией 1917 года). — Париж: Кн. дело «Родник», 1931. — 231 с.
450. Мираков М. В. Организационное оформление правой фракции IV Государственной думы // Проблемы истории политических партий России. Статьи, материалы и тезисы VII Международной научной конференции. — Владимир: ВГПУ, 2001. С. 43–47.
451. Мичурин А. Н. Государственный совет в 1917 году // 80 лет революции 1917 г. в России: республиканская науч. конференция Санкт-Петербург. 11–12 марта 1997 г.: тезисы докладов и сообщений / Под ред. Г. Л. Соболева, В. И. Старцева. — СПб.: Минерва, 1997. — 146 с.
452. Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете в годы Первой мировой войны. — СПб.: Издательство Политехнического университета, 2010. — 324 с.
453. Михайлова Е. М. Проблематика политической идеологии правомонархического движения начала XX в. в современной отечественной историографии // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2008. № 2 (2). С. 200–208.
454. Наумов С. В. «Мы оказались связаны с белой Испанией кровно». (Памяти русских патриотов, погибших на Испанской Гражданской войне) // Донские казаки в борьбе с большевиками. 2011. № 6. С. 87–91.
455. Николаев А. Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. — Рязань: Частный издатель П. А. Трибунский, 2002. — 301 с.
456. Николаев А. Б. Из истории раскола фракции правых IV Государственной думы (ноябрь — декабрь 1916 г.) // Старцевские чтения — 2006. К 75-летию профессора В. И. Старцева. Сб. восп. и науч. ст. / Ред.-сост. Б. Д. Гальперина, А. Б. Николаев. — СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. С. 143–154.
457. Николаев А. Б. К вопросу о составе фракции правых IV Государственной думы (ноябрь 1916 — февраль 1917 г.) // 100 лет Российского парламентаризма: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции (г. Нижний Новгород, 7 апреля 2006 г.) / Под общ. ред. О. А. Колобова. — Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2006. С. 175–179.
458. Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года: Монография: 2-е изд., доп. и перераб. — СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. — 695 с.
459. Николаев А. Б., Поливанов О. А. Парламентская элита России в 1912–1917 гг. // Из глубины времен. 1994. Вып. 3. С. 57–66.
460. Омельянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). — Киев: МАУП, 2006. — 744 с.

461. *Омельянчук И. В.* Черносотенное движение на территории Украины (1904–1914 гг.). — Киев: НИУРО, 2000. — 168 с.
462. *Омельянчук И. В.* О месте Всероссийского национального союза в партийной системе России начала XX века // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 95–104.
463. *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. — М.: «Феникс», 1992. Т. 2. — 256 с.
464. *Ольденбург С. С.* Царствование Николая II. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 764 с.
465. Ораторы России в Государственной думе. Т. 2. (1907–1917 гг.). — СПб.: СЗАГС, 2004. — 398 с.
466. *Островцов А.* Последние могикане старого строя. — М.: «Воля», б. г. — 86 с.
467. *Пасманик Д. С.* Русская революция и еврейство (Большевизм и иудаизм). Берлин: Русская печать, 1923. — 268 с.
468. *Пашиков Е. В.* Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 80–93.
469. *Покровский М. Н.* Империалистическая война. Сборник статей. 1915–1927. — М.: Изд-во Коммунистической академии типографии «Эмес», 1934. — 296 с.
470. *Поликарпов В. В.* От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. — М.: «Индрик», 2008. — 552 с.
471. Политические партии России в контексте ее истории. — Ростов н/Д: Феникс, 1998. — 512 с.
472. *Прокопенко З. Т.* Дворянский род Говорухо-Отроков из слободы Таврово // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/187/46692.php>.
473. *Размолодин М. Л.* О консервативной сущности черной сотни. — Ярославль: «Нюанс», 2010 — 336 с.
474. *Размолодин М. Л.* О консервативной сущности черной сотни: 2-е изд. испр. и перераб. — Ярославль: «Нюанс», 2012 — 388 с.
475. *Размолодин М. Л.* О разности фундаментальных основ черносотенной и националистической доктрин в России в начале XX в. // Клио. 2011. № 2 (53). С. 153–155.
476. *Размолодин М. Л.* Русский вопрос в идеологии черной сотни. — Ярославль: «Нюанс», 2010 — 336 с.
477. *Репников А. В.* Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX — начало XX веков). — М.: Готика, 2006. — 424 с.
478. *Репников А. В.* Консервативные концепции переустройства России. — М.: Academia, 2007. — 520 с.
479. *Репников А. В.* Проблемы историографии правомонархического движения в России // Российские университеты в XVIII–XX веках. Сб. науч. ст. Вып. 7. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. С. 65–82.
480. *Рогозный П. Г.* «Вотчина» епископа Никона. (Енисейская епархия в 1913–1917 годах) // История повседневности: Источник. Историк. История. СПб., 2003. Вып. 3. С. 106–130.

481. *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года. (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). — СПб.: «Лики России», 2008. — 224 с.
482. *Ромов Р. Б.* Марков Николай Евгеньевич // Православно-аналитический сайт Правая. Ру. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravaya.ru/ludi/450/3064>.
483. *Ромов Р. Б.* На «совете нечестивых»: Государственная дума в оценках правых депутатов (1907–1912) // Консерватизм в России и мире: В 3 ч. Воронеж, 2004. Ч. II. С. 103–125.
484. *Ромов Р. Б.* Правая фракция в Государственной думе // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 452–462.
485. *Рылов В. Ю.* Несостоявшийся Ленин «справа». Рецензия на книгу: Иванов А. А. Владимир Пуришкевич: опыт биографии правого политика (1870–1920). — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011 // Исторические записки. Научные труды исторического факультета ВГУ. Вып. 15. Воронеж, 2012. С. 169–187.
486. *Рылов В. Ю.* Правое движение в Воронежской губернии. 1903–1917. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. — 190 с.
487. *Санькова С. М.* Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). — Орел: Издатель С. В. Зенина, 2006. — 370 с.
488. *Слесарев Ю. В.* Советская историография черносотенного и правомонархического движения в России (с октября 1917 — до конца 80-х гг. XX в.) // Актуальные проблемы исторической науки: Межвуз. сб. науч. трудов молодых ученых / Под общ. ред. О. В. Ягова. Вып. 1. — Пенза: ПГПУ, 2003. С. 347–352.
489. *Слонимский А. Г.* Катастрофа русского либерализма. Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 года. — Душанбе: Ифрон, 1975. — 320 с.
490. *Смирнов А. Ф.* Государственная дума Российской Империи. 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. — М.: Книга и бизнес, 1998. — 624 с.
491. *Смолин А. В.* Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). — СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. — 439 с.
492. *Соболев И. Г.* Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. — СПб.: Издательство Российской национальной библиотеки, 2004. — 176 с.
493. *Соболев И. Г.* Борьба с «немецким засильем» и политические партии России (1914–1917) // Политические партии России: прошлое и настоящее: Сб. ст. — СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2005. С. 99–104.
494. *Соловьев К. А.* Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — 511 с.
495. *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в 1907–1914. — Л.: Наука, 1990. — 267 с.
496. *Стирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). — М.: Мысль, 1977. — 366 с.

497. *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия») — Л.: Наука, 1977. — 272 с.
498. *Степанов А. Д.* Черная сотня: взгляд через столетие. — СПб.: Царское Дело, 2000. — 137 с.
499. *Степанов С. А.* Банкротство аграрной программы черносотенных союзов. — Якутск: Якутский филиал СО АН СССР, 1981. — 13 с.
500. [*Степанов С. А.*] В. М. Пуришкевич // Политическая история России в партиях и лицах. — М.: Terra, 1993. С. 320–340.
501. *Степанов С. А.* Историография черносотенных союзов и организаций // Первая российская революция 1905–1907 годов. Обзор советской и зарубежной литературы / Отв. ред. Е. Д. Черменский. — М.: ИНИОН, 1991. С. 195–213.
502. *Степанов С. А.* Рабочие и черносотенные организации 1905–1917 гг. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861–1917 гг. — СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1997. С. 89–102.
503. *Степанов С. А.* Черная сотня. — М.: Издательство «Эксмо»; Издательство «Яуза», 2-е изд., доп. и перераб., 2005. — 544 с.
504. *Степанов С. А.* Черная сотня в России (1905–1914 гг.). — М.: Изд-во ВЗПИ, 1992. — 329 с.
505. *Стогов Д. И.* Последняя попытка спасти монархию: «записки», составленные в кружке А. А. Римского-Корсакова, и их политическое значение // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: Сб. науч. ст. / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2011. С. 5–13.
506. *Стогов Д. И.* Правомонархические салоны Петербурга — Петрограда (Конец XIX — начало XX века). — СПб.: «Дмитрий Буланин», 2007. — 312 с.
507. *Стогов Д. И.* Правые политические организации в период Первой мировой войны. Проблема влияния правых на политику Николая II. — Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. — 484 с.
508. *Стогов Д. И.* Русская правая периодическая печать в годы Первой мировой войны // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Научный журнал. Серия «История». 2011. № 1. С. 83–91.
509. *Стогов Д. И.* Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию. — М.: Институт русской цивилизации, 2012. — 672 с.
510. *Стрелков А. Т.* Черная сотня в Центральном Черноземье. — Курск: Учитель, 2000. — 136 с.
511. *Тальберг Н. Д.* Русская быль. Очерки истории Императорской России / Сост. С. В. Фомин. — М.: «Правило веры», 2001. — 1023 с.
512. *Тальберг Н. Д.* Памяти убиенных царских министров. Н. А. Маклаков // Православная жизнь. (Джорданвилль, США). 2003. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russian-inok.org/page.php?page=tema/0207tema1#a4>
513. *Тарле Е. В.* Германская ориентация и П. Н. Дурново в 1914 г. // Былое. 1922. № 19. С. 161–176.

514. *Тарле Е. В.* Европа в эпоху империализма. 1871–1919 гг. // *Тарле Е. В.* Сочинения: В 12 т. — М.: Академия наук СССР, 1958. Т. 5. — 768 с.
515. *Тютюкин С. В.* Консерватизм многолик и «вечен» / Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения // *Отечественная история.* 2001. № 3. С. 103–133.
516. *Флоринский М. Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. — 208 с.
517. *Фоменков А. А.* Отечественная историография черносотенного движения в России // Дискуссионные вопросы российской истории: материалы IV межвузовской научно-практической конференции / Под ред. Г. Ш. Сагателян. — Арзамас: Изд-во АГПИ, 2000. С. 137–141.
518. *Фомин С. В.* Наказание правдой. — М.: Издательство ООО «НТЦ „Форум“», 2007. — 736 с.
519. *Фомин С. В.* О предполагаемых Государем преобразованиях // «...И даны будут Жене два крыла». Сборник к 50-летию Сергея Фомина / Предисл. Р. В. Багдасаров, очерки, статьи, публ. документов, коммент. С. В. Фомин. — М.: Изд-во «Паломник», 2002. С. 526–555.
520. *Царевский С. Н.* Роль А. Н. Хвостова в победе нижегородских правых на выборах в Государственную думу IV созыва // 100 лет российского парламентаризма: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции / Науч. ред. Г. В. Набатов. — Н. Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2006. С. 157–160.
521. *Черемисский И. А.* Историография правомонархических организаций (1905–1920 годы) // Непролетарские партии в России в годы буржуазно-демократических революций в период назревания социалистической революции / Под общ. ред. И. И. Минца. — М.: Калинин. гос. ун-т., 1982. С. 66–72.
522. *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. — М.: Мысль, 1976. — 318 с.
523. *Черменский Е. Д.* Выборы в IV Государственную думу // *Вопросы истории.* 1947. № 4. С. 21–40.
524. *Чхартушвили П. Ш.* Черносотенцы в 1917 г. // *Вопросы истории.* 1997. № 8. С. 133–143.
525. *Шевцов А. В.* Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века. — СПб.: Российская национальная библиотека, 1997. — 315 с.
526. *Юртаева Е. А.* Государственный совет России (1906–1917). — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 196 с.
527. *Якобий И. П.* Император Николай II и революция / Публ. и ред. С. В. Фомин. — СПб.: Общество святителя Василия Великого, 2005. — 862 с.
528. *Яковенко И.* История в общекультурном контексте: проблемы бытования форм исторического сознания // *Нева.* 2010. № 7. С. 101–110.
529. *Яковлев Н. Н.* 1 августа 1914. — М.: Изд-во «Эксмо», 2003. — 352 с.
530. *Зінченко О. В.* Державна рада Російської імперії 1906–1916 років. — Харків: Колорит, 2005. — 308 с.

531. *Зінченко О. В.* Державні радники Російської імперії після падіння царизму // Збірник наукових праць ХНПУ ім. Г. С. Сковороди. Серія «Історія та географія». Харків, 2005. Вип. 19–20. С. 14–21.
532. *Зінченко О. В.* Російські державні радники і «Прогресивний блок» (серпень 1915 — лютий 1917 рр.) // *Культура народів Причорномор'я*. Научний журнал. Симферополь, 2005. № 63. С. 108–112.
533. *Зінченко О. В.* «Чорний блок» Державної ради Російської імперії 1915–1917 рр. // *Культура народів Причорномор'я*. Научний журнал. Симферополь, 2005. № 65. С. 63–66.
534. *Edelman R.* The Elections to the Third Duma: The Roots of The Nationalist Party // *The Politics of rural Russia 1905–1914*. Bloomington & London, 1979. P. 94–122.
535. *Healy A. E.* The Russian Autocracy in Crisis 1905–1907. Hamden; Connecticut, 1976. — 328 p.
536. *Hosking G. A.* The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907–1914. Cambridge, 1973. — 281 p.
537. *Korros A. S.* Reluctant Parliament: Stolypin, Nationalism and the Politics of the Russian Imperial State Council, 1906–1911. Lanham, 2002. — 247 p.
538. *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire: the campaign against enemy aliens during World War I. — Cambridge: Harvard University Press, 2003. — 245 p.
539. *Laqueur W.* Black hundred: the rise of the extreme right in Russia. — New York: Harper Collins, 1993.
540. *Rewson D. C.* The Union of the Russian People. 1905–1917. A Study of Radical Right. P. h. d. dis. Washington, 1971.
541. *Rogger H.* Jewish policies and right-wing politics in imperial Russia. Houndmills; Basingstoke; Hampshire; London, 1986.
542. *Rogger H.* The formation of the Russian Right, 1900–1906 // *California Slavic Studies*. 1964. № 3. P. 66–94.
543. *Rogger H.* Was There a Russian Fascism? The Union of The Russia People // *Journal of Modern History*. 1964. № 36 (December). P. 398–415.
544. *Spector S. D.* The doctrine and program of the Union of the Russian People in 1906. Columbia, 1952.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аврех А. Я.* 11–13, 37, 94, 128, 148, 229, 278, 322, 324, 369
- Аджемов М. С. 324, 356
- Адриановский Ф. П. 295, 361
- Айхенвальд Ю. И. 53, 339, 340
- Акимов М. Г. 144, 146, 392, 395
- Аксаков И. С. или К. С. 363
- Алданов (Ландау) М. А. 85
- Александр II, имп. 144
- Александр III, имп. 453
- Александра Федоровна, имп. 48, 119, 127, 131, 140, 145, 158, 218, 229, 368, 392, 393, 398, 410, 422
- Александров К. М.* 414
- Алексеев М. В. 422
- Алексеева И. В.* 5, 26, 27, 77, 93, 112, 113, 120, 200, 228, 314, 368, 402
- Алексий (Симанский), патр. 464
- Алферов Г. Т. 361, 464
- Альмова Н. И.* 28, 60
- Аманжолова Д. А.* 304
- Анатолий (Каменский), еп. 63, 91, 126, 187, 308, 310, 461, 462
- Андреевский В. М. 45, 46, 69, 97, 148, 171
- Андроников М. М. 214, 309
- Аносов А. Н. 268
- Арсений (Стадницкий), архиеп. 71, 94, 95, 454
- Арсеньев Е. К. 441
- Арсеньев К. К. 44, 74, 108, 110, 119, 121, 150, 155, 157, 159, 173, 174, 176, 183, 195, 214, 221, 222, 227, 238, 254, 263, 275, 286, 321, 328, 332–334, 343, 361, 365, 376–378, 401, 419, 423, 428
- Архитов И. Л.* 31, 66
- Асквит Г. 110, 111
- Багaley Д. И.** 44, 91, 93
- Багдасаров Р. В.* 413
- Бадаев А. Е. 47, 122, 188
- Бадмаев П. А. 309
- Базанов П. Н.* 449
- Балашев Н. П. 394
- Балашев П. Н. 67, 161, 167–170, 189, 191, 192, 210, 224, 343, 449
- Барач П. А. 63, 188, 189, 205, 213, 216, 219
- Барк П. Л. 85, 245
- Батюшин Н. С. 383
- Бахтурина А. Ю.* 140, 299, 300, 302
- Безобразов В. М. 130
- Бейлис М. 137, 396
- Белевцев В. Н. 366, 449
- Белецкий С. П. 126, 137, 209–211, 226, 342, 393, 403
- Белогуров Н. А. 125, 188, 366
- Белогурова Т. А.* 283, 284
- Бельский А. Г. 363
- Белянкина В. Ю.* 25, 90
- Березовский П. В. 49, 305
- Бернев С. К. 385, 458
- Бессонов Н. Н., см. Никон (Бессонов), еп. 63, 187, 236, 237, 457
- Бибин М. А.* 25, 164, 181–183, 197, 223, 310, 311, 317, 358
- Бирилев А. А. 72
- Бисмарк О., фон 114
- Блок А. А. 39, 379, 427, 441
- Бобринская М. Ю. 85

- Бобринский А. А. 44, 49, 52, 64, 68, 73, 143, 154, 155, 167, 173–186, 194, 210, 213, 219, 230, 232, 247, 253, 259, 261–264, 296, 302, 311, 312, 314, 315, 317–319, 321, 329, 334, 400, 415, 418, 419, 428–430, 449, 450
- Бобринский В. А. 155, 168, 192, 354, 356
- Богданович А. В. 65, 309, 482
- Богданович Е. В. 309
- Богомолов И. И. 366
- Богоявленский Д. Д.* 5, 6, 20, 31, 32, 60, 77, 84, 122
- Бошович М. М.* 60
- Болдырев Д. В. 461
- Бомаш М. Х. 268
- Борис (Лентовский), еп. см. Лентовский В. И.
- Бородин А. П.* 22, 23, 31, 35, 53, 68, 69, 75, 86, 89, 144, 156–159, 172–174, 226, 391–395, 414, 415, 459
- Бородкин М. М. 302
- Бубликов А. А. 423
- Булацель П. Ф. 44, 110, 111, 132, 233, 253, 287, 308, 320, 347, 348, 350, 351, 353, 355–358, 373, 375
- Булгаков С. Н. 215, 331
- Булыгин А. Г. 144, 145, 147, 158, 171, 172, 456
- Бурдуков Н. Ф. 206
- Бурмич С. Г. 362
- Бурцев В. Л. 322
- Бутаков Я. А.* 439, 449
- Буткевич Т. И. 43, 71, 88, 308, 464, 465
- Бутми Г. В. 255
- Бухарин Н. И. 462
- Бьюкенен Дж. 48, 111, 115, 117
- Варженевский А. К. 99
- Варнава (Накропин), еп. 208, 209
- Варун-Секрет С. Т. 282
- Васильев А. Т. 47, 48, 210, 384
- Васюков В. С.* 13, 14, 106, 198, 199, 202
- Введенский А. И. 464
- Вейнштейн Г. Э. 158
- Вейцман Ф. 338
- Велихов Л. А. 126
- Вернадский В. И. 415
- Ветелев А.* 465
- Ветчинин В. Г. 321
- Викторов В.* 8
- Викторов Г. В. 321
- Вильгельм II, имп. 43, 96, 97, 109–111, 120, 138, 204, 240, 308, 384
- Вильсон В. 123, 124
- Винберг Ф. В. 44, 129, 247, 308, 344, 385
- Витенберг Б. М.* 47
- Витте С. Ю. 47, 215, 249, 256, 325
- Вихров А.* 59
- Вишневецкий А. П. 125, 188, 295, 366
- Вишняков П. М. 348
- Воеводский С. А. 394
- Воейков В. Н. 47, 273, 329, 331, 335, 355
- Войтоловский Л. Н. 48, 133
- Волконский В. М. 61, 324
- Воронцов-Дашков И. И. 53, 291
- Ворошилов К. Е. 462
- Востоков В. И. 362
- Восторгов И. И. 85, 308
- Врангель П. Н. 450
- Вырубова А. А. 215, 414
- Вязигин А. С. 73, 76, 237, 251, 305, 308, 364, 365, 393
- Гайда Ф. А.* 5, 28, 31, 186, 195, 196, 208, 272, 275, 276, 322, 368, 369, 421
- Гайдамака Д. М. 363
- Гальперина Б. Д.* 28, 41, 325, 359
- Ганелин Р. Ш.* 32, 197, 225, 321, 359, 386, 445
- Гарин Н. П. 225
- Гермоген, патр. 453
- Гвоздев И. М. 361
- Георгиевский Л. А. 396
- Герасимов А. В. 48, 69, 70, 71
- Гербель С. М. 72
- Гершельман А. С. 446, 447, 451
- Герье В. И. 394
- Гессен И. В. 229
- Гинденбург П. 442
- Гиппиус З. Н. 94
- Глинка Я. В. 47, 65, 333, 353
- Глинка-Янчевский С. К. 117, 118, 346, 376
- Глобачев К. И. 48, 218, 274

- Говорухо-Отрок М. Я. 32, 71, 73, 196, 308, 317, 357, 404–408, 411, 412, 428, 451
 Гойнинген-Гюне Э. Ф. 394
Голицын А. М. 458
 Голицын Б. А. 63, 125, 360, 364, 367, 452
 Голицын Д. П. *см.* Голицын-Муравлин Д. П.)
 Голицын Н. Д. 13, 38, 41, 140, 212, 225, 230, 309, 389, 398, 403, 404, 416, 417, 427, 434, 458, 459, 473
 Голицын-Муравлин Д. П. 43, 72, 94, 95, 99–101, 107, 123, 151, 291, 292, 295, 297, 427, 448
Голоднов А. В. 5
 Голубев И. Я. 47, 99, 144–146, 171
 Горемыкин И. Л. 41, 91, 99, 145, 146, 163, 167, 180, 182, 183, 207, 208, 212, 218, 299, 392, 394
 Городилов К. А. 366
 Горсткин А. П. 189, 451
Граве Б. Б. 8, 41, 167, 337, 377
 Григорович И. К. 420
 Григорович-Барский К. И. 168
 Гримм Д. Д. 95, 425, 426
Грунт А. 10, 161
 Гурко В. И. 45, 46, 75, 97, 156, 159, 160, 165, 318, 415
 Гурко Вас. И. 130
 Гучков А. И. 46, 49, 52, 128, 129, 152, 158, 163, 209, 216, 229, 271, 272, 312, 344, 350, 422, 426, 427, 433
Гуцин Ф. А. 199, 271
Давиденко А. В. 224, 286, 406, 409, 410
Дамаскин (Орловский), иг. 462
 Даниил (Юзьвюк), архиеп. 452
 Данилевский Н. Я. 255
Десярев А. П. 24
 Дедюлин В. А. 54, 331
 Дейтрих В. Ф. 398, 403
Демидов И. И. 30, 40
Демин В. А. 8, 23, 24, 35, 50, 68, 141, 157, 171, 243, 364, 392, 415, 424, 426
 Демченко В. Я. 168
 Деникин А. И. 437, 440, 450
 Десятовский В. К. *см.* Саблер В. К.
 Джуминская Л. В. *см.* Пуришкевич Л. В.
 Джунковский В. Ф. 47, 136, 215, 216, 369
 Дзержинский Ф. Э. 438
 Диков И. М. 72
 Дмитрий Павлович, вел. кн. 383
 Дмитриуков И. И. 221
 Добровольский А. А. 266, 268
Дождикова Е. 463
Долгих Ф. И. 29, 30, 364, 365
Домнин И. В. 444
Дорошенко А. А. 29, 30, 76, 77, 79, 123, 240,
 Доценко И. М. 126, 367
 Драгомиров А. Я. 130
Дрезен А. К. 435
Дубовицкий Н. 445
 Дубровин А. И. 165, 225, 305, 307, 310, 312, 316, 338, 364, 376, 380, 402, 424
 Дудниченко И. И. 308
 Дурново П. Н. 9, 31, 35, 40, 48, 68–71, 73, 80–90, 99, 106, 141, 148–155, 166, 167, 170–174, 177, 186, 190–192, 195, 206, 219, 301, 369, 392, 418
Дякин В. С. 11–13, 37, 107, 187, 188, 215, 224, 236, 238, 300, 363
 Егоров Е. 294
 Евлогий (Георгиевский), митр. 457
 Елизавета Петровна, имп. 77
 Ермолов А. С. 394
 Ефремов И. Н. 196, 221, 332
 Жевахов Н. Д. 47, 125, 387, 412, 440
 Жеденов Н. Н. 44, 57, 348
Желясков С. 456
 Жилин Н. А. 168, 208, 228, 354, 357, 367
 Замысловский Г. Г. 7, 50, 63, 67, 73, 98, 122, 137, 148, 162, 163, 170, 188–190, 193, 210, 212, 213, 224, 226, 227, 238, 239, 243, 249, 274, 286, 298, 311, 312, 323, 325, 327, 339, 342, 346, 353, 362, 365–367, 381, 385, 389, 391, 393, 403, 408, 432, 434, 435, 441, 448
 Зарудный С. 166
 Заславский 340
 Захарская Е. Э. *см.* Новикова Е. Э.
 Зверев В. Н. 193, 367, 451

- Зверев Н. А. 72, 96–98, 185, 193, 208, 209, 220, 324, 452
 Зверев П. М. 363
 Зиновьев И. А. 394
 Зиновьев Л. А. 344
Зинченко О. В. 35
Зирин С. Г. 129, 204, 446
 Злотников Л. Т. 308
Зорин В. Ю. 304
 Зубчанинов С. И. 72, 140, 171, 172, 275
- Иванов А. А.* 15, 19, 28–34, 56, 60–62, 115, 127, 129, 133, 165, 204, 217, 227, 233, 266, 284, 293, 308, 311, 324, 338, 339, 362, 367, 384, 386, 432, 435, 439, 440, 443, 446, 447, 452, 453, 456, 457, 460, 463, 464
 Иванов В. А. 460
 Игнатъев П. Н. 208, 350
 Игнатюк Л. Е. 362
Иерусалимский Ю. Ю. 11
 Извольский А. П. 69, 89
 Илиодор см. Труфанов С. М.
 Иловайский Д. И. 349
 Ильин И. А. 443
Имшиеницкий Б. 265
 Иоаким (Левитский), архиеп. 217
 Иоанн (Максимович), митр. 208
Иоффе Г. З. 196, 382, 432, 433
- Калинин М. И. 462
 Калугин А. И. 385
 Калугин М. Д. 93
Каплин А. Д. 5
 Караваев И. М. 190, 461
 Карамзин А. Н. 157
 Караулов М. А. 196
 Караулова А. И. 219
Карпачев М. Д. 294
 Карпинский И. К. 363,
 Карпов В. А. 134
 Карпов В. И. 68, 72, 171, 172, 175, 182, 261
Карпухин Д. В. 6, 12
 Карцов Ю. С. 52, 57, 64, 66, 78, 131, 139, 189, 247, 248, 335, 344, 351
 Кассо Л. А. 299
 Келеповский А. И. 363
- Келеповский С. И. 255, 363
 Кельцев С. А. 348
 Керенский А. Ф. 47, 89, 169, 285, 288, 322, 323, 328, 351, 355, 356, 388, 417, 433, 435, 437
Кетенко М. А. 444
 Кизеветтер А. А. 288
 Киреев А. А. 48, 69, 71, 72, 145
 Кирилл Владимирович, вел. кн. 444, 448, 450
Кирьянов И. К. 15, 31, 217, 328, 456
Кирьянов Ю. И. 4, 6, 16, 18, 39, 40, 55, 59, 62, 77, 162, 207, 213, 238, 251, 289, 292, 293, 298, 306–309, 315, 348, 349, 369, 380, 388, 389
Китанина Т. М. 274
Клепикова В. В. 31, 303,
 Клунников Н. И. 171, 172
 Клюжев А. И. 53, 335
 Кобылинский П. П. 71, 72, 102, 123, 124, 172, 184, 219, 273, 369, 396, 415
 Ковалевский М. М. 7
Кожин В. В. 17, 94, 331
 Коковцов В. Н. 41, 47, 56, 186, 215, 217, 249, 256, 325, 368
Кокорина Е. А. 11
Колоницкий Б. И. 92
 Колчак А. В. 461
 Кольшко И. И. 48, 60, 156, 383, 384
 Комиссаров М. С. 449
Кон А. 174
 Кони А. Ф. 47, 171, 394
 Коновалов А. И. 271, 282, 421, 425
 Коновницын А. И. 308
 Константин (Зайцев), архим. 451
 Корнилов Л. Г. 437, 446
Котов Б. С. 78, 115
Котсонис Я. 257–259, 265
Коцюбинский Д. А. 19, 21, 192, 193
Кочаков Б. М. 10
 Кошко А. Ф. 435
Кравцова Е. С. 265
 Краевич Н. С. 131
 Крашенинников Н. С. 207, 225, 261, 265, 396
Кремнев Г. Б. 5

- Крестинский Н. Н. 438
Кривошеева Н. А. 465
 Кривошеин А. В. 86, 204, 208, 325, 420, 423
 Кривошеин К. А. 86, 423
 Кривцов Я. В. 258, 277, 307, 317, 367
 Крупенские 62, 343
 Крупенский А. Н. 446
 Крупенский П. Н. 168, 176, 225, 318, 390
 Крыжановский С. Е. 47, 69, 175, 215, 229, 230, 350, 351, 394, 396, 422
 Ксюнин А. И. 362
 Кузнецов В. И. 303
Кузнецов В. Н. 332
 Кузьмин-Караваев В. Д. 116, 294, 369
 Куколь-Яснопольский С. А. 393
 Кулаковский Ю. А. 67
Кулешев С. В. 304
Куликов С. В. 5, 25, 26, 73, 85, 137, 156, 175, 197, 204, 214, 215, 218, 225, 226, 229, 230, 271, 393–395, 411, 415, 460
 Куломзин А. Н. 144, 146, 257, 259, 264, 265, 393, 398
 Кульчицкий Н. К. 398, 403
 Куманин Л. К. 41, 61, 63, 67, 161, 186–190, 192, 214, 230, 366, 387, 388
 Куракин А. А. 265, 415, 450
 Курлов П. Г. 48, 85, 210, 368
 Кушнырь-Кушнарев Г. Г. 226, 227
Лавринович Д. С. 36
 Лазоверт С. С. 131
Лакер У. 34
Латин В. В. 41, 225
Латин Н. 420
 Лауниц К., фон-дер 220
 Лашкевич В. В. 343, 388
 Левашев П. Н. 308
 Левашев С. В. 63, 102, 108, 119, 136, 162, 163, 165, 198, 202, 212, 214, 224, 239, 272, 307, 308, 311, 312, 314–316, 325, 327, 346, 365, 366, 385, 387–390, 398, 399, 402, 419, 428, 430, 456
Левцкий В. О. 7
Левченко А. 456
Левченко В. 465
 Левшин Д. Д. 99, 100, 294
 Леляевский Б. Н. 11, 125, 451, 452
 Лемке М. 48, 137
 Ленин В. И. 7, 12, 44, 124, 338
 Лентовский В. И. 363, 388, 463
 Леонид (Скобеев), «архиеп.» 463
Лисовой Н. Н. 46, 93
Лихоманов А. В. 47
 Лобанов-Ростовский А. Н. 72, 73, 99, 100, 141, 177–180, 241, 318, 415, 450
Лодыгин А. 7
 Ломакин И. М. 460
 Ломоносов Ю. В. 131
 Лопухин В. Б. 85, 86, 398
Лопухова А. В. 22, 168, 169
Лор Э. 35, 232
 Лотоцкий А. А. 361
 Лукин В. В. 367
Лукоянов И. В. 48
Лукьянов М. Н. 217
Лыкосов М. В. 21, 297
 Лысогорский В. В. 96
 Львов В. Н. 459
 Львов Г. Е. 198, 275
 Любимов Н. М. 48, 134
Любош С. Б. 31, 65, 132, 137, 332
Макаров А. А. 38, 50, 71, 233, 261, 309, 314, 396, 418, 434, 456
Макдональд Д. 84, 85
 Маклаков В. А. 45, 46, 64, 65, 89, 129, 130, 139, 275, 330, 356, 369, 383, 384
 Маклаков Н. А. 9, 13, 31, 32, 37, 38, 48, 50, 98, 107, 116, 146, 163, 177, 204–208, 211, 212, 235, 262, 275, 283, 285, 299, 300, 309, 311, 312, 315, 316, 319, 342, 355, 367–376, 379, 380, 392, 393, 396, 398, 402–404, 407, 408, 411, 412, 415, 424, 427–429, 434, 454, 455
Мальцева И. В. 24, 159
 Мальцов Н. С. 348
 Мамантов В. И. 45, 46, 429, 430
 Манасевич-Мануйлов И. Ф. 393
 Маннергейм К. Г. 447
 Мансырев С. П. 46, 65, 66, 92, 243
 Манухин И. И. 455

- Манухин С. С. 394
Маньков С. А. 80
 Маргулис М. С. 129, 134, 135
 Мария Федоровна, имп. 145
 Марков Н. Е. 9, 20, 31, 32, 38, 39, 43–45, 49, 55, 57, 58, 60, 62–64, 66, 67, 74, 77, 78, 84, 89, 91, 92, 94, 103–106, 115, 117–119, 121, 123, 126, 127, 146–148, 159, 160, 162, 163, 167, 169, 170, 176, 186–192, 196, 198–200, 202, 203, 210–213, 218, 222, 224–227, 230, 237, 238, 240, 242, 250, 251, 253–255, 258, 263, 266, 272, 273, 277, 279–282, 285–289, 305, 306, 309–312, 316, 317, 323–327, 331, 339, 342–346, 348, 351–367, 370, 376, 381, 385–388, 390, 391, 393, 401–404, 407, 408, 427, 428, 430, 431, 433–435, 440–449, 452, 455, 460
 Мейштович А. Э. 95
 Меллер-Закомельский В. В. 425–427
Мельгунов С. П. 322
 Мельников В. И. 363, 434
 Менделеев П. П. 52, 75, 96, 140, 154, 182, 321, 322, 351, 352, 370, 416, 417, 459
 Меньшиков М. О. 92, 237, 331
 Месснер Е. Э. 414
 Мешковский А. Д. 49, 63, 308, 366, 367, 434, 460
 Миклашевский М. И. 181
 Милоков П. Н. 44, 46, 52, 65, 89, 91–94, 98, 99, 108, 119, 160, 166, 176, 196, 200, 204, 220, 221, 243, 247, 281, 321–325, 329, 331–333, 344, 346, 349, 355, 378–380, 382, 403, 433
 Милоков С. П. 94
Минаков А. Ю. 6
Мираков М. В. 28, 61, 63
 Михаил Александрович, вел. кн. 132, 337, 386, 432, 453, 459
Михайлова Е. М. 5, 6
Мичурин А. Н. 7, 8, 23, 24, 76, 151, 157–159, 166, 172, 174–176, 183, 184, 262, 265, 324, 330, 376–378, 394, 395, 397, 427
 Мищенко П. И. 130
 Монтень М. 88
 Мосеев М. А. 363
 Москалюк П. А. 360
Москвин С. 134
 Мосолов А. А. 47, 421
 Мосолов А. И. 71, 72, 102, 157, 181–183, 293–296, 318, 439, 450
 Мосолова Е. И. 416
 Моговилов А. Н. 168
 Муранов М. К. 122
 Муратов Н. П. 95, 189, 225, 230, 376, 396, 399
 Муретов А. Д. 44, 197, 198
Надеждин А. П. 171
 Нандельштедт Ф. Ф. 435
 Нарышкин А. А. 32, 48, 68, 71, 72, 99, 141, 148, 181, 182, 193, 318
 Наумов А. Н. 45, 46, 64, 70–73, 96, 99, 149, 171–174, 181–183, 220, 225, 228, 231, 257, 301, 420, 421, 423,
Наумов С. В. 5, 445
 Нейдгарт А. Б. 95, 171, 172, 191, 192
 Некрасов Н. В. 421
 Нечаев-Мальцов Н. С. 96
Николаев А. Б. 5, 15, 20, 27, 28, 31, 32, 34, 52, 62, 186, 266, 325, 328, 338, 344, 359–363, 366, 367, 384, 403, 423, 430, 432, 439, 440, 452, 455, 458, 461, 463–465
 Николай (Зиоров), архиеп. 71
 Николай Николаевич, вел. кн. 300, 444
 Николай I, имп. 158
 Николай II, имп. 8–10, 19, 31, 41, 45, 47, 48, 59, 90, 131, 142, 158, 183, 204, 208, 214, 215, 218, 224, 227, 229, 283, 292, 309, 323, 351, 352, 355, 367, 368, 379, 384, 391–393, 395, 398, 404, 410, 412, 414, 420–423, 431, 432, 435, 436, 441, 447, 453
 Никольский Б. В. 306
 Никон (Бессонов), еп. 63, 187, 236, 237, 457
 Никон (Рождественский), архиеп. 43, 71, 101–104, 107, 271, 311, 453
 Никонович Ф. И. 44
 Ницше Ф. 103

- Новиков М. М. 47, 65
Новикова Е. Э. 14, 15, 37, 68, 141, 159, 167, 168, 171, 174, 259, 260, 264
 Новицкий П. И. 126, 211, 279, 310, 317, 327, 367, 379, 382, 434
 Новосильцев Л. Н. 133
 Носович В. П. 331
- Облеухов Н. Д.** 363, 364
 Облеухова С. Л. 139
 Оболенский А. Д. 221, 394
 Образцов В. А. 148
 Озеров И. Х. 47, 53, 368, 410
 Ознобишин А. А. 46, 128, 213, 230
 Околович К. М. 63, 234, 293, 363, 452
 Ольга Николаевна, вел. кнж. 140
Ольденбург С. С. 9, 10, 59, 323, 351, 367, 431
 Ольденбургский А. П. 133
Омельячук И. В. 5, 18, 19, 62, 63
 Орлов В. Г. 306
 Орфенов М. 340
Оскольский Н. 195
Острецов В. М. 17
 Офросимов Я. Н. 171, 172, 175
 Охотников В. Н. 252, 265, 270, 271, 292, 297, 450
- Павел Александрович, вел. кн.** 441
 Павлов Н. А. 403
Павлович М. П. 40, 45, 81, 84, 88, 89
 Пален К. И. 68
 Палеолог М. 48, 117, 415
 Пасманик Д. С. 288, 337, 340
 Пастернак Б. Л. 337
 Пасхалов К. Н. 40, 44, 57, 206, 308, 315, 355, 359, 393, 399, 428
Пашков Е. В. 294–296
Перегудова З. И. 41
Пестржецкий Д. А. 450
 Петерс Я. Х. 438
 Петр I, имп. 64
 Петр III, имп. 248
 Петровский Г. И. 122
 Петровский Петрово-Соловово М. М. 109
 Пилар-фон-Пильхау А. А. 95
 Питирим (Окнов), митр. 208
- Платонов С. Ф. 53, 131
 Плеве В. К. 369
 Плеве Н. В. 284, 396, 459, 460
 Плеханова Р. 436
 Победоносцев К. П. 72
Покровский М. Н. 9, 41, 108, 120
 Покровский Н. Н. 85
 Покровский П. А. 168
 Поливанов А. А. 45, 46, 72, 144–146, 161, 209, 262, 368
 Поливанов А. В. 332
 Поливанов В. Н. 332
Поливанов О. А. 27, 62
Поликарпов В. В. 281, 282
 Половцов А. А. 68
 Полубояринова Е. А. 143, 376
 Попов Н. П. см. Плеве Н. В.
 Попов С. А. 240, 267, 361, 364, 432
 Попов Т. Д. 63, 463, 464
 Потен 355
 Потехин С. 294
 Пришвин М. М. 337
Прокopenко З. Т. 451
 Протопопов А. Д. 207, 209–213, 227, 320, 324, 329, 332, 343, 354, 379, 389, 393, 398, 408, 412, 414, 421–424, 426, 429
 Пулин И. Е. 360, 434, 461
 Пуришкевич В. М. 9, 26, 31, 43–46, 48, 50, 51, 57, 62–67, 74–77, 79, 92–94, 109, 111–117, 123, 126–139, 160, 187, 188, 190, 200, 201, 203–205, 212, 224, 227, 228, 238, 240, 245–247, 277, 280, 281, 287, 297, 303, 305–310, 312–314, 320, 325–352, 354–356, 359–364, 366, 378, 379, 381–385, 401, 408, 415, 432, 435–440
 Пуришкевич Л. В. 303
 Пуришкевич М. М. 132
 Пурталес Ф. 90
Пученков А. С. 5
 Пушкин А. С. 302
- Радкевич А. А.** 307, 360, 364, 433, 456
 Радко-Дмитриев Р. Д. 126
Размолодин М. Л. 19, 20, 290, 432

- Распутин Г. Е. 45, 46, 65, 66, 131, 212, 214, 215, 218, 228, 229, 327, 329–331, 335, 340, 341, 352, 381–385, 393, 422, 424, 435
- Раупах Р. Р. 80, 85, 242, 424
- Редигер А. Ф. 45, 46, 80, 415, 453
- Рейн Г. Е. 45, 61, 323
- Репников А. В.* 5, 6, 21, 48, 126, 254, 255, 269
- Римский-Корсаков А. А. 20, 32, 40, 108, 210, 308–312, 316, 318, 378, 379, 382, 393, 402–404, 408–412, 428, 442, 446
- Робеспьер М. 356
- Рогович А. П. 71, 193, 220, 450
- Розозный П. Г.* 237, 457, 459
- Родзевич Н. Н. 57, 148, 354, 399
- Родзянко А. Н. 427
- Родзянко А. П. 442
- Родзянко Г. М. 353
- Родзянко М. В. 46, 119, 147, 177, 184, 198, 206, 224, 245, 282, 285, 286, 333, 335, 352–355, 357–359, 364, 366, 381, 387, 390, 416, 417, 421–423, 433, 434, 459
- Родичев Ф. И. 221, 351, 354, 369, 441
- Рожков В.* 465
- Розанов В. В. 104
- Розенталь И. С.* 31, 136
- Ромов Р. Б.* 29, 30, 76, 78, 304, 307, 319, 443, 445
- Рудич К. Н. 168
- Рузский Н. В. 422
- Рутенберг П. М. 339
- Рухлов С. В. 225, 393
- Рыков А. И. 462
- Рыслев А. И. 430
- Рябушинский П. П. 158, 271, 272, 312
- Саблер В. К. 146, 187, 237, 297
- Савенко А. И. 121, 168–170, 192, 193, 343, 369, 420
- Савич Н. В. 46, 215, 216, 272, 288, 321, 328, 334, 357, 381, 416, 420–422, 429, 448
- Сазонов С. Д. 47, 69, 78, 90, 114, 120, 185, 204, 208, 299, 334,
- Салтанов Н. М.* 32, 62
- Самарин А. Д. 48, 68, 140, 208, 209, 221, 453, 454,
- Самарин Ю. Ф. 363
- Самойлов Ф. Н. 122
- Самчук В. И. 360
- Санькова С. М.* 5, 19, 21, 168, 170
- Сафонов П. А. 168, 169
- Свитич А. К.* 452
- Святополк-Мирский П. Д. 369
- Семенников В. П.* 8, 41, 227, 273
- Семиградов Д. Н. 72, 456, 457
- Серафим (Чичагов), архиеп. 140, 399, 459
- Сербова Е. В. 136
- Сергий (Страгородский), патр. 459, 464
- Серегин А. В.* 400
- Симанский В. А. 220
- Синицын А. М. 136, 361, 363
- Скворцов Я. Д. 349
- Скобелев М. И. 285
- Скоропадский Г. В. 243
- Скоропадский П. П. 438, 440, 451
- Скубачевский П. Н. 287
- Слесарев Ю. В.* 6
- Слонимский А. Г.* 11, 203, 323, 352, 354, 381
- Смирнов А. Ф.* 91, 92, 363,
- Смолин А. В.* 442, 447
- Смолин М. Б.* 32, 442
- Снежков В. Н. 159, 162–164, 175, 239, 258, 310, 317, 363
- Соболев И. Г.* 25, 26, 114, 232, 233, 235, 242–246
- Соболевский А. И. 171, 307, 315, 340, 369, 386, 396, 397
- Соколов В. П. 403
- Соколов Н. П.* 45
- Солженицын А. И. 85
- Соловьев А. Т. 307
- Соловьев К. А.* 26, 48, 187, 188
- Соловьев Ю. Б.* 12, 190
- Соловьева Т.* 457
- Спасская И. В. 466
- Спасский Б. В. 466
- Спасский В. А. 307, 363
- Спасский В. В. 466

- Спиридович А. И. 48, 228, 344, 321, 379, 389, 397, 413, 414
Спирин Л. М. 12, 60, 349
 Сталин И. В. 462
 Станиславский А. М. 125, 243, 287, 363, 465
 Стародумов Н. Н. 125
 Стародумов Н. П. 125, 362, 462, 463
Старцев В. И. 12, 24, 28, 37, 41, 196, 211, 212, 325, 359, 369, 382, 399
 Стахович М. А. 117, 415
 Стемповский В. И. 355, 421
Степанов А. Д. 17, 32–34, 114, 174, 238, 311, 312, 316, 402, 446–448, 450, 452, 454, 462, 465
Степанов С. А. 4, 11, 16, 18, 31, 34, 55, 127, 139, 236, 278, 326, 439, 441
Степанский А. Д. 45
 Стишинский А. С. 35, 48, 71–73, 151, 182, 242, 245, 246, 261, 301, 309, 376, 396, 398, 415, 418, 419, 450
Стогов Д. И. 19, 20, 32, 42, 44, 111, 140, 220, 309, 311, 355, 403, 408, 440, 453
 Столыпин П. А. 12, 27, 69, 170, 171, 206, 214, 215, 218, 369
 Стоянов Д. Г. 362
Стрелков А. Т. 58, 62
 Струве П. Б. 223
 Струков А. П. 48, 68, 71, 164, 180, 182–185, 193, 197, 233, 317, 318, 418, 419, 450
 Струков К. М. 63, 125, 239, 367
 Суворин М. А. 221, 224
 Сувчинский К. Е. 168
 Суханов А. С. 328, 356
 Суханов Н. Н. 437
 Сухомлинов В. А. 146, 204
 Сырнев С. В. 143, 190
 Таганцев Н. С. 43, 47, 394–396
 Тальберг Н. Д. 44, 80, 209, 220, 228, 276, 367, 374, 455
 Тарасов К. А. 208, 219, 228, 239, 240, 243, 289, 305, 360–362, 387, 456
Тарасов О. А. 17, 234
 Тарасов-Родионов И. А. 438
Тарле Е. В. 31, 86–88, 90
Тарнакин В. 457
 Татиана Николаевна, вел. кнж. 125
 Татищев А. А. 416
 Таубе М. А. 82, 107, 248, 300, 396
 Тевкелев К. Б. 304
 Терещенко М. И. 271, 433
Терецук А. В. 414
 Тиханович-Савицкий Н. Н. 44, 55, 57, 61, 175, 308, 312, 375, 408, 424, 427
 Тихменев Н. П. 213, 308
 Тихомиров Л. А. 408, 126, 153, 195, 269–271, 349, 370, 379
 Тихон (Белавин), патр. 85, 462–465
Тоболин И. 40, 108, 314, 407
 Толмачев И. Н. 348
Толстая Л. И. 140
 Толстой Д. А. 369
 Толстой И. И. 140, 264
 Толь С. А. 102
 Трепов А. Ф. 13, 41, 48, 151, 212, 225, 328, 332–334, 351, 352, 364, 370, 391–393, 398, 412, 413, 417–424, 428, 429, 441, 446–448
 Трепов В. Ф. 420
 Трепов Д. Ф. 420
 Трепов Ф. Ф. 245, 246
 Троцкий Л. Д. 44, 67, 220
 Трубецкая М. Ю. *см.* Бобринская М. Ю.
 Трубецкой Е. Н. 275, 330
 Трубецкой С. Е. 284
 Труфанов С. М. 229
 Тывончук М. П. 362, 367
 Тятинин В. М. 367
 Унтербергер П. Ф. 260
Урибес-Санчес Э. 25
 Урусов В. М. 172, 174
 Урусов Н. П. 317
 Урусов С. Д. 69
 Урусов С. П. 370
Фельштинский Ю. Г. 456
 Филоненко Ф. Д. 361
 Флейшгауэр У. 445
Флоринский М. Ф. 13, 145, 224, 225, 392, 398, 416, 417
Фоменков А. А. 6, 217

- Фомин С. В. 10, 44, 80, 215, 276, 413, 441, 455, 456
- Фридман Н. М. 339
- Харитов В. И. 360
- Харитонов П. А. 208, 298, 299
- Хвостов А. А. 214, 218
- Хвостов А. Н. 13, 26, 31, 32, 35, 39, 48, 63, 84, 98, 123, 152, 153, 160, 167, 188–190, 206, 207, 212–231, 235, 239, 241–245, 279, 283, 309–311, 342, 359, 361, 368, 434, 455
- Хвостов Н. А. 214
- Хомяков А. С. 363
- Хор С. 48, 341
- Хорти М. 448
- Царевский С. Н.* 217
- Цыганов Г. П. 367
- Чаплинский Г. Г.** 396
- Чеботарев С. С. 157
- Чебышев Н. А. 396
- Челноков М. В. 65, 209, 250, 312
- Черемисский И. А.* 6
- Черменский Е. Д.* 10–12, 37
- Черновский А.* 39
- Чернявский Г. И.* 456
- Черняков Л. Н. см. Марков Н. Е.
- Черчилль У. 431
- Чихачев Д. Н. 168, 188, 268
- Чуваков В. Н.* 450
- Чхартишвили П. Ш.* 16, 288, 432, 434
- Чхеидзе Н. С. 328, 356
- Чхенкели А. И. 285
- Шавельский Г. И.** 131, 416
- Шагов Н. Р. 122
- Шайдеман С. М. 130
- Шарапов С. Ф. 255
- Шатилов Н. П. 141
- Шевцов А. В.* 89
- Шевцов О. А.* 414
- Шевырин В. М.* 15, 275, 276
- Шелохаев В. В.* 33
- Шереметев П. С. 157
- Шереметев С. Д. 52, 72, 96, 98, 99, 140, 144, 145, 147, 157, 158, 172, 185, 193, 208, 209, 324, 348, 350, 392, 394, 415, 453
- Шетохин Н. И. 307, 367, 456
- Шечков Г. А. 32, 43, 58, 78, 125, 148, 188, 197, 239, 250, 251, 305, 307, 308, 311, 317, 324, 360, 366, 367, 387, 408, 440
- Шидловский С. И. 46, 324, 357, 387
- Шилов Д. Н.* 102, 392, 447, 448, 450, 454, 458
- Шингарев А. И. 53, 163, 203, 332, 343, 344, 420, 429
- Шилов Я.* 43, 271
- Ширинский-Шихматов А. А. 32, 48, 72, 73, 125, 140, 276, 309, 365, 370, 391, 393, 396, 400, 403, 428, 429, 442, 446, 447
- Штакельберг Р. А., фон 204, 419–422
- Штейнберг И. З. 438
- Штюрмер Б. В. 41, 207, 212, 230, 245, 270, 309, 320, 324, 325, 328, 329, 333, 334, 336, 391, 393, 394, 403, 420, 421, 434
- Шубина А. Н.* 233, 235, 244
- Шубинский Н. П. 160
- Шульгин В. В. 44, 46, 93, 127, 131, 155, 168, 170, 192, 267, 274, 285, 322, 323, 343, 357, 382, 388, 420
- Шумихин С. В.* 48
- Шумков А. А.* 466
- Щегловитов И. Г.** 32, 38, 40, 48, 49, 52, 65, 71, 74, 80, 97, 107, 116, 145, 146, 166, 167, 170, 172, 185, 186, 192, 207, 257–263, 299, 300, 302, 311–315, 319, 370, 373, 391–400, 402, 408, 410, 411, 415, 418, 419, 424–428, 434, 442, 454, 455, 473
- Щегловитов К. И. 442
- Щеголев П. Е.* 38
- Щербатов Н. Б. 208, 212, 221, 223, 243, 276, 342
- Щетинина Г. И.* 47
- Энгельгардт Б. А. 52, 63, 79, 203, 342, 343, 364, 433, 435, 449
- Энгельгардт Н. А. 48, 131, 435
- Эрдели Я. Е. 158
- Эристов А. М. 171

- Ю**денич Н. Н. 446
Юзвюк В. П. 243, 363, 452
Юрский Г. см. Замысловский Г. Г.
Юртаева Е. А. 24
Юскевич-Красковский Г. А. 308
Юсупов Ф. Ф. 46, 330, 382, 383
Юсупова З. Н. 353
Ющинский А. 137
- Я**кобий И. П. 10, 352, 355, 367, 441
Яковенко И. 89
Яковлев 139
Яковлев Н. Н. 273, 278
Якубзон см. Якубсон В. Р.
Якубович В. А. 308, 363,
Якубсон В. Р. 431
- Якунчиков Б. М. 396
Ярмолович П. А. 125, 239, 277, 362, 458
Яхонтов А. Н. 423
- Edelman R.* 35
Healy A. E. 35
Ноаре S. см. Хор С.
Hosking G. A. 35
Korros A. S. 35
Laqueur W. см. Лакер У.
Lohr E. см. Лор Э.
Rewson D. C. 34
Rogger H. 34
Spector S. D. 34

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Проблемы историографии и источниковедения	6
Глава II. Правые и «священное единение» (1914 — начало 1915 г.)	54
§ 1. Правые объединения Государственной думы и Государственного совета накануне Первой мировой войны	54
§ 2. Правый спектр Государственной думы и Государственного совета в начальный период войны (1914 — первая половина 1915 г.)	90
§ 3. Работа правых парламентариев в помощь фронту и тылу	124
Глава III. Возобновление политической борьбы (август 1915 — ноябрь 1916 г.)	142
§ 1. Правые и Прогрессивный блок	142
§ 2. Правые и правительство: специфика взаимоотношений	202
§ 3. Внутриполитическая программа правых	231
§ 4. Правые объединения Государственной думы и Государственного совета и монархическое движение: интеграция и взаимодействие	304
Глава IV. Кризис и крах правых (ноябрь 1916 — февраль 1917 г.)	320
§ 1. «Штурм власти» либералами и реакция правых	320
§ 2. Раскол думской фракции правых	359
§ 3. Выступление Н. А. Маклакова и его значение	367
§ 4. Правые накануне революции (декабрь 1916 — февраль 1917 г.)	381
§ 5. Судьбы членов фракции правых Государственной думы и правой группы Государственного совета после 1917 г.	432
Заключение	467
Источники и литература	475
Указатель имен	507

Научное издание

Иванов Андрей Александрович

**ПРАВЫЕ В РУССКОМ ПАРЛАМЕНТЕ:
ОТ КРИЗИСА К КРАХУ
(1914–1917)**

Научное издательство «Альянс-Архео»

Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*

Корректоры *П. А. Енбаев, А. С. Меньшов*

Художественное оформление обложки *А. А. Шевченко*

Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

Подписано в печать 16.01.2013. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. изд. л. 32. Усл. печ. л. 32,5.

Тираж 300 экз. Заказ №

ООО «Альянс-Архео»

105043, Москва, ул. Первомайская, д. 40/19, оф. 38

тел./факс:

— в Москве (499) 165-31-87

— в Санкт-Петербурге (812) 517-77-31

E-mail: aarheo@mail.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Контраст».

192007, Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны, д. 38, лит. А

КНИГИ, ВЫПУЩЕННЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «АЛЬЯНС-АРХЕО» В 2012 ГОДУ

Проблемы российской историографии середины XIX — начала XXI в.: Сборник трудов молодых ученых / Отв. ред. А. С. Усачев; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Фак-т истории, политологии и права, Каф. истории и теории ист. науки. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2012. — 360 с.

Устинова И. А. Русское государство и православная церковь в X — начале XX в. Учебное пособие. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. — 216 с.

Очерки феодальной России. Вып. 15 / Ред. С. Н. Кистерев. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2012. — 440 с., пер.

Летописи и хроники. Новые исследования. 2011–2012 / Ред. О. Л. Новикова. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2012. — 496 с., ил., пер.

Сапожников А. И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2012. — 848 с., карты.

Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время. Материалы международного научно-образовательного семинара, 9–10 ноября 2012 г. Вып. 2 / Сост., ред. Ю. В. Степанова; науч. ред. Н. В. Жилина. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2012. — 176 с., ил., цветная вклейка.

Синодики Никольского Староладожского монастыря конца XVI — XIX века / Подгот. текстов и исслед. Н. В. Башнина. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2012. — 288 с., ил.

Голикова Н. Б. Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI — первой четверти XVIII в. Из научного наследия / Сост. Н. В. Козлова, В. Н. Захаров, И. Е. Тришкан. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2012. — 336 с.

И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2012. Вып. 3. — 672 с.

Из истории «Земли и Воли» и «Народной воли». Споры о тактике. Сборник документов / Отв. ред. В. Н. Гинев. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2012. — 752 с.

LITTERARUM FRUCTUS: Сборник статей к 60-летию С. И. Николаева / Под редакцией Н. Ю. Алексеевой и Н. Д. Кочетковой. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2012. — 344 с., пер.

Иванов Андрей Александрович
(род. в 1978 г.) –

доктор исторических наук,
доцент кафедры русской истории
РГПУ им. А. И. Герцена.

Основные направления научных исследований: политическая история России, история русского консерватизма, политических партий и монархического движения в России и русской эмиграции начала XX века.

Автор монографий

«Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917)» (СПб., 2006),

«Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920)» (М.; СПб., 2011), а также более 200 научных, научно-популярных и энциклопедических статей.